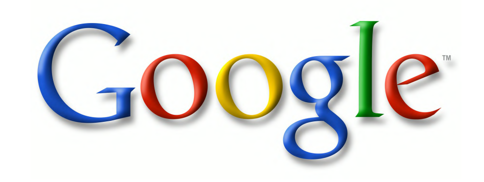

B 1,100,063

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1876

№ 7 ІЮЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).
1876.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЗЕМСТВА.

1864—1875.

X.

Перекочевывая съ своимъ странническимъ посохомъ, въ качествѣ земскаго пилигрима, изъ одного конца русской земли въ другой, присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что въ ней достойно вниманія, мы съ особеннымъ интересомъ остановились на рязанской землѣ—на исторической могилѣ нѣкогда славнаго Рязанскаго Княжества, на могилѣ злополучнаго князя Олега рязанскаго, непонявшаго когда-то, что подъ бокомъ у его рязанскаго царства народилось и выростало изъ пелёнокъ гигантъ-царство, царство московское, для котораго впослѣдствіи все царство рязанское, боровшееся съ этимъ младенцемъ-гигантомъ, должно было составить ни болѣе, ни менѣе, какъ мелкую губернскую и земскую дробь великой русской гусударственной единицы. Современная жизнь бывшаго рязанскаго царства представляетъ много поучительнаго, а одна сторона этой жизни — земская — даетъ немало матеріаловъ для капитальныхъ выводовъ и историка, и экономиста. Рязанское земство—одно изъ особенно выдающихся, но выдающихся не тою странною эксцентричностью залежавшагося провинціала, не тою боярскою спѣсью, граничащею съ недалекостью, какою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выдается смоленское земство, но тою самобытностью отношенія къ дѣлу, тою зоркостью общественнаго глаза и тѣмъ политическимъ тактомъ, котораго, можетъ быть, не доставало у злополучнаго Олега рязанскаго. Въ лицѣ такихъ замѣтныхъ земскихъ дѣятелей, какъ А. И. Кошелевъ, князь С. В. Волконскій, Д. Д. Дашковъ и другіе, неименуемые нами, рязанское земство имѣло бы болѣе права назвать себя «солью» русскаго земства, чѣмъ смоленское—провозгласить себя интеллигентною и политическою «солью» всей русской земли; но оно этого не

дѣлаетъ. Переработавъ, въ теченіи десяти послѣднихъ лѣтъ, очень немало, оставивъ довольно глубокіе слѣды своей дѣятельности и на рязанской общественной, такъ сказать, нивѣ, почва которой замѣтно удобряется, и въ печати, которой рязанское земство подарило немало цѣнныхъ изданій — это земство, въ концѣ десятилѣтія, оглядывается назадъ на всю имъ пройденную въ эти десять земскихъ лѣтъ историческую стадію. Оглядыванье назадъ, это—хорошій признакъ, это—признакъ критики, потребность исторической отчетности передъ самимъ собой, потребность подведенія историческаго итога. Мы не говоримъ о томъ оглядываньи назадъ, съ цѣлью не поворотиться вновь лицомъ и волею впередъ, о томъ оглядываньи косности, которое жену Лотову превратило въ соляной столбъ: это—оглядыванье безсилія, старчества, которое чувствуетъ, что нѣтъ ему мѣста въ новомъ строѣ жизни. Нѣтъ, есть оглядыванье другого рода, которое не исключаетъ стремленія впередъ, жажды жизни и работы впереди, и критики того, что̀ назади, что̀ сдѣлано и чего не сдѣлано. Это послѣднее оглядыванье не превращаетъ въ соляной столбъ, а, напротивъ, даетъ новыя силы — и это-то оглядыванье позволило себѣ теперь рязанское земство. Въ весьма почтенной, по объему и содержанію, кучѣ изданій этого земства, которую мы перерыли съ настойчивостью рудокопа, мы выбрали именно то, въ чемъ обнаруживается оглядыванье рязанскаго земства на свое недалекое, но уже ставшее историческимъ прошлое. Это — составленный кн. Волконскимъ, въ формѣ доклада земскому собранію, «Обзоръ земской дѣятельности Рязанской Губерніи за девятилѣтіе съ 1866 по 1875 годъ». Небольшая, но капитальная, по собраннымъ и умѣло освѣщеннымъ въ ней богатымъ даннымъ, книга кн. Волконскаго невольно подкупаетъ васъ тою симпатичностью, тою теплотою и искреннею любовью къ дѣлу, которыя заставляютъ вѣрить, что земство имѣетъ хорошую будущность, что, если кругомъ насъ, а особенно тамъ, куда воронъ еще не заносилъ и костей цивилизаціи, слишкомъ много тьмы непроглядной, то есть уже тамъ и свѣтлыя точки, которыя побѣждаютъ это море мрака, по писанію: «свѣтъ свѣтится во тьмѣ, и тьма его не объятъ». И опять, при чтеніи этой книги, у насъ изъ головы не выходилъ неотвязчивый стихъ Некрасова съ такимъ же оглядываньемъ назадъ, съ требованіемъ отчета въ прожитомъ и подведенья итоговъ этому прожитому...

Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ... О, юноши! грозитъ

Она и вамъ; судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ,
И мстящаго, зовущаго на судъ,
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости—неумолимый богъ...
Отъ юности готовьте вашъ итогъ!

Но для земства еще не наступила старость. Зима не убѣлила еще земскія кудри. Оно отъ юности начинаетъ готовить свой итогъ: это—опять признакъ хорошій.

«Земскія учрежденія Рязанской Губерніи вступаютъ въ четвертое трехлѣтіе своего существованія. Девять лѣтъ ими уже прожиты. Мало это, или много?

«Если для полезной, энергической дѣятельности человѣка равно необходимы и бодрость ума, и бодрость физическихъ силъ, и если допустить, что, за немногими исключеніями, большинство людей сохраняетъ эту бодрость до шестидесятилѣтняго возраста, то окажется, что въ теченіи прожитаго девятилѣтія современное намъ поколѣніе, имѣвшее право голоса въ земскихъ учрежденіяхъ Рязанской Губерніи въ годъ ихъ открытія, принесло уже на службу земству четвертую часть всѣхъ своихъ земскихъ способностей. Такой періодъ времени стòитъ того, чтобы оглянуться назадъ и посмотрѣть, что мы сдѣлали для самихъ себя.

«Съ экономической точки зрѣнія, прожитое девятилѣтіе тоже заслуживаетъ вниманія. Въ теченіи этого времени мы израсходовали земскихъ денегъ 8,251,890 руб.

«Конечно, небезъинтересно вспомнить, куда и кàкъ мы ихъ израсходовали.

«Кромѣ того, изъ числа 85-ти гласныхъ первоначальнаго состава губернскаго собранія (1865 г.) осталось въ составѣ нынѣшняго 18-ть; остальные всѣ новые. Чтобы ознакомиться съ прошлою дѣятельностью земскихъ учрежденій, имъ нужно бы прочесть десять томовъ журналовъ губернскаго земскаго собранія и нѣсколько десятковъ томовъ уѣздныхъ. Разобраться въ этой массѣ матеріала нелегко, а между тѣмъ, для стройнаго и правильнаго хода земскаго дѣла необходима послѣдовательная связь между его прошлымъ и его будущимъ. И съ этой точки зрѣнія весьма важно время отъ времени заглядывать въ прошлое».

Такъ начинаетъ кн. Волконскій свою земскую исповѣдь, чувствуя, что «мстящій», «неумолимый богъ»—время, этотъ жестокій классическій Кроносъ, поѣдающій своихъ дѣтей, потребуетъ къ отчету своихъ дѣтей, дѣятелей времени, и съѣстъ ихъ, од-

нихъ только съ честію, другихъ — съ безчестіемъ, однихъ—на вѣчную славную память, другихъ — на вѣчный позоръ, на вѣчное безславіе, хорошо, если только на вѣчное забвеніе. Надо отдать честь кн. Волконскому: онъ далекъ нетолько отъ самовосхваленія или отъ канцелярскаго «благополучнаго всеобстоянія», но и отъ весьма простительнаго самоизвиненія; подчасъ онъ даже жо̀стокъ, но жо̀стокъ, какъ человѣкъ, у котораго сердце надрывается при взглядѣ на любимое дѣтище, для котораго безсильныя руки отца не съумѣли заработать куска хлѣба. Въ его выводахъ изъ всей девятилѣтней земской работы слышится что̀-то горько-безнадежное, отчаянное, еслибъ самое отчаяніе это не звучало силой, хотя захирѣлой, крикомъ, требующимъ жизни. Онъ говоритъ, что прожитыя земствомъ девять лѣтъ уже оставили настоящему поколѣнію свое наслѣдство; но какое это наслѣдство! Это—тѣ историческіе обноски, тѣ жалкія тряпки, которыя послѣ покойниковъ отдаютъ нищимъ. Вотъ все, что̀ изъ этого наслѣдства современное поколѣніе должно принять «по описи», чтобъ потомъ, «по описи» же, сдать своимъ дѣтямъ:

«Для внутренняго сообщенія (говоритъ кн. Волконскій) намъ достаются плохія дороги съ плохими наполовину мостами и съ гатями, невсегда и невездѣ проѣздными.

«Для обезпеченія продовольствія—истощенныя поля и пустые запасные магазины.

«Для охраненія здоровья—чистый воздухъ, и то для бо̀льшей части населенія внѣ дома, а для заболѣвающихъ — три сельскія и двѣнадцать городскихъ больницъ, изъ которыхъ при трехъ по одному только врачу одновременно на больницу и на весь уѣздъ.

«Для призрѣнія неимущихъ—двѣ богадѣльни на 60 мужчинъ и 50 женщинъ на всю губернію.

«Для обезпеченія отъ пожаровъ—застроенные проулки въ селеніяхъ и соломенныя крыши на деревянныхъ постройкахъ и

«Для приведенія всего этого въ порядокъ—огромныя недоимки въ земскихъ сборахъ и менѣе 400 начальныхъ школъ на полуторамилліонное населеніе.

«Но подождемъ обвинять земскихъ дѣятелей перваго девятилѣтія»...

Эта-то честная деликатность въ снисходительной оцѣнкѣ работы прежнихъ дѣятелей, неуспѣвшихъ и неимѣвшихъ силы превратить историческіе обноски стараго времени въ цѣнную одежду, и составляетъ достоинство труда одного изъ лучшихъ, повидимому, работниковъ рязанскаго земства. Кн. Волконскій слѣдитъ шагъ за шагомъ за коллективною работою своего зем-

ства въ первый, такъ сказать, юношескій періодъ земской жизни, начиная отъ самой первой сессіи земства и кончая послѣднею. Въ заслугу первой сессіи онъ ставитъ выработку формальной организаціи внутренняго строя, которому должна была подчиниться вся послѣдующая земская работа: это—тотъ строй, «при которомъ (говоритъ онъ) ни одна дѣльная мысль гласнаго не пропадаетъ безслѣдно, ни одна баллотировка не остается неогражденной отъ случайности внѣшнихъ давленій». Исполненіе того, что̀ выработала первая сессія, «обращается уже въ привычку—обстоятельство, достойное вниманія въ средѣ общества, нисколько непріученнаго прошлою замкнутостью жизни къ публичной дѣятельности». Дѣйствительно, лучшая сторона проявленія дѣятельности рязанскаго земства—та, что оно не закутываетъ ни своихъ дѣлъ, ни своихъ словъ въ туманъ канцелярской тайны: все, и хорошее, и дурное, умную мысль, честное слово одного и нечистое поползновеніе другого дѣятеля земство это отдаетъ на судъ общественнаго мнѣнія, не боясь бросить все это и на острый зубокъ широкой гласности. Протоколы засѣданій земства, передавая въ точности весь процессъ преній и выработку тѣхъ или другихъ рѣшеній, составляютъ богатый матеріалъ для будущей исторіи органическаго роста и политическаго развитія русскаго общества. Жаль только, что въ декабрскую сессію прошлаго года, по предложенію гласнаго Аѳанасьева, а затѣмъ Кошелева, о томъ, чтобы, въ видахъ сбереженія времени, въ журналы собраній не заносились дословно пренія гласныхъ, рязанское земство грозитъ превратить свои драгоцѣнныя для будущей внутренней исторіи Россіи земскія изданія въ безцвѣтные канцелярскіе отчеты, подобные изданіямъ нѣкоторыхъ темныхъ земствъ, въ томъ числѣ и петербургскаго губернскаго, въ которыхъ, вмѣсто собственныхъ именъ дѣятелей, употребляются такія имена, какими хитрый Одиссей отдѣлывался отъ глупаго циклопа Полифема, называя себя «Никѣмъ» (Oudeis). Хитроумный Одиссей, желая обмануть простоватаго великана-циклопа, сказалъ, что его зовутъ «Никто», а потомъ выкололъ этому дураку единственный глазъ; когда ослѣпленный Полифемъ началъ кричать отъ боли и на крикъ его сбѣжались другіе циклопы, такіе же, какъ и онъ, глупые, то на вопросъ этихъ послѣднихъ: «кто тебя ослѣпилъ?» — сообразительный Полифемъ отвѣчалъ: «никто». То же самое постигнуть можетъ рязанское и другія земства, если они въ своихъ протоколахъ будутъ, вмѣсто собственныхъ именъ своихъ дѣятелей, предлагавшихъ тѣ или другія мѣры, отстаивавшихъ тѣ или другія мнѣнія, печатать, какъ это и дѣлаютъ иныя земства: «нѣ-

кто», «одинъ», «нѣкоторые». Ясно, что въ земствѣ можетъ найтись какой-нибудь Одиссей, который и выколетъ глазъ циклопу Полифему—русскому народу, а исторія не будетъ даже знать имени этого ослѣпителя и запишетъ его на свои страницы подъ именемъ «нѣкто». Мы, напротивъ, думаемъ, что одною изъ наиболѣе вѣрныхъ гарантій сохраненія въ земствѣ творческаго начала, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ силъ, могущихъ вести земское дѣло впередъ не темными путями, не при тускломъ освѣщеніи канцелярскаго ночника, который всякую тѣнь превращаетъ во мракъ, а свѣтлую сторону затемняетъ и обезцвѣчиваетъ, не при ночникѣ, повторяемъ, но при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, когда всякая хищная ночная птица прячется въ свою трущобу, звѣрь — въ логовище, а воръ поневолѣ превращается въ честнаго гражданина до ночи — что одною изъ такихъ гарантій является именно то, чтобы всякое слово гласнаго, всякая дѣльная и даже недѣльная мысль, смѣлая рѣчь честнаго убѣжденія и робкое шипѣнье всякаго земскаго вора, выползающаго изъ трущобы инсинуацій—чтобы все это заносилось въ протоколы земскихъ собраній съ именами, а не въ видѣ темныхъ намековъ на какихъ-то «нѣкто», «одинъ», и тѣмъ не давалась бы возможность разнымъ земскимъ Одиссеямъ выкалывать послѣдніе глаза у нашихъ бѣдныхъ циклоповъ-Полифемовъ. Чтобы земское дѣло сослужило русскому народу свою службу, необходимо, чтобы народъ зналъ, кто стучится въ его скромную и тёмную избушку съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ—Григорій ли Бланкъ съ всесословною волостью, или князь Волконскій съ своею исповѣдью: «ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ». Если земскіе дѣятели будутъ знать, что ни одно ихъ предложеніе, ни одно даже честное и всякое иное заявленіе не канетъ въ рѣку канцелярскаго забвенія, а будетъ прикрѣплено къ безсмертному клочку газетной бумаги посредствомъ типографскихъ чернилъ, невытравляемыхъ даже всевытравляющимъ временемъ, если они будутъ увѣрены, что къ каждому слову ихъ будетъ прикрѣплено и ихъ имя, то ради своей собственной чести, ради дѣтей своихъ, которыя когда-нибудь прочтутъ имена своихъ родителей рядомъ со всесословною волостью или инымъ измышленіемъ, ради, наконецъ, нравственной чистоплотности, они будутъ осмотрительнѣе въ выраженіяхъ, будутъ обдумывать каждое свое слово, каждое движеніе честнаго или несовсѣмъ таковаго сердца и тогда уже говорить. Оттого, вѣдь, такъ и страшенъ людямъ страшный судъ, что на немъ «разогнутся книги» жизни, а въ книгахъ этихъ съ стенографическою точностью будетъ записано все: и все-

сословная волость, и «мекленбургскій трудъ», и проч. и проч., и все съ собственными именами: «рабъ такой-то», «раба такая-то» и т. д. Поэтому, нельзя не пожалѣть, что рязанское земство, которое девять лѣтъ вело свое земское дѣло при яркомъ дневномъ свѣтѣ, въ декабрѣ 1874 года снизошло къ предложенію г. Аѳанасьева, подкрѣпленному словомъ г. Кошелева — не заносить въ журналы засѣданій дословныхъ преній гласныхъ — и во вторую половину послѣдней своей сессіи поставило на свой столъ канцелярскій ночникъ. Но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что рязанское земство прибѣгло къ этой мѣрѣ только по недостатку времени, и то лишь на данную сессію, потому что и въ предложеніи г. Кошелева значится: «въ журналы *настоящей* сессіи не заносить преній дословно» (Жур. рязан. губ. зем. собр. десятаго очередного созыва. Рязань. 1875 г., стр. 302, 347, 348).

Но послѣдуемъ далѣе за земскою исповѣдью кн. Волконскаго. Говоря о самой первой сессіи своего земства, онъ объясняетъ, что тогда же положенъ былъ и первый камень въ основу будущаго зданія народнаго развитія: камень этотъ — записка гласнаго священника Молчанова о приходскихъ училищахъ. Земство горячо приняло-было мысль о. Молчанова; но само же потомъ засыпало мусоромъ камень, положенный въ основу зданія, можетъ быть, потому, что камень оказался негоднымъ, недоброкачественнымъ, рыхлымъ. Мысль о «приходскихъ училищахъ» кое-какъ держалась пять лѣтъ, а 8-го декабря 1870 года рязанское земство порѣшило — засыпать камень: «признать вопросъ о попечительствахъ достаточно исчерпаннымъ и подлежащимъ окончательному рѣшенію самихъ приходовъ, *а не земства*». Кн. Волконскій съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что «избранники земства сами первые наложили руку на учрежденіе, за которымъ вначалѣ признали было завидную будущность»; но едва ли это такъ: значитъ, въ самомъ учрежденіи не было задатковъ живучести, оно не вызывалось жизнью, а было лишь выдумано; въ противномъ случаѣ, оно не умерло бы, и камень о. Молчанова не былъ бы засыпанъ мусоромъ. Сама исповѣдь князя Волконскаго подтверждаетъ эту мысль. Когда земство отнеслось къ населенію съ предложеніемъ о приходскихъ училищахъ, населеніе отвѣтило на призывъ земства глубокимъ молчаніемъ; но когда земство задумало открыть около Рязани училище, центральное заведеніе для приготовленія изъ мѣстныхъ жителей учителей для сельскихъ школъ, то крестьяне Троицкой Слободы подъ Рязанью «нетолько согласились уступить нужную подъ александровское училище землю съ готовымъ при ней садомъ,

въ количествѣ $4^1/_2$ десятинъ, но, несмотря на двоекратное разъясненіе управы, что земля эта, какъ находящаяся подлѣ станціи желѣзной дороги, имѣетъ значительную цѣнность и будетъ дорожать съ каждымъ годомъ, приговоромъ постановили: «подъ училище они жертвуютъ землю даромъ, *лишь бы обучали дѣтей ихъ грамотѣ*». Вслѣдствіе-то этого, земство, принявъ крестьянскій даръ, обязалось содержать при училищѣ еще двѣ даровыя начальныя школы—мужскую и женскую. «Этотъ даръ крестьянъ въ пользу училища не служитъ ли указаніемъ того, что въ данную минуту школа нужна большинству земства и что рязанское земство вò-время угадало эту свою потребность?» спрашиваетъ кн. Волконскій. «Да̀, угадало; но удовлетворило ли ее? Нѣтъ, и нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ же кн. Волконскій. Въ теченіи всего существованія училища, слушавшихъ учительскіе курсы перебывало въ заведеніи 462 человѣка, а выпущены съ правами преподавателей не всѣ, и далеко не всѣ, да и тѣ изъ нихъ — одни ушли въ другія губерніи, другіе бросили учительское званіе. Гдѣ же взять учителей для школъ, которыхъ въ губерніи считается 390? Ихъ взять нѐгдѣ. И кн. Волконскій правъ, говоря, что земство «въ теченіи всего истекшаго девятилѣтія постоянно и усердно преслѣдовало принятую имъ на себя задачу—снабженія школъ учителями; но выполнило ли оно эту задачу? Нѣтъ, и не могло выполнить!» Точно также кн. Волконскій считаетъ не вполнѣ обезпеченнымъ народное образованіе и со стороны матеріальной, денежной. Несмотря на то, что въ началѣ своего девятилѣтія всѣ уѣздныя рязанскія земства ассигновали на содержаніе начальныхъ народныхъ школъ менѣе 25 тысячъ, а теперь ассигнуютъ болѣе 70 тысячъ, и въ томъ числѣ одинъ Данковскій Уѣздъ болѣе 46 тысячъ, а Михайловскій менѣе $3^1/_2$ тычячъ (въ земской семьѣ, какъ и во всякой, не безъ урода, то-есть не безъ Михайловскаго уѣзда), при всемъ томъ «даже существованіе самихъ школъ (говоритъ кн. Волконскій) до того шатко, что для многихъ изъ нихъ достаточно одного какого-нибудь мѣстнаго несчастья, напримѣръ, большого пожара, градобитія, чтобы онѣ были закрыты, а учителя ихъ искали другихъ занятій». Самое снабженіе школъ учителями, говоритъ онъ, «отстаетъ отъ духа времени, не стоитъ на уровнѣ потребностей земства». А все оттого, что силъ нѣтъ, не обезпечено существованіе нашихъ сѣрыхъ титановъ: ка̀къ они ни ворочаютъ сизифовъ камень—свою нужду, которая лычкомъ подпоясана за неимѣніемъ ремня, а сизифовъ камень все ни съ мѣста, и титаническій трудъ сѣрыхъ каменьщиковъ оплачивается фиктивнымъ двугривеннымъ въ день.

Если, въ теченіи девяти лѣтъ, земствомъ одержана какая-нибудь побѣда надъ Сизифомъ, такъ это—почти побѣда нравственная. Земская нужда взвѣшена, лыковый поясокъ ея оцѣненъ, все положено на счеты, и земскія копейки становятся горячими, жгутъ руки, хотя, къ сожалѣнію, не всякія. «Въ настоящее время (говоритъ кн. Волконскій), нѣкоторыя собранія требуютъ уже отъ своихъ управъ отчетности не въ однѣхъ суммахъ, но и въ исполненіи другихъ своихъ постановленій, и въ средѣ нашего земства становится замѣтнымъ слѣдующее явленіе: авторитетъ личностей и шумиха словъ, нѣкогда имѣвшіе громадное вліяніе на рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, все болѣе и болѣе отодвигаются на задній планъ — наружу выплываетъ дѣло». Но гдѣ Сизифъ остается непобѣдимъ, такъ это тамъ, гдѣ тяжелый камень его приходится ворочать однимъ сѣренькимъ титанамъ: это—въ содержаніи путей сообщенія, и въ особенности полотна дорогъ, гдѣ весь трудъ падаетъ на одно сословіе, которое одно должно выровнять своими лаптями милліоны верстъ проѣзжихъ дорогъ, искрестившихъ собою все необъятное и мало заселенное пространство русской земли. Топтаніе лаптями всѣхъ грунтовыхъ дорогъ имперіи, и только одними лаптями, князь Волконскій считаетъ «аномаліею»; но аномалія эта — пока еще фактъ, невычеркнутый изъ жизни, не отпѣтый, не снесенный еще на историческое кладбище. «Что же сдѣлало рязанское земство для улучшенія своихъ путей сообщенія?» спрашиваетъ князь-исповѣдникъ. «Очень немного, отвѣчаетъ онъ.—Оно проложило *около десятка верстъ* (о! неизмѣримая Россія!) новыхъ грунтовыхъ дорогъ и упразднило 161 версту старыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя опять уже возстановлены, а другія должны быть возстановлены... Всѣ существующія дороги остаются почти въ томъ же видѣ, въ какомъ были до введенія земскихъ учрежденій. Можно сказать, что до сего времени у насъ нѣтъ еще дорогъ, есть только проѣзды, невсегда безопасные и которые ни въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ названія путей сообщенія, такъ какъ по нимъ вовсе нѣтъ сообщенія». Это ужь слишкомъ жестоко. Князь Волконскій отрицаетъ даже наши историческіе пути, по которымъ ходили наши предки радимичи, дреговичи и вятичи на заселеніе великой русской территоріи—тѣ пути, на которыхъ остается неизгладимый слѣдъ нашего историческаго лаптя, столь же тяжелаго, какъ и шапка Мономаха, слѣдъ отъ Кіева до Питера, отъ Питера до Архангельска, отъ Архангельска до Камчатки, отъ Камчатки до Хивы, отъ Хивы до библейскаго Арарата и до нашей священной Москвы, тѣ пути, по которымъ эта Москва гналась за Мамаемъ по-

*

слѣ куликовскаго побоища, тѣ, наконецъ, пути, по которымъ исторически-великій лапоть несетъ свой исторически-великій грошъ въ уѣздное казначейство и въ земскую управу. Вообще, иронію надъ нашими путями сообщенія, конечно, природными, грунтовыми, мы готовы считать, по малой мѣрѣ, неумѣстною. Если все рязанское земство, соединенными усиліями работы девяти лѣтъ и коллективными силами всѣхъ уѣздовъ, потративъ на пути сообщенія болѣе 761,000 руб., осилило проложить только *десять верстъ* или даже *около* десяти, то сколькимъ же милліонамъ лаптей должно было истоптаться, сколько честнымъ рукамъ милліонамъ и милліардамъ мотыкъ, кирокъ и заступовъ измозолиться и одеревенѣть, чтобы, не тратя ни копейки, исколесить дорогами всю безконечную русскую землю на милліоны верстъ? А вѣдь эти лапти и руки пролагали наши пути «натурою», своимъ собственнымъ тѣломъ. Да и вообще нападеніе на наши пути сообщенія, въ виду той системы, которою они поддерживались доселѣ, мы считаемъ неделикатнымъ. Если гдѣ умѣстна сдержанная, вполнѣ свѣтская иронія кн. Волконскаго, такъ это въ обсужденіи дѣятельности рязанскаго земства въ сессію 4-ую, 5-ую и 6-ую, въ трехлѣтіе 1868—1870 годовъ.

«Консервативная», какъ ее называетъ кн. Волконскій, дѣятельность этого трехлѣтія очерчивается такъ: «По закрытіи третьей сессіи собранія, начинается рядъ сессій — четвертая, пятая и шестая — не отличающихся ни энергическимъ возбужденіемъ новыхъ вопросовъ, ни такими рѣшеніями возбужденныхъ уже вопросовъ, которыя могли бы установить какія-либо новыя раціональныя основанія для будущей дѣятельности земства». Вся работа сводилась на «рѣшеніе текущихъ дѣлъ». Все новое «отлагалось» или «вовсе отклонялось». Только «два дѣла», въ теченіи трехъ лѣтъ, «нарушили этотъ общій характеръ» и въ свое время вызвали горячія пренія: по пятой сессіи — запрещеніе земскимъ учрежденіямъ безплатно пересылать по почтѣ свою корреспонденцію, и на шестой—по вопросу о новыхъ правилахъ содержанія проселочныхъ дорогъ. На обсужденіе перваго изъ нихъ потрачено три засѣданія сряду и, въ заключеніе, рѣшено ходатайствовать о возвращеніи земскимъ учрежденіямъ права пересылать свою корреспонденцію по почтѣ даромъ; на обсужденіе втораго—два засѣданія, и рѣшено оставить все по старому. Такимъ образомъ, въ сущности, и эти два дѣла не нарушили консервативнаго характера сессій, на которыхъ они обсуждались. Но, добавляетъ кн. Волконскій:—«шестая сессія была послѣдняя въ этомъ ряду сессій». А не потому ли, спросимъ мы гадательно, что съ этого времени кн. Волконскій участвуетъ въ земской

работѣ въ качествѣ предсѣдателя губернской управы? Почему и не такъ? Въ коллективной работѣ земства, какъ и во всякой человѣческой работѣ, во всякомъ творчествѣ и даже въ разрушеніи мы всегда признавали великое значеніе личности, и особенно велика бываетъ сила одного человѣка, когда онъ примѣняетъ къ работѣ не одинъ свой мускульный трудъ, но силу своего генія, силу мозговыхъ мускуловъ: свернуть сизифовъ камень голыми руками не сможетъ ни одинъ богатырь; но хитрымъ механизмомъ, основаннымъ на законахъ блока и рычага, Архимедъ обѣщалъ свернуть земной шаръ съ дороги, еслибъ только было гдѣ укрѣпить рычагъ. Но, въ интеллектуальномъ значеніи, рычагъ этотъ есть гдѣ опереть генію — на силѣ своего же генія. Милліоны человѣческихъ усилій не могли перекинуть клочокъ бумаги, письмо, одно слово, одинъ звукъ за тысячи верстъ въ нѣсколько мгновеній ока, а геній цѣлыя массы словъ перекидываетъ черезъ океаны съ помощью проволоки и силы, которую онъ же посадилъ въ эту проволоку и т. д. Это, впрочемъ—азбучная истина, какъ и всѣ великія истины. Неудивительно, если и рязанское земство двинулось послѣ трехъ лѣтъ сидѣнья, потому отчасти, что въ земскія ноги введенъ былъ токъ электричества такими новыми дѣятелями, какъ кн. Волконскій, Дашковъ и другіе.

Къ «консервативнымъ» сессіямъ рязанскаго земства кн. Волконскій причисляетъ и 2-ю экстренную 1871 года, когда рѣшался вопросъ о податной реформѣ. Обстоятельства этого дѣла, особенно какъ ихъ представляетъ кн. Волконскій, заключаютъ въ себѣ интересъ высокой важности. Губернская управа, которой поручено было разработать этотъ вопросъ, и особая комиссія изъ гласныхъ вынесла такой отвѣтъ земству: безусловно признавалось:

«что бремя налоговъ тяжело;

«что податныя силы достигли крайняго напряженія;

«что облегчить податныя сословія посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между тѣми же сословіями не представляется никакой возможности;

«что проектъ правительственной комиссіи, основанный на обремененіи податями одного крестьянскаго сословія, оказывается совершенно несостоятельнымъ;

«что слѣдуетъ распространить податную обязанность на всѣ имущественныя и личныя силы;

«что земскія учрежденія, какъ учрежденія всесословныя, не могутъ отнестись къ дѣлу о замѣнѣ подушныхъ окладовъ другими сборами иначе, какъ съ точки зрѣнія всесословной;

«что несправедливо, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ были люди, ничего не платящіе на государственныя надобности, и были сословія, обремененныя тяжкими налогами;

«что это тѣмъ болѣе несправедливо, что услугами и выгодами государственнаго благоустройства наиболѣе пользуются неплатящіе податей классы;

«что, наконецъ, наши податныя сословія совершенно истощены налогами

«и что нѣтъ никакой возможности оставлять это дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ теперь оно находится».

Собраніе раздѣлилось на двѣ стороны, почти равносильныя, изъ которыхъ одна сторона отвергала всесословность налога, какъ личное оскорбленіе, допуская, однако, всесословность волости, какъ личное наслажденіе. Какъ бы то ни было, вопросъ было прошелъ благополучно; только послѣ словъ «личныя силы» рѣшились поставить въ скобкахъ слово «трудъ»: налогъ-де не на «личныя силы», а на «трудъ», все же ближе къ мужику. Но оказалось, что и этого мало—въ душѣ многихъ таилось не то. «Ждали только случая, чтобы выразить это *не то* гласно, говоритъ съ грустью кн. Волконскій. — Случай не замедлилъ представиться. Когда приступили къ обсужденію составленнаго губернской комиссіей проекта положеній по налогу на строенія, то снова былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что̀ понимать подъ выраженіемъ «личныя силы» или «трудъ?» Снова начались тѣ же пренія, но исходъ ихъ былъ другой, небывалый еще въ исторіи рязанскаго губернскаго земскаго собранія: не окончивъ дѣла, гласные разъѣхались; при закрытіи собранія присутствовали только 11 гласныхъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? спрашиваетъ кн. Волконскій.—Удовольствовались ли гг. гласные принятымъ рѣшеніемъ о распространеніи податной обязанности на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи и торопились разнести эту добрую вѣсть по своимъ уѣздамъ, или, напротивъ, недовольные рѣшеніемъ, они хотѣли своимъ отсутствіемъ положить предѣлъ его дальнѣйшему развитію?.. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ остается одно безспорнымъ—что губернскіе гласные второго чрезвычайнаго созыва не исполнили своего долга. Но дѣло совѣсти каждаго гласнаго—результатъ пониманія его обязанностей относительно своихъ избирателей. Съ земской точки зрѣнія, несравненно важнѣе другое послѣдствіе этого грустнаго факта—послѣдствіе, котораго нельзя не замѣтить, когда перечитываешь журналы нашихъ собраній». Это—раздѣленіе губерніи на два враждебные лагеря, почти равные по силамъ... «Но, говоритъ въ заключеніе князь-исповѣдникъ: — не будемъ больше вспоминать

объ этомъ грустномъ старомъ времени» (обзоръ зем. дѣят., стр. 1, 77, 2, 6, 8, 9, 11—15, 17, 18, 39, 52, 57—59).

Въ слѣдующее затѣмъ трехлѣтіе (1871—1873 г.), въ составъ земства Рязанской Губерніи входятъ новыя силы — гласные новаго избранія. Вопросъ о податной реформѣ не могъ не оставить по себѣ, какъ утверждаетъ кн. Волконскій, «глубокаго слѣда». Дѣятельность земства круто мѣняется, но мѣняется къ лучшему, и опять-таки, можетъ быть, потому, что въ земскій организмъ влиты были новыя силы. Земскіе вопросы становятся разнообразнѣе, и къ нимъ относятся менѣе сдержанно. Обезпеченіе народнаго продовольствія, оздоровленіе населенія, поднятіе экономическаго уровня титановъ, ворочающихъ сизифовъ камень— вотъ что̀ на первомъ планѣ. Говоря, въ общемъ, что, при всемъ своемъ усиліи, земство дѣлаетъ мало, кн. Волконскій спрашиваетъ: «Но одно ли оно виновато, что сдѣлало такъ мало? Намъ кажется, что нѣтъ!». Да̀, виновата опять-таки исторія: это—та «здоровая голова», на которую валятъ всѣ «больныя». «Подождемъ, говоритъ кн. Волконскій въ заключеніе своего «Обзора»:— подождемъ обвинять земскихъ дѣятелей перваго десятилѣтія. Они видѣли *все*... но, вникнувъ въ дѣло, они не могли не придти къ убѣжденію, что скоро помочь горю нельзя; что на это нѣтъ средствъ; что новые источники земскаго дохода еще неизслѣдованы, а старые почти изсякли; что земство отвыкло (не привыкло, то-есть?) быть хозяиномъ земскаго дѣла; что у него нетолько нѣтъ людей, привыкшихъ вести его хозяйство, но что у него нѣтъ даже достаточнаго числа грамотныхъ людей, которыхъ можно бы было пріучить къ этому; что на занятіе высшихъ должностей, содержимыхъ земствомъ, слишкомъ мало является конкуррентовъ изъ лицъ, достаточно для того образованныхъ, такъ что на завѣдываніе дѣломъ часто приходится тратить больше, чѣмъ слѣдовало бы, а иногда и больше, чѣмъ сто̀итъ самое дѣло. Убѣдившись же разъ, что у нихъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ бороться съ самимъ зломъ, земскіе дѣятели перваго десятилѣтія начали борьбу съ причинами его создавшими, такъ какъ послѣдствія не могутъ не зависѣть отъ причинъ. Вся исторія дѣятельности гласныхъ перваго девятилѣтія подтверждаетъ это ихъ направленіе. Перечтите постановленія губернскаго собранія по крупнымъ вопросамъ, и вы увидите, что къ описи принимаего нами наслѣдства мы должны прибавить выработанныя ими коренныя начала земскаго дѣла, которыя одни только и могутъ возстановить наши земскія силы». Это— распространеніе образованія, отчетность въ каждомъ земскомъ грошѣ подъ контролемъ широкой гласности, изученіе экономи-

ческихъ силъ страны, возможное уравненіе для всѣхъ сословій тяготы сизифова камня. «То или другое изъ этихъ основаній, такъ оканчивается вообще симпатичная рѣчь рязанскаго князя-работника: — заложено подъ каждую часть нашего земскаго хозяйства, и будущимъ дѣятелямъ, какъ намъ кажется, нѣчего бояться непрочности этихъ основаній. Будемъ же надѣяться, что и они увѣруютъ въ ихъ прочность и не найдутъ нужнымъ передѣлывать начатое, и пожелаемъ имъ того, чего прежнимъ дѣятелямъ не всегда доставало—побольше энергіи въ преслѣдованіи разъ избранной цѣли» (тамъ же, стр. 77, 78).

Такою мягкою, задушевною кистью, очерчена картина девятилѣтней дѣятельности рязанскаго земства, когда эта кисть была въ рукѣ у художника, личность котораго занимаетъ не послѣднее мѣсто на этой картинѣ. Но не совсѣмъ такого характера выходитъ живопись, когда картину начинаетъ рисовать постороннее лицо, художникъ другой школы. Это—художникъ-губернаторъ, открывающій земское собраніе послѣ девяти лѣтъ существованія земства. Правда, и онъ относится къ дѣятельности собственно губернскаго земства съ большимъ уваженіемъ, которое безспорно раздѣляетъ вся Россія; рязанское земство высоко поднимаетъ голову надъ цѣлой массой безцвѣтныхъ, приниженныхъ и экономическою, и духовною нищетою русскихъ земствъ. Губернаторъ строго выдѣляетъ губернское земство изъ семьи уѣздной земщины. Въ первомъ онъ видитъ безспорную «заботливость» о нуждахъ населенія: онъ говоритъ, что богоугодныя заведенія содержатся «отлично»; что домъ умалишенныхъ «приспособленъ ко всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки»; что учительская семинарія воспитываетъ «хорошихъ учителей»; что разработка правильной разцѣнки предметовъ обложенія и переложенія «тягостныхъ натуральныхъ повинностей» въ денежныя основана на самыхъ справедливыхъ началахъ»; что ко всѣмъ вопросамъ, передаваемымъ правительствомъ на обсужденіе земства, оно всегда относится съ «чрезвычайнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью», и разработка ихъ — «образцовая»; что бюджетъ «не особенно отягощаетъ» плательщиковъ; что земскіе дѣятели своею «безукоризненностью и неутомимостью» заслужили «всеобщее глубокое уваженіе»... Но — здѣсь кисть художника становится жестка, образы на картинѣ выходятъ ярки, но не симпатичны—губернаторъ обращается къ дѣятельности уѣздной земщины и находитъ въ ней «поразительную неравномѣрность», «непонятное равнодушіе» и такія явленія, которыя ему кажутся «немыслимыми». Тамъ, въ углахъ, онъ находитъ такія земства, «гдѣ всѣ старанія направлены къ тому, чтобы на по-

винности необязательныя *не давать ничего*» и чтобы «отъ *неизбѣжнаго* существованія земства оставалось какъ можно менѣе послѣдствій». Такимъ губернаторъ считаетъ михайловское земство въ семьѣ всѣхъ рязанскихъ, по пословицѣ — «въ семьѣ не безъ... михайловца». Въ то время, когда данковское земство, въ теченіи перваго девятилѣтія, израсходовало на народное образованіе 47 тысячъ, сапожковское—36, касимовское и зарайское—по 35, михайловское за всѣ эти девять лѣтъ отвалило 3 тысячи съ небольшимъ, но и отъ этой «ничтожной суммы» оставались «значительные остатки». Это—дѣйствительно экономія того скупого, который принималъ своего друга, вечеромъ, безъ огня и безъ нижняго бѣлья, ради экономіи. «Причиною такого скуднаго назначенія на предметъ столь важный, говоритъ губернаторъ:—выставляется нежеланіе крестьянъ учить своихъ дѣтей и давать что-либо на школу. Но почему же въ уѣздахъ данковскомъ, сапожковскомъ, касимовскомъ и другихъ, гдѣ было обращено вниманіе на народное образованіе, крестьяне жертвуютъ большія суммы, значительныя же средства, ассигнуемыя земствомъ, не въ состояніи нерѣдко удовлетворять всѣмъ просьбамъ объ открытіи школъ? Конечно, не недостатокъ средствъ тому причиною, такъ какъ платежныя силы Михайловскаго Уѣзда гораздо больше касимовскихъ, данковскихъ и многихъ другихъ». Губернатору кажется невозможнымъ, «разительнымъ» сопоставленіе расходовъ на медицинскую часть по Михайловскому Уѣзду и по другимъ: когда Сапожковскій Уѣздъ даетъ *100 тысячъ* на оздоровленіе своего народа, михайловскій отваливаетъ *семь!* Тамъ по нѣскольку больницъ и врачей на уѣздъ, здѣсь—ни одной больницы и одинъ врачъ въ городѣ! Поэтому губернаторъ считаетъ необходимымъ преподать вѣжливое внушеніе михайловцамъ и читаетъ въ собраніи такой урокъ: «Въ виду разительныхъ примѣровъ того благосостоянія, какое вызвано повсюду, гдѣ земство исполнило свой долгъ, я полагалъ бы полезнымъ, чтобы губернская управа, время отъ времени, представляла собранію подробные доклады о ходѣ дѣла по разнымъ отраслямъ земскаго хозяйства во всѣхъ уѣздахъ: гг. гласные, знакомясь съ тѣмъ, что̀ сдѣлано въ губерніи, и сопоставляя то, что̀ сдѣлано хорошаго одними, и то, чего не сдѣлано другими — внесутъ въ свои уѣздныя собранія какъ знанія, основанныя на опытѣ другихъ, такъ и сознаніе, *какъ дурно не дѣлать ничего*».

Выше мы говорили, что придаемъ особенную важность дословному записыванію всего, что̀ происходитъ и говорится на земскихъ собраніяхъ. Съ одной стороны, стенографическое воспроизведеніе важнѣйшихъ моментовъ въ жизни земства это—

живая исторія Россіи или, по малой мѣрѣ, драгоцѣнные осколки этой исторіи, изъ которыхъ процессомъ мозаическаго подбора можетъ быть создана полная картина нашего бытія; съ другой—вѣрное воспроизведеніе словъ и дѣяній каждаго земскаго лица предохраняетъ нашего циклопа-Полифема отъ непріятности не знать, какіе изъ земскихъ Одиссеевъ—его друзья и какіе—враги. Но кромѣ того, въ стенографическомъ воспроизведеніи важнѣйшихъ моментовъ земской жизни мы можемъ видѣть, какъ иногда до смѣшного и грустнаго доходитъ въ земствахъ борьба знанія и невѣжества, борьба соціальныхъ страстей, и ка̀къ изъ этого смѣшного и грустнаго вырабатывается то, въ чемъ наиболѣе нуждается Россія. Въ этомъ же подчасъ смѣшномъ и грустномъ обнаруживается, сколько труда предстоитъ земствамъ въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ, когда изъ-за какого-нибудь пустого выраженія, изъ-за того, ка̀къ понимать слово «просить» и «приказать», изъ-за видимаго вздора, изъ-за выковавшейся канцелярскою практикою стилистики приходится биться по два и по три часа. А между тѣмъ, это неизбѣжно: насъ исторія не пріучила ни къ чему публичному и земству приходится пріучаться къ публичной дѣятельности съ азовъ—съ умѣнья публично хоть бы носъ утереть себѣ и сосѣду.

Такъ, рязанское губернское собраніе намѣревается утереть носъ касимовской уѣздной управѣ за то, что она, вопреки закону, допустила храненіе на рукахъ у члена управы болѣе 500 рублей земскихъ денегъ. Но ка̀къ утереть носъ? какимъ порядкомъ и въ какой формѣ? Одна часть собранія утверждаетъ, что касимовской управѣ слѣдуетъ «вмѣнить въ обязанность» исполненіе утвержденныхъ правилъ счетоводства и отчетности, другая — что болѣе умѣстно «просить», а не «вмѣнять». Гласный Кошелевъ высказывается за необходимость въ процессѣ публичнаго утиранья носовъ употреблять вѣрныя выраженія и находитъ, что «вмѣнить въ обязанность» и есть то настоящее слово, которое должно исходить отъ собранія въ данномъ случаѣ. Съ другой стороны, гласный Алянчиковъ напоминаетъ, что касимовская управа теперь совершенно измѣнилась въ своемъ составѣ и что лица, составляющія ее въ настоящее время, не могутъ отвѣчать за то, что̀ сдѣлано другими. За что̀ же имъ «вмѣнять?»

— Конечно, говоритъ на это гласный Левашовъ: — сущность дѣла—прежде выраженія, но и выраженіе также важно. Если собраніе употребитъ въ данномъ случаѣ слово «просить», то лицо, незнакомое съ его дѣятельностью, вправѣ заключить, что правило, о соблюденіи котораго «просятъ», вводится въ первый разъ.

На самомъ же дѣлѣ—далеко не такъ. О соблюденіи этого правила губернское собраніе повторяетъ изъ года въ годъ, и новости оно ни для какой управы не составляетъ.

— Я вполнѣ присоединяюсь къ предложенію гласнаго Кошелева, вступаетъ въ споръ новый и опытный земскій ораторъ, г. Дашковъ: — вводить деликатность въ случаяхъ, подобныхъ данному, крайне опасно. Извѣстныя общеупотребительныя въ свѣтѣ формы, конечно, имѣютъ большое значеніе, когда въ дѣловыя отношенія входятъ начала свѣтскаго обращенія — неизвѣстно, гдѣ провести границы для нихъ. Собраніе такъ же относилось всегда и къ другимъ управамъ; зачѣмъ же для касимовской дѣлать исключеніе? Далѣе: пренія о «вмѣнить» и «просить» становятся смѣшными и, въ то же время, крайне поучительными, потому что, повторяемъ, исторія не научила насъ ни публично сморкаться, ни публично утирать носъ,

— Я нахожу, говоритъ гласный Бабинъ, что выраженіе «просить» гораздо сильнѣе и имѣетъ болѣе понудительный характеръ, чѣмъ слово «вмѣнить въ обязанность», такъ какъ обязанность эта и безъ того лежитъ на всѣхъ уѣздныхъ управахъ. Въ настоящемъ случаѣ, важнѣе всего результатъ.

Ему возражаютъ кн. Волконскій, уже знакомый намъ, и г. Порозовъ. Первый говоритъ, что губернская управа, какъ и губернское собраніе, представляютъ собою всѣ 12 уѣздовъ губерніи: если одинъ уѣздъ не слушается одиннадцати, то одиннадцать вправѣ требовать повиновенія. Г. Порозовъ проситъ формы «менѣе рѣзкой»—не «вмѣнять», не грозить.

— Не признàетъ ли собраніе, предлагаетъ онъ:—возможнымъ употребить въ данномъ случаѣ обыкновенное выраженіе: «обратить вниманіе касимовской управы на уклоненіе»? Въ такомъ выраженіи не будетъ ни *просьбы*, ни *порицанія*.

На арену борьбы изъ-за «вмѣнить» и «просить» выходятъ вновь: гг. Дашковъ, Алѣевъ, Алянчиковъ, кн. Волконскій, Кошелевъ, Аѳанасьевъ, Бабинъ, другой кн. Волконскій (Н. С., а не С. В.), Баклевскій, Наумовъ.

Г. Алѣевъ—противъ порицанія. Онъ совѣтуетъ лучше привлечь къ отвѣтственности виновныхъ.

— Я въ недоумѣніи, восклицаетъ г. Дашковъ:—нѣкоторые гласные, въ томъ числѣ г. Алянчиковъ, находятъ слово «просить» мягче, чѣмъ слова̀ «вмѣнить въ обязанность», а гл. Бабинъ, напротивъ, полагаетъ, что слово это жостче. Такъ не лучше ли избѣгать употребленія такихъ словъ, которыя понимаются такъ различно, и взять слово *не мягкое* и *не жосткое*, а вѣрное.

Г. Алянчиковъ обиженъ—онъ не предлагалъ слова «просить»...

— Губернское собраніе никогда ни о чемъ *не просило* свою управу, а всегда или *поручало* ей чтò-либо, или *вмѣняло* въ обязанность, объясняетъ кн. Волконскій.—Почему же оно будетъ говорить съ уѣздными управами на другомъ языкѣ?

Г. Аѳанасьевъ отстаиваетъ слово «просить», употребляемое начальствомъ даже тамъ, гдѣ оно увѣрено, что его не посмѣютъ ослушаться. Г. Кошелевъ требуетъ точныхъ выраженій—жостки ли они, мягки ли—все равно, лишь бы были точны.

Г. Бабинъ начинаетъ иронизировать. Ему кажется, что споръ идетъ о «стриженомъ» и «бритомъ».

— Когда я предложилъ слово «просить», то еще не зналъ полнаго его анализа, такъ подробно выяснившагося въ настоящее время (говоритъ онъ съ злою иронiею). Оказывается, что оно, въ одно и то же время, *и мягко, и жостко*. Тѣмъ лучше. Поэтому я вновь имѣю честь предложить его. Для меня непонятно только, что пренія о словѣ продолжаются такъ долго, и я желалъ бы окончанія ихъ.

Кн. Н. С. Волконскій побиваетъ и г. Бабина, и г. Аѳанасьева, и самое слово «просить» новыми аргументами. Онъ говоритъ, что всякое постановленіе собранія — актъ власти законодательной, въ которомъ должны встрѣчаться только точныя словà, а губернская управа можетъ говорить съ другими управами какъ ей угодно, т. е. «можетъ употреблять какія угодно выраженія».

— Нѣтъ, возражаетъ другой кн. Волконскій, нашъ старый знакомый:—я считаю далеко не безразличнымъ употребить то или другое выраженіе. Выраженія эти имѣютъ вліяніе на характеръ отношеній губернскаго земства къ уѣзднымъ управамъ. Девять лѣтъ собраніе устанавливало эти отношенія, и теперь на десятый предлагаютъ измѣнять ихъ, уничтожать девятилѣтнюю работу. Дѣло это, я снова повторяю, съ земской точки зрѣнія, крайне важно.

Битва подходила къ концу—губернская сила одолѣла уѣздную. Собраніе постановило: «вмѣнить»—и «вмѣнили» (Журн. Ряз. губ. зем. собр. десятаго очер. созыва. Рязань. 1875, стр. 1—3, 25—29).

Конечно, все это можетъ казаться мелочнымъ канцеляризмомъ, войной на полѣ писарской этимологіи. Но историческій опытъ говоритъ не то: мы знаемъ, что еще недавно Франція объявила войну Пруссіи изъ-за того только, что король Пруссіи Вильгельмъ не «просилъ» посла Франціи Бенедетти, а «вмѣнилъ»—и Франція была унижена, раззорена, потеряла Эльзасъ и Лота-

рингію, пять мильярдовъ золота, императора, армію, пережила коммуну, разрушеніе Парижа и до сихъ поръ не можетъ оправиться потому только, что не хотѣла, чтобъ ей «вмѣняли».

XI.

Хотя намъ и не слѣдовало бы останавливаться такъ долго на Рязани, когда въ перспективѣ у насъ еще такъ много городовъ, и старыхъ, и молодыхъ, богатыхъ жизнью и богатыхъ мертвенностью, однако, мы позволяемъ себѣ промедлить лишній денёкъ въ этомъ «градѣ Олега» коварнаго, тѣмъ болѣе что тò, что дѣлаетъ одно умное земство, гораздо поучительнѣе того, что дѣлаютъ десять земствъ неумныхъ, да и самыя ошибки ума безспорно внушительнѣе ошибокъ глупости.

Земскія сметы—безъ сомнѣнія, самый жизненный нервъ въ земскомъ организмѣ. Въ этомъ нервѣ—узлы и сплетенія всѣхъ нервовъ земскаго тѣла. Каковы отношенія земствъ къ своимъ сметамъ, къ своему насущному бюджету—таковы и жизненныя отправленія самихъ земствъ.

Разсмотрѣніе сметъ въ рязанскомъ собраніи всегда поглощаетъ много времени и много вниманія у этого земства. Убить такъ или иначе свою и мужичью копейку, пустить въ трехпроцентный или въ стопроцентный ростъ свой и мужичій пятакъ, превратить этотъ пятакъ въ положительную или отрицательную величину, въ творческую или мертвящую силу, въ самомъ дѣлѣ—это не одно и то же. Поэтому, почти каждая статья сметы, внесенная въ собраніе, вновь выносится изъ него для спеціальнаго изученія и изслѣдованія всѣхъ условій, ее вызвавшихъ и давшихъ ей тотъ или другой экономическій профиль. Только съ нѣкоторыми неважными статьями собраніе покончиваетъ тотчасъ же, на мѣстѣ. Нѣкоторыя земства давно чувствуютъ, что въ числѣ обязательныхъ повинностей, возложенныхъ на населеніе, есть такія, которыя мозолятъ земскій глазъ, которыя не вызываются требованіями жизни, а остаются на этой жизни, какъ историческіе лишаи, требующіе лишь безполезнаго расхода. Такимъ лишаемъ на земствѣ давно всѣми признанъ институтъ «полюбовнаго размежеванія» и питающіеся соками этого лишая паразиты «посредники полюбовнаго размежеванія». Поэтому, когда въ рязанскомъ собраніи чтеніе сметы дошло до статьи на содержаніе òргановъ полюбовнаго размежеванія, А. И Кошелевъ первый возвысилъ голосъ. «Долго ли будутъ показываться въ земскихъ сметахъ расходы на этотъ предметъ? сказалъ онъ.—

Кажется, и дѣятельность посредниковъ полюбовнаго размежеванія почти прекратилась, а между тѣмъ, расходъ слишкомъ въ 3,000 обременителенъ для земства. Собраніе не разъ ходатайствовало передъ правительствомъ и часто успѣшно. Не рѣшится ли оно ходатайствовать и по этому предмету, въ видахъ если не упраздненія посредниковъ по полюбовному размежеванію, то преобразованія этихъ учрежденій и сокращенія расходовъ на нихъ?» Къ голосу г. Кошелева присоединяются голоса гг. Наумова, Н. Хрущова, Малашкина и другихъ. Г. Дашковъ заявляетъ, что у него уже изготовленъ проектъ по этому предмету и что ходатайство будетъ возбуждено. Надо надѣяться поэтому, что историческій лишай будетъ сведенъ съ земскаго тѣла и въ экономіи всего русскаго земства можетъ оставаться ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ рублей—поддержаніе лишая обходилось Россіи недешево.

Читаютъ статью сметы о расходахъ на содержаніе губернской управы. Нѣкоторые гласные заявляютъ, что, вмѣсто шести членовъ, управа можетъ ограничиться четырьмя, и спрашиваютъ мнѣнія объ этомъ предметѣ кн. Волконскаго. Этотъ послѣдній отвѣчаетъ: «Можно имѣть шесть членовъ, можно обойтись и съ четырьмя:—иные четыре члена, даже два члена, больше сдѣлаютъ чѣмъ другіе въ шестеромъ. Отъ собранія зависитъ выбрать такихъ людей, которые будутъ работать. Въ послѣднее время, по случаю выбытія нѣкоторыхъ членовъ, вся работа управы, кромѣ Д. Д. Дашкова, не получавшаго вознагражденія, но работавшаго никакъ не менѣе, если не болѣе членовъ, получавшихъ его, лежала на двухъ членахъ—А. Н. Левашовѣ и К. И. Федоровскомъ. Если собранію угодно знать мое мнѣніе, то я полагалъ бы, что трудолюбивыхъ и преданныхъ дѣлу членовъ достаточно четырехъ». И собраніе остановилось на четырехъ членахъ. Но обсужденіе статьи расхода на содержаніе собственно канцеляріи управы вызываетъ продолжительныя пренія. Дѣло въ томъ, что управа испрашивала для себя увеличенія канцелярской суммы собственно на предметъ *печатанья* земскихъ изданій журналовъ, особыхъ записокъ, докладовъ и т. д. Управа сознавала, что въ печати ея сила, ея нравственная опора, какъ и опора всего земства. Тогда собраніе, не имѣя ничего сказать противъ этой, такъ можно выразиться, субсидіи типографскому станку, требуетъ отъ управы, чтобы она внесла въ свою смету канцелярскіе расходы не огульно, а выдѣлила бы въ отдѣльныя рубрики жалованья секретарю, бухгалтеру, техникамъ и т. д. На это г. Дашковъ замѣчаетъ, что дѣленіе сметы на рубрики поведетъ лишь къ увеличенію всѣхъ рубрикъ. Управа, не смѣя

покрывать недостатки одной рубрики остатками другой, по необходимости будетъ стремиться вносить въ смету большія цифры—для безопасности. «Если же собраніе желаетъ (говоритъ онъ), чтобы канцелярія управы не была въ обидѣ, то пусть ревизіонныя комиссіи ревизуютъ все дѣлопроизводство управы *до ниточки*. Такое отношеніе къ дѣлу будетъ серьёзнѣе и добросовѣстнѣе». На это г. Порозовъ возражаетъ, что онъ не видитъ основанія держать секретаря и бухгалтера управы *на задѣльной платѣ*, что должности эти такого рода, что жалованье ихъ можно было бы выдѣлить и въ отдѣльныя статьи, и что, хотя онъ ничего не имѣетъ противъ выдачи имъ наградъ, но думаетъ, что «ради достоинства этихъ лицъ, выдѣленіе ихъ было бы важно».—Я далекъ отъ мысли, прибавилъ онъ:—отрицать вліяніе подробной ревизіи, но думаю, что и мѣры предупредительныя, устраняющія возможность извѣстнаго зла или извѣстныхъ уклоненій отъ порядка, неменѣе важны». Г. Порозову возражаетъ г. Левашовъ. «Прежде всего, говоритъ онъ:—*я не вижу въ задѣльной платѣ никакого униженія* достоинства лица, ее получающаго: большинство гласныхъ, здѣсь присутствующихъ, получаютъ эту задѣльную плату. Я не вижу также никакого возвышенія достоинства секретаря или бухгалтера, если цифра назначеннаго имъ вознагражденія будетъ стоять въ сметѣ въ отдѣльной статьѣ. Сущность дѣла отъ этого также не перемѣнится»... Но многіе, все-таки, настаиваютъ на «выдѣленіи». Г. Кошелевъ увѣряетъ, что управа легко можетъ теперь же опредѣлить, сколько, напр. въ будущемъ году предполагаетъ употребить на техника. «Управа совсѣмъ этого опредѣлить не можетъ (отвѣчаетъ на это кн. Волконскій); ей могутъ понадобиться архитекторы, техники, ученые, профессора, присяжные повѣренные и множество лицъ, которыхъ она теперь и не имѣетъ въ виду, такъ какъ работы ея весьма разнообразны». Г. Кошелевъ, все-таки, настаиваетъ на своемъ, не смотря на то, что говоритъ управѣ любезности, что̀ называется, въ упоръ. «Я не хочу вѣрить (говоритъ этотъ старый дипломатъ изъ стаи словянофильскихъ орловъ—Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ)—я не хочу вѣрить, чтобы губернская управа, *сама пріучившая собраніе къ точности*, не нашла возможности распредѣлить сметные расходы по рубрикамъ... Если управа затрудняется представить свои соображенія въ настоящую сессію, въ чемъ я опять-таки сомнѣваюсь въ виду ея опытности, то я согласенъ ассигновать испрашиваемую ею прибавку съ тѣмъ, чтобы *просить* ее или *поручить* ей, такъ какъ самой управѣ ненравится это выраженіе, къ будущему собранію разработать этотъ вопросъ».—И вопросъ былъ разрабо-

танъ управою въ эту же *ночь*, а утромъ прошелъ въ собраніи. Видно, что потомки Олега рязанскаго и Прокопія Ляпунова не утратили энергіи своихъ предковъ подобно «курянамъ» дмитріевцамъ, которые изъ «сѣрыхъ волковъ, скачущихъ въ полѣ и ищущихъ себѣ чести, а князю славы», какъ о ихъ предкахъ выражается пѣвецъ «Слова о полку Игоря», выродились въ сонныхъ земляныхъ звѣрковъ, круглый годъ сосущихъ свою и земскую лапу. Рязанцы остаются все тѣми же неподатливыми древле-московскими сепаратистами, которые не хотѣли даже ѣсть когда-то изъ общей миски съ Москвою, пить съ нею изъ одной «братины». Они и теперь противъ «общей миски», но уже въ современномъ значеніи этого слова и, притомъ, только въ буквальномъ, а не въ государственномъ, не въ соціальномъ, не въ общинномъ. Г. Дашковъ, неизмѣнный и упрямый борецъ за народное образованіе, за широкое развитіе бѣлоголовыхъ рязанскихъ, данковскихъ, касимовскихъ, скопинскихъ, пронскихъ и иныхъ крестьянскихъ ребятишекъ, постоянно выколачиваетъ у своего земства копейку за копейкой въ пользу этихъ пострѣлятъ, будущихъ просвѣтителей своихъ же быстроглазыхъ и босоногихъ Акулекъ да Парашекъ. Теперь онъ требуетъ новаго расхода на то только, чтобы отучить этихъ ребятишекъ, воспитанниковъ александровскаго училища, ѣсть изъ «общей миски».

— Я предлагаю, говоритъ онъ: новый расходъ на посуду оловянную или деревянную, какъ угодно, и на введеніе тарелокъ вмѣсто мисокъ или чашекъ, изъ которыхъ ѣдятъ нѣсколько человѣкъ. Я знаю, что мнѣ могутъ сдѣлать на это постоянно высказываемое въ собраніи возраженіе, что ученики александровскаго училища не должны удаляться отъ быта ихъ отцовъ и матерей и отъ крестьянскаго сословія, въ средѣ котораго имъ придется жить. Но въ александровскомъ училищѣ слишкомъ сто человѣкъ; посуду, изъ которой ѣдятъ, и столы, на которыхъ ѣдятъ, нельзя держать такъ чисто, какъ двѣ или три ложки и столы въ крестьянской семьѣ, гдѣ за вещами этими смотрятъ двѣ или три бабы. Поддерживать установившіеся въ крестьянскомъ населеніи, въ силу необходимости, обычаи въ ученикахъ училища, взятыхъ изъ того же населенія, необходимо, но не менѣе необходимо соблюдать условія чистоты и здоровья. Соблюденіе это становится крайне трудно, когда изъ одной миски ѣдятъ шесть человѣкъ. Можетъ быть, со стороны учениковъ училища и есть нѣкоторая небрежность, увеличивающая нечистоту, но, во всякомъ случаѣ, ѣсть чисто на нѣкоторомъ разстояніи отъ миски невозможно. Всякаго посѣтителя поразитъ запахъ кушанья, распространяющійся изъ столовой. Управа нѣсколько

лѣтъ старается водворить чистоту въ этомъ отношеніи; она пробовала ввести скатерти и принуждена была замѣнить ихъ клеенками. Въ настоящее время, приходится бросать и клеенки, и скатерти, и замѣнить ихъ окраскою столовъ масляною краскою, но и это средство, вѣроятно, окажется недостаточнымъ. Хорошо поддерживать разумный обычай, но обычай ѣсть изъ общей миски, какъ вредный, слѣдуетъ не поддерживать, а искоренять. Изъ отчетовъ врачей Данковскаго Уѣзда за пять лѣтъ слѣдуетъ, что на 100 лицъ, зараженныхъ сифилисомъ, обращающихся къ врачу, приходится 80, которые заразились случайно, оттого что, живя вмѣстѣ съ больными, не принимали должныхъ мѣръ къ огражденію себя отъ зараженія; въ одинъ годъ въ больницу было доставлено 10 мальчиковъ, заразившихся благодаря общей мискѣ. Обычай этотъ есть лучшій путь для распространенія сифилиса, и желательно отучить отъ него воспитанниковъ александровскаго училища. На пріобрѣтеніе посуды потребуется расходъ до 300 р.; опасаться же, что ученики усвоятъ привычку, которая будетъ выше средствъ ихъ, нѐчего, потому что жалованье сельскаго учителя всегда даетъ ему возможность имѣть такую роскошь какъ нѣсколько тарелокъ.

И собраніе изрекло свое veto противъ «общей миски».

Сейчасъ мы видѣли, кàкъ жестко рязанскій губернаторъ въ своей рѣчи отнесся къ тѣмъ земствамъ, которыя держатъ слишкомъ въ чорномъ тѣлѣ народное образованіе, какъ, напр., земство михайловское, прославившееся на поприщѣ держанія въ чорномъ тѣлѣ всего своего уѣзда. Но урокъ губернатора, повидимому, былъ еще недостаточно жостокъ. Доказательство этому тотчасъ же представилъ князь Крапоткинъ своимъ уѣздно-школьнымъ сепаратизмомъ. Дѣло было такъ. Когда вопросъ объ «общей мискѣ» былъ порѣшенъ, неутомимый по школьной части Дашковъ дѣлаетъ новое заявленіе, закидываетъ удочку все въ тотъ же благодатный прудъ, гдѣ и рыба, и раки зимуютъ. Онъ говоритъ, что, хотя съ іюля 1874 года введено новое положеніе о народныхъ училищахъ, по которому канцелярія совѣта содержится на счетъ правительства, однако, было бы очень полезно, по старому, ассигновать на эту канцелярію 240 р. «Вся администрація народныхъ училищъ (продолжаетъ онъ) подверглась въ настоящее время коренному измѣненію. Собраніе, по моему мнѣнію, должно встрѣтить это измѣненіе гостепріимно, показать, что оно ничего не имѣетъ противъ администраціи училищъ въ томъ видѣ, какъ она является въ настоящее время. Если, отъ чего Боже упаси, отношеніямъ земства и новой администраціи суждено испортиться, то пусть это останется не на

отвѣтственности земства, *а на душѣ тѣхъ, которые внесутъ раздоръ*. Собраніе же готово сдѣлать и сдѣлаетъ все, что̀ въ его власти, для того чтобы дѣло народнаго образованія не страдало отъ дурныхъ отношеній между земствомъ и администраціею народныхъ училищъ, установленною правительствомъ». Видно, что г. Дашковъ привыкъ говорить и имѣетъ тактъ и чутье. Видно также, что онъ даромъ не сталъ бы говорить о раздорѣ, о томъ, что чему-то «суждено испортиться» при новой администраціи училищъ: въ благодатный прудъ, повидимому, забрались новые рыбаки и хотятъ ловить рыбу не на честную удочку, а на ядовитый кукельванъ. На заявленіе г. Дашкова г. Кошелевъ замѣчаетъ, что назначать суммы на содержаніе правительственнаго учрежденія неудобно, особенно когда земство объ этомъ не просятъ: это значитъ показывать, что правительство мало отпускаетъ средствъ своему учрежденію. Тогда г. Аѳанасьевъ предлагаетъ такой компромиссъ: подъ видомъ одного сдѣлать другое—дать на разъѣзды членамъ училищнаго совѣта, а совѣту, будто бы, не давать. Мысль эта всѣмъ понравилась тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, главная цѣль губернскаго училищнаго совѣта—это имѣть земское школьное око въ уѣздахъ, наблюдать этимъ земскимъ окомъ за ростомъ своего дѣтища—народнаго образованія, и помогать этому росту. Но тутъ является кн. Краподкинъ съ чѣмъ-то «неудобосказуемымъ», съ какимъ-то непонятнымъ уѣзднымъ задоромъ.

— Я не понимаю (говоритъ онъ съ уѣздною обидчивостью), зачѣмъ члены губернскаго училищнаго совѣта будутъ ѣздить въ наши уѣзды, какъ будто бы въ уѣздныхъ совѣтахъ меньше *смыслящихъ членовъ*, чѣмъ въ губернскомъ совѣтѣ! И что̀ будетъ дѣлать членъ губернскаго училищнаго совѣта, пріѣхавъ одинъ одинёхонекъ въ школу? Кому онъ будетъ читать тамъ лекціи и кому давать инструкціи ка̀къ вести дѣло? Да никому этого и ненужно. Члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ выбираются изъ тѣхъ же гласныхъ, какъ и члены губернскихъ совѣтовъ, а потому знаютъ дѣло не хуже послѣднихъ...

На эту уѣздную филиппику г. Аѳанасьевъ замѣчаетъ сердитому князю, что если для уѣздовъ интересно знать, *ка̀къ* идутъ школы уѣзда, то для губерніи не менѣе интересно знать, *ка̀къ* идетъ дѣло народнаго образованія во всей губерніи. На это скромное замѣчаніе сердитый князь отвѣчаетъ не менѣе сердито: «Губернское земство можетъ судить о томъ по отчетамъ членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ».

Желая смягчить уѣздное сердце князя, самые почтенные изъ дѣятелей рязанскаго земства спѣшатъ къ нему на помощь съ

своими калъмативами. А И. Кошелевъ первый прописываетъ для князя успокоительное. «Для меня, говоритъ онъ:—совершенно ясна польза назначенія средствъ на разъѣзды членовъ губернскаго совѣта по школамъ. Назначеніе это можетъ доставить губернскому собранію такіе прекрасные отчеты, какими дарилъ его бывшій членъ совѣта, гласный Дашковъ, и которые, конечно, стоятъ не 200 р.» Г. Лукинскій самымъ скромнымъ образомъ даетъ кн. Крапоткину тоже своего рода успокоительное лекарство, посыпая только пепломъ уѣздную гордость своего противника. Онъ говоритъ: «Я сомнѣваюсь, чтобы въ Ряжскомъ Уѣздѣ нашлись *такіе же* члены училищнаго совѣта, *какимъ* былъ гласный Дашковъ въ губернскомъ совѣтѣ». Можно себѣ представить, что̀ должна была чувствовать уѣздная гордость кн. Крапоткина, если и онъ самъ — изъ Ряжскаго Уѣзда. Но этого мало. Послѣ гг. Кошелева и Лукинскаго, поднимется г. Левашовъ. Онъ говоритъ къ кн. Крапоткину: «На вопросъ, предложенный гласнымъ кн. Крапоткинымъ, что̀ будутъ дѣлать члены губернскаго совѣта въ школахъ? я поставлю другой вопросъ: а что̀ будутъ дѣлать эти члены въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, если они не будутъ объѣзжать школы?» Затѣмъ кн. Крапоткину читаетъ наставленіе г. Порозовъ: «Если губернскому земству нужно слѣдить за ходомъ народнаго образованія въ губерніи, то ему необходимо имѣть своихъ агентовъ, точно такъ же, какъ и уѣздамъ. Губернскому собранію нельзя полагаться на отчеты членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта, имъ не выбираемыхъ. Оно должно имѣть своихъ *соглядатаевъ*, своихъ четыре зоркихъ глаза, которые будутъ смотрѣть за тѣмъ, что̀ дѣлается въ губерніи, и докладывать о томъ собранію. Кромѣ пользы для дѣла, отъ такого наблюденія ничего не можетъ быть. Не всѣ уѣзды относятся къ дѣлу какъ слѣдуетъ, и, можетъ быть, усердіе губернскаго земства возбудитъ рвеніе и въ уѣздныхъ земствахъ». Выступаетъ, наконецъ, и г. Дашковъ, и, по своему обыкновенію, выступаетъ тяжело вооруженный логикой и фактами, особенно когда дѣло касается нечесаныхъ ребятишекъ и ихъ школъ. «Я очень радъ, говоритъ онъ:—что моя изба съ краю и что, не будучи членомъ губернскаго училищнаго совѣта, я могу говорить о дѣлѣ, какъ о дѣлѣ, не касающемся до моей личной дѣятельности: Я желаю указать на одну сторону дѣятельности земскихъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта, а именно—на характеръ ихъ надзора за дѣломъ. Никогда еще губернское земское собраніе не придавало своимъ о̀рганамъ значенія *соглядатаевъ* другъ надъ другомъ и дай Богъ, чтобы и впредь не было та-

*

кого соглядатайства. Уѣздные училищные совѣты дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и ведутъ дѣло сообразно съ своими взглядами на него; но для губернскаго собранія небезъинтересно знать, какіе результаты получаются отъ примѣненія тѣхъ или другихъ взглядовъ, приложенныхъ на практикѣ того или другаго уѣзда, и сопоставить эти результаты, съ цѣлью выработки вѣрнаго воззрѣнія на дѣло. Гласный кн. Крапоткинъ желалъ бы, чтобы члены губернскихъ училищныхъ совѣтовъ посѣщали школы какъ можно меньше, а ограничивались бы для своихъ работъ лишь письменными отчетами членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Но пусть онъ представитъ себѣ положеніе члена отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, которое, во всякомъ случаѣ, должно быть равноправное съ положеніемъ другихъ членовъ того же совѣта, хотя бы въ слѣдующемъ случаѣ: представляется отчетъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта на разсмотрѣніе губернскаго совѣта. Члены губернскаго совѣта, *не земскіе*, оспариваютъ его, говорятъ: свѣдѣнія, въ немъ изложенныя—неточны, даже невѣрны. Членъ отъ земства станетъ защищать его. Его будутъ бить фактами, ему отвѣтятъ: «вы судите только на бумагѣ, а мы убѣдились личнымъ осмотромъ». Доказать свои слова онъ не можетъ и долженъ будетъ замолчать. Совсѣмъ не то, когда знаютъ, что членъ отъ земства можетъ во всякое время посѣтить любую школу и повѣрить личнымъ осмотромъ всѣ обстоятельства, какія онъ найдетъ нужнымъ повѣрить. Тогда только онъ можетъ занимать въ училищномъ совѣтѣ такое же почетное мѣсто, какъ и прочіе члены, и голосъ его будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и голоса прочихъ членовъ».

Сбитый съ позиціи, кн. Крапоткинъ, все-таки, силится отстоять свой уѣздный сепаратизмъ. Онъ машетъ своею уѣздною шпагою, зажмуря глаза, и попадаетъ не туда, куда слѣдуетъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, чувствуя свое безсиліе:—назначать членамъ отъ земства какое-либо вознагражденіе за ихъ *почетную* и *полезную* дѣятельность значило бы оскорблять ихъ». Видя безсиліе противника, гласный Бабинъ говоритъ ему: «не туда-де, князь, машете вашей уѣздной шпагой». «Князь Крапоткинъ, говоритъ г. Бабинъ:—болѣе всѣхъ возстающій противъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта, въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи находитъ ихъ *безполезными*, въ другомъ — считаетъ эту должность *почетной* и *полезной*. Вамъ бы слѣдовало остановиться на чемъ-нибудь одномъ».—«*Иногда слѣдуетъ читать и между строкъ*», отвѣчаетъ на это кн. Крапоткинъ умирающимъ голосомъ. А что читать между строкъ, когда тамъ

ничего не написано, кромѣ оскорбленнаго уѣзднаго самолюбія? Ка̀къ бы то ни было, но и собраніе признало кн. Крапоткина побѣжденнымъ. По этому образчику можно судить, что и умнымъ земствамъ не всегда легко достаются умныя побѣды.

Хотя, впрочемъ, казалось бы, что настоящая война съ кн. Крапоткинымъ едва ли была настолько необходима, чтобы на нее сто̀ило тратить усилія всего собранія и терять изъ общей земской работы нѣсколько часовъ, и что война эта, составляя не особенно крупный эпизодъ изъ жизни русскаго земства, не сто̀ила того, чтобы ее заносить въ нашу земскую хронику, однако, такое мнѣніе будетъ ошибочно. Война эта, только по нѣкоторымъ пріемамъ воюющихъ сторонъ, напоминаетъ Гомерову «Ватрахоміомахію»; но въ существѣ затронутаго ею вопроса кроется нѣчто капитальное для земства. Тутъ ставится на карту рѣшеніе того вопроса, который задалъ себѣ Гамлетъ передъ своею погибелью: «to be, or not to be?» «Быть или не быть» земству для народнаго образованія *тѣмъ*, *чѣмъ* оно *можетъ быть*. Кн. Крапоткинъ могъ не понимать всей важности этого вопроса; но г. Дашковъ, кажется, понялъ его или только угадалъ своимъ сильно развитымъ земскимъ чутьемъ. Онъ, повидимому, понялъ, что давленіемъ откуда-то извнѣ, невѣдомо, а можетъ быть, и вѣдомо откуда и зачѣмъ, стираются или просто порѣшили оттереть земства отъ народнаго образованія, т. е. не совсѣмъ оттереть, а оттереть только такъ, чтобы оно давало деньги на народное образованіе, а въ школы бы не заглядывало, какъ того, повидимому, желаетъ и кн. Крапоткинъ; чумазыхъ крестьянскихъ ребятишекъ не баловало бы оловянною посудою, тарелками и тому подобнымъ либеральничаньемъ, а во всемъ слушалось бы начальства, которое умѣло вести дѣло народнаго просвѣщенія уже и тогда, когда земства еще и на землѣ не было, и теперь умѣетъ вести его лучше, чѣмъ земство, юное и неопытное земство, у котораго еще и молоко на губахъ не обсохло. Г. Дашковъ, кажется, унюхалъ это своимъ черезъчуръ развитымъ земскимъ носомъ и нетолько побилъ на ратномъ полѣ кн. Крапоткина за его недогадливость, а можетъ быть, и излишнюю догадливость, но неблагоразумно вздумалъ считаться и съ начальствомъ, за что̀, конечно, и получитъ достойное наказаніе. Дѣло это представляется въ такомъ видѣ. 1-го іюля 1874 года, рязанскій губернаторъ увѣдомилъ рязанскую земскую управу, что высочайше утвержденное 25-го мая (6-го іюня) положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ должно быть приведено въ дѣйствіе съ 1-го іюля, а потому и просилъ управу сообщить ему имена членовъ училищнаго со-

вѣта отъ земства. Управа сообщила, что члены эти — г. Дашковъ и г. Счастневъ. Но 1-го октября, г. Дашковъ вдругъ входитъ въ управу съ бумагой такого содержанія: «При семъ имѣю честь препроводить въ управу копію съ особаго мнѣнія, поданнаго мною въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ по поводу состоявшагося въ немъ постановленія: обратиться къ г. попечителю московскаго учебнаго округа за разъясненіемъ вопроса о *правѣ членовъ губернскаго совѣта посѣщать школы въ губерніи*. Такъ какъ прочіе члены совѣта, въ случаѣ порученія имъ со стороны ихъ прямаго начальства посѣтить нѣкоторыя школы, должны будутъ исполнить такое порученіе, каково бы ни было постановленіе совѣта по этому предмету, то очевидно, что вопросъ касается только членовъ отъ земства въ совѣтѣ. Не говоря уже о томъ, что члены совѣта, лишенные возможности лично знакомиться съ ходомъ училищнаго дѣла въ губерніи, осуждены на чисто формальное къ нему отношеніе и ограничены въ своей дѣятельности разсмотрѣніемъ восходящихъ до совѣта бумагъ, что̀ не будетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ земскаго собранія—я не считаю возможнымъ оставаться представителемъ земства въ учрежденіи, гдѣ возникаетъ вопросъ о неравноправности членовъ отъ земства съ прочими членами, и потому слагаю съ себя должность члена губернскаго училищнаго совѣта». Не хорошо, трикраты не хорошо! сказалъ бы г. Дашкову тотъ добрый священникъ, который былъ огорченъ, что его духовная дочь имѣетъ «а̀манта». Не даромъ г. Дашковъ высказывалъ опасеніе, ка̀къ бы не «испортились» добрыя отношенія земства къ новой администраціи, и заявлялъ, что грѣхъ этотъ ляжетъ на душу тѣхъ, которые «внесутъ раздоръ» въ эти отношенія. Видно, что «раздоръ» уже внесенъ; но кѣмъ, зачѣмъ—мы этого не видимъ, хотя можемъ только догадываться, по римской пословицѣ: «sapienti sat», т. е. намъ, мудрымъ, достаточно одного заявленія кн. Крапоткина, чтобы видѣть, откуда вѣтеръ дуетъ.

Замѣчательно, однако, что рязанское земство, выслушавъ докладъ объ исторіи г. Дашкова съ училищнымъ совѣтомъ, постановило и, притомъ, *единогласно*, въ составѣ *семидесяти* гласныхъ: «вмѣнить въ обязанность будущимъ членамъ губернскаго училищнаго совѣта отъ земства осматривать начальныя школы». Еще болѣе замѣчательно то, что и кн. Крапоткинъ былъ въ числѣ этихъ семидесяти гласныхъ, постановившихъ такое рѣшеніе. Видно, что рязанское земство не хочетъ, чтобы его оттирали отъ народнаго образованія.

У рязанскаго земства вообще есть чему поучиться остальнымъ

земствамъ на святой Руси. Еслибы всякая земская единица знала, что̀ дѣлаютъ ея сестры, далекія и близкія, большія и малыя, умныя и глупыя, на всѣхъ широтахъ и долготахъ русской земли; еслибы эти сестры, хотя взаимно, обмѣнивались между собою заочными привѣтами, поклонами и взаимно узнавали о здоровьѣ и расположеніи духа каждой сестрицы; еслибы онѣ довѣдывались, ка̀къ живетъ та или другая ихъ сестрица, что̀ она подѣлываетъ съ своими маленькими дѣтками, хорошо ли ихъ поитъ-кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ, хорошо ли учитъ ихъ уму-разуму; еслибы сестры не теряли одна другой изъ виду, подавая вѣсть о себѣ тѣмъ, что каждая сестра посылала бы всѣмъ сестрамъ по серьгамъ—по книжкѣ своихъ постановленій; еслибы сестры видѣли, что одна изъ нихъ разсылаетъ всѣмъ золотыя и бриллiантовыя сережки, а другая—мѣдныя, что̀ бываютъ у кучеровъ въ ушахъ, ободочки, и дознавались бы, отчего это происходитъ; еслибы, однимъ словомъ, всѣ земства могли спѣваться по капитальнымъ вопросамъ жизни, то, безъ сомнѣнія, единый всероссійскій земскій хоръ вышелъ бы поразительно внушительнымъ и земство имѣло бы полное право пропѣть: «славься, славься, святая Русь!» Къ сожалѣнію же, у рѣдкаго земства есть своя земская библіотечка, въ которой находились бы земскія изданія всѣхъ земскихъ сестеръ-единицъ, а если у иного и есть библіотечка, такъ не полная, безсистемная, разрозненная, какъ у того букиниста, который покупаетъ и продаетъ книги по корешкамъ, да на вѣсъ, на пуды. Слѣдить за тѣмъ, что̀ и ка̀къ дѣлается у другихъ земствъ, провѣрять свою работу чужими, свои задачи задачами цѣлой группы земствъ—этого у многихъ земствъ нѣтъ и въ обычаѣ, и большинство изъ нихъ бродитъ во тьмѣ, до всего доходя своимъ умомъ, какъ Кифа Мокіевичъ, и иные, дѣйствительно, додумываются стрѣлять въ созданное своимъ же воображеніемъ чудовищное яйцо изъ пушки. А между тѣмъ, пока земскіе Кифы Мокіевичи додумаются до яйца и пушки, земскія силы тратятся непроизводительно, вочеловѣченіе русскаго народа идетъ слишкомъ медленно, да и то полосами, какими-то разношерстными и разнокачественными лядинами.

Такъ, мы полагаемъ, что весьма многія земства могли бы взять у рязанцевъ, хотя напрокатъ, нѣсколько вопросовъ, поставленныхъ ими на очередь, и попробовать разрѣшить ихъ сообразно мѣстнымъ условіямъ. Теперь, между прочимъ, рязанцы занялись одною весьма смѣлою задачею, съ удачнымъ выполненіемъ которой могутъ быть связаны важныя послѣдствія для всего экономическаго быта Россіи. Они задумали маленькую пе-

ретасовку населенныхъ мѣстностей своего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и созданіе новыхъ поселеній. Это значитъ пересоздавать отчасти физіономію своей страны и ея будущую исторію. Въ 1873 г., рязанцы, по предложенію гласнаго Л. Н. Шишкова, поставили себѣ задачей—выселять охотниковъ-крестьянъ, кои имѣютъ растянутый и удаленный отъ селеній надѣлъ, на этотъ самый надѣлъ и образовывать, такимъ образомъ, новые поселки. Этимъ охотникамъ предполагается выдавать извѣстныя ссуды на подъемъ и на обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ. Чѣмъ вызывается подобная земская фантазія, какъ назвалъ бы ее кн. Крапоткинъ, ратующій противъ нея такъ же смѣло, какъ и противъ членовъ училищнаго совѣта? Рязанцы говорятъ: «Задачи земства—хозяйственныя. Но хозяйничать должно земство не про нынѣшній только день: заботы дня не могутъ исчерпать его дѣятельность. Оно должно видѣть возникающія потребности населенія и, одновременно съ ихъ развитіемъ, подготовлять средства къ ихъ удовлетворенію. Что же ждетъ впереди обывателей нашихъ селеній?» спрашиваютъ рязанцы.—«Ихъ ждетъ гибель, отвѣчаютъ рязанцы:—русскія селенія ростутъ, все болѣе и болѣе скучиваются, а огонь пожираетъ ихъ. Какъ фениксъ изъ пепла, возникаютъ новыя села и жмутся еще тѣснѣе, а скоро и селиться будетъ нѐкуда. А огонь, все-таки, будетъ приходить и пожирать ихъ до тла въ 24 года, какъ онъ пожираетъ въ 24 года всю Россію, т. е. цѣнность всего на ея обширныхъ земляхъ выстроеннаго. И вотъ, Россія горитъ и строится, горитъ и строится и при этомъ съѣдаетъ свой лѣсъ на эту стройку, съѣдаетъ свои рабочія силы, съѣдаетъ, наконецъ, свои капиталы, какъ тотъ дьяконъ Ахилла, съѣвшій нечаянно прилипшіе къ сдобнымъ лепешкамъ двѣсти рублей. «Сколько безполезнаго передвиженія цѣнностей, сколько дароваго труда, сколько даромъ убитаго времени и, сверхъ всего этого, сколько страданій и лишеній! горѣть и строиться, строиться и горѣть, и вертѣться въ этомъ кругу до безконечности...» Такъ говорятъ рязанцы своему земскому собранію. Они же говорятъ, что каждый годъ идетъ до мильйона на земскія нужды и столько же «на дымъ», на пожаръ, на умилостивленіе огненнаго бога. «Двѣ земскія сметы, вмѣсто одной—и кàкъ же тутъ не быть недоимкамъ!» Рязанцы же говорятъ, что и нравственное вліяніе пожаровъ на населеніе ужасно, если еще не болѣе страшно: «народъ привыкаетъ къ пожарамъ», ужь онъ относится къ нимъ «равнодушно», ждетъ страховаго вознагражденія за гнѣвъ божій. «Привычка періодически горѣть неминуемо убиваетъ привычку копить запасъ про-черный день», и вотъ народныя сред-

ства «таютъ, а не ростутъ». Спасти страну отъ огня—вотъ одна изъ задачъ земства: спасеніе отъ огня спасаетъ для каждой губерніи ежегодно мильйонъ по малой мѣрѣ. Спасеніе это рязанское земство видитъ въ разбивкѣ крупныхъ селеній на мелкіе поселки и *въ созданіи*, чрезъ это, *новыхъ цѣнностей*. Русская земля уже старѣется, дряхлѣетъ, становится чахлой. Въ большинствѣ случаевъ, безъ удобренія, она уже не кормитъ никого. Чѣмъ ближе къ полю поселокъ, тѣмъ удобнѣе народу поддерживать въ землѣ производительную силу навозомъ. А иные крестьянскіе надѣлы растянуты лентами сотни верстъ, отъ города до города. Эти ленты обречены на скорую смерть, на неизбѣжное истощеніе. «Допускать ли подобное явленіе, спрашиваютъ рязанцы:—или дать ему выступить въ видѣ послѣдовательныхъ неурожаевъ со всѣми ихъ горькими послѣдствіями, чтобы тогда сокрушаться надъ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ и, чего добраго, собирать подаянія по широкой Руси? что̀ изъ двухъ достойно земскихъ учрежденій? въ которомъ случаѣ будемъ мы вправѣ считать свой долгъ исполненымъ передъ нашими избирателями?»

Одинъ человѣкъ во всемъ рязанскомъ земствѣ пошелъ противъ этой смѣлой попытки создать въ Россіи новый порядокъ жизни, и этотъ одинъ былъ кн. Крапоткинъ. Когда губернское собраніе передало вопросъ о переселеніи крестьянъ на полевые участки въ уѣздныя собранія, кн. Крапоткинъ, какъ предводитель ряжскаго дворянства и предсѣдатель ряжскаго земскаго собранія, *не допустилъ* этотъ вопросъ къ обсужденію въ своемъ собраніи, какъ вопросъ, будто бы, «сословный», т. е. исключительно мужицкій, который, по 7-й ст. полож. о земск. учрежд., не входитъ, будто бы, въ кругъ земскихъ занятій. Когда, затѣмъ, въ послѣднемъ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, кн. Крапоткинъ долженъ былъ стать передъ лицомъ всего земства своей губерніи и объяснить мотивы, руководящіе имъ въ неповиновеніи губернскому земству, подсудимый держалъ себя такъ, какъ та классическая героиня Леэна, которая, дабы не сказать то, что̀ отъ нея требовали враги, откусила себѣ языкъ и за это была потомъ боготворима греками въ видѣ львицы съ разинутой пастью и съ откушеннымъ языкомъ. Правда, кн. Крапоткинъ не откусилъ себѣ языка, но сказалъ, что, если онъ не позволилъ своему земству обсуждать вопросъ о выселеніи крестьянъ на полевые участки, то сдѣлалъ это такъ потому, что такъ хотѣлъ сдѣлать: что это—вопросъ «сословный». Неповиновеніе кн. Крапоткина вызвало горячія пренія въ собраніи. Въ поступкѣ кн. Крапоткина собраніе должно было видѣть по-

сягательство на права земства. «Для губернскаго собранія необходимо ограждать себя отъ такого противодѣйствія со стороны собраній уѣздныхъ, говоритъ губернская управа въ своемъ докладѣ собранію.—Въ жизни рязанскаго земства губернское собраніе еще въ первый разъ сталкивается съ такимъ противодѣйствіемъ. Ему приходится опредѣлить предѣлы своей власти». Но, въ данномъ случаѣ, кн. Крапоткинъ остался непобѣдимымъ: когда одна часть собранія настаивала на томъ, чтобы просить министра внутреннихъ дѣлъ «о разъясненіи кн. Крапоткину предѣловъ его власти, такъ какъ пониманіе его расходится съ закономъ», другая, болѣе сильная, превышавшая первую тремя голосами, отвергла это предложеніе, и кн. Крапоткинъ остался со щитомъ, а не на щитѣ, какъ въ битвѣ противъ членовъ училищнаго совѣта.

Что̀ же касается самаго вопроса, изгнаннаго кн. Крапоткинымъ изъ ряжскаго земства и изъ Ряжскаго Уѣзда, то, въ виду его капитальной важности, собраніе передало окончательную разработку его особой комиссіи.

Едва ли не болѣе капитальной задачей задалось рязанское земство и по отношенію къ той сторонѣ земской жизни, которая, такъ сказать, составляетъ примитивную «клѣточку» въ земскомъ и государственномъ организмѣ—клѣточку, отъ того или другаго патологическаго состоянія которой зависитъ то или другое патологическое состояніе всего государства. Клѣточка эта, основа государственной и общественной жизни—это наша сельская волость, это самъ народъ въ своемъ общественномъ хозяйствѣ и въ своемъ микроскопическомъ самоуправленіи; это, однимъ словомъ—«міръ», «космосъ», который, по справедливости, можетъ быть названъ «микрокосмомъ». Волость—это, повидимому, міръ въ періодѣ зачаточнаго, до-форменнаго броженія матеріи въ пространствѣ, клѣточка вселенной въ ея хаотическомъ состояніи, хаотическомъ до грандіознаго. А между тѣмъ, на этой клѣточкѣ держится все государство, какъ оно держится на неграмотномъ мужичкѣ. Чтобы сдѣлать изъ этой хаотической клѣточки *что̀-нибудь*, чтобы, по крайней мѣрѣ, извлечь этотъ «міръ» изъ «хаоса довременности», выражаясь языкомъ поэтовъ, рязанское земство рѣшилось на трудный подвигъ—на ревизію волостей; т. е. не на ревизію въ старомъ, чиновничьемъ значеніи этого слова, а въ смыслѣ разумнаго изученія волости, научнаго изслѣдованія «клѣточки». Правда, и здѣсь оно встрѣтило препятствія или въ равнодушіи нѣкоторыхъ изъ земскихъ дѣятелей, или въ непониманіи глубины задачи: такъ, касимовцы высказались, что считаютъ изученіе волостей «безполез-

нымъ», что имъ «все извѣстно» и безъ изученія; однако, въ общемъ, изученіе было произведено, и рязанское земство вынесло самое безнадежное заключеніе изъ того, что̀ оно узнало. Если только представить себѣ все, что̀ предстоитъ земству сдѣлать, чтобы изъ хаоса создать живую, стройно-дѣйствующую силу, то неудивительно, что честные земскіе работники должны впасть въ отчаяніе, руки опустить отъ безнадежности. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ говоритъ рязанское земство, взявшееся за тяжелый подвигъ—создать изъ нашей «клѣточки» хоть *что̀-нибудь*. Для этого *что̀-нибудь* долженъ «потребоваться продолжительный и усиленный трудъ цѣлой массы людей... И эти труды будутъ каплею въ морѣ безъ помощи людей грамотныхъ, которые помогли бы слѣпому народу въ волостныхъ правленіяхъ, на волостныхъ и сельскихъ сходкахъ разобраться въ своихъ путанныхъ и перепутанныхъ счетахъ. А гдѣ взять этихъ людей? Ихъ не создать никакими указаніями и никаками предписаніями»... Вездѣ, во всѣхъ «клѣточкахъ» одинъ и тотъ же довременный хаосъ: «тотъ же сборъ неграмотными старостами денежныхъ платежей различныхъ наименованій (до 10-ти и больше); та же путаница и отсутствіе всякаго обезпеченія для плательщиковъ; тѣ же отмѣтки по окладнымъ книгамъ, веденнымъ полуграматными писарями; та же масса дѣлъ, лежащихъ на волостныхъ правленіяхъ; та же небрежность въ денежныхъ книгахъ; тѣ же утраты и растраты, учесть которыя не представляется почти никакой возможности; то же сгнаиванье прежнихъ запасовъ хлѣба и самыхъ магазиновъ, и произвольные дѣлежи свѣжихъ запасовъ; тѣ же предписанія безъ цѣли, безъ конца отъ высшихъ инстанцій къ низшимъ, и тѣ же отписыванья отъ низшихъ къ высшимъ; та же темная и безпомощная безграматность кругомъ, о которую разбивается всякая начальническая строгость...

«Безграматность», мракъ абсолютный—вотъ та скала, о которую *все* разбивается и будетъ разбиваться. Нищета — вотъ то основаніе, на которомъ стоитъ эта несокрушимая скала, стоитъ и долго будетъ стоять.

«Я нашелъ въ обревизованныхъ мною волостяхъ множество уклоненій отъ законнаго порядка, но уклоненія эти или вызывались необходимостью, или совершенно оправдывались *общею неграматностью и бѣдностью* населенія». Такъ говоритъ въ началѣ своего доклада А. Н. Левашовъ, членъ рязанской губернской управы, одинъ изъ тѣхъ тружениковъ, которые взялись изслѣдовать жизнь земской «клѣточки», волости, и ея отправленія. Эти добросовѣстные земскіе подвижники считали песокъ

морской — такая страшная масса собранныхъ ими во время поѣздокъ по губерніи свѣдѣній, цифръ, наблюденій, замѣтокъ, грандіозныхъ безобразій... Цѣлую книгу, изданную особо, составилъ ихъ докладъ въ 224 печатныхъ страницы, и книга эта, изданная рязанскимъ земствомъ, вмѣстѣ съ другими его изданіями, прибавляетъ новый вкладъ въ историческую библіотеку будущихъ изслѣдователей неисповѣдимыхъ судебъ Россіи. Громадный геній долженъ быть у будущаго историка Россіи, чтобы освѣтить и оживить весь этотъ хаосъ данныхъ, накопляемыхъ современною жизнью. Мы же не беремся и не осмѣливаемся исчерпывать его, а возьмемъ лишь нѣсколько атомовъ изъ этого хаоса.. Земскій подвижникъ ищетъ по уѣзду продовольственнаго капитала, который по закону долженъ быть, и не находитъ; его нѣтъ и быть не можетъ все по тѣмъ же *двумъ* причинамъ: «Все дѣло ограничивается только перепискою; управа напоминаетъ волостному начальству, волостное начальство—сельскому, и послѣднему въ пору заботиться только о сборѣ внесенныхъ въ раскладку платежей. И это-то трудно запомнить и счесть безграматному сельскому старостѣ! Куда ужь тутъ высчитывать, почемъ съ души придется продовольственнаго капитала: блàго граматное начальство не считаетъ, а безграматному и Богъ велѣлъ...» (Доклады членовъ рязанск. губерн. зем. управы о ревизіи волостей уѣздовъ: Зарайскаго, Данковскаго, Пронскаго, Егорьевскаго и Скопинскаго. Рязань 1874, стр. 10, 23). А народъ хочетъ учиться, хочетъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, подростающіе, бѣлоголовые ребятишки вывели ихъ изъ тьмы непроглядной. «Крестьяне и сельскіе жители другихъ сословій, признаютъ школы дѣломъ крайней необходимости, съ большою охотою посылаютъ въ нихъ дѣтей, ясно сознавая, что граматный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше неграматнаго, и если сожалѣютъ о чемъ, то только о недостаткѣ школъ» (тамъ же, 45). Есть школы, въ которыя *приходятъ* дѣти изъ другихъ сёлъ, даже изъ другихъ уѣздовъ, таща «съ собою изъ дому весь запасъ, который могутъ захватить». И тутъ не безъ честныхъ подвижниковъ и подвижницъ: въ селѣ Струпнѣ, Зарайскаго Уѣзда, подвизается отецъ Надеждинъ, священникъ, и его дочь-дѣвушка: подвижники убиваютъ на школу по 8 часовъ въ сутки—и почти даромъ! Только съ прошлаго года, земство положило 230 р. А гдѣ нѣтъ подвижниковъ, тамъ опять тьма: «и дѣти не ходятъ въ школу, и родители не видятъ пользы въ ученьи, и сходъ скупится на расходы; а принялись за дѣло (подвижники), и мальчиковъ множество, отцы и матери сами шлютъ ихъ въ школу, и общество усердно помогаетъ имъ». А есть и такія

волости, какъ, напримѣръ, козловская, гдѣ *нѣтъ ни одной школы*: «По этому ли, или по другимъ причинамъ, только въ козловской волости темь непроходимая, грамотныхъ совсѣмъ нѣтъ, и путаются неграматные старшины, старосты и сборщики, путаются до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не запутаются! Нѣсколько разъ собираются сходы ихъ учитывать, каждый разъ получають новые результаты начёта, такъ что и не знаешь, чему вѣрить. Тѣмъ временемъ, вступило въ должность новое лицо, не успѣло побыть нѣсколько мѣсяцевъ въ должности—и запуталось. Опять начётъ и опять цѣлый рядъ цифръ и соображеній, въ которыхъ потеряется нетолько неграматный человѣкъ, но и любой бухгалтеръ, и бьются бѣдняки до пота лица—и все даромъ. Трудно темному, неграматному человѣку разобрать запутанные счеты, и нѣтъ ни одного граматѣя во всемъ уѣздѣ, который взялся бы ему помочь. Да что помочь—лишь бы только не мѣшался. А то въ этой брошенной волости послѣдніе три года смѣнилось двое старшинъ и до десяти человѣкъ писарей, и что не новый писарь, то путаетъ» (тамъ же, 47, 62, 63). А посмотримъ, какъ ведется бухгалтерія у этихъ бѣдныхъ русскихъ бушменовъ, въ чемъ состоятъ ихъ конторскія и казначейскія книги. Міръ дастъ старостѣ длинную бичеву: это—бухгалтерская книга! На бичеву нанизываются четырехгранныя бирки, по порядку дворовъ въ селеніи по биркѣ на каждый дворъ. Каждая бирка распилена на двѣ половины, снабженныя деревянными колышками и дырочками, такъ что колышекъ одной половины какъ-разъ приходится въ дырочку другой. На толстомъ концѣ каждой половинки, сходящемся съ тонкимъ концомъ другой половинки, отмѣчается сколько во дворѣ душъ и сколько съ нихъ приходится оклада. Затѣмъ, обѣ половинки бирки складываются и на составляющихся отъ этого граняхъ отмѣчается уплата знакомъ, такъ что одна половина знака приходится на одной половинѣ бирки, а другая на другой. Послѣ отмѣтки уплаты, одна половина бирки остается у старосты на бичевѣ (въ книгѣ!), а другая отдается плательщику (квитанція!). Чтобъ счетъ былъ признанъ вѣрнымъ, надо, чтобы нетольки бирки пришлись другъ къ другу, но чтобъ полузнаки на нихъ составили цѣльные знаки. И вотъ, въ податной тетрадкѣ отмѣчается противъ двора, положимъ, Карпа Сидорова: ⊛⊛⊛××××III≡. Это значитъ, что со двора Карпа Сидорова получено податей *3 р. 43¾ к.* Вѣдь, это—даже не іероглифы египетскіе, существовавшіе до изобрѣтенія азбуки, а это—нѣчто еще болѣе древнее, болѣе примитивное и дикое: это—«черты и рѣзы» славянскіе и скандинавскіе, находимые на скалахъ и въ пещерахъ отъ того времени, когда наши предки

жили еще пещерною жизнью въ каменномъ вѣкѣ и, по развитію, стояли не выше дикихъ бушменовъ и папуасовъ. И эти «черты и рѣзы» существуютъ въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка, и попадаются не въ пещерахъ, не на скалахъ, а въ офиціальныхъ, начальственныхъ документахъ!.. (Тамъ же, стр. 71, 113, 114).

О другихъ волостяхъ читаемъ въ докладѣ: «Крестьяне посылаютъ въ школы дѣтей очень охотно, что доказывается переполненностью всѣхъ школъ и, сравнительно съ числомъ учащихся, тѣснотою ихъ помѣщеній. По отзывамъ крестьянъ, граматный человѣкъ всегда вдвое больше стоитъ неграматнаго: и служить обществу можетъ, и поможетъ ему въ своихъ счетахъ разобраться, и во всемъ отвѣтъ дать можетъ, да и то ужъ хорошо, что *отъ мальчиковъ многіе отцы и матери молитвамъ выучились*...» Яйца курицу учатъ, вопреки русской пословицѣ... А вотъ въ какомъ состояніи запасные продовольственные магазины, это ожидаемое страною спасеніе въ страшные голодные годы: магазинъ выстроенъ общій на волость—огромное каменное зданіе въ 105 аршинъ длины, покоемъ, въ два крыла. «Подъѣхали къ одному крылу (говоритъ г. Левашовъ въ своемъ докладѣ), бились полчаса и не могли отперѣть совершенно заржавѣвшій замокъ, пригласили кузнеца и сломали его. Огромная стая голубей поднялась съ нашимъ входомъ. Поднялись по лѣстницѣ на верхнюю площадку; по обѣимъ сторонамъ ея—глубокіе закромà, устроенные на самыхъ раціональныхъ основаніяхъ, такъ, чтобы воздухъ свободно проходилъ межъ ними и стѣнами. Но въ этихъ закромахъ лишь одинъ голубиный помётъ. Рожь оказалась, по словамъ старосты, раскраденною, да мало того, что рожь—начали красть доски, изъ которыхъ построены закромà. Да и не мудрено: магазинъ остается неприступнымъ для старосты, а воры давно уже выбили себѣ слуховое окно и изъ него устроили прекрасную лѣстницу...» Въ другихъ волостяхъ магазины—пусты. И вотъ, о всѣхъ волостяхъ Данковскаго Уѣзда г. Левашовъ отзывается: «Во всѣхъ волостяхъ дѣло идетъ такъ, что не знаешь, радоваться или печалиться тому, что хлѣбъ разворовывается: *по крайней мѣрѣ*, хоть вору въ пользу пойдетъ, а то все равно съѣдятъ мыши да голуби, или еще хуже—сопрѣетъ» (тамъ же, стр. 81, 82, 85). А отчего воры? — Все *оттого же*. Посмотримъ, кàкъ достается хлѣбъ рабочимъ. Напримѣръ, одна волость живетъ преимущественно добываніемъ жерноваго камня. Камень лежитъ подъ краснымъ пескомъ на глубинѣ 8 и болѣе аршинъ, сплошнымъ пластомъ. «Добываніе его самое первобытное и напоминаетъ древнія египетскія рабо-

ты (отъ которыхъ Моисей спасъ евреевъ). Жизнь рабочихъ до того тяжелая, что остается удивляться, ка̀къ можетъ выносить ее природа человѣческая. Желающіе добывать жернова̀ соединяются въ одну общую артель, которая, за право пользованія камнемъ, выплачиваетъ помѣщику по 30 р. съ человѣка. Артель ощупываетъ камень особеннымъ щупомъ или буромъ и, удостовѣрившись въ его присутствіи, начинаетъ рыть яму, дорывается до камня и, продолбивъ его, всыпаетъ въ сдѣланное отверстіе нѣсколько фунтовъ пороху. Тогда въ атрели выбирается смѣльчакъ и отправляется зажигать порохъ. Онъ прощается со всѣми, и на проводахъ товарищи угощаютъ его виномъ. И есть причины прощаться. Зажиганье пороха дѣлается такъ: берется желѣзная лопата съ жаромъ и изъ рукъ бросается огонь въ порохъ. Часто зажигающій погибаетъ или приходитъ искалѣченнымъ, но еще чаще авоська вывозитъ—и тогда нѣтъ конца торжеству. Виновнику его предоставляется право втораго выбора изъ всѣхъ, имѣющихъ быть добытыми камней, а первый выборъ принадлежитъ цѣловальнику, который давно уже купилъ лучшій камень рублей за 12, далъ впередъ деньги или вина и, получивъ его, черезъ годъ продаетъ за 90 рублей. Разорвавъ каменное гнѣздо, артель устраиваетъ ступенями спускъ въ яму и начинаетъ подрываться подъ отдѣльные куски камня, развороченные взрывомъ. Земля при этомъ передается на верхъ со ступеньки на ступеньку. Если оторванный кусокъ слишкомъ великъ, то его отсѣкаютъ желѣзными клиньями. Когда кусокъ достаточно окопанъ, его поддѣваютъ веревками и воротомъ вытаскиваютъ наружу. Тамъ уже окончательно обдѣлываютъ камень посредствомъ клиньевъ и клюва (остраго молота) и придаютъ ему форму жернова. Очень часто въ ямѣ случаются обвалы, придавливающіе рабочихъ... Во все время этой работы, артель живетъ въ землянкахъ, въ сырости, холодѣ, а подчасъ и голодѣ. Послѣ страшныхъ трудовъ, при скудной пищѣ, является сильная страсть къ вину; но и вино-то такой рабочій пьетъ не какъ люди, какъ выразился одинъ изъ крестьянъ: наскоро напьется, какъ тёлокъ—и готовъ». Спрашиваютъ: отчего пьянство въ народѣ?—Все *оттого же*.—Наемнымъ рабочимъ жизнь также тяжкая—и многіе бѣгаютъ съ работы. Ихъ сѣкутъ розгами и велятъ отрабатывать забранныя деньги. Но «сѣченый работникъ—не работникъ». Говорятъ: не надо впередъ давать имъ денегъ; «но и этого нельзя, потому что иные, если не получатъ впередъ денегъ, *будутъ съ голоду помирать*» (тамъ же, стр. 106, 107, 120).

Вотъ тутъ земство и вертись между Сциллой и Харибдой. И

вертится. Пригоршнями, что называется, можно брать поразительныя данныя о томъ, что сообщаетъ намъ земская литература изъ нашей внутренней жизни и съ чѣмъ земству приходится сталкиваться. Но всего исчерпать нельзя, какъ нельзя было бѣднымъ грекамъ исчерпать ящикъ Пандоры.

Въ положеніи древнихъ грековъ передъ ящикомъ Пандоры мы застаемъ и наши земства передъ тѣмъ ящикомъ, который называется русской волостью или, вѣрнѣе, волостью Пандоры. Комиссія, назначенная рязанскимъ земствомъ для обревизованія этого ящика, пришла наконецъ къ положительному отчаянію и разрѣшила волостное «быть или не быть» такъ: или всѣхъ и все отдавать подъ судъ и ссылать въ Сибирь, или всѣхъ и все простить. Но остановилась на послѣднемъ. Вотъ ея конечное заключеніе: «Не возбуждать дѣлъ объ уклоненіяхъ отъ законнаго порядка въ волостяхъ, такъ какъ уклоненія эти, какъ онѣ ни вредны и ни грубы, встрѣчаются во *всѣхъ* волостяхъ и составляютъ какъ бы *нормальный* порядокъ веденія въ нихъ дѣлъ» (Жур. ряз. губ. зем. соб. 10 соз. 1875, стр. 267). А относительно волостныхъ судовъ *всѣ* земства Рязанской Губерніи, изслѣдовавшія волостной вопросъ, что называется, отъ корки до корки, въ большинствѣ случаевъ высказались, что, «хотя приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ иногда грѣшатъ противъ справедливости, бываютъ даже безобразны и часто внушены личными отношеніями судей къ подсудимымъ, къ истцамъ и отвѣтчикамъ, или пристрастіемъ къ тѣмъ, кто ихъ лучше угостилъ виномъ, однако, трудно и почти невозможно для маловажныхъ исковъ и проступковъ крестьянъ обойтись безъ близкаго, дешеваго, такъ сказать, домашняго для нихъ суда»; что «вліяніе волостныхъ писарей, нынѣ весьма вредное, должно, по мѣрѣ усиленія грамотности въ крестьянствѣ и по мѣрѣ лучшаго ими пониманія своихъ правъ и обязанностей, постепенно сокращаться» и что, поэтому, волостные суды, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ, должны быть сохранены и на будущее время». (Тамъ же стр. 348).

Не перечисляемъ всей пестрой массы другихъ вопросовъ, затронутыхъ рязанскимъ земствомъ. Видно, въ десять лѣтъ оно много передумало и, хотя не много сдѣлало, то по, крайней мѣрѣ, хотя вѣхи поставило надъ пропастями, съ указаніемъ, что тамъ голову сломать можно, тамъ съ голоду помереть опасайся, тамъ и конь, и всадникъ погибнетъ, и что пропасти эти будутъ засыпаны, когда силъ на это хватитъ. Это — не то, что какое-нибудь оханское земство, Казанской Губерніи.

Изслѣдовали мы его изданія, какъ какую-нибудь пустыню без-

плодную, ища колодца, ручейка маленькаго, чтобы жажду утолить—и ничего не нашли. Такъ и хочется подписать подъ этими всѣми оханско-канцелярскими синодиками, говорящими только о смерти всего живого и разумнаго, подобно синодику Грознаго, такъ, повторяемъ, и хочется надъ ними подписать или вмѣстѣ съ Гоголемъ: «не гляди, ибо здѣсь не хорошо», или вмѣстѣ съ Дантомъ: «lasciate ogni speranza...» Ни въ постановленіяхъ оханцевъ, ни въ докладахъ, ни въ мнѣніяхъ — ничего нѣтъ, хоть шаромъ покати. Глазу не на чемъ остановиться: только читаешь: «слушали, постановили»; а что̀ «слушали», ка̀къ «слушали», чѣмъ «слушали» и, главное, что̀ при этомъ думали—о томъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Когда, наконецъ, въ заключеніе этихъ ничего не говорящихъ «слушали», предсѣдатель собранія обращается ко всему сонму земства и спрашиваетъ: «есть ли въ полѣ кто живъ человѣкъ?»—то въ полѣ не нашлось даже той мертвой головы, которая отвѣчала Руслану, что она—хоть мертвая голова, но говорить умѣетъ. На вопросъ предсѣдателя—«имѣетъ ли *хоть кто нибудь*, *хоть что̀ нибудь* заявить?» — всѣ отвѣчали: «никто и ничего не имѣютъ». Вотъ тутъ и учись одно земство у другого всему полезному и умному. Чему, хотѣли бы мы спросить, можно научиться другимъ земствамъ хоть бы у оханскаго, курскаго, дмитріевскаго, золотоношскаго и имъ подобныхъ? Хотя русская пословица и утверждаетъ, что «умъ хорошо, а два лучше»; но она не имѣла въ виду такого положенія, когда приходится спросить: умъ хорошо, а каково полтора ума, полтретья ума, три съ половиной ума? Вѣдь, тутъ уму приходится сопрягаться съ величиною отрицательной, съ полууміемъ; и изъ математики извѣстно, что если къ положительной величинѣ прикладывается отрицательная, то сумма становится меньше перваго слагаемаго; а когда положительная величина *умножается* отрицательною, то сама становится отрицательною же, *минусомъ*, полууміемъ.

Чтобы перейти къ другимъ земствамъ, болѣе или менѣе работающимъ для будущаго, мы закончимъ нашъ обзоръ дѣятельности рязанскаго земства послѣдними двумя-тремя штрихами. Рязанское земство, напр., не прячетъ своихъ слабыхъ сторонъ. Оно говоритъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ медицинская часть буквально кричитъ о подмогѣ и реорганизаціи, что какой-нибудь одинъ докторъ на уѣздъ и на городъ, это—обѣдъ того хохла, который ѣлъ хлѣбъ съ саломъ, когда сало висѣло у него на матицѣ, а онъ, глотая сухой кусокъ хлѣба, взглядывалъ на сало; это—то же, что̀ пить чай съ сахаромъ «въ приглядку»: глотать одну горячую воду и глядѣть на кусокъ сахару. Есть та-

кіе уѣзды, гдѣ врачъ въ одинъ день объѣзжаетъ по три и по четыре волости и часто не успѣваетъ «видѣть въ глаза ни одного больного», а за каждой ложкой хотя бы касторовaго масла мужикъ, въ рабочую пору, долженъ ѣхать въ городъ за десятки верстъ; «ветеринаръ же существуетъ для шутки» (Жур. ряз. губ. зем., стр. 71, 80). Въ Рязанской же Губерніи, изобилующей волками, которые опустошаютъ крестьянскія стада, *каждый волкъ*, по разсчету гласнаго Оленина, *обходится населенію въ 127 рублей въ годъ!* (Тамъ же, стр. 103). Вѣдь, это значитъ, что *содержаніе одного волка дороже содержанія сельскаго учителя*, хотя бы этотъ учитель былъ изъ числа тѣхъ подвижниковъ, какихъ мы встрѣтили въ священникѣ Надеждинѣ и въ дѣвицѣ Надеждиной, его дочери. Далѣе. Въ то время, когда рязанскіе волки, состоя на обязательномъ земскомъ содержаніи, сами себѣ ассигнуютъ въ годъ по 127 рублей, на себя и на свое волчье семейство, нѣкоторыя земскія школы совершенно лишены земскаго содержанія по недостатку средствъ, и относительно этихъ школъ одинъ изъ членовъ зарайскаго училищнаго совѣта восклицаетъ: «Съ ужасомъ долженъ сказать, что большинство школъ уѣзда въ такомъ положеніи, что почти невозможно ожидать отъ нихъ какихъ-нибудь хорошихъ результатовъ въ развитіи образованія народа» (Тамъ же, стр. 376). Наконецъ, въ рязанскомъ земствѣ, собственно въ касимовскомъ, раздается голосъ гласнаго Тимоховича противъ пьянства, раздается, правда, какъ-то странно, крикливымъ диссонансомъ, но, повидимому, задушевно, искренно — и этому голосу сочувственно внимаетъ рязанское земство. Г. Тимоховичъ внесъ въ собраніе оригинальную записку противъ пьянства. Мы не рѣшаемся знакомить читателя съ подробностями; но скажемъ только, что г. Тимоховичъ предлагаетъ вести противъ кабаковъ разумныя контрмины: это— *чайныя*, доступныя для народа. Г. Тимоховичъ предсказываетъ «чайнымъ» побѣду надъ историческимъ кабакомъ, хотя и оговаривается такимъ не безъосновательнымъ образомъ: «если въ моемъ проектѣ найдутъ ту слабую сторону, что дѣйствіе «чайныхъ» будетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ медленно—я съ этимъ даже согласенъ, но зато, возражаю я на это, оно будетъ прочно; да наконецъ, за какія такія наши добродѣтели мы можемъ ждать отъ неба такого чуда, чтобы зло, скоплявшееся надъ нами цѣлыми столѣтіями, могло быть уничтожено въ какія-нибудь недѣли?» (Тамъ же, стр. 398—404). Это послѣднее замѣчаніе г. Тимоховича, при своей кажущейся наивности, имѣетъ глубокій историческій смыслъ: зло, скопляющееся вѣками, не недѣлями уничтожается. Это—та же глубокая мысль, которую нашъ

любимый поэтъ выразилъ только сильнѣе и безсмертнѣе: «дѣло вѣковъ поправлять не легко...»

Въ заключеніе, добавимъ, что и рязанское земство, подобно херсонскому, въ порывѣ земской горячности, размахнулось кистенемъ надъ своей и мужичьей головой. Въ послѣднюю сессію принято къ разсмотрѣнію предложеніе гласнаго Базина о томъ, чтобы за несвоевременный взносъ земскихъ налоговъ подвергать пени земли и имущества, нетолько принадлежащія землевладѣльцамъ, но городамъ, казнѣ и крестьянамъ. (Тамъ же, стр. 214—216). Оба умныя земства точно сговорились попытать сомнительнаго счастья.

XII.

Изучая земскую жизнь во всѣхъ ея разновидныхъ проявленіяхъ и подъ всѣми градусами широты и узкости—широты пониманія земскаго идеала, которая невольно бросается въ глаза въ дѣятельности иныхъ земствъ, и подъяческой узкости, до которой этотъ идеалъ ссохся въ мозгахъ другихъ земствъ — мы наталкивались иногда на такіе аномальные процессы этой жизни, что едва-ли можемъ найти для нихъ какое-либо подходящее объясненіе, какъ вообще нелегко объясняются всѣ отклоненія въ жизненныхъ процессахъ, отклоненія, напр., отъ нормы человѣческаго ума до ненормальной, повидимому, высоты генія, равно отклоненія отъ нормы этого человѣческаго ума до уровня идіотизма, отклоненія отъ рядовыхъ формъ человѣческаго лица до поразительной красоты съ одной стороны и до невообразимаго уродства—съ другой. Почему изъ одной головы выростаетъ геній, изъ другой—идіотъ, изъ одного куска мяса природа вырѣзываетъ ослѣпительную и обаятельную красоту, изъ другого такого же куска—поражающее, отталкивающее безобразіе? Совершенно такія же необъяснимыя отклоненія отъ нормы видимъ мы и въ земской сферѣ.

Изъ древней Рязани и изъ Оханска, куда мы забрели нечаянно, изъ любопытства, не предполагая, что вынесемъ оттуда впечатлѣніе заброшеннаго кладбища, перенесемся теперь снова на югъ, въ тѣ земли, которыми еще не такъ давно хозяйничало турецкое земство, сластолюбивые паши и голодные янычары, гдѣ не далѣе, какъ при Петрѣ Великомъ и послѣ него, лилась русская кровь для удобренія земли, нынѣ засѣваемой русскою пшеницей, и гдѣ долго привелось на турецкой каторгѣ-галерѣ топтаться, побрякивая кандалами, и многострадальному лаптю нашего мужичка, и подбитому гвоздемъ каблуку русскаго ротнаго

человѣка, и пропитанному дегтемъ чоботу чубатаго и усатаго казака - запорожца, попадавшихъ въ турецкую неволю. Земли эти — земли Азова, Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани. Турецкая земля, изъ-за которой долго бились и донскіе казаки, и царскіе ратные люди—теперь русская земля. Ею хозяйничаетъ ростовское-на-Дону земство. Земство это представляетъ собою, подобно Австріи, аггломератъ всѣхъ народностей: въ числѣ земскихъ гласныхъ есть и чисто-великорусскія фамиліи: Баташовъ, Кривошеинъ, Шеболдаевъ, и коренные украинцы: Палій, Ященко, Клименко, и поляки: Войцеховскій, Шидловскій, Шебельскій (ляхи обрусѣвшіе), и братья славяне: Драшковичъ, и нѣмцы-космополиты: Эрихсъ, Ольденборгеръ, и греки, потомки Одиссея и Герострата: Алфераки, Аргиропуло, Сарандинаки, и евреи, потомки царей Соломона и Ирода: Коганъ, Исаакъ Соломоновичъ Безчинскій, и армяне, хитрые потомки хитраго константинопольскаго императора Іоанна Цимисхія: Исаакъ Эммануиловичъ Аладжаловъ, Минасъ Александровичъ Халыбовъ и т. д. Недостаетъ только самоѣдовъ и краснокожихъ индѣйцевъ. Въ наукѣ существуетъ положеніе, что, чѣмъ разнообразнѣе элементы, изъ которыхъ сплотилась какая-либо государственная или общественная единица, тѣмъ болѣе даровитости и творчества проявляетъ эта единица и тѣмъ болѣе у нея данныхъ для прогресса, подобно тому, какъ наиболѣе разнообразная пища, входящая въ человѣческій организмъ, помогаетъ нетолько наибольшему развитію и укрѣпленію самого организма, но способствуетъ и наибольшему развитію его духовныхъ силъ и мозговыхъ отправленій, питающихся и фосфоромъ, и золотомъ, и сахаромъ, и горчицей, хлѣбомъ и ядомъ. И фосфоръ, и золото, и сахаръ, и горчица, и хлѣбъ, и ядъ, и всякія противоядія — все входитъ въ организмъ земства, на которомъ мы теперь остановились. Кажется, что бы могло быть даровитѣе этого земства и представлять болѣе задатковъ творчества? А напротивъ, творчества-то мы и не видимъ въ этомъ земствѣ, изъ турецкаго превратившемся въ русское. Все есть, кромѣ творчества. Мало того: по настоящее время въ немъ обнаруживались всѣ признаки мертворожденности, физическія и духовныя несовершенства выкидыша. Видѣли мы разныя земства: есть такія, въ которыхъ, повидимому, людей недостаетъ, руководящаго ума и руководящей руки нѣтъ, ни одной головы свѣтлой—«человѣка не имамъ, человѣка не имамъ», можетъ говорить такое земство, какъ евангельскій разслабленный; есть земства, у которыхъ и люди есть, и головъ, повидимому, умныхъ не одна, не двѣ, да головы эти сонъ одолѣлъ — рукой и ногой шевельнуть не хочется, и земскіе мозги

спятъ, бездѣйствуютъ. Есть, наконецъ, и такія земства, какъ ростовское, гдѣ и головы есть, и сна на эти головы нѣтъ, и руки рабочія, и ноги ходячія—да все это не для земскаго дѣла, не для земскаго поля, на которомъ хоть и трава не рости.

Вотъ въ высшей степени интересныя доказательства этого и сами по себѣ въ высшей степени интересные факты. Въ ростовскомъ земствѣ, составляющемъ земскую федерацію изъ городовъ Ростова, Нахичевани, Таганрога, Азова и принадлежащихъ имъ уѣздовъ, представителей отъ этихъ пяти земскихъ государствъ считается 58, т. е. 58 гласныхъ земскаго собранія. Между тѣмъ, оказывается, что изъ этой довольно крупной цифры земскихъ представителей въ собраніи бываетъ, бо̀льшею частью, не болѣе 18 человѣкъ собственно постоянныхъ посѣтителей; всѣ же остальные 40 человѣкъ, что̀ называется, глядятъ вонъ. А что̀ всего замѣчательнѣе, такъ это слѣдующее обстоятельство, причины котораго кроются гдѣ-то глубоко. Пишущій это лично знаетъ отчасти биржевой курсъ интеллигенціи того общества, о которомъ говоритъ. Въ обществѣ этомъ не мало умныхъ, даровитыхъ и безспорно дѣятельныхъ людей. Сонныхъ людей въ этомъ царствѣ наживы, вообще, мало. И вотъ, оказывается, что наиболѣе дѣятельныя и даровитыя личности этого царства эмигрировали изъ него, собственно изъ земской сферы, точно старые поляки изъ царства польскаго. Это подтверждается особымъ «Спискомъ», напечатаннымъ въ «Постановленіяхъ» ростовскаго земства и обнаруживающимъ, *кто* изъ гласныхъ посѣщалъ собранія и *кто* нѣтъ. Возьмемъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и посмотримъ, кто совсѣмъ эмигрировалъ заграницу земства, а кто только находится во временныхъ бѣгахъ, въ абсентеизмѣ: г. Яновичъ, одна изъ наиболѣе дѣльныхъ и уважаемыхъ всѣми личностей, не былъ въ собраніи *ни разу*; г. Садомцевъ — такая же замѣтная личность—*ни разу;* оба Шабельскіе, и Помпей, и Иванъ — *ни разу;* Занаревскій Леонидъ, Погопатъ, Палама—*ни разу;* даже аккуратный нѣмецъ Тиммерманъ — *ни разу*. Это уже, повидимому—безвозвратные эмигранты. Г. Корсуновъ былъ всего *два раза*: это—абсентеистъ, живущій за-границей земства, въ новой Ниццѣ или Цюрихѣ. Изъ представителей Ростова, Нахичевани и Азова: *ни разу* не были — г. Бойченко, одна изъ крупныхъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, и г. Кузьминъ; *по одному* только *разу* были: г. Драшковичъ—сила, которая вездѣ была бы замѣтна, священникъ Ручкинъ, считающійся авторитетомъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; наконецъ, Хлытчіевъ и Шачиновъ; *по два раза* были: г. Баташовъ—личность, особенно выдающаяся и въ настоящее время держащая въ своихъ рукахъ жезлъ игемона

города Ростова, г. Максимовъ — бывшій игемонъ, г. Ященко — сынъ игемона старыхъ временъ, и, наконецъ, Теръ-Грегоріанцъ. Все это—личности, потеря которыхъ для земства очень чувствительна, и не оплакивать ея оно не можетъ, если только понимаетъ, что одной ногой оно стоитъ уже въ могилѣ. Затѣмъ, лучшіе представители Таганрога тоже бѣжали изъ земства, если не ногами, то духомъ: это — г. Алфераки (Ахиллесъ), Аргиропуло, Добровольскій и Шидловскій. Изъ представителей сельскихъ обществъ можно считать умершими для земства (если только они, какъ Лазарь, не встанутъ изъ своего земскаго гроба): Андреева, Ряпчинскаго, Шеболдаева и даже потомка, а можетъ быть, однофамильца безсмертнаго героя Украины—Палія. Кто же остался въ земствѣ? На кого можно указать, какъ на болѣе или менѣе крупную интеллигентную силу? Даже г. Мигринъ, этотъ несмѣнный диктаторъ ростовскаго земства, предсѣдатель управы, и тотъ *три раза* бѣгалъ отъ своей диктатуры и *три раза* былъ призываемъ обратно несчастнымъ земствомъ для спасенія земскаго отечества, подобно тому, какъ римскій Цинциннатъ, сложившій съ себя диктатуру римскаго земства и ушедшій къ своимъ воламъ, былъ униженно призываемъ Римомъ на диктатуру для спасенія вѣчнаго города отъ погибели. Подобно Цинциннату, и г. Мигринъ снова возложилъ на себя знаки диктатора; но спасетъ ли онъ свой Римъ, какъ ни усердно онъ ему служитъ?

Дѣйствительно, вотъ то безвыходное положеніе, въ которомъ находятся интеллигентныя силы ростовскаго земства. Все лучшее или ушло, или уходитъ изъ него. Изъ остающихся силъ, хотя и есть такія, которыя до нѣкоторой степени могли бы замѣнить ушедшихъ, но ихъ слишкомъ мало. Наиболѣе дѣльные земскіе солдаты выбыли изъ строя, въ которомъ торчатъ два-три закаленныхъ въ бою общественныхъ вопросовъ гренадера; а въ остальныхъ рядахъ—или новобранцы, неумѣющіе и ружья-то земскаго держать, или музыканты да барабанщики. Что же причиною, что лучшіе дѣятели, такъ-сказать, вымираютъ въ ростовскомъ земствѣ? Намъ кажется, что въ основаніи этого явленія лежитъ одна общая всѣмъ земствамъ причина, и другая—индивидуальная, такъ-сказать, мѣстная. Общая причина та, что данное земство не создало себѣ идеала и не носитъ его въ душѣ, какъ иныя молодыя, а иногда и старыя земства въ родѣ рязанскаго, или херсонскаго. Лучшіе земскіе дѣятели, не видя передъ собой этого идеала, какъ солдаты знамени, не знаютъ, куда имъ идти и зачѣмъ идти. Тутъ нѣтъ земскаго знамени, около котораго могли бы сомкнуться лучшія силы. А идеала нѣтъ оттого, что ихъ создаютъ только личности, носящія въ себѣ ого-

нёкъ Прометея, а если не огонёкъ, то хоть уголёкъ изъ рабочаго горна Прометея, разогрѣтаго тѣмъ огонькомъ, который онъ похитилъ, по преданію, съ неба, изъ-подъ носа у самого Юпитера-громовержца. Огонёкъ этотъ—творчество; а въ данномъ земствѣ нетолько ни разу не блеснулъ огонёкъ Прометея, но даже уголёкъ не задымилъ ни разу. Всѣ обходились простымъ земскимъ глинянымъ «каганцомъ» изъ черепка, съ фитилемъ отъ «очкура», намоченнаго въ нечистое сало. Но и отсутствіе огня Прометея, отсутствіе творчества должно имѣть свою причину. Причина эта — плутократическая деморализація, проникшая въ общество, подобно тому, какъ она проникла въ общество одесское, саратовское и другія. Всѣ лучшія силы земства, не видя передъ собой болѣе высокаго общественнаго идеала, невольно, безсознательно тяготѣютъ къ идеалу плутократизма, который, повидимому, легче достигаемъ, чѣмъ тотъ, къ которому должно бы стремиться земство и къ которому оно, рано ли, поздно ли, будетъ стремиться. Дѣйствительно, тѣ же самыя личности, которыя эмигрировали изъ земства или же только «устами чтутъ его, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ него»—эти самыя личности проявляютъ и энергію, и даже нѣкоторую долю творчества хотя бы, напримѣръ, въ городскомъ общественномъ самоуправленіи или же въ сферѣ коммерческой дѣятельности. Тамъ они охотно посѣщаютъ собранія городской думы, охотно возбуждаютъ вопросы въ «гирловомъ комитетѣ», умны и находчивы въ коммерческомъ совѣтѣ, на биржѣ, не спятъ въ городской управѣ; а въ земскомъ собраніи они или не бываютъ совсѣмъ, или бываютъ не умны, не находчивы, сонливы, спятъ и на голосованіи земскихъ вопросовъ. Въ области городской общественной жизни ихъ вездѣ можно встрѣтить озабоченными, расторопными—и на пристани, гдѣ они воюютъ съ желѣзнодорожными обществами изъ-за вершка городской земли, на которую упалъ рельсъ и помѣшалъ имъ распоряжаться на полѣ битвы, какъ Наполеону насморкъ помѣшалъ при Бородинѣ и Ватерлоо; ихъ можно видѣть и на улицѣ, гдѣ они, какъ Гамбетта въ провинціяхъ Франціи, читаютъ зажигательныя рѣчи насчетъ выбоины въ мостовой, проложенной по «таганрогскому проспекту»; ихъ голосъ слышенъ и въ «ротондѣ» общественнаго сада, гдѣ они, подобно парижской коммунѣ, готовы сжечь старый городской театръ, чтобы имѣть удовольствіе на общественныя деньги построить новый; ихъ голосъ слышенъ и на границахъ нахичеванской земли, которую они рѣшились отвоевать у армянъ, какъ Бисмаркъ отвоевалъ у французовъ Эльзасъ и Лотарингію; голосъ ихъ слышенъ на сушѣ и на морѣ—на сушѣ, гдѣ они проводятъ

обводныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ, чтобъ онѣ не стѣсняли ихъ пристаней, и на морѣ, гдѣ они хотятъ построить свой каботажный флотъ, чтобы этою непобѣдимою армадою задавить на моряхъ англійское торговое мореходство; они готовы на ножахъ рѣзаться другъ съ другомъ изъ-за того, чтобы вымостить асфальтомъ и освѣтить газомъ свои грязныя, безобразныя улицы, по которымъ удобнѣе было бы скакать и на биржу, и въ театръ для наслажденія игрою г. Вальяно, и въ клубъ на пульку; и есть между ними такіе Цезари и Помпеи, которые увѣряютъ, что стòитъ имъ только топнуть ногою объ землю, чтобъ изъ нея вышли мильйоны, и такіе, которые, подобно Козьмѣ Минину, готовы заложить жонъ и дѣтей, лишь бы получить сотни тысячъ для устройства новаго моста черезъ Донъ, для урегулированія городской пристани, углубленія порта въ Таганрогѣ, шерстомоенъ на Темернихѣ и т. д. Понятно, что сердце такихъ дѣятелей, нѣсколько уже отравленное ядомъ плутократизма, свободнѣе и живѣе бьется въ городской чѣмъ въ земской атмосферѣ, и уже не лежитъ къ скромнымъ земскимъ вопросамъ. Для постройки новаго городскаго театра охотно соберутся деньги, на городское реальное или ремесленное училище также деньги найдутся, а на жалкія крестьянскія школы денегъ нѣтъ; на городской мостовой, на городскомъ мосту мы—Гамбетты и Лессепсы, а на чумацкомъ трактѣ, гдѣ гибнутъ чумацкіе возы и волы, на какомъ-нибудь уѣздномъ мосту мы—Плюшкины и Коробочки. Отсюда происходитъ, какъ мы уже не разъ замѣчали, война городовъ съ земствами и такъ-называемый городской сепаратизмъ. Плутократизмъ не можетъ сживаться съ охлократизмомъ, съ массою, съ сѣрымъ людомъ, съ земщиною. Плутократизмъ, это—родной братъ аристократизма, только прижитый внѣ брака, незаконно. У обоихъ братьевъ этихъ личные интересы не сходятся съ интересами ихъ старушки матери—«Охлосъ» (по гречески—толпа, масса), которая и вѣчно была и будетъ стара, и вѣчно была и будетъ молода, вѣчно богатая и вѣчно нищая, вѣчно геніальная и вѣчно глупая, вѣчно могущественная до непобѣдимости ея всѣми легіонами міра и пушками всѣхъ государствъ и вѣчно безсильная до невозможности сопротивляться одному городовому. Еще законный сынъ оборванной старушки, воспитанный въ барскихъ хоромахъ, въ атласѣ и бархатѣ, на чужомъ для старушки языкѣ, могъ, понятно, и отвыкнуть отъ матери, забыть ея колыбельныя пѣсни, которыя были заглушаемы французскими «фолишонами», забыть вкусъ молока ея неистощимой груди, могъ разучиться и понимать ее, входить въ ея интересы, могъ бы стыдиться своей вѣчно юной старушки и вѣчно старой мо-

лодухи: это такъ естественно, такъ неизбѣжно, такъ исторически послѣдовательно, что винить его за это было бы несправедливо; притомъ, подобно англійскому лорду, онъ бываетъ часто добръ и ласковъ съ доброю старушкою, не стыдится называть ее своею родною матерью, помогаетъ ей своими богатствами, которыя для него она же, старушка, скопила. Но незаконнорожденный сынъ старушки, родившійся подъ ея соломенною крышею, вскормленный до отвалу, до величины годовалаго теленка или даже до «бузимка» неизсякаемымъ молокомъ ея богатырской груди, взлелѣянный ея тоскливою, но задушевною колыбельною пѣснью, нерѣдко потомъ ѣвшій съ нею вмѣстѣ скудный хлѣбъ съ древесною корою, ходившій въ ея неизносимыхъ историческихъ лаптяхъ, бродившій вмѣстѣ съ нею за сохою и за плугомъ по ея неисходимымъ полямъ, вмѣстѣ съ нею молившійся о спасеніи ея родимой земли отъ бездождія, отъ труса, огня, меча и нашествія иноплеменныхъ, вмѣстѣ съ нею ѣвшій изъ деревянной «общей миски» толокно и щи пустыя, нерѣдко съ нею позвякивавшій кандалами отъ Владиміра, Саратова, Астрахани и Таганрога до самаго Нерчинска, этотъ сынъ не могъ бы, казалось, отвыкнуть отъ своей святой матери, забыть ея колыбельную пѣсню, пѣтую подъ соломенною крышею, забыть вкусъ молока, не рѣдко горьковатаго, отъ ея доброй груди, вкусъ хлѣба съ древесною корою, разучиться молиться о спасеніи родной земли отъ всякихъ бѣдствій, позабыть жосткость и промокаемость ея лаптей и звуки звякающаго желѣза, перекованнаго изъ рала и серпа во что-то обидное для человѣчества—этотъ сынъ, повторяемъ, не долженъ бы забывать своей матери. А между тѣмъ, онъ для многаго и многократно забываетъ ее. Но забывая ее, онъ забываетъ и то, что, если его мать не будетъ достаточно накормлена, не будетъ достаточно оберегаема отъ безпрестанно поражающихъ ее болѣзней, не будетъ имѣть больничнаго покоя, гдѣ бы ей можно было спастись и вылежаться въ тяжкомъ недугѣ, не будетъ имѣть помощи при родахъ, при воспроизведеніи на свѣтъ мильйоновъ дѣтей, будущихъ работниковъ на старшихъ братьевъ и кормильцевъ самой матери-старушки; если у старушки не будетъ достаточно школъ, гдѣ бы учились мильйоны ея дѣтей, мильйоны работниковъ, учились, какъ лучше пахать землю и шить сапоги на старшихъ богатыхъ и гордыхъ братьевъ; если старушка, вѣчно бродящая и убивающаяся о своихъ дѣтяхъ, не будетъ находить ни дорогъ, по которымъ ея дѣти работники могли бы возить свой хлѣбъ въ города къ богатымъ братьямъ, не угрязая по ступицы въ грязи и болотахъ, ни мостовъ, по которымъ работники могли бы провести своихъ

лошадокъ и своихъ воловъ, не ломая ни себѣ, ни имъ шеи; если ничего этого не будетъ, то и старшимъ братьямъ нѣчего будетъ ни кушать, ни дѣлать въ своихъ дѣловыхъ кабинетахъ, ни на биржахъ, ни въ «гирловыхъ комитетахъ», ни въ коммерческихъ совѣтахъ, ни въ городскихъ думахъ; сундуки ихъ казначействъ будутъ наполнены новою монетою—недоимками; биржи доведутъ россійскій курсъ до нуля; въ кассахъ старшихъ братьевъ, вмѣсто денегъ, будутъ одни опротестованные и неоплаченные векселя; на базарахъ, пристаняхъ, въ портахъ будутъ стоять пустые магазины и корабли съ остатками недоѣденнаго саранчею и сусликомъ хлѣба; таганрогскій рейдъ останется неуглубленнымъ, таганрогскій проспектъ недомощеннымъ, новый мостъ недодѣланнымъ, улицы не освѣщенными, городская «ротонда» развалится, труппа Вальяно разойдется, «гирловой комитетъ» закроется, потому что по гирламъ нѣчего будетъ провозить, какъ это уже Россія и чувствуетъ нѣсколько лѣтъ сряду. Нахичивань отъ Ростова отторгнется, Ростовъ отторгнется отъ земства, г. Мигринъ въ четвертый разъ и уже навсегда бѣжитъ изъ земщины, солнце померкнетъ и придутъ новые варяги, всякіе языци и поплѣнятъ въ плѣнъ вавилонскій, т. е. заберутъ въ свои руки торговлю народа іудейскаго—земли ростовской, азовской, нахичеванской и таганрогской, и будутъ послѣдняя горше первыхъ.

Но обратимся къ фактической сторонѣ дѣятельности земства соединенныхъ штатовъ Ростова, Нахичевани, Таганрога и Азова. Послѣдній отчетъ этого земства открывается краткимъ изложеніемъ хода занятій по управѣ и по дѣлопроизводству—о томъ, кто изъ дѣятелей земства работалъ болѣе и кто менѣе, кто непосредственно имѣлъ дѣло съ старушкою «Охлосъ», съ ея хлѣбными магазинами, дорогами, мостами, больницами, кто истреблялъ сусликовъ, кто покупалъ хлѣбъ для голодающей по случаю неурожая старушки (это г. Абрамовъ), а кто заглядывалъ иногда въ тѣ бѣдныя школки, въ которыхъ старушка учитъ своихъ дѣтокъ-работниковъ (это гг. Панченко, Сластовниковъ и Осинскій). Относительно этого послѣдняго предмета ростовское земство говоритъ, что оно «не есть только казначей», но и распорядитель и попечитель ввѣренныхъ ему предметовъ, «изъ которыхъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, *если не важнѣйшій*, есть народное образованіе»; что оно, однако же, «было привлечено *силою обстоятельствъ* къ ближайшему завѣдыванію народными училищами» (отчего же «силою», а не своею охотою?); что, въ общемъ, «дѣло народнаго образованія подвинулось значительно и стало на прочную почву»—положительно все то же, тѣ же фразы даже, которыя повторяются во

всѣхъ земствахъ, даже въ такихъ, какъ михайловское-рязанское, гдѣ школы наводятъ «ужасъ» на членовъ училищнаго совѣта именно потому, что онѣ нетолько не стали на прочную почву, но не имѣютъ надъ собою даже крышъ, а подъ собою никакой почвы. Что это отчасти такъ и въ ростовскомъ земствѣ, видно изъ его же собственныхъ слёзъ, проливаемыхъ надъ училищами въ виду того, что «полному успѣху народныхъ училищъ до сихъ поръ препятствовалъ недостатокъ сочувствія и содѣйствія со стороны бо̀льшей части законоучителей, которые, несмотря на получаемое ими отъ земства ежегодное вознагражденіе въ 100 руб., нетолько занимались небрежно преподаваніемъ закона Божія, этой столь важной части народнаго образованія, но даже иногда вовсе не посѣщали училищъ и смотрѣли на нихъ вообще или равнодушно, или даже *непріязненно*»; что отъ этого приносился существенный вредъ образованію, такъ какъ батюшки враждовали съ свѣтскими учителями; что объ этомъ земство представляло даже «на усмотрѣніе его преосвященства, епископа екатеринославскаго и таганрогскаго, который, обративъ просвѣщенное вниманіе свое на этотъ предметъ, призналъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе законоучителямъ, предписавъ имъ въ точности исполнять свои обязанности по законоученію въ народныхъ училищахъ» (мы подозрѣваемъ, что это удружилъ лѣнивымъ батюшкамъ отецъ Сластовниковъ, у котораго подъ священнической рясой бьется сердце Дистервега и который часто заглядывалъ въ школы почтенной старушки). Неравномѣрность земскаго сочувствія къ старшимъ и младшимъ дѣтямъ старушки видна даже и изъ того, что на 20 школъ младшихъ ея дѣтокъ ассигновано всего 8 тысячъ рублей, а на реальное училище въ городѣ для старшихъ дѣтокъ, на *одно* училище—6 тысячъ, да на студентовъ-стипендіатовъ и будущихъ акушерокъ (Касаткиной и Краснѣевой) 1,200 р. И оказывается, что даже сама судьба не долюбливаетъ младшихъ дѣтокъ старушки: такъ, когда въ мѣстечкѣ Качальникѣ сами дѣтки задумали основать образцовое двухклассное училище, собрали на этотъ предметъ по нѣскольку рубликовъ и копеекъ съ сапога и лаптя и представили по начальству объ открытіи у нихъ этого училища, то вышло, что инспекторъ мѣстныхъ народныхъ училищъ «потерялъ и самое дѣло объ этомъ, а качальничане теперь уже боятся жертвовать, чтобъ и денегъ ихъ не «потеряли» (постанов. IX очер. ростовскаго на Дону уѣз. зем. соб. 1874 г. Ростовъ 1875, стр. 4—9, отд. I).

Что старшіе сыновья старушки «Охлосъ» нетолько ее забываютъ, но подчасъ и обижаютъ, мы можемъ видѣть изъ слѣ-

дующаго обстоятельства. Въ Таганрогѣ существуетъ такъ-называемый ремесленный курсъ. Содержится онъ насчетъ старушки, но ей тяжело содержать ораву своихъ маленькихъ ребятишекъ нетолько по бѣднымъ селамъ, но еще и по богатымъ городамъ, и вотъ старушка, въ костюмѣ ростовской мѣщанки-крестьянки земской управы, является къ старшему сыну въ Таганрогъ и докладывается почетной экономкѣ его, городской управѣ, такъ: «Имѣя, дескать, въ виду, что таганрогскій ремесленный курсъ служитъ преимущественно для пользы жителей гор. Таганрога и имѣетъ полное право на полученіе пособія со стороны городскаго общества, прошу-де васъ, матушка, доложить таганрогской думѣ о необходимости ассигновать таковое пособіе». Старушку въ шею. «У насъ-де у самихъ *нѣтъ средствъ*, да и земство ваше отказываетъ въ пособіи таганрогскимъ приходскимъ училищамъ». А старушка и говоритъ: «Сударыня-дума выпустила изъ виду, что мое земство содержитъ въ Таганрогѣ одно народное училище, а о выдачѣ пособій вашимъ приходскимъ училищамъ никогда не было заявляемо въ земскомъ собраніи ни вашею экономкой, городскою управою, ни вашими молодцами, земскими гласными, да и не представлялось въ томъ, повидимому, никакой надобности». А потомъ заплакала и пошла прочь. Но на душѣ у старушки осталось горькое чувство, и, уже когда Ростовъ началъ къ ней подбиваться съ слезницей «о преобразованіи, *съ участіемъ земства*, существующаго въ Ростовѣ при уѣздномъ училищѣ ремесленнаго класса», то старушка и сама заупрямилась и отвѣчала: «Твоя-де, сударь, экономка, городская управа, не пришла еще къ соглашенію съ моею хозяюшкою, земскою управою, почему послѣднею и не было выдано пособіе изъ губернскихъ суммъ на содержаніе этого класса». И при этомъ указано Ростову на дверь (тамъ же, стр. 11). Вообще, старушкѣ не везетъ ни въ соединенныхъ штатахъ Ростова, Нахичевани, Таганрога и Азова, ни въ ихъ сельскихъ колоніяхъ. Хотѣла-было она открыть ремесленный курсъ при одномъ начальномъ сельскомъ училищѣ, но «бывшіе три года сряду неурожаи привели сельскія общества въ крайнюю бѣдность», и потому «ни одно изъ нихъ доселѣ не приняло предложенія управы устроить помѣщеніе для ремесленнаго класса, съ отнесеніемъ остальныхъ издержекъ на земскія суммы». А въ м. Кагальникѣ жители отозвались, что они «не имѣютъ въ томъ надобности, такъ какъ въ м. Кагальникѣ «есть всѣ нужные для мѣстныхъ жителей мастера». Кромѣ того, ростовское земство плачется на свое губернское, екатеринославское земство, которое, будто бы, нетолько тормозитъ дѣло народнаго образованія,

но и ставитъ ножку всѣмъ «важнымъ вопросамъ», исходящимъ изъ Ростова и доходящимъ до губернскаго города. Такъ, екатеринославское земство завязало петлю на шеѣ проектированной ростовскимъ земствомъ учительской семинарiи, говоря, что, вмѣсто ростовской семинарiи, надо расширить екатеринославскую фельдшерскую школу и прибавить къ ней педагогическiе курсы. Когда же ростовское земство вновь настаивало на своемъ, то екатеринославское земство взяло да и «разъѣхалось». Вслѣдствiе этого, ростовское земство и начинаетъ бунтовать противъ своего губернскаго, хочетъ отъ него отдѣлиться совсѣмъ и образовать свою губернiю. «Можно сказать положительно (говоритъ оно, воздѣвая руки къ небу), что, пока въ здѣшней мѣстности не будетъ образована губернiя, вопросъ объ учительской семинарiи, какъ и другiе важные вопросы, не получитъ удовлетворительнаго разрѣшенiя» (тамъ же, стр. 12). Какъ на замѣчательное обстоятельство, обнаруживающее полное отсутствiе солидарности между городами и уѣздами нетолько въ ихъ обоюдныхъ интересахъ, но даже и въ характерѣ, въ физiономiи этихъ интересовъ, въ характерѣ самыхъ потребностей, укажемъ на петровское реальное училище, открытое въ Ростовѣ и поддерживаемое земствомъ въ размѣрѣ 6-ти тысячъ рублей ежегодной субсидiи. Отъ желающихъ учиться въ этомъ училищѣ, что называется стѣны ломятся. Для удовлетворенiя, по возможности, валящей въ училище молодёжи пришлось открыть параллельные классы. И что же оказывается? Изъ всей этой молодёжи на долю крестьянъ приходится *одинъ*, сынъ покровскаго крестьянина, принятый въ училище безплатно. Этимъ, конечно, доказывается, что городское населенiе нетолько сильно нуждается въ знанiяхъ, но и знаетъ хорошо, въ *какихъ* именно, т. е. болѣе въ реальныхъ, а не въ классическихъ, а сельское населенiе еще даже не знаетъ, въ *какихъ* знанiяхъ оно нуждается: ясно, что оно нуждается еще больше, чѣмъ городское, а въ какихъ—оно само вамъ скажетъ, когда вы его научите понимать, въ *чемъ* именно оно въ этомъ отношенiи нуждается, подобно тому солдату, брошенному въ степи и умиравшему отъ голода и жажды, который на вопросъ, чего онъ хочетъ, чтобы не умереть: пить или ѣсть, отвѣчалъ: «Я самъ не знаю *чего*; кажется, что ужь *ничего* не хочу». Такъ иногда отвѣчаютъ и крестьяне.

Здѣсь, какъ и въ другихъ земствахъ, мы видимъ повторенiе общихъ явленiй, повидимому, невѣроятныхъ, но, въ силу исторической давности и повторяемости, ставшихъ какъ бы нормальными: хаосъ въ волостяхъ и селенiяхъ, растраты общественныхъ запасовъ и денегъ, ужасное счетоводство, первобыт-

ный судъ, существовавшій еще до Солона и Дракона, и все это, по признанію земства—результатъ неграмотности и райскихъ понятій о добрѣ и злѣ, такъ что судить виновныхъ не за что, да они и невинны, какъ ребёнокъ, бросившійся изъ окна третьяго этажа на мостовую за любимой собаченкой. И здѣсь, какъ и вездѣ, то же неизбѣжное голоданье и грызенье древесной коры, вмѣсто хлѣба, при первомъ неурожаѣ и даже бездождьѣ, потому что хлѣба взять не откуда, а пока земство закупитъ и вышлетъ его для *самыхъ* голодныхъ, они уже успѣютъ испортить себѣ желудки или тѣмъ, что набьютъ ихъ древесной корой, или же тѣмъ, что ровно ничѣмъ не набьютъ. И вотъ, земство, въ «видахъ предупрежденія развитія болѣзней и смертности отъ употребленія вредной пищи и, вообще, *отъ недостатка ея*», поручаетъ земскимъ врачамъ «принять къ сему, съ своей стороны, зависящія мѣры, для чего, какъ лично, такъ и чрезъ фельдшеровъ, слѣдить, по возможности, за недопущеніемъ употребленія въ пищу веществъ, могущихъ принести вредъ здоровью, какъ-то: лебеды, мякины, древесной коры и т. п., а также принимать своевременно мѣры (!!), какія будутъ признаны нужными къ прекращенію болѣзней отъ дурной пищи...» (тамъ же, стр. 51). Лучше, вмѣсто лекарствъ, дать хлѣба, такъ нѣтъ—приходится лечить отъ голода. А между тѣмъ, тутъ же докторъ Нелюбинъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ земству, что тамъ именно медицина его безсильна остановить даже кровавый поносъ, гдѣ населенію ѣсть нѣчего, или гдѣ крестьяне, выходя далеко въ поле на работу и не имѣя ни куска хлѣба, должны питаться, положимъ, не древесной корой, а рыбой, которую они поймали бреднемъ съ недѣлю назадъ и которая у нихъ въ полѣ, подъ жаркимъ солнцемъ, разложилась до гніенія.

Между тѣмъ, кàкъ ни безотрадно во многомъ положеніе земскаго дѣла, представители его находятъ, что оно могло бы быть и хуже, а что то, чтò мы считаемъ худымъ—хорошо. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо понимать всю рѣчь одного изъ Іисусовъ Навиновъ ростовскаго земства, остановившаго солнце, предсѣдателя земской управы, Ф. И. Мигрина, который въ незлобіи сердца своего думаетъ, что онъ, вмѣстѣ съ своими земскими друзьями, остановилъ голодъ, какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце. Г. Мигринъ говоритъ, что уже пять лѣтъ ростовское земство не выходитъ изъ бюджета въ 125 тысячъ на всѣ земскія потребности; что цифра эта выражаетъ собою норму ежегодныхъ расходовъ здѣшняго земства, которой не слѣдуетъ превышать въ настоящее время, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и понизить ее безъ ущерба для земскихъ потребностей, сложившихъ-

ся по опыту восьми лѣтъ: «идя, мало-по-малу, впередъ, мы достигли извѣстной высоты, гдѣ намъ надо утвердиться, но спуститься съ нея—было бы паденіемъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Тяжелы были эти послѣдніе годы; другой край и другое земство пришли бы отъ нихъ въ конечное раззореніе; но нашъ край и наше земство живучи: они выдержали постигшія ихъ бѣдствія собственными силами и не остановились на своемъ пути къ прогрессу». Въ училищномъ совѣтѣ, на которомъ лежала нравственная забота о народномъ образованіи, г. Мигринъ выражается, что совѣтъ ихъ «существовалъ, какъ нѣчто отвлеченное, какъ принципъ, а не фактъ, и получалъ жизнь только отъ тѣснаго сближенія съ земскою управой», какъ женихъ съ невѣстой. Что положеніе земства могло быть хуже и солнце могло быть не остановлено, видно изъ слѣдующаго мѣста рѣчи г. Мигрина, гдѣ онъ проситъ земство, какъ Цинциннатъ, позволить ему сложить съ себя знаки диктатора: «Всякія служебныя занятія (говоритъ онъ) мнѣ были запрещены еще тому назадъ полтора года, и, если я послѣ того еще два раза бралъ на свои плечи тяжелую земскую ношу, то только по стеченію особенныхъ обстоятельствъ: въ прошедшемъ году я вернулся на службу по случаю угрожавшаго здѣшней мѣстности голода...» (тамъ же, стр. 27—35, отд. IV). Но и г. Мигринъ, какъ мы сказали, бѣжитъ изъ земства. Бѣжитъ и г. Яновичъ, прося земство не считать его болѣе въ своемъ составѣ и даже не выбирать въ почетные мировые судьи (стр. 258).

Изъ всего этого и многаго, чего мы перечислять не беремся въ виду слишкомъ обширной программы нашей задачи, которую, въ противномъ случаѣ, намъ положительно невозможно было бы выполнить, изъ всего даже сказаннаго нами нельзя не видѣть, что ростовское земство, какъ ни кратковременно было его существованіе, носитъ уже въ себѣ зародышъ смерти. Иныя земства, какъ слабыя, болѣзненныя дѣти, съ лѣтами крѣпнутъ и развиваются; въ ростовскомъ же замѣчается обратное явленіе: повидимому, здоровый ребенокъ начинаетъ чахнуть, все его перестаетъ занимать, и, наконецъ, является то патологическое состояніе, которое врачи обыкновенно считаютъ самымъ безнадежнымъ—равнодушіе, признакъ внутренняго съѣданія послѣднихъ силъ. Эту опасную черту въ жизни ростовскаго земства замѣчаетъ даже ревизіонная комиссія. Она говоритъ: «Въ свое время, земство интересовалось отчетами, знакомящими съ общимъ положеніемъ дѣлъ; теперь оно уже пережило его...» Земство ожидаетъ «фактовъ», а «фактовъ» нѣтъ, въ фактахъ «пробѣлъ». Такъ и врачъ ожидаетъ у чахоточнаго найти легкія, а легкихъ

нѣтъ, въ легкихъ «пробѣлъ». Относительно народнаго образованія, о которомъ управа докладывала собранію, что оно стало уже «на прочную почву», ревизіонная комиссія говоритъ, что и тутъ, кажется, не хватаетъ одного легкаго у больнаго земскаго ребёнка. «Отчетъ по народному образованію есть только повтореніе предшествовавшихъ (замѣчаетъ комиссія): тѣ же жалобы на законоучителей и на отсутствіе порядка и продолжительности ученія. Не виня вообще управу за составленіе такого отчета, потому что, въ сущности, едва ли можно сказать что̀-нибудь новое по этой части, комиссія полагаетъ, что земство, вполнѣ знакомое уже съ общимъ состояніемъ дѣлъ по народному образованію, интересовалось бы статистическимъ матеріаломъ, чтобы изъ него заключить объ успѣхахъ или неуспѣхахъ принятыхъ имъ мѣръ, не ограничиваясь принятіемъ на вѣру заключенія управы. Такъ, напримѣръ, земская управа говоритъ, что введенныя ею правила въ нѣкоторыхъ училищахъ принесли достаточную пользу съ водвореніемъ порядка и продолжительности обученія; почему же не сказать, въ какихъ именно училищахъ и откуда это управа заключила? Если бы управа показала намъ цифровыя данныя, изъ которыхъ мы увидѣли бы, что въ этихъ училищахъ дѣйствительно сократилось число пропущенныхъ уроковъ, или время обученія было продолжительнѣе противъ прежнихъ лѣтъ, или въ чемъ-либо другомъ выразилось бы водвореніе порядка, мы дѣйствительно дали бы себѣ отчетъ объ успѣхахъ земскихъ мѣропріятій по этой части; изъ нынѣшняго же отчета самостоятельныхъ выводовъ сдѣлать невозможно...» Ревизіонная комиссія, какъ видно, сомнѣвается даже, было ли остановлено солнце земскимъ Іисусомъ Навиномъ; но здѣсь мы положительно протестуемъ: комиссія видимо придирается. Такъ въ одномъ мѣстѣ она говоритъ, что по отчету о дорожныхъ сооруженіяхъ она «не можетъ дать никакихъ заключеній, потому что не видѣла ихъ и не имѣетъ въ виду освидѣтельствованія свѣдущихъ людей». А почему она не видѣла ихъ? Кто ей мѣшалъ все видѣть? Или, наконецъ, комиссія брезгливо говоритъ и объ отчетѣ управы по исполненію натуральной повинности: «отчетъ о натуральной повинности ничего новаго не представляетъ». А чего бы ей еще новаго нужно? новыхъ натуральныхъ повинностей? Такъ довольно ужь и старыхъ. Но комиссія, вѣроатно, разумѣетъ то, что, когда во многихъ земствахъ большинство тяжкихъ и несоразмѣрныхъ натуральныхъ повинностей переложено уже въ денежныя и по возможности уравнительно, безобидно и для сапога, и для лаптя, ростовское

земство для достиженія того же и у себя палецъ объ палецъ не ударило.

Въ заключеніе этого поверхностнаго обзора дѣятельности ростовскаго земства, нельзя не выразить сожалѣнія о томъ грустномъ явленіи, которое замѣчается въ отношеніяхъ уѣздныхъ земствъ къ губернскимъ и наоборотъ. Это—отсутствіе солидарности въ рѣшеніи земскихъ задачъ, недостатокъ взаимнаго пониманія нуждъ и стремленій одного земства другимъ и даже подчасъ явный антагонизмъ между губернскими и уѣздными земскими единицами, точно при созданіи однимъ всемірнымъ народомъ, до его разсѣянія по землѣ, вавилонской башни: одинъ проситъ воды, а другой, не понимая его, подаетъ глины; тотъ требуетъ камня, а ему подаютъ стаканъ воды. Но тутъ въ основѣ лежитъ не столько непониманіе языковъ передъ ихъ смѣшеніемъ, сколько эгоистическій партикуляризмъ, нѣчто вродѣ сепаратизмовъ—губернскаго и уѣздныхъ, а равно городскихъ и земскихъ. Уѣздное земство представляетъ губернскому, что въ губернскомъ капиталѣ лежитъ земскихъ уѣздныхъ суммъ, положимъ, тысяча рублей, а уѣздному земству изъ этой тысячи нужно позаимствовать сто рублей на лапти для уѣзднаго населенія. На это губернское земство отвѣчаетъ, что оно ста рублей не дастъ, и употребитъ изъ уѣздной доли губернскихъ суммъ пятьсотъ рублей на сапоги для губернскаго города и т. д. Уѣздное земство жалуется по начальству, что лапоть обиженъ сапогомъ; начинается переписка, и, такъ какъ губернія стоитъ ближе къ начальству, чѣмъ уѣздъ, а сапогъ выше лаптя въ земской іерархіи, то въ большинствѣ случаевъ лапоть и остается побѣжденнымъ. Такъ, наприм., ростовскій лапоть, въ виду неурожая, проситъ у екатеринославскаго сапога 70 тысячъ изъ губернскаго продовольственнаго капитала не деньгами даже, а открытіемъ кредита. «Вмѣсто ожидавшихся поддержки и содѣйствія» лаптю, сапогъ, «задавшись главною цѣлію опровергнуть его», лаптя, сдѣлалъ изъ представленія лаптя «только поверхностныя извлеченія и вывелъ нѣкоторые отдѣльные факты и цифры съ превратнымъ толкованіемъ ихъ», а денегъ не далъ, да еще и обвинилъ ростовскую управу въ томъ, что «истребованный ею для осеннихъ посѣвовъ капиталъ, до 20 тыс. руб., затраченъ нетолько непроизводительно, но съ ущербомъ, такъ какъ, будучи обращенъ въ хлѣбъ, онъ, вмѣсто приращенія процентами, уменьшается отъ порчи и мышеѣда». Жалуясь на эту обиду и несправедливый попрёкъ своему земству, ростовскій лапоть весьма деликатно замѣчаетъ, что указываетъ на подобныя злоухищренія екатеринославскаго губернскаго сапога, «какъ на новое до-

казательство, какимъ образомъ принимаются ходатайства ростовскаго земства о самыхъ существенныхъ нуждахъ этого края и съ какими затрудненіями получаются пособія на эти нужды изъ средствъ губернскаго земства, которое получило изъ доходовъ здѣшней мѣстности въ губернскій сборъ болѣе 200 тыс. руб. въ продолженіи семи лѣтъ, а изъ нихъ, послѣ настоятельныхъ ходатайствъ, удѣлило только около 50 тыс. на губернскія потребности въ Ростовскомъ Уѣздѣ». Дѣйствительно, это—очень печальная сторона въ жизни всѣхъ земствъ, потому что подобный антагонизмъ самъ въ себѣ ничего утѣшительнаго не заключаетъ; но онъ можетъ имѣть весьма роковыя послѣдствія для земствъ: ихъ могутъ лишить права распоряжаться и тѣми суммами, которыми они доселѣ самостоятельно распоряжались, и земская сила будетъ подрѣзана у самаго корня. «Не умѣли-де хозяйничать сами, постоянно ссорились, такъ мы за васъ будемъ хозяйничать», и земство, его идея, его будущее и надежды, на него возлагаемыя, перейдутъ въ область исторіи и археологіи, какъ архивный матеріалъ для будущей «Русской Старины». Мы думаемъ, что для того, чтобы эта участь не постигла земство и чтобы предупредить возможность подобнаго несчастія, земству надо искать спасенія въ самой широкой, честной и откровенной гласности. Пусть все, что̀ ни дѣлается въ земствѣ, въ земскихъ собраніяхъ, управахъ, коммиссіяхъ, все, что̀ ни говорится на этихъ собраніяхъ, утверждается или отрицается, хвалится или порицается, пусть каждое слово каждаго гласнаго, каждая цифра расходовъ и приходовъ, каждый шагъ земскихъ дѣятелей въ земскомъ дѣлѣ—пусть все предается немедленно земскому тисненію, и притомъ дословно, стенографически, до послѣдней фразы и до послѣдней копейки, какъ это и дѣлается отчасти рязанскимъ, херсонскимъ и нѣкоторыми другими земствами. Тогда видно будетъ, кто въ этихъ невольныхъ земскихъ пререканіяхъ правъ—сапогъ или лапоть, губернскія единицы или уѣздныя, потому что, при такой системѣ земской жизни, *все* будетъ у *всѣхъ* на виду и ничего ни отъ кого утаить будетъ нельзя.

БРОДЯЧАЯ РУСЬ.

СКРЫТНИКИ И ХРИСТОЛЮБЦЫ.

(Посвящается Ивану Никитичу Андрееву).

I.

На крутой горкѣ, видной очень издалека, расположился Погостъ, просто погостъ, такъ какъ окрестный народъ успѣлъ забыть придаточное прозвище, которое отличало его отъ другихъ сосѣднихъ, успѣвшихъ уже превратиться въ обыкновенныя села: наѣзжали крестьяне, обстраивались новыми избами, затребовали кабакъ, понуждались въ лавкѣ съ дёгтемъ, солью и веревками, настраивали клѣтушекъ, бань и овиновъ. Этотъ Погостъ, стоя въ глухой лѣсной мѣстности, скудно населенной, успѣлъ сохранить за собой всѣ старинные признаки этого рода древнихъ русскихъ селеній: деревянная рубленая, въ шесть стѣнъ, церковь окружена была всего только четырьмя домами, которые всѣ считались мірскими и принадлежали церковникамъ. Сюда окольный народъ являлся только за церковными требами: на лошадяхъ, погоняемыхъ въ хвостъ и гриву и съ колокольцами подъ дугой, сколько можно было собрать ихъ въ своей и сосѣдней деревнѣ, въѣзжала веселая, полупьяная свадьба съ молодцами въ перевязанныхъ черезъ плечо полотенцахъ. Кое-когда, и также очень рѣдко, отсюда, съ крутой горки, тащила лошадёнка телегу или сани съ бабой, у которой толстая оттопыренная пазуха указывала всѣмъ встрѣчнымъ, что везутъ изъ Погоста окрещеннаго паренька или дѣвочку. Такъ же рѣдко и такая же заморенная и истомленная крестьянская лошадёнка втаскивала въ погощенскую гору досчатый некрашеный гробъ покончившаго и съ жизнью, и съ Погостомъ всѣ деревенскія обязательства и теперь прибывшаго отдать послѣдній долгъ: свои кости сырой глинистой землѣ, отмежованной отъ самой церкви внизъ по горѣ подъ божью ниву—подъ погосты.

*

Ильинская церковь, съ придѣломъ Николы, даетъ намёкъ на то, что учрежденіе Погоста очень древнее, когда вѣру народа въ большого бога, низводившаго на землю дождь, громъ и молнію, надо было переводить на Илью-Пророка, а за свою жизнь при озерѣ большомъ, бурномъ и рыбномъ надо было молить не кого другаго, какъ батюшку Николу-угодника. Ставила ли Погостъ мірская воля въ складчинѣ всѣхъ окольныхъ деревушекъ, которыя темными кучками обсѣли церковную гору, сѣрѣя по низменности и сторонясь другъ отъ друга и отъ погоста, или благочестивый московскій князь, или радѣющій христовой вѣрѣ архіепископъ вольнаго города выбрали и указали тутъ жилое мѣсто—теперь о томъ дознаться и доискаться трудно: деревянная церковь не одинъ разъ, на своемъ долгомъ вѣку, горѣла до тла. Разъ молнія зажгла; разъ дьяконъ размахался кадиломъ и заронилъ подъ престолъ уголёкъ; въ третій разъ, пономарь забылъ затушить передъ иконостасомъ свѣчку. Церковь вспыхивала какъ порохъ и сгорала, середи прихода и въ виду его, какъ свѣчка, со всею утварью, съ храмозданными граматами и съ антиминсами, по которымъ узнаётся время основанія. Разъ сгорѣлъ, вмѣстѣ съ нею, и разбитый ногами старикъ-сторожъ, жившій подъ колокольней и обязавшійся выползать изъ своей конуры каждыя сумерки, чтобы потянуть за веревку и позвонить на окольную мертвую пустыню столько разъ, сколько вздумается.

Сгорѣвшая церковь скоро возобновлялась: въ одинъ день благочестивыми мірянами свозились бревна изъ ближнихъ лѣсовъ, обыдёнкой же обтесывались и распиливались бревна и доски, обыдёнками рубили стѣну подъ самую стрѣху, обшивали крышей, прирубали колоколенный срубъ, ставился иконостасъ. Такъ выстроилась и та, которую видимъ, но и она успѣла уже застояться и вся почернѣла и такъ загнила, что по всѣмъ угламъ обшита была досками; по вѣнцамъ залѣплена новыми накатными кряжами; колоколенка, похожая на остовъ вѣтряной мельницы, покривилась и обрѣшетились крыши. На привычный глазъ это—дурной и знакомый признакъ: либо приходскій народъ съ неплодородной, неблагодарной почвы частію выселился совсѣмъ (пожалуй, даже и въ далекую Сибирь), частію живетъ въ дальнихъ мѣстахъ отхожимъ промысломъ, либо совратился въ расколъ и, вмѣсто одной церкви, выстроилъ нѣсколько домовыхъ часовенъ съ чугунными билами на переднихъ углахъ.

Гораздо поновѣе и попригляднѣе погостинской церкви казался даже домъ священника, стоявшій прямо противъ колокольни, да и то, говорятъ, потому, что священникъ приводился пле-

мянникомъ прежнему архіерею и только нынѣшнимъ присланъ сюда на смиреніе, однако, съ назначеніемъ въ благочинные. Онъ свое жилище подновилъ и прирубилъ къ нему новую гòренку. Домà другихъ церковниковъ, по той же причинѣ, какъ и церковь, представляли такую же плачевную ветошь, въ которой съ трудомъ улавливались оттѣнки іерархическихъ степеней: впрочемъ, хибарушка пономаря была далеко дряннѣе дьяконской.

Надъ Погостомъ видимо висѣла непокрытая бѣдность, нужда и бездолье: всмотрѣвшись даже и въ покривившееся крылечко священническаго дома, нè за чѣмъ ходить далеко за подтвержденіемъ выговоренной народомъ присловки: лежитъ деревенька на горкѣ—въ ней хлѣба ни корки; звону много, а хлѣба нѣтъ. Нѣтъ хлѣба—нѣтъ жизни, и стоитъ невозмутимая тишина. Въ избахъ и горницахъ домашніе разсчеты и свары людей, близко и совмѣстно живущихъ и успѣвшихъ надоѣсть другъ другу до рѣдечной горечи; на улицѣ, на виду и на народѣ, погостенская жизнь подлинно монастырская: тихая и безразговорная, только со звономъ и пѣніемъ, и даже безъ собачьяго лая для довершенія полнаго сходства.

Два раза въ году, съ солнечнаго восхода до заката, гудѣла и шумѣла погостенская улица, образованная порядкомъ домовъ церковниковъ и церковной оградой изъ плетня. Съѣзжался народъ Богу молиться, чествуя икону Николы-угодника, которую въ древнія времена принесъ изъ Новгородчины первый насельникъ этихъ мѣстъ и пожертвовалъ передъ смертью въ церковь. Эту икону стариннаго темнаго письма народъ сталъ считать чудотворною, и пріѣзжали молиться ей даже и тѣ, которые складывали крестное знаменіе полной ладонью и возили съ собой свои чашки и ложки. Церковники ждали этихъ дней за недѣли и встрѣчали съ распущенными, выправленными изъ косицъ волосами, во всемъ новомъ, и даже пономарь, на время обѣдни, благословлялся въ стихарь и неугомонно и суетливо бѣгалъ по церкви и изъ алтаря на колокольню. На другой день, и онъ, и всѣ прочіе жильцы-церковники весело и радостно считали прибылые пятаки и яица, размѣряли и дѣлили холстъ, ленъ и нитки—посильныя приношенія богомольныхъ бабъ. На зимняго Николу приводилось дѣлить даже живыхъ куръ и барановъ, и староста продавалъ желающимъ бычка или корову, привязываемыхъ неизвѣстными дателями къ церковной оградѣ. Прежде, на вешняго Николу эту скотину тутъ же, на Погостѣ, и убивали, и пластали, и жарили, и ѣли сами мужики, выдѣляя церковникамъ половину, но возсталъ на обычай архіерей и запретилъ, назвавъ обычай языческимъ требищемъ. Съ тѣхъ поръ, сталъ

народъ приводить, по старому, живой скотъ, но уже отъ него отступался: хотѣли попы—съѣдали, не хотѣли—могли продать и раздѣлить промежъ себя вырученныя деньги.

Послѣ никольскихъ праздниковъ, опять замиралъ Погостъ, погружаясь въ завѣтную тишину и беззавѣтную тоску и кручину. Появленіе чужихъ людей, и въ особенности на лошадяхъ, представляло уже событіе, порождавшее догадки и толки, а потомъ длинные разговоры. Можно себѣ представить напряженность интереса и необычайность событія, когда такихъ саней появилось на погостинской горѣ цѣлыхъ семь, какъ на этотъ разъ.

Семь заиндевѣвшихъ лошадей, запряженныхъ въ городскія саночки, съ накинутыми на большихъ сидѣньяхъ ковриками и войлочками, сфыркивали отъ мороза и у священническаго, и дьяконскаго крыльца. Не пропустили этого безъ вниманія, на вѣчномъ безлюдьѣ Погоста, и тѣ двое мужиковъ, которые заходили къ отцу-дьякону испить винца и теперь пробирались къ домамъ (дьяконъ этимъ бѣшенымъ товаромъ поторговывалъ для случайныхъ захожихъ изъ сосѣдей, знавшихъ тайну).

Одинъ мужикъ, толкая локтемъ въ бокъ товарища, говорилъ ему:

— Глянь-ко, парень, все кобылки!

— Собиралися попы изъ приходовъ девяти, весело пропѣлъ товарищъ, и оба засмѣялись.

— Ты гдѣ экое-то слышалъ?

— Въ городу въ кабакъ заходилъ: одинъ, шустрой такой, на торбанѣ выигрывалъ и такъ-то смѣшно подбиралъ: все нутро изболѣло со смѣху! Трёшникъ ему и съ меня сошелъ.

И оба стали спускаться подъ гору.

На горѣ, въ горницѣ новой пристройки благочиннаго, разсѣвшись по плетенымъ, съ раскачавшимися ножками, стульямъ, дѣйствительно собралось семь священниковъ изъ ближнихъ приходовъ, со всего благочинія. Кромѣ старѣйшаго, котораго пятидесятилѣтній юбилей священства, ознаменованный присылкой фіолетовой скуфейки отъ архіерея, праздновали соборной обѣдней, проповѣдью и пирогами, кромѣ его, страдавшаго водяной и грыжей, и нетолько никуда не ѣздившаго, но и переставшаго служить, всѣ остальные приходскіе священники погостенскаго благочинія были налицо.

Высокій, до того высокій, что, при проходѣ въ царскія двери, всегда нагибался, отецъ Разумникъ бросался въ глаза прежде другихъ и этимъ нескладнымъ ростомъ, и густымъ ворчливо-рокочущимъ басомъ. На немъ былъ нанковый подержанный подрясникъ, подпоясанный соловецкимъ изъ нерты широкимъ рем-

немъ съ желѣзной петлей, подареннымъ ему проходившимъ богомольцемъ, котораго онъ накормилъ щами и кашей. Сверху подрясника накинута ряса просто изъ самой грубой, домотканой крестьянской сермяги. Человѣкъ молчаливый, съ угловатыми манерами и, несмотря на неотесаный складъ тѣла, съ добрымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ загнаннымъ робкимъ взглядомъ, очень тихій и смиренный. Не понадѣявшись на стулья, онъ сидѣлъ на кончикѣ кожанаго дивана.

Бѣлокурый и худенькій, изъ молодыхъ, отецъ Евтихій, исключенный изъ духовной академіи «за сварливость нрава и противорѣчіе» и не удержавшійся при церкви губернскаго города, прежде прочихъ бросался въ глаза, какъ контрастъ Разумнику, именно этимъ тщедушнымъ видомъ, непосѣдливостью и особеннымъ огнемъ въ живыхъ, бѣгающихъ глазахъ. Взглядъ этотъ какъ бы говорилъ собой:

— Вотъ начинайте, вотъ говорите, что̀ хотите — препираться и возражать буду. На всякое умозрительное положеніе — возраженіе и, въ подкрѣпленіе доказательствъ, изрѣченія отъ Писанія въ требуемомъ избыткѣ и неопровержимой точности: не угодно ли кому?

Но видимо этого никому еще не было угодно, и торжественную молчаливость никто нарушить не рѣшался. Сухо перемолвившись вопросами о томъ, каковъ умолотъ ячменю и овсовъ, чинно сидѣли отцы, успѣвшіе еще до выѣзда изъ домовъ распустить косы и расчесать волоса. У однихъ, которые были помоложе, лежали волоса эти по спинѣ мелкими волнами, точно лёнъ изъ-подъ трепала; у другихъ перекинуты были черезъ плечи на грудь моднымъ способомъ и по-городскому: съ проборомъ назади и посрединѣ. Только одинъ попъ Иванъ, самый смирный и молчаливый, одѣтъ и причесанъ былъ такъ, что трудно было догадаться: попъ ли онъ, или мужикъ-церковный староста. Вмѣсто рясы, на немъ прямо надѣта овчинная шуба, у которой и самые рукава были вольнодумно объужены; муфты не употреблялъ; вмѣсто высокаго околыша съ длиннѣйшей плисовой тульей, свихнувшейся, по-казачьи, на бокъ, онъ привезъ обыкновенную мужичью пыжичью шапку съ ушами (а лѣтнимъ временемъ любилъ мѣщанскій картузъ съ козырькомъ).

Суетливѣе прочихъ былъ самъ хозяинъ-благочинный: благообразный человѣкъ, съ козлиной бородкой, въ подрясникѣ, застегнутомъ на крючки, но безъ пояса и безъ рясы—по-домашнему и по-начальнически. Казалось и по гладко приглаженнымъ волосамъ, и по раскраснѣвшемуся отъ хлопотливости лицу, что онъ какъ будто сейчасъ только вышелъ изъ бани.

Благочинный хлопоталъ о закускѣ, просовывался и выбѣгалъ въ приспѣшную къ попадьѣ поторопить стряпней, и въ особенности, самоваромъ, и надоѣлъ матушкѣ страшно.

— Ну, не суета ли ты? Не пополза? говорили ему.

— Повремени, не осуждай, не сѣтуй! упрашивалъ онъ.

— И чему радъ: подожди, все сожрутъ, дай срокъ. Сидѣлъ бы съ ними.

— Не срами, не говори громко: и по званію моему, спаси Христосъ, могутъ быть со стороны сомнѣнія—осудятъ.

— Ну, какой ты благочинный: развѣ на шесткѣ благочинье-то твое? Ерша, что ли, проглотилъ, суетишься? Убирайся.

Благочинный отчаянно махалъ рукой, попадья показала ему мягкій и бѣлый кулакъ. Благочинный сталъ стихать; сорвется со стула, да и вспомнитъ и задержится. Сидя на стулѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи, онъ мелькомъ видѣлъ, какъ попъ Разумникъ высморкался въ полу, а Агафоникъ обычно потряхивалъ время отъ времени головой и съ искуствомъ, по сорочьи, прочищалъ зубы—дурная привычка, вывезенная имъ изъ семинаріи и хорошо всѣмъ знакомая. Благочинный не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія, останавливая его исключительно на почтенномъ сѣдомъ и плѣшивомъ старичкѣ Корниліѣ.

Корнилій былъ уроженцемъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ уже и священствовалъ онъ третій десятокъ лѣтъ на исходѣ. Онъ даже и имя носилъ того святаго, котораго мѣстно чтили и мощамъ котораго, почивающимъ подъ спудомъ въ монастырькѣ за лѣсами, ходили покланяться издалека два раза въ годъ: въ день памяти (преставленія) и въ день тезоименитства его съ тѣмъ святымъ греческой церкви, имя котораго принялъ на себя угодникъ Божій при постриженіи въ монашество. Попъ Корнилій пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Отъ него и совѣтъ, и добрая помощь. Еще когда онъ былъ молодымъ и слылъ въ народѣ подъ именемъ «маленькаго попа», а у озорниковъ подъ названіемъ «шкалика», уваженіе къ нему зародилось тѣмъ, что онъ не былъ жаденъ, не имѣлъ тѣхъ завистливыхъ до крестьянскаго добра поповскихъ глазъ, которые такъ озлобленно не любятъ народъ; приглашенный на требы, не торговался, предпочиталъ ѣздить по деревнямъ на своей лошадкѣ и къ лошадямъ, и ко всякому животу оказывалъ большую любовь. Потомъ, когда онъ посѣдѣлъ и постарѣлъ, когда нажилъ круглое наполеоновское брюшко и неотвратимую грыжу, благодушное, солидно-степенное отношеніе къ людямъ выразилось еще опредѣленнѣе.

Передъ погостенскимъ благочиннымъ сидѣлъ отецъ Корнилій,

въ синей суконной рясѣ, въ плисовомъ подрясникѣ, подпоясанномъ по сытому и совсѣмъ круглому брюшку поясомъ, расшитымъ разноцвѣтными шерстями и бисеромъ.

— Не соблаговолите ли начать собесѣдованіе наше, отецъ Корнилій? весело спрашивалъ благочинный, подсаживаясь къ нему и суетливо поднявшись вновь.

— Въ соборахъ-то помѣстныхъ первое слово кому предлагается, не первенствующему ли? ласково смѣясь отвѣчалъ Корнилій и оглядываясь на Евтихія: — отецъ Евтихій! ка̀къ по іерархическому-то чину: благочинному начинать подобаетъ?

И опять ласково и благодушно усмѣхнулся.

Евтихій оживился и закипѣлъ. Потокъ началъ выхлестывать изъ краевъ, но на бѣду съ переборомъ (у Евтихія былъ перебитый языкъ и неясная рѣчь, за что̀ у мужиковъ онъ слылъ подъ прозвищемъ «индѣйскаго пѣтуха» и «водяной мельницы»). Кулаки шестерни застучали и могли бы заглушить всякую живую человѣческую рѣчь, да опытный мельникъ, отецъ Корнилій, во̀-время успѣлъ предусмотрѣть:

— Помедлимте мало. Время покажетъ, когда преніямъ настанетъ череда. Благоволите, отецъ благочинный (не безъ серьёзности и нѣкоторой торжественности говорилъ отецъ Корнилій):— благоволите прочесть указъ консисторіи съ резолюціею и помѣтою высокопреосвященнѣйшаго владыки (мѣстный архіерей титуловался архіепископомъ).

Прочитанъ былъ указъ, предписывавшій дать свѣдѣнія о состояніи въ приходахъ раскола, съ указаніемъ и опредѣленіемъ наиболѣе вредныхъ сектъ, вліянія раскольниковъ на православныхъ и объ отношеніяхъ ихъ къ самому духовенству.

Съ подобающею священнической совѣсти откровенностію, продолжалъ рѣзкій теноръ благочиннаго чтеніе указа:—предписывается извѣствовать о всѣхъ вышерѣченныхъ тлетворныхъ лжеученіяхъ, возмнившихъ колебать цѣлость матери нашей— православной Христовой церкви.

Помѣта на поляхъ, надписанная самимъ владыкой, заключала въ себѣ слѣдующее: «не лѣностнаго равнодушія, но отечески-пастырскаго тщанія ожидаю отъ служителей храма въ семъ дѣлѣ, въ коемъ едва ли благовременно будетъ творить дѣло Господне съ небреженіемъ».

Когда благочинный кончилъ, всѣ привстали и пошли смотрѣть на указъ не изъ желанія удостовѣриться въ подлинности его, а изъ любопытства полюбоваться на архіерейскій почеркъ: не отразилось ли на немъ гнѣвнаго состоянія духа писавшаго владыки? Поднимались, впрочемъ, напрасно: мертвыя, коротень-

кія, круглыя буквы, более похожія на точки, походили, какъ двѣ капли воды, на обыкновенный почеркъ всѣхъ учившихся въ семинаріяхъ, успѣвшихъ переписать не одну сотню тетрадей, «изъ разсчета, при дороговизнѣ и недостатку бумаги», мелкимъ бисернымъ почеркомъ. Всѣ нашли сходство архіерейскаго почерка со своимъ, исключая Корнилія, у котораго старческія руки давно обмозолились и заскорузли при сохѣ и на косѣ и несовсѣмъ повиновались ему по старости лѣтъ, лежавшихъ на его плечахъ шестымъ десяткомъ.

— Благоволите же, святые отцы, преподать свои сужденія и мнѣнія, заторопился непосѣдливый благочинный, когда всѣ опять размѣстились.

— Умозрительно, или на основаніи опытныхъ наблюденій? сунулся-было Евтихій, но былъ остановленъ Корниліемъ, съумѣвшимъ обратить на себя вниманіе всѣхъ заявленіемъ готовности говорить, выразившейся тѣмъ, что онъ откашлялся и оперся руками на круглыя полныя колѣна и поднялъ голову.

— Не устоять намъ въ тайнѣ нашей: всѣ видятъ и знаютъ, что приходы нашего благочинія разсѣяны въ самомъ ядрѣ раскольничьихъ злоученій. Не скроемъ и того, что плевелы его ростутъ и опутываютъ невѣжественные умы, какъ сѣтями, уловляя...

На этомъ мѣстѣ, отвыкшій говорить по ученому, Корнилій замялся-было и Евтихій, замѣтивъ слабое мѣсто, всполохнулся всѣмъ тѣломъ, чтобы кинуться въ атаку, но старикъ нашелся и опять опередилъ:

— Отъ церкви Божіей сталъ народъ отбѣженъ и храмы стоятъ впустѣ: молись ты о мірѣ всемъ, а о своей веси хоть и не упоминай.

Легкая улыбка, пробѣжавшая по лицу Корнилія, передалась и всѣмъ другимъ, окончательно побѣдивъ и угомонивъ Евтихія. Улыбка поощрила докладчика.

— Право, святые отцы, гляжу я когда въ окно и идутъ мимо бабы, согрѣшу, подумаю: коли нѣтъ, молъ, тутъ апостола, грядущаго на проповѣдь, такъ ужь два попа, навѣрное, есть, а третій — уставщица. Мѣситъ, молъ, она тѣсто-то для хлѣбовъ, а сама сердится и думаетъ: постой-де, косой чортъ, ты меня уловилъ на сугубой аллилуйи, а я, вотъ когда опять собраніе будетъ, загну тебѣ вопросъ о пятницахъ: отчего, молъ, избавленъ будеши, аще постишься предъ Косьмой и Демьяномъ, безсребреникахъ Господнихъ. Право, ей-ей.

Батюшки вслухъ засмѣялись.

— Слѣпой слѣпаго водитъ, а плевелы лжеученій ростутъ.

Развелось этихъ наставниковъ такое множество, что я, вотъ, въ храмѣ-то Божіемъ, кромѣ своей просвиренки, никого уже не вижу. Да и у другихъ то же самое; этого всего не скроешь хоть бы и предъ лицомъ самого владыки: ка̀къ устоимъ прямо стрегущаго безгласны?

— Не укоризненно ли будетъ извѣщать о томъ владыку письменно: не умолчать-ли? подалъ мнѣніе благочинный.

— Зачѣмъ? Не умолчимъ никогда, а по тропарю этому скажемъ: кто̀ же насъ избавитъ отъ толикихъ бѣдъ, кто̀ же и сохранитъ? Вотъ, вопросите отца Разумника, у него-де весь приходъ православный. Отецъ Разумникъ, много-ли ныньче исповѣдывалъ-то?

— Человѣкъ съ двадцать было, пробасилъ Разумникъ и тряхнулъ головой.

— А ко святому причащенію сколько изъ нихъ удостоилъ?

— Да двое пришло, и то—бабы.

— Вотъ таково счастье его и въ православномъ приходѣ! Ка̀къ крестятся-то?

— Теперь всѣ стали креститься полной ладонью, раскольничьимъ крестомъ, и тѣ, что̀ года три назадъ маливались нашимъ.

— Ну, теперь я отъ себя скажу. Прислушайтесь-ко, святые отцы:—къ дѣлу нашему слова̀ мои будутъ пригодны. У меня въ приходѣ богачъ-отъ заводчикъ нашъ Разграбленой пропалъ.

Вопросительные, недоумѣвающіе взгляды слушателей обратились къ разсказчику.

— Пропалъ онъ въ одну ночь и семью покинулъ (а въ семьѣ 8 душъ, и все—отроки). Кланялась жена со свекровью и его благородію, господину нашему становому приставу. Искалъ онъ—не нашолъ. Кручинилась и богатымъ, и сильнымъ міра нашего: скорбѣли всѣ, разыскивали, но и они не обрѣли. Годъ истекъ—нѣтъ Ивана Семеныча. И на лѣсъ подумывали—не заблудился-ли? И на рѣку подозрѣніе клали—не утонулъ-ли? Пришло на свекровь, на почтенную старицу, наитіе: сѣмъ-ко обращусь съ прошеніемъ къ Тихонычу-Конокрадову. Силенъ онъ у насъ, больше губернатора въ немъ силы...

— Филопоновскаго согласія!—замѣтилъ кто-то.

— Говорятъ, архіерейство ему изъ-за границы предлагали, да не въ томъ его могущество: у него на заводахъ сотъ пять народу живетъ. Поѣхалъ онъ по всѣмъ заводамъ, собралъ всѣхъ рабочихъ, топнулъ, да крикнулъ. Если, говоритъ, Разграбленаго Ивана Семеныча вы мнѣ не представите, кто изъ васъ знаетъ про то, я, говоритъ, на цѣлый мѣсяцъ по всѣмъ заводамъ ра-

боты пріостановлю и разсчету никому не дамъ. Знаю, говоритъ, что есть промежъ васъ такіе, что̀ придерживаются этой сопелковской пакости. Чтобы, говоритъ, Иванъ Семенычъ, живъ или мертвъ, въ свою семью предоставленъ былъ завтра. На утро, въ возочкѣ крытомъ (и окошечки рогожкой затянули) представили бѣглеца живаго: Иванъ Семенычъ, да не тотъ. Одичалый, какъ вепрь, и грозный: дня не прожилъ—началъ все разбивать, дѣтей и жену колотить и на свекровь посягнулъ. И была послѣдняя горше первыхъ. Лучше бы-де его въ лѣсу-то такъ и оставить совсѣмъ.

Разсказъ опять подживилъ слушателей вызваннымъ имъ искреннимъ смѣхомъ. Бѣлая сытая попадья обносила гостей чаемъ, кланяясь и упрашивая не церемониться—кушать! На столѣ, на множествѣ тарелочекъ, разложена была разнообразная снѣдь: орѣхи и круглые сухіе прянички съ оттиснутымъ груздочкомъ, были и битые пряники, и мелконькіе валдайскіе баранки, нетлѣнные и несокрушимые, и сотовый медъ, которымъ кланялась матушкѣ-благочинной другая попадья, и варенье малиновое изъ отборной ягоды, также поклоннаго приноса отъ сердобольной прихожанки. Между сладкимъ довольно и горькаго съ солеными принадлежностями. И тутъ все больше поклонное, дареное, начиная съ пѣннику и кабацкой настойки и наливокъ до соленыхъ груздей и рыжиковъ. Рыжики въ тѣхъ мѣстахъ пріобрѣли громкую славу, и потому благочинному надо было гостей удивлять: выставлены были отборные маленькіе, отвареные въ уксусѣ, и кадочные изъ-подъ пресса, столь улежалые, что хрустѣли на зубахъ и щипали языкъ. Попадья гостей ждала, а потому озаботилась и рыбникомъ съ сёмушкой, и жареной рыбкой—лещомъ, и жареное коровье вымя заняло на столѣ свое неизбѣжное мѣсто рядомъ съ огурцами, круто заправленными чеснокомъ и очень твердыми и холодными. Довольно было и сдобнаго, и пряженаго. И все это поставлено было на одинъ столъ, и все это пилось и ѣлось вмѣстѣ: пили передъ чаемъ и за чаемъ; поразвеселились, однако, во-время спохватились.

— Не пора-ли уже послать за дьякономъ-то?

Послали за дьякономъ. Благочинный досталъ бумаги, чернильницу съ заплесневѣлыми чернилами и скоробленнымъ лебединымъ перомъ: надо отбирать свѣдѣнія и писать отвѣтъ въ консисторію и ко владыкѣ.

Пришедшій дьяконъ обошолъ всѣхъ отцовъ, у всѣхъ перецаловалъ руки и остановился у двери, съ покорнымъ видомъ, съ приклоненной головой, проникнувшись скромною ролью секретаря съѣзда. Благочинный поподчивалъ водочкой, дьяконъ по-

ломался немного и выпилъ, безъ закуски. Отецъ Корнилій приласкалъ и пошутилъ:

— Ну, какъ твои пчёлки, дьяконъ?

— Нынче, ваше благословеніе, хорошо роились, сильно: лѣто свѣтлое, произрастеніе злаковъ преобильное...

— Ну, да вѣдь ты на пчелу слова такія знаешь.

— А, молитвенныя слова, ваше благословеніе.

— Нѣтъ, вонъ мнѣ про тебя одна ваша баба разсказывала, что такія-де молитвы читаешь, что она отъ страха и трепета едва на ногахъ устояла.

Дьяконъ отвѣчалъ подначальнымъ хихиканьемъ и маханьемъ рукой; взглядъ его говорилъ:

«Экой добрый пастырь, экой добродѣтельный: все шутитъ, нами не брезгуетъ. Вотъ бы кого на благочиніе-то, а не нашего змія, василиска и аспида».

— Ну-ко, дьяконъ, садись—пиши! говорилъ этотъ змій-василискъ, обычнымъ, нѣсколько грубымъ и повелительнымъ тономъ.

Стали отбирать мнѣнія. Дьяконъ писалъ:

«По характеру своему, раскольники разнятся между собою въ вѣроученіи по двумъ толкамъ: сектанты-филиповцы и сектанты-странники. Изъ послѣднихъ не всѣ находятся въ странствованіи, а бо̀льшая часть ихъ, въ силу своего ученія, занимаются пристанодержательствомъ скрытниковъ».

Дьяконъ вытащилъ изъ подъ полы обломанный ножичекъ, приладилъ на ноготокъ лѣвой руки разсщепъ перышка, подвелъ къ свѣту, скосилъ лѣвый глазъ, отрѣзалъ и подточилъ! Этимъ воспользовался Евтихій:

— Я бы полагалъ тутъ присоединить догматическое положеніе: всѣ раскольники безпоповщинской секты, т. е. законнаго священства не пріемлютъ, равно какъ и христіанскіе браки отметаютъ. Яко нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ—гортань ихъ, языки своими льщаху.

Всѣ согласились, и дьяконъ приписалъ.

— Теперь, во исполненіе консисторскаго указа, упомянуть о вліяніи ихъ, предложилъ благочинный.

— Ваше мнѣніе, отецъ благочинный!

— Расколъ здѣсь отличается фанатизмомъ; всѣ преданные ему грубы, чрезмѣрно горды и угрюмы по виду.

— Въ Грудинкѣ на базаръ хоть не показывайся—огорчаютъ, вставилъ Корнилій:—малые ребята начали ржать и сзади бѣгать.

Благочинный сильно тряхнулъ волосами и, сердито расправляя плечи, диктовалъ:

— Такой характеръ (писалъ дальше дьяконъ) воспитала въ

нихъ филиповская секта, которой они издавна преданы и упорно держатся.

— Полагалъ бы добавить, перебилъ Евтихій.—Вліяніе раскольниковъ на православныхъ сильно и выражается главнымъ образомъ: первое въ отклоненіи всѣхъ родителей отъ обученія грамотѣ дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ; второе...

— Садитесь-ко, отецъ Евтихій, къ дьякону-то поближе; ему будетъ вразумительнѣе. Пиши-ко, дьяконъ, не торопись, не наври. Выпей-ко для вразумленія-то! благословлялъ отецъ благочинный.

Дьяконъ высморкался въ полу, выпилъ и опять писалъ.

«Второе—въ укрѣпленіи прихожанъ въ томъ лжеученіи, что нѣтъ нужды въ церкви. Въ грѣхахъ не нужно каяться передъ священникомъ, а надо каяться передъ единымъ только Господомъ, каковое лжеученіе, кромѣ того, что, отлучая нерадивыхъ прихожанъ отъ исповѣди и св. таинъ причастія, и совращаетъ въ расколъ, но и составляетъ главную причину различныхъ въ приходахъ пороковъ».

— Что̀ достигается положеніемъ этимъ, вмѣшался Корнилій.

— По пророку Давиду: Суди имъ, Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ, по множеству нечестія ихъ изрини я, яко, преогорчиша тя, Господи! воздохнулъ Евтихій.

— Пократче-бы записать-то надо, возразилъ Корнилій—да и вопросъ столь многозначителенъ, что не излишне бы было собрать мнѣнія. По нимъ гражданское начальство дѣйствовать будетъ и можетъ впасть въ заблужденіе. Я такъ вотъ ка̀къ написалъ про себя дома; прошу прислушать: «отношеніе къ мѣстнымъ властямъ гражданскимъ—хладнокровныя». Не то, кажется, слово-то, ну, да отецъ Евтихій пособитъ! «хладнокровныя съ опасеніемъ и малодовѣрчивыя, почему они и стараются избѣгать обращенія и собесѣдованія съ ними, считая, по своей сектѣ, какъ бы грѣхомъ правильное со властями отношеніе; отношенія православныхъ людей къ раскольникамъ вообще почтительныя и уважительныя, такъ какъ люди въ расколъ поступаютъ бо̀льшею частію въ старости и, поступивъ, показываютъ видъ степенный, оберегаясь и въ словахъ, и поступкахъ очернить себя, то простой народъ и почитаетъ ихъ на особенномъ счету на пути какъ бы спасительскомъ, по подобію пустынниковъ, и нерѣдко слушаетъ ихъ со вниманіемъ».

И это писалъ дьяконъ, и, наклонивъ голову подъ столъ, зарядилъ носъ табачной понюшкой.

— Всякой злакъ на службу человѣкомъ, торопливо сказалъ Евтихій, словно икнулъ.

— Вы ка̀къ, отецъ Разумникъ, объ этихъ положеніяхъ полагаете?

— Раскольники мои къ мѣстнымъ властямъ непочтительны, наипаче бѣгуны, а православный народъ къ раскольникамъ снисходителенъ.

— А духъ раскольническій?

— Духъ раскольническій на простой православный народъ презрительный, пробасилъ Разумникъ.

Это рѣшили не вписывать, на чемъ и Разумникъ не настаивалъ. Дьяконъ такъ и просидѣлъ, навостривъ ухо съ заложеннымъ за него перомъ.

— А впрочемъ, православнаго въ домъ на ночь не примутъ и пищи не дадутъ, замѣтилъ Корнилій, оглядываясь на Агафоника.

— А вы, отецъ Агафоникъ, какого мнѣнія?

— Своего. Пожалуй, спишите: — вотъ моя нотатка! И вынулъ бумажку изъ-за пазухи.

Дьяконъ списалъ слѣдующее: «отношеніе къ мѣстнымъ властямъ и православному населенію невраждебно и неотчужденно, а подобострастно и приблизительно для своихъ цѣлей, равно и отношеніе православныхъ раскольникамъ близко и уважительно, и потому совращеніе первыхъ послѣдними въ раскольническія заблужденія очень легко и удобно».

— Теперь бы уже мѣсто и время и умозаключенію, предсѣдательствовалъ благочинный.—Попадья потораапливаетъ: у ней въ печи все вскипѣло и поспѣло.

— Къ уменьшенію раскола могло бы способствовать распространеніе грамотности.

Всѣ единогласно согласились и записали.

— О содѣйствіи гражданской власти слѣдовало бы упомянуть.

— Мзду емлющей и грѣховная творящей, замѣтилъ съ самодовольной улыбкой благочинный.—Благоволите упомянуть.

— У нашего Кирилыча, добавилъ Корнилій: — недремлющее око. Подъ великіе праздники ходитъ, да высматриваетъ: не тайнодѣйствуютъ-ли? А, впрочемъ, спаси Богъ иносказательно о томъ упомянемъ.

Упомянули, съ прибавкой: «къ прекращенію тайныхъ собраній раскольниковъ и отправленія богослуженія».

— Богослуженіе-ли? Прилично-ли великое слово къ бабьимъ-то маднямъ?

Поспорили. Евтихій въ диспутѣ слово отбилъ, и дьяконъ его

записалъ даже съ чернильными брызгами. И опять писалъ: «равно и требоисправленія расколоучителями».

— Вотъ и согласно съ истиной! прищелкнувъ языкомъ, замѣтилъ Корнилій.—И владыка не возгнушается: требоисправленія—тонкое слово и вразумительное. Причеркни-ко, дьяконъ: «а также понужденіе къ исполненію христіанскихъ обязанностей тѣхъ прихожанъ, кои принадлежатъ церкви».

— Не ищутъ истины и не хотятъ слышать о ней, замѣтилъ Евтихій.

— И это хорошо приписать.

— По заповѣди Христовой, не имѣютъ христіанской любви ко всѣмъ и каждому, а только къ самимъ себѣ.

— Строчи, дьяконъ!

Дьяконъ опять распахнулъ полу и, доставъ берестяную тавлинку, понюхалъ табачку.

— Какой потребляешь-то? послышался голосъ Корнилія.

— У этапнаго солдата покупаю: — не знаю, ваше благословеніе.

— Костромской лучше — хлеще забираетъ. Онъ—зеленый. Я тотъ предпочитаю, протодьяконской-то.

И отецъ Корнилій нюхнулъ, закашлявшись, онъ продолжалъ:

— Вотъ и о треклятомъ-то зельѣ этомъ нельзя-ли упомянуть въ дополненіе:—все бы въ кучу. Не любятъ они его, какъ бѣсы ладону.

— Я о родителяхъ желалъ упомянуть.

— Упомянемъ, да и къ аминю поскорѣй. У меня ужь что-то голова заскорбѣла, шутливо замѣтилъ Корнилій.—Складывайте-ка, отецъ Агафоникъ, что желаете присообщить о родителяхъ.

— Духъ раскола преемственно переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ.

— Неопровержимы слова ваши. Якоже слышахомъ, тако же и видѣхомъ — по Давиду. Мотай, дьяконъ, на усъ! А отчего такъ?

— Вслѣдствіе невѣжества и неразвитости людей, по сильному подражанію предкамъ.

На этомъ мѣстѣ Евтихію опять удалось завязать споръ, подержаться на высотѣ книжныхъ знаній передъ другими и опять ниспуститься побѣдителемъ.

Однако, благочинный, лукаво улыбаясь и оговорившись, что говоритъ не для дьяконскаго писанья, не спустилъ Евтихію:

— Отцы святые! замѣчу нѣчто. Одного я увѣщевалъ; съ нимъ по три дня мы сходились, на четвертый сказалъ онъ мнѣ: «все это я знаю давно, все это вижу. Да спрошу васъ, батюш-

жа: если бы вы когда сами убѣдились, что вѣра ваша не права, согласились бы ее перемѣнить? Я родился въ расколѣ, воспитанъ въ немъ, родители меня благословили остаться въ вѣрѣ предковъ». Сколь пропитанъ сознаніемъ! А молодой человѣкъ, довольно умный, начитанъ и богатый.

Среди общаго молчанія и послѣ общихъ вздоховъ, благочинный диктовалъ:

— Характеръ его—держаться старыхъ обрядовъ, а не довѣрять ученію церкви.

— Хорошо бы тутъ про антихриста теперь упомянуть, улыбаясь пробасилъ Разумникъ.

— А ты самъ вотъ и скажи какъ надо.

Разумникъ застыдился и замолчалъ. Его выручилъ Корнилій:

— Повремените мало. Это, впрочемъ, не ради дьякона. Скажу объ антихристѣ. Кончили въ городѣ работу бѣличью. У рабочихъ самоваръ — первое утѣшеніе, и безъ чайнаго питія не шьется, не порется. Артельный самоваръ въ мастерской остался: взять бы его хозяевамъ, да и спрятать. А хозяева-то оба по филиповскому согласу живутъ: два брата и на два дома. Самоваръ—ни одинъ въ домъ свой не пріемлетъ. Хотѣли даже выкинуть: поняли самоваръ за антихриста (одинъ братъ такъ его и называлъ). Не пожелали допустить, чтобы царствовали у нихъ вдругъ оба антихриста—духовный и чувственный. Хотѣли довольствоваться однимъ, однако, отдумали: ребята-то опять-де воротятся бѣлку кроить. Поэтому-то чувственный модный антихристъ и остался у нихъ царствовать вмѣстѣ съ духовнымъ, кажется, навсегда. Вотъ теперь вы, отецъ Евтихій, благоволите о духовномъ сказать.

Евтихій диктовалъ:

«По лжеученію филиповщины, которымъ всѣ они пропитаны, смотрятъ на всякую власть и на православное населеніе, какъ на слугъ антихристова царствія, каковыхъ всѣхъ неминуемая участь, по убѣжденію ихъ, вѣчная погибель».

— Вотъ тутъ «аминь»-то какъ разъ приличествуетъ, самъ выскочилъ. Теперь вопросимъ мнѣнія матушки Евпраксіи.

— Пожалуйте-тко! откуда ни взялся ея мягкій голосъ и мягкія бѣлыя руки, шевелившія тарелками и ложками.

— Вотъ, отцы, и предлагаемое!

— Однако, о бѣгунахъ-то ничего и не выразили: замѣтилъ Корнилій, подбирая правый рукавъ рясы, чтобы налить настойки и не уронить спопутныхъ рюмокъ.

— Ну, да̀ надо такъ говорить! замѣтилъ Агафоникъ, слѣдя глазами за матушкой, разливавшей горячую лапшу, которая

визгливо шипѣла по щелямъ и ямочкамъ надтреснутыхъ и подержаныхъ тарелокъ».

— Раскольничій духъ надъ православнымъ преобладаетъ.

— А ослабѣваетъ ли?

— Но дѣйствіе этого духа еще глубоко таится. Уловлять народъ удобно. Безъ затрудненій учители скрытниковъ достигаютъ своихъ цѣлей.

— Выдь-ко, дьяконъ, припиши! обратился благочинный къ послушному секретарю, смиренно сидѣвшему на кончикѣ стула и на самомъ краю стола.

— Про странниковъ я бы полагалъ... началъ-было Агафоникъ, но Евтихій быстро и внезапно перебилъ:

— Не полагайте, надо изложить всю истину.

— Чтò касается до... сталъ-было продолжать диктовать Агафоникъ, но Евтихій не уступалъ:

— Не «касается»; зачѣмъ, касается? вотъ позвольте!

— Кàкъ?

— Умолчите, батюшко!

— Не приличествовало бы мнѣ предъ юнымъ возрастомъ... возвышая голосъ продолжалъ-было Агафоникъ, но удержанъ былъ благочиннымъ, на этотъ разъ буквально исполнившимъ свою обязанность, предложа Евтихію выразить то письменно, чтò хотѣлъ словесно. Дьяконъ потомъ записалъ нижеслѣдующее:

«Самые состоятельные, а слѣдовательно, и самые вліятельные жители приходовъ, частію по корыстнымъ видамъ, а частію по сочувствію къ страничеству, сдѣлались пристонодержателями бродягъ-странниковъ и чрезъ то открыли широкое поле для распространенія въ приходахъ ученія страннической секты».

Рѣшивъ, по возвращеніи въ домъ, собрать цифровыя свѣдѣнія о количествѣ «находящихся въ безъизвѣстномъ сходѣ», гости благочиннаго съ большимъ усердіемъ принялись за трапезу.

— Въ сѣти сей юже скрыша, увязе нога ихъ, добавилъ ученый Евтихій уже для себя, а не для дьякона, и тѣмъ порѣшилъ вопросъ и окончилъ разговоръ.

За обѣдомъ разговаривали уже объ житейскихъ интересахъ: про консисторскаго секретаря, державшаго въ рукахъ уже третьяго владыку; вспоминали случаи находчивыхъ прицѣпокъ для немилостивыхъ поборовъ протодьякона; вспоминали изреченія и замѣчанія самаго владыки во время объѣздовъ имъ епархіи; поговорили о губернскихъ соборныхъ протоіереяхъ и о самомъ старѣйшемъ и находчивомъ острословѣ, не уступавшемъ ни въ чемъ невзлюбившему его нынѣшнему архипастырю. Все, однимъ словомъ, выговорилось и протолковалось по чину и по обычаю при

такихъ веселыхъ и рѣдкихъ съѣздахъ. Весело и говорливо досиживали гости день у благочиннаго, и пошутили, и попѣли, начавъ съ завѣтной хоровой пѣсни, сочиненной митрополитомъ Платономъ, «Среди самыхъ юныхъ лѣтъ», и кончая «Среди игры, среди забавы, среди благополучныхъ дней».

II.

Пріѣхавшіе съ батюшками, въ качествѣ кучеровъ, дьячки и пономари въ вислоухихъ малахаяхъ и съ связанными волосами въ косички, раздѣлились на два лика: часть сидѣла у погостинскаго дьячка, другая придерживалась около кухни благочиннаго.

Дьячекъ гостямъ радъ, радъ поразмять языкъ, избитый на чтеніяхъ и пѣніяхъ и истрепаный на перебранкахъ съ дьячихой и дьяконицей: знакомые люди съ новыми вѣстями пріѣхали. Надо съ холодку и съ дороги промочить горло: досталъ у дьякона въ долгъ, до первыхъ дѣлёжекъ, четвертную; съ погребицы притащилъ ведерко съ груздями; въ солоницу новой соли присыпалъ и хлѣба нарѣзалъ.

— Приступите къ сему и лица ваша да не постыдятся!

— Слушай-ко, Кононычъ; какимъ вѣтромъ-то сегодня всѣхъ въ кучу сбило?

Толковали бабы про владыкинъ гнѣвъ.

— Изъ чего восшумѣ органская пѣснь?

— Ѣхалъ онъ по селеніямъ, гдѣ все поморскаго толку. Увидалъ, что собрались мужики кучей и шапки сняли. Велѣлъ остановиться, хотѣлъ благословлять — они не пошли. Въ разговоръ съ ними ступилъ и договорился до того, что къ обѣднѣ позвалъ. Я-де буду служить, а вы посмотрите только, хоть не молитесь. Одинъ и вышелъ отъ нихъ: отчего-ста не посмотрѣть, ты попой, а изъ насъ можетъ кого дома не случится. Къ этому другой присталъ: чего-ста мы, говоритъ, не видали? щепоть-то вашу, чтò ли? Никонъ-ста помутилъ вашу вѣру и «Христовъ крестъ перемѣнилъ». Дальше да больше, владыка и велѣлъ, во гнѣвѣ своемъ, этого-то сгрести протодьякону за шиворотъ и передать становому Кирилычу, чтò сзади ѣхалъ.

— А ему бы простить, да отпустить съ миромъ: за чтò ты мнѣ нагрубилъ? Такъ ли не такъ отвѣтилъ: иди съ миромъ. Гляди, который бы и пришелъ потомъ къ нему самъ, безъ понужденія, и благословенія бы попросилъ.

— Ну, вотъ, мели, Емеля, твоя недѣля! Такъ его по стриженой-то макушкѣ и погладить. Тебя бы, вишь, послать туда, гляди,

не догадались взять въ помощь протодьякону-то. Воистину такъ: собака на владыку лаетъ.

— А вы, братъ, о такихъ дѣлахъ помалчивайте. Неравно попъ-отъ Аѳоня услышитъ: ухо у него востро, да и языкъ, отцы и братіе, очень длиненъ. Мы про это знаемъ съ доказательствами.

— И все, господа, совсѣмъ не за тѣмъ благочинный звалъ. Нынѣ—раскольничій праздникъ: Трифона-бандуриста и матери его Хны—первыхъ изобрѣтателей табаку, что̀ значится въ бабьемъ патерикѣ, такъ велѣла по книгамъ нашимъ-то справиться: такъ ли это?

— Да ты не шути, Демьянычъ, а вѣрно такъ! Сказывалъ самъ-отъ мой: умножились беззаконія ихъ, превзыдоша главу ихъ: нельзя ли смирить чѣмъ?

— Я не шучу, а ты дай-ко табачку-то: я наложу трубочку.

— Умножились беззаконія, вотъ ка̀къ умножились! По нашему приходу проявился нѣкій мужъ Антошка. Сталъ уводить бабъ изъ жильевъ въ лѣсъ. Одну такую матерую и сдобную свелъ, что всѣ осердились и доносъ послали: Нѣтъ-де, ужь ты этимъ предметомъ не шути. А онъ совсѣмъ не шутитъ: сталъ чудеса творить. Знаетъ будущее, пророчитъ, когда будутъ поиски. Придетъ да и скажетъ: «ну, рабъ Божій, сегодня пріѣдутъ твой домъ обыскивать», и самъ уйдетъ въ лѣсъ. И точно, того дня прибывалъ кто-либо изъ начальниковъ: становой, исправникъ. Единожды случилось такъ, что становой-отъ пріѣхалъ съ подвязаннымъ у дуги колокольцемъ. Ка̀къ тутъ быть? а Антошка-то сидитъ въ подъизбицѣ, и нѣтъ ему оттуда выходу—точно въ темницѣ узникъ темничный. Выскочилъ онъ оттуда; скоренько потребовалъ большую чашу ендовы, плеснулъ въ нее до краевъ воды; поставилъ ее въ большой уголъ, да и нырнулъ туда: только брызги залетали. И вдругъ, невидимо бысть, когда уже начальникъ былъ на крыльцѣ, который, не найдя никого, уѣхалъ безъ ничего.

— Точно какъ въ житіяхъ пишется, серьёзно замѣтилъ одинъ изъ пономарей.

— На другой день, продолжалъ разсказчикъ дьячекъ:—сей скрытникъ Антонъ явился къ содержателю, раскольнику-старообрядцу въ деревнѣ Семеновской. Сказывалъ ему, что онъ сіе чинитъ молитвъ ради своихъ, по Божьему изволу. Тогда честь ему была болѣе и болѣе. Въ честолюбіи-то этомъ, когда хозяйска дочь, пошедши въ клѣть за своимъ дѣломъ одна, скрытникъ зашелъ за нею въ клѣть. Припалъ къ ея ногамъ; сталъ склонять: «вотъ тебѣ денегъ елико угодно». Честность дѣвическая возгнушалась, не

прельстилась ни на его ласки, ни на подарки и закричала громко: «Батюшко, батюшко, поди-ка сюда!» Родитель-то выскочилъ, да какъ воззрѣлъ на безчинство чародѣя, прогналъ его изъ дому вонъ. И съ тѣхъ поръ возъимѣлъ сильное отвращеніе къ симъ антихристовымъ предотечамъ. Никакихъ скрытниковъ къ себѣ въ домъ не пускаетъ и познанія съ ними не имѣетъ. И если живъ сей чародѣй, или нѣтъ, того неизвѣстно.

— Живъ, поддержалъ твердый голосъ одного изъ собесѣдниковъ:—держится теперь около ковригинской вѣси. Оттуда опять двухъ дѣвокъ увелъ въ лѣсъ.

— Хорошо тамъ будетъ теперь бѣлку бить и рыжики искать—весело! Ну, какъ они всѣхъ-то бабъ и дѣвокъ уведутъ — ка̀къ жить будетъ? вопросилъ маленькій пономарёкъ, проводникъ Евтихія, еще холостой и молодой, нагуливающій себѣ пронзительный басокъ.

— За кого Богу молить, кому обѣдни пѣть?

— Да мы ужь давно это оставили.

— А мы, подкрѣплялъ молоденькій пономарь:—маленькія разогрѣваемъ, да больше для одной попадьи и поемъ, и то, когда она сама велитъ. Когда и сама подойдетъ къ звоницѣ и потиликаетъ: если дома случишься—бѣжишь; вдвоемъ съ ней и служимъ.

— Ну, да̀; ври больше, пока не услыхали: вотъ, постой, за такія хулы забрѣютъ тебя въ солдаты.

— Теперь архіерей не тотъ: это Элпидифоръ брилъ.

— Ставливалъ онъ вашего брата и на колѣни середь церкви, во время торжественнаго служенія, при всемъ честномъ народѣ.

— Ну, да вѣдь одинъ изъ такихъ-то и задавился.

— Ой, прилѣпи, скудоумный, языкъ твой къ гортани твоей!

— Вотъ, господа и братіе, сколь трудно житье стало! вздохнулъ старый дьячёкъ изъ пріѣзжихъ.

— Да̀; какъ въ гееннѣ огненной. Я вотъ шестую недѣлю варева-то не видалъ и забылъ, какое оно такое. Ѣдимъ съ дьячихой въ сухомятку. Ѣхали возы съ рыбой, выбѣгалъ, кланялся: двѣ рыбины трески съ возу сбросили.

— У насъ старый попъ умѣлъ походомъ на этихъ разбойниковъ-то выходить: ѣдали мы тогда и убоинку. Теперь отъ этого соловецкаго сухоядѣнія колотья въ животѣ ежедень не переходятъ: гудетъ, точно по гати на колесахъ телега идетъ.

— Ты вотъ выпей-ка чашу-то утѣшенія: раздробитъ она слежалое-то, говорили пономарю.

— И ее перестали видѣть, какъ откупъ теченіе свое скончалъ.

— Всѣ перестали. А ты разсказывай-ко, кàкъ вы походомъ-то со старымъ попомъ ходили.

— Ходили вѣдь мы путно: всегда на свои хромовые праздники. Они это и знали: и, чтò зайцы, припадутъ за угломъ въ избѣ, чтобы и въ оконцо не взглядывать—и ждутъ. Я волоку святой воды самый большой чайникъ, чтобы всѣ избы опрыскать: такой ужь самъ-отъ и чайникъ купилъ, нарочно за таковымъ ѣздилъ. Мужикъ на крылецъ, и гуменцо у него обрито: «не брызгай-де, а, вотъ, получи».—Да сколько, молъ?—А сколько улажено, по старому.—Нѣтъ, говоритъ:—не таковъ нонѣшній праздникъ: этотъ родители ваши чредили, какъ матушку-церковь ставили, этотъ втрое дороже, по той самой причинѣ, что предковской и досельной, а втрое стòитъ, потому что вы церковь-то эту бросили и забыли, да мало того, и обругиваете. Воротись-ко въ избу-то, отсчитывай. А самъ за порогъ, да и за притолку рукой; я епитрахиль ему расправляю, а онъ за крестъ берется. Бабы изъ избы кубаремъ со всѣхъ ногъ, а самъ тафтичку отдергиваетъ и рукой по за своими угодниками шаритъ и мзду-то египетскую достаетъ. Смѣлъ былъ старый попъ и дерзостенъ. Мы на дворы-то и книги подкидывали, и отступное брали; чего не дѣлали?!

— Иные, пожалуй, и нонѣ не прочь.

— Не грѣши, Миронычъ, дабы не покаяться.

— Не ото льсти словеса моя!

— Ну, да ладно, а ладнѣе, какъ на уста-то храненіе положишь.

Распахнулась покривившаяся наружу тяжелая дверь и, уныло скрипнувъ, предъявила толстую бабу въ сарафанѣ — работницу отца благочиннаго.

— Точно зерцало въ гаданіи, замѣтилъ пономарёкъ на это явленіе:—мы объ ней, а она сама тутъ. Чтò надо?

Баба не слушала и не давала отвѣту: отфыркиваясь и отплевываясь и закрывая носъ и ротъ рукавомъ тѣлогрѣйки, съ трудомъ выговаривала:

— Начадили, надымили, нехристи!.. съ души претъ отъ табачищу-то: слова не вымолвишь...

И закашлялась.

— Значитъ, изъ этихъ? догадался веселый пономарь въ слухъ и, быстро приложивъ большой палецъ къ мизинцу и безъимянному въ открытой ладони, выразилъ раскольничье крестное знаменіе.

— Словно вы, нехристи, таракановъ жгли. Ой, задохнуся! Подите-ко, лѣшіе, къ благочинному... звать дьячковъ велѣлъ...

— А пономарей не надо?

— Кому тутъ васъ разбирать съ бабьими-то косицами: всѣ подите, будь вамъ всѣмъ пусто!

Работница скрылась за дверь, которая на этотъ разъ, видѣли всѣ, тяжело стукнула ее по спинѣ.

Оправились и отправились всѣ къ благочинному на кухню.

— Подьте, долговолосые, въ покой, да безъ трубокъ: вонъ и Разумникъ на крылецъ курить выходилъ, встрѣтила пришедшихъ работница, кокетливо улыбаясь и отпихиваясь правымъ локтемъ отъ шутокъ веселаго пономаря.

Раскачиваясь всѣмъ тѣломъ и не твердо стоя на ногахъ, выдвинулся на встрѣчу вошедшимъ отецъ Корнилій. Открякиваясь и непрестанно широко махая правой рукой внизъ и вверхъ, вправо и влѣво, онъ говорилъ съ веселою улыбкою и раскраснѣвшимся лицомъ:

— Ну-ко, доместики, становись: споемъ богородиченъ.

Мгновенно дьячки стали откашливаться и, толкаясь боками, устанавливаться: веселый пономарь позади всѣхъ, но Корнилій досталъ его оттуда рукой и сильнымъ порывомъ вытащилъ впередъ.

— Ты, пономарёкъ, встань на семъ мѣстѣ!

И пихнулъ его на право.

— Начинайте: «Иже тебѣ ради»—и задачку пропустилъ: до-соль-ми-до.

Двинули и понесли: «Богоотецъ пророкъ Давидъ», но очень нескладно, потому что и сидѣвшіе попы не утерпѣли и пристали: Евтихій съ теноромъ, Разумникъ съ громовымъ нескладнымъ басомъ, который заскрипѣлъ до того, что всѣ вошедшіе пѣвцы стали смотрѣть ему въ ротъ и глядѣть, какъ насупливались его брови, раздувался носъ и вздрагивала, встряхиваясь, борода. На «пѣсненно о тебѣ провозгласи» всѣ согласились, попали ловко въ тонъ и накинулись всей силой такъ, что отъ теноровыхъ взвизговъ загудѣло одно стекло въ дальней рамѣ и заныло другое въ ближней. «Провозгласи» подхватили съ полнымъ усердіемъ басистые голоса и, словно подкинувъ на высоту, бережно сдержали это слово тамъ на октавныхъ тонахъ и оборвали, словно сбросили ницъ и разомъ. Благочиннаго работница выскочила на крыльцо и забѣжала къ дьяконицѣ, бросившись на лавку и успѣвъ выговорить:

— Прорвало, мать: и—Господи! словно несытые волки!

На «величія тебѣ сотворшему» опять-было пѣвцы разбѣжались кто куда, но сильные басы снова привели всѣхъ въ одно мѣсто къ согласію и согласно гудѣли и хрустѣли «преста царица одесную тебѣ», отдѣлывая и налегая на тѣ слоги, гдѣ по-

падалось р. Веселый пономарёкъ, временами судорожно потряхивая правымъ плечомъ, выдѣлялся яснѣе прочихъ, несмотря на то, что заливной теноръ Евтихія силился обсыпать дробью и оглушить: для чего пѣвецъ вытащилъ всю свою шею изъ-подъ стоячаго стеганаго высокаго воротника подрясника и вытягивалъ ее, какъ гусь, стараясь пѣть въ голову, какъ задавленный.

Дальше по знакомой дорожкѣ потянулись всѣ дружно и ладно, словно ухватились въ плетешокъ руками и шли нога въ ногу, даже не осматриваясь. Басилъ пономарь, шевеля подбородкомъ, который розъискивалъ высокій воротникъ радужнаго цвѣта жилетки, чтобы опереться на него съ кадыкомъ вмѣстѣ и вызвать изъ горла болѣе неестественные, густые или, какъ говорятъ мужики, толстые звуки. Евтихій продолжалъ вытягивать въ струну правый бокъ и правую ногу и, не сдерживаясь наципочкахъ, время отъ времени пошатывался и поправлялся. Когда дошли до словъ «вочеловѣчитися благоволивый Богъ», на этомъ мѣстѣ взыграли и порѣзвились тенора, поторапливаясь и закручивая голосами, и по первому слову пробѣжали словно въ припрыжку. Даже старый дьячекъ Миронычъ, давно пѣвшій козла (и на этотъ разъ прихватывавшій ладонью лѣвое ухо, чтобы не крѣпко отдавало въ голову), пѣлъ съ самодовольной улыбкой и съ наибольшимъ стараніемъ и участіемъ. Когда добрались до «заблудшаго горохищнаго погибшаго овча», басы превзошли себя, и сама попадья, бросивши убирать посуду, прислушивалась, какъ прокатили съ громомъ и хрустомъ «горохищное», какъ взобрался Разумникъ до глубокихъ октавныхъ тоновъ со словами «на рамо воспріимъ и ко отцу принесе», и видѣла, какъ даже и у старика Мироныча до сихъ поръ неподвижно торчавшая бородка (словно и не его, а взятая у кого-то на прокатъ и пришитая прямо къ воротнику) сильно встряхнулась и поднялась кверху. Въ концѣ тропаря хороводникъ и заводчикъ Корнилій самъ ужь и не пѣлъ, а только усиленнѣе и размашистѣе вскидывалъ обѣими руками, и то отодвигался назадъ, то надвигался на поющую кучу. И, когда она кончила, опять кричалъ:

— Ну-ко опять: «кто тебѣ не ублажитъ».

Этотъ догматикъ не задался: всѣ остались недовольны. Сбили и помѣшали попы, которые теперь до послѣдняго пристали къ пѣвцамъ: не устоялъ даже и благочинный. На «Въ Чермнѣмъ морѣ» помирились всѣ и успокоились.

Дьячковъ и пономарей услали, а сами стали собираться домой, розъискивая свои барашковыя и пыжичьи высокія съ ушами шапки и длинныя плисовыя муфты: у кого на заячьемъ или бѣличьемъ мѣху, у кого просто набитыя куделей.

Весело бѣжали поповы лошадки съ погостенской горки; похлестывали ихъ дьячки и пономари, сидѣвшіе на облучкахъ и козлахъ. Шибче всѣхъ бѣжала пара поеныхъ и кормленыхъ лошадокъ отца Корнилія, съ пристежной на правой рукѣ и съ двумя стригунчиками жеребенками позади саней. Тише прочихъ и, совсѣмъ не спѣша, ѣхалъ отецъ Разумникъ, безъ кучера, одинъ, въ простыхъ крестьянскихъ рукавицахъ съ голицами, полнѣе другихъ нагрузившійся и половину дороги до села крѣпко и беззаботно проспавшій.

На открытый бой съ вывѣреннымъ оружіемъ или въ тайную, тщательно прикрытую засаду, вооруженные терпѣніемъ и опытомъ ѣхали отцы съ погостенскаго съѣзда? Или, въ виду открытаго врага, успѣвшаго занять на полѣ битвы всѣ надежные пункты, безсильные отцы, припрятавъ оружіе, останутся по прежнему подневольными зрителями и будутъ лишь пугливо озираться на свѣжія подкрѣпленія, идущія по окраинамъ пустынныхъ лѣсовъ и изъ темныхъ подпольевъ жилыхъ селъ и деревень?

Всѣхъ меньше знаютъ про то сами отцы—эти восемь воиновъ, имѣющихъ каждый за спиной своей для защиты и спасенія свои толпы домочадцевъ изъ безпомощныхъ женщинъ и безсильныхъ дѣтей. Въ виду голодной смерти и погибели, всѣ находятся въ страхѣ, и энергія борьбы и нападеній давно уже смѣнилась чувствомъ самозащиты. Каково при этомъ самое воинство, столь малое числомъ, но, можетъ быть, крѣпкое духомъ и внутреннею силою?

Доѣдемъ вмѣстѣ съ ними до аванпостовъ, наглядно провѣримъ наличность, да кстати приглядимся и къ непріятельскому лагерю.

III.

Рыженькая кобылка привезла Разумника въ село къ низенькому дому, перешедшему къ нему отъ предмѣстника тестя, выговорившаго себѣ уголъ въ кухнѣ на печкѣ, а разбудила его сама попадья, доставшаяся ему вмѣстѣ съ этимъ неказистымъ, но теплымъ домомъ.

Нескладный высокій ростъ—ничтожное, повидимому, обстоятельство—составлялъ самое крупное несчастіе всей его жизни. Когда еще онъ учился въ семинаріи и проглатывалъ уже премудрость богословскаго класса, его едва не забрили въ солдаты: то было время, когда на учившуюся семинарскую молодежъ сами епархіальные архіереи вдругъ стали смотрѣть, какъ на

рекрутовъ, пригодныхъ для гвардіи, и семинарскіе классы чуть-чуть совсѣмъ не превратились въ рекрутскія присутствія. Разумникъ уже стоялъ передъ архіереемъ и былъ бы отправленъ подъ мѣрку, если бы придерживался чарки и буянилъ; но кроткій нравъ и смиренство, засвидѣтельствованные ректоромъ, спасли его отъ лямки и ранца. Ему задали задачу, съ трудомъ разрѣшимую, искать невѣсту съ мѣстомъ и, конечно, со священническимъ. Искалъ онъ долго, ходя пѣшкомъ и присаживаясь на облучкѣ у проѣзжихъ мужиковъ, выспрашивалъ и прислушивался, и дознался до одной такой, которая была и безобразна, и перестарокъ, и всѣми женихами была обойдена, и успѣла уже обозлиться на свое долгое дѣвичество, и сдѣлалась капризною. Сочетался онъ съ нею бракомъ на тестевъ счетъ, а вскорѣ, подталкиваемый кулаками въ спину и съ трудомъ нагибаясь, услышалъ надъ своей головой великое слово «аксіосъ».

— Вонъ, у насъ и Разумникъ въ попахъ! А мы его и не слышимъ, и не видимъ, толковали сельскіе мужики, когда новоставленикъ успѣлъ пообжиться, попасть подъ башмакъ попадьи и съ разу показать себя со всѣхъ четырехъ сторонъ прихожанамъ.

— Больно нескладной, точно оглобля, а смирный попъ, курицы не обидитъ, хвастались послѣдніе сосѣдямъ на словахъ, но не на дѣлѣ.

Думая, что коли самъ ѣсть не проситъ, значитъ сытъ, мужики смирнаго попа забыли, а когда онъ своимъ ростомъ напоминалъ о себѣ на улицахъ и базарахъ, смѣялись надъ нимъ и ребятишекъ своихъ не останавливали. Толпами бѣгали они за попомъ съ криками «иго-го», но еще ни разу Разумникъ на нихъ не обидѣлся и ни разу не отмахнулся, отвѣчая на вопросы товарищей коротко и ясно:

— А я по евангельскому слову: прохожу мимо, не взирая.

Мужики того не знали, что, появляясь на большихъ базарахъ и ярморочкахъ, Разумникъ покупалъ четверочку чаю да фунтика два сахару—и только всего, и то на случай наѣзда отца благочиннаго. Товарищи знали, что не отъ скупости, а отъ той-же «неизглаголанной» скудости, у него и сермяжная ряса на плечахъ, и глубоко, и искренно вздыхали, когда заходила объ немъ рѣчь. Чѣмъ онъ жилъ и пробавлялся—онъ и самъ на этотъ мудреный вопросъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Одно было всѣмъ извѣстно, что умудрилъ его Богъ на слесарное дѣло и къ механикѣ онъ имѣлъ склонность: въ ближнемъ городѣ часы поправлялъ и чистилъ и разъ цѣлый органъ починилъ. Для мужиковъ чинилъ ружья: мужики тѣхъ мѣстъ ходили за бѣлкой,

били чухарей и рябчиковъ и бѣлую куропатку. Птицу сбывали прасоламъ, бѣлку подбирали въ мѣха и держали для того особыя мастерскія избы: опускали въ квасы, *бросали* и *пялили* потомъ, *распускали* и *топтали на̀ волосъ*, и наконецъ разбирали по *водамъ* и кроили мѣха: черевые и хребтовые. Разумнику и около этого дѣла не удалось устроиться, по недостатку практичности и неумѣнью смыслить то, что, если голодно на большой и мірской дорогѣ, значитъ, надо сворачивать на проселки и тамъ поискать и попытаться. Слесарная работа и починка часовъ увеличивали временами количество мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, но бѣдъ и нуждъ далеко не предотвращали.

Не таковъ былъ Корнилій. Года̀ выучили и укрѣпили въ немъ знанія и страсть къ хозяйству и, въ особенности, къ лошадямъ. Спозналъ онъ эту науку до тонкостей. Когда сѣять овесъ, когда развѣшивать ячмень по пряcламъ, чтобы дозрѣвалъ на вѣтру и солнышкѣ, не успѣвъ доспѣть на корню, Корнилій могъ посовѣтовать вѣрнѣе и лучше всѣхъ. Его взять—оцѣнить лошадь, посовѣтовать мужику въ этомъ самомъ важномъ и труднѣйшемъ вопросѣ хозяйственной жизни. По крестьянскимъ понятіямъ, онъ сталъ человѣкомъ очень нужнымъ, потому что былъ несомнѣнно полезенъ, и тѣмъ рѣзко выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей. Мужики въ немъ попа позабыли, стали видѣть такого человѣка, какимъ онъ и самъ, можетъ быть, сдѣлаться не желалъ, но куда привели обстоятельства его жизни и быта. Мужики перестали подходить подъ благословеніе и цѣловать его руку; стали поговаривать: «гляди, попъ Корнилій не то и поетъ, что̀ надо и чему его учили»; но зато шапки стали скидать при встрѣчѣ съ нимъ далеко раньше и стали кланяться ему гораздо ниже. Попъ вошелъ въ почетъ и сталъ всѣмъ нуженъ. Въ концѣ концовъ, сталось такъ, что на базарахъ и цѣнъ не знаютъ, пока не пришелъ попъ Корнилій, а прошелъ онъ разъ между возами, прошелъ два—и загалдѣлъ базаръ на сотни голосовъ. А то оглядитъ продажнаго коня, выхватитъ изъ-подъ рясы кнутъ, вскочитъ на спину, чмокнетъ да свиснетъ и поѣдетъ пробовать не на счастье мужику-покупщику, а на вѣрную прибыль: смѣло бери узду въ полу и хлопай по рукамъ хоть съ самимъ цыганомъ.

За развязку дѣла и за подспорье ему мужики были не только не прочь выдѣлять магарычъ или отсталое въ такомъ размѣрѣ, сколько самъ попъ заговоритъ и захочетъ. И мошны охотно и торопливо распутываются, и въ глаза ему глядятъ съ почтеніемъ, и по плечамъ гладятъ, и по спинѣ хлопаютъ съ полнѣйшей охотой, удовольствіемъ и съ нашимъ почтеніемъ. Тѣмъ Корни-

лій и жилъ и отъ перекупки лошадокъ держалъ большую конюшню и кому надо было подобрать тройку, подыскать рысачка, къ нему ходили къ первому. Сами барышники сознавались въ томъ, что этого попа на лошадяхъ не обманешь; обмишурился разъ одинъ и тогда, надо полагать, пьянъ былъ. Изъ за конюшни Корнилій, впрочемъ, и другихъ дѣлъ не проглядывалъ, не зѣвалъ, когда и бѣлку собирать придетъ время. Взглянетъ и сразу смекнетъ, каковы черева въ квасахъ выйдутъ, и хребтамъ опредѣлитъ цѣну настоящую; глазъ не ослабъ и видитъ всякую бѣличью воду: которая синяя, подсиняя, темная, межеумочная, головная бѣлая и подголовная съ желтоватой подводкой. Когда подбирать начнутъ—его зовутъ, потому что никто лучше, вѣрнѣе и экономнѣе этого труднаго дѣла не сдѣлаетъ. По его указаніямъ, веди кройку смѣло: и на одну, и на обѣ. Любуясь на проворство и знаніе его, кто и покрѣпится, а всякій непремѣнно сказываетъ:

— Тебѣ бы рясу-то снять, надѣть нашъ мужичій полушубокъ да торговымъ дѣломъ заняться: въ самую пору.

Поговаривали, что онъ ходилъ въ долѣ съ самымъ богатымъ заводчикомъ и держалъ за нимъ деньги для содержанія мастерскихъ избъ и самъ такую хотѣлъ на задахъ у себя выстроить, да побоялся владыки и о компаніи своей никому не сказывалъ и отъ всѣхъ скрывалъ. Подойдетъ къ рукѣ перекупка соленыхъ рыжиковъ—не побрезгуетъ Корнилій и этой статьей и позоветъ скупщика поглядѣть товаръ, а зашелъ поглядѣть—попъ товаръ сбудетъ выгоднѣе другихъ. Отъ этихъ дѣлъ сталъ онъ съ достаткомъ обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, настолько, что держалъ два самовара, разводилъ цвѣты въ комнатахъ и выхолилъ китайскій розанъ и ерань въ такомъ видѣ, что похвалилъ ихъ самъ архіерей—знатокъ и любитель цвѣтовъ, про котораго у этого попа всегда находилась завѣтная бутылочка иностраннаго вина въ высокую цѣну. Пріѣдетъ жданный гость, между прочими разговорами, послѣ обѣда, насчетъ лошадокъ пошутитъ и—запрещенія не положитъ, проститъ.

Въ виду Корнилія и по сравненію съ нимъ, другіе священники, сосѣди его, далеко отстали. Евтихій, напримѣръ, пріѣхалъ съ любовью къ книгамъ, а изъ-за нихъ со спорами и безконечною страстью къ наставленіямъ и поученіямъ. Изъ-за страсти къ поученіямъ онъ исчудачился до того, что мужики считали его полуумнымъ, не понимая его мертвенной книжной ученой рѣчи. Всего меньше годился онъ въ пастыри и проповѣдники неграмотнымъ людямъ. Всего меньше могъ онъ внушить къ себѣ уваженіе по той распущенности и равнодушію къ земнымъ бла-

гамъ, не исключая и собственнаго продовольствія и пропитанія, что̀ составляло большое горе попадьи и предметъ удивленія сельскихъ крестьянъ. Днями онъ не поѣстъ совсѣмъ, а когда приведется—ѣстъ много, и все безъ разбору. Когда нападетъ на него «говорунъ»—ничѣмъ не уймешь, и другой смѣлый такъ и оставитъ его середъ улицы договаривать про себя и на вѣтеръ. Ряска на боку, надѣтая криво, поясъ подпоясанъ, когда напомнятъ; волоса не всегда причесаные и самъ неизмѣнно суетливъ и съ судорожными движеніями.

— Скорѣй бы жить въ монастырѣ, чѣмъ на приходѣ, думали всѣ, да разъ это же самое сказалъ ему въ глаза и самъ архіепископъ, посѣтившій приходъ его.

Что̀ дадутъ за требу, только то у Евтихія и корысти, если не догадается сердобольный догадливый человѣкъ пособить ему посильнымъ приношеніемъ. Если нужно было его попадьѣ отвѣтить сѣтующей на бездолье, трудную жизнь и безденежье, она отвѣчала слезливой печальницѣ:

— Поженила бы я тебя на своемъ попѣ Евтихіѣ: не такія бы еще слезы проливала.

Тяжелая жизнь съ непрактическимъ ученымъ мужемъ не сдѣлала, однако, изъ нея ни простой стряпки, ни поломойки, но такую, которая смотрѣла въ оба и вовсе не зѣвала тамъ, гдѣ можно было поживиться.

На досугѣ она, между прочимъ, успѣла выучить наизустъ полные святцы: открывай любую страницу, требуй любое число въ подрядъ и въ разбивку—она имена всѣхъ святыхъ высчитаетъ, и безошибочно скажетъ. Къ ней ходили за справкой; она сама не опускала изъ виду ни одной именинницы, не забывала ни одного пирога. Только два слабыя мѣста знали за ней: имена святыхъ, почивающихъ въ кіевскихъ ѳеодосіевыхъ пещерахъ она не знала, въ антоніевыхъ помнила нетвердо, зато имена всѣхъ сорока мучениковъ и 70 апостоловъ твердо знала и пересчитывала. Особенно прославилась она отчетливымъ знаніемъ всѣхъ каноновъ. Съ ними ходила на войну противъ старухъ-раскольницъ и одерживала надъ ними побѣду, всегда съ успѣхомъ, не выходя въ спорахъ изъ тропарей, кондаковъ и икосовъ.

— Вы сметану-то да творогъ небось на себя собираете?—умѣла она разъ спросить просфирню и сторожиху, собиравшихъ петровщину, т. е молочные скопы и овечью волну.

— А гдѣ это указано? не давала она спуску ни этимъ бабамъ, ни раскольницамъ.—Что̀ въ писаніи-то говорится?

И ей вспомнилась толстая книга «Маргаритъ»—любимое чтеніе всѣхъ попадей, а въ ней Златоустаго слово «О лжеучите-

ляхъ», и, какъ живая, встала передъ глазами та страница «Слова» и въ ней строки со словами:

«Волну и млеко отъ стадъ емлюще, а о овцахъ не пекущеся».

Въ доказательство и эту тяжолую книгу притащила, и это мѣсто указала: сталось большое дѣло, совершился переворотъ: начали носить петровскій приносъ въ пользу причота нетолько того, къ которому принадлежала евтихіева попадья, но и во всѣхъ сосѣднихъ приходахъ.

Агафоникъ жилъ прижимками и вымогательствами и зорко высматривалъ, куда можно налетѣть и гдѣ хапнуть.

Дѣло не хитрое, была бы охота: запрещеній на раскольниковъ вышло много, такъ много и такихъ крутыхъ и рѣзкихъ, что и не придумать способовъ набраться силъ, чтобы подчиниться имъ и примириться. Агафоникъ зналъ ихъ всѣ на память, даже изъ тѣхъ, которые всѣми были забыты. Такъ, напримѣръ, не велѣно было выносить тѣла умершихъ раскольниковъ на ихъ собственныя кладбища: онъ не воспрещалъ, глядѣлъ сквозь пальцы; когда просили его разрѣшенія—продавалъ его, когда хоронили, не предупредивъ, налеталъ и бралъ уже втрое. Поговаривали, что онъ записывалъ раскольничьи браки въ книгу, но не вѣнчалъ. Въ набѣгахъ своихъ онъ доигрался до того, что всѣ его считали кляузникомъ и доносчикомъ, человѣкомъ неуживчивымъ. Его переводили изъ прихода въ приходъ, какъ человѣка безпокойнаго, и тѣмъ еще больше раззорили его и возбудили въ товарищахъ всеобщую къ нему нелюбовь. Про похожденія его разсказывали многочисленные анекдоты; мужики говорили свое:

— Самое зелье! этотъ попъ, что̀ худая баба—и не приведи, ты Господи! Когда бы убрали, то̀-ли бы дѣло было! Съ вострымъ ногтемъ попъ, что̀ коршунъ!

Неуживчивое скитанье по разнымъ приходамъ развило въ немъ лихорадочную жадность ко всякимъ легкимъ стяжаніямъ, достающимся безъ труда и не требующимъ терпѣнія. Въ добавокъ, отъ семинаріи сохранилъ онъ странныя манеры кривлянья и дурныхъ привычекъ, которыми прорывался и во время служеній, вызывая улыбки и насмѣшки. Всѣми былъ не любимъ и съ раскольниками ладилъ лишь тѣмъ, что, находя въ приходѣ стараго письма образа̀ или старой печати книги, не считалъ ихъ завѣтными. Поговаривали даже, что онъ этимъ кормился и, если бы остановился на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, имѣлъ бы теперь и деньгу̀.

Попъ Иванъ-*Чадо* (прозванный такъ за то, что за обѣдней,

послѣ сугубой эктеніи, возглашалъ старинное добавочное прошеніе «О чадѣхъ и домочадцѣхъ», выпѣвая его при этомъ съ особеннымъ усердіемъ) ничѣмъ особеннымъ не отличался. Онъ, какъ и на погощенскомъ совѣщаніи, упорно промолчалъ, покряхтывая и сплевывая, и никто не позаботился узнать его мнѣніе, такъ и на приходѣ былъ молчаливъ и угрюмъ. Онъ принадлежалъ къ отживавшему типу малограмотныхъ, отправлявшихъ церковныя службы не по книгамъ, а больше по памяти. За раннее развитіе громкаго голоса его изъ реторики поставили въ дьяконы; изъ дьяконовъ, за безотвѣтное смиренство и изъ состраданія къ необыкновенно большому семейству, посвятили въ священники. Когда онъ попалъ въ приходъ, гдѣ преимущественно распространенъ былъ расколъ, судьба его тамъ разрѣшилась просто. Филиповскіе начетчики, расходясь въ толкованіи слова или текста, смѣясь, говорили между собою:

— Не пойти ли къ Чаду?

— Не попъ ли Иванъ такъ разумѣетъ: не онъ ли обучалъ?

И когда, ради шутки, обращались къ нему за толкованіемъ, Иванъ отвѣчалъ одно:

— Не дразните меня—не люблю. Покиньте вздоръ, ступайте къ бабамъ.

Не цѣня себя, какъ пастыря, учителя, онъ цѣнилъ въ себѣ право свершителя обрядовъ и тайнъ. На запутанную свадьбу былъ простъ и охотливъ. Точно также не отказывался отпѣвать покойниковъ по раскольничьему обряду, а одного изъ ихъ наставниковъ не задумался даже проводить на раскольничье кладбище. Его смиряли за то въ монастырской кельѣ, но попъ Иванъ до сихъ поръ вопрошаетъ: за что̀?

Погостенскій благочинный тѣмъ только и жилъ, что досталось ему изъ сбереженій дяди архіерея и что̀ сносилось обычнымъ поклоннымъ отъ товарищей—сослужителей его благочинія. Не имѣлъ онъ ни нужды, ни желанія прибѣгать къ тѣмъ способамъ, которыми пробавлялся его предмѣстникъ. Тотъ, заручившись требникомъ Петра Могилы, подъ рукой и тайно и, конечно, за возвышенную плату, отчитывалъ по немъ и руководился имъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было приглашеніе и вызовъ. А знали про то въ отдаленныхъ окрестностяхъ и пріѣзжали къ попу подводы изъ чужихъ приходовъ:

— Погостенскій попъ знаетъ и читаетъ такія молитвы, которымъ другихъ поповъ не учили. У него на всякую притчу отказъ есть.

Требникъ Могилы, послѣ смерти попа, достался по наслѣдству его сыну—погощенскому дьякону: сталъ требникъ кормить

изъ-за хлѣба на квасъ и дьякона. А дьякону это кстати: по наукѣ отца онъ и прежде умѣлъ гадать на псалтыри, подвѣшивая ее на ножницахъ, подбирая и растолковывая вскрывавшіеся на случай стихи псалма всѣмъ тѣмъ, кто его о томъ просилъ и кто вѣрилъ, что и дьяконъ, какъ и покойникъ батько—и колдунъ, и знахарь. Да и не вѣрить было нельзя: дьяконъ былъ охотникъ до пчелъ (весь огородъ уставленъ былъ пчелиными колодками), и еще ни одинъ рой отъ него не улетѣлъ. Ходитъ онъ съ курчавой рыжей головой и хохлатой бородой промежъ ульями, какъ по церкви съ кадиломъ; ходитъ безъ сѣтки середъ шумливыхъ роевъ, и ни одна пчела его ужалить не смѣетъ.

Старый безголосый дьячекъ успѣлъ приспособиться къ огороду и выращивалъ такую капусту, что на базарахъ ее считали самою лучшею. Городскіе мѣщанишки-маклаки приходили даже къ нему на домъ, перебивая и переторговывая ядреный товаръ на корню. Старикъ былъ доволенъ и скучался, и жалобился встрѣчному и поперечному, когда стали путать цѣну и сбивать его со счету, заведя новую моду—искупать капусту не по грядамъ, а по сотнямъ кочней. Одинъ такой маклакъ въ соблазнъ даже ввелъ, пришелъ торговаться въ церковь и изъ алтаря вызвалъ на клиросъ. Пока на пальцахъ считалъ да въ умѣ пересчитывалъ, перекладывая гряды на сотни, священникъ велѣлъ часы начинать и возгласъ далъ: вмѣсто «аминь» и «Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ», вышло въ слухъ всей церкви и всѣхъ предстоящихъ: пятью шесть—тридцать шесть.

Осталось сказать еще про пономаря, да лучше его самаго не скажешь: «слякохся отъ нищеты», говаривалъ онъ самъ съ полною откровенностью. И въ самомъ дѣлѣ: сыновья его, ходившіе въ епархіальный городъ за 250 верстъ съ вакацій и на вакаціи всегда пѣшкомъ, не уносили съ собой больше 3—4 гривенъ мѣдными деньгами, и чѣмъ жили—отецъ и думать боялся. Стаивалъ онъ на перекресткахъ, выпрашивая у проходящихъ подаянія, бродилъ по базарамъ между возами, собирая высыпавшіяся крохи, и не разъ видали его въ питейномъ домѣ пляшущимъ и поющимъ шаловливую пѣсенку не за вино, а за тѣ же мѣдныя деньги. Одинъ его сынъ сдѣлался впослѣдствіи архіереемъ, другой—большимъ столичнымъ чиновникомъ; стали отцу помогать, да ужь тогда, когда ему ничего не было нужно.

Дьячкова вдова-теща круто мѣсила по суботамъ тѣсто и пекла просфоры—и этотъ заработокъ до того казался серьёзнымъ и важнымъ, что, когда благочинный хотѣлъ произвести въ просвирни сестру дьякона, старую дѣву, дьячекъ нѣсколько разъ приходилъ валяться въ ногахъ:

— Не будетъ милости—ко владыкѣ пойду!

Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что мѣсто осталось по старому; соперницы стали избѣгать взаимныхъ встрѣчъ, а при случайныхъ корились и переругивались; у дьячка же выродилось на попа косое медвѣжье взглядье и выросъ зубъ, который онъ, однако, старательно затравливалъ и не давалъ ему ныть и разъигрываться.

И такъ, вотъ эти воины, выставленные въ передовую цѣпь лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и, какъ видимъ, безъ всякаго прикрытія, и въ добавокъ еще обезсилѣвшіе и усталые. Въ виду ихъ тяжелаго и невыгоднаго положенія, конечно, самымъ существеннымъ и важнымъ является вопросъ о томъ: кто непріятель и каковы его силы?

IV.

Погостамъ и селамъ, выродившимся изъ погостовъ, уже сама судьба судила стоять въ тѣхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ славянскія поселенія очень древнія и народъ пребываетъ въ патріархальной простотѣ нравовъ, цѣпко держась за прадѣдовскіе обычаи и вѣрованія. Тамъ, гдѣ уцѣлѣли погосты, несомнѣнно сохранилась и старая Русь, нетронутая чужеземными обычаями, и для археологовъ здѣсь богатая и интересная почва: этого имени селенія—прямые тому доказатели въ настоящее время.

Въ старину, когда объявилось на Руси никоновское исправленіе церковныхъ книгъ и перемѣна нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, въ погостенскихъ приходахъ сильнѣе всего выразилось противодѣйствіе и отстаиванье старыхъ обрядовъ, особенно тѣхъ, которые зависѣли отъ церковныхъ постановленій и правилъ, названное борьбою за старую вѣру, высказалось наиболѣе крупными проявленіями, восходящими до поразительнаго героизма. Сюда бѣжали и здѣсь находили готовый пріютъ и угрѣву всѣ тѣ, которыхъ притѣсняли въ городахъ и въ густонаселенныхъ пунктахъ. Когда преслѣдованія достигли и до этихъ мѣстъ невозмутимаго покоя и очень надежныхъ укрытій и откуда уже нѣкуда было скрываться, упорство, доведенное до отчаянія, не задумалось высказаться ужасающимъ количествомъ самоубійствъ въ видѣ добровольныхъ самоистязаній голодомъ и самосожженій и самопотопленій «вѣры ради» не десятками, а сотнями ярыхъ фанатиковъ. Гдѣ больше сгрупировалось погостовъ, какъ въ Олонецкомъ Краю, туда охотливѣе сбѣгались гонимые и тамъ крупнѣе и чаще успѣли выразиться количество самосжи-

гателей, морельщиковъ, топителей и т. п. Въ виду мученичества, старая вѣра укрѣплялась и, прикрывшись отъ гонителей тайной, какъ весенняя вода снѣгомъ, медленно, но вѣрно подтачивала и осаживала этотъ снѣгъ.

Сталось такъ, что гдѣ брошены были сѣмена въ тѣ давнія времена, тамъ и теперь прозябаютъ плоды въ видѣ ревнителей древняго благочестія, и чѣмъ древнѣе мѣсто, тѣмъ ихъ больше, чѣмъ сильнѣе и чаще ихъ преслѣдовали, тѣмъ они упрямѣе и озлобленнѣе. Сначала, по старой привычкѣ, не отставали отъ священства и держались поповъ до-никоновскаго постриженія, а когда тѣ повымерли, прикармливали бѣглыхъ, исправленныхъ по старымъ книгамъ и по особому чину. Когда поповъ стали ловить, а доставать ихъ представлялось дѣломъ значительной трудности, священство совсѣмъ отвергли. Выросли безпоповщинскіе выгорѣцкіе скиты: всякій благочестивый мірянинъ, граматная и цѣломудренная женщина стали за поповъ совершать тайны. Совершая ихъ, начали оправдываться и сомнѣваться. Оправдывались примѣрами и жизнью первыхъ христіанъ, усумнились и задумались надъ таинствомъ брака. Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость и надобность (ѳедосѣевщина). Разбившись на два лагеря, враги стали отчаянно ненавидѣть другъ друга, презирать, преслѣдовать, не сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ бесѣдѣ, ни въ пищѣ. Затѣмъ, въ виду неустанныхъ и усилившихся преслѣдованій, опять сошлись на одномъ, что наступило антихристово предрѣченное царство, что гонительная власть—слуги антихриста, исполнять ея вѣленія — неумолимый грѣхъ (въ современномъ царѣ Петрѣ Великомъ стали видѣть самого антихриста) и, наконецъ, вовсе перестали молиться за предержащую власть. Словомъ, изъ поморской секты выродился новый толкъ—филиповщина или пилипоны — самаго мрачнаго, непримиримаго характера, отличившійся множествомъ самосозженій, искреннимъ и полнымъ отвращеніемъ ко всему не своему, какъ къ еретическому. Эта озлобленность отчужденія дошла до того, что филиповцы не только чуждались православныхъ и не ѣли изъ одной чашки и одной ложки съ поморцами и ѳедосѣевцами, но стали носить съ собой и свои иконы за пазухой. Когда же за это тяжесть нелюбья и гоненій надъ ними усилилась, самые ревностные ѳедосѣевцы рѣшили совсѣмъ бросить этотъ міръ, для котораго настали послѣдніе дни и антихристъ духовно уже воцарился. Они, покинувъ осѣдлую жизнь, рѣшили скитаться, странствовать, скрываясь отъ людей въ непролазныхъ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ подъ землею.

Проявилась между филиповцами новѣйшая секта сопелковскаго согласія, странниковъ, пустынниковъ, христовыхъ людей, бѣгуновъ, скрытниковъ, голбешниковъ, подпольниковъ, нырковъ, смотря по тому, подъ какимъ званіемъ захотѣли признавать ихъ окольные жители. (Мы будемъ, относительно бѣгуновъ, руководствоваться тѣми новыми и еще необнародованными данными, которые собраны и доставлены намъ изъ Каргопольскаго Уѣзда, Олонецкой Губерніи).

Поморцы ѳедосѣевцы, филиповцы и скрытники—вся основная безпоповщина, разойдясь до непримиримаго раздраженія и озлобленія, согласно и твердо остановились вмѣстѣ на одномъ: не признавать господствующей церкви и не имѣть со служителями ея и вѣрующими въ нее ничего общаго, если бы даже грозили за то горчайшія мученія и бѣды. Нетолько войти въ церковь, но и встать подъ тѣнь ея—великъ грѣхъ даже и на тотъ случай, когда застанетъ проливной дождь. Исповѣдниками трехъ старыхъ безпоповщинскихъ толковъ окруженъ былъ Погостъ, и съѣздъ у благочиннаго вызванъ былъ появленіемъ въ тѣхъ мѣстахъ новаго толка—четвертаго, неизвѣстнаго и неожиданнаго, какъ печальное доказательство, что расколъ ростетъ и направился въ ту сторону, гдѣ его не услѣдишь и не откроешь.

Стали, однако, слѣдить и разузнавать.

Къ самимъ сектаторамъ не пойдешь—и на дворъ они не пустятъ; случается такъ, что, проходя мимо, неожиданно получишь оскорбленіе: либо заржутъ по-жеребячьи, либо скажутъ неподходящее слово, условную и очень злую брань. Случайная встрѣча, въ нейтральномъ домѣ или гдѣ-нибудь въ лавкѣ, легко укажетъ вора, на которомъ горитъ шапка, укажетъ тѣмъ, что воръ сдѣлаетъ косое взглядье, отвернется въ сторону, выйдетъ вонъ и, если останется, упорно промолчитъ и выждетъ твоего выхода. Да и что ужь говорить про священниковъ? Мірянина взять: пусть-ко любой у нихъ хлѣба выпроситъ, даже прохожій путникъ! Нетолько хлѣба, воды не дадутъ изъ колодца. И не слышно даже, чтобы кто у нихъ не того прихода и вѣры ночь провелъ, воды выпросилъ. Таковы они всѣ безъ различія, и отдѣлить тутъ ѳедосѣевца отъ филиповца трудно. Выжидай, когда филиповецъ, при входѣ въ чужую избу, не молясь хозяйскимъ иконамъ, вытащитъ свою изъ-за пазухи; ищи случая, «когда поморецъ отличится отъ ѳедосѣевца тѣмъ, что на работахъ съ православными станетъ жидкія кушанья ѣсть изъ особыхъ чашекъ и только густыя изъ одной, выговоривъ свое правило: «вино да каша—одна чаша». Личными наблюденіями не убѣдиться: надо обратиться къ прихожанамъ, которые по-неволѣ

*

гателей, морельщиковъ, топителей и т. п. Въ виду мученичества, старая вѣра укрѣплялась и, прикрывшись отъ гонителей тайной, какъ весенняя вода снѣгомъ, медленно, но вѣрно подтачивала и осаживала этотъ снѣгъ.

Сталось такъ, что гдѣ брошены были сѣмена въ тѣ давнія времена, тамъ и теперь прозябаютъ плоды въ видѣ ревнителей древняго благочестія, и чѣмъ древнѣе мѣсто, тѣмъ ихъ больше, чѣмъ сильнѣе и чаще ихъ преслѣдовали, тѣмъ они упрямѣе и озлобленнѣе. Сначала, по старой привычкѣ, не отставали отъ священства и держались поповъ до-никоновскаго постриженія, а когда тѣ повымерли, прикармливали бѣглыхъ, исправленныхъ по старымъ книгамъ и по особому чину. Когда поповъ стали ловить, а доставать ихъ представлялось дѣломъ значительной трудности, священство совсѣмъ отвергли. Выросли безпоповщинскіе выгорѣцкіе скиты: всякій благочестивый міранинъ, граматная и цѣломудренная женщина стали за поповъ совершать тайны. Совершая ихъ, начали оправдываться и сомнѣваться. Оправдывались примѣрами и жизнью первыхъ христіанъ, усумнились и задумались надъ таинствомъ брака. Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость и надобность (ѳедосѣевщина). Разбившись на два лагеря, враги стали отчаянно ненавидѣть другъ друга, презирать, преслѣдовать, не сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ бесѣдѣ, ни въ пищѣ. Затѣмъ, въ виду неустанныхъ и усилившихся преслѣдованій, опять сошлись на одномъ, что наступило антихристово предрѣченное царство, что гонительная власть—слуги антихриста, исполнять ея вѣленія — неумолимый грѣхъ (въ современномъ царѣ Петрѣ Великомъ стали видѣть самого антихриста) и, наконецъ, вовсе перестали молиться за предержащую власть. Словомъ, изъ поморской секты выродился новый толкъ—филиповщина или пилипоны — самаго мрачнаго, непримиримаго характера, отличившійся множествомъ самосожженій, искреннимъ и полнымъ отвращеніемъ ко всему не своему, какъ къ еретическому. Эта озлобленность отчужденія дошла до того, что филиповцы не только чуждались православныхъ и не ѣли изъ одной чашки и одной ложки съ поморцами и ѳедосѣевцами, но стали носить съ собой и свои иконы за пазухой. Когда же за это тяжесть нелюбья и гоненій надъ ними усилилась, самые ревностные ѳедосѣевцы рѣшили совсѣмъ бросить этотъ міръ, для котораго настали послѣдніе дни и антихристъ духовно уже воцарился. Они, покинувъ осѣдлую жизнь, рѣшили скитаться, странствовать, скрываясь отъ людей въ непролазныхъ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ подъ землею.

Проявилась между филиповцами новѣйшая секта сопелковскаго согласія, странниковъ, пустынниковъ, христовыхъ людей, бѣгуновъ, скрытниковъ, голбешниковъ, подпольниковъ, нырковъ, смотря по тому, подъ какимъ званіемъ захотѣли признавать ихъ окольные жители. (Мы будемъ, относительно бѣгуновъ, руководствоваться тѣми новыми и еще необнародованными данными, которые собраны и доставлены намъ изъ Каргопольскаго Уѣзда, Олонецкой Губерніи).

Поморцы ѳедосѣевцы, филиповцы и скрытники—вся основная безпоповщина, разойдясь до непримиримаго раздраженія и озлобленія, согласно и твердо остановились вмѣстѣ на одномъ: не признавать господствующей церкви и не имѣть со служителями ея и вѣрующими въ нее ничего общаго, если бы даже грозили за то горчайшія мученія и бѣды. Нетолько войти въ церковь, но и встать подъ тѣнь ея—великъ грѣхъ даже и на тотъ случай, когда застанетъ проливной дождь. Исповѣдниками трехъ старыхъ безпоповщинскихъ толковъ окруженъ былъ Погостъ, и съѣздъ у благочиннаго вызванъ былъ появленіемъ въ тѣхъ мѣстахъ новаго толка—четвертаго, неизвѣстнаго и неожиданнаго, какъ печальное доказательство, что расколъ ростетъ и направился въ ту сторону, гдѣ его не прослѣдишь и не откроешь.

Стали, однако, слѣдить и разузнавать.

Къ самимъ сектаторамъ не пойдешь—и на дворъ они не пустятъ; случается такъ, что, проходя мимо, неожиданно получишь оскорбленіе: либо заржутъ по-жеребячьи, либо скажутъ неподходящее слово, условную и очень злую брань. Случайная встрѣча, въ нейтральномъ домѣ или гдѣ-нибудь въ лавкѣ, легко укажетъ вора, на которомъ горитъ шапка, укажетъ тѣмъ, что воръ сдѣлаетъ косое взглядье, отвернется въ сторону, выйдетъ вонъ и, если останется, упорно промолчитъ и выждетъ твоего выхода. Да и что ужь говорить про священниковъ? Мірянина взять: пусть-ко любой у нихъ хлѣба выпроситъ, даже прохожій путникъ! Нетолько хлѣба, воды не дадутъ изъ колодца. И не слышно даже, чтобы кто у нихъ не того прихода и вѣры ночь провелъ, воды выпросилъ. Таковы они всѣ безъ различія, и отдѣлить тутъ ѳедосѣевца отъ филиповца трудно. Выжидай, когда филиповецъ, при входѣ въ чужую избу, не молясь хозяйскимъ иконамъ, вытащитъ свою изъ-за пазухи; ищи случая, «когда поморецъ отличится отъ ѳедосѣевца тѣмъ, что на работахъ съ православными станетъ жидкія кушанья ѣсть изъ особыхъ чашекъ и только густыя изъ одной, выговоривъ свое правило: «вино да каша—одна чаша». Личными наблюденіями не убѣдиться: надо обратиться къ прихожанамъ, которые по-неволѣ

*

близко стоятъ къ односельцамъ и потому больше видятъ. Иные, пожалуй, по именамъ всѣхъ назовутъ, но вѣрно ли? Конечно, нѣтъ. Нѣтъ, именно по тому, что тамъ, гдѣ расколу раздолье, тамъ въ одной семьѣ всѣ три вѣры вмѣстѣ, и всякъ ѣстъ изъ своей чашки, и всякъ молится своей иконѣ. Бабушка держитъ поповщинское распятіе, съ изображеніемъ на самомъ верху Господа Саваоѳа, подъ нимъ Св. Духа и крестъ съ титломъ: І. Н. Ц. І., а у большухи—тоже осьмиконечное распятіе, но поморское: вмѣсто Саваоѳа, образъ Нерукотвореннаго Спаса; Духа Святаго нѣтъ и, вмѣсто титла, написано: Іс. Хс. Царь Славы, а самъ хозяинъ иконы своей никому и не покажетъ, какъ истый филиповецъ. Умершихъ всѣ кладутъ въ гробъ, выдолбленный, по древнему русскому обычаю, изъ цѣльнаго дерева (изъ колоды), завернутыми въ саванъ; но бабка разрѣшаетъ похоронить себя на православномъ кладбищѣ, а «сама» ни за что̀ на это не согласна; хоть въ лѣсу подъ пнемъ, но не со «щепотниками».

Бываетъ и такъ, что всѣ члены семьи согласятся на одномъ толкѣ, но одни, дозволивъ себѣ при нуждѣ и по-неволѣ обміриться (поѣсть съ православными, побывать въ ихъ церкви и. т. п.), налагаютъ на себя исправу: нѣсколько лѣстовокъ (нѣсколько разъ сотню поклоновъ), отлучаются въ молитвѣ, въ пищѣ; другіе ничего этого съ собою не дѣлаютъ. Свекровь, купленную на торгу пищу, освящаетъ молитвами, сноха—стряпаетъ и такъ, неосвященную. По однимъ, сарафаны и большіе платки надо носить непремѣнно одинаковаго степеннаго цвѣта: либо черные, голубые, либо синіе, по другимъ—нѣтъ грѣха и въ пестрыхъ веселыхъ цвѣтахъ. На молитвѣ въ однѣхъ семьяхъ стараются всѣ стоять рядомъ и поклоны класть разомъ, а не врозь, по образцу птичьяго полёта, въ другихъ—молятся кто какъ знаетъ, но старшіе—особенно и прежде, младшіе—потомъ, послѣ нихъ. Нѣкоторые выдумали, что хороша и богоугодна та молитва, къ словамъ которой прибавлять «охъ-охо-хо»: прочіе надъ этимъ подсмѣиваются. Такимъ образомъ, и въ одной сектѣ разные толки: ничего не разберешь; все спуталось, и сами исповѣдники мало себя понимаютъ. А это вводитъ въ соблазнъ наблюдателей, и нѣтъ легче ошибиться и другихъ ввести въ заблужденіе. Мудрствующіе священники попадались тутъ всего легче, именно тѣмъ, что раздробили основные толки на мелкія подраздѣленія: явились у нихъ и охохонцы какіе-то, щальники, немоляки, стариковщина, подцерковники и еще цѣлые десятки, и пошли гулять по свѣту эти неизвѣстныя и несуществующія секты. И стало еще труднѣе понимать основныя и главныя секты, и учотъ раскольниковъ сдѣлался почти недоступнымъ.

Онъ сталъ совсѣмъ невозможнымъ въ виду другой неизбѣжной бѣды, что, гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки валяются, гдѣ повальная болѣзнь—тамъ и зараза. Между расколомъ и православіемъ образовалось то неопредѣленное и неизбѣжное среднее, на чемъ уже совершенно можно запугаться и ни до чего яснаго не дойти. А повидимому—и дѣло совсѣмъ не хитрое и причина его очевидная.

Большая ли рѣдкость встрѣтить—духовному пастырю между православными прихожанами такихъ, которые не только вовсе незнакомы съ основными истинами вѣры христовой, но и не знаютъ ни одной молитвы? Удивительно ли, что, въ то же время между этими людьми встрѣчаются безчисленныя бредни раскольничьихъ сектъ. И это «среднее», эти межеумки и «ни то-ни сё» сами не знаютъ, къ чему себя приписать: прямо ли къ филиповцамъ, или продолжать считать себя православными. Православный же онъ только потому, что два-три раза былъ въ церкви. Первые два раза приходилъ самъ исповѣдываться и пріобщаться, потому что задумалъ жениться и сказали ему, что безъ попа тутъ нельзя, и бракъ не крѣпокъ, и жена можетъ сбѣжать, и всякъ твоему горю посмѣется: «ходилъ-де вокругъ пня, вѣнчалъ-де тебя сѣрой волкъ: убирайся ты къ лѣшему-чорту со своей глупой жалобой». Третій разъ былъ въ церкви не по своей волѣ: привозили умершихъ и отпѣвали по православному обычаю, потому что считался таковымъ и былъ записанъ въ приходскихъ спискахъ. На этомъ и кончалось все православіе, если въ теченіи жизни не заболѣвалъ опасно, когда нужно было приглашать священника на домъ, чтобы не сказали, что умеръ безъ исповѣди и причастія: и вотъ теперь самъ попъ свидѣтель тому, что ты дѣйствительно боленъ и не умираешь внезапною или насильственною смертію.

Эти средніе окрестить младенца не прочь, хоть въ какой угодно холодной водѣ, но вдругъ, ни съ того, ни съ другого, затруднитъ ихъ мνропомазаніе: «нельзя ли, бачько, не мазать». У хорошаго трезваго исповѣдаться не прочь, да вдругъ выдумаютъ дѣлать это не иначе, какъ тайно, ночью. То вдругъ начнутъ всѣ молиться двуперстнымъ крестомъ, то повадятся ходить въ одну какую-нибудь часовню, то начнутъ толковать между собою о грѣхахъ разныхъ: гулянки—грѣхъ, зимнія катушки съ горъ—грѣхъ; перестанутъ на масляницѣ надвѣшивать качели, въ кабаки ходить; то начнутъ приходить съ вопросами за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній.

— Я, вотъ, въ дальную дорогу съ обозомъ сходилъ, чужой пищи поѣлъ, притрогивался...

— Къ чему притрогивался?—спрашиваетъ отецъ Корнилій.

— Да мало ли къ чему, ко всякому...

— Ну, и пущай!

— Надо исправиться: въ баню сходить, потому, можетъ, къ чему нечистому прикасался.

— Ты и сходи въ баню, помойся. Послѣ дороги баня хорошо помогаетъ; облегчаетъ грудь.

— А ты бы мнѣ молитву передъ баней-то, молитву такую прочелъ.

— Какую же такую молитву?

— Отъ оскверненія.

— Ну, братцы!—скажетъ себѣ отецъ Корнилій:—мудрено васъ сосчитать, какъ барановъ въ стадѣ: все шли ладно, да вдругъ попритчилось и шарахнулись, когда я на второмъ десяткѣ считалъ, а теперь со счету совсѣмъ сбился.

— Ка̀къ эта трудная наука-та, отецъ Евтихій, называется, что̀ владыка-то намъ задалъ? спрашивалъ онъ Евтихія, встрѣтившись съ нимъ на сельскомъ базарѣ.

— Статистическія изысканія! отвѣчалъ Евтихій, спеціально явившійся сюда по порученію матушки, присмотрѣться и, если подойдетъ цѣна, то и купить рукавицы для работницы, а вовсе не затѣмъ, чтобы подыскать и присмотрѣть вѣрнаго человѣка для разговоровъ по предмету статистики и заданнаго архіереемъ вопроса. Евтихій отъ другихъ товарищей (исключая Корнилія и отчасти Ивана) не отличался, а можно даже сказать, превосходилъ ихъ гордостію (чехвальствомъ, какъ говорятъ мужики), доведенной до грубости въ обращеніи съ этими мужиками, торгующими на базарахъ и молящимися Богу въ церквахъ и подпольяхъ. Высшіе взгляды, презрѣніе къ сѣрому неграмотному люду, пріобрѣтенные въ семинаріи, пріобрѣли въ академіи даже злобный оттѣнокъ. Въ сношеніяхъ съ мужиками Евтихій оказывался бранчивѣе, крутѣе и капризнѣе прочихъ. Крестилъ, хоронилъ, исповѣдывалъ, вѣнчалъ, какъ и другіе, но къ собесѣдованіямъ былъ неохотливъ, да, признаться, и не умѣлъ. Отличался онъ отъ другихъ только тѣмъ, что, когда тѣ никакихъ книгъ не читали, онъ читалъ много и охотно; когда другіе неохотно служили въ церквахъ, но со старовѣровъ взыскивали за то, что они молятся дома—Евтихій всегда пѣлъ и обѣдни, и утрени—и вечерни, и табаку не нюхалъ. По книгамъ изучалъ онъ дѣленіе раскола на секты, но Корнилій и этого не дѣлалъ, а рѣшилъ себѣ, что совсѣмъ не поповское дѣло—разбиратъ раскольниковъ по тремъ извѣстнымъ стариннымъ толкамъ: какъ будто даже при этомъ и стыдно (до того трудно).

Оставалась передъ нимъ четвертая секта новая. И надъ нею думалъ Корнилій: попадью спрашивалъ, къ просфирнѣ и другимъ бабамъ, которыя посудачливѣй и поболтливѣй обращался—онѣ чего не слыхали ли? Рѣшился даже дьячка послать потолкаться въ народѣ, въ кабакѣ посидѣть. Ничего не дознавши, и самъ выходилъ на поиски.

— Не купишь ли ты у меня, Корнилій Семенычъ, жеребенка? Дома молокомъ отпаивалъ, спрашивалъ его толстый, какъ боровъ, сосѣдній торговецъ, придя къ нему на домъ.

— Прикупить можно, а ты скажи-ко мнѣ, Лука Өедосѣичъ, не слыхалъ ли ты чего про тотъ народъ, что̀ по нашимъ мѣстамъ въ лѣсъ жить уходитъ?

— Да, вѣдь, тебѣ ужъ у нихъ лошадей не покупать: въ лѣсъ ушелъ—значитъ все продалъ. На что̀ это тебѣ потребовалось? Не бось начальникъ твой велѣлъ?

— Изъ собственнаго, признаться, любопытства, хитрилъ опытный Корнилій:—стали наши бабы что̀-то часто про нихъ поговаривать; вечоръ только и разговоровъ у нихъ было. Ту бабу свели, эту дѣвку сманили. Въ чемъ тутъ хитрость?

— Така у нихъ вѣра, Корнилій Семенычъ: вся ихна вѣра на бабѣ утвердилась. И въ лѣсу, знать, безъ бабы скучно жить, мудрилъ, въ свою очередь, захожій продавецъ изъ среднихъ «никудышныхъ», склонившійся болѣе къ өедосѣевщинѣ.

— Значитъ, по өедосѣевски, браковъ у нихъ нѣтъ?

— Кака свадьба, коли сама идетъ своей волей и родителёвъ не спрашиваетъ? Кому свидѣтельство-то подписывать? Въ лѣсу-то развѣ медвѣдь про то спрашивать станетъ, а волкъ-отъ вонъ и совсѣмъ безъ паспорту бѣгаетъ который годъ, размазывалъ и замазывалъ продавецъ жеребенка.

— Да въ которыхъ лѣсахъ-то, въ лѣсахъ-то которыхъ живутъ и скрываются? не безъ торопливости и досады въ голосѣ, продолжалъ бесѣдовать Корнилій.

— Въ лѣсахъ, надо быть, въ сюземныхъ скрываются, въ такихъ, чтобы никто ихъ увидать не могъ, а кольми паче попы. Можетъ, и въ тѣхъ лѣсахъ сокрытіе имѣютъ, которые по твоему приходу ростутъ, философствовалъ гость.

— Что̀ ты за жеребенка-то наровишь взять?

— А подемъ—погляди!

Пошли глядѣть, а у попа, опять-таки, ничего не вышло: о чемъ по своему приходу придется писать преосвященному?

— Ка̀къ вы по этому дѣлу полагаете?—спрашивалъ Корнилій у становаго, подливая ѐму въ чай норвежскаго, дешеваго, но очень крѣпкаго рому. Господинъ съ лошадиными манерами

и трубнымъ голосомъ, многозначительно сморщивъ лобъ и ухватившись обѣими руками за правое колѣно и покачиваясь, отвѣчалъ:

— Самъ я эту статистику собиралъ недавно и могу подѣлиться собранными свѣдѣніями. Канальи эти—какіе-то бродяги, пришлые, а не здѣшные. У одного изъ нихъ совсѣмъ былъ на слѣду, да мерзавецъ-десятскій предупредилъ—далъ имъ знать! Начистилъ ему зубы, обѣщалъ выпороть и прогнать прочь. Ловить ихъ очень трудно: вотъ, идетъ въ лѣсъ тропинка, едва примѣчаешь ее—идетъ-идетъ, къ рѣкѣ приводитъ. На рѣкѣ гдѣ-то бродъ и, если попадешь на него—и на той сторонѣ рѣки сейчасъ найдешь опять тропинку, однако, не сразу. Тутъ мохъ надранъ и накиданъ, тутъ сами негодяи эти камней натаскали: для нихъ это—примѣта, для посторонняго—чортъ знаетъ что такое. Эта тропинка въ болото приведетъ: тутъ никому не пройти, а они, подлецы, одни только и могутъ. Тамъ у нихъ подземелье съ ходами и выходами мѣстахъ въ трехъ. Выходы эти подведены такъ, что надъ ними стоитъ дерево съ корнями: надо это дерево уронить, чтобы дыру увидѣть. Это и есть дверь въ подземное жилище этихъ анаѳемъ.

— Вы и спускались туда?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, батюшко? Отъ меня губернское правленіе требовало только показаній о количествѣ совращенныхъ вновь.

Опытный Корнилій о церковныхъ данныхъ его благородіе уже и не спрашивалъ, имѣвши случаи удостовѣряться въ точности ихъ и посмѣяться надъ пріемами. Становой и возы на ярмаркахъ считалъ въ то время, когда одни еще въѣзжали, а другіе успѣли съѣхать, и одновременно выражалъ желаніе узнать, сколько было народа на торжищѣ и на какую сумму крестьяне привезли своихъ издѣлій и продуктовъ промысла въ то время, когда за покупкой бѣлки во весь тотъ день не пріѣзжалъ еще самый богатый скупщикъ. Этотъ всякой годъ имѣлъ обыкновеніе пріѣхать, звякнуть деньгами, назначить на бѣлку цѣну и открыть на нее торгъ, т. е. пустить на продажу одни лишь остатки, т. е. самыя мелкія партіи. При этомъ, по старому завѣту, не считалъ онъ, изъ боязни грѣха и отвѣта предъ Богомъ, ни товару сполна, ни барыша, какъ не считаютъ крестьяне хлѣбнаго умолота, толкуя «что Богъ далъ—все въ закромахъ будетъ». И къ другому ходовому ярморочному товару, соленому и сушеному грибу, господинъ становой, къ изумленію отца Корнилія, приговаривался-было и тоже сосчитать хотѣлъ съ неоспоримою точностью, но и тутъ, по тѣмъ же причинамъ, не выгорѣло.

— Скажи ему, сколько за товаръ денегъ собралъ (толковали мужики), сколько за грибъ, да за бѣлку денегъ выпустилъ; онъ, вишь, по этому и раскладку на себя сдѣлаетъ, чтобъ больше собрать, гусь эдакой! Врите ему, ребята, что больно-де тяжолое время приспѣло: на все недородъ, ни отъ чего нѣту корысти.

Обратился, наконецъ, Корнилій къ своему дьячку, котораго посылалъ на поиски.

— Бачка, ваше благословеніе, пошолъ я отъ васъ, ходилъ-ходилъ, слушалъ-слушалъ, тараторилъ дьячекъ, захлебываясь словами и безпрестанно кланяясь.

— Да, не гоню, не торопись! Подпоясался бы, авось легче будетъ, приласкалъ, смѣючись, Корнилій.

— Вотъ эту «статію-то» я и собиралъ. Гришка-цаловальникъ сказывалъ: есть, говоритъ, такіе; будь, говоритъ, Миронычъ, ты касательственно этого не въ сумлѣніи. Есть, говоритъ—завелись. Вотъ-тѣ Христосъ, завелись! Живутъ въ подземельяхъ и ходы подѣлали. Не ходи къ нимъ. Никакъ ты ихъ не ссягнешь—убьютъ. Васеневской цаловальникъ про кровь поминалъ: какъ-де младенецъ у нихъ родится, такъ они сейчасъ убьютъ и кровью его свои портреты пишутъ и книги пишутъ. Ажъ книга-та свѣтится! И мнѣ одну такую книгу показывалъ, полууставомъ писана. И—повѣрьте, ваше благословеніе, истинному Богу, литеры въ той книгѣ свѣтятся—своими я глазами то видѣлъ. Одну ужь—говоритъ—я такую книгу отцу Евтихію подарилъ: онъ до нихъ-де охотникъ. А эту—говоритъ—никому не отдамъ, какія хошь давай деньги. А станутъ требовать—скажу нѣтъ. А вотъ передъ истиннымъ Христомъ!—самъ я ее видѣлъ.

И опять нѣтъ толку.

— Ступай, дьячекъ, домой, проспися: дьячиха ужь сколько разъ прибѣгала спрашивать, куда послалъ; не убили бы—слышь. И ревѣть принималась. Утѣшь ее и выспись!

Евтихій вчитывался въ подаренную писанную полууставомъ, съ обычными изъ киновари заголовками тетрадку, подъ названіемъ «сказаніе о происхожденіи страннического согласія и разнообразныхъ его отросляхъ [1]».

Сказаніе начиналось такъ:

«Предвѣщая божественнымъ своимъ евангеліемъ, Христосъ

[1] Сказаніе это всѣмъ, писавшимъ о страннической сектѣ, было неизвѣстно. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ нашемъ мы предпочитаемъ пользоваться такими рукописями (пятью), которыя также до сихъ поръ не были извѣстны, обращаясь исключительно въ предѣлахъ мѣстности Каргопольскаго Уѣзда.

Богъ нашъ, яко въ послѣдняя времена быти великимъ соблазномъ симъ, между виновниками указываетъ и на такихъ, которые будутъ отводить отъ истины указаніемъ своихъ прелестей—въ пустыни. Въ настоящее же нынѣ плачевное время постигнуты мы событіемъ и свидѣтели есмы раскинутыхъ соблазновъ».

И далѣе (на пущую радость и удовольствіе Евтихія):

«Соблазнители, отводящіе съ пути истины къ прелести, обольщая указаніемъ въ пустыни, внушаютъ намъ обратить вниманіе на ученіе и прохожденіе сихъ новоявльшихся, называющихъ себя пустынниками и странниками по сущности вѣрованія своего, принятаго съ крещеніемъ, проживъ между ними шестьнадесять лѣтъ въ духѣ ихъ странничества, видѣлъ я отводимыхъ съ пути истины простодушныхъ человѣкъ и легковѣрныхъ христіанъ, соблазненныхъ пустыннымъ странничествомъ, какъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію спасенія, вчиная себя, со обѣтомъ крещенія, въ странничество. Крещеніе же свое простодушные называютъ не христовымъ, но іоанновымъ или пустыннымъ, какъ мнѣ случалось многократно слышать отъ нихъ; извѣстно и прочимъ».

«Пристрастіе чуждо было моего намѣренія» — увѣряетъ сказаніе. «Побуждался я истиною внушить легковѣрнымъ и простодушнымъ братіямъ моимъ, что они, бѣдные, содѣлались не христіане-странники своимъ перекрещиваніемъ, но лишившись таинства покаянія, колеблемы всякимъ вѣтромъ ученія ихъ». «Если они говорятъ вамъ: «се здѣ Христосъ въ пустыни»,—не ходите слѣдомъ за ними. Я обнажу вамъ корень ихъ согласія и соблазна, соосязаю же и самое древо, произрастшее отъ того, и покажу, животъ или смерть даруютъ плоды его».

«Слѣдующая же за симъ повѣсть и являетъ намъ сіе»:

Странники происходятъ отъ старца Евфимія. Онъ былъ родомъ переяславлянинъ; имѣлъ жену и дѣтей; мірское имя его никому неизвѣстно. Въ первый рекрутскій наборъ, послѣ третьей ревизіи, бывшей въ 1764 году, въ царствованіе Государыни Екатерины II-й, былъ онъ отданъ въ военную службу. Вскорѣ онъ оттуда скрылся и подъ видомъ странничества явился въ Москву, гдѣ и былъ принятъ филиповцами въ ихъ согласіе. Здѣсь вскорѣ онъ познакомился съ проживавшимъ тамъ инокомъ Ѳеодосіемъ, прежде бывшимъ архіерейскимъ пѣвчимъ, который тоже сбѣжалъ изъ военной службы. «И были они во всемъ до раздора Евфиміева дружны и вкупѣжительны». Но недолго тамъ пробыли. Совѣтовали имъ московскіе люди, какъ неимѣющимъ у себя законныхъ видовъ на жительство, «для безопасности и душевнаго спасенія» уѣхать въ Поморье, а Евфимію

у тамошняго старца Андреяна постричься въ монахи. Евфимій такъ и сдѣлалъ, т. е. добрался до дальняго Топозера, гдѣ и поселился въ одномъ изъ тамошнихъ скитовъ, расположенныхъ по берегу и островамъ этого огромнаго озера. Однако пробылъ онъ тамъ недолго, не болѣе двухъ лѣтъ. Онъ выѣхалъ «съ противнымъ духомъ мудрованія», а причина тому была слѣдующая:

Прозналъ онъ какъ-то, что «отецъ-постригатель» его, Андреянъ, имѣлъ уже въ жизни случай отказаться отъ ученія и правилъ своего филиповскаго согласія: земское начальство сняло съ него камилавку и водило его въ церковь. Что̀ тамъ съ нимъ происходило—въ подробности зналъ только самъ Андреянъ, и лишь нѣкоторыя частности извѣстны были немногимъ; тѣмъ не менѣе, Евфимій сталъ посылать въ Москву письма, укоряя совѣтчиковъ своихъ за то, что они раньше не сказали ему про извѣстную вину Андреяна. И немедленно поспѣшилъ оставить Поморье.

Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Θеодосіемъ, онъ пріѣхалъ въ Ярославль, и, найдя тутъ единомышленниковъ, остались они жить, будучи приняты очень радушно. Явились они сюда съ затаеннымъ недоброжелательствомъ къ филиповскому ученію, и уже здѣсь Евфимій задумалъ объ исправленіяхъ и преобразованіяхъ. Θеодосій отговаривалъ начинать это дѣло такъ скоро и во многомъ съ нимъ не соглашался. Евфимій, однако, не послушался и для своихъ цѣлей хаживалъ въ пошехонскіе лѣса, гдѣ были тогда два скита Филипова согласія: Мининъ и Леонтьевъ. Тутъ онъ нашелъ себѣ одного послѣдователя, изъ недавно пришедшихъ туда, именно Павла Васильева, бывшаго крестьянина господина Мотовилова.

Вскорѣ пронесшійся слухъ о сыскѣ скитовъ съ военною командою заставилъ Евфимія и Павла уйти въ Ярославль и пристать, близъ города, въ деревнѣ Малышевѣ, у своего пріятеля Петра Θедорова. Пошехонскіе скиты тѣмъ временемъ были раззорены.

Въ Малышевѣ, при содѣйствіи Павла, Евфимій занялся составленіемъ, перепискою и распространеніемъ въ народѣ обличительныхъ сочиненій, «дѣлалъ выписки изъ книгъ и постъ водилъ». При личномъ его содѣйствіи и стараніи расположить умы въ свою пользу, ему удалось «заронить сѣмена сомнѣній для задуманнаго имъ новаго согласія». Озаботившись привлеченіемъ послѣдователей себѣ, онъ пріобрѣлъ таковыхъ восемь человѣкъ. Кромѣ Павла Васильева съ сестрой и малышевскаго Петра Θедорова, его усерднаго покровителя, ему послѣдовали: пошехонецъ Василій Прокофьевъ изъ деревни Бекарева (на-

званный имъ Егоромъ), съ двумя дочерями, и Ирина Өедорова изъ Кашинскаго Уѣзда съ Туговой Горы, названная Доминикой.

«Но еще не все имъ было сдѣлано: не доставало самаго главнаго дѣла для основанія строимаго имъ зданія. Нужно ему было прежнее все смыть съ себя и вновь обновиться крещеніемъ. Для исполненія сего льстился онъ надеждою на одного извѣстнаго ему престарѣлаго мужа, по имени Іоанна, странствующаго издревле, и который былъ отъ первыхъ остальцевъ древняго православія, а можетъ быть еще что былъ крещенъ и отъ священниковъ того православія, проживавшаго измлада въ укрывательствѣ и посему не бывъ записанъ ни въ которой ревизіи». Евфимію, однако, не удалось уговорить этого Ивана перекрестить себя и тѣмъ положить начало новому согласію «странствующей Церкви». Кàкъ долго ни домогался Евфимій, «Иванъ не захотѣлъ послужить соблазномъ» для многихъ его знающихъ чадъ духовныхъ, которыхъ онъ много имѣлъ». Такъ и не удалось Евфимію «обновить себя крещеніемъ отъ Іоанна, какъ и истинный Христосъ Богъ, начавшій благовѣстіе отъ времени крещенія своего отъ Предтечи Іоанна. Впрочемъ, по убѣжденію своихъ умствованій, не иначе долженъ былъ Евфимій начать собирать въ согласіе ученія своего, какъ съ крещенія себя, хотя и не могъ креститься отъ живущаго и желаемаго имъ крестителя, принужденъ былъ самъ себя крестить, бывъ неоднократно крещенъ. Чтò и исполнилъ».

Это было въ 1774 году.

На другой же день по самокрещеніи своемъ, Евфимій крестилъ всѣхъ семерыхъ своихъ послѣдователей, изъ числа которыхъ вскорѣ Павелъ Васильевъ, не сидѣвшій на одномъ, но переходившій изъ одного мѣста въ другое (въ Пошехонскомъ Уѣздѣ), былъ пойманъ и, по суду, сосланъ въ Сибирь. «Причиною же сему было въ бѣгствѣ отъ Вавилона (міра сего) стяжаніе сребреницъ его, которыя далъ взаимъ одному изъ знакомыхъ. И ненавидяй Павелъ Вавилона, сжалился по его сребреникахъ, началъ безотступно ихъ требовать отъ должника, который, чтобы спасти Павла отъ прикосновенія къ нимъ, а себя избавить отъ докучливости его, доставилъ свѣдѣнія къ поиманію его».

Евфимій съ остальными пятью послѣдователями своими (кромѣ Петра Өедорова, оставшагося дома) вскорѣ ушелъ въ галицкіе лѣса. Отъ притѣсненій обывателей тѣхъ мѣстъ, «по наученію Нѣтовщины (то-есть послѣдователей спасова согласія), онъ не могъ прожить здѣсь больше двухъ лѣтъ и выѣхалъ съ Ориною Өедоровою опять въ Ярославль (Василій же съ дочерьми удержался въ галицкихъ лѣсахъ). Близь Ярославля,

опять въ домѣ страннопріимника и благодѣтеля своего Петра Ѳедорова, Ефимій прожилъ еще три года до кончины своей, послѣдовавшей 20-го іюля 1779 г. на 49 году жизни. При селѣ Малышевѣ онъ и былъ преданъ землѣ.

Онъ былъ хорошимъ мастеромъ въ уставномъ письмѣ: въ 20-ти тетрадяхъ, съ помощью братьевъ Григорія и Алексѣя Яковлевыхъ, онъ переписалъ книгу, заключающую въ себѣ догматы его ученія «по 38 строкъ въ четверти тонкаго и мелкаго письма, видѣнную мною (пишетъ далѣе авторъ «Сказанія») съ подписью его». Умѣлъ онъ и рисовать: «есть рисованныя имъ книги и украшенный лицевой апокалипсисъ. Сдѣланныя же имъ разныя сочиненія и выборки принадлежатъ ко времени распространяемаго имъ своего согласія, и всѣ они остались у находившейся при немъ неотлучно ученицы и собесѣдницы Ирины Ѳедоровой». Она-то и стала теперь во главѣ секты.

Послѣ смерти Евфимія долгое время не было въ сектѣ приращенія. Только одной Оринѣ удалось перекрестить въ селѣ Сопѣлкахъ (въ 4-хъ верстахъ отъ Малышева, въ 15-ти верстахъ отъ города Ярославля) тамошняго крестьянина Петра Семенова, переименованнаго Севастьяномъ, и, уже черезъ 20 лѣтъ по смерти Евфимія, перекрестить еще ярославскаго мѣщанина Мокѣя Ѳедорова [1].

Въ селѣ Сопѣлкахъ ученіе странниковъ быстро распространилось: одни стали уходить изъ домовъ, другіе, сами нерѣшавшіеся бѣжать, вознаграждали себя тѣмъ, что старались укрывать скрывшихся.

«Послѣ сего перейду (пишетъ авторъ Сказанія) къ сказанію своего времени, видѣннаго мною шестнадесятилѣтнимъ временемъ происхожденія между ними, подъ видомъ ихъ странства». Дерево отъ корня Евфиміева начало развѣтвляться на отдѣльныя и самостоятельныя отрасли.

Нѣкто Иванъ Петровъ, изъ Нерехты, поступилъ въ странники и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ, крестивъ самъ себя, плѣнившись ученіемъ Евфимія, но послѣдователи его отдѣлились отъ евфимистовъ и стали считать себя правѣе и чище.

Иванъ Ѳедоровъ, крестьянинъ деревни Голенищева, принадлежавшій къ ѳеодосіевскому андронову кладбищу въ Ярославлѣ, также углубившись въ тайны странническаго ученія и въ дебри

[1] «Который (говоритъ авторъ Сказанія) и нынѣ находится въ живыхъ, старѣйшей изъ потомковъ Евфиміевыхъ, который много и сообщалъ мнѣ: всѣ вѣденія и извѣстія, для его какъ бы современныя, которыя были мнѣ источникомъ о Иринѣ и сожительствуя съ нею, у которой сохранились всѣ тайны жизни и ученія Евфиміева».

лѣсовъ, отдѣлился отъ сопѣлковскихъ тѣмъ, что завѣщалъ своимъ послѣдователямъ: деньги считать за печать антихристову, приносить на жертву свѣчи, масло и ладанъ. Ученіе свое онъ распространилъ въ особенности въ деревняхъ Шахотской волости, «гдѣ христіанство состояло почти изъ женскаго пола, и изъ нихъ нѣкоторая часть увлеклась ревностію, ушла для скрытія себя въ пошехонскія лѣса». Эти къ уставамъ голенищевскаго Ивана, пребывая въ лѣсахъ, прибавили еще новые: рѣшились не покупать ни соли, ни хлѣба, ни крупъ, продающихся отъ казны, деньги въ руки не брать и податей не платить. А такъ какъ безъ денегъ обойтись нельзя, то и придумали оставлять ихъ въ деревняхъ у довѣренныхъ пріятелей, которые, по просьбѣ ихъ, и исполняли всѣ ихъ надобности. Если же кто-либо изъ ихъ согласія самъ рѣшался покупать, тѣхъ предавали отлученію; пѣніе почитали за грѣхъ преступленія; исповѣди въ лицѣ человѣка не принимали, и крестить долженъ всякій самъ себя. «И протчіи ихъ многія самоумышленія нѣсть нынѣ время о семъ писати».

«Яко же рече Іоаннъ Богословъ (заключаетъ «Сказаніе»): изыдетъ отъ пустыни вѣтръ жгучъ и изсушитъ жилы церковныя, рече бо законопреступный врагъ: да не подвижуся въ вѣкъ отъ рода въ родъ безъ зла, ему же клятвы, уста его полна суть горести и льсти, и помышляетъ въ сердцы своемъ: забы Богъ, отврати лице свое, да не видитъ до конца. Мы же возопіемъ къ нему со слезами: востани Господи Боже нашъ!»

V.

«Историческій экстрактъ получается (думаетъ Евтихій), основаніе для донесенія по начальству въ надлежащей послѣдовательности изложенія есть, и тѣ мѣста видны въ немъ, гдѣ, по пріемамъ полемической символики, можно поставить возраженія и положенія съ основою на евангельскихъ текстахъ и изреченіяхъ первыхъ отцовъ церкви. Несомнѣнно, «Сказаніе» писано однимъ изъ лжемудрствовавшихъ филиповцевъ, негодующихъ на отпаденія: это еще болѣе облегчаетъ положенія противу мнимаго иночества Евфимія, противу лжекрещеній вторичныхъ. О мракѣ религіознаго неразумѣнія народа сказать прилично. Богатая тэма на намѣренное отлученіе себя отъ прочихъ вѣрующихъ, какъ сыновъ противленія. И ложное пониманіе пустыннаго житія. И странствующая церковь»...

На маленькомъ нервно-оживленномъ лицѣ Евтихія разлилось

радостное самодовольство и увѣренность, когда онъ принялся за краткія свѣдѣнія о такъ-называемыхъ «Странствующихъ христіанахъ», въ надеждѣ явиться передъ владыкою первымъ сообщителемъ тайнъ скрытной секты и обличителемъ ихъ основныхъ еретическихъ лжеученій (въ разсчотѣ этомъ Евтихій не ошибся впослѣдствіи). Охотливо работалось и скоро писалось: Евтихій былъ наверху авторскаго самодовольства и наслажденія.

— Смотри, опять не проторопись по третьегоднешнему—охолаживалъ его голосъ попадьи, напоминавшей тотъ случай, когда Евтихій получилъ вмѣстѣ съ другими строгій выговоръ за неточность и противорѣчіе цифръ. За три года передъ тѣмъ писали объ убыли явныхъ раскольниковъ филиповскаго согласія на 28 человѣкъ обоего пола, и о прибыли тайныхъ на 60; въ слѣдующемъ году, прибыль оказалась въ явныхъ, и именно на 16 человѣкъ, а въ тайныхъ уже произошла убыль на 20. Такимъ образомъ, на глазахъ производившаго контроль владыки, численность раскольниковъ по годамъ то уменьшалась, то увеличивалась, а между тѣмъ, объяснительный текстъ донесенія говорилъ ему: «замѣчательныхъ случаевъ обращенія раскольниковъ къ православію не было, а также и случая усиленія раскола, а вслѣдствіе сего и явленія раскола также не было». Вслѣдствіе архіерейской помѣты на поляхъ, «значитъ, все обстоитъ благополучно, хотя и не грамматично, и не логично» и замѣченныхъ почти у всѣхъ словъ крупныхъ брызгъ съ пера, секретарь консисторіи написалъ тонко-язвительный, укоризненный текстъ указа, который подострилъ еще болѣе самъ владыка. Указъ глубоко огорчилъ и напугалъ всѣхъ виновныхъ, долгое время былъ предметомъ толковъ и послужилъ поводомъ къ извѣстному уже намъ съѣзду у благочиннаго.

«И въ самомъ дѣлѣ (думалъ всякъ про себя), по цифрамъ выходитъ то прибыль, то убыль, а по разсужденіямъ оказывается, что онъ стоитъ въ одинаковомъ уровнѣ, неподвижно.

Было и досадно, и стыдно, и утѣшительно лишь только то, что въ сосѣднемъ благочиніи священникъ лишонъ былъ стараго мѣста и переведенъ въ новый приходъ въ то же злополучное тяжелое время, когда вновь прибывшій архіерей принялся за повѣрку приходскихъ донесеній.

Донесеніе говорило: «въ приходѣ раскольниковъ ни тайныхъ, ни явныхъ въ настоящее время нѣтъ», а между тѣмъ (какъ извѣстно было и архіерею), приходъ этотъ особенно отличался расколомъ, былъ, такъ сказать, разсадникомъ его, ибо въ немъ съ открытія православной церкви существовалъ раскольничій скитъ.

Архіерей писалъ на поляхъ: «если, въ продолженіи 35 лѣтъ, не было совращеній, то столь многознаменательный случай упадка раскола, какъ отрадное явленіе, долженъ бы былъ обратить на себя вниманіе пастыря добра и отмѣченъ въ отчетахъ. Дабы приходъ и впредь безъ раскольниковъ не числился, благословляю поставить новаго счетчика».

Секретарь на послѣднемъ словѣ не задумался и доложилъ владыкѣ о такомъ приходѣ, гдѣ причтъ показалъ двухъ явныхъ филиповцевъ, назвавъ ихъ даже по именамъ и отозвавшись, что эти-то двое и «поддерживаютъ раскольниковъ въ упорствѣ къ обращенію». На борьбу-то съ ними и велѣно было ѣхать плохому счетчику на страхъ и поученіе прочимъ.

— Смотри, не наври! совѣтовала попадья задумавшемуся и вспоминавшему эти случаи Евтихію: — не опять же намъ ѣхать на пятое мѣсто—моченьки моей не стало!

Горько проплакавшись, попадья, все еще черезъ слезы, спросила:

— Много ли скрытниковъ-то на свой приходъ записалъ?

— У меня не числятся.

— Такъ вотъ смотри и ври! А прежде бы у добрыхъ людей спросилъ. Я и женскимъ дѣломъ, а больше твоего знаю. Лукозерскій-то сюземокъ въ нашемъ приходѣ?

— Въ заозерской дачѣ, и деревня Каменка въ нашемъ приходѣ.

— Что̀ я слышала?! Ходили передъ Покровомъ мужики окуней ловить, захотѣли уху сварить; въ лѣсу лѣсную избушку нашли съ сѣнцами; въ избушкѣ по ларю мука̀ разсыпана; по полочкамъ кое-гдѣ разбросаны спички и трутъ; знать по всему, что сейчасъ тутъ живые люди были, да вышли, схоронилися. А видно, подолгу и давно живутъ: колодецъ вырытъ и обрубленъ. На дворѣ пасти (ловушки) для душенья мышья. На божницѣ мѣдный образокъ видѣли: сидящій на престолѣ Господь Вседержитель. Подъ окномъ выдолбленъ пражикъ, куда вкладывается широкая доска вмѣсто стола. Въ сѣнцахъ разные черепки, скамеечки, ставчики, поваренки, тряпье и опорки валенокъ. Въ третьей коморкѣ лежанка складена изъ кирпича. На дворѣ видны пни и могилки подъ елочками.

— Вотъ и храмъ! не утерпѣлъ замѣтить Евтихій. Дымная лачужка, смердящая затхлымъ и сырымъ воздухомъ конура замѣнила у нихъ истинную, святую, соборную и апостольскую, благодатную и благовонную церковь. Лазейка, основанная не на мощахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, а на костяхъ смердя-

щихъ, стала на мѣсто храма, его же не одолѣютъ и врата адова. Отмѣнно!

— И еще слышала. Ходилъ нѣкоторый человѣкъ съ ружьемъ полѣсовать рябчиковъ и бѣлку. Шелъ по извилистымъ тропинкамъ, заслышалъ шорохъ—собаки залаяли. Чтò-то живое свернуло въ сторону и пало въ кусты и клочи. Андрей строго не велѣлъ собакамъ лаять, потому что не медвѣдя видѣлъ, а человѣка. А было это противъ гришуткиныхъ сѣнокосовъ, съ полверсты выше Барсукова, къ рѣчкѣ Киченкѣ. Я для тебя все это и запомнила. Нашего ли прихода?

— Нашего прихода.

— Теперь не будешь выхвастываться, что эдакой ты проповѣдникъ, что расколъ передъ тобой какъ воскъ таетъ. Выдумали вы съ преосвященнымъ верстаться! Пиши-ко знай глупости-то свои, а я вотъ, какъ владыка прiѣдетъ, сама ему все доправлю: онъ мнѣ больше повѣритъ.

Впрочемъ, написанное Евтихiемъ архiерею очень поправилось, и донесенiе его получило, противъ всякаго ожиданiя, большую извѣстность. Объ немъ говорили, удивляясь свѣдѣнiямъ, и любуясь, и завидуя способу изложенiя. Записка Евтихiя названа образцовою, приказано было ознакомить съ ея содержанiемъ, по возможности, всѣхъ пастырей, пасущихъ овецъ среди волковъ-раскольниковъ. Секретарь консисторiи усадилъ писцовъ за переписку и бралъ потомъ съ каждаго, являвшагося по дѣламъ священника по рублю серебромъ и по бутылкѣ ямайскаго рома изъ губернскаго погребка за каждую тетрадку. Евтихiю послано было по ближайшей почтѣ архипастырское благословенiе.

Случайный подарокъ выручилъ и поощрилъ. Похлопоталъ и постарался Евтихiй достать черезъ десятыя руки почитать «Цвѣтникъ» Евфимiя: получилъ — и зачиталъ, зажилилъ. Досталъ и «Посланiе его къ московскимъ старцамъ»; прочиталъ и знаменитую книгу «Драгоцѣнный бисеръ: о сотворенiи свѣта, о паденiи Адамовѣ и о царствованiи грѣха и о упраздненiи его, о слугахъ антихристовыхъ и о самомъ господинѣ ихъ, о пришествiи Христовѣ, о святой Церкви, о страшномъ судѣ и о царствiи его, и о мукахъ—отъ божественнаго писанiя избрана». Пересмотрѣлъ и мелкихъ цвѣтничковъ много, не показали только ему «Лицеваго Апокалипсиса» съ картинами, изобрѣтенными самимъ Евфимiемъ.

Въ «Цвѣтникахъ» увидѣлъ Евтихiй исключительно подборъ тѣхъ извлеченiй изъ Миней, Поученiй св. отцовъ, Толкованiй, Евангелiй, изъ Книги Вѣры, Большаго Соборника, изъ Ефрема Сирина и проч., которыя порицаютъ мiрское житiе и, въ про-

тивоположность ему, восхваляютъ пустыню, безмолвную жизнь, бѣгство отъ прелестей міра съ полнымъ отреченіемъ отъ него. Вотъ отрывокъ изъ слова Іоанна Златоустаго о послушаніи съ вѣрою молящихся на всякомъ мѣстѣ; изъ Іоанна Лѣствичника о памяти смерти, изъ Григорія Синаита о тайной молитвѣ и безмолвномъ житіи, изъ Отечника о домашнихъ грѣхахъ и нестяжаніи, изъ Никиты Стифата «О пустынѣ истинной», «О изведеніи души изъ Египта грѣховнаго». Вотъ обширное и широковѣщательное, сильное слово «О презрѣніи и объ отрицаніи міра», съ подробнымъ указаніемъ на всѣ тѣ мѣста изъ евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ, апокалипсиса и псалмовъ, гдѣ находятся отвѣты на эту тэму, столь существенно-важную для наставниковъ и проповѣдниковъ страннической секты. Кстати тутъ и житіе Алексѣя-человѣка Божія, такъ сильно выразившее презрѣніе къ славѣ и богатству міра и такую сильную героическую любовь къ нищетѣ; «О скверности и суетѣ къ происхожденію рода человѣческаго, о растлѣніи и зачатіи человѣческомъ»; «О еже о нужныхъ пещися, налишная же себѣ не попущати, но Богу непрестанно молитися» (поучительное наставленіе для страннопріимцевъ секты); «О долготерпѣніи, воздержаніи» и проч. А вотъ и многоцѣнный бисеръ страннической ученія: «Толкованіе на слово св. Ипполита папы римскаго», сочиненіе самого Евфимія, и опять иныя извлеченія изъ того пространнаго и неизсякаемаго моря поученій и восхваленій пустыннаго и молитвеннаго житія, на которыя столь были обильно щедры пустынники Синая и Аѳона. Вотъ и знаменитая, столь возлюбленная всѣмъ старовѣрствомъ пѣснь Іоасафа царевича «О пустынѣ» («Пріими мя пустыня, яко мати чадо свое во тихое и безмолвное нѣдро свое»), на этотъ разъ въ «Цвѣтникѣ» скрытниковъ написанная подъ крюковыми нотами.

И еще сборники («Цвѣтники») другаго вида и содержанія: это — стихотворныя пѣсни («Стихи»), написанныя бо̀льшею частью излюбленнымъ силлабическимъ размѣромъ и даже ямбами и анапестами (впрочемъ, далеко не всегда съ соблюденіемъ цезуры). И здѣсь, въ цѣломъ десяткѣ сборниковъ, полученныхъ изъ разныхъ рукъ, написанныхъ разнообразными почерками, отъ полууставнаго съ киноварью, подражательнаго печатному, до обыкновеннаго скорописнаго, полуграмотнаго и дѣтскаго, тотъ же строгій выборъ содержанія, соотвѣтствующаго духу ученія секты и духу настроенія сектаторовъ.

Вотъ и полемическое сочиненіе, написанное полууставомъ съ киноварью (какъ подобаетъ), подъ заглавіемъ: «Описаніе самохвальныхъ, мнимыхъ, таимыхъ, странныхъ, скрытыхъ согласія

людей», начатое и конченное странною, дурно риѳмованною прозою, но очень оригинально:

«Которые сами себя восхваляютъ, и прочихъ на міру всѣхъ христіанъ осуждаютъ, а сами о себѣ не понимаютъ, что на томъ же міру живутъ, изъ тѣхъ же рукъ и хлѣбъ жуютъ; безъ работы пребываютъ, только людей въ утѣхахъ зазираютъ, евангельскаго фарисея чинъ на себя принимаютъ» и проч.

Затѣмъ слѣдуетъ обличеніе ересей ученія.

Противъ первой ереси, отметанія креста на 6 недѣль искуса, борется авторъ-филиповецъ свидѣтельствами изъ евангелія, изъ писаній Дамаскина, Патерика и Кормчей [1].

Вторая ересь—уводъ людей изъ міра «людей съ міру утаскаютъ, аки волки овецъ похищаютъ, и назадъ въ Христово стадо не возвращаютъ, а апостолы на міръ крестили и посредѣ невѣрныхъ оставляли, и тѣ въ таи вѣру хранили, сами тутъ же жили».

Третьею ересью оказывается презрѣніе къ живущимъ въ міру и бѣгство; четвертою—отрицаніе милостыни («бѣдныхъ, убогихъ, на міру живущихъ наблюдать не велятъ, учатъ отъ тѣхъ нищихъ двери запирать, чтобы однихъ ихъ сохранять»); пятою ересью—осужденіе всѣхъ людей, не единомышленныхъ съ ними; шестою—непочитаніе креста («честному и животворящему кресту Христову не токмо главы своей не поклоняютъ, но и шапки не снимаютъ»), принимая его за дѣло рукъ невѣрныхъ евреевъ и противорѣча себѣ тѣмъ, что поклоняются и чтутъ книги, принятыя съ перевода, нетолько печатныя, но и письменныя, и нетолько съ древнихъ переводовъ, но и никоніанскія (т. е. исправленныя), а иконамъ покланяются только тѣмъ, которыя намалеваны руками скрытниковъ.

Седьмою ересью (конечно, по сравненію со своими) филиповецъ, авторъ полемическихъ главъ, полагаетъ непочитаніе семи вселенскихъ соборовъ по поводу запрещенія седьмымъ соборомъ всему церковному чину чтенія еретическихъ книгъ, которыя противны истинѣ. «А странные нетолько ихъ принимаютъ, но и основываютъ на нихъ свои правила. Любимая ихъ книга — Петровы законы (а царя Петра сами антихристомъ нарицаютъ) и о русскомъ расколѣ. Всѣхъ христіанъ всего міра называютъ раскольниками. Въ ревизію писаться не дозволяютъ, не почитаютъ царя и отъ подданства ему убѣгаютъ, а ревизскія сказки признаютъ антихристовою печатію и сатанинскою книгою, гово-

---

[1] Имя автора неизвѣстно, но обличенія его исключительно направлены противъ каргопольскихъ скрытниковъ.

ря людямъ, записаннымъ въ ревизію: «тому нѣтъ крещенія и покаянія».

Осьмая ересь—«смѣнно платье надѣваютъ, и на коняхъ разъѣзжаютъ, купеческу одежду на себя притягаютъ», подражая Варлааму пустыннику, въ каковой этотъ являлся въ царскія палаты учить Іоасафа царевича Христовой вѣрѣ.

Девятая скрытниковъ ересь заключается (по филиповскому обличителю) въ томъ, что они не принимаютъ царскихъ законовъ и не хотятъ записываться въ ревизію, ссылаясь на то, что когда императоръ Петръ, манифестомъ своимъ, собралъ всѣхъ бѣжавшихъ и скрывавшихся старовѣровъ, то записалъ ихъ раскольниками, а за это далъ имъ моленныя и кладбища.

Десятая—въ непочитаніи начальствъ, въ отказѣ отъ платежа всякихъ податей и повинностей, а также паспортовъ и билетовъ, чтобы не носить антихристовы пятна и не быть его слугами.

Одиннадцатая ересь—принятіе въ секту находившихся подъ судомъ и приговоренныхъ къ наказанію и укрываніе ихъ въ своихъ тайныхъ жилищахъ, какъ бы праведныхъ.

Двѣнадцатая ересь: «егда изъ ихъ закона, если кто пойманъ или гдѣ найденъ и къ начальству приведенъ, начальникъ ихъ перво спроситъ: «ты кто и какой человѣкъ, котораго мѣста отечества и что̀ вина скитанія твоего, рци ми?» Они перво свободнымъ гласомъ отвѣчаютъ: «христіане есмы на земли, а мѣста отечества не знаемъ, но грядущаго взыскуемъ, странники есмы». И въ оправданіи своемъ ссылаются на соловецкую челобитную (на примѣръ Петра и Евдокима) и на житіе и образецъ Василія Новаго.

Появленіе же странниковъ въ концѣ своего разсужденія авторъ объясняетъ такими словами: «егда безмѣрны сласти умножились, христіане въ слабости попустились, тогда на ихъ лжеучители появились, и многи избранны прельстились, къ нимъ снова перекрестились, что впредь умножились, отъ пришедшаго человѣка Саввы научились. Онъ ихъ научалъ, на шесть недѣль крестъ съ во̀рота снималъ, самъ отъ насъ убралсе̂, а корень его осталсе».

— Вотъ и вполнѣ достаточно, чтобы не домогаться разъясненія иныхъ страннических бредней и, на основаніи опровергаемыхъ другимъ слѣпцемъ, приступить къ составленію записки съ догматическимъ содержаніемъ.

Такъ рѣшилъ себѣ отецъ Евтихій и больше о странствующихъ сектахъ не розыскивалъ.

Какъ всегда въ дѣлахъ такихъ, гдѣ выслушивается одна сто-

рона и пренебрегается другая, существенной правды сказать не привелось. Невполнѣ сознательное стремленіе уподобиться въ житіи первому христову стаду, дѣйствовавшему на земли, Евтихіемъ замѣчено не было. Видѣлись, по предвзятой заранѣе мысли, грубое невѣжество, гордость, самомнѣніе и дерзостныя поползновенія полуграмотныхъ начетчиковъ—отчасти именно то, что̀ совершенно помѣшало даже отдаленному подобію желаемаго и искомаго. А между тѣмъ: для службъ и молитвъ удобно всякое мѣсто, и всякій, кто умѣетъ читать Іисусову молитву, псалтырь и каноны; чинъ служенія (похожій на филиповскій, по прямому преемству) отправляется лишь тогда, когда позволитъ случай (по зависимости отъ страннической передвижной жизни); крещеніе обязательно въ рѣкѣ, покаяніе передъ всѣми вѣрными, подчиненіе законамъ только тѣмъ, которые не колеблютъ благочестія въ вѣрѣ, и т. д. И, по неотразимой послѣдовательности и зависимости отъ историческаго хода событій: сомнѣнія относительно догматовъ господствующей церкви—тѣ же, какія высказаны въ слишкомъ извѣстныхъ всѣмъ «Поморскихъ отвѣтахъ», а въ виду преслѣдованій и гоненій, предреченныхъ и весьма очевидно указанныхъ въ апокалипсисѣ и прямо свидѣтельствующихъ о близости конца міру полное отреченіе отъ его заботъ и трудовъ, и единственная цѣль—труды и заботы только апостольскія: молитва и проповѣдь.

А затѣмъ, также по естественному ходу вещей, время отъ времени—новыя прививки къ основному корню: то самокрещеніе, то введеніе брачныхъ обрядовъ, допущеніе въ скитальчествѣ осѣдлости въ видѣ странноприімцевъ, притворства подъ видомъ православныхъ, на случаи поимокъ и заключенія, и т. д.; все—подъ вліяніемъ текущихъ событій, которыя предусмотрѣть и предугадать никакой наставникъ не могъ. Одно въ страннической сектѣ различіе отъ всѣхъ другихъ и одно передъ ними преимущество: узкія, опредѣлившіяся твердо основы сдержали секту въ крѣпкихъ границахъ отъ уклоненій въ враждебные другъ другу толки. Немногія изъ позднѣйшихъ прививокъ привились. Доведенная до крайняго предѣла, филиповщина дальше не могла расплываться и замерла, а затѣмъ сталось такъ, что всѣ скрытники, гдѣ бы ни жили — теперь едино стадо.

VI.

Успѣхъ записки Евтихія, основанный на случайныхъ находкахъ, имѣлъ, собственно, мѣстный характеръ новизны и, напрасно придавалось ей большое значеніе, потому что существуетъ бо-

[illegible]

[illegible]

время останавливають занесенный надъ жертвою ножъ, и не разобрала праваго отъ виновнаго. Не распознали и не поняли, что старовѣры вели ту же работу и тѣми же орудіями и способами, какими прежніе давніе люди колонизировали необитаемыя мертвыя страны, и накопленныя вновь слободы срыты съ лица земли. Разсѣянные и распуганные насельники разбрелись на одиночныя работы, съ разрозненными силами, въ скитахъ и вертепахъ, чтобы аскетическую жизнь съ озлобленнымъ сердцемъ признать за идеалъ жизни, а безпокойныя передвиженія въ виду новыхъ опасностей—за неизбѣжный подвигъ спасенія души и тѣла.

Когда Петръ Великій многими указами вызывалъ разбѣжавшихся и скрывшихся старовѣровъ, обѣщая имъ разнаго рода льготы, многіе изъ филиповскаго согласія возвратились и записывались въ двойной раскольничій окладъ; другіе продолжали скрываться въ лѣсахъ, рѣшившись не сообщаться ни съ кѣмъ изъ записавшихся въ ревизію или въ раскольники. Образовались, такимъ образомъ, «бѣгствующіе христіане, бѣгствующая церковь». Иванъ Филиповъ въ своей «Исторіи выговской пустыни» указалъ на многихъ представителей ея, среди которыхъ не мало людей замѣчательнаго характера, постоянства и терпѣнія. Самое большое количество ихъ скрывалось въ лѣсахъ около Твери и въ Сибири и меньшая часть около Новгорода. Слѣдственная комиссія при Екатеринѣ II-й, учрежденная для сыска раскольниковъ, дѣйствовала такъ усердно и ревностно, что бѣгствующая церковь увеличилась еще больше. Съ Урала, напримѣръ, отъ тамошнихъ заводчиковъ послышались даже жалобы на остановку работъ по сплаву желѣза и проч. по причинѣ сильныхъ побѣговъ рабочихъ: не кому было доставлять транспорты, возить руду, кирпичъ, дрова. «Бѣгствующая церковь» усиливалась и укрѣплялась. Въ деревнѣ Шарташи образовался главный притонъ; въ Каменской волости перекрещеный дьяконъ Ѳедоръ Аѳанасьевъ Космаковъ, бѣжавшій отъ розысковъ комиссіи въ 1761 году въ Тюменскій округъ, выстроилъ такъ-называемую «пашенную избушку—скитъ, населившійся набожными стариками и даже бѣглыми. Эти люди, въ особенности бѣглые съ каторги, затѣмъ и оставляли немилыя мѣста, чтобы найти теплыя и укромныя, гдѣ бы, въ самомъ дѣлѣ, можно было скрываться подъ видомъ ли рабочихъ на заимкахъ, подъ именемъ ли иноковъ и отшельниковъ по скитамъ. Вольные бродяги съ вольныхъ работъ на Уралѣ и ссыльные бродяги съ каторжныхъ работъ въ Сибири еще съ самаго начала прошлаго вѣка живали въ лѣсахъ бѣгунами и были настоящими скрытниками. Космаковъ зналъ это лучше другихъ и потому дѣйствовалъ рѣшительно, набирая подъ свои законы,

правила и вѣру свободный гулящій народъ. Космаковъ—по филиповщинѣ—не молился за властей, совѣтовалъ скрываться отъ людей и всего міра и «скитаться, удаляясь всѣми мѣрами изъ своей страны отъ родныхъ и всего племени въ пустыню», въ особенности отъ ревизіи и платежа податей, которыя тогда были двойныя. Эту вѣру сибиряки умѣли отдѣлить отъ прочихъ и послѣдователей ея прозвали пашенными и скитальцами, грядущаго взыскующими. Послѣ всякаго оскверненія (общенія съ міромъ), пашенные завели крещеніе: поѣлъ чужой пищи—купайся, вновь крестись; прикасался къ чужому, товаръ руками перебиралъ, на чужой телегѣ проѣхалъ, изъ дороги вернулся — опять крестись: иди въ баню, полѣзай въ рѣку, въ прорубь, для очищенія души; а того лучше—умертви себя голодомъ или огнемъ. Многіе уходили «въ ямки»: на-скоро вырывали большую яму, такую, чтобы можно было стоять, сидѣть, лежать и молиться. Жившіе въ селеніяхъ, чтобы скрыться отъ иродовъ, выкопали подземные ходы. Когда гоненія кончились и надъ космаковскимъ скитомъ взыграло солнышко, стало изъ скита 15 новыхъ—образовалась слободка (которая и до сихъ поръ называется Космаковой); купцы тюменскіе стали посылать милостыню, сосѣди — кормить; пристроилась такимъ образомъ и вторая половина ревнителей секты — страннопріимцы и христолюбцы. Появилось на свѣтъ даже цѣлое сказаніе, извѣстное подъ именемъ «Тюменскій странникъ». Въ 1812 году Космаковъ, среди молитвъ за грѣхи купеческіе, умеръ, а съ нимъ и духъ ученія отлетѣлъ. Удержался онъ въ деревняхъ Овчинниковой и Семяхиной на р. Пегени и въ деревнѣ Лужбиной на р. Липкѣ. Выдаютъ за вѣрное, что есть бѣгуны даже на островахъ большаго озера Чановъ. Ихъ розъискиваютъ, но по розыскамъ не оказывается; общества до новой ревизіи за нихъ платятъ, при новой переписи исключаютъ, какъ находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ. Извѣстны они христолюбцамъ: если полиція и бдитъ, то они стерегутъ себя еще неусыпнѣе, агенты ихъ зорки. Паспорты отвергаютъ за изображаемый на нихъ государственный гербъ, какъ печать антихристову. Были такіе въ Утятской волости, водились въ мѣстности, гдѣ сходятся уѣзды Ишимскій, Курганскій и Ямуторовскій и куда наѣзжали наставники съ Урала; бывали легонькіе соборы, съѣзжались старики за благословеніемъ и наставленіями; но и тутъ и тамъ теперь стало меньше и даже въ самой Тюмени осталось ихъ немного. Остаются овцы безъ пастыря: Космаковъ сдерживалъ, но не закрѣпилъ, а новаго Евфимія сюда долго не являлось. Не являлось такого человѣка, который бы не новое выдумывалъ, не свѣжее стряпалъ, а старые остатки собралъ, разобралъ,

привелъ въ порядокъ, разогрѣлъ и предложилъ испробовать тѣмъ, у кого есть охота.

На готовое (не новаторомъ, а реформаторомъ) явился Евфимій въ другой странѣ, въ иныхъ дальнихъ лѣсахъ пошехонскихъ, и сдѣлалъ то, чего не сдѣлали въ Сибири, хотѣли сдѣлать и неумѣли до него въ Сопѣлкахъ. Однако, ему и здѣсь попался осталецъ бѣгствующей церкви Иванъ, который давно убѣгалъ отъ міра и непосѣдливо скитался по лѣсамъ изъ мѣста въ мѣсто. Словомъ, уже до него все подходящее къ дѣлу было: весь горючій матеріалъ лежалъ на-готовѣ да былъ раскиданъ, оставалось собрать его въ кучу и зажечь. Онъ и зажегъ: зачадило и задымило, и головешки съ пожара выбрасывались, и галки полетѣли, перебросило и туда, гдѣ этого совсѣмъ не ожидали, но гдѣ опять-таки лежали запасы взрывчиваго и скоропалительнаго снадобья, гдѣ, однимъ словомъ, удержался филиповскій раскольничій толкъ. Вышло теперь на то, что гдѣ эта секта тверда и многолюдна, т. е. связи съ сосѣднимъ и окружнымъ міромъ надорваны, тамъ вездѣ бѣгство отъ міра и скитанье по пустынѣ полюбилось и странническое ученіе нашло пріютъ и послѣдователей. Нѣтъ только въ тѣхъ мѣстахъ, куда не дошли слухи, не забрели поджигатели, но лишь нашелся досужій учитель — подобрались тотчасъ и охотливые ученики, хотя въ небольшомъ числѣ, однако, въ такомъ, что возбуждаютъ вниманіе и любопытство къ сектѣ, не исчезающей, но живущей и дѣйствующей.

Для ярославскихъ филиповцевъ не доставало Евфимія, а по смерти его погодилась даже и Орина Өедорова, не отставшая отъ своего друга во всѣхъ дальнихъ и трудныхъ скитаньяхъ. Этой же Орины, съ помощію другой товарки (Доминики) и бѣглаго филиповца изъ села Краснаго (Костромской губерніи и уѣзда), Родіона Михайлова, достаточно было, чтобы сопѣлковская вѣра укоренилась около Саратова, съ укрывательствомъ въ садахъ и окрестныхъ буеракахъ, а потомъ и за Астраханью, въ каспійскихъ камышахъ, съ притонами на рыбныхъ ватагахъ по островамъ и прибрежьямъ [1]. Пойманной, сужденной и сослан-

[1] Одно время сюда, въ Камыши до Узеней и въ устья р. Урала, особенно сильны были стремленія скрытниковъ, когда прошелъ между ними слухъ, что на мѣстѣ Каспійскаго Моря явится новый Іерусалимъ, а міръ Божій явственно распался на два міра: Господній (страннический) и сатанинскій (изо всѣхъ остальныхъ). Въ малонаселенныхъ Жигулевскихъ по Волгѣ Горахъ (Симбир. и Самар. Губ.), еще въ 1830 г. жили уже на этомъ вѣрованіи въ пещерахъ 8 человѣкъ, скрывавшіеся прежде въ пошехонскихъ лѣсахъ, т. е. тѣ же скрытники. Около того же времени и нѣсколько позднѣе, такіе же скрытники найдены были въ Пермской Губерніи, а также открыты признаки скрытниковъ во Владимірской Губерніи, въ Оренбургской и Архангельской.

ной въ Сибирь Доминикѣ Андреевой съ успѣхомъ удалось поапостольствовать на мѣстѣ поселенія въ слободѣ Кіѣ (теперь городъ Маріинскъ, Томск. Губ.). Между костромскими филиповцами, около Вичуги (Кинешем. Уѣзда) и въ уѣздѣ Нерехотскомъ и Костромскомъ [1] Яковъ Яковлевъ, въ устюженскихъ лѣсахъ (Новгор. Губ.) поддерживалъ сопѣлковскую вѣру Марко, въ Москвѣ Иванъ Юдичъ, въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ Василій (или Дмитрій Егоровъ); въ вологодскихъ лѣсахъ клалъ починъ знаменитый Никита Семеновъ; въ каргопольскихъ сюземкахъ—Савва Александровъ и его послѣдователь Владиміръ, Никаноръ Дмитріевъ и другіе; въ балахнинскихъ и семеновскихъ чернораменныхъ лѣсахъ Ѳедоръ Ивановъ; въ Тверской Губерніи, въ корчевскихъ и калязинскихъ перелѣсьяхъ, Ермогенъ Кузьминъ, посѣявшій потомъ сѣмена секты въ Дмитровскомъ Уѣздѣ (Моск. Губ.); въ Кунгурѣ и Тюмени, въ недавнее время, между сибиряками опять заварилъ сопѣлковское дѣло бѣглый казакъ, Никита Овчинниковъ; всѣ, впрочемъ—одного гнѣзда птенцы. Всѣ они—ставленики сопѣлковскихъ наставниковъ, прямые лѣторосли отъ самаго матераго корня—Евфимія съ поразительнымъ сходствомъ признаковъ даже до мельчайшихъ подробностей и безъ всякихъ разновидностей, какъ то и быть слѣдуетъ.

Чтобы совсѣмъ покинуть міръ, возненавидѣть его до такой степени, чтобы не допускать его себѣ на глаза, надобились сильные толчки и учащенные удары отъ этого міра безъ пощады и отдыха. Съ Евфиміемъ и его послѣдователями такъ и случилось.

Сначала судьба выводила Евфимія на веселую жизнь архіерейскаго пѣвчаго, съ уваженіемъ, угощеніями и подарками отъ купечества, давнихъ и завѣдомыхъ любителей благолѣпія божіихъ храмовъ и боголѣпной обстановки богослуженій, съ почетомъ и ласками, и опять съ угощеніемъ и подарками отъ духовенства, въ особенности при объѣздахъ епархіи, когда и пѣвчій дѣлается человѣкомъ опаснымъ и нужнымъ. «Среди игры, среди забавы, среди благополучныхъ дней» (по словамъ любимой свѣтской пѣсни духовныхъ), беззаботная жизнь могла бы казаться счастьемъ, пока не спадетъ голосъ, да и на этотъ несчастный случай за архіерейскимъ пѣвчимъ всегда привилегированное право на дьяконское мѣсто въ губернскомъ городѣ, на священ-

[1] Извѣстная деревня Коробово, населенная потомками Ивана Сусанина, почти вся состояла изъ христолюбцевъ: удобно было имъ дѣлать это вслѣдствіе различныхъ дарованныхъ бѣлопашцамъ обильныхъ льготъ, и, между прочимъ, освобожденія отъ надзора мѣстной полиціи, не имѣвшей права, безъ особаго разрѣшенія, въѣхать въ эту деревню.

ническое въ хорошемъ селѣ. Евфимію этого счастья судьба не судила: на 21 году отъ роду, въ первый наборъ послѣ 3-й ревизіи (при Екатеринѣ II), его забрили въ солдаты: съ пѣвучаго клироса бросили въ грязную казарму, изъ беззаботно-веселой пѣвческой семьи въ строго и сумрачно-налаженную или отчаянно съ горя запивающую на распашку и до послѣдней нитки солдатскую. Вмѣсто ласково-заискивающаго регента — съ кулакомъ въ носъ, съ шомполомъ въ зубы ундеръ, и вытягиваетъ, и подтягиваетъ и не жалѣетъ тумаковъ, и не обращаетъ вниманія на синяки; и жаловаться нельзя, и возражать не смѣй, и разсужденіе, работа ума признается смертельнымъ грѣхомъ, несмываемымъ преступленіемъ. Переходъ слишкомъ рѣзокъ и невыносимъ для такого человѣка, который, съ малыхъ лѣтъ, возъимѣлъ пристрастіе къ книжному наученію и пріучилъ свой умъ къ философской работѣ, пользуясь богатыми природными способностями. Горячее сердце подсказало выходъ на торную дорожку побѣга изъ службы, а обстоятельства жизни на неизбѣжное скитанье и на неизбывное укрывательство, безъ паспорта, съ перемѣной имени, на теплое время, въ лѣсахъ, около жильевъ, на холодное—гдѣ-нибудь у сердобольныхъ благодѣтелей, которые бы признали за своего, приняли и поберегли.

Съ древнѣйшихъ временъ у послѣдователей выгорѣцкаго учителя Филиппа (въ монашествѣ Фотія, въ мірѣ—также бѣглаго московскаго стрѣльца), у филиповцевъ для такихъ страдальцевъ открытое сердце, для такихъ скитальцевъ надежный пріютъ, если и въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ въ томъ, что антихристъ съ первой ревизіи явно и необлыжно народился и, очевидно, выразился и въ капралѣ, и въ генералѣ, и въ сургучной печати на паспортѣ, если, и въ самомъ дѣлѣ, возненавидѣлъ тебя міръ и ты его возненавидѣлъ до того, что не стерпѣлъ житейскихъ правилъ и порядковъ его.

Вотъ мы нетолько въ питьѣ и пищѣ, но и въ молитвахъ, живя на міру, съ мірскими не сообщаемся, а чтобы совсѣмъ отдѣлиться—и самое крещеніе повторяемъ зановo, для полнаго очищенія отъ мірскихъ оскверненій, и нетолько въ церковь не ходимъ, но боимся и въ тѣнь ея встать, и не только стариннаго письма иконамъ не молимся, но и изъ нихъ выбираемъ тѣ лишь, которыя кому больше полюбятся и имъ однимъ поклоняемся. Могущій вмѣстить все это—отворяй двери, входи, прими новое крещеніе, выбирай свою икону, выбирай себѣ любую бабу. Браковъ не признаемъ и не вѣнчаемся, а положили даже такъ, что—если и женатый къ намъ присоединится, то жена его, какъ бы блудница, и можетъ онъ лазить къ ней только черезъ

окно, въ темную пору, и то такъ, чтобы никто того не примѣтилъ. Если и невинности дѣвица лишилась, да поклонилась родителямъ въ ноги: «простите-де меня, я въ упаденье пала», мы на это строго не смотримъ, обходимся опять одной эпитиміей: отъ пищи отлучимъ—ѣшь послѣ всѣхъ, на лѣстовки поставимъ и затѣмъ зла не помнимъ. Не тяжелы наши правила, хотя и строги, но всякъ снести можетъ, если человѣкъ трезвый, владѣетъ силой воли, а пристрастному къ ученью и чтенію у насъ просторъ столь же великъ, какъ и повсюду.

Евфимій принялъ вторичное крещеніе, выбралъ изъ пяти женщинъ, прилѣпившихся къ нему, одну, бѣглую крестьянку (Кашинскаго уѣзда, Тверской Губ.), Орину Ѳедорову, вступилъ съ нею въ сожительство, не измѣнивъ ей до конца жизни, и подчинился всѣмъ обычаямъ и обрядамъ филиповщины. Подчинился же онъ съ тѣмъ рвеніемъ и энергіею, которыя сразу выдѣлили его изъ толпы и объявили въ немъ человѣка замѣчательнаго ума и характера. Съ фарисейскою набожностію, прикрывшею массу пороковъ, съ развратомъ филиповцевъ, онъ, однако, сдружиться и сжиться не могъ, и, какъ только обнаружился поводъ и выдался случай тяжолаго личнаго оскорбленія и задѣтаго самолюбія, онъ задумалъ разрывъ, основанный естественно на обличеніяхъ рѣзко выдающихся недостатковъ. Привелось опять скитаться и въ созерцательной уединенной жизни искать спасенія и утѣшенія. Пытливому и живому уму, настроенному чтеніемъ отъ писаній, удалось уподобить свою жизнь жизни первыхъ христіанъ, удалявшихся изъ городовъ и неимѣвшихъ гдѣ приклонить главу. Достиженіе идеала первобытной христовой церкви (къ чему впослѣдствіи стремились и другіе сектаторы, какъ-то: духоборцы, молокане и въ особенности, изъ послѣднихъ, секта Общихъ) стало теперь для Евфимія на первомъ планѣ, и если не удалось ему приблизиться подобіемъ къ ней настолько, насколько умѣли сдѣлать это, напримѣръ, Молокане Общіе, то потому лишь, что слишкомъ свѣжо и сильно было въ немъ вліяніе ученія филиповцевъ. Къ тому же между ними ему привелось дѣйствовать и среди ихъ пріобрѣсти первыхъ послѣдователей.

Счастливый примѣръ и удачный образецъ Евфимія выразился и въ его послѣдователяхъ и преемникахъ съ поразительнымъ сходствомъ даже и въ отдаленныхъ подробностяхъ.

Бѣглые кантонисты, бѣглые солдаты, озлобленные палками и розгами на плацпарадахъ и въ казармахъ, и въ виду грозящихъ ужасовъ отъ шпицрутеновъ за самовольную отлучку и легкую прогулку, являются первыми послѣдователями и самыми энерги-

ческими проповѣдниками сопѣлковской вѣры Евфимія. Таковы изъ кантонистовъ: Климентъ Ивановъ, около Сопѣлокъ, Ѳедоръ Ивановъ Кривой, около Кинешмы и Вичуги и въ заволжскихъ лѣсахъ Макарьевскаго и Семеновскаго Уѣздовъ; изъ бѣглыхъ солдатъ: Евстафій Дмитріевъ, преемникъ и товарищъ Криваго, около Вичуги, Иванъ Абрамовъ Бурловъ, въ Корчевскомъ и Калязинскомъ Уѣздахъ, Тверской губ., Дмитрій Яковлевъ въ пошехонскихъ лѣсахъ, бѣглый казакъ Никита Овчинниковъ въ Сибири, около Кунгура и особенно въ городѣ Тюмени, и Савва Александровъ, изъ бѣглыхъ солдатъ съ монетнаго двора, около Каргополя, съ другомъ Владиміромъ, и т. д. [1] И точно также, съ примѣра и образца евфиміева, всѣ они, дѣйствуя вмѣстѣ и порознь, вели дѣло пропаганды съ неизбѣжнымъ участіемъ и всегда готовою помощію женщинъ: бродили въ лѣсахъ и скрывались въ подземельяхъ веселыми пàрами безбрачныхъ сожителей. И опять точно также, по завѣту перваго учителя и его неизмѣнной спутницы, подслащали тяжелую жизнь помощью, гостепріимствомъ и подаяніями отъ благодѣтелей (христолюбцевъ, жиловыхъ христіанъ, странноприіимцевъ, пристанодержателей), оставшихся на міру въ теплыхъ домахъ и на сытой пищѣ: торгующихъ крестьянъ, достаточныхъ купцовъ, богатыхъ и именитыхъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Еще самъ Евфимій пользовался дружбою и хлѣбомъ-солью и подолгу гащивалъ въ домѣ извѣстной не только въ самомъ Ярославлѣ, но и въ отдаленныхъ торговыхъ русскихъ мѣстахъ купчихи Пастуховой. Уже Орина Ѳедорова, преемница Евфимія и его вѣрная подруга, съумѣла заинтересовать въ дѣлахъ секты и ея ученіи такого полезнаго пособника, какъ крестьянинъ Петръ Крайневъ, перекрещенный въ Севастьяны. Севастьянъ успѣлъ ввести въ вѣру новый догматъ, дозволявшій быть и именоваться «христовыми людьми» не однимъ только лѣснымъ и подпольнымъ скитальцамъ. Поборниками вѣры стали считаться и тѣ, которые остались жить на міру и готовы были посылать въ лѣса деньги и припасы, кормить, одѣвать и поддерживать странниковъ всѣмъ нужнымъ, давать имъ убѣжище отъ морозу, остерегать и охранять отъ пре-

[1] Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что граматные солдаты, сдѣлавшіеся дезертирами и не пожелавшіе отдаться всѣмъ случайностямъ бродячей жизни, внесли въ нашъ расколъ значительную долю вліянія, выразившуюся въ крайностяхъ ученій и странностяхъ толковъ. Вездѣ, гдѣ рѣзкость и рѣшительность отрицанія успѣла характерно заявиться, тамъ убѣжавшіе съ поля воины немедленно пристраивались не въ качествѣ слѣпыхъ послѣдователей, а въ значеніи продолжателей съ наиболѣе рѣзкими оттѣнками, съ непримиримымъ озлобленіемъ. Какъ въ средѣ скрытниковъ, такъ въ особенности въ сектахъ раціоналистовъ духоборовъ, молоканъ и субботниковъ бѣглые солдаты являются главными воротилами во главѣ религіозныхъ движеній.

слѣдователей и творить иныя дѣла на пользу и поддержаніе вѣры.

Объявилась въ толкѣ новая група послѣдователей и исповѣдниковъ, закрѣпившая и упрочившая бытіе его. Богатый ярославскій шубникъ пособилъ сопѣлковскимъ укрѣпиться въ Саратовѣ; купчиха 1-й гильдіи Марья Шапошникова, въ Москвѣ; богатые фабриканты, громкіе извѣстностью на всѣхъ азіатскихъ рынкахъ вплоть до Китая, Коноваловы, Кобылевы, Миндовскіе и Разореновы—около Вичуги (Костр.) и Иванова (Влад.), богатый крестьянинъ Прохоръ Григорьевъ—около Дмитрова (Моск. губ.), сибирскіе торговцы Рѣшетниковъ и Опрокидниковъ—около Тюмени. Опираясь на нихъ и руководясь преемственно наставниками изъ Сопѣлокъ, росла Евфиміева вѣра и особенно усилилась и оживилась въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Тогда вышли за нее на враговъ ярославскіе мѣщане, три брата Кувшиновы, и въ особенности рыбинскій крестьянинъ Меркурій Семеновъ Киселевъ, перекрещенный въ Никиту Семенова. До 1855 года, въ теченіи 30 лѣтъ, онъ былъ истиннымъ ревнителемъ и изряднымъ поборникомъ по Евфиміѣ, предвосхитившимъ его славу и затмившимъ самую память [1].

Этому дѣятелю раскола судьба судила выдти изъ того же подвижнаго и бродячаго ремесленнаго сословія деревенскихъ портныхъ или швецовъ, изъ котораго, по крайней случайности, вышелъ и основатель молоканской секты Семенъ Матвѣичъ Уклеинъ. И по той же случайности, какъ и Евфимій, онъ изъ православныхъ поступилъ въ науку раскола также къ филиповцамъ и также довершалъ свое воспитаніе въ Москвѣ, на Преображенскомъ Ѳедосѣевскомъ кладбищѣ. Отсюда пріѣзжій сопѣлковскій странникъ сманивалъ его въ пошехонскіе лѣса, посовѣтовавъ ему «рѣшительно бросить весь міръ, оставить отца и мать и проч., и жить въ пустыняхъ, какъ и святіи творили» (говоритъ онъ самъ въ своемъ судебномъ показаніи). Но онъ, послѣдовавъ примѣру Евфимія, отправился въ глушь Поморскаго Края, на знаменитое въ пустынныхъ странствіяхъ большое (80 верстъ длины и 30 ширины) озеро, Топъ-озеро, [2] гдѣ и просвѣтился крещеніемъ съ переименованіемъ въ Никиты. Съ Топъ-озера Ни-

---

[1] Прекрасное изслѣдованіе о немъ и живо нарисованный образъ этого пропагандиста страннической секты можно прочесть въ «Вѣстникѣ Европы», 1872 г., книга 12, въ статьѣ А. И. Розова: «Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ».

[2] Посреди (Арханг. губ., Кемск. Уѣз.) Топъ-озера находится островъ и на немъ существовалъ мужской филиповскій монастырь, а на западномъ берегу озера—такая же пустынь для женщинъ.

кита съ товарищами углубился еще дальше, на рѣку Буду, въ пустынь, зависѣвшую отъ Топъ-озера, къ неизвѣстному «славному» иноку, а отъ него перебралися на третье мѣсто, уже къ самой норвежской границѣ. Только послѣ 15-ти-лѣтняго скитанья въ поморскихъ лѣсахъ, онъ рѣшился добраться до превознесенныхъ и препрославленныхъ пошехонскихъ. Здѣсь также, по закону Евфимія, изъ двухъ, сдружившихся съ нимъ келейницъ, выбралъ одну дѣвицу, старшую сестру Варвару Дмитріеву, которая и придержала за нимъ и на его имя хоронушку въ своемъ домѣ, въ деревнѣ Романовскаго Уѣзда. Отсюда и успѣхъ его проповѣди; здѣсь и первые быстрые шаги къ славѣ, и также, съ примѣра и въ подражаніе Евфимію, долговременная работа надъ писаніями и сочиненіями, среди которыхъ и надъ злобнымъ «Малый образъ ересѣмъ». Отсюда Никита перебрался въ сосѣднія мѣстности Вологодской Губерніи, гдѣ въ короткое время свилъ новое гнѣздо сопѣлковскому ученію. Отсюда хаживалъ онъ на соборы въ Сопѣлки, побывалъ въ Плесѣ и Ярославлѣ, снова добрался до Москвы, погостилъ на Таганкѣ и на Арбатѣ, вернулся назадъ. Здѣсь же въ Вологдѣ въ 1854 году былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, какъ лакомый кусъ для судебнаго слѣдствія, какъ дорогой звѣрь, за которымъ давно полевали и доѣздами, и облавами, который, какъ матерой волкъ, рыскалъ по лѣсамъ и по задворьямъ, къ великому общему изумленію, уже *тридцать* лѣтъ.

Не въ становой квартирѣ, не въ земскомъ судѣ кое-какъ и на-скоро производили допросъ и изслѣдованія, но особой коммиссіей, въ которую присланъ былъ изъ самаго Петербурга чиновникъ, и чиновникъ не простыхъ, а особенныхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ, искусившійся на раскольничьихъ дѣлахъ и на сопѣлковской сектѣ до тонкостей. Травленый волкъ Никита пробовалъ было притулиться и не сказываться, но старый ловецъ съумѣлъ хитро вынудить его давать такіе отвѣты по вѣрѣ, которые слово въ слово записаны имъ прежде въ его же сочиненіи, извѣстномъ слѣдователю: «Малый образъ ересѣмъ». Вызванный на откровенность и не желавшій вполнѣ высказаться изъ личныхъ разсчетовъ на будущую безопасность, Никита не указалъ сообщниковъ и учениковъ, не открылъ притоновъ и именъ покровителей, но, все-таки, за долгое время скитаній, разсказать могъ многое. Онъ повѣдалъ много новаго, интереснаго и поучительнаго, да и спохватился. Заявленіемъ желанія присоединиться къ православію онъ намѣревался предотвратить бѣду отъ болтливости. Однако, бывалые на подобныхъ травляхъ и охотахъ ему не повѣрили: держали его въ засадѣ и осадѣ, не

смотря на то, что Никита исповѣдался и пріобщился и назначенъ былъ на жительство въ мѣстѣ родины. Рѣшено было изъ вологодской тюремной засады перевезти его въ болѣе крѣпкую и надежную—Соловецкую. На дорогѣ туда онъ опять притулился, былъ ласковъ съ проводниками и, улучивъ благопріятное время, бѣжалъ. Скрывался въ лѣсахъ, былъ пойманъ и привезенъ въ Соловки. Здѣсь опять онъ прикинулся: запросился въ монахи, приготовился къ постриженію, выпущенъ былъ изъ каземата, походилъ по волѣ по монастырскому двору, осмотрѣлся и опять исчезъ изъ виду, а черезъ десять лѣтъ послѣ того (въ 1866 году) снова странствовалъ по Россіи и скрывался въ лѣсахъ болѣе вѣрными и надежными способами. Живъ онъ и теперь, на 75 году жизни; но попалъ ли, какъ хотѣлось ему передъ первой поимкой, въ Каргополь—мы не знаемъ. Знаемъ навѣрное только то, что его туда звали и ждали (посылали нарочнаго) и что отправленъ имъ вмѣсто себя ученикъ Савва Александровъ, который ужь успѣлъ было принять крещеніе въ секту отъ пошехонца Ивана Петрова—пустынника, но вновь перекрещенъ былъ или, какъ говорятъ, исправленъ въ Ярославлѣ самимъ Никитой Семенычемъ.

Послѣдуемъ за нимъ и мы туда же, такъ какъ странническая вѣра—тамъ новость; слѣды ея свѣжи и ясны, будучи наложены и проложены всего только 20 лѣтъ тому назадъ: можно походить и полюбопытствовать.

И такъ—опять на дальній сѣверъ, за недоговореннымъ и недосмотрѣннымъ съ подмогою добраго человѣка, пристально присмотрѣвшагося ко всему тому, чего ради начатъ разсказъ нашъ. На этотъ разъ, со старыми воспоминаніями и подновленными новымъ запасомъ свѣдѣніями, пойдемъ на нашъ любопытный сѣверъ прямо въ лѣсныя трущобы, въ глухіе и сплошные дремучіе лѣса, называемые тамъ сюземами или сюземками, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни тропъ, гдѣ ходятъ пѣши или ѣздятъ только верхами, направляя путь по звѣздамъ. Здѣсь, какъ древле поселились люди новгородскаго племени и обычая по прибрежьямъ рѣкъ, такъ живутъ и теперь по этимъ рѣкамъ и рѣчкамъ и по берегамъ озеръ, пугливо избѣгая и сторонясь отъ темныхъ сюземовъ, мокрыхъ и негостепріимныхъ лѣсовъ; живутъ стариной, ревниво ее охраняя, и патріархальными обычаями, и вѣрованіями, о которыхъ въ иныхъ мѣстахъ уже давно забыли думать.

ЖАКЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ НРАВЫ.

Альфонса Додэ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Эндре.

— Взгляните-ка сюда, старичина Жакъ, это ли не великолѣпіе? говорилъ Лабассендръ мальчику, театральнымъ жестомъ указывая на Луару, по которой они плыли въ лодкѣ, нѣсколько повыше Пенбёфа. Какъ ни напыщенъ былъ этотъ восторгъ, но онъ оправдывался прелестнымъ видомъ, представлявшимся глазамъ ихъ.

Было около четырехъ часовъ пополудни. Лучи іюльскаго солнца,—солнца, какъ будто изъ расплавленнаго серебра, сверкали въ волнахъ. Въ воздухѣ стоялъ какой-то серебристый туманъ, въ которомъ вся эта дѣятельная, безмолвная жизнь рѣки являлась подобно миражу. Въ отдаленіи мелькали желтоватые паруса. Большія барки, нагруженныя до-верху бѣлой, блестящей солью, шли изъ Нуармутье, съ экипажемъ въ оригинальныхъ бретонскихъ костюмахъ; на мужчинахъ были большія треуголки бретонскихъ солеваровъ, на женщинахъ головные уборы, спорившіе бѣлизной и блескомъ съ солью. Потомъ слѣдовали морскія суда, загроможденныя мѣшками съ хлѣбомъ и бочками; буксирные пароходы, тянувшіе за собой безконечный рядъ барокъ, или какой-нибудь трехмачтовый нантскій корабль, возвращавшійся изъ дальнихъ странъ, послѣ двухлѣтняго отсут-

ствія, двигавшійся медленно, почти торжественно, словно исполненный умиленія при видѣ родныхъ береговъ. И, несмотря на іюльскій жаръ, уже чувствовалось свѣжительное дыханіе морскаго вѣтра, говорившаго о близости безбрежнаго зеленаго океана, съ его пѣнистыми валами и бурями.

— А гдѣ же Эндре? спросилъ Жакъ.

— Вотъ онъ. Этотъ островъ, прямо противъ насъ.

Сквозь серебристый туманъ, окутывавшій островъ, Жакъ смутно увидалъ ряды большихъ тополей и длинныхъ трубъ, изъ которыхъ выходили клубы густаго, чернаго дыма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ услышалъ страшный, оглушительный шумъ, удары молота о желѣзо, то глухіе, то болѣе звонкіе, различно отдававшіеся на рѣкѣ, и какое-то постоянное, непрерывное пыхтѣнье, словно этотъ островъ былъ огромный пароходъ, остановившійся, но еще продолжавшій дѣйствовать своими колесами. По мѣрѣ того, какъ лодка приближалась, медленно, съ трудомъ, потому что приходилось плыть противъ теченія, ребенокъ различалъ длинныя зданія съ низкими крышами, съ почернѣвшими стѣнами, однообразно тянувшіяся во всѣ стороны, и на берегу рѣки безконечный рядъ огромныхъ котловъ, окрашенныхъ сурикомъ, красный цвѣтъ которыхъ производилъ фантастическій эффектъ. Транспортныя казенныя суда и паровыя лодки выстроились у набережной, ожидая, чтобы эти котлы втащили на нихъ съ помощью «журавля», стоявшаго неподалеку и походившаго на колоссальную висѣлицу.

У этой висѣлицы стоялъ человѣкъ и глядѣлъ на приближающуюся лодку.

— Это—Рудикъ, сказалъ пѣвецъ и во всю глотку рявкнулъ: «урра!», такъ что его можно было разслышать даже посреди оглушительнаго шума, выходившаго изъ мастерскихъ.

— Это—ты, братъ?

— Разумѣется, я, чортъ возьми! Развѣ есть на свѣтѣ еще такая нота, какъ моя?

Лодка причалила. Братья обнялись, крѣпко пожимая другъ другу руки. Они походили другъ на друга, но Рудикъ былъ гораздо старше и худощавѣе Лабассендра и не носилъ бороды.

— Ну, какъ поживаютъ твои? спрашивалъ пѣвецъ.—Кларисса, Зинаида и всѣ?

— Слава Богу, слава Богу. А! вотъ и новый ученикъ... премиленькій мальчикъ, только слабенекъ, кажется...

— Силенъ, какъ быкъ! Первые парижскіе доктора засвидѣтельствовали это.

— Тѣмъ лучше; ремесло-то наше, самъ знаешь, тяжелое. Теперь, если хотите, пойдемте къ директору.

Они пошли по длинной аллеѣ, усаженной прекрасными деревьями, которая привела ихъ къ улицѣ съ бѣлыми, чистенькими, совершенно одинаковыми домиками по обѣимъ сторонамъ; тутъ жили мастера, старшіе работники. Остальные помѣщались на противоположномъ берегу или на нижней Эндрѣ.

Въ этотъ часъ здѣсь царствовала глубокая тишина. Жизнь и движеніе сосредоточивались въ мастерскихъ, и, еслибы не бѣлье, сушившееся тамъ и сямъ, не цвѣты, стоявшіе на нѣкоторыхъ окнахъ, не крикъ ребенка или скрипъ люльки, порою слышавшіеся въ отворенную дверь, можно бы было подумать, что это—необитаемый кварталъ.

— А! флагъ спущенъ, сказалъ пѣвецъ, когда они подходили къ заводу:—Задавалъ онъ мнѣ, въ свое время, страху, этотъ проклятый флагъ!

И онъ объяснилъ «старичинѣ Жаку», что, пять минутъ спустя послѣ прихода рабочихъ, флагъ спускался: это означало, что двери завода заперты. Горе тѣмъ, кто опаздывалъ: ихъ записывали, какъ неявившихся и, послѣ третьей неявки, увольняли.

Между тѣмъ какъ онъ объяснялъ это, Рудикъ переговорилъ со сторожемъ, и ихъ пропустили на заводъ. Изъ безчисленныхъ, огромныхъ зданій, съ трехугольными крышами, расположенныхъ на отлогости, которую въ разныхъ направленіяхъ бороздили рельсы, несся страшный шумъ, визгъ и свистъ. Это былъ желѣзный городъ. Шаги раздавались звонко, потому что приходилось ступать по металлическимъ доскамъ, врѣзавшимся въ землю. Весь путь загроможденъ былъ грудами желѣзныхъ полосъ, свинками чугуна, мѣдными слитками, цѣлыми рядами негодныхъ, забракованныхъ пушекъ, привезенныхъ сюда для переплавки, заржавленныхъ снаружи, совсѣмъ черныхъ внутри и словно еще дымившихся. Старыхъ бойцовъ, повелѣвавшихъ огнемъ, ждала смерть отъ огня.

Рудикъ дорогой называлъ различныя мастерскія: «Вотъ это—котельная, это—сборочная, это—кузница, это—плавильная». Шумъ былъ такъ великъ, что ему приходилось кричать. Двери всѣхъ мастерскихъ, по причинѣ жары, были отворены, и Жакъ, пораженный, смотрѣлъ съ удивленіемъ на подымающіяся руки, на почернѣвшія лица, на движеніе машинъ въ глубокомъ, словно подземномъ мракѣ, порой озарявшемся красноватымъ пламенемъ. Изъ мастерскихъ несся запахъ каменнаго угля, жженаго желѣза и глины, вмѣстѣ съ неосязаемой, черной пылью, жгучей и

сохранявшей на солнцѣ металлическій блескъ, блескъ угля, который могъ сдѣлаться алмазомъ. Но что̀ придавало всей этой работѣ характеръ быстроты, спѣшности, не переводящей духу, такъ это—непрестанное колебаніе, сотрясеніе почвы и воздуха, какъ будто подъ заводомъ заперли какого-нибудь громаднаго звѣря, дѣлающаго постоянныя усилія и котораго жгучее дыханіе и жалобу извергаютъ эти раскрывшія пасть свою трубы. Изъ боязни показаться черезъ-чуръ наивнымъ новичкомъ, Жакъ не спросилъ, отчего происходитъ этотъ шумъ, поразившій его еще издали.

Вдругъ они очутились передъ стариннымъ за̀мкомъ, временъ Лиги, мрачнымъ, съ большими башнями по угламъ, и совсѣмъ почернѣвшимъ отъ дыма.

— Вотъ мы и въ управленіи, сказалъ Рудикъ. Ты войдешь? прибавилъ онъ, обращаясь къ брату.

— Конечно. Почему не повидаться съ «обезьяной» и не показать ей, что, несмотря на ея предсказанія, изъ насъ кое-что̀ вышло... что мы тоже не лишены шика... И онъ рисовался въ своей зеленой бархатной курткѣ, гордясь своими желтыми сапогами и дорожной сумкой на перевязи. Рудикъ не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго возраженія; но онъ былъ видимо стѣсненъ. Они прошли нѣсколько маленькихъ, неправильныхъ, темноватыхъ комнатъ, гдѣ служащіе писали, не подымая головы. Въ послѣдней комнатѣ, человѣкъ, съ строгой, холодной наружностью, сидѣлъ за конторкой, у высокаго окна.

— А! это вы, Рудикъ.

— Да̀ г. директоръ, я пришелъ представить вамъ новаго ученика и поблагодарить васъ...

— Такъ вотъ оно, это маленькое чудо! Здравствуй, дружокъ. Говорятъ, у тебя есть призваніе къ механикѣ? Это очень хорошо.

Потомъ, вглядѣвшись въ ребенка попристальнѣе, онъ прибавилъ:

— Но знаете что̀, Рудикъ?.. онъ смотритъ совсѣмъ не крѣпкимъ. Не боленъ ли онъ?

— Нѣтъ, г. директоръ! Меня увѣряютъ, напротивъ, что онъ необыкновенно силенъ.

— Необыкновенно! повторилъ Лабассендръ, выступая впередъ. Замѣтивъ удивленный взглядъ директора, онъ счелъ нужнымъ напомнить ему о себѣ и разсказать, что онъ шесть лѣтъ тому назадъ оставилъ заводъ и поступилъ на нантскій театръ, а оттуда въ парижскую оперу.

— О! я васъ отлично помню, отвѣчалъ директоръ самымъ ин-

дифферентнымъ тономъ и тотчасъ же всталъ, какъ бы для того, чтобъ покончить разговоръ.

— Уведите своего ученика, Рудикъ, и постарайтесь сдѣлать изъ него хорошаго работника. На васъ я могу положиться.

Пѣвецъ, раздосадованный тѣмъ, что не произвелъ эффекта, ушелъ не въ духѣ. Рудикъ, оставшись наединѣ съ директоромъ, обмѣнялся съ нимъ еще нѣсколькими словами, сказанными вполголоса. Послѣ этого, всѣ трое оставили управленіе, различно настроенные. Жакъ раздумывалъ объ этихъ словахъ «онъ не довольно крѣпокъ», которыя каждый повторялъ ему съ самаго пріѣзда его. Лабассендръ переваривалъ свое униженіе. Рудикъ также казался озабоченнымъ.

— Не сказалъ ли онъ тебѣ чего-нибудь непріятнаго? спросилъ Лабассендръ брата дорòгой.—Онъ смотритъ еще бòльшей собакой, нежели въ мое время.

— Совсѣмъ нѣтъ. Онъ говорилъ со мной о Шарлò; о сынѣ нашей бѣдной сестры, который не мало причиняетъ намъ огорченій.

— Шарлò причиняетъ вамъ огорченія? спросилъ пѣвецъ:— Чтòжь онъ такое дѣлаетъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ умерла его мать, онъ совсѣмъ избаловался: играетъ, пьетъ, дѣлаетъ долги. А между тѣмъ, онъ заработываетъ хорошія деньги въ рисовальной мастерской. Во всемъ Эндре не найдешь такого рисовальщика. Но чтò съ нимъ подѣлаешь? Проигрываетъ все въ карты. Должно быть, не въ силахъ совладать съ собой; потому что всѣ мы его урезонивали— и я, и жена моя, и директоръ. Плачетъ, убивается, обѣщаетъ, что больше не будетъ, а только получитъ жалованье—смотришь, ужь онъ опять въ Нантѣ, и опять за картами. Сколько разъ я платилъ за него. Но ужь теперь, баста! не могу больше, кàкъ онъ хочетъ. У меня свое хозяйство, семья; вотъ Зенаида—невѣста; надо ее пристроить. Бѣдняжка! какъ я подумаю только, что хотѣлъ отдать ее за Шарлò. Счастлива бы она была теперь. Впрочемъ, она сама не захотѣла; несмотря на то, что онъ красавецъ и такой подлипало, что страхъ! Дà! у женщинъ больше здраваго смысла, чѣмъ у насъ. Теперь намъ хочется удалить его отсюда, чтобы онъ отсталъ отъ дурной компаніи. Директоръ нашелъ ему мѣсто въ Ніеврѣ. Да, вѣдь, чай не поѣдетъ. Должно быть у него завелась здѣсь какая-нибудь интрижка, которая его удерживаетъ. Ты не слыхалъ ничего? Поговорилъ бы ты ему, братъ. Можетъ быть, онъ тебя послушаетъ.

— Я улажу это. Будь спокоенъ, отвѣчалъ Лабассендръ, довольный тѣмъ, что можетъ имѣть значеніе.

Разговаривая такимъ образомъ, они приближались къ жилищу Рудика. Наступалъ вечеръ, и на желѣзныя улицы завода начинали высыпать люди всякаго роста и всякихъ профессій. Блузы рабочихъ перемѣшивались съ сюртуками рисовальщиковъ и киттелями надсмотрщиковъ. Жака поразила эта серьёзность и чинность, съ которой здѣсь выходили изъ мастерскихъ. Онъ припомнилъ крикъ, шумъ, толкотню, оживлявшіе парижскіе тротуары въ тотъ часъ, когда кончалась работа на фабрикахъ, и походившіе на выходъ учениковъ изъ школы. Здѣсь чувствовались порядокъ и дисциплина, какъ на бортѣ казеннаго корабля.

Когда Лабассендръ очутился въ толпѣ, его тотчасъ узнали. «Ба! меньшо̀й! Ка̀къ живешь, можешь? Давно-ли? Откуда?» Рабочіе окружили его, пожимали ему руки и потомъ говорили другъ другу: «это—братъ Рудика, тотъ самый, которому платятъ сто тысячъ франковъ, только за голосъ!» Всѣмъ хотѣлось его увидѣть. Это мнимое богатство бывшаго кузнеца сдѣлалось на заводѣ легендой; и не одинъ молодой работникъ, послѣ его отъѣзда, пробовалъ, по временамъ, свой голосъ—не окажется-ли въ немъ случайно знаменитой мильйонной ноты.

Посреди этого всеобщаго удивленія, которое усиливалось еще благодаря театральному костюму пѣвца, онъ шелъ, высоко поднявъ голову, громко разговаривая, смѣясь, разсыпая по сторонамъ привѣтствія: здорово, дядя, такой-то, «здорово, тётка, такая-то», останавливаясь у домиковъ, изъ которыхъ глядѣли веселыя женскія лица, у кабачковъ, у лавочекъ съ съѣстными припасами, которыхъ въ этой части Эндре было также много, какъ и разносчиковъ всякаго рода, развѣшивавшихъ на чистомъ воздухѣ свой пестрый товаръ: блузы, шляпы, фуляры, башмаки—словомъ, все, что̀ обыкновенно видишь около лагерей, казармъ, фабрикъ.

Въ то время, какъ Жакъ проходилъ этимъ базаромъ, ему показалось, что онъ увидѣлъ чьё-то знакомое, улыбающееся лицо; что кто-то старается протискаться къ нему сквозь толпу. Но это продолжалось всего одинъ мигъ; видѣніе быстро исчезло, унесенное нахлынувшею волною народа.

Солнце, между тѣмъ, спускалось все ниже и ниже. Вѣтеръ свѣжѣлъ, пробѣгая по листамъ тополей. По мѣрѣ того, какъ разсѣевался дымъ, между заводскими зданіями открывалась зелень; волны били о берегъ; ласточки скользили крыльями по водѣ и кружились надъ котлами, тянувшимися вдоль набережной. Домикъ Рудика былъ крайній въ ряду новыхъ построекъ,

выровненныхъ подобно казармамъ, на широкой улицѣ, позади зàмка. Очень молодая женщина стояла на ступеняхъ крыльца, съ опущенной головой, слушая высокаго парня, прислонившагося къ стѣнѣ и говорившаго съ большимъ оживленіемъ. Жакъ подумалъ сначала, что это—дочь Рудика; но старикъ, подходя къ дому, сказалъ пѣвцу:—«Посмотри; вотъ жена моя читаетъ наставленіе своему племяннику». Тогда ребенокъ вспомнилъ, что Лабассендръ дорòгой разсказывалъ ему о вторичной женитьбѣ своего брата. Жена была молодая, довольно красивая, высокая и стройная женщина съ кроткимъ выраженіемъ лица. Чтò-то слабое, беззащитное было въ ней; она держалась нѣсколько согнувшись, словно ее тяготили слишкомъ обильные, роскошные волосы. Въ противность бретонской модѣ, она была съ открытой головой. Въ своей юбкѣ изъ легкой матеріи и въ маленькомъ чорномъ передникѣ, она походила скорѣе на жену какого-нибудь чиновника, нежели на крестьянку или работницу.

— Чтò скажешь? Неправда-ли—мила? говорилъ сіявшій гордостью Рудикъ, толкая локтемъ брата, съ которымъ онъ остановился въ нѣскольких шагахъ отъ дому.

— Поздравляю, голубчикъ! она еще похорошѣла послѣ свадьбы.

А тѣ продолжали разговаривать, ничего не видя, ничего не слыша. Тогда пѣвецъ, сдѣлавъ округленный жестъ, снялъ съ своей головы сомбреро и произнесъ на улицѣ зычнымъ голосомъ речитативъ:

Привѣтъ тебѣ, порогъ священный, мирный...
Привѣтъ тебѣ—невинности жилище!

— Ба! Дядя! сказалъ оборачиваясь тотъ, кого называли Шарлò.

Начались обычныя привѣтствія, рукожатія. Ученика представили племяннику, кокорый взглянулъ на него презрительно; но г-жа Рудикъ ласково сказала ему:—«Надѣюсь, что вамъ будетъ у насъ хорошо, дитя мое».

Потомъ всѣ вошли въ домъ. Въ маленькомъ садикѣ, тощенькомъ, высохшемъ, сожженомъ, но гдѣ посажено было много овощей и цвѣтовъ, накрытъ былъ столъ. Рядомъ, съ обѣихъ сторонъ, находились точно такіе же садики, отдѣленные другъ отъ друга только трельяжемъ и тянувшіеся по всему берегу Луары.

— А Зинаида? спросилъ Лабассендръ, садясь за столъ.

— Она сейчасъ придетъ... Мы примемся за супъ безъ нея. Она на поденной работѣ, въ зàмкѣ. Ты еще не знаешь, братъ, какая изъ нея вышла отличная швея!

— Кàкъ? Она работаетъ у обезьяны? вскричалъ Лабассендръ?

который не могъ забыть оказаннаго ему пріема:—Нѣчего сказать, весело ей должно быть тамъ. Надменный, грубый человѣкъ. И онъ принялся ораторствовать противъ директора, поддерживаемый племянникомъ, имѣвшимъ также свои причины не любить его. Дядя и племянникъ вообще отлично понимали другъ друга. Оба они стояли на той чертѣ, которая отдѣляетъ ремесленника отъ художника, и лишь настолько обладали талантомъ, чтобы изолироваться отъ своей среды, но выйти изъ нея мѣшали имъ недостатокъ образованія, ихъ наклонности и привычки.

— Вы ошибаетесь, говорилъ Рудикъ, защищая своего хозяина, котораго онъ любилъ.—Это, напротивъ—отличный человѣкъ. Немножко строгъ насчетъ дисциплины... но, когда управляешь двумя тысячами рабочихъ, нельзя иначе... Не пойдетъ дѣло. Не такъ-ли, Кларисса?

Онъ безпрестанно обращался къ женѣ, потому что имѣлъ дѣло съ двумя краснобаями; а самъ былъ не очень краснорѣчивъ. Но Кларисса занята была своимъ обѣдомъ; и по медленности ея движеній, по ея разсѣянному взгляду, можно было замѣтить что она вся поглощена какою-то мыслью, что внутренняя борьба завладѣла ея отсутствующей волей.

Къ счастью, Рудикъ получилъ солидное подкрѣпленіе со стороны Зинаиды. Она взошла вся красная, запыхавшаяся и попала въ самый разгаръ спора. Эта была некрасива. Тяжелая, коротенькая, почти безъ таліи, она походила на отца. Бѣлый головной уборъ, короткая юбка, платокъ, очень низко спущенный съ плечъ—придавали еще болѣе массивности этой широкой фигурѣ. Она, рѣшительно, имѣла видъ шкапа. Но рѣзко очерченныя брови, широкій подбородокъ—обличали столько же энергіи, силы и воли въ этой честной, работящей дѣвушкѣ, сколько мягкости и безсилія читалось на лицѣ ея мачихи.

Не отвязавъ даже ножницъ, висѣвшихъ у нея на поясѣ, точно сабля, не снимая своего передника, утыканнаго булавками и иголками, и подобно латамъ, покрывавшими ея могучую грудь, она сѣла подлѣ Жака и тотчасъ же ринулась въ битву. Ни пѣвецъ, ни рисовальщикъ не пугали ея своимъ краснорѣчіемъ. Все, что̀ она имѣла сказать, она говорила прямо, рѣзко, безъ обиняковъ, тономъ прямой, разсудительной женщины. Но, когда она обращалась къ Шарло̀, ея голосъ и взглядъ обличали гнѣвъ.

Шарло̀ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого; смѣялся и отвѣчалъ ей шутками, отъ которыхъ, однакожь, не прояснялось лицо ея.

— А я-то хотѣлъ женить ихъ! полушутя, полусерьёзно воскликнулъ Рудикъ, слушавшій ка̀къ они спорили.

— Не я отказался, смѣясь и смотря на свою кузину, отвѣчалъ Шарлò.

— Я не хотѣла, сказала бретонка, сдвинувъ брови и не опуская глазъ.—И очень довольна. Еслибъ я вышла за васъ, то теперь, вѣроятно, давно бы ужь утопилась съ горя, мой прекрасный кузенъ!

Это было сказано такимъ тономъ, что прекрасный кузенъ на минуту смутился.

Кларисса тоже была очень взволнована, и взглядъ ея, полный слезъ, искалъ взгляда падчерицы, какъ бы умоляя ее о чемъ-то.

— Послушай, Шарлò, сказалъ Рудикъ, для того чтобы перемѣнить разговоръ:—я хочу доказать тебѣ, что директоръ — не дурной человѣкъ. Онъ нашелъ тебѣ отличное мѣсто на заводѣ въ Гериньи и поручилъ мнѣ переговорить съ тобой.

Послѣдовала минута молчанія. Племянникъ не торопился отвѣчать. Рудикъ настàивалъ.

— Замѣть, мой другъ, что ты будешь тамъ поставленъ въ гораздо лучшія условія нежели здѣсь... и что... и что...

Онъ смотрѣлъ на брата, на жену, на дочь, не находя окончанія для своей фразы.

— И что лучше самому уйдти по добру, по здорову, нежели дождаться, чтобъ тебя прогнали! Не такъ-ли, дядюшка? грубо сказалъ Шарлò:—ну, такъ я хочу, чтобъ меня лучше прогнали, если мой трудъ здѣсь не нуженъ, а не откупались бы отъ меня такимъ образомъ, предлагая мнѣ другое мѣсто.

— Онъ правъ, чортъ возьми! воскликнулъ Лабассендръ, ударивъ кулакомъ по столу.

Споръ завязался снова. Рудикъ продолжалъ убѣждать племянника, но тотъ стоялъ на своемъ. Зинаида молчала, не спуская глазъ съ мачихи, которая безпрестанно вставала изъ-за стола, хотя подавать было уже нѣчего.

— А вы, мамàша, сказала она, наконецъ:—не правда ли, вы тоже согласны, что Шарлò долженъ принять это мѣсто?

— Конечно, конечно, съ живостью отвѣчала Кларисса:—я думаю, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если приметъ.

Шарлò всталъ, въ большомъ волненіи, мрачный.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Если всѣмъ хочется, чтобъ я уѣхалъ отсюда,—я знаю, чтò мнѣ дѣлать. Черезъ недѣлю меня здѣсь не будетъ. Теперь довольно говорить объ этомъ.

Настала ночь, и принесли свѣчи. Сосѣдніе сады тоже освѣтились; и повсюду, вокругъ, раздавался смѣхъ, стучали тарелки. Лабассендръ, посреди всеобщаго смущенія, началъ ораторствовать, собравъ въ памяти всё, чтò онъ когда-то слышалъ о пра-

вахъ рабочихъ, о будущности народа, о тираніи капитала. Онъ производилъ большой эффектъ, и товарищи, явившіеся провести съ нимъ вечеръ, приходили въ восторгъ отъ его краснорѣчія. Эти товарищи, въ рабочей одеждѣ, черные, усталые, которыхъ Рудикъ, по мѣрѣ того, какъ они входили, приглашалъ садиться, помѣщались на концѣ стола, принимая самыя нецеремонныя позы; подливали другъ другу вино, и залпомъ проглатывали его, утирая себѣ ротъ рукавомъ, держа въ одной рукѣ стаканъ, въ другой—трубку. Всѣ эти пріемы, также какъ и особенный жаргонъ рабочихъ, не нравились Жаку; порой, какое-нибудь образное выраженіе, употребленное ими, оскорбляло его своей откровенной грубостью. Онъ никогда не видѣлъ людей, которые бы такъ говорили и держали себя; и на него напала страшная тоска... Такъ вотъ какимъ мнѣ нужно сдѣлаться? думалъ онъ. Въ этотъ же вечеръ, Рудикъ представилъ его, завѣдующему кузнечной мастерской, нѣкоему Лебескану, подъ руководствомъ котораго мальчикъ долженъ былъ обучаться. Этотъ волосатый циклопъ, съ бородой, начинавшейся чуть не отъ самыхъ глазъ, сдѣлалъ гримасу, увидавъ, что его будущій ученикъ одѣтъ господиномъ и что у него такіе маленькіе кулачки и такія бѣлыя руки. Тринадцати-лѣтній Жакъ былъ дѣйствительно нѣсколько женоподобенъ. Его бѣлокурые волосы, хотя и остриженные, красиво лежали. Его тонкія черты, изящество всей фигуры его, постоянно раздражавшее д'Аржантона, еще болѣе выдавались въ той средѣ, куда онъ теперь попалъ. Лебесканъ нашелъ, что онъ смотритъ слабенькимъ, нѣженкой.

— О! это потому, что онъ усталъ съ дороги, сказалъ честный Рудикъ:—и что на немъ это платье... И потомъ, обратясь къ женѣ, прибавилъ:—надо будетъ пріискать блузу для ученика, Кларисса... Да знаешь-ли что̀? Свела бы ты мальчугана наверхъ, въ его комнату... Бѣдняжку давно ужъ клонитъ ко сну... а завтра ему надо встать въ пять часовъ. Слышишь, дружокъ мой, въ пять часовъ ровно, я позову тебя...

— Слышу, г. Рудикъ.

Но, передъ уходомъ, Жаку пришлось еще выдержать прощанія Лабассендра, который хотѣлъ непремѣнно выпить, за него спеціально, стаканъ вина.

— За твое здоровье, мой старый Жакъ! За здоровье работника. Я говорю вамъ, дѣти мои: въ тотъ день, когда вы захотите, вы сдѣлаетесь властителями міра!

— О, властителями міра! это ужь черезчуръ много, сказалъ съ улыбкой Рудикъ. — Хоть бы имѣть подъ старость домишко, да клочекъ земли—больше бы ничего не нужно.

Между тѣмъ какъ они продолжали бесѣдовать, Жакъ, сопровождаемый обѣими женщинами, вошелъ въ домъ. Онъ былъ невеликъ. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ комнатъ; одна называлась «гостиной». Кресло и нѣсколько большихъ раковинъ на каминѣ служили ей украшеніемъ. Наверху то же самое расположеніе. На стѣнахъ не было обоевъ. Онѣ просто были выбѣлены извѣсткой. Большія кровати подъ балдахиномъ стояли, задернутыя старыми ситцевыми занавѣсками, съ розовыми и блѣдно-голубыми разводами и съ оборками. Въ комнатѣ Зинаиды кровать имѣла видъ шкапа, вдѣланнаго въ стѣну по старому бретонскому обыкновенію. По стѣнамъ висѣли образки и четки изъ слоновой кости, изъ раковинъ, изъ американскихъ зеренъ. Въ углу, ширмы съ большими цвѣтами скрывали лѣсенку, которая вела на палати, составлявшія маленькій дрожащій этажъ, гдѣ долженъ былъ помѣститься ученикъ.

— Вотъ моя спальня, сказала Зинаида.—Вы будете наверху, прямо надъ моей головой. Но вы не безпокойтесь, можете ходить, плясать, дѣлать все, что̀ угодно: *я* сплю крѣпко.

Ему зажгли большой фонарь; онъ простился и полѣзъ на палати, которыя солнце такъ накаливало, что даже въ эту ночную пору стѣны еще сохраняли его жаръ. Узенькое окошечко, имѣвшее форму табакерки и постоянно заставлявшее желать воздуха, створялось на крышу. Хотя дортуаръ гимназіи Моронваля и приготовилъ достаточно стараго Жака къ страннымъ помѣщеніямъ, но тамъ, по крайней мѣрѣ, были товарищи, съ которыми всякія невзгоды переносились легче. Здѣсь же не было ни Маду—бѣдный Маду!—никого. Это было настоящее одиночество мансарды, откуда видно одно только небо—мансарды, затерянной въ синевѣ его, какъ маленькая лодочка въ открытомъ морѣ.

Ребенокъ смотрѣлъ на этотъ низкій потолокъ, о который онъ успѣлъ уже стукнуться головой; на лубочную картинку, приколотую къ стѣнѣ четырьмя булавками; смотрѣлъ на блузу, приготовленную къ завтрашнему дню; на широкія панталоны изъ синей холстины, называвшейся «салопеттъ», и думалъ: «Вотъ *я* гдѣ... Это *я* тутъ»... И между тѣмъ, какъ онъ предавался этому грустному самосозерцанію, изъ саду доносился до него смутный гулъ голосовъ, къ которому примѣшивался весьма оживленный разговоръ въ нижней комнатѣ между Зинаидой и ея мачихой. Нельзя было хорошенько различить, что̀ говорилъ глухой, грубый, почти мужской голосъ молодой дѣвушки. У г-жи Рудикъ, напротивъ, голосъ былъ легкій, текучій, который слёзы въ эту минуту еще болѣе кристаллизировали.

— Господи Боже мой!.. да пусть его уѣзжаетъ... пусть уѣзжаетъ... говорила она съ гораздо бо̀льшей страстностью, нежели какую можно было предположить въ ней.

Тогда тонъ Зинаиды, очень строгій и очень твердый, казалось, смягчился. Потомъ женщины поцаловались.

А въ саду Лабассендръ пѣлъ одинъ изъ старыхъ сантиментальныхъ романсовъ, особенно любимыхъ работниками:

Попутный вѣтеръ дуетъ намъ;
И мчится птицей легкокрылой,
Корабль, къ цвѣтущимъ берегамъ
Отчизны нашей милой...

И всѣ подхватывали хоромъ: «Отчизны нашей милой»...

Жакъ чувствовалъ себя въ новомъ мірѣ, гдѣ для него не могло быть никакой удачи. Онъ угадывалъ, что между нимъ и этими людьми лежала цѣлая бездна, и ему дѣлалось страшно... Одна только мысль о матери поддерживала, ободряла его. Его мать! Онъ думалъ о ней, смотря на небо, усыпанное звѣздами, на тысячу золотистыхъ блестокъ, сверкавшихъ въ синеватомъ стеклѣ окна его, какъ вдругъ, близь него, въ этомъ маленькомъ домикѣ, гдѣ, наконецъ, воцарились сонъ и молчаніе, послышался долгій вздохъ, еще дрожавшій отъ недавнихъ слёзъ. И этотъ вздохъ сказалъ ему, что г-жа Рудикъ тоже плакала, сидя у своего окна, и, что вмѣстѣ съ его горемъ, бодрствовало еще другое, въ эту прекрасную ночь...

II.

Тиски.

Посреди огромной кузницы, освѣщаемой сверху, стоитъ чудовищная масса желѣза, прикрѣпленная къ землѣ и непрестанно приводимая въ движеніе, которая, открываясь, принимаетъ въ себя, какъ ненасытная пасть, и сдавливаетъ раскаленный металлъ, попадающій затѣмъ подъ молотъ посреди дождя искръ. Это — тиски.

Новичковъ, начинающихъ обучаться, ставятъ обыкновенно къ тискамъ. Тутъ, поварачивая тяжелый винтъ, что̀ уже требуетъ бо̀льшей силы, нежели какой обладаетъ ребенокъ, онъ знакомится съ инструментами мастерской, съ практикой кузнечнаго дѣла, съ обработкой желѣза. Маленькій Жакъ въ тискахъ! Лучшаго слова не придумать для выраженія того ужаса и отчаянія, той гнетущей тоски, какими переполняется его сердце при ви-

дѣ всего окружающаго. Прежде всего, этотъ оглушительный, невообразимый стукъ трехсотъ молотовъ, одновременно падающихъ на наковальни, свистъ ремней, скрипъ блоковъ, весь этотъ, почти нечеловѣческій крикъ, которымъ триста надрывающихся, полуобнаженныхъ рабочихъ стараются возбудить себя — это опьяненіе силы, при которомъ мускулы, казалось, трещатъ и дыханіе пропадаетъ. Потомъ эти вагоны, нагруженные раскаленнымъ металломъ, катящіеся по рельсамъ вдоль мастерской; движеніе вентиляторовъ, огнемъ раздувающихъ огонь, питающихъ пламя жаркимъ человѣческимъ дыханіемъ... Все гремитъ, стучитъ, трещитъ, скрежещетъ, воетъ, лаетъ. Можно вообразить себя въ храмѣ, посвященномъ какому-нибудь дикому, свирѣпому идолу. По стѣнамъ развѣшаны, словно орудія пытки, клещи, крюки, щипцы. тяжелыя цѣпи висятъ съ потолковъ... все это громадно, массивно, грубо... и въ самой глубинѣ мастерской, во мракѣ, гигантскій молотъ возвышается, окруженный всеобщимъ поклоненіемъ, словно Ваалъ этого храма, воздвигнутаго въ честь бога силы.

Жакъ, уничтоженный, молча стоитъ на своемъ посту, между этими людьми, снующими съ желѣзными полосами около тисковъ. О! еслибы эта безумная Шарлотта могла увидѣть своего ребенка, своего Жака, изнуреннаго, блѣднаго, съ засученными рукавами, съ разстегнутой на груди рубашкой, облитаго потомъ, съ красными глазами, съ воспаленнымъ отъ летающей пыли горломъ... какъ содрогнулось бы ея сердце, какъ заговорила бы въ ней совѣсть!

У каждаго въ мастерской было свое прозвище. Жака прозвали, по причинѣ его худобы, ацтекомъ, и прежній хорошенькій, бѣлокурый ребенокъ былъ на пути къ тому, чтобы оправдать эту кличку и сдѣлаться «фабричнымъ мальчикомъ», этимъ маленькимъ существомъ, лишеннымъ воздуха, надорваннымъ, задыхающимся, лицо котораго старится по мѣрѣ того, какъ чахнетъ его тѣло.

— Эй! Ацтекъ... нажми винтъ; смѣлѣй... мальчуганъ. Не зѣвай, чтобъ чортъ тебя побралъ!..

Это—голосъ Лебескана. Черный гигантъ, которому Рудикъ поручилъ новичка, пріостанавливается порой, чтобъ дать ему совѣтъ, показать, какъ нужно держать молотъ. Учитель грубъ; ученикъ неловокъ. Учитель презираетъ эту слабость; ученикъ боится этой силы. Онъ дѣлаетъ, что ему велѣно; изо всѣхъ силъ нажимаетъ винтъ; но руки его покрыты ссадинами, ободраны; боль по временамъ бросаетъ его въ лихорадку, доводитъ до слезъ, и онъ теряетъ сознаніе жизни; ему кажется, что онъ самъ составляетъ часть этого сложнаго механизма, что онъ

нѣчто въ родѣ маленькаго винтика, безъ сознанія, безъ воли вертящагося вмѣстѣ съ другими частями машины, управляемаго невидимой таинственной силой, которую онъ теперь знаетъ, которой удивляется и боится—силой пара!

Ужасная жизнь! особливо послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Ольховкѣ, на волѣ и на чистомъ воздухѣ. Утромъ, въ пять часовъ, Рудикъ звалъ его: «Эй, мальчуганъ, пора!» Голосъ старика раздавался по всему дому, построенному изъ досокъ. Наскоро закусывали; Кларисса, еще въ ночномъ чепцѣ, приносила вина. Потомъ шли на заводъ, гдѣ неутомимый колоколъ уныло повторялъ свое «донъ, донъ, донъ»... словно онъ обязанъ былъ будить нетолько островъ Эндрэ, но и всѣ окрестные берега и небо, и воду. На улицахъ, на дворахъ, у входа въ мастерскія начиналась ходьба. По прошествіи положенныхъ десяти минутъ, спускавшійся флагъ возвѣщалъ, что заводъ запирается для опоздавшихъ. За первую неявку—вычетъ изъ заработной платы, за вторую—временное увольненіе, за третью — окончательный разсчетъ. Даже д'аржантоновскія правила были ничто въ сравненіи съ этими. Жакъ ужасно боялся опоздать и обыкновенно задолго до перваго удара колокола уже стоялъ у входа въ мастерскую. Однажды, впрочемъ, три мѣсяца спустя послѣ его поступленія, рабочіе сыграли съ нимъ злую шутку. Вѣтеръ снесъ съ него фуражку. Онъ побѣжалъ за ней вдоль улицы, крича: лови, лови!.. Но одинъ изъ проходившихъ учениковъ подбросилъ ее ногой, и фуражка полетѣла дальше. Потомъ другой, потомъ третій сдѣлали то же самое, и это превратилось въ игру, очень забавную для всѣхъ, кромѣ Жака, который продолжалъ бѣжать, преслѣдуемый смѣшками, гоготаньемъ и криками: «киссъ, киссъ, киссъ»... и едва удерживаясь отъ слёзъ, потому что онъ чувствовалъ, что за этой шумной веселостью таилась ненависть къ нему. Между тѣмъ, раздавались послѣдніе удары колокола. Надо было вернуться, отказавшись отъ фуражки; онъ былъ въ отчаяніи; фуражка стôитъ дорого. Пришлось бы писать матери, просить денегъ. А какъ вдругъ д'Аржантонъ увидитъ письмо. Всего болѣе огорчала его эта ненависть, окружавшая его, высказывавшаяся въ сотнѣ мелочей. Есть существа, которымъ, для того, чтобъ жить, необходимы нѣжность, участіе, какъ нѣкоторымъ растеніямъ жаръ. Жакъ былъ изъ такихъ; и, ловя свою фуражку, онъ спрашивалъ себя съ непритворной горестью: За что? Чтò я имъ сдѣлалъ?

Онъ уже былъ у дверей мастерской, какъ вдругъ услышалъ позади себя пыхтѣнье, и чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Обернувшись, онъ увидѣлъ знакомое, покрытое безчислен-

ными маленькими морщинками лицо. Это Белизеръ подавалъ ему поднятую фуражку. Второй разъ уже встрѣчаетъ Жакъ въ Эндре эту добрую улыбку. Но ему не удалось въ эту минуту, несмотря на все свое желаніе, поговорить съ разнощикомъ; онъ едва успѣлъ поблагодарить его за фуражку, какъ услышалъ: «Эй, Ацтекъ! Торопись». Флагъ опустился, и Белизеръ, прихрамывая, побрелъ по улицѣ.

Въ этотъ день Жакъ чувствовалъ себя менѣе грустнымъ, менѣе одинокимъ. По выходѣ изъ мастерской, онъ искалъ Белизера по всему Эндрэ. Но его уже не было тамъ. Ни на другой день, ни въ слѣдующіе дни онъ точно также не показывался, и это видѣніе, напомнившее Жаку прошедшее, мало по малу изгладилось изъ его памяти. Онъ былъ опять одинокъ.

Его не любили въ мастерской. Всякое мужское сборище чувствуетъ потребность поглумиться надъ кѣмъ-нибудь, вымѣстить на комъ-нибудь свою досаду въ часы усталости и нервнаго раздраженія. Въ кузницѣ эта страдальческая роль выпала на долю Жака. Другіе ученики были почти всѣ уроженцы Эндрэ, братья или сыновья рабочихъ; за нихъ было кому заступиться, и ихъ щадили. Преслѣдуютъ всегда слабыхъ и беззащитныхъ. Лебесканъ находилъ Жака слишкомъ хилымъ и перестал заниматься имъ; да и притомъ, за какимъ чортомъ этотъ парижанинъ, этотъ нѣженка явился въ Эндрэ? Онъ и говоритъ-то не такъ, какъ всѣ, а прибавляетъ ко всякому слову: monsieur. О немъ говорили, что онъ имѣетъ необыкновенныя способности къ механикѣ, а между тѣмъ, онъ ровно ничего въ ней не смыслитъ. Презрѣніе, которое питали къ нему эти люди, дѣлало ихъ часто жестокими. Это было озлобленіе силы противъ интеллигентной слабости. Ни одного дня не проходило, чтобъ съ нимъ не продѣлали какой-нибудь штуки. Ученики особенно были безчеловѣчны. Одинъ изъ нихъ, поднеся къ нему разъ полосу желѣза, раскаленную на концѣ, сказалъ: «Возьмите-ка, Ацтекъ». Жакъ взялъ и потомъ цѣлую недѣлю пролежалъ въ больницѣ.

Только по воскресеньямъ Жаку дышалось легче. Онъ вынималъ одну изъ книгъ, подаренныхъ ему Ривальсомъ, и уходилъ съ ней на берегъ Луары, въ развалины старинной башни. Воскресные колокола звонили, говоря объ отдыхѣ и спокойствіи; по рѣкѣ плыли лодки; въ отдаленіи купались дѣти съ крикомъ и смѣхомъ. Мальчикъ, забившись въ какое-нибудь углубленіе, заглядывался на эту картину, съ раскрытой на колѣняхъ книгой. Потомъ онъ принимался читать; и, хотя книги Ривальса не всегда были ему понятны, но все же добрыя сѣмена порой западали ему въ душу.

Въ эти часы онъ былъ доволенъ, счастливъ, забывая и кузницу, и рабочихъ. Но вотъ пришла осень съ ея ливнями и туманами; надо было прекратить эти прогулки, и онъ сталъ проводить праздничные дни въ семействѣ Рудика. Кротость ребенка трогала этихъ людей; они были добры къ нему. Зенаида, въ особенности, была отъ него безъ ума и съ чисто-материнской заботливостью ухаживала за нимъ, чинила бѣлье его. Въ зàмкѣ, куда она ходила работать, она толковала безъ умолку объ ученикѣ. Самъ Рудикъ, хотя и презиралъ отчасти Жака за его безсиліе и неспособность къ кузнечному дѣлу, но говорилъ, что, все-таки, это—хорошій мальчуганъ. Онъ находилъ только, что Жакъ слишкомъ много читаетъ, и иногда спрашивалъ его, смѣясь: не школьнымъ ли учителемъ или не попомъ ли онъ хочетъ сдѣлаться? Рудикъ, кромѣ своего мастерства, ничего не зналъ, и продолжалъ писать точнò такъ же, какъ по выходѣ изъ школы, чтò нѣсколько затрудняло его теперь, когда онъ сдѣлался управляющимъ мастерскими и женился на своей второй женѣ. Это была дочь артиллериста, провинціальная барышня, получившая порядочное воспитаніе въ многочисленной и бѣдной семьѣ, гдѣ каждый трудился для всѣхъ. Вынужденная на этотъ неравный, по воспитанію и по возрасту, бракъ, она до сихъ поръ питала къ своему мужу спокойную и нѣсколько покровительственную привязанность. Благоговѣвшій передъ женой, влюбленный въ нее, какъ двадцатилѣтній юноша, Рудикъ охотно бы легъ поперегъ ручья, чтобы она не промочила себѣ ногъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ умиленіемъ, находя, что ни у одного изъ его товарищей нѣтъ такой милой, красивой женки. Тѣ, по бòльшей части, были женаты на солидныхъ бретонкахъ, болѣе занятыхъ своимъ хозяйствомъ, нежели прической. Она, дѣйствительно, вносила въ туалетъ свой, такъ же какъ и во всю домашнюю обстановку, относительное изящество. Возвратившійся къ себѣ съ работы Рудикъ испытывалъ всегда новую радость, видя, что въ домѣ все прибрано и жена его нарядна, какъ въ праздничный день. Ему не приходило и въ голову спросить себя, почему Кларисса такъ же бездѣятельна, какъ въ праздничный день, и почему она послѣ обѣда сидѣла въ задумчивости, вмѣсто того, чтобы взяться за какое-нибудь шитье. Добрякъ наивно воображалъ, что жена его, одѣваясь такъ кокетливо, только и думала, что о немъ. И жители Эндрэ не желали разувѣрять его. А между тѣмъ, болтая между собой, они никогда не разлучали имени г-жи Рудикъ съ именемъ Шарлò.

Если то, чтò говорили, было справедливо, то въ извиненіе Клариссы нужно сказать, что она была знакома съ Шарлò еще

до замужства. Онъ бывалъ у отца ея съ Рудикомъ, и, еслибъ племянникъ, красивый, статный, курчавый, захотѣлъ тогда посвататься вмѣсто дяди, то, разумѣется, его предпочли бы. Но онъ и не помышлялъ объ этомъ. Онъ только тогда замѣтилъ красоту Кларисы, когда она сдѣлалась его тёткой, съ которой онъ привыкъ насмѣшливымъ тономъ говорить объ ихъ родствѣ, дѣйствительно, нѣсколько странномъ, потому что онъ былъ старше ея. Что̀ произошло потомъ?

Сосѣдство, короткость, допускаемая родствомъ, долгіе разговоры по вечерамъ, съ глазу на глазъ, когда усталый Рудикъ засыпалъ, положивъ голову на столъ, а Зинаида занята была какой-нибудь спѣшной работой въ за̀мкѣ—все способствовало сближенію этихъ двухъ молодыхъ существъ, и едва ли у нихъ нашлось столько силы, чтобъ они могли устоять противъ искушенія. Но, однакожь, несмотря на всю вѣроятность этой связи, никто не былъ убѣжденъ въ ней. Притомъ же за виновными или, лучше сказать, подозрѣваемыми постоянно слѣдила пара зоркихъ глазъ... Зинаида давно сторожила измѣну, свивавшую себѣ гнѣздо въ ея родительскомъ домѣ. Она изобрѣтала тысячу способовъ прервать ихъ свиданія, являлась совершенно неожиданно, садилась около нихъ съ вязаньемъ или шитьемъ. Рядомъ съ слѣпымъ, довѣрчивымъ Рудикомъ, Зинаида была настоящимъ ревнивымъ и подозрительнымъ мужемъ. И между нею и Шарло̀ завязалась война на жизнь и смерть. Подъ этими шутками, которыми они открыто язвили другъ друга, таилась глухая вражда, глубокая антипатія. Рудикъ подсмѣивался надъ ними, видя въ этомъ остатокъ невысказанной привязанности; но Кларисса, слушая ихъ, блѣднѣла, изнемогала всѣмъ своимъ слабымъ, неспособнымъ къ борьбѣ существомъ.

Въ настоящую минуту Зинаида торжествовала. Она такъ ловко дѣйствовала въ за̀мкѣ, что директоръ, видя невозможность заставить Шарло̀ принять мѣсто въ Геринья, рѣшился послать его въ Сен-Назэръ, насчетъ завода, для изученія машинъ, доставленныхъ туда американцами. Отсутствіе Шарло̀ должно было продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, потому что ему предстояло сдѣлать рисунки всѣхъ машинъ, шаблонные чертежи. Клариса не сердилась на падчерицу, устроившую, какъ ей было извѣстно, этотъ отъѣздъ; она, напротивъ, чувствовала даже нѣкоторое облегченіе; она была изъ тѣхъ, въ чьихъ глазахъ читается: защитите меня! И Зинаида умѣла ее защищать.

Жакъ очень скоро понялъ, что между этими женщинами есть тайна. Онъ равно любилъ ихъ обѣихъ. Зинаида нравилась ему своею веселостью, своимъ душевнымъ спокойствіемъ; между

тѣмъ какъ г-жа Рудикъ, болѣе женственная, болѣе изящная, льстила его прежнимъ вкусамъ, его привычкѣ къ элегантности. Онѣ напоминали ему нѣсколько его мать. Хотя Ида была болтлива и весела, а эта сосредоточена въ себѣ и мечтательна, хотя онѣ не походили одна на другую ни чертами, ни походкой, ни даже цвѣтомъ волосъ, но между ними было, однакоже, нѣчто общее... что именно — трудно опредѣлить. Только самый искусный химикъ души человѣческой съумѣлъ бы сдѣлать анализъ этого сходства.

Съ Кларисой и Зинаидой ученикъ чувствовалъ себя свободно. Иногда, по воскресеньямъ, онъ читалъ имъ вслухъ. Рудикъ помѣщался въ спокойномъ креслѣ, Клариса садилась, по своему обыкновенію, у окна, въ меланхолической позѣ, а Зинаида, ставившая даже выше религіозныхъ обязанностей требованія домашней жизни, пользуясь праздниками, принималась штопать бѣлье, Жакъ спускался съ своего чердака, держа въ рукѣ одну изъ книгъ доктора Ривальса, и чтеніе начиналось. Съ первыхъ же строкъ глаза добраго Рудика начинали моргать, широко раскрывались, и потомъ, утомленные этимъ усиліемъ, смыкались совсѣмъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе, что его клонило ко сну; ему было стыдно передъ женой и дочерью, и, отъ времени до времени, для того, чтобы показать, что онъ не спитъ, онъ громко произносилъ, какъ въ бреду: «удивительно», но, къ сожалѣнію, это «удивительно» относилось всегда къ самымъ обыкновеннымъ мѣстамъ и только свидѣтельствовало о полнѣйшемъ отсутствіи его ума въ ту минуту. Сказать правду, книжки доктора Ривальса были несовсѣмъ занимательны и несовсѣмъ понятны. Переводы классиковъ, письма Сенеки, біографіи Плутарха, Дантъ, Виргилій, Гомеръ, да нѣсколько историческихъ сочиненій—вотъ чѣмъ докторъ набилъ ящикъ, подаренный имъ другу Жаку. Хотя Жакъ частенько не понималъ того, что читаетъ, но, помня обѣщаніе, данное Ривальсу, все-таки продолжалъ читать упорно и ревностно, съ благоговѣніемъ набожной женщины, слушающей обѣдню на латинскомъ языкѣ. Всего чаще читалъ онъ «Адъ», Данта. Эту книгу онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Описаніе различныхъ мукъ производило на него сильное впечатлѣніе. Въ его дѣтскомъ воображеніи оно смѣшивалось съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое ежедневно было у него передъ глазами. Полунагіе люди, огонь, расплавленный металлъ, скрипъ громадныхъ пилъ, глухіе удары молота—во всемъ этомъ онъ находилъ сходство съ «адомъ».

Однажды утромъ, Жакъ читалъ своимъ слушателямъ эпизодъ о Франческѣ ди-Римини. Рудикъ, по обыкновенію, съ первыхъ

же словъ задремалъ, сохраняя ту добродушную улыбку интересующагося чтеніемъ человѣка, къ которой онъ пріучилъ свои губы и которая дозволяла ему, не просыпаясь, восклицать: удивительно! Обѣ женщины, напротивъ, съ глубокимъ вниманіемъ, но съ различными выраженіями лица слѣдили за чтеніемъ.

«Нѣтъ большаго страданія, какъ вспоминать въ несчастіи о счастливыхъ дняхъ»...

Между тѣмъ какъ ученикъ читалъ, Клариса, вся трепещущая, сидѣла опустивъ голову. Зинаида, насупивъ брови и выпрямившись на своемъ стулѣ, съ какой-то яростью дѣйствовала иголкой. Слезы текли изъ глазъ г-жи Рудикъ, слушавшей эту любовную исторію. Зинаида, не замѣчая, что мачиха плачетъ, по окончаніи чтенія, заговорила первая.

— Вотъ гадкая, безстыдная женщина! воскликнула она въ негодованіи.—Смѣетъ разсказывать такимъ образомъ о своемъ преступленіи и хвастаться имъ.

— Она, конечно, виновата, отвѣчала Клариса: — но и очень несчастна также.

— Она-то несчастна? Не говорите этого, мамаша; можно подумать, что вы жалѣете эту Франческу, любившую брата своего мужа.

— Любившую, да; но, вѣдь она знала его до замужества, и ее заставили насильно выйти за человѣка, котораго она не любила.

— Насильно, или не насильно—все равно; но, съ той минуты, какъ она за него вышла, она должна была оставаться ему вѣрна. Въ книжкѣ сказано, что онъ былъ старикъ; но мнѣ кажется, ей тѣмъ болѣе слѣдовало почитать его и не давать повода людямъ смѣяться надъ нимъ. Нѣтъ! старикъ отлично сдѣлалъ, что убилъ ихъ обоихъ. По дѣломъ имъ! Они того стоили.

Она выражалась съ безпощадной рѣзкостью; въ ней говорила возмущенная любовь дочери и честь женщины; это была жестокость непорочной юности, которая судитъ о жизни по составленному себѣ идеалу, не зная ея и ничего не предвидя. Клариса слушала молча. Она приподняла занавѣску окна и смотрѣла на улицу. Рудикъ открылъ глаза и вскричалъ: «удивительно!» Жакъ, уткнувшись въ книгу, думалъ о прочитанномъ и о бурномъ спорѣ, котораго онъ только-что былъ свидѣтелемъ; какъ вдругъ на улицѣ послышалось: «шляпы! шляпы! шляпы!» Онъ вскочилъ съ своего мѣста и бросился на крыльцо, но Клариса уже успѣла предупредить его и, возвращаясь въ комнаты, столкнулась съ нимъ въ дверяхъ. Она, вся раскраснѣвшись, прятала къ себѣ въ карманъ скомканное письмо.

*

Белизеръ былъ уже далеко, несмотря на свои тѣсные башмаки и на то, что его зимняя ноша была вдвое тяжеле лѣтней. Жакъ догналъ его на углу набережной.

— Эй! Белизеръ! крикнулъ мальчикъ разнощику. Тотъ обернулся, и лицо его оживились привѣтливой, широкой улыбкой.

— Я былъ увѣренъ, что это—вы. Такъ вы теперь въ этихъ мѣстахъ, Белизеръ?

— Да̀, да̀, г. Жакъ. Отецъ хотѣлъ, чтобы я остался въ Нантѣ, потому что у сестры моей заболѣлъ мужъ. Я хожу по окрестностямъ, бываю въ Шатне, въ Бассъ-Эндрѣ; тамъ много заводовъ, фабрикъ, и торговля идетъ порядочно. Но всего больше я продаю въ Эндрэ. Я также беру на себя разныя порученія въ Нантъ и Сен-Назэръ, прибавилъ онъ, подмигнувъ глазомъ и указывая движеніемъ головы на домъ Рудика. Белизеръ, вообще, казался доволенъ. Онъ отсылалъ всѣ деньги свои старику и братьямъ. Болѣзнь зятя, правда, стоила ему также не дешево, но, однакоже, работая, можно было кое-какъ справляться, а еслибы только не эти проклятые башмаки...

— Они все еще тѣсны вамъ? спросилъ Жакъ.

— Тѣсны... Чтобы не жали совсѣмъ, нужно заказать себѣ пару по мѣркѣ, а это дорого сто̀итъ, это хорошо богачамъ.

Поговоривъ нѣсколько о себѣ, Белизеръ сталъ, въ свой чередъ, разспрашивать Жака.

— Что̀ же это съ вами такое случилось, г. Жакъ, что вы вдругъ работникомъ сдѣлались?

Жакъ покраснѣлъ, не зная, что̀ отвѣчать. Разнощикъ, видя, что ему неловко, свелъ разговоръ на воспоминанія объ Ольховкѣ.

— Знатная ветчина была тамъ! А скажите, г. Жакъ, эта красивая дама, у которой такой добрый видъ, ка̀къ она поживаетъ? Вѣдь это—ваша мамаша, не такъ ли? Вы на нее похожи.

Жакъ былъ такъ радъ поговорить о своей матери, что охотно простоялъ бы на улицѣ до самаго вечера. Но Белизеру было нѐкогда. Ему поручили снести очень спѣшное письмо. Послѣдовало то же подмигиванье, то же движеніе головы въ сторону дома Рудика. Надо было торопиться. Они пожали другъ другу руки и разнощикъ поплелся, подымая на ходу ноги, какъ кривая лошадь. Жакъ съ любовью провожалъ его глазами, какъ будто видя передъ собой знакомую дорогу въ Корбейль, бѣлую, длинную, окаймленную лѣсомъ, на которой онъ въ первый разъ встрѣтилъ этого бѣднаго «вѣчнаго жида».

Когда Жакъ возвратился, г-жа Рудикъ, очень блѣдная, съ дрожащими губами, ждала его у дверей.

— Жакъ, сказала она вполголоса:—что̀ вамъ говорилъ этотъ человѣкъ?

Онъ отвѣчалъ, что они были знакомы еще въ Этіолѣ и говорили теперь о родныхъ Жака. Она вздохнула свободнѣе; но цѣлый вечеръ была еще задумчивѣе, имѣла еще болѣе усталый видъ, нежели обыкновенно. Казалось, тяжесть ея бѣлокурыхъ волосъ увеличилась еще бременемъ какого-нибудь страшнаго упрека совѣсти.

III.

Машина.

Жакъ получилъ отъ матери длинное письмо, очевидно, написанное подъ диктовку д'Аржантона или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣнное имъ. Въ этомъ письмѣ она дѣлала ему наставленія, говорила, что Рудикъ, отзываясь съ большой похвалой объ его кротости, сообщаетъ, однакоже, что онъ не сдѣлалъ въ теченіи года ни малѣйшихъ успѣховъ въ своемъ ремеслѣ. Это, разумѣется, очень огорчало Шарлотту, и для нея было ясно, что, если, при тѣхъ несомнѣнныхъ способностяхъ къ механикѣ, которыя друзья д'Аржантона признали въ Жакѣ, онъ не подвигался впередъ, то, значитъ, онъ не желаетъ работать. «Я согласна, прибавляла она:—что эта работа не такъ пріятна, какъ прогулки по лѣсу съ лѣснымъ сторожемъ, но ты долженъ помнить, что̀ говорилъ тебѣ г. д'Аржантонъ: «жизнь—не романъ». Онъ извѣдалъ это на опытѣ, бѣдный другъ нашъ!—Повѣрь, что его профессія не легче твоей. Еслибы ты зналъ, съ какими интригами низкихъ завистниковъ приходится бороться этому великому поэту. Его генія боятся. Его хотятъ затереть. Угадай, что̀ съ нимъ недавно сдѣлали въ Théâtre Français: приняли пьесу, которая есть не что иное, какъ «Дочь Фауста». Разумѣется, не пьесу его украли, потому что она еще не написана; но идею, заглавіе. Кого подозрѣвать? Онъ окруженъ вѣрными, преданными друзьями. Мы думали даже, одно время, на старуху Аршамбо, всегда подслушивающую у дверей. Но ка̀къ она можетъ запомнить планъ пьесы и разсказать его кому нужно, не зная ни слова по-французски?»

Но въ концѣ письма, которое все шло въ этомъ тонѣ, находился пост-скриптумъ, начинавшійся словами: «Десять часовъ. Эти господа ушли наверхъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы припи-

сать тебѣ еще нѣсколько строкъ». Здѣсь уже вырвалось наружу все ея материнское чувство, ничѣмъ не стѣсняемое. Какою нѣжностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустью дышала эта безъискусственная приписка. Ида умоляла своего Жака беречь себя, заботиться о своемъ здоровьѣ, говорила, что она откладываетъ для него каждый мѣсяцъ часть своихъ карманныхъ денегъ; спрашивала, есть ли у него еще шоколадъ, чтобы погрызть поутру, когда онъ проснется; просила его писать къ ней на имя Аршамбо. «Еслибы ты зналъ, заканчивала она:—какъ мнѣ бываетъ повременамъ грустно, когда я подумаю о будущемъ. Вѣрь мнѣ, я не каждый день счастлива! Но только ты меня знаешь: горе непродолжительно у меня. Я смѣюсь и плачу въ одну и ту же минуту, сама не умѣя объяснить себѣ какъ. Впрочемъ, несправедливо было бы съ моей стороны жаловаться. «Онъ»—нервенъ, какъ всѣ артисты; но нельзя вообразить себѣ, сколько великодушія и благородства таится въ глубинѣ этой натуры. Прощай, мое сокровище. Цалую и люблю тебя, мой дорогой, мой безцѣнный Жакъ . . . . Всѣ эти точки—поцалуи, адресованные тебѣ».

Какъ чувствовался въ этихъ строкахъ весь гнётъ, давившій бѣдную женщину! Жаку казалось, когда онъ читалъ ихъ, что Ида его, заключенная въ башнѣ Parva Domus, дѣлаетъ ему знаки, зоветъ его къ себѣ на помощь, какъ избавителя. О! да; онъ будетъ трудиться, онъ побѣдитъ свое отвращеніе къ этому ремеслу, онъ сдѣлается хорошимъ работникомъ, пріобрѣтетъ средства къ жизни и извлечетъ свою мать изъ когтей этого деспотизма. И онъ началъ съ того, что запряталъ всѣ свои книги, всѣхъ историковъ, философовъ и поэтовъ, въ докторскій ящикъ и наглухо заколотилъ его, чтобы избѣжать искушенія. Онъ не хотѣлъ больше читать, отвлекаться отъ работы, открывать своему уму другія дороги. Рудикъ одобрилъ его за это; онъ предложилъ Жаку ходить въ мастерскія по вечерамъ и даже по воскресеньямъ и заниматься тамъ подъ его руководствомъ. «Я буду, можетъ быть, терпѣливѣе Лебескана, прибавилъ онъ:—и ты больше успѣешь со мной».

Сказано—сдѣлано. Каждый день, тотчасъ послѣ обѣда, Рудикъ, которому поручена была одна спеціальная работа, уводилъ ребенка въ пустую, темную мастерскую, гдѣ горѣла одна только маленькая лампа, и начиналъ показывать ему разныя отдѣльныя части машины, называя ихъ, объясняя ихъ назначеніе. Онъ съ энтузіазмомъ говорилъ ему объ этихъ колесахъ, пилахъ, винтахъ. Мальчикъ старался заинтересоваться дѣломъ, втянуться въ него, войти во вкусъ. Но это никакъ не удава-

лось ему. Съ своей стороны, Рудикъ, пробовавшій нѣсколько разъ задавать ему небольшія работы, пришелъ къ заключенію, что онъ положительно неспособенъ къ этому ремеслу. Жакъ не могъ побѣдить въ себѣ страха, который внушали ему машины, и видѣлъ въ нихъ только безсознательную, грубую, безпощадную силу, непрестанно угрожавшую опасностью его жизни. Неподвижныя, остывшія въ вечернюю пору, онѣ казались ему еще грознѣе, съ своими разинутыми пастями, крючьями, разрушительными снарядами. Но, однакоже, разъ, на заводѣ, онъ былъ свидѣтелемъ одной церемоніи, которая лучше всѣхъ объясненій Рудика дала ему возможность понять, что и въ этихъ вещахъ есть своя красота и свое величіе.

Тогда на заводѣ только-что окончили великолѣпную паровую машину, въ тысячу лошадиныхъ силъ. Она давно уже стояла въ глубинѣ огромной мастерской, занимая значительную часть ея, всегда окруженная толпой рабочихъ, готовая, но еще неокончательно отдѣланная. Жакъ не разъ, проходя мимо, смотрѣлъ на нее, но только издали, въ окно, потому что, кромѣ свѣрлильщиковъ, никто не имѣлъ права входить въ эту мастерскую. Ее должны были отправить въ Сен-Назэръ. Красота и рѣдкость этой отправки заключалась въ томъ, что, несмотря на страшный вѣсъ и сложность машины, инженеры рѣшили перемѣстить ее на корабль не по частямъ, а всю цѣликомъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она стояла въ мастерской, такъ какъ заводъ располагалъ огромными переносными снарядами, дозволявшими сдѣлать это. Каждый день на заводѣ говорили: «завтра отправятъ», но всякій разъ, въ послѣднюю минуту, находилась какая-нибудь подробность, требовавшая усовершенствованія, лучшей отдѣлки, исправленія. Наконецъ, машина была готова. Дали приказаніе отправлять.

Это былъ праздникъ въ Эндре. Въ часъ, всѣ мастерскія были заперты, дома опустѣли. Мужчины, женщины, дѣти, всѣ жители острова хотѣли видѣть, какъ выйдетъ машина изъ мастерской, какъ ее двинутъ на берегъ Луары и потомъ перетащатъ на корабль. Толпа, съ ропотомъ ожиданія, съ какимъ-то праздничнымъ гуломъ, собралась у входа въ мастерскую, задолго до того, какъ ее отперли. Наконецъ, обѣ половины огромныхъ дверей ея растворились, и изъ темной глубины ея, машина медленно, тяжело выкатилась на подвижной колесной платформѣ, которая должна была служить точкой опоры для ея поднятія и которую тàли, движимые парами, поставили на рельсы. Когда машина показалась на солнцѣ, блестящая, величавая, мощная, восторженные крики привѣтствовали ее.

Она остановилась на минуту, какъ бы для того, чтобы перевести духъ и дать окружающимъ возможность полюбоваться ею. Между двумя тысячами рабочихъ, находившихся на заводѣ, не было, можетъ быть, ни одного, который бы, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, на принялъ участія въ этомъ колоссальномъ трудѣ. Но каждый работалъ отдѣльно, самъ по себѣ, надъ какой-нибудь одной частью ея, почти безсознательно, какъ солдатъ во время битвы, затерянный въ толпѣ и шумѣ, стрѣляетъ прямо передъ собой, не имѣя возможности судить о дѣйствіи и пользѣ своихъ выстрѣловъ, объятый краснымъ, ослѣпляющимъ дымомъ, не дозволяющимъ ему ничего видѣть, кромѣ того мѣста, гдѣ онъ находится. Теперь они видѣли, какова ихъ машина въ цѣломъ, видѣли ее — составленной, сложенной, и гордились ею, восхищались, какъ знатоки дѣла, гладили ее своими мозолистыми руками, ласкали, говорили ей: «Ну что̀? ка̀къ живешь-можешь, старуха»? Литейщики съ гордостью указывали на гигантскій, мѣдный архимедовъ винтъ—«это мы отливали». Кузнецы отвѣчали: «надъ желѣзомъ работали мы; тутъ есть капли нашего пота». Котельщики не безъ основанія прославляли громадный, окрашенный сурикомъ резервуаръ, уподоблявшійся боевому слону. Но если рабочіе превозносили металлъ—инженеры и рисовальщики хвалились формой. Даже другъ нашъ, Жакъ, говорилъ, посматривая на свои руки: «А! мошенница, много ты мнѣ надѣлала волдырей и ссадинъ».

Чтобы пробиться сквозь эту фанатически-восторженную толпу, нужно было почти прибѣгнуть къ силѣ. Надсмотрщики бѣгали во всѣ стороны, разчищая себѣ путь толчками и тумаками, и вскорѣ вокругъ машины осталось только до трехъ сотъ рабочихъ, набранныхъ во всѣхъ мастерскихъ, изъ самыхъ сильныхъ, и которые, вооружившись желѣзными полосами или, обвивъ себя цѣпями, ожидали только сигнала, чтобы двинуть чудовище.

— Эй ребята, готовы-ли? Дружнѣй... ого... го... го... го...

Тогда заиграла бойкая, живая дудочка и машина покатилась по рельсамъ. Мѣдь, бронза, сталь сверкали на солнцѣ, въ ея массѣ; между тѣмъ, какъ поршни, маятники, шатуны, колеса, издавали металлическій звонъ. Подобно оконченному памятнику, когда рабочіе уже отойдутъ отъ него, верхушку ея украсили большимъ букетомъ изъ зелени, увѣнчивавшимъ весь этотъ человѣческій трудъ, какъ улыбка природы; и въ то время, какъ внизу огромная масса металла тяжело подвигалась впередъ, наверху зеленый султанъ то опускался, то поднимался, при каждомъ шагѣ, тихо шурша въ чистомъ воздухѣ. По обѣимъ сторонамъ толпа слѣдовала за нею; директоръ, инспектора̀, мастера,

ученики, рабочіе—всѣ шли въ перемѣшку, не спуская глазъ съ машины, а неутомимая дудочка свистѣла, направляя ихъ къ рѣкѣ, гдѣ дымился у пристани пароходъ, готовый къ отплытію.

Вотъ ее поставили подъ журавль — подъ громадный паровой журавль завода Эндре—могущественнѣйшій рычагъ въ мірѣ. Два человѣка взлѣзли на платформу, которая подымется вмѣстѣ съ ней, при помощи желѣзныхъ канатовъ, соединенныхъ вверху, надъ букетомъ зелени, чудовищнымъ кольцомъ, выкованномъ изъ цѣльнаго куска. Паръ свиститъ, дудочка учащаетъ свои маленькія нотки, веселыя, торопливыя, ободряющія... Журавль наклоняется, подобно длинной птичьей шеѣ, схватываетъ машину своимъ кривымъ клювомъ, и подымаетъ ее тихо... съ неровнымъ встряхиваньемъ. Теперь она возвышается надъ толпой, надъ заводомъ, надъ всѣмъ островомъ. Каждый можетъ ее видѣть и любоваться ею сколько угодно. Парящая въ золотомъ сіяніи солнца, она, казалось, прощается съ этими безчисленными мастерскими, давшими ей жизнь, движеніе, слово даже, и съ которыми она больше никогда не увидится... Рабочіе, съ своей стороны, смотря на нее, испытывали чувство удовлетворенія, доставляемое каждою оконченною работой; святое волненіе, вознаграждающее въ одинъ мигъ за усилія цѣлаго года—это необъяснимое, это гордое сознаніе побѣжденной трудности, заставляющее забыть тяготу труда.

— Вотъ это—такъ штука! говорилъ старый Рудикъ, серьёзный, съ засученными рукавами, еще дрожа отъ сильнаго напряженія, съ какимъ онъ катилъ машину, и утирая слезы восторга, застилавшія ему глаза. Дудочка не прерывала своей возбуждающей музыки; но журавль началъ поворачиваться, нагибаться къ сторонѣ рѣки, для того, чтобы опустить машину на нетерпѣливое судно.

Вдругъ послышался глухой трескъ, сопровождаемый раздирающимъ крикомъ, ужаснымъ, нашедшимъ отзывъ во всѣхъ сердцахъ... По содроганію, пронесшемуся въ воздухѣ, угадывалась смерть, внезапная, непредвидѣнная, расчищавшая себѣ путь сильной, мощной рукой... Сумятица и неописанный ужасъ длились съ минуту. Что же такое произошло? Одною изъ цѣпей, которыя вдругъ натянулись при спускѣ, прижало къ машинѣ рабочаго, подымавшагося съ ней, на платформѣ. «Скорѣй, скорѣй, подымай машину назадъ!» Но напрасно спѣшили ослабить цѣпь и высвободить несчастнаго... все было кончено. Всѣ подняли головы, всѣ вытянули руки съ проклятіемъ; женщины съ крикомъ закрывали себѣ глаза платками, лопастями чепцовъ, чтобы не видѣть обезображенныхъ останковъ, которые клали на

носилки. Человѣка раздавило, перерѣзало пополамъ. Кровь, съ силой хлынувшая, обрызгала мѣдь, сталь, даже зеленый султанъ. Ни криковъ, ни звуковъ дудочки—все замолкло; и машина оканчиваетъ свое путешествіе среди глубокаго, гробоваго молчанія, между тѣмъ какъ отдѣливавшаяся группа людей—носильщики, женщины—цѣлый печальный кортежъ, направляется къ деревнѣ; Теперь во всѣхъ глазахъ читается ужасъ. Машина сдѣлалась страшной. Она обратила свою силу противъ тѣхъ, кто ей далъ ее; а потому вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ, когда чудовище поставили, наконецъ, на пароходъ, который опустился подъ его тяжестью и послалъ двѣ-три широкихъ волны въ берегъ. Вся рѣка содрогнулась и, казалось, говорила: «Какая тяжесть!» Наконецъ, она совсѣмъ установлена, и котлы ея подлѣ нея. Кровь, запятнавшую ее, поспѣшно вытерли; и прежній блескъ возвратился къ ней, но у нея нѣтъ уже прежней неподвижности, чувствуется, что она живая и вооруженная. Гордо возвышаясь на палубѣ уносящаго ее парохода, который, казалось, она сама увлекаетъ, она такъ прекрасна, что рабочіе, позабывъ ея преступленіе, посылаютъ ей вслѣдъ послѣднее, восторженное «ура!», съ любовью провожая ее глазами. «Плыви себѣ, машина, противъ морскихъ бурь и вѣтровъ; люди сдѣлали тебя такой сильной, что ты можешь ничего не бояться... Но потому именно, что ты сильна—не будь злой. Сдерживай эту силу, которую ты показала передъ отъѣздомъ, и уважай человѣческую жизнь, если хочешь, чтобъ заводъ Эндре гордился тобой!»

Въ этотъ вечеръ, на всемъ островѣ пировали; всюду слышался веселый говоръ и смѣхъ. Хотя утренняя катастрофа нѣсколько охладила энтузіазмъ, но въ каждомъ домѣ хотѣли воспользоваться праздникомъ. Даже въ мрачномъ зàмкѣ горѣли огни и раздавались пѣсни, чоканье стакановъ. У Рудиковъ, за длиннымъ столомъ собрались ихъ многочисленные друзья—сливки мастерскихъ. Сначала поговорили о происшествіи. «Дѣти еще были малы и не могли работать; директоръ обѣщалъ вдовѣ пенсію...» Потомъ машина опять завладѣла мыслями всего общества. Теперь эта долгая работа перешла въ воспоминаніе. Припоминались различные эпизоды, трудности, съ которыми приходилось бороться. Надо было слышать волосатаго гиганта Лебескана, когда онъ разсказывалъ о сопротивленіи металла и чего имъ стоило подчинить его молоту. Глаза его горѣли, словно огонь кузницы отражался въ нихъ. Столъ дрожалъ подъ ударами его кулака. Ему казалось, что въ эту минуту онъ все еще на работѣ. И собесѣдники кивали головами, съ видомъ одобренія. — Жакъ также слушалъ эти разговоры, и въ первый разъ съ лю-

бопытствомъ. Это былъ рекрутъ между ветеранами. Само собой разумѣется, что отъ этихъ воспоминаній о тяжолыхъ трудахъ у разсказчиковъ значительно пересохло въ горлѣ и что явилась необходимость промочить его. Потомъ принялись пѣть хоромъ, и Жакъ, примѣшивая свой голосишко къ этому концерту фальшивившихъ голосовъ, подхватывалъ вмѣстѣ съ другими:

Къ цвѣтущимъ берегамъ
Отчизны нашей милой,
Плывемъ, плывемъ, друзья!

Еслибы жители Ольховки увидѣли его, они остались бы имъ довольны. Загорѣлый отъ воздуха и жара кузницы, съ мозолями и рубцами на загрубѣлыхъ рукахъ, и подтягивавшій пошловатый напѣвъ, онъ уже мало чѣмъ отличался отъ товарищей. Это былъ настоящій работникъ. Даже Лебесканъ замѣтилъ Рудику:

— Ученикъ-то твой совсѣмъ другимъ смотритъ... Вотъ это такъ! Насилу-то научился въ ногу ходить, чортъ возьми!

IV.

Приданое Зинаиды.

Жакъ часто слыхалъ въ мастерскихъ, какъ рабочіе подсмѣивались между собой надъ Рудиками. Связь Кларисы съ Шарлò не была теперь ни для кого тайной. Директоръ, разлучивъ ихъ, не подозрѣвалъ, что это приведетъ къ открытому скандалу, къ окончательному паденію молодой женщины. Пока Шарлò жилъ въ Эндре, она еще находила силу бороться съ собой. Ей помогали честность среды, уваженіе къ дому мужа, гдѣ родство ея съ Шарлò чувствовалось сильнѣе и придавало винѣ ихъ какой-то отталкивающій характеръ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился въ Сен-Назэръ, все пошло иначе: сначала стали переписываться, потомъ видѣться. Отъ Сен-Назэра до Нижней Эндры всего два часа пути; а чтобъ попасть изъ Нижней Эндры въ Эндре, нужно только переправиться черезъ Луару. Они видѣлись въ Нижней Эндрѣ. Шарлò имѣлъ теперь болѣе свободнаго времени и могъ отлучаться когда хотѣлъ. Съ своей стороны, Клариса всегда находила предлогъ ѣхать за рѣку, хотя бы для закупки провизіи, которой не было на островѣ. Они наняли комнатку въ трактирѣ, на большой дорогѣ. Въ Эндре всѣ это знали и открыто говорили объ ихъ связи. Когда Клариса шла по улицѣ къ набережной, въ рабочее время, послѣ того, какъ флагъ былъ спущенъ и, слѣдовательно, мужъ не могъ потре-

вожить ее, она замѣчала улыбочки, встрѣчавшихся ей на дорогѣ мужчинъ, сторожей и служащихъ — какую-то особенную фамильярность въ поклонахъ ихъ; между тѣмъ, какъ въ отворенныхъ дверяхъ домовъ или за занавѣсками оконъ ее подстерегали непріязненныя лица женщинъ. Она слышала, проходя мимо нихъ, шепотъ: «идетъ, идетъ».

Ну, да; она шла; она не въ силахъ была совладать съ собой; она шла преслѣдуемая всеобщимъ презрѣніемъ, умиравшая отъ стыда и страха, съ опущенными глазами, съ выступавшимъ на вискахъ потомъ, съ горѣвшими щеками, которыхъ не освѣжалъ и вѣтеръ рѣки, но все-таки шла. Эти слабыя созданія иногда ужасно упорны...

Жакъ все это зналъ. Прошло то время, когда они съ Маду ломали себѣ голову надъ тѣмъ, что̀ значитъ «кокотка». Мастерскія быстро просвѣщаютъ, на этотъ счетъ, дѣтей. Рабочіе не затруднялись называть при немъ вещи ихъ настоящими именами. Братьямъ Рудикъ они дали для отличія, прозвища: одному Рудикъ-пѣвецъ, другому Рудикъ-рогатый, и смѣялись, потому что въ народѣ, позоръ этого рода вызываетъ смѣхъ. Старая галльская кровь такъ хочетъ. Но Жакъ не смѣялся. Ему жаль было и этого бѣднаго мужа, наивнаго, любящаго, ослѣпленнаго, и эту женщину, молчаливую, сосредоточенную въ себѣ, всегда какъ будто просившую пощады и слабость которой сказывалась даже въ томъ, какъ она убирала себѣ голову, какъ падали руки ея. Онъ бы хотѣлъ поговорить съ нею, предостеречь ее, сказать: «Берегитесь... за вами слѣдятъ... на васъ смотрятъ...» И еслибы онъ могъ дорости до этого кудряваго верзилы Шарло̀ и гдѣ-нибудь въ углу схватить его за шиворотъ... «Убирайтесь, оставьте въ покоѣ эту несчастную женщину». Но въ особенности онъ возмущался тѣмъ, что его пріятель Белизеръ игралъ роль въ этой интригѣ. Нѣсколько разъ замѣчалъ онъ, какъ разносчикъ, мимоходомъ бросалъ письмо въ передникъ г-жи Рудикъ, получая взамѣнъ какую-нибудь монету. Жаку было это такъ противно, что онъ избѣгалъ видѣться съ Белизеромъ; и, когда тотъ, встрѣчаясь съ нимъ, пріятно улыбался ему или пробовалъ заговорить съ нимъ «о той доброй, красивой дамѣ» или объ извѣстномъ окорокѣ ветчины, прежняго очарованія уже не было. «Здравствуйте, здравствуйте», говорилъ Жакъ, или: «мнѣ нѣкогда нынче» и уходилъ поспѣшно, оставляя разносчика въ изумленіи, съ разинутымъ ртомъ. Однажды Белизеръ, не найдя Кларису дома, подстерегъ Жака, у мастерскихъ, и сунулъ ему въ руку запечатанное письмо. «Г-жѣ Рудикъ, сказалъ онъ таин-

ственно; тссъ! Ей въ руки — смотрите!» Жакъ узналъ руку Шарлò, который, вѣроятно, ждалъ Кларису.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Я за это порученіе не возьмусь; да и вамъ лучше бы продавать шляпы, нежели заниматься такимъ комиссіонерствомъ.

Белизеръ, озадаченный, смотрѣлъ на него.

— Вѣдь, вы знаете, чтò въ этомъ письмѣ, знаете, какъ и всѣ. Неужели же, вы думаете, что съ вашей стороны хорошо помогать обманывать этого добраго человѣка? Земляное лицо Белизера вспыхнуло.

— Вотъ обидное слово, г. Жакъ! Я никогда никого не обманывалъ, и всѣ, кто зналъ Белизера, подтвердятъ это. Мнѣ даютъ письма; и я отношу ихъ. Что же тутъ такого? Это—мои доходишки. Наша семья большая; вы сами знаете... Вправѣ ли я отказываться? Вы только подумайте... старикъ у меня работать не можетъ... братьевъ нужно содержать... мужъ сестры боленъ... А деньги-то куда трудно добываются... Вотъ я и башмаковъ себѣ по мѣркѣ не въ состояніи сдѣлать. Еслибъ я захотѣлъ обманывать добрыхъ людей, я бы былъ побогаче...» И онъ говорилъ это съ такимъ честнымъ и убѣжденнымъ видомъ, что трудно было сердиться на него. Жакъ старался объяснить ему, что онъ неправъ; но напрасно. «Мои доходишки... братьевъ кормить... старикъ не работаетъ...» Сильный этими аргументами, Белизеръ не искалъ другихъ. Онъ былъ честенъ, но очевидно, что эта честность была другая, нежели честность Жака. Тонкостей, оттѣнковъ, деликатности—нельзя было отъ него требовать. Они встрѣчаются въ народѣ, какъ исключеніе, какъ рѣдкій цвѣтокъ между полевыми растеніями. Жакъ пожалъ ему руку и удалился, не прибавивъ ни слова.

Что Рудикъ ничего не зналъ о происходившемъ, это было понятно. Онъ проводилъ всѣ дни въ мастерской, въ средѣ добрыхъ товарищей, уважавшихъ его довѣрчивость, нѣжную и наивную. Но Зинаида, Зинаида—о чемъ она думала? Гдѣ же былъ этотъ аргусъ? Или онъ потерялъ глаза?

Зинаида была тутъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что ея работа въ зàмкѣ кончилась. И добрые, пытливые глаза ея были открыты. Они даже пріобрѣли необычайный блескъ и живость. Они говорили, на своемъ языкѣ, и даже кричали: «Зинаида выходитъ замужъ! У Зинаиды есть женихъ!» Этотъ женихъ былъ красивый, таможенный бригадиръ, съ перетянутой таліей, съ маленькими усиками; въ зеленомъ мундирѣ, въ кепи съ галуномъ, надѣтой на бекрень. Во всемъ нантскомъ портѣ—а онъ очень великъ, и таможенныхъ въ немъ не мало—былъ только одинъ

такой бригадиръ, и этотъ одинъ достался на долю Зинаиды. Правда, онъ стоилъ ей дорого или, по крайней мѣрѣ, стоилъ дорого старику Рудику: а именно семь тысячъ франковъ, которые тотъ копилъ по грошамъ въ теченіи двадцати лѣтъ. Семь тысячъ франковъ! Бригадиръ Манженъ никакъ не хотѣлъ взять меньше. Только подъ этимъ условіемъ, онъ соглашался находить черты Зинаиды правильными, станъ ея стройнымъ; и предпочесть ее всѣмъ нантскимъ гризеткамъ, всѣмъ хорошенькимъ солеваркамъ, которыя, принося свою соль въ таможню, сильно увивались около него. Рудику казалось, что притязанія бригадира черезъ-чуръ велики. «Что̀ будетъ съ Кларисой въ случаѣ моей смерти», думалъ онъ. Наконецъ, у него могли родиться еще дѣти. Но жена его выказала большое великодушіе.

— Что̀ за бѣда! говорила она.—Ты еще не старъ; и долго еще можешь работать. Мы будемъ бережливы. Пускай ужь она выйдетъ за своего красиваго бригадира. Ты видишь, она отъ него безъ ума.

Какъ влюбленная женщина, Клариса угадывала, понимала страсть.

Съ тѣхъ поръ, какъ Зинаида увидѣла возможность сдѣлаться г-жей Манженъ, она не спала, не ѣла. На нее, такую положительную, вдругъ напа́ла мечтательность. Она по цѣлымъ днямъ сидѣла передъ своимъ зеркаломъ, причесываясь, разсматривая лицо свое; и вдругъ иногда, съ комическимъ отчаяніемъ, высовывала себѣ языкъ. Бѣдняжка не обольщалась насчетъ своей красоты... «Я знаю, что я дурна, говорила она:—и что г. Манженъ не влюбленъ въ меня. Но это ничего; пусть только женится. Ужь это мое дѣло—заставить полюбить себя.

Постоянная мысль объ этомъ бракѣ, боязнь, что онъ не состоится, и потомъ радость, когда дѣло наконецъ уладилось—все это отвлекало ея отъ бдительнаго надзора. Притомъ же, Шарло̀ не было въ Эндре; и, наконецъ, Клариса выказала такое великодушіе, что Зинаида немножко позабыла свои подозрѣнія. Что̀ вы хотите! Прежде всего она была женщина, и потомъ уже дочь; порой, когда она шила свое приданое, свое подвѣнечное платье, у ней вдругъ являлись порывы нѣжности, благодарности. Она бросала свой наперстокъ и ножницы и, вскочивъ съ мѣста, принималась обнимать, цаловать свою мачиху, рискуя уколоть ее, потому что корсажъ Зенаиды, по прежнему, былъ весь утыканъ булавками. Она не замѣчала блѣдности и смущенія Кларисы; точно также, какъ не замѣчала ея частныхъ отсутствій и не слыхала, что говорилось на главной ули-

пѣ Эндре. Она видѣла и слышала только свое счастье, жила въ радостной экзальтаціи, въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

Свадьба была уже назначена черезъ двѣ недѣли. Въ маленькомъ домикѣ Рудика царствовало теперь оживленіе, всегда предшествующее свадьбѣ. То и дѣло слышались ходьба, хлопанье дверьми, болтовня, смѣхъ. Зинаида по десяти разъ на день бѣгала съ верху внизъ и снизу въ верхъ, по деревянной лѣстницѣ, прыгая съ рѣзвостью молодаго гипопотама; примѣривала платья, болтала съ подругами, кумушками, разсматривала присланные подарки; а ей присылали ихъ много, потому что эту толстушку, несмотря на ея нѣсколько хмурый видъ, всѣ очень любили. Жакъ тоже готовился подарить ей чтò-нибудь, по случаю ея свадьбы. Мать прислала ему на это, а также на новое платье, сто франковъ, которые ей удалось сберечь, отъ своихъ туалетныхъ денегъ, что было не легко, потому что поэтъ повѣрялъ всѣ расходы. Но она просила Жака ни подъ какимъ видомъ не упоминать въ своихъ письмахъ объ этой присылкѣ и не говорить о ней ни слова Рудику, который, пожалуй, вздумалъ бы благодарить ее. Жакъ, съ тѣхъ поръ, какъ эти деньги лежали у него въ карманѣ, чувствовалъ себя веселымъ и гордымъ; у него появилась какая-то развязность, апломбъ. Онъ радовался, что сошьетъ себѣ новое чистое платье и что долженъ ѣхать за этимъ въ Нантъ. Поѣздка въ Нантъ была для него настоящимъ праздникомъ, и онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ перваго свободнаго дня. Одно только затрудняло его, чтò подарить Зинаидѣ? Чтò дарятъ обыкновенно невѣстамъ? Чтò могло доставить ей удовольствіе? Кàкъ угадать, чего ей недоставало? Надобно было увидѣть, чтò у ней есть. Жакъ раздумывалъ обо всемъ этомъ однажды зимнимъ вечеромъ, возвращаясь къ Рудикамъ. Было очень темно. Около самаго дома, онъ наткнулся на человѣка, бѣжавшаго вдоль стѣны.

— Это вы, Белизеръ? спросилъ онъ.

Отвѣта не было. Но, отворивъ дверь, Жакъ увидѣлъ, что онъ не ошибся, что тутъ былъ Белизеръ. Клариса стояла въ корридорѣ и читала письмо при свѣтѣ, выходившемъ изъ гостиной. Она такъ была погружена въ это чтеніе, что не обратила вниманія на Жака. Изъ письма этого, она, вѣроятно, узнала чтò-нибудь необычайное. Тогда Жакъ припомнилъ, что онъ слышалъ въ этотъ день, въ мастерскихъ, что будто Шарлò проигралъ очень крупную сумму въ Сен-Назэрѣ, играя съ механиками одного англійскаго корабля, недавно прибывшаго изъ Калькутты. На этотъ разъ, всѣ спрашивали себя, кàкъ онъ вывернется

и чѣмъ заплатитъ. Судя по волненію Клярисы, несомнѣнно было, что въ письмѣ сообщалось именно объ этомъ.

Въ гостиной Зинаида и Манженъ были одни. Рудикъ отсутствовалъ; онъ уѣхалъ въ Шатабріанъ, гдѣ находились документы его дочери. Это не помѣшало молодому бригадиру пріѣхать въ Эндре обѣдать, такъ какъ г-жа Рудикъ оставалась дома. Притомъ онъ имѣлъ видъ очень спокойный, совсѣмъ не опасный. Въ настоящую минуту, развалясь въ спокойномъ креслѣ хозяина, между тѣмъ какъ Зинаида, нарядная, причесанная руками мачихи, накрывала на столъ, онъ весьма серьёзно разговаривалъ съ ней о таможенномъ тарифѣ, объясняя ей сколько платятъ пошлины за ввозъ индиго, трескового жира и другихъ продуктовъ, въ нантскій портъ. Предметъ, кажется, не интересный; но любовь—такой великій чародѣй, что Зинаида, при каждой цифрѣ, таяла отъ удовольствія, словно эти подробности о ввозѣ и вывозѣ были какой-нибудь прелестной мелодіей. Появленіе Жака прервало бесѣду ихъ.

— Ахъ, Боже мой! Жакъ воротился; значитъ, ужь очень поздно, а еще супъ не на столѣ. Жакъ, голубчикъ, сходи на погребъ... да гдѣ же мамаша? Мамаша! мамаша!

Клариса вошла, еще очень блѣдная, но, повидимому, нѣсколько успокоившаяся. «Бѣдная женщина!» подумалъ Жакъ, видя, какія она дѣлала надъ собой усилія, чтобы улыбаться, ѣсть, разговаривать; и съ какою жадностью пила воду, опоражнивая залпомъ стаканъ за стаканомъ, чтобы подавить страшное волненіе, тѣснившее ей горло. Зинаида не замѣчала ничего. Она не сводила глазъ съ тарелки бригадира; не чувствуя сама аппетита отъ избытка счастья, она, казалось, была очарована, тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ поглощалъ всѣ подаваемые ему куски, ни на минуту не прерывая своего повѣствованія о сравнительномъ тарифѣ на свиное сало въ сыромъ видѣ и на топленое. Этотъ Манженъ былъ сама таможня, принявшая человѣческій видъ. Краснобай, подбиравшій изысканныя, кудреватыя выраженія, онъ говорилъ медленно, методически, но еще медленнѣе ѣлъ; онъ не могъ отрѣзать себѣ малѣйшаго кусочка хлѣба, безъ того, чтобы не осмотрѣть его, не изслѣдовать, не ощупать со всѣхъ сторонъ; точно также, онъ каждый разъ подносилъ свой стаканъ къ лампѣ, разсматривая вино на свѣтъ и смакуя его, прежде чѣмъ начать пить. Можно было подумать, что онъ все сомнѣвается—не контрабанда ли это, и не слѣдуетъ ли ему конфисковать всѣ эти продукты, какъ неоплаченныя надлежащей пошлиной? Поэтому, когда онъ былъ тутъ, обѣдъ длился безъ конца. Въ тотъ вечеръ, онъ, казалось,

болѣе, чѣмъ когда-нибудь, выводилъ изъ терпѣнія Клариссу; она безпрестанно вставала съ своего мѣста, подходила къ окну, прислушивалась, какъ градъ стучалъ въ стекла, и, наконецъ, сказала:

— Погода становится все хуже и хуже... кàкъ вы возвратитесь домой, мой бѣдный Манженъ! Я бы желала, чтобъ вы теперь были ужь у себя.

— А я, такъ, вовсе бы этого не желала, возразила Зинаида съ такой наивностью, что всѣ захохотали, и сама она громче другихъ.

Но кàкъ бы то ни было, слова Клариссы подѣйствовали; и бригадиръ, прервавъ разсужденіе о пошлинахъ на съѣстные припасы, сталъ собираться. Сборы эти продолжались также довольно долго. Зинаида употребила всѣ усилія чтобы выгадать хоть четверть часика лишнихъ. Надо было зажечь фонарь; застегнуть жениху перчатки; а спички, какъ нарочно, отсырѣли, и замшевыя перчатки застегивались съ такимъ трудомъ!

Наконецъ, таможеннаго жениха упаковали; ему надвинули на глаза башлыкъ, обвили вокругъ шеи въ два, три раза кашнэ, и онъ совсѣмъ изчезъ въ своемъ непромокаемомъ балахонѣ. Но и въ этомъ видѣ Зинаида находила его обольстительнымъ. Стоя на крыльцѣ, она долго и съ безпокойствомъ провожала глазами этотъ прелестный силуэтъ эскимоса, сопровождаемый качавшимся фонаремъ. Мачиха должна была позвать ее въ комнаты: «Пора, Зинаида. На дворѣ холодно». Въ голосѣ Клариссы звучала нетерпѣливая нотка, слышалось нервное раздраженіе, не укрывшееся отъ Жака. Однакожь, они проговорили еще нѣсколько минутъ, прибирая въ столовой. «Кàкъ поздно!» сказала Кларисса, взглянувъ на часы.

— Только бы онъ не опоздалъ къ поѣзду... отвѣтила Зинаида, мысленно слѣдившая за путешествіемъ своего жениха. «Вотъ онъ подошелъ къ берегу... кличетъ перевозчика... вотъ садится въ лодку»... думалось ей. Должно быть, холодно на Луарѣ! закончила она вслухъ свои мечтанія.

— О! дà... очень, очень холодно... отвѣчала ея мачиха, вздрогнувъ. Но не о красивомъ бригадирѣ тревожится она. Пробило десять часовъ. Она мгновенно вскочила, какъ дѣлаютъ, выпроваживая докучныхъ гостей. «Не идти ли намъ спать?»

Потомъ, увидѣвъ, что Жакъ направляется къ крыльцу, чтобы запереть, по обыкновенію, наружную дверь на ключь, она быстро остановила его: «я ужь заперла, заперла... Пойдемте на верхъ».

Но Зинаида не переставала болтать съ Жакомъ о бригадирѣ.

— Кàкъ вамъ нравятся бѣлокурые усики, Жакъ? Сколько,

бишь, платится пошлины-то за сало... Интересная вещь—этотъ тарифъ!

— Да пойдете-ли вы спать? спросила г-жа Рудикъ, дѣлая видъ, что смѣется, но содрогаясь всѣми своими нервами.

Наконецъ, всѣ трое поднялись на верхъ.

— Ну, прощайте! сказала Кларисса, уходя въ свою комнату. Я насилу стою. Спать хочется». Но глаза ея, однакожь, блестѣли. Жакъ ужь полѣзъ-было на свою вышку, но комната Зинаиды, въ этотъ вечеръ, была такъ завалена разными свадебными подарками, что онъ не могъ устоять противъ искушенія взглянуть на нихъ. Притомъ же, это—удобный случай узнать то, что̀ ему хотѣлось. Утромъ, приходили подруги, и всѣ сокровища были выложены на широкій комодъ и до сихъ поръ оставались тутъ: чего, чего тутъ ни было! вотъ дюжина чайныхъ ложечекъ, серебряный кофейникъ, молитвенникъ съ застёжками, ящикъ съ перчатками; это—все сюрпризы изъ за̀мка. Потомъ шли болѣе скромныя приношенія женъ мастеровъ и другихъ лицъ, служившихъ на заводѣ. Вуаль и вѣнокъ, присланные въ картонѣ изъ Нанта, были подарены сообща г-жей Керкабелекъ и г-жей Лебеллагвикъ. Г-жа Лемоаликъ прислала стѣнные часы, а г-жа Лебесканъ ковровую салфетку на столъ; и проч. и проч. Зинаида показывала все это съ гордостью и, тщательно завертывая, укладывала опять въ комодъ. «Что̀ бы мнѣ такое подарить ей?» спрашивалъ себя Жакъ.

— А бѣлье? вы еще не видали моего бѣлья, Жакъ? Погодите; я вамъ покажу.

Она отворила шкапъ, и глазамъ Жака представилась масса всякаго рода бѣлья съ вышивками, съ кружевами, въ величайшемъ порядкѣ сложеннаго, выглаженнаго, перемѣченнаго.

— Ну, это—все еще ничего... самое лучшее вотъ гдѣ... сказала Зинаида, показывая ему шкатулку, спрятанную подъ грудой кофтъ и юбокъ.—Знаете ли что̀ тутъ? Мое приданое! Мое милое приданое, благодаря которому, я черезъ двѣ недѣли буду называться мадамъ Манженъ. Тутъ деньги, Жакъ; всякія монеты и бѣленькія, и желтенькія. И все это—мое! Когда я только подумаю объ этомъ, мнѣ хочется и смѣяться, и плакать въ одно и тоже время... и плясать также.

И, въ порывѣ комической радости, толстушка, приподнявъ съ обѣихъ сторонъ платье, принялась выдѣлывать передъ шкатулкой, которой была обязана своимъ счастьемъ, тяжеловѣсные па̀, какъ вдругъ, ударъ въ стѣну прервалъ ее.

— Перестань, Зинаида. Отпусти этого ребенка; вѣдь, ему завтра чѣмъ свѣтъ вставать. Это былъ голосъ Клариссы, на этотъ

разъ говорившей совсѣмъ другимъ, раздражительнымъ тономъ. Будущая г-жа Манженъ, сконфузившись нѣсколько, стала поспѣшно укладывать и запирать свои вещи. Она простилась съ Жакомъ вполголоса, и онъ, приставивъ лѣсенку къ своимъ палатямъ, сталъ взбираться по ней. Пять минутъ спустя, маленькій домикъ, осыпанный снѣгомъ, убаюканный вѣтромъ, казалось, заснулъ также спокойно, какъ и его сосѣди.

Но наружность домовъ такъ же обманчива, какъ и наружность людей. И между тѣмъ, какъ ȯкна иного дома, закрытые, подобно отяжелѣвшимъ вѣкамъ, говорятъ о снѣ и спокойствіи, внутри его происходитъ самая мрачная драма.

Въ нижнемъ этажѣ, у Рудиковъ, огонь давно погашенъ; только уголья, догорающіе въ каминѣ, бросаютъ красноватый свѣтъ на мужчину и женщину, находящихся въ глубинѣ комнаты. Мужчина стоитъ на колѣняхъ. «Умоляю тебя, шепчетъ онъ:— умоляю, если ты меня любишь...» Чтȯ она можетъ еще дать ему? Развѣ она не вся его, во всякій часъ и вездѣ, и несмотря ни на чтȯ? Она нетолько оставила дверь отпертой, какъ онъ требовалъ этого, но, когда всѣ домашніе улеглись, нарядилась и причесалась, надѣла его любимое платье, серьги, которыя онъ подарилъ ей. Она хотѣла быть очень красивой въ эту ночь—первую, которую они проводили вмѣстѣ. Чего же онъ еще требовалъ отъ нея? Вѣроятно—чего нибудь ужаснаго, невозможнаго, чего у ней не было. Иначе, кȧкъ бы она могла сопротивляться страстнымъ объятіямъ этихъ рукъ, обвившихся около нея, краснорѣчивой мольбѣ этихъ жгучихъ глазъ, этимъ устамъ, прильнувшимъ къ ея устамъ... И, однакоже, она не уступала, она—такая слабая. Она нашла въ себѣ силу возмутиться противъ требованій этого человѣка и, съ негодованіемъ въ голосѣ, отвѣчать ему: О! нѣтъ; нѣтъ. Это невозможно...

— Но послушай же, Кларисса; если я говорю тебѣ, что это—только на два дня? Этими шестью тысячами франковъ я уплачу свой проигрышъ... а на остальныя отыграюсь.

Она глядѣла на него дико, съ ужасомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ

— Нѣтъ... только не это...

Казалось, она отвѣчаетъ нестолько ему, сколько себѣ самой, искушенію, таившемуся подъ ея сопротивленіемъ. Тогда онъ сталъ умолять ее еще съ бȯльшей нѣжностью; и она пыталась уклониться отъ его ласкъ, поцалуевъ, страстныхъ объятій, обыкновенно усыплявшихъ совѣсть бѣднаго, слабаго существа.

*

— О! нѣтъ... прошу тебя, не будемъ говорить объ этомъ. Поищемъ другого средства.

— Я тебѣ говорю, что его нѣтъ.

— Есть. Слушай. Я обращусь къ одной богатой подругѣ, съ которой воспитывалась вмѣстѣ въ монастырѣ; она живетъ въ Шатобріанѣ. Я ей напишу. Попрошу эти деньги для себя.

Она говорила то, что̀ ей первое приходило въ голову, чтобъ избавиться отъ его настояній. Онъ угадывалъ это.

— Невозможно, сказалъ онъ:—деньги нужны мнѣ завтра.

— Сходи къ директору... Онъ—добрый человѣкъ и любитъ тебя... можетъ быть...

— Кто? Онъ?.. Полно, пожалуйста. Онъ прогонитъ меня съ завода. Вотъ все, чего я добьюсь. И какъ я подумаю, что ничего не могло бы быть проще!.. Черезъ два дня я непремѣнно возвратилъ бы деньги.

Видя, что она упорно молчитъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ слабыми существами, ищущими защиты противъ себя и противъ другихъ въ молчаніи, онъ видѣлъ, что ему не удастся убѣдить ее, и у него вырвались зловѣщія слова̀:

— Напрасно я говорилъ тебѣ объ этомъ. Лучше бы мнѣ просто, не говоря ни слова, пойдти на верхъ, да взять въ шкапу что̀ мнѣ нужно.

— Но, несчастный, прошептала она, дрожа при мысли, что онъ можетъ сдѣлать это:—ты не знаешь, что Зинаида каждый день считаетъ и пересчитываетъ свои деньги. Она еще нынче показывала ихъ ученику.

Шарло̀ вздрогнулъ.

— А! Въ самомъ дѣлѣ?

— Да̀... Бѣдная дѣвушка такъ счастлива. Это бы убило ее. Да, притомъ, и ключъ не на шкапу...

— Что̀ со мной будетъ! повторялъ ежеминутно Шарло̀. Если онъ не заплатитъ этого долга, онъ погибъ, обезчещенъ; его никуда не примутъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, положивъ голову на колѣни Клариссы, называлъ ее «тётей, милой тётей». Это былъ уже не умолявшій любовникъ, а ребёнокъ, которому Рудикъ замѣнилъ отца и котораго всѣ баловали въ домѣ. Она плакала съ нимъ, но не уступала; и въ слезахъ продолжала повторять все одни и тѣ же слова̀: «нѣтъ, нѣтъ, нельзя». Вдругъ онъ всталъ.

— Ты не хочешь? Ну, хорошо же. Я знаю, что̀ мнѣ остается дѣлать. Прощай, Кларисса! Я не переживу своего позора!

Онъ ожидалъ крика, взрыва. Нѣтъ. Она прямо пошла къ нему.

— Ты хочешь умереть. И я также. Мнѣ опостылѣла эта

жизнь, полная лжи, преступленія, гдѣ любовь должна скрываться и такъ хорошо скрывается, что, наконецъ, не находишь ея. Идемъ!

Онъ остановилъ ее.

— Ка̀къ? ты хочешь... Какое безуміе! это невозможно...

Но его аргументы и принужденія истощились. Онъ почувствовалъ озлобленіе противъ этой внезапно возмутившейся воли. Кровь бросилась ему въ голову.

— Это, наконецъ, слишкомъ глупо! сказалъ онъ въ какомъ-то опьяненіи и кинулся къ лѣстницѣ. Но Кларисса предупредила его и, стоя на первой ступенькѣ, спросила:

— Куда ты?

— Оставь меня... оставь... такъ нужно... бормоталъ онъ.

Она уцѣпилась за него: «Не дѣлай этого; прошу тебя».

Но опьяненіе росло. Онъ ничего не слушалъ.

— Берегись. Если ты сдѣлаешь шагъ, я закричу, позову...

— Ну, такъ, зови! Пусть всѣ узнаютъ что ты—любовница своего племянника, и что твой любовникъ—воръ!

Онъ сказалъ это, нагнувшись къ самому лицу ея, потому что они говорили шопотомъ въ этой борьбѣ. При красноватомъ, догорающемъ свѣтѣ очага, онъ вдругъ предсталъ ей въ эту минуту такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Одно изъ тѣхъ сильныхъ душевныхъ движеній, которыя, искажая черты человѣка, открываютъ внезапно всю его суть, разоблачило Шарло̀. Она увидѣла его тонкія губы, его раздутыя ноздри, его глаза, сдѣлавшіеся косыми, потому что безпрестанно смотрѣли въ карты; она вспомнила все, чѣмъ пожертвовала этому человѣку и ка̀къ принарядилась для него въ эту ночь, и ею овладѣло глубокое отвращеніе къ нему и къ себѣ самой. И, между тѣмъ какъ онъ взбирался по лѣстницѣ, какъ шарилъ въ отцовскомъ домѣ, всѣ уголки котораго были ему извѣстны, она, упавъ на диванъ, спрятала голову въ подушки, чтобъ заглушить рыданія, чтобъ ничего не видѣть, ничего не слышать.

V.

Пьянство.

Было около шести часовъ утра. На улицахъ Эндре, еще тёмныхъ, кое-гдѣ, въ погребкахъ и булочныхъ, мерцали тусклые огоньки, словно сквозь пропитанную масломъ бумагу. Въ одномъ изъ кабачковъ, племянникъ Рудика и его ученикъ сидѣли за столикомъ, попивая и разговаривая.

— Еще стаканчикъ, Жакъ.

— Нѣтъ, г. Шарлò, довольно. Я не привыкъ пить. Боюсь, что мнѣ дурно сдѣлается.

Шарлò засмѣялся. «Перестань! Ты шутишь. Такой парижанинъ, какъ ты... Эй, малый! еще два стакана бѣлаго; да проворнѣе».

Жакъ не смѣлъ отказаться. Внимательность Шарлò ему льстила. Гордый, красивый рисовальщикъ, обыкновенно обходившійся съ нимъ такъ презрительно и, въ теченіи полутора года, всего раза два или три удостоившій его словомъ, встрѣтившись съ нимъ въ это утро, въ Эндре, самъ подошелъ къ нему и по товарищески пригласилъ его въ кабакъ, гдѣ они опорожнили уже три разноцвѣтныхъ стаканчика. Это показалось Жаку до такой степени необычайнымъ, что даже, сначала, возбудило въ немъ недовѣріе. Шарлò какъ-то странно смотрѣлъ на него и съ какой-то настойчивостью то и дѣло спрашивалъ: «Такъ у Рудиковъ ничего нѣтъ новаго? ничего?»

Жакъ говорилъ про себя: не думаешь ли ты, любезный, что я стану, какъ Белизеръ, исполнять твои порученія... «Но это дурное впечатлѣніе скоро разсѣялось. Послѣ втораго стакана, онъ почувствовалъ себя свободнѣй». Въ сущности, этотъ Шарлò, кажется, былъ недурной малый; онъ, скорѣй, былъ несчастливъ! Страсти обуревали его, и кàкъ знать? Онъ, можетъ быть, нуждался только въ дружескомъ совѣтѣ, въ участіи, которое могло бы вывести его опять на настоящую дорогу, отучило бы отъ игры заставило бы уважать семейный очагъ дяди. Послѣ третьяго стак на, у Жака явилась вдругъ сердечная излiятельность, нѣжность. Онъ предложилъ Шарлò свою дружбу, и тотъ съ благодарностью принялъ ее.

— Я вотъ чтò скажу вамъ, Шарлò... послушайтесь меня... не играйте... Ей Богу...» Судя по нервному движенію губъ Шарлò, ударъ нанесенъ былъ метко. Рисовальщикъ, вѣроятно, желая

скрыть свое смущеніе, залпомъ осушилъ стаканъ. Жакъ, довольный произведеннымъ эффектомъ, не остановился на этомъ.

— И потомъ, еще одна вещь... Шарлò...

Голосъ кабачника прервалъ ихъ, къ счастью, потому что на этотъ разъ рисовальщику трудно было бы совладать съ своимъ волненіемъ.

— Эй, ребята... колоколъ, слышите?

Въ холодномъ, утреннемъ воздухѣ, монотонный, зловѣщій звонъ смѣшивался съ движеніемъ безмолвной толпы, съ кашляньемъ и стукомъ деревянныхъ башмаковъ на улицахъ.

— Нужно идти, сказалъ Жакъ; и, такъ какъ другъ его платилъ уже два раза, то онъ непремѣнно желалъ заплатить теперь самъ и, вынувъ изъ кармана, съ нѣкоторой гордостью, луидоръ, бросилъ его на конторку, сказавъ кабачнику:—получите.

— Чортъ возьми! рыжикъ... проговорилъ кабачникъ, не привыкшій видѣть такія монеты въ кошелькахъ учениковъ. Шарлò не сказалъ ни слова; но вздрогнулъ, подумавъ: «ужь не лазилъ ли въ шкапъ и этотъ?» Жакъ торжествовалъ, видя ихъ удивленіе.

— У насъ и еще найдется! сказалъ онъ, похлопывая по своему карману, въ которомъ звенѣли деньги, потомъ, нагнувшись къ уху Шарлò, прибавилъ: «Это—на подарокъ Зинаидѣ».

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчалъ тотъ, улыбнувшись зло.

Кабачникъ продолжалъ вертѣть въ рукахъ и разглядывать луидоръ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Да торопись же, сказалъ ему Жакъ:—Пожалуй, флагъ спустятъ.

Дѣйствительно, колоколъ звонилъ еще, но все тише и рѣже, какъ-будто у него не хватало голоса для послѣднихъ призывовъ. Наконецъ, расплатившись, пріятели вышли подъ руку.

— Кàкъ это досадно, Жакъ, что тебѣ нужно возвращаться на заводъ. Пароходъ отправляется въ Сен-Назэръ черезъ часъ. Я бы охотно поболталъ съ тобой еще. Мнѣ такъ пріятно слушать тебя. Ахъ! еслибъ со мной всегда говорили такъ...

И онъ незамѣтно увлекалъ Жака къ берегу Луары. Тотъ не противился. Послѣ душнаго воздуха кабачка и трехъ стакановъ водки, его разобрало на чистомъ воздухѣ. Онъ шелъ, спотыкаясь на каждомъ шагу и крѣпко ухватившись за руку своего новаго друга, чтобъ не упасть. Его точно ударили по головѣ или свинцовая шапка сжала ему черепъ. Но это продолжалось лишь нѣсколько минутъ.

— Стойте!.. Мнѣ кажется, что колокола не слышно больше.

— Не можетъ быть.

Они обернулись. Надъ заводомъ бѣлѣло утро. Флагъ исчезъ. Жакъ пришелъ въ ужасъ; это случилось съ нимъ въ первый разъ. Но Шарлò, казалось, былъ огорченъ еще болѣе.

— Это—по моей винѣ... по моей винѣ, повторялъ онъ и вызывался идти къ директору умолять его, объяснить ему, что всему причиною былъ одинъ онъ, Шарлò.

— Ну, вотъ еще! Не умру же я отъ этого, что меня разъ отмѣтятъ неявившимся. Побудемъ вмѣстѣ... Я провожу васъ до парохода и возвращусь къ десятичасовому колоколу, такъ что дѣло обойдется одной нахлобучкой Лебескана...

Эта-то нахлобучка и ужасала его. Но чувство гордости, которое онъ испытывалъ, идя подъ руку съ рисовальщикомъ, и убѣжденіе, что онъ направитъ его на путь истинный, превозмогли этотъ ужасъ.

Идя къ рѣкѣ, Жакъ опять навелъ разговоръ на прежнюю тэму. Онъ хвалилъ доброту Рудика, его довѣріе къ Клариссѣ и удивлялся, почему эта молодая женщина, которая, повидимому, должна бы быть вполнѣ счастливой, по временамъ, такъ блѣдна и печальна.

— Ахъ! еслибъ вы видѣли ее сегодня утромъ, въ то время, какъ я уходилъ! Она просто походила на мертвую.

Рука Шарлò дрожала подъ рукой Жака, чтò доказывало, что у рисовальщика еще несовсѣмъ загрубѣло сердце.

— Она ничего не говорила тебѣ, Жакъ? Дѣйствительно, ничего?

— Ничего, ни слова. Зинаида говорила съ ней; но она не отвѣчала и ничего не ѣла. Я боюсь—не больна ли она.

— Бѣдная женщина!.. произнесъ Шарлò и вздохнулъ свободнѣе. Жакъ, приписывая этотъ вздохъ его горести, почувствовалъ къ нему сожалѣніе.

— На этотъ разъ довольно, сказалъ онъ себѣ.—Не надо слишкомъ огорчать его.

Они подошли къ набережной, парохода еще не было. Густой туманъ стоялъ надъ рѣкой.

— Не зайдти ли намъ сюда? спросилъ Шарлò, указывая на досчатый баракъ, съ скамейками внутри, гдѣ, въ ненастье, работники обыкновенно дожидались перевоза. Клариссѣ хорошо былъ знакомъ этотъ баракъ! и старуха, торговавшая въ немъ водкой и чернымъ кофе, не разъ видала г-жу Рудикъ, сидѣвшую здѣсь, въ ожиданіи лодочника, и потомъ переѣзжавшую черезъ Луару «въ собачью погоду».

— Холодненько, ребятушки; не пропустите ли рюмочку? спросила старуха вошедшихъ.

Жакъ былъ не прочь, но подъ условіемъ, чтобъ платилъ онъ, и даже пригласилъ выпить матроса, караулившаго береговой телеграфъ и дрожавшаго отъ холода. Матросъ и Шарлò залпомъ проглотили свою порцію, причемъ матросъ крякнулъ отъ удовольствія и утеръ себѣ ротъ рукавомъ.

Жакъ послѣдовалъ ихъ примѣру; но ему показалось, что онъ проглотилъ раскаленное желѣзо. Вдругъ раздался свистокъ; это былъ пароходъ; пришлось разстаться.

— Ты—славный малый, Жакъ, и я тебѣ очень благодаренъ за твои совѣты, сказалъ Шарлò, прощаясь.

— Ну, вотъ! Есть за чтò! отвѣчалъ Жакъ, крѣпко пожимая ему руку. — Главное, не забывайте, чтò я вамъ говорилъ... не играйте...

— О! никогда больше...

И Шарлò поспѣшилъ перейти на пароходъ, чтобъ не расхохотаться въ лицо своему новому другу.

Когда пароходъ отчалилъ, Жакъ потерялъ всякую охоту возвращаться на заводъ. Ему было какъ-то особенно весело; хотѣлось кричать, бѣгать, жестикулировать. Онъ чувствовалъ, что кровь кипитъ въ немъ. Даже бѣлый туманъ, стлавшійся надъ Луарой и который прорѣзывали черные корабли, проходившіе, какъ китайскія тѣни, казался ему веселымъ и привлекательнымъ... но чтò онъ, напротивъ, находилъ отвратительнымъ и зловѣщимъ, такъ это стукъ молотовъ, тотъ глухой шумъ, слишкомъ хорошо знакомый ему, который долеталъ до него и отъ котораго ему хотѣлось теперь бѣжать. Да, и въ самомъ дѣлѣ: будетъ ли его отсутствіе продолжаться весь день, или нѣсколько часовъ—Лебесканъ все равно распечетъ его; и ему пришла въ голову мысль:

«Почему не воспользоваться случаемъ и не поѣхать ужь кстати въ Нантъ за подаркомъ для Зинаиды?»

Онъ сѣлъ въ лодку и вскорѣ очутился на станціи. Но поѣздъ шелъ только въ двѣнадцать часовъ. Куда дѣвать время? Въ пассажирской залѣ было пусто и холодно. Подъ òкнами завывалъ вѣтеръ. Онъ зашелъ въ трактиръ, который, хотя и стоялъ въ открытомъ полѣ, но посѣщался болѣе рабочими, нежели крестьянами. Несмотря на раннее утро, почти всѣ столы были заняты, и чадъ отъ освѣщавшихъ ихъ маленькихъ петролевыхъ лампъ смѣшивался съ табачнымъ дымомъ; духота была страшная. Здѣсь собирались подонки мастерскихъ, лѣнтяи, неудачники ремесла, пьяницы, проводившіе въ кутежѣ всю недѣлю—

словомъ, всѣ, для кого трудъ былъ тяжелъ, а стаканъ легокъ. Повсюду виднѣлись заспанныя, обрюзглыя, опухшія лица. Задыхаясь отъ дыму, Жакъ колебался, присѣсть ли ему на скамейкѣ вмѣстѣ съ другими, или уйти, когда его окликнули: «Эй! Аптекъ!» Онъ оглянулся: «Ба! да это—Гасконь!»

Гасконь былъ работникъ, выгнанный изъ Эндре за пьянство. За однимъ столомъ съ нимъ сидѣлъ молодой матросикъ, лѣтъ шестнадцати или семнадцати, безъ бороды, но съ поблекшимъ уже и наглымъ лицомъ. Жакъ присоединился къ этой пріятной компаніи.

— Ты, значитъ, тоже не прочь отъ рюмочки, старина? сказалъ Гасконь.—Садись же къ намъ, выпьемъ вмѣстѣ.

И между ними начался обмѣнъ любезностей, взаимное подчиванье изъ бутылокъ всякихъ цвѣтовъ. Жака особенно очаровалъ матросикъ. Онъ такъ щегольски носилъ свой хорошенькій костюмъ и говорилъ съ такимъ апломбомъ, съ такой смѣлостью, не боясь ни Бога, ни жандармовъ. Онъ ужь два раза ходилъ вокругъ свѣта и разсказывалъ объ Явѣ, какъ будто она была на той сторонѣ Луары. Съ какой охотой промѣнялъ бы Жакъ свою блузу и весь свой некрасивый нарядъ на его клеенчатую шляпу, ухарски сидѣвшую на затылкѣ, на его блѣдно-голубой поясъ, полинявшій отъ солнца и морской воды. Вотъ это—такъ профессія! думалъ онъ. Приключенья, опасности... Но морякъ, однако, жаловался. «Слишкомъ много бульону и мало мяса», повторялъ онъ ежеминутно. Жаку это выраженіе ужасно понравилось. Онъ находилъ это очень остроумнымъ: «Слишкомъ много бульону и мало мяса! Молодцы—эти матросы!»

— Это—какъ въ Эндре! прибавилъ Гасконь.—Вотъ трущоба-то!

И онъ принялся ругать директора, помощниковъ и «всю эту сволочь, которая сидитъ-себѣ сложа руки, тогда какъ мы надрываемся за работой».

— Да... это правда... много кой-чего можно сказать противъ нихъ... вторилъ Жакъ.

И ему вдругъ пришли на память теоріи пѣвца Лабассендра о правахъ работниковъ и тираннія капитала. Языкъ «старичины Жака», въ это утро, развязался, какъ и его ноги. Мало по малу, его краснорѣчіе заставило замолчать всѣхъ трактирныхъ говоруновъ. Его слушали. Около него шептали: «Бойкій мальчуганъ! Видно, что изъ Парижа». Для полнаго эффекта ему недоставало только голоса Лабассендра. Но подъ конецъ, однакожь, рѣчь его стала путаться, сдѣлалась непонятной для него самого. Голова его отяжелѣла; онъ потерялъ сознаніе. Ощущеніе свѣжести на лбу привело его въ себя. Онъ сидѣлъ на берегу

Луары. Матросикъ смачивалъ ему голову водой. Но кàкъ же онъ очутился тутъ?

— Ну, чтò, получше? спросилъ матросикъ.

— Ничего... мнѣ хорошо, отвѣчалъ Жакъ, весь дрожа отъ холода...

— Ну, такъ въ путь.

— Кàкъ въ путь? Куда? спросилъ Жакъ съ удивленіемъ.

— Въ Нантъ. Развѣ ты забылъ, что нанялъ туда лодочника въ кабакѣ. Вотъ и Гасконь возвращается съ провизіей.

— Съ провизіей?

— Вотъ тебѣ сдача, говорилъ Гасконь, тащившій корзину, изъ которой выглядывали горлышки бутылокъ и хлѣбы. — Ѣдемъ, ребята, живѣй. Вѣтеръ дуетъ попутный; черезъ часъ будемъ въ Нантѣ, и ужь тамъ зададимъ выпивку!

Жакъ ясно сознавалъ въ эту минуту, чтò онъ дѣлаетъ и въ какую пропасть катится. Ему хотѣлось прыгнуть въ другую лодку, стоявшую по близости, и возвратиться въ Эндре; но для этого требовалось усиліе воли, на которое онъ не былъ способенъ.

— Ну, чтò же? Ты еще блѣденъ; завтракъ тебя подкрѣпитъ.

Онъ не сопротивлялся, и они отчалили. «Впрочемъ, думалъ онъ: — у меня еще остаются деньги и на платье, и на подарокъ Зинаидѣ».

Всю дорогу Жака смущалъ пристальный взглядъ, устремленный на него лодочникомъ. Чтобъ отдѣлаться отъ этого взгляда, который словно говорилъ ему: «Кàкъ тебѣ не стыдно, мальчишка!», онъ сталъ подчивать лодочника виномъ; но тотъ сдѣлалъ знакъ головой, что не хочетъ.

— Оставь его въ покоѣ, сказалъ Жаку матросикъ. — Вѣдь, онъ не хотѣлъ и везти-то тебя. Ужь жена уговорила его. Онъ все говорилъ, что у тебя слишкомъ много денегъ... что это неспроста.

«Не думаютъ ли они, что Жакъ—воръ? Да ему стòитъ захотѣть, и у него будетъ столько денегъ... Напиши онъ только своей»...

Но тутъ, несмотря на то, что разсудокъ его былъ отуманенъ, онъ, все-таки, припомнилъ запрещеніе матери сказывать кому бы то ни было объ этихъ ста франкахъ, и ограничился подтвержденіемъ, что эти деньги его, что это—его сбереженіе, что онъ купитъ на нихъ себѣ новое платье и подарокъ Зи... Зи... Зинаидѣ. И онъ говорилъ, говорилъ... но никто не слушалъ его. Гасконь и матросикъ заспорили между собой. Одинъ хотѣлъ выйти въ предмѣстье Шатнэ, другой требовалъ, чтобы плыли до самаго Нанта, и въ разгарѣ

спора угрожали другъ другу раскроить черепъ, распороть брюхо, свернуть рожу на сторону и т. д. Жакъ, со слезами въ голосѣ, старался успокоить, примирить ихъ: «друзья мои, добрые друзья мои...» На него вдругъ напала ужасная чувствительность; ему все хотѣлось плакать; можетъ быть потому, что онъ видѣлъ около себя столько воды. Но ссора кончилась ничѣмъ; Шатнэ миновали и причалили къ Нанту. Жакъ хотѣлъ привстать, чтобы полюбоваться картиной, но вскорѣ долженъ былъ опять сѣсть. Голова его продолжала кружиться. Онъ видѣлъ домà, черныя мàчты кораблей, натянутые паруса, какихъ-то людей, бѣгающихъ по палубамъ, по веревочнымъ лѣстницамъ. Предметы вертѣлись передъ его глазами, обгоняли другъ друга; тонули, уступали мѣсто новымъ... Суда, тѣснившіеся у пристани, напомнили ему вдругъ Маду, скрывавшагося въ марсельскомъ портѣ въ трюмахъ, между товарами, между багажемъ и углемъ; но эта мысль, какъ и всѣ другія, только на мгновеніе мелькнула въ умѣ его; крики матросовъ, стукъ молотковъ на какой-то постройкѣ прогнали ее... Но вотъ Жакъ уже не въ лодкѣ. Кàкъ это случилось? Когда онъ изъ нея вышелъ? Въ снахъ бываютъ пробѣлы. А Жакъ живетъ теперь, какъ въ тревожномъ снѣ. Онъ идетъ вмѣстѣ съ своими товарищами по безконечной набережной, загроможденной всякаго рода товарами, представляющими на каждомъ шагу препятствіе. Онъ натыкается на тюки хлопка, на мѣшки съ хлѣбомъ, стукается объ углы ящиковъ, вдыхаетъ въ себя повсюду, гдѣ ни проходитъ, сильный запахъ пряностей, кофе, эссенцій... Онъ теряетъ своихъ спутниковъ, потомъ находитъ ихъ и опять теряетъ; потомъ ему кажется, что онъ видитъ себя самого разсуждающимъ о тарифѣ съ бригадиромъ Манженомъ, который покручиваетъ свои бѣлокурые усы... дà, кàкъ это ни странно, но Жакъ дѣйствительно видитъ себя... онъ раздвоился. Въ немъ два Жака, одинъ—точно сумасшедшій, кричитъ, машетъ руками, идетъ шатаясь, дѣлаетъ тысячу глупостей... другой — существо разумное, но нѣмое, безсильное, связанное, осужденное присутствовать при нравственномъ паденіи перваго, могущее только смотрѣть и припоминать. Этотъ второй Жакъ, сознающій себя и ясно все понимающій, однако же, иногда засыпаетъ; между тѣмъ какъ тотъ, сумасшедшій, продолжаетъ городить чепуху и безобразничать; и вотъ почему въ этомъ бурномъ, исполненномъ приключеній днѣ такіе пробѣлы, столько непослѣдовательнаго, отрывочнаго, чего не можетъ пополнить память.

Представьте себѣ смущеніе разумнаго Жака, при видѣ своего двойника, идущаго по нантскимъ улицамъ, съ длинной трубкой

и въ матросскомъ поясѣ, поверхъ рабочей блузы. Онъ хотѣлъ бы крикнуть ему: «Дуракъ! Неужели ты воображаешь, что ты похожъ на моряка?.. Посмотри, вѣдь всѣ на тебя оглядываются и смѣются надъ тобой». Но онъ можетъ только подумать это; онъ не въ состояніи ничего выразить и долженъ всюду слѣдовать за своимъ двойникомъ, повинуясь его прихотямъ. Вотъ онъ слѣдуетъ за нимъ въ богатый кафе съ позолотой и зеркалами. Разумный Жакъ смотритъ передъ собой и видитъ въ толпѣ входящихъ и выходящихъ людей пьяную группу, посреди которой находится его двойникъ, блѣдный и весь забрызганный грязью. Прислуга подходитъ къ нимъ и ихъ всѣхъ выпроваживаютъ на улицу. Теперь они блуждаютъ по городу. Какой огромный городъ! Все набережныя и набережныя, вдоль которыхъ тянутся старинные домà съ чугунными балконами. Вотъ переходятъ мостъ, другой, третій... Сколько мостовъ, сколько рѣкъ, примѣшивающихъ утомительное движеніе волнъ къ смутнымъ видѣніямъ этого безцѣльнаго, безконечнаго блужданья! Оно такъ надоѣдаетъ, наконецъ, Жаку, что онъ, заливаясь горючими слезами, садится на узенькую, скользкую лѣсенку, послѣднія ступеньки которой погружены въ темную воду грязнаго канала. Гасконь и матросикъ играютъ во чтò-то на берегу. Жаку такъ тяжко, такъ горько, и самъ онъ не знаетъ отчего. Онъ скучаетъ; при томъ же его тошнитъ. «Не утопиться-ли мнѣ?» Онъ спускается по лѣсенкѣ... вотъ ужь онъ на уровнѣ воды. При мысли, что онъ сейчасъ умретъ, ему становится жаль самого себя. «Прощайте, друзья мои», говоритъ онъ, рыдая. Но друзья, занятые игрой, не слышатъ его., «Прощайте, бѣдные друзья мои, вы, вы меня не увидите больше... Я умру сейчасъ». Но бѣдные друзья, все-таки, глухи къ словамъ его: эти негодяи преспокойно дадутъ ему утопиться. Они опять спорятъ и ругаются между собой, какъ поутру; опять грозятъ распороть другъ другу животы. Около нихъ столпился народъ, явились сержанты. Испуганный Жакъ поднялся наверхъ и далъ тягу. Вотъ онъ притаился на дровяномъ дворѣ. Кто-то пробѣжалъ мимо него. Это матросикъ, безъ шляпы, безъ галстука, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки.—«А гдѣ же Гасконь?»—«Въ каналѣ. Я ему далъ тумака, и онъ полетѣлъ въ воду». Матросъ бѣжитъ дальше, потому что сержанты преслѣдуютъ его. Жаку хочется вернуться назадъ и освѣдомиться о несчастномъ Гасконѣ. Но вдругъ его кликнули: «Ей, Ацтекъ!». Это—Гасконь, тоже безъ шляпы, безъ галстука, задыхающійся, растерянный. — «Ну, братъ, я покончилъ съ твоимъ матросишкой. Спихнулъ его въ каналъ. Поли-

ція преслѣдуетъ меня, прощай!» Ктò же изъ нихъ убитъ? Кто убійца?

Жакъ уже ничего не понимаетъ, ничего не старается объяснить себѣ; но неизвѣстно, какимъ образомъ они всѣ трое соединяются въ кабачкѣ и сидятъ за похлебкой съ лукомъ, въ которую имъ подливаютъ водки. Здѣсь разумный Жакъ уже почти отказывается слѣдить за своимъ двойникомъ. Съ наступленіемъ ночи, въ кабакѣ зажигаются свѣчи, поставленныя въ бутылки и освѣщающія отвратительныхъ негритянокъ, окутанныхъ розовымъгазомъ. Матросы пляшутъ «жигу», аккомпанируемые арфистами въ сюртукахъ. Жакъ, возбужденный музыкой, дѣлаетъ тысячу глупостей. Онъ влѣзъ на столъ и тоже выдѣлываетъ какіе-то пà, которымъ научилъ его еще въ дѣтствѣ старый танцовальный учитель его матери. Наконецъ, столъ летитъ и онъ съ нимъ вмѣстѣ, посреди криковъ, гвалта, сумятицы и звона разбитой посуды.

Потомъ онъ сидитъ на скамейкѣ, на какой-то безлюдной, незнакомой площади, гдѣ возвышается церковь... Онъ одинъ; въ сумерки, когда одиночество чувствуется сильнѣе. Гдѣ матросъ? Гдѣ Гасконь? Исчезли... Послѣ криковъ, пѣсенъ, слезъ, отчаянія, Жакомъ овладѣлъ страхъ... Онъ не имѣетъ силы двинуться, бѣжать отъ этого одиночества, ужасающаго его. Онъ такъ и остался бы лежать на этой скамейкѣ, еслибъ знакомый, спасительный крикъ не вывелъ его изъ оцѣпененія:

— Шляпы! Шляпы! Шляпы.

Онъ кличетъ: «Белизеръ!» Дà, это — Белизеръ; и Жакъ, приподнявшись, пытается объяснить, что онъ «выпилъ...» но не знаетъ, удастся ли это ему. Но, во всякомъ случаѣ, онъ опирается на разносчика, который уводитъ его, слегка браня... Гдѣ они? Куда они идутъ. Вотъ набережныя, освѣщенныя газомъ и безлюдныя. Вотъ станція желѣзной дороги... Славно растянуться теперь на скамейкѣ...

Но чтò случилось? Чего отъ него хотятъ? Его будятъ. Его встряхиваютъ, толкаютъ... какіе-то люди говорятъ очень громко. Чьи-то желѣзныя руки схватываютъ его руки... Его вяжутъ веревками, и онъ даже не сопротивляется, потому что сонъ совсѣмъ одолѣлъ его. Онъ спитъ въ чемъ-то, похожемъ на вагонъ; потомъ спитъ въ лодкѣ, гдѣ очень холодно, но гдѣ онъ, однакожь, храпитъ, не имѣя силы пошевелиться. Его снова будятъ, снова толкаютъ. И какое облегченіе онъ почувствовалъ, когда, послѣ всѣхъ этихъ безконечныхъ странствованій, растянулся на соломѣ, защищенный отъ шума и свѣта крѣпкой, массивной дверью за двумя огромными задвижками.

VI.

Дурная вѣсть.

Утромъ, страшный шумъ, раздавшійся надъ головой Жака, заставилъ его вскочить. Какъ ужасно это пробужденіе послѣ пьянства! жажда, дрожь, усталость всѣхъ членовъ; потомъ стыдъ, отвращеніе къ самому себѣ—все это испыталъ Жакъ, открывъ глаза, прежде даже, чѣмъ овладѣлъ своей памятью, какъ будто и во снѣ онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти. Хотя темнота еще не дозволяла отчетливо различать предметы, но онъ, однакоже, зналъ, что находится не въ своей свѣтёлкѣ. Онъ не видѣлъ надъ собой маленькаго круглаго окошечка. Но гдѣ же онъ? Вотъ онъ снова слышитъ шумъ, разбудившій его: что-то въ родѣ гремящей цѣпи и, затѣмъ, густой звонъ большихъ часовъ. Эти часы ему хорошо знакомы! Ужь скоро два года, какъ онъ распредѣляетъ по нимъ свое время. Въ зимній вѣтеръ и въ лѣтній жаръ, до него доносился ихъ бой; когда онъ спалъ на своемъ чердакѣ, они съ разсвѣтомъ гудѣли ему: «вставай!» Стало быть, онъ въ Эндрѐ. Но обыкновенно онъ слышалъ этотъ бой издалека... Видно, голова его очень устала, если звукъ отдается въ ней съ такой силой, съ такой вибраціей. Или: ужь не находится ли онъ въ самой часовой башнѣ, въ той высокой комнатѣ, которую въ Эндрѐ называютъ «карцеромъ» и куда иногда запирали провинившихся рабочихъ? Да̀, онъ, дѣйствительно, тамъ; но за что̀? Что̀ же онъ сдѣлалъ? Тогда блѣдные лучи утра, проникавшіе въ высокія окна и, мало по малу, освѣщавшіе комнату, проникли вмѣстѣ съ тѣмъ и въ его память и постепенно освѣтили и всѣ изгибы ея. Онъ пытался возстановить свой вчерашній день; и сердце его, при этихъ воспоминаніяхъ наполнялось ужасомъ. Его второе «я», теперь уже совсѣмъ проснувшееся, съ безпощадной жестокостью напоминало ему всѣ глупости, какія онъ говорилъ и дѣлалъ наканунѣ. Оно ничего не забыло; и, вдобавокъ, подтверждало свои обвиненія вещественными доказательствами: матроской шляпой безъ ленты, голубымъ поясомъ, осколками трубки, находившимися въ карманѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими, несчастными монетами. При каждомъ новомъ открытіи, Жака бросало въ краску и у него вырывались восклицанія гнѣва, отчаянія, омерзѣнія. На одно изъ такихъ восклицаній, сильнѣйшее, нежели всѣ другія, кто-то отвѣчалъ ему стономъ. Онъ былъ не

одинъ. Какая-то тѣнь сидѣла на каминѣ, въ глубокой старинной амбразурѣ, сдѣланной во всю толщину стѣны.

— Кто здѣсь? съ безпокойствомъ спросилъ Жакъ и увидѣлъ на выбѣленной известкой стѣнѣ неподвижный, карикатурный, угловатый силуэтъ, который могъ принадлежать одному только существу на свѣтѣ — Белизеру. Но ка̀къ очутился здѣсь Белизеръ? Жакъ, однакоже, смутно припоминалъ на желѣзнодорожной станціи какую-то борьбу, во время которой летѣли во всѣ стороны шляпы и фуражки, уносимыя вѣтромъ.

— Это—вы, Белизеръ?

— Да̀, я; отвѣчалъ глухимъ голосомъ, съ выраженіемъ отчаянія, разносчикъ.

— Но, ради самого Бога, что̀ же мы такое сдѣлали, что насъ заперли здѣсь, какъ двухъ преступниковъ?

— Что̀ сдѣлали другіе—этого я не знаю; это до меня не касается. Но я знаю только, что я не сдѣлалъ никому ничего дурного; а между тѣмъ, вотъ ка̀къ испортили мои шляпы...

Онъ остановился, съ горестью посмотрѣвъ на свой измятый, изорванный товаръ. Это ужасное зрѣлище, непрестанно находившееся у него передъ глазами со вчерашняго дня, заставляло его забыть сонъ, усталость, веревки, которыми онъ былъ связанъ, и даже обычную му̀ку, причиняемую ему тѣсными башмаками.

— Заплатятъ ли мнѣ за мои шляпы—ка̀къ вы думаете? Вѣдь я тутъ ни причемъ. Надѣюсь, что вы, по крайней мѣрѣ, скажете имъ, что я не помогалъ вамъ въ этомъ..

— Въ чемъ? Что̀ я сдѣлалъ? спросилъ Жакъ самоувѣренно, но, подумавъ, что, можетъ быть, у него испарилась изъ памяти какая нибудь продѣлка, болѣе важная, нежели всѣ другія, онъ сталъ разспрашивать Белизера уже съ нѣкоторой робостью.

— Наконецъ, въ чемъ-же меня обвиняютъ?

— Они говорятъ... но зачѣмъ вы заставляете меня повторять?... вы сами, конечно, догадываетесь, что̀ они говорятъ.

— Да нѣтъ-же, клянусь вамъ.

— Ну, такъ они говорятъ, что вы украли...

— Укралъ?.. Что̀ же?

— Приданое Зинаиды.

Крикъ негодованія и горести вырвался изъ груди Жака, вполнѣ отрезвившагося.

— Но вѣдь это — гнусность! Вы не вѣрите этому, Белизеръ; не такъ ли?

Белизеръ не отвѣчалъ. Въ Эндрѐ всѣ были увѣрены въ виновности Жака; жандармы, наканунѣ арестовавшіе его съ

Белизеромъ, разсказывая объ этомъ дѣлѣ при разносчикѣ, успѣли убѣдить и его. Всѣ улики были противъ ученика. При первомъ слухѣ о кражѣ, сдѣланной у Рудиковъ, рабочіе тотчасъ же подумали на Жака, который, какъ нарочно, въ этотъ день не явился въ мастерскую. Шарлò хорошо разсчиталъ, удаливъ его оттуда. Золото, которое мальчикъ безъ толку расточалъ по дорогѣ, начиная отъ кабака въ Эндрè и до самаго Нанта, этотъ безпрестанный размѣнъ двадцати-франковыхъ монетъ и, наконецъ, пьянство, кутежъ, продолжавшіеся цѣлыя сутки и обыкновенно слѣдующіе за преступленіемъ—все это приводило къ убѣжденію, что кража произведена Жакомъ. Одно только оставалось необъяснимымъ: совершенное исчезновеніе этихъ шести тысячь франковъ, ни малѣйшаго слѣда которыхъ не нашли ни въ карманахъ Белизера, ни у Жака. Не могъ же онъ истратить всю эту сумму въ кабакахъ? Очевидно, она была гдѣ нибудь спрятана. Но гдѣ? Вотъ это-то и слѣдовало разъяснить.

Рано утромъ, виновныхъ повели къ директору. Жакъ, несмотря на то, что одежда его была въ грязи, въ безпорядкѣ, сохранялъ еще, благодаря своей юности, своему скромному, умненькому личику, видъ какой-то порядочности и могъ возбуждать участіе: но Белизеръ, безобразный отъ природы и носившій еще, кромѣ того, на лицѣ своемъ слѣды недавней борьбы, царапины и рубцы, былъ, по истинѣ, ужасенъ. При взглядѣ на нихъ обоихъ, всѣмъ становилось ясно, что этотъ кроткій, застѣнчивый ребёнокъ былъ только орудіемъ въ рукахъ негодяя, погубившаго его своими совѣтами.

Проходя черезъ пріемную директора, Жакъ увидѣлъ множество лицъ, которыя произвели на него впечатлѣніе привидѣній. Увѣренность въ правотѣ своей, заставлявшая его высоко держать голову, вдругъ покинула его. Лодочникъ, перевозившій его и смотрѣвшій на него такъ пытливо; кабачники изъ Эндрè, изъ нижней Эндры, изъ Нанта даже, собранные здѣсь, напоминали ему его вчерашнія похожденія. Въ одну минуту онъ пережилъ всѣ свои печальныя, и уродливо-комическія воспоминанія, и, когда входилъ къ директору, то готовъ былъ заплакать и упасть на колѣни, прося прощенія.

Въ кабинетѣ директора находился только онъ самъ, сидѣвшій въ своемъ большомъ креслѣ, у окна, передъ письменнымъ столомъ, да Рудикъ, стоявшій подлѣ него, съ своей синей шерстяной шапочкой въ рукѣ. Надсмотрщики, которые привели преступниковъ, остались въ глубинѣ комнаты, у дверей, слѣдя за

каждымъ движеніемъ разносчика, опаснѣйшаго злодѣя, способнаго на всѣ преступленія.

— Выслушайте меня хорошенько, Жакъ, сказалъ директоръ.— Во вниманіе къ вашей молодости, къ вашимъ роднымъ, къ тѣмъ хорошимъ отзывамъ о васъ, которые я до сихъ поръ постоянно слышалъ, и, главное—я долженъ прямо сказать вамъ это—для чести нашей фирмы, я исходатайствовалъ дозволеніе оставить васъ здѣсь, вмѣсто того, чтобы отправлять въ Нантъ, и упросилъ отсрочить на нѣсколько дней производство слѣдствія. Поэтому, въ настоящую минуту, все происходитъ между вами, мной и Рудикомъ и отъ васъ зависитъ, чтобы дѣло не пошло дальше. Отъ васъ требуютъ только, чтобъ вы возвратили то, что̀ у васъ остается...

— Но, г. директоръ...

— Не прерывайте меня; вы объяснитесь сейчасъ... возвратить то, что̀ у васъ остается изъ шести тысячъ франковъ, похищенныхъ вами; потому что, вѣдь, не могли же вы издержать всѣ эти деньги въ одинъ день—не правда-ли? Такъ отдайте же остальное; и я ограничусь тѣмъ, что отошлю васъ къ вашимъ роднымъ.

— Извините, произнесъ Белизеръ, скромно выступивъ впередъ и благодушно улыбаясь, при чемъ у него на лицѣ, по обыкновенію, появилось столько же морщинокъ, сколько маленькихъ волнъ на Луарѣ во время вѣтра.

Презрительный и холодный взглядъ директора смутилъ его, и онъ остановился, почесывая у себя въ затылкѣ.

— Что̀ вы имѣете сказать?

— Такъ какъ я вижу, что дѣло о воровствѣ улажено, то не будетъ ли ваша милость сказать мнѣ что̀-нибудь насчетъ моего товара...

— Замолчите! Я удивляюсь, ка̀къ вы осмѣливаетесь разѣвать ротъ, когда всѣмъ намъ извѣстно, что настоящій виновникъ — вы и что никогда этотъ ребенокъ, безъ вашихъ дурныхъ совѣтовъ, не рѣшился бы на такой поступокъ.

— О! воскликнулъ несчастный Белизеръ, обернувшись къ Жаку, какъ бы для того, чтобы взять его въ свидѣтели. Жакъ хотѣлъ протестовать, но Рудикъ не далъ ему времени сдѣлать этого.

— Совершенно справедливо, г. директоръ, сказалъ онъ.—Это знакомство и погубило его. Прежде не было работника честнѣе и исправнѣе; моя жена, моя дочь—всѣ любили его въ домѣ. Мы имѣли къ нему полное довѣріе. Вѣроятно, его совратилъ этотъ негодяй...

На лицѣ Белизера, когда онъ услыхалъ, что его называютъ негодяемъ, выразилось такое отчаяніе, что Жакъ, позабывъ на минуту обвиненіе, тяготѣвшеѐ надъ нимъ самимъ, храбро взялъ на себя защиту своего друга.

— Я вамъ клянусь, г. Рудикъ, что этотъ бѣднякъ тутъ не при чемъ. Когда насъ арестовали вчера, онъ только-что встрѣтился со мной на улицѣ, и, такъ какъ я... не въ состояніи былъ отправиться одинъ... онъ хотѣлъ проводить меня до Эндрѐ.

— Такъ, стало-быть, вы одни это сдѣлали? съ недовѣрчивымъ видомъ спросилъ директоръ.

— Я ничего не сдѣлалъ, г. директоръ. Я не воровалъ; я—не воръ.

— Берегитесь; вы выбрали дурной путь; только полнымъ признаніемъ и возвращеніемъ денегъ можете вы заслужить снисхожденіе наше. Чтò касается вашей виновности, то она слишкомъ очевидна—не пытайтесь отрицать ее. Въ эту ночь вы были одни съ г-жей Рудикъ и Зинаидой, въ домѣ. Передъ тѣмъ какъ идти спать, Зинаида показывала вамъ, гдѣ стоитъ шкатулка. Не такъ ли? Потомъ, ночью, она слышала, кàкъ вы стукнули вашей подставной лѣсенкой; она окликнула васъ, но вы, разумѣется, не отвѣтили. Но она увѣрена, что это были вы, потому что, кромѣ васъ, никого въ домѣ не было.

Жакъ, уничтоженный, нашелъ, однакожь, силу отвѣтить: — Это—не я. Я—не воръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А эти деньги, которыми вы такъ сорили вчера?..

Онъ готовъ былъ отвѣчать: «мнѣ прислала ихъ мать», но вспомнилъ ея наставленіе: «Если тебя спросятъ, откуда ты взялъ эти деньги, скажи, что это—твое сбереженіе», и, исполненный слѣпой вѣры въ свою мать, благоговѣнія ко всѣмъ ея приказаніямъ, отвѣтилъ: «Это мои сбереженія». Еслибъ она велѣла ему отвѣчать «я укралъ», онъ, безъ колебаній, призналъ-бы себя виновнымъ. Но, при словѣ «сбереженія», директоръ вспылилъ.

— Не хотите ли вы насъ увѣрить, сказалъ онъ съ негодованіемъ:—что, получая 50 сантимовъ въ день заработной платы, вы могли сберечь 200—300 франковъ?.. Перестаньте! Лучше бы вы попросили прощенія у этихъ добрыхъ людей, которымъ вы нанесли такой страшный ударъ, и постарались поскорѣй исправить сдѣланное вами зло.

Тогда Рудикъ подошелъ къ Жаку и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Жакъ, голубчикъ, скажи намъ, гдѣ деньги? Подумай, что,

вѣдь, это—приданое Зинаиды, что я двадцать лѣтъ копилъ ихъ, отказывая себѣ во всемъ. Меня утѣшало только одно: что когда-нибудь, цѣной всѣхъ этихъ трудовъ и лишеній, будетъ куплено счастье моего ребёнка. Тебѣ все это не приходило въ голову, Жакъ, иначе ты бы не рѣшился... я тебя знаю; у тебя сердце не злое. Это на тебя такъ нашло. Голова у тебя закружилась, когда ты увидѣлъ столько денегъ и ка̀къ легко ихъ похитить... Но теперь ты одумался — я знаю; тебѣ только стыдно признаться... Но, подумай, что я, вѣдь, старъ, что ужь мнѣ еще разъ не скопить столько... и моя бѣдная Зинаида... Ну, скажи, мой дружокъ, гдѣ деньги?

Взволнованный и весь красный, добрякъ отиралъ себѣ лобъ послѣ этого ораторскаго усилія.—Нужно было, въ самомъ дѣлѣ, имѣть очень черствое сердце, чтобъ устоять противъ этой трогательной просьбы. Самъ Белизеръ былъ такъ растроганъ, что, позабывъ свою собственную катастрофу, дѣлалъ Жаку разные знаки, вѣроятно, казавшіеся разносчику таинственными, между тѣмъ какъ на его комическомъ лицѣ ясно можно было прочесть: «Да ну же! отдайте скорѣй этому бѣдняку его деньги, Жакъ». Онъ хорошо понималъ, что̀ такое самопожертвованіе—онъ, который выносилъ столько мукъ ради семьи своей...

О! еслибъ эти деньги были въ рукахъ Жака, съ какою радостью онъ отдалъ бы ихъ Рудику, при видѣ котораго сердце его сжималось. Но у него ихъ не было, и онъ могъ отвѣтить только одно:—«Я не воровалъ у васъ, г. Рудикъ, клянусь вамъ».

Директоръ всталъ, выведенный изъ терпѣнія.

— «Довольно, сказалъ онъ. Если даже тѣ слова̀, которыя сейчасъ были вамъ сказаны, не подѣйствовали на васъ, то всѣ наши убѣжденія ни къ чему привести не могутъ. Васъ опять отведутъ въ карцеръ. Даю вамъ сроку до вечера! Если сегодня, вечеромъ, вы не возвратите деньги, я отдаю васъ въ руки правосудія; оно заставитъ васъ говорить.

Одинъ изъ надсмотрщиковъ, бывшій жандармъ, человѣкъ проницательный и вѣрный, подошелъ къ своему начальнику и вполголоса сказалъ ему:

— Мнѣ кажется, г. директоръ, что ежели вы хотите что̀-нибудь узнать отъ мальчика, то нужно его разлучить съ разносчикомъ. Была минута, я это замѣтилъ, когда онъ готовъ былъ во всемъ сознаться; но тотъ помѣшалъ ему, дѣлая разные знаки...

— Вы правы; нужно ихъ посадить отдѣльно.

Жака заперли одного въ часовую башню. Выходя отъ директора, онъ видѣлъ испуганную физіономію Белизера, котораго

вели съ связанными руками, и мысль объ этомъ несчастномъ, еще менѣе виновномъ, чѣмъ онъ, усиливала его горесть. Онъ пытался-было заснуть, уткнувшись лицомъ въ солому, но это не удавалось ему. Отчаяніе овладѣло имъ. Ка̀къ доказать свою невинность? Показать письмо матери, при которомъ были приложены деньги? Но если д'Аржантонъ узна̀етъ? И ему представлялась страшная сцена въ Ольховкѣ, его мать въ слезахъ... Нѣтъ, это невозможно! Что̀ же, однако, придумать? А время, между тѣмъ, шло. Часы пробили два, три, четыре... Вотъ и работа кончается. Наступаетъ вечеръ... Если денегъ не отыщутъ — тюрьма! Вдругъ онъ услышалъ шаги на лѣстницѣ... кто-то тяжело дышетъ, сморкается за дверью; потомъ въ нее постучались; наконецъ, ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Вошла Зинаида.

— Это—я. Ухъ! ка̀къ высоко.

Она произнесла это развязно, веселымъ, добродушнымъ тономъ. Но глаза ея красны, опухли отъ слезъ; прическа растрепана, и эти слѣды горя, при ея напускной веселости, еще замѣтнѣй. Бѣдная дѣвушка улыбается Жаку. Онъ смотритъ на нее съ грустью.

— Что̀? Я очень дурна? Неправда ли? Я и прежде-то никогда не считала себя красивой и дѣлала себѣ гримасы, когда глядѣлась въ зеркало. — У меня нѣтъ ни таліи, ни турнюры, толстый носъ, маленькіе глазки... А теперь еще хуже стала. Отъ слёзъ-то, небось, глаза не сдѣлаются больше. А мой бригадиръ—такой красавчикъ!.. Для того, чтобъ онъ не обратилъ вниманіе на мои недостатки, нужно было именно такое приданое, какъ мое. Завистницы не разъ говорили мнѣ: онъ беретъ тебя за твои деньги! Какъ будто я этого не знала. Ну, да̀, мои деньги ему нравились; онѣ ему были нужны; но я, все-таки, любила его. Я думала: когда я за него выйду, я заставлю его полюбить себя. А теперь, понимаете, милый Жакъ, совсѣмъ не то... Изъ-за тысячи франковъ, которые остаются въ моей шкатулкѣ, никто не женится на такомъ уродѣ. Даже въ то время, какъ отецъ хотѣлъ дать за мной четыре тысячи, Манженъ говорилъ: нѣтъ, ужь лучше я, въ такомъ случаѣ, останусь холостякомъ. Я заранѣе вижу, ка̀къ онъ будетъ сегодня щипать свои усики, прощаясь со мной навсегда. О! я избавлю его отъ этого труда... Я сама возвращу ему его слово; но только... только, прежде, чѣмъ отказаться отъ своего счастья, я хотѣла повидаться и поговорить съ вами, голубчикъ Жакъ.

Жакъ поникъ головой. Онъ плакалъ. При видѣ его слёзъ, Зинаида обрадовалась.

— Я имъ говорила, сказала она:—что онъ—не злой мальчикъ; что мнѣ стòило только показать ему свою заплаканную толстую рожу для того, чтобы тронуть его сердце. Я знала, что онъ скажетъ себѣ: «И въ самомъ дѣлѣ, напрасно я огорчилъ эту дурнушку-Зинаиду, которая еще вчера была такая счастливая, такая веселая»? Не правда ли, другъ мой, Жакъ, вы отдадите мнѣ мое приданое? Отдадите, дà?

— Но я не бралъ его, Зинаида, клянусь вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ этого. Вы меня не боитесь, не правда ли? Я васъ не упрекаю; скажите мнѣ только, гдѣ мои деньги? Я знаю, что тамъ немножко недостаетъ; но это ничего. Я понимаю, что̀ значитъ молодость... ей хочется повеселиться. Ну, вы истратили нѣсколько экю—что̀ за бѣда! Тѣмъ лучше... Но скажите, куда вы дѣвали остальныя?

— Сжальтесь надо мной, Зинаида. Я не воровалъ... они ошибаются. О! это ужасно, что всѣ считаютъ меня виновнымъ!

Но она, не слушая его, продолжала:

— Да поймите же, Жакъ, что вѣдь меня никто не возьметъ теперь... что все кончено для бѣдной Зинаиды. Жакъ! другъ мой... именемъ вашей матери, которую вы такъ любите, именемъ этой маленькой подруги, о которой вы мнѣ разсказывали такъ много—кàкъ знать, вѣдь, она, можетъ быть, современемъ будетъ вашей невѣстой? эта дѣтская дружба ведетъ иногда очень далеко—именемъ ея, умоляю васъ, не дѣлайте этого... Вы будете впослѣдствіи сами раскаяваться... Вы все говорите: нѣтъ! Кàкъ же мнѣ еще умолять васъ? Ну, посмотрите, я передъ вами на колѣняхъ, какъ передъ святой Анной!

Жакъ хотѣлъ поднять ее, взялъ ея руку, на которой блестѣло серебряное обручальное кольцо, новенькое и тяжелое... Онъ пытался оправдываться, защищаться.

Вдругъ она вскочила.

— Богъ васъ накажетъ! Никто не будетъ любить васъ, потому что у васъ злое сердце!

И она быстро вышла изъ комнаты; такъ же быстро спустилась съ лѣстницы и побѣжала къ директору, который, вмѣстѣ съ Рудикомъ, дожидался ее въ своемъ кабинетѣ.

— Ну, что̀?

Она ничего не отвѣтила и только, отрицательно покачавъ головой, залилась слезами.

— Не отчаявайтесь, дитя мое, сказалъ директоръ. — Прежде, чѣмъ прибѣгать къ правосудію, которое болѣе заботится о томъ, чтобы наказать виновныхъ, нежели о томъ, чтобы исправить

сдѣланное зло, мы сдѣлаемъ еще одну попытку... Рудикъ утверждаетъ, что мать этого негодяя замужемъ за довольно богатымъ человѣкомъ. Мы обратимся къ ней. Если это—порядочные люди, какъ говорятъ о нихъ, то ваше приданое не пропало еще.

Онъ взялъ листъ бумаги и написалъ къ г-жѣ д'Аржантонъ письмо, въ которомъ, описывая поступокъ ея сына, предлагалъ ей внести похищенныя деньги, чтобы избѣжать позора. Онъ прибавилъ, что даетъ ей сроку три дня и что, если, въ воскресенье, онъ не получитъ отвѣта, то въ понедѣльникъ виновный будетъ преданъ въ руки правосудія.

— Несчастные люди... Это ужасно! говорилъ Рудикъ, которому его собственное горе не мѣшало принимать къ сердцу чужое.

Зинаида подняла голову, съ свирѣпымъ видомъ.

— Что̀ же тутъ ужаснаго? Мальчикъ укралъ мое приданое; стало быть, родители должны возвратить мнѣ его.

Жестокость любви и юности! Зинаида ни одной минуты не подумала о томъ отчаяніи, въ какое долженъ повергнуть несчастную мать позоръ ея сына. Старый Рудикъ, напротивъ, былъ глубоко растроганъ и говорилъ себѣ, что онъ умеръ бы со стыда, еслибы получилъ такое извѣстіе. Хотя Зинаида была близка̀ его сердцу, но онъ питалъ какую-то смутную надежду, что дѣло развяжется иначе, что ученикъ самъ возвратитъ похищенныя деньги и что, можетъ быть, это жестокое письмо затеряется дорогой, не дойдетъ до своего назначенія.

Нѣтъ! такія письма судьба щадитъ, съ ними никогда ничего не случается!

VII.

Кандидатъ въ исправительную колонію.

Поэтъ работалъ; Шарлотта занималась по хозяйству, а докторъ Гиршъ спалъ, когда приходъ почтальона — единственное развлеченіе добровольныхъ изгнанниковъ — соединилъ всю эту скучающую групу.

— А! письмо изъ Эндре, сказалъ д'Аржантонъ и, видя лихорадочно-нетерпѣливый взглядъ Шарлотты, нарочно принялся читать полученные журналы, положивъ около себя письмо, какъ собака, стерегущая кость, къ которой она еще не хочетъ при-

касаться.—А! N написалъ еще книгу! Вотъ плодовитое животное! Стихи Гюгò... Все еще пишетъ!

И каждый разъ, когда приходило письмо изъ Эндре, повторялась та же самая исторія. Раскраснѣвшіяся отъ радости щеки и блистающіе глаза Шарлотты приводили въ негодованіе этого эгоиста, который не могъ простить ей, что она дѣлила свою привязанность между нимъ и другимъ существомъ. Чтобъ не раздражать поэта, она избѣгала говорить о сынѣ, но непрестанно думала о немъ; д'Аржантонъ угадывалъ это и сталъ еще больше ненавидѣть ребенка. Онъ былъ очень доволенъ, когда Рудикъ въ своихъ первыхъ письмахъ жаловался на неспособность ученика: «Ты видишь, говорилъ онъ Шарлоттѣ: — изъ него не можетъ выйти даже порядочнаго работника». Но этого было ему, все-таки, недостаточно. Онъ хотѣлъ бы видѣть Жака еще болѣе униженнымъ. На этотъ разъ его ожидало полное торжество. При первыхъ строкахъ, которыя онъ прочелъ, открывъ, наконецъ, письмо, лицо его поблѣднѣло и глаза засверкали злорадствомъ. «Я былъ въ этомъ увѣренъ!» воскликнулъ онъ. Потомъ, когда онъ узналъ, что имъ предлагали внести похищенныя мальчикомъ деньги и когда воображенію его представились всѣ непріятныя послѣдствія этого обстоятельства, онъ съ сокрушеннымъ видомъ подалъ письмо Шарлоттѣ.

— Я всегда говорилъ, что у этого мальчика самыя порочныя наклонности!

Она ничего не отвѣтила; можетъ быть, даже не слышала его словъ, вся поглощенная одной мыслью: «нужно въ три дня найти денегъ: иначе мой ребенокъ будетъ въ тюрьмѣ».

— Какой стыдъ для меня! продолжалъ поэтъ.—Чтò скажутъ друзья мои, которымъ я рекомендовалъ такого негодяя! Это научитъ меня впередъ быть добрымъ. Въ хорошее дѣло влопался!

Мать думала: «мнѣ нужны эти деньги для того, чтобъ мой сынъ не попалъ въ тюрьму».

Онъ слѣдилъ за ней, угадалъ ее и, изъ предусмотрительности, чтобъ предупредить со стороны ея всякую просьбу, поспѣшилъ сказать:

— И какъ подумаешь, что, вѣдь, нѣтъ никакого средства спасти его, избѣгнуть этого позора!.. Мы недовольно богаты...

— О! еслибъ ты захотѣлъ... вымолвила она, опустивъ голову.

Эти слова взбѣсили его. Онъ подумалъ, что она проситъ денегъ.

— Еслибъ я захотѣлъ! Я ждалъ, что ты это скажешь. Какъ будто ты не знаешь лучше, чѣмъ кто-либо, сколько мы проживаемъ здѣсь и какой во всемъ безпорядокъ. Мало того, что этотъ дрянной мальчишка два года былъ у меня на шеѣ, я долженъ еще расплачиваться за его воровство. Да гдѣ же ты мнѣ прикажешь взять эти деньги? Шутка сказать! Шесть тысячъ франковъ!

— О! я знаю... но, вѣдь, я имѣла въ виду не тебя...

— Не меня? Такъ кого же...

И въ смущеніи, съ поникнувшей головой, она назвала человѣка, съ которымъ такъ долго жила—любимца Жака—словомъ, «нашего друга» (теперь это былъ уже «старый другъ»). Она произнесла это имя дрожа, ожидая со стороны поэта ревнивой вспышки, потому что оно напоминало ему ненавистное прошлое Иды. Но ничуть не бывало. Д'Аржантонъ только покраснѣлъ немножко. Дѣло въ томъ, что и ему самому «нашъ другъ» приходилъ въ голову.

Онъ былъ очень радъ въ душѣ, что могъ такъ дешево отдѣлаться; но, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ не обнаруживать своего спокойствія и прикинулся уязвленнымъ.

— Гордость моя, сказалъ онъ:—принесла уже столько жертвъ любви моей, что можетъ еще принести и эту.

— О! благодарю, благодарю тебя! кàкъ ты добръ!

И они начали говорить о займѣ вполголоса, боясь, чтобы ихъ не услышалъ Гиршъ, праздно бродившій по комнатамъ. Къ несчастью, «нашъ другъ» жилъ въ Турэнѣ. Письмо къ нему пройдетъ два дня, да столько же отвѣтъ.

— Не поѣхать ли мнѣ самой? воскликнула вдругъ Шарлотта и сама испугалась своей смѣлости.

Поэтъ отвѣчалъ спокойно:

— Ну, чтò-жь, поѣдемъ.

— Кàкъ? Ты хочешь сопровождать меня въ Туръ? Такъ, стало быть, и въ Эндре, потому что это по дорогѣ? Мы сами бы и свезли деньги.

— Пожалуй, и въ Эндре.

— Кàкъ ты добръ, кàкъ ты добръ! повторяла она, цалуя его руки.

Дѣло въ томъ, что онъ боялся отпустить ее въ Туръ одну. Не зная, въ точности, всей ея исторіи, онъ зналъ, однакоже, что она жила тамъ и была счастлива. Чтò если она не вернется? Она—такая непостоянная, безхарактерная. При видѣ своего стараго друга и всей этой прежней роскоши, подъ вліяніемъ

своего сына, она, пожалуй, могла почувствовать желаніе освободиться отъ деспотизма, переносить который, самъ поэтъ сознавалъ это, было несовсѣмъ легко. Онъ не могъ уже обойтись безъ нея. Его тщеславному эгоизму, его суевѣрной мнительности были необходимы эта слѣпая преданность, эти непрестанныя заботы, этотъ веселый нравъ. Притомъ же, онъ непрочь былъ немножко проѣхаться, освѣжиться, уйти отъ этой ужасной лирической драмы, надъ которой такъ давно и безплодно потѣлъ. Разумѣется, онъ драпировался, при этомъ, передъ Шарлоттой въ рыцарскій плащъ, увѣрялъ ее, что онъ не хочетъ ея покидать ни въ горѣ, ни въ радости. Восхищенная и исполненная благодарности, она начала дѣятельно собираться въ дорогу. Подобно крестьянскимъ вдовамъ, которыя, тотчасъ послѣ похоронъ мужа, принимаются за приготовленіе похороннаго обѣда и, посреди хозяйственныхъ заботъ, позабываютъ свои недавнія слёзы, Шарлотта, укладывая свои чемоданы, давая разныя наставленія старухѣ Аршамбо, почти забывала о цѣли своего путешествія и о своемъ несчастьи. За обѣдомъ, д'Аржантонъ сказалъ Гиршу:

— Мы ѣдемъ въ Эндре. Мальчикъ напроказилъ. Присмотри безъ насъ за домомъ.

Гиршъ не потребовалъ объясненій. Его не удивило, что мальчикъ надѣлалъ шалостей.

— Я этого ожидалъ! воскликнулъ онъ, подобно д'Аржантону, доказавъ тѣмъ, что былъ настоящій паразитъ.

Они уѣхали съ экстреннымъ поѣздомъ, ночью, и пріѣхали въ Туръ рано утромъ. «Старый другъ» Иды де-Баранси жилъ въ окрестностяхъ города, въ одномъ изъ красивыхъ маленькихъ зàмковъ, съ высокими башнями и тѣнистыми парками, возвышающимися надъ Луарой. Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ и очень хорошій человѣкъ. Несмотря на то, что она такъ внезапно его покинула, онъ сохранилъ наилучшее воспоминаніе объ этомъ веселомъ, болтливомъ созданіи, нѣкоторое время услаждавшемъ его одиночество. На записку Шарлотты онъ отвѣчалъ, что будетъ очень радъ видѣть ее у себя.

Они наняли карету и, выѣхавъ за городскія ворота, поѣхали берегомъ, по прекрасной дорогѣ. Шарлотту нѣсколько безпокоило, что поэтъ всюду слѣдовалъ за ней. «Чтò, если онъ захочетъ войти со мной?» говорила она себѣ. Кàкъ ни мало она была знакома съ свѣтскими обычаями, но, однакоже, чувствовала, что это невозможно. Она думала объ этомъ, смотря изъ окна кареты на живописныя мѣста, гдѣ она когда-то гуляла съ

своимъ Джэкомъ, хорошенькимъ бѣлокурымъ мальчикомъ, изящно одѣтымъ, а теперь носящимъ рабочую блузу и готовящимся надѣть арестантское платье.

Д'Аржантонъ искоса поглядывалъ на нее, кусая съ ожесточеніемъ свои усы. Она была какъ-то особенно мила въ это утро; но не ревность Отелло кипѣла въ немъ: онъ сознавалъ, что играетъ глупую роль и начиналъ раскаяваться въ томъ, что поѣхалъ и, главное, въ томъ, что позволилъ ей ѣхать.

Видъ красиваго зàмка, во вкусѣ Rennaissance, окончательно разстроилъ его. Когда Шарлотта сказала ему: «вотъ здѣсь!», когда онъ увидѣлъ мелькавшія между деревьями террасы, цвѣты, подъемные мостики, перекинутые черезъ рѣчку, онъ сказалъ себѣ: «Она положительно не уйдетъ оттуда».

«Неужели онъ войдетъ со мной?» съ безпокойствомъ думала Шарлотта.

Наконецъ, при въѣздѣ въ аллею, онъ велѣлъ кучеру остановиться и вылѣзъ изъ кареты.

— Я буду тебя ждать тамъ, на дорогѣ, сказалъ онъ и прибавилъ съ улыбочкой:—не оставайся долго...

— О! нѣтъ, мой другъ... Не бойся.

Карета была уже далеко, почти у самой рѣшетки, а онъ все смотрѣлъ на нее. Пять минутъ спустя, онъ увидѣлъ въ паркѣ свою любовницу, идущую подъ руку съ высокимъ, худощавымъ, элегантнымъ господиномъ, державшимся еще прямо, но походка котораго обличала, однакоже, извѣстные лѣта. Когда они исчезли, для него наступила минута томительнаго ожиданія, страха. Онъ находился въ неизобразимомъ волненіи: что̀ они говорятъ между собою? уводитъ ли онъ ее? И всю эту пытку, все это униженіе онъ выносилъ изъ-за этого гнуснаго мальчишки!

Расхаживая взадъ и впередъ, д'Аржантонъ замѣтилъ вдругъ въ сторонѣ, въ маленькой долинѣ, разстилавшейся полукругомъ у ногъ его, толпу рабочихъ, рывшихъ канаву для стока воды. Подойдя къ нимъ ближе, онъ увидѣлъ, что эти люди, одѣтые въ синія блузы и сѣрыя панталоны и которыхъ онъ принялъ издали за крестьянъ, были все дѣти. Ими распоряжался какой-то надсмотрщикъ, не то крестьянинъ, не то господинъ. Всего поразительнѣе было то, что эта работа производилась въ глубочайшемъ молчаніи. Ни слова, ни крика—словно всѣ они были нѣмые.

— Прямѣй... не такъ скоро, командовалъ надсмотрщикъ; инструменты приходили въ движеніе, вспотѣвшія лица нагибались къ землѣ и, повременамъ, когда они останавливались, что-

бы перевести духъ, видны были узкіе лбы, съуженные кверху черепà, головы, носившія на себѣ слѣды атрофіи. Вѣроятно, эти дѣти росли не на волѣ, не на чистомъ воздухѣ. Блѣдныя лица, красные глаза большинства ихъ говорили о городской нищетѣ, о смрадныхъ кварталахъ, о нездоровыхъ жилищахъ.

— Чтò это за дѣти? спросилъ поэтъ.

— А! Вы, должно быть—не здѣшній, сударь? Они изъ колоніи Метрэ; она тутъ неподалеку.

И надсмотрщикъ указалъ д'Аржантону правильную групу бѣленькихъ, новенькихъ домиковъ, расположенную прямо противъ нихъ, на отлогости. Поэту было извѣстно по имени знаменитое исправительное заведеніе, но онъ не имѣлъ понятія ни о тамошнихъ порядкахъ, ни о томъ, на какихъ условіяхъ туда принимали, и сталъ разспрашивать этого человѣка. Онъ сказалъ, что у него есть одно знакомое семейство, желающее помѣстить туда мальчика, дурное поведеніе котораго повергаетъ его въ отчаяніе.

— Присылайте его къ намъ, когда онъ выйдетъ изъ тюрьмы.

— Въ тюрьму-то, сказалъ съ оттѣнкомъ сожалѣнія д'Аржантонъ:—кажется, онъ не попадетъ. Родители имѣютъ возможность избавить его отъ этого, заплативъ деньги...

— Въ такомъ случаѣ, мы не можемъ его принять. Къ намъ отдаютъ только малолѣтнихъ преступниковъ, выпускаемыхъ изъ тюрьмы. Но у насъ есть другое заведеніе въ этомъ же родѣ: «Отеческій Домъ», гдѣ примѣняется къ дѣтямъ система одиночнаго заключенія.

— А! въ самомъ дѣлѣ? одиночное заключеніе.

— Вы не повѣрите, кàкъ оно благодѣтельно дѣйствуетъ на самыя испорченныя натуры! Впрочемъ, у меня есть съ собой нѣсколько брошюръ; не угодно ли вамъ взять ихъ?

Д'Аржантонъ взялъ и, давъ надсмотрщику нѣсколько денегъ для молодыхъ арестантовъ, возвратился на дорогу съ карманами, набитыми брошюрами. Рѣшётка зàмка только-что затворилась, и карета ѣхала назадъ по аллеѣ. Наконецъ-то!

Шарлотта, веселая, радостная, съ блистающими глазами, спѣшила возвратиться къ своему поэту.

— Садись скорѣе! воскликнула она и, взявъ его подъ руку, прибавила:—дѣло сдѣлано.

— А!

— Успѣхъ превзошелъ всѣ мои надежды.

Поэтъ повторилъ свое сухое, равнодушное «а!» и принялся съ большимъ вниманіемъ перелистывать брошюру, какъ бы же-

лая показать Шарлоттѣ, что остальное до него не касается. Онъ былъ не такъ гордъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, когда грызъ себѣ ногти, расхаживая у рѣшетки парка. Но теперь, когда она прижималась къ нему, ласковая и покорная, не стòило болѣе волноваться. Шарлотта, видя, что онъ молчитъ, замолчала тоже. Она думала, что онъ ревнуетъ. Онъ первый долженъ былъ прервать молчаніе.

— Такъ ты успѣла?

— Вполнѣ, мой другъ... Жаку всегда *имѣли* намѣреніе сдѣлать подарокъ, въ его совершеннолѣтіе, чтобъ онъ могъ обзавестись и одѣться... Подарокъ этотъ—десять тысячъ франковъ. Мнѣ ихъ *отдали* тутъ же; шесть тысячъ пойдетъ на уплату долга, а остальныя четыре тысячи *совѣтовали* помѣстить получше, въ интересахъ ребенка.

— Помѣщеніе имъ найдено. Надо вносить за него, года два или три, въ «Отеческій домъ». Только тамъ, можетъ быть, сдѣлаютъ изъ вора честнаго человѣка.

Она вздрогнула при словѣ «воръ», возвратившемъ ее къ дѣйствительности, и опустила голову.

— Я готова сдѣлать все, чтò ты захочешь, сказала она. Ты былъ такъ добръ, такъ великодушенъ... Я этого никогда не забуду.

Самодовольная и гордая улыбка мелькнула подъ усами поэта; онъ былъ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, властелинъ, и воспользовался этимъ для того, чтобъ произнесть длинную рѣчь. Шарлотта была отчасти виновата въ томъ, чтò случилось; она слишкомъ баловала ребенка. Отнынѣ требовалась мужская рука, для того чтобъ управлять этимъ непокорнымъ конемъ. Пусть только ему поручатъ это, и онъ отвѣчаетъ, что конь смирится. Онъ два или три раза повторилъ: «Я разобью его или обуздаю!» Она не отвѣчала. Она была счастлива мыслью, что сынъ ея не попадетъ въ тюрьму. Она рѣшилась въ тотъ же вечеръ ѣхать въ Эндре; но для того, чтобы не подвергать ея униженію, положено было, что она останется въ Нижней Эндрѣ. Д'Аржантонъ одинъ отвезетъ деньги и возьметъ виновника, котораго тотчасъ же и помѣстятъ въ колонію. Онъ уже заранѣе представлялъ себѣ Жака въ синемъ шерстяномъ казакинѣ, вмѣстѣ съ этими несчастными маленькими арестантами, по бòльшей части, жертвами отцовскихъ пороковъ и преступленій.

Было воскресенье, когда они вышли изъ вагона въ Нижней Эндрѣ и заняли лучшую комнату въ трактирѣ на большой дорогѣ, такъ какъ гостинницы для пріѣзжающихъ не было въ

этой мѣстности. Между тѣмъ какъ поэтъ отправился исполнять обязанность грознаго судіи, Шарлотта осталась одна ожидать его въ этой грязной комнатѣ, куда доносились крики, смѣхъ, топотня и пѣсни пьянаго люда. Этотъ трактирный гамъ, вмѣстѣ съ однообразнымъ шумомъ мелкаго, частаго дождика, непрерывно бившаго въ ѝкна, наводили печальное раздумье на несчастную женщину... Такъ вотъ гдѣ жилъ ея Жакъ ужь два года! Вотъ на какое изгнаніе его обрекли! Какъ онъ ни былъ виновенъ, но онъ, все-таки, былъ ея сынъ... И, находясь такъ близко отъ него, она вспоминала тѣ счастливые годы, когда они жили вмѣстѣ. Зачѣмъ она его покинула? Еслибъ Жакъ оставался при ней, еслибъ его не бросили въ эту развратную, фабричную среду, а помѣстили въ училище съ дѣтьми его возраста—развѣ бы изъ него сдѣлался воръ? Вотъ къ чему привела ея слабость... Предсказанія доктора Ривальса сбывались... она увидитъ его павшимъ, униженнымъ... Чтобы нѣсколько разсѣять свои грустныя мысли, она взяла лежавшую передъ нею программу колоніи. Нѣсколько словъ, прочитанныхъ ею, заставили ее содрогнуться. «Отеческій домъ. Исправительное заведеніе; безусловно одиночное заключеніе; дѣти находятся въ кельяхъ и не видятся между собой—даже въ церкви». Сердце ея сжалось. Она закрыла брошюру и сѣла къ окну, въ ожиданіи поэта, устремивъ взглядъ на маленькій уголокъ Луары, виднѣвшейся въ концѣ улицы и волновавшейся, точно море...

А д'Аржантонъ, въ это время, шелъ исполнять свою миссію. Онъ ни за какія деньги не уступилъ бы своего мѣста. Онъ такъ любилъ производить эффекты, принимать красивыя позы, а тутъ ему предстояло и то, и другое въ изобиліи. Онъ заранѣе обдумалъ рѣчь, съ которою обратится къ преступнику; формулу извиненія, которую заставитъ его произнести, на колѣняхъ передъ директоромъ. Онъ шелъ, величественно поднявъ голову, съ важнымъ видомъ, приличнымъ обстоятельствамъ, одѣтый весь въ тёмное и въ черныхъ перчаткахъ, высоко и крѣпко держа свой зонтикъ, по главной улицѣ Эндре, безлюдной въ эту минуту — по причинѣ ненастья и вечеренъ. Одна старуха указала ему домъ Рудика. Онъ прошелъ мимо завода, безмолвнаго, отдыхавшаго, освѣжавшаго съ наслажденіемъ свои почернѣвшія закопченыя крыши и стѣны. Но, подойдя къ дому, который ему указали, онъ остановился въ недоумѣніи, боясь—не ошибся ли онъ. Это былъ самый веселый и оживленный домъ во всей улицѣ. Изъ открытыхъ оконъ нижняго этажа неслись веселыя бретонскія пѣсни; раздавалась тяжелая топотня крестьянскихъ

ногъ. Тамъ плясали «подъ голосъ», съ живостью и увлеченіемъ, которыя всегда сообщаетъ пляшущимъ пѣніе.

— Не можетъ быть! это не здѣсь, говорилъ д'Аржантонъ, ожидавшій увидѣть опечаленную семью, къ которую онъ войдетъ спасителемъ.

Вдругъ, кто-то крикнулъ: Зинаида! Ну-ка свою любимую—запѣвай...

— Дà, дà Зинаида, пожалуйста! подхватили другіе голоса...

Зинаида запѣла пѣсню, о которой ее просили, и всѣ повторяли хоромъ припѣвъ.

— Зинаида! думалъ поэтъ.—Это—имя дочери Рудика. Однакожь, эти люди не очень-то огорчены, какъ видно.

Въ эту минуту, передъ его глазами пронесся вихрь бѣлыхъ чепцовъ и шумящихъ юбокъ.

— Бригадиръ! Жакъ! не отставайте... кричалъ кто-то.

Это ужь было слишкомъ; заинтригованный поэтъ толкнулъ дверь, и первое лицо, которое онъ увидѣлъ посреди пыли, поднятой этой безумной пляской, былъ Жакъ, воръ, будущій колонистъ, прыгавшій и скакавшій съ семью или восемью молодыми дѣвушками, между которыми одна, толстая, веселая, румяная кубышка, изъ всей силы тащила въ кругъ красиваго таможеннаго бригадира. Прижатый къ стѣнѣ, преслѣдуемый во всѣхъ углахъ, пожилой человѣкъ, съ сѣдиной въ волосахъ, съ добрымъ, сіяющимъ радостью лицомъ, видимо счастливый этимъ общимъ весельемъ, старался сообщить его высокой блѣдной женщинѣ, грустно улыбавшейся.

Чтò же такое случилось? Вотъ чтò:

На другой день послѣ того, какъ написали матери Жака, въ кабинетъ директора вошла г-жа Рудикъ, сильно взволнованная. Она не обратила вниманія на холодный пріемъ, оказанный ей, потому что ея позоръ пріучилъ ее къ молчаливому презрѣнію честныхъ людей, и, отказавшись отъ предложеннаго стула, сказала твердымъ рѣшительнымъ тономъ, какого трудно было ожидать отъ нея.

— Я пришла сказать вамъ, что ученикъ не виноватъ. Это не онъ укралъ приданое моей падчерицы.

Директоръ подскочилъ на своемъ креслѣ.

— Но, однакожь, есть доказательства...

— Какія доказательства? Самое важное изъ нихъ то, что мужъ мой находился въ отсутствіи и что Жакъ оставался съ нами одинъ. Вотъ это-то доказательство я и пришла опровергнуть. Въ эту ночь у насъ въ домѣ, кромѣ Жака, былъ еще другой человѣкъ.

— Другой человѣкъ! Шарлò?

Она кивнула головой. «Да, Шарлò». О! какъ она была блѣдна!

— Такъ, стало быть, Шарлò взялъ деньги?..

Было-ли на этомъ мертвомъ лицѣ хоть минутное колебаніе? Во всякомъ случаѣ, отвѣтъ былъ спокоенъ и рѣшителенъ.

— Нѣтъ, не Шарлò. Я взяла деньги,.. и отдала ему.

— Несчастная женщина!

— О! дà, очень несчастная. Онъ сказалъ мнѣ, что это только на два дня, и я ждала все это время... ждала, несмотря на отчаяніе мужа, на слезы Зинаиды, на страшную боязнь, чтобъ не обвинили невиннаго. Какая пытка! Никто не шелъ. Тогда я написала: «Если завтра, въ одиннадцать часовъ, я ничего не получу, я выдамъ и себя, и васъ». И вотъ я пришла.

— Вы пришли, вы пришли!.. Но что же вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ!

— Хочу, чтобъ вы арестовали настоящихъ виновныхъ. Вы ихъ теперь знаете.

— Но вашъ мужъ... Вѣдь, этотъ двойной позоръ убьетъ его...

— А меня-то! произнесла она гордо и съ горечью. Умереть всего легче. То, что я дѣлаю, гораздо мучительнѣе—повѣрьте.

Она говорила о смерти съ какой-то порывистою страстностью; она смотрѣла на нее, звала ее въ упоеніи, какъ никогда не звала любовника...

— Еслибъ ваша смерть, строго сказалъ директоръ:—могла поправить дѣло, могла возвратить приданое этой бѣдной дѣвушкѣ, то я еще понялъ бы, что вы желаете умереть; но здѣсь самоубійство только васъ одну выпутало бы изъ бѣды. Положеніе осталось бы тоже самое... но сдѣлалось бы еще мрачнѣе и тяжелѣе... вотъ и все.

— Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? спросила она, и въ этомъ вопросѣ слышалась прежняя Клариса, слабая, изнемогающая въ непосильной борьбѣ...

— Прежде всего, надо спасти хоть часть денегъ. У него, можетъ быть, осталось сколько-нибудь.

Клариса опустила голову. Она знала этого отчаяннаго игрока и почти не сомнѣвалась, что онъ проигралъ все до послѣдней копейки. Директоръ позвонилъ. Вошелъ досмотрщикъ.

— Поѣзжайте въ Сен-Назэръ за Шарлò; скажите ему, что мнѣ его очень нужно.

— Онъ здѣсь, г. директоръ. Я сейчасъ его видѣлъ, какъ онъ выходилъ отъ г-жи Рудикъ.

— Ну, такъ приведите его сюда; но не говорите ему, что здѣсь г-жа Рудикъ.

— Понимаю, отвѣтилъ проницательный надсмотрщикъ, подмигнувъ глазомъ, хотя онъ не понималъ ничего ровно. Это былъ тотъ самый отставной жандармъ, врагъ Белизера.

По уходѣ его, лица, оставшіяся въ комнатѣ, молчали. Клариса, опираясь на уголъ письменнаго стола, стояла въ раздумьѣ, мрачная и нѣмая. Шумъ, свистъ пара на заводѣ то угрожающій, то жалобный и молящій, вторили бурѣ, происходившей въ душѣ ея. Дверь быстро растворилась.

— Вы меня требовали, г. директоръ? развязно спросилъ Шарлò.

Присутствіе Кларисы, ея блѣдность, суровый видъ директора... Онъ все понялъ. Она сдержала слово.

На этомъ смѣломъ, грубомъ лицѣ появилось на минуту дикое, безумное выраженіе человѣка, который, попавъ въ засаду и не находя выхода, убиваетъ для того, чтобъ выбраться... но онъ зашатался, подавленный сильной внутренней борьбой, и, наконецъ, опустился на колѣни.

— Простите, пробормоталъ онъ.

Директоръ, жестомъ, велѣлъ ему встать.

— Избавьте насъ отъ вашихъ просьбъ и слёзъ. Все это мы знаемъ. Перейдемъ прямо къ дѣлу. Эта женщина обокрала своего мужа и дочь — для васъ. Вы обѣщали принести деньги черезъ два дня. Гдѣ онѣ?

Шарлò бросилъ на свою любовницу, спасавшую его ложью, взглядъ, исполненный благодарности. Но Клариса не глядѣла на него; она слишкомъ хорошо видѣла его въ ночь кражи.

— Гдѣ деньги? повторилъ директоръ.

— Вотъ онѣ. Я ихъ принесъ-было...

Онъ дѣйствительно принесъ ихъ; но, не заставъ Кларисы дома, поспѣшилъ унести назадъ, чтобъ еще разъ попытать счастья. Это былъ игрокъ настоящій.

— Тутъ все? спросилъ директоръ.

— Восьми сотъ франковъ недостаетъ, отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— А! Понимаю. Отложили на вечернюю ставку...

— Клянусь вамъ, что нѣтъ. Я проигралъ ихъ. Но я ихъ отдамъ.

— Это ненужно. Отъ васъ ничего не требуютъ. Недостающіе восемьсотъ франковъ я пополню. Я не хочу, чтобъ эта дѣвушка потеряла хоть копейку изъ своего приданаго. Теперь дѣло въ томъ, кàкъ объяснить Рудику... Садитесь и пишите.

Онъ подумалъ съ минуту; между тѣмъ какъ Шарлò садился

къ столу и бралъ перо, Клариса подняла голову. Она ждала. Это былъ для нея вопросъ жизни и смерти.

— Пишите: «Г. директоръ! Это *я*, въ минуту безумія, похитилъ у Рудиковъ шесть тысячъ франковъ». Шарлò сдѣлалъ движеніе; онъ хотѣлъ протестовать, но побоялся Клариcы и возстановилъ фактъ во всей его логической и жестокой правдѣ.

Директоръ продолжалъ: «Вотъ деньги. Я не могу ихъ долѣе держать у себя. Онѣ жгутъ мои руки. Освободите несчастнаго, на котораго я навлекъ подозрѣніе, и попросите дядю, чтобъ онъ простилъ меня. Скажите ему, что я оставляю заводъ и возвращусь лишь тогда, когда цѣною труда и раскаянія снова куплю себѣ право пожать руку честнаго человѣка». Теперь число и подпись. Видя, что Шарлò колеблется, директоръ прибавилъ:

— Берегитесь, молодой человѣкъ. Если вы не подпишите, я сейчасъ же велю арестовать эту женщину.

Шарлò подписалъ, безъ слова. Директоръ всталъ.

— Теперь вы можете идти. Если вы хотите, то можете отправиться въ Гериньи, и постарайтесь вести себя хорошо. Во всякомъ случаѣ, помните, что, если вы когда нибудь покажетесь въ Эндрè, жандармы схватятъ васъ, какъ вора. Ваше письмо даетъ имъ на это право.

Шарлò слегка поклонился, бросивъ мимоходомъ взглядъ на Клариссу. Но очарованіе изчезло. Она отвернулась, твердо рѣшившись сохранить въ душѣ своей неприкосновеннымъ тотъ ужасный образъ, который видѣла въ ночь кражи. По уходѣ Шарлò, она подошла къ директору, сложивъ руки, съ выраженіемъ благодарности.

— Не благодарите меня, сударыня.—Я сдѣлалъ это для вашего мужа. Я хотѣлъ избавить этого честнаго человѣка отъ ужаснѣйшей изъ всѣхъ пытокъ...

— Я и благодарю васъ за своего мужа, г. директоръ. Я думаю только о немъ, и жертва, которую я ему приношу, можетъ служить тому доказательствомъ.

— Какая жертва?

— Та, что я рѣшаюсь жить... между тѣмъ какъ умереть, заснуть навсегда, было бы такъ хорошо... Все было готово, рѣшено въ умѣ моемъ. Но я такъ устала, такъ нуждаюсь въ покоѣ...

И, дѣйствительно, послѣ того энергическаго усилія, которое она сдѣлала надъ собой, она, казалось, совсѣмъ изнемогла; директоръ, опасаясь какой нибудь катастрофы, сказалъ ей кротко:

— Мужайтесь!.. подумайте, кàкъ огорчитъ Рудика это пись-

мо его племянника; какой это будетъ ударъ для него! Жестоко было бы усилить его горе еще другимъ несчастіемъ, гораздо бо̀льшимъ и непоправимымъ...

— Да̀, вы правы... Я думала то же самое... И она медленно вышла.

Рудикъ былъ, дѣйствительно, въ отчаяніи, узнавъ о поступкѣ племянника. Только радость Зинаиды, нашедшей свою шкатулку, могла нѣсколько смягчить его горе. Первымъ словомъ его было: Жена моя такъ любила его! И тѣ, которые слышали его, невольно смутились при этой наивности.

А Ацтекъ? И Ацтекъ дождался на своей улицѣ праздника. На дверяхъ всѣхъ мастерскихъ прибито было объявленіе, подписанное директоромъ, гдѣ онъ свидѣтельствовалъ о невинности Жака. Его поздравляли, чествовали; и вы можете себѣ представить, ка̀къ извинялись передъ нимъ Рудики, ка̀къ увѣряли его въ своей дружбѣ; ка̀къ старались загладить свою несправедливость. Что̀ касается Белизера, то, едва ему сказали, что онъ свободенъ, какъ онъ безъ оглядки бѣжалъ изъ Эндрѐ, несмотря на свои тѣсные башмаки, ни о чемъ не разспрашивая, не требуя никакихъ объясненій. Бѣднякъ такъ боялся, чтобъ его не схватили опять! Внезапное исчезновеніе его очень огорчило Жака; ему невыносима была мысль, что разносчикъ вѣроятно все еще продолжаетъ считать его виновнымъ. Притомъ же, ему хотѣлось бы извиниться передъ несчастнымъ, претерпѣвшимъ изъ-за него столько непріятностей и убытковъ. Только одно это обстоятельство и омрачало радость Жака. Но онъ, однакоже, позавтракалъ очень усердно на помолвкѣ Зинаиды и плясалъ вмѣстѣ съ другими, когда вошелъ д'Аржантонъ. Эта мрачная фигура, въ черныхъ перчаткахъ, произвела своимъ появленіемъ на веселую компанію такой же эффектъ, какъ коршунъ на стаю ласточекъ. Ка̀къ ни старались объяснить поэту, что деньги отыскались, что Жакъ невиненъ и что директоръ вторично писалъ къ его матери; какъ ни ласкали ученика всѣ эти добрые люди, ка̀къ ни трепалъ его по плечу Рудикъ, приговаривая. «Ахъ, ты—мальчуга!» ка̀къ ни бударажила ему волосы Зинаида, въ ожиданіи пока можно будетъ продѣлать тоже самое съ красивымъ бригадиромъ—поэтъ оставался все также важенъ и преисполненъ достоинства; онъ началъ патетически извиняться передъ Рудиками, отъ имени матери Жака и отъ своего собственнаго, за всѣ непріятности, которыя имъ причинили.

— Это, напротивъ, мнѣ слѣдуетъ извиняться передъ бѣднымъ ребенкомъ, кричалъ Рудикъ.

Но д'Аржантонъ ничего не слушалъ. Онъ говорилъ о чести, о долгѣ, о страшной безднѣ, къ которой приводитъ дурная жизнь... Жакъ, хотя и оказался невиннымъ въ дѣлѣ похищенія денегъ, но имѣлъ нѣкоторыя причины чувствовать себя смущеннымъ, припоминая свои нантскія похожденія, свидѣтелемъ которыхъ отчасти былъ бригадиръ Манженъ, встрѣтившій его на пристани. Онъ краснѣлъ и не зналъ куда дѣться во время этой проповѣди. Цѣлый часъ мучилъ поэтъ этихъ добрыхъ людей своимъ краснорѣчіемъ и успѣлъ нагнать на нихъ мрачную, непроходимую скуку. Наконецъ, Рудикъ не выдержалъ и, обращаясь къ нему, наивно сказалъ.

— У васъ, я думаю, въ горлѣ пересохло—не прикажете ли винца?

Оратору подали вина и лепешку, испеченную самой Зинаидой. Лепешка эта смотрѣла такъ соблазнительно, что д'Аржантонъ невольно поддался искушенію и сдѣлалъ въ ней такую же брешь, какъ во время оно Белизеръ въ его ветчинѣ, въ Ольховкѣ.

Изъ длинной рѣчи д'Аржантона Жакъ вынесъ только одно: что поэтъ нарочно для него пріѣхалъ въ Эндре, съ деньгами, которыя должны были спасти его отъ позора. Поэтъ, дѣйствительно, не разъ, въ продолженіе этой рѣчи, эффектно ударялъ себя по карману, восклицая: «я привезъ деньги»!.. И ребенокъ, вообразивъ себѣ, что д'Аржантонъ рѣшился удѣлить изъ своего собственнаго состоянія эти шесть тысячъ франковъ для того, чтобы его выручить, начиналъ думать, что онъ ошибался насчетъ этого человѣка, который, въ сущности, не былъ такимъ эгоистомъ, какимъ казался. Никогда еще Жакъ не относился къ нему такъ дружелюбно и такъ почтительно, какъ въ этотъ день. Тотъ, съ съ своей стороны, удивленный подобной перемѣной и не узнавая прежняго ретиваго коня, говорилъ себѣ: «это я его обуздалъ». Эта мысль, въ соединеніи съ предупредительностью и гостепріимствомъ Рудика, окончательно привели его въ хорошее настроеніе.

Поэтъ, подъ руку съ Жакомъ, какъ два добрыхъ пріятеля, долго гуляли по берегу Луары и по улицамъ Эндре. Жакъ былъ такъ радъ поговорить о своей матери. О! еслибъ онъ зналъ, что она такъ близко отъ него и что, вотъ уже цѣлый часъ, какъ д'Аржантонъ, въ которомъ ревнивый эгоизмъ боролся съ остаткомъ сожалѣнія, спрашивалъ себя: сказать ли ему, что она здѣсь?

Дѣло въ томъ, что поэтъ не предвидѣлъ такой развязки. Онъ

бы съ восторгомъ привелъ къ ней виновнаго, униженнаго, котораго она не могла бы приласкать. Но привести этого торжествующаго героя, этого мученика юридической ошибки, присутствовать при нѣжныхъ, трогательныхъ изліяніяхъ этихъ двухъ сердецъ, не хотѣвшихъ перестать биться другъ для друга—было выше силъ его. Но, однакоже, для того, чтобы рѣшиться на подобную жестокость, чтобъ отказать Шарлоттѣ въ радости повидаться съ сыномъ, нужно было найдти, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь предлогъ, какое-нибудь подобіе разумнаго основанія и чтобъ, главнымъ образомъ, все это можно было формулировать громкими фразами.

Этотъ предлогъ доставилъ ему самъ Жакъ. Представьте себѣ, что бѣдный ребенокъ, тронутый кротостью г. д'Аржантона, пустился съ нимъ въ откровенности. Онъ говорилъ, что у него не лежитъ сердце къ той жизни, которую онъ ведетъ; что изъ него никогда не выйдетъ хорошій работникъ; что онъ слишкомъ одинокъ, слишкомъ далеко отъ матери... Работа не пугала его, о нѣтъ! Но онъ желалъ бы какой-нибудь другой работы, гдѣ руки были бы заняты поменьше, а голова—побольше. И, говоря это, Жакъ крѣпко пожималъ руку поэта, которую тотъ, однакоже, мало по малу, отдергивалъ... И вдругъ, ребёнокъ увидѣлъ передъ собой холодное, безстрастное лицо и жосткій взглядъ прежняго «врага».

— Мнѣ очень непріятно, Жакъ, слышать это отъ васъ. Очень непріятно. И ваша мать будетъ также очень огорчена, узнавъ о вашемъ образѣ мыслей. Вы, значитъ, забыли, что я повторялъ вамъ столько разъ: «Нѣтъ хуже на свѣтѣ людей, какъ мечтатели». Остерегайтесь мечтаній, утопій. Нашъ вѣкъ — вѣкъ желѣзный. За работу, Жакъ, за работу!

И несчастный мальчикъ цѣлый часъ долженъ былъ слушать эту мораль, леденящую и пронизывающую, какъ дождь, лившій въ эту минуту, темную, какъ ночь, начинавшую окутывать пейзажъ. И между тѣмъ, какъ они прохаживались взадъ и впередъ, на другомъ берегу рѣки, женщина, соскучившаяся ждать въ трактирѣ, вышла на набережную посмотрѣть, не видно ли лодка, изъ которой сейчасъ долженъ выйдти этотъ ужасный, маленькій преступникъ, ея дорогое, возлюбленное дитя, съ которымъ она не видалась два года. Но д'Аржантонъ нашелъ предлогъ. Свиданіе съ матерью могло только разнѣжить ребенка при настоящемъ его настроеніи; отнять у него послѣднее мужество; благоразумнѣе будетъ не допускать этого свиданія. Шар-

лотта, конечно, пойметъ, что польза ея ребенка требуетъ отъ нея этой жертвы... Жизнь—не романъ, чортъ возьми!..

Такимъ образомъ, Шарлотта, находясь такъ близко отъ своего сына, что стоило имъ только погромче крикнуть, чтобы услышать другъ друга, не видалась съ нимъ въ этотъ вечеръ; и долго еще не суждено имъ было увидѣться.

А. П.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О САМОВОЗГОРАНІИ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ПРИЧИНАХЪ ПОЖАРОВЪ ВЪ РОССІИ.

Добывая всегда въ обыденной жизни огонь различными искуственными способами и не видя никогда возникновенія его естественнымъ путемъ, общество склонно относиться къ самовозгоранію съ недовѣріемъ, какъ къ явленію очень странному и невѣроятному. Ка̀къ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀-либо загорѣться само собой! Это противорѣчило бы, повидимому, всему порядку обыденной жизни, всѣмъ общепринятымъ понятіямъ. Никому, кромѣ немногихъ спеціалистовъ, не случалось видѣть самовозгоранія, и лишь очень немногіе знаютъ о его возможности; съ другой стороны, всякій видитъ ежедневно десятки разъ, что огонь добывается только искуственно. При такихъ условіяхъ, недовѣріе къ возможности самовозгоранія является, конечно, вполнѣ заслуженнымъ и естественнымъ.

Но этого мало. Тѣхъ, кто слыхалъ о самовозгораніи и не вѣритъ въ его возможность, можно еще считать относительно болѣе свѣдущими, такъ какъ масса общества даже и не отрицаетъ этой возможности, а просто игнорируетъ самовозгораніе и не знаетъ даже, что вопросъ о немъ существуетъ на свѣтѣ. Это зависитъ, конечно, отъ того, что спеціальныя реальныя познанія еще весьма скудно распространены въ нашемъ обществѣ. Простой народъ, стоящій ближе къ природѣ, ушелъ, въ этомъ отношеніи, дальше образованнаго общества: для него нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что навозъ и сырое сѣно въ кучахъ способны сильно нагрѣваться, и многіе изъ его среды знаютъ, что нагрѣваніе это можетъ дойти до самовозгоранія или до тлѣнія. Продукты этого тлѣнія — «горѣлый» навозъ или «горѣлое» сѣно — имѣютъ въ народѣ даже особенныя названія.

Замѣчательно, что, при такомъ недовѣріи къ самовозгоранію, возможность котораго доказана множествомъ опытовъ и наблюденій надъ многими весьма распространенными веществами, другой подобный же вопросъ о самозарожденіи, которое до сихъ поръ еще не наблюдалось никѣмъ и отвергается почти всѣми учеными, рѣшенъ массою общества утвердительно, то-есть: самозарожденіе существуетъ, и доказательствомъ тому—блохи, клопы и другіе накожные паразиты, глисты внутри животныхъ и человѣка, черви въ гніющемъ мясѣ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не вѣрить въ самозарожденіе подобныхъ существъ, когда они являются вдругъ неизвѣстно откуда и оставляютъ по себѣ видимые, а иногда и очень чувствительные слѣды? И какъ вѣрить въ самовозгораніе, котораго никогда никто не видалъ и которое всегда само, такъ сказать, уничтожаетъ свои слѣды?

Послѣднее обстоятельство требуетъ объясненія. Самовозгоранію подлежатъ только вещества или уже по природѣ своей чрезвычайно легко горючія (сѣно), или доведенныя извѣстными условіями до сильной степени горючести (пакля, пропитанная жиромъ). Ясно, кромѣ того, что жаркая и сухая погода, вызывающая самовозгораніе нѣкоторыхъ веществъ, дѣлаетъ и всѣ окружающіе ихъ предметы растительнаго происхожденія легко горючими. Такимъ образомъ, условія для возможности самовозгоранія, по самому существу своему, таковы, что возникшій вслѣдствіе его огонь долженъ быстро охватить всѣ горючіе предметы, находящіеся по близости, и уничтожить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и слѣды того мѣста, гдѣ огонь первоначально показался.

Кромѣ того, самовозгораніе должно ускользать отъ наблюденій и по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, явленіе это чисто-случайнаго свойства и довольно рѣдко. Во-вторыхъ, оно не бросается само въ глаза, о его возможности нужно знать заранѣе и затѣмъ тщательно наблюдать, чтобы его замѣтить; охотниковъ же наблюдать его у насъ до сихъ поръ не было. Спенсеръ справедливо говоритъ, что отсутствіе гипотезы вредитъ точности и полнотѣ наблюденій природы; еслибы у насъ самовозгораніе не игнорировалось такъ немилосердно, его, вѣроятно, замѣчали бы чаще. За-границей вопросъ о самовозгораніи обращаетъ на себя больше вниманія [1], чѣмъ у насъ, хотя на свѣтѣ едва ли есть гдѣ такое изобиліе самовозгорающихся веществъ, какъ въ русскихъ земледѣльческихъ селеніяхъ. Наконецъ, самовозгораніе трудно замѣтить и потому, что, какъ мы увидимъ ниже, оно происходитъ преимущественно внутри кучъ и скопленій извѣстныхъ предметовъ, то-есть въ мѣстахъ, недоступныхъ для наблюденія.

Чтобы объяснить, какъ скрываетъ самовозгораніе свои слѣды, возьмемъ въ примѣръ хоть стогъ сѣна. Послѣднее, по излагае-

[1] Это видно изъ многихъ цитатъ, слѣдующихъ далѣе.

мымъ ниже причинамъ, можетъ загорѣться само собой только внутри стога, и еслибы появившійся огонь не распространялся дальше, то онъ оставилъ бы ясные слѣды самовозгоранія. На дѣлѣ же, сѣно—такой легко-горючій матеріалъ и, подъ вліяніемъ процессовъ, вызывающихъ самовозгораніе, дѣлается еще настолько легче горюче, что огонь необходимо долженъ обхватить весь стогъ и истребить его до тла. То же самое можно сказать и обо всѣхъ пожарахъ, вслѣдствіе самовозгоранія. Въ конечномъ результатѣ послѣдняго всегда остаются лишь слѣды болѣе или менѣе обширнаго горѣнія, изъ которыхъ невозможно узнать причину и мѣсто первоначальнаго воспламененія.

Въ виду всего этого, естественно, что самовозгораніе никогда не считается у насъ возможной причиной пожаровъ, ни даже въ формѣ предположенія. Изъ значительнаго числа пожаровъ, бывающихъ въ Россіи, часть приписываютъ поджогамъ или неосторожному обращенію съ огнемъ, бо́льшую же часть (около $^2/_3$) «неизвѣстнымъ причинамъ», подъ которыми почти всѣ склонны понимать тѣ же, но только необнаруженныя—поджогъ и неосторожность съ огнемъ.

Подобно самовозгоранію, игнорировалось сначала и электричество, но потомъ его нетолько должны были признать, нетолько стали замѣчать повсюду, но и извлекаютъ изъ него теперь огромную пользу. Если мнѣ скажутъ, что въ жизни не бываетъ случаевъ, указывающихъ на самовозгораніе, какъ указывали, напримѣръ, молніи на электричество, то возраженіе это едва ли будетъ согласно съ дѣствительностью. Не говоря уже объ указаніяхъ, заключающихся въ различныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, газеты сообщаютъ весьма часто описаніе такихъ случаевъ пожаровъ, въ которыхъ самовозгораніе является очень вѣроятнымъ или, по крайней мѣрѣ, не менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ и неосторожное обращеніе съ огнемъ, которому часто приписываютъ пожары, не имѣя на то особенныхъ доказательствъ [1]. Вся бѣда въ томъ, что причины пожаровъ никогда не изслѣдуются у насъ съ технической стороны и что всѣ удовлетворяются ссылкой на неизвѣстныя причины или предположеніемъ о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, находя излишнимъ болѣе точное изслѣдованіе. До сихъ поръ, причины пожаровъ у насъ изслѣдовались только юристами и полиціей, но не техниками.

Между тѣмъ, вопросъ сто́итъ техническаго изслѣдованія. Въ 1874 г., въ Россіи было 26,326 пожаровъ, изъ числа которыхъ 14,882 произошло отъ «неизвѣстныхъ причинъ»; имущества истреблено огнемъ на 58,897,888 рублей [2]. Въ 1875 г. пожаровъ было 25,976, въ томъ числѣ отъ неизвѣстныхъ причинъ

---

[1] Въ концѣ статьи я сообщаю около 30-ти такихъ случаевъ.

[2] Русскій календарь, 1876 г., стр. 339.

14.631; имущества сгорѣло на 64,096,896 рублей [1]. И года эти не были какими-либо исключительными; стало быть, въ 10 лѣтъ Россія лишается приблизительно 600 милліоновъ рублей, которые она платитъ, какъ контрибуцію, за свое невѣдѣніе и за неумѣлость въ техническомъ отношеніи.

Недовѣріе къ возможности самовозгоранія можетъ быть отчасти оправдано тѣмъ, что чрезвычайно трудно убѣдиться или доказать, произошелъ ли пожаръ отъ самовозгоранія, или нѣтъ. Здѣсь возможны лишь одни предположенія. Съ другой стороны, излишнее рвеніе къ самовозгоранію можетъ повести къ тому, что изъ-за него не будутъ обращать должнаго вниманія на поджогъ или неосторожное обращеніе съ огнемъ.

Тѣмъ не менѣе, подобную благоразумную осторожность не слѣдуетъ доводить до другой крайности. Нельзя игнорировать далѣе тотъ несомнѣнный фактъ, что въ природѣ есть много предметовъ съ доказанной способностью къ самовозгоранію и что, въ частности, селенія земледѣльческой Россіи снабжены подобными предметами въ изобиліи, по истинѣ, ужасающемъ. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ, при недостаткѣ техническихъ изслѣдованій, нельзя или трудно доказать, что пожаръ произошелъ вслѣдствіе самовозгоранія, то вообще очень вѣроятно, что часть пожаровъ отъ «неизвѣстныхъ причинъ» въ Россіи происходитъ вслѣдствіе естественныхъ процессовъ.

Игнорированіе самовозгоранія ведетъ нетолько къ увеличенію числа пожаровъ, но заставляетъ дѣлать ложныя, рискованныя или одностороннія предположенія о причинѣ пожаровъ и обвинять невинныхъ въ умышленномъ или неумышленномъ поджогѣ. Если пожаръ начался съ сѣновала, въ лѣсопильной, столярной мастерской, въ кладовой съ тряпками, масломъ, веревками, углемъ и т. п., весьма рискованно искать напередъ причину пожара только въ поджогѣ, въ особенности лѣтомъ, при сильной жарѣ. Между тѣмъ, у насъ поступаютъ такъ сплошь и рядомъ. Полиція, слѣдователи и судьи производятъ дѣла о поджогахъ, даже и не подозрѣвая способности многихъ веществъ самовозгораться; судебныя разслѣдованія очень рѣдко касаются вопроса о томъ, не произошелъ ли пожаръ отъ какой-либо естественной причины. При каждомъ пожарѣ у насъ прежде всего ищутъ поджогъ, и при дознаніяхъ о причинѣ пожара удовлетворяются предположеніями людей необразованныхъ и несвѣдущихъ; въ этомъ и заключается все изслѣдованіе.

И такъ, на самовозгораніе слѣдовало бы обращать больше вниманія какъ для того, чтобы уменьшить число пожаровъ, такъ и для того, чтобы не подвергать невинныхъ подозрѣнію или даже обвиненію въ умышленномъ или неумышленномъ поджогѣ. И это тѣмъ болѣе, что условія, существующія въ русскихъ селеніяхъ и благопріятствующія самовозгоранію, почти въ такой

[1] «Голосъ», 1876 г., № 21-й.

же степени способствуютъ и пожарамъ отъ другихъ причинъ. Слѣдовательно, мѣры для уменьшенія числа пожаровъ вслѣдствіе самовозгоранія будутъ столь же полезны и для уменьшенія числа пожаровъ отъ другихъ причинъ и вообще поведутъ къ тому, что пожары не будутъ распространяться такъ быстро, какъ теперь, не будутъ уничтожать вдругъ цѣлыхъ селеній или значительнаго числа построекъ заразъ.

Цѣль этой статьи—не доказать, что отъ самовозгоранія у насъ происходятъ многіе пожары — это невозможно за недостаткомъ точныхъ изслѣдованій—а обратить вниманіе на различныя естественныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ могутъ происходить пожары, и показать, что предметъ этотъ заслуживаетъ изслѣдованія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, я перейду къ перечисленію различныхъ веществъ, способныхъ самовозгораться, и къ объясненію причинъ этого явленія.

Начну съ такихъ веществъ, самовозгораніе которыхъ легко произвести въ лабораторіи и называемыхъ пирофорами по преимуществу; ихъ можно также назвать искуственными пирофорами, въ отличіе отъ естественныхъ, такъ какъ они могутъ быть получены только искуственнымъ путемъ и самовозгораніе ихъ въ природѣ невозможно.

Всего удобнѣе можно произвести самовозгораніе съ помощью фосфора. Извѣстно, что фосфоръ обладаетъ сильнымъ стремленіемъ къ соединенію съ кислородомъ даже при низкой температурѣ; онъ очень легко горитъ и легко зажигается; теплота, производимая легкимъ треніемъ, уже достаточна для его воспламененія. Примѣръ этому мы видимъ въ фосфорныхъ спичкахъ, въ которыхъ треніе, впрочемъ, служитъ нетолько для нагрѣванія фосфора, но и для обнаженія свѣжей поверхности послѣдняго, уничтожая лакъ или верхній слой, изолирующій головку спички отъ дѣйствія воздуха.

Фосфоръ легко растворяется въ углесѣрѣ, и получаемый растворъ представляетъ опасное самовоспламеняющееся вещество. Если налить немного этого раствора на бумагу или на столъ, то углесѣра, жидкость легколетучая и кипящая уже при 37° Р., начинаетъ быстро испаряться, оставляя фосфоръ въ очень мелкомъ раздѣленіи. Начинающееся затѣмъ быстрое окисленіе фосфора доводитъ его до самовоспламененія.

Причиной послѣдняго въ этомъ случаѣ, кромѣ легкой окисляемости фосфора, является то обстоятельство, что углесѣра, при испареніи, оставляетъ его въ чрезвычайно мелкомъ раздѣленіи, т. е. съ огромной поверхностью, одновременно доступной дѣйствію кислорода воздуха. Вслѣдствіе этого, фосфоръ начинаетъ окисляться *вдругъ* большимъ количествомъ, что и влечетъ за собой внезапное повышеніе температуры, производящее воспламененіе. При окисленіи же фосфора на воздухѣ въ кускахъ, соединеніе съ кислородомъ происходитъ медленно и постепенно,

температура не повышается значительно и воспламененія не происходитъ. Здѣсь вліяетъ и то обстоятельство, что фосфоръ, послѣ испаренія углесѣры, представляетъ дѣйствію воздуха свѣжую поверхность, между тѣмъ, какъ, при окисленіи его въ кускахъ, на немъ образуется слой окисла, затрудняющій дальнѣйшее дѣйствіе воздуха.

Интересно то, что испареніе углесѣры сопровождается значительнымъ охлажденіемъ; капля углесѣры, испаряющаяся съ руки, производитъ на ней чувство сильнаго охлажденія. Слѣдовательно, способность фосфора къ самовозгоранію достаточно сильна и для того, чтобы превозмочь это пониженіе температуры. Впрочемъ, фосфоръ воспламеняется уже при 48° Р., между тѣмъ какъ для самовоспламененія растительныхъ веществъ нужно болѣе значительное повышеніе температуры (приблизительно 120—320° Р.). Фосфоръ представляетъ, однако, ту разницу отъ растительныхъ пирофоровъ, что для его самовозгоранія нужно очень короткое время, между тѣмъ какъ высокая температура, необходимая для самовоспламененія растительныхъ веществъ, такъ сказать, накопляется вслѣдствіе постепенныхъ и продолжительныхъ процессовъ.

Очень можетъ быть, что такъ-называемый греческій огонь, которымъ древніе греки зажигали осаждавшіе ихъ города корабли, производился растворомъ фосфора въ углесѣрѣ. Комокъ пакли, напитанный этимъ растворомъ и брошенный, напримѣръ, изъ самострѣла, можетъ перенести огонь на далекое разстояніе. Если такой комокъ облѣпить глиной, то онъ будетъ защищенъ отъ преждевременнаго испаренія; при паденіи же глина разобьется, углесѣра начнетъ испаряться и произойдетъ воспламененіе.

Другой искусственный пирофоръ представляетъ желѣзо. Если окись желѣза востановить водородомъ при возможно низкой температурѣ, то въ результатѣ получается желѣзо въ такомъ пористомъ видѣ или въ такомъ тонкомъ раздѣленіи, что, въ соприкосновеніи съ воздухомъ, отъ быстраго и внезапнаго поглощенія кислорода, загорается или, вѣрнѣе, нагрѣвается до накаливанія [1]. Желѣзо, полученное востановленіемъ окиси при болѣе высокой температурѣ, не обладаетъ такимъ свойствомъ.

Желѣзо представляетъ намъ, такимъ образомъ, явленіе вполнѣ аналогичное самовозгоранію фосфора; оно загорается само собой точно также отъ двухъ причинъ: большаго сродства къ кислороду и тонкаго раздѣленія, вслѣдствіе котораго воздухъ дѣйствуетъ вдругъ на большую поверхность, отчего окисленіе и

---

[1]) По изслѣдованіямъ Вакенродера, окись желѣза, востановленная, при низкой температурѣ водородомъ, даетъ не металлическое желѣзо, а закись его— вещество также легко окисляющееся.

производитъ въ короткое время сильное нагрѣваніе, достаточное для проявленія свѣта.

Впрочемъ, самовозгораніе желѣза можетъ обусловливаться и еще одной причиной, которую мы встрѣтимъ ниже, говоря о самовозгораніи угля. Причина эта заключается въ томъ, что всѣ пористыя вещества способны поглощать газы (напримѣръ, кислородъ воздуха), причемъ поглощеніе это сопровождается болѣе или менѣе значительнымъ отдѣленіемъ тепла; нѣкоторыя вещества по этой причинѣ загораются или накаливаются до красна, если онѣ не горючи. Такъ, пористая платина, въ видѣ, такъ-называемой, платиновой губки, при поглощеніи водорода, нагрѣвается до температуры воспламененія послѣдняго, что̀ и примѣнено въ доберейнеровомъ огнивѣ къ добыванію огня.

Число искусственныхъ пирофоровъ довольно многочисленно, но я не могу дать ихъ описанію больше мѣста. Способностью къ самовозгоранію обладаютъ, напримѣръ, фосфористый кальцій и нѣкоторыя соединенія, развивающія самовоспламеняющійся фосфороводородъ; металлы калій и натрій загораются, будучи брошены въ воду. Всѣ эти вещества, загораясь въ прикосновеніи съ водой, могутъ быть названы водяными пирофорами. Можно также приготовить пирофоры слабымъ прокаливаніемъ каліевыхъ квасцовъ съ угольнымъ порошкомъ (пирофоръ Гомбурга), или прокаливаніемъ равныхъ частей сѣрнокислаго кали и сажи [1]. По поводу самовозгоранія фосфороводорода стòитъ привести анекдотъ, разсказанный въ химіи Отто [2]:

«Прежде часто говорили о томъ, что, при гніеніи рыбъ, развивается фосфороводородъ, который, будто бы, и производитъ блуждающіе огни, давно уже, какъ и привидѣнія, изчезнувшіе съ лица земли. Въ сороковыхъ годахъ, въ одной изъ столицъ Германіи, въ колодцѣ при рынкѣ, нѣсколько разъ по ночамъ замѣчали огоньки, выходившіе изъ воды, и по запаху можно было убѣдиться, что огоньки производятся фосфороводородомъ. По изслѣдованію колодца, въ немъ оказались полусгнившія рыбы, брошенныя туда, вѣроятно, торговцами находившагося по близости рыбнаго ряда. Казалось, что фактъ этотъ вполнѣ подтверждалъ возможность образованія въ природѣ самовоспламеняющагося фосфороводорода и упомянутую выше гипотезу о происхожденіи блуждающихъ огней. Спустя нѣкоторое время, обнаружилось, однако, что какой-то химикъ-диллетантъ бросалъ въ колодецъ фосфористый кальцій».

Перейдемъ теперь къ самовоспламененію веществъ, встрѣчающихся въ природѣ или въ общежитіи готовыми—къ естественнымъ пирофорамъ.

---

[1] Эти два пирофора упоминаются въ «Lehrbuch der Physik, von D-r Eisenlohr». 1870. стр. 502.

[2] Ausführliches Lehrbuch der annorganischen Chemie, von Graham-Otto. 3-е изданіе, томъ I, стр. 562.

Начнемъ съ каменнаго угля, самовоспламененіе котораго наблюдалось чаще, чѣмъ другихъ веществъ, и подвергалось даже подробнымъ изслѣдованіямъ.

Каменный уголь заключаетъ обыкновенно примѣсь сѣрнаго колчедана (сѣрнистаго желѣза), образующаго въ кускахъ его налёты, прослойки и прожилки желтаго или латуннаго цвѣта. Вещество это довольно непостоянно и, въ присутствіи влажности, подъ дѣйствіемъ кислорода воздуха, легко распадается, причемъ окисляются какъ желѣзо, такъ и сѣра. Эта реакція сопровождается отдѣленіемъ теплоты, появленію которой прежде и приписывали самовозгораніе каменнаго угля. Какъ мы увидимъ ниже, теплота отдѣляется въ каменномъ углѣ и вслѣдствіе другихъ процессовъ.

О самовозгораніи каменнаго угля Отто говоритъ слѣдующее: «Сѣрный колчеданъ, носящій названіе водянаго (Wasserkies), и двусѣрнистое желѣзо, заключенное въ чрезвычайно тонкомъ раздѣленіи въ квасцовой землѣ, окисляются на воздухѣ уже при обыкновенной температурѣ, причемъ послѣдняя легко можетъ возвыситься до самовозгоранія. Сѣрный колчеданъ, часто встрѣчающійся въ каменномъ и буромъ углѣ, можетъ произвести ихъ самовоспламененіе. Напримѣръ, здѣсь (въ Брауншвейгѣ), я видѣлъ разъ складъ каменнаго угля въ одной сахароварнѣ, загорѣвшійся такимъ образомъ самъ собой [1]».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Въ каменномъ углѣ очень обыкновенна примѣсь сѣрнаго колчедана, который часто проникаетъ его чрезвычайно тонкими слоями, вывѣтриваясь на воздухѣ, ведетъ къ распаденію угля на мелкіе кусочки, часто препятствуетъ употребленію угля для выплавки металловъ и производитъ иногда самовозгораніе большихъ скученныхъ массъ угля такъ скоро и вѣрно, что употребленіе такихъ опасныхъ сортовъ угля на судахъ дѣлается совершенно невозможнымъ» [2].

Въ такомъ же смыслѣ говорится о способности каменнаго угля къ самовозгоранію почти во всѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ описываются подробно его свойства. Изъ книхъ, имѣющихся у меня подъ рукой, Бруно Керль въ своей «Металлургіи» [3] и Р. Вагнеръ въ «Химической технологіи» [4] гоьорятъ, что вывѣтриваніе сѣрнаго колчедана производитъ распаденіе угля на мелкіе куски и самовозгораніе, какъ въ складахъ, такъ и въ каменноугольныхъ копяхъ.

Приведу для примѣра описаніе случая самовозгоранія каменнаго угля, взятое мною изъ «Пожарной Книги» [5], а послѣднею почерпнутое изъ свѣдѣній петербургской полиціи:

---

[1] Ausf. Lehrb. der anorg. Chemie, т. II, стр. 739.

[2] Ausf. Lehrb. der anorg. Chemie, von Graham Otto, т. I, стр. 716.

[3] Grundriss der allgem. Hüttenkunde, von Bruno Kerl, 1872, стр. 67.

[4] Handb. der chem. Technologie von R. Wagner. 1871, стр. 782.

[5] Пожарная книга, составилъ А. Н—въ. Петербургъ, 1875, стр. 260. Я не нахожу, чтобы книга эта была составлена вполнѣ научно.

«Выше уже было сказано, что каменный уголь способенъ самовозгораться; по этой причинѣ надобно избѣгать свалки его большими кучами, въ которыхъ онъ загорается скорѣе, чѣмъ въ маленькихъ. Такъ, напримѣръ, годъ или два тому назадъ (т. е. въ 1873—74 гг.), на извѣстномъ литейномъ заводѣ г. Путилова, близь Петербурга, загорѣлась внутри огромная (въ нѣсколько тысячъ пудовъ) куча сваленнаго близь завода каменнаго угля. Тушенiе огня было сопряжено съ большими затрудненiями, потому что пришлось разрывать уголь на нѣсколько саженъ въ глубину кучи, чтобы добраться до гнѣзда пожара, которое и было найдено въ самомъ низу. Уголь, конечно, былъ погашенъ, но о причинѣ этого пожара сложилось убѣжденiе, будто бы онъ произошелъ отъ горѣнiя торфа, между тѣмъ какъ подъ кучей торфа совсѣмъ и не было, а уголь загорѣлся самъ собой, именно отъ сгущенiя въ скважистой массѣ кучи (!) кислорода, причемъ воспламененiю не мало способствовало скопленiе въ кучѣ угольной пыли».

Способность къ самовозгаранiю каменнаго угля въ особенности опасна въ каменноугольныхъ копяхъ, гдѣ воздухъ содержитъ болотный газъ и другiе углеводороды, образующiе съ нимъ горючую и взрывчатую смѣсь. Вслѣдствiе этого, здѣсь самовозгаранiе угля не только можетъ повести къ пожару въ копи, первоначально возникающему въ одномъ мѣстѣ; оно можетъ зажечь горючую атмосферу, при чемъ взрывъ или огонь быстро переносятся съ одного конца копи въ другой, производя въ ней обвалы и угрожая смертью или увѣчьемъ рабочимъ. Эти взрывы дѣлаютъ работу въ копяхъ тѣмъ болѣе опасной, что ихъ чрезвычайно трудно предвидѣть или замѣтить ихъ приближенiе заранѣе. Какъ извѣстно, газеты приносятъ ежегодно нѣсколько извѣстiй о крупныхъ несчастiяхъ подобнаго рода, при которыхъ гибнутъ десятки людей; мелкiе же случаи, конечно, случаются чаще.

Нѣкоторые сорты каменнаго угля почти не способны къ самовозгоранiю; другiе-же, по своему сложенiю и по содержанiю сѣрнаго колчедана, способны къ нему въ сильной степени. Къ послѣднимъ можно, напримѣръ, отнести нѣкоторые сорты каменнаго угля изъ округа Дёргэмъ въ Англiи. Точно также есть каменноугольныя копи, въ которыхъ взрывы или пожары бываютъ очень часто, иногда даже до того часто, что работа въ нихъ, несмотря на тщательную вентиляцiю и всевозможныя предосторожности, очень опасна или невозможна. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы взрывы въ копяхъ происходили единственно вслѣдствiе самовозгоранiя угля; они производятся и другими причинами.

Причины самовозгоранiя каменнаго угля изслѣдованы весьма подробно Рихтерсомъ [1]. Въ своемъ сообщенiи онъ говоритъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующее.

---

[1] Jahresbericht über die Fortschritte der chem. Technologie, von R. Wagner. 1870, стр. 758.

Начнемъ съ каменнаго угля, самовоспламененіе котораго наблюдалось чаще, чѣмъ другихъ веществъ, и подвергалось даже подробнымъ изслѣдованіямъ.

Каменный уголь заключаетъ обыкновенно примѣсь сѣрнаго колчедана (сѣрнистаго желѣза), образующаго въ кускахъ его налёты, прослойки и прожилки желтаго или латуннаго цвѣта. Вещество это довольно непостоянно и, въ присутствіи влажности, подъ дѣйствіемъ кислорода воздуха, легко распадается, причемъ окисляются какъ желѣзо, такъ и сѣра. Эта реакція сопровождается отдѣленіемъ теплоты, появленію которой прежде и приписывали самовозгораніе каменнаго угля. Какъ мы увидимъ ниже, теплота отдѣляется въ каменномъ углѣ и вслѣдствіе другихъ процессовъ.

О самовозгораніи каменнаго угля Отто говоритъ слѣдующее: «Сѣрный колчеданъ, носящій названіе водянаго (Wasserkies), и двусѣрнистое желѣзо, заключенное въ чрезвычайно тонкомъ раздѣленіи въ квасцовой землѣ, окисляются на воздухѣ уже при обыкновенной температурѣ, причемъ послѣдняя легко можетъ возвыситься до самовозгоранія. Сѣрный колчеданъ, часто встрѣчающійся въ каменномъ и буромъ углѣ, можетъ произвести ихъ самовоспламененіе. Напримѣръ, здѣсь (въ Брауншвейгѣ), я видѣлъ разъ складъ каменнаго угля въ одной сахароварнѣ, загорѣвшійся такимъ образомъ самъ собой [1]».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Въ каменномъ углѣ очень обыкновенна примѣсь сѣрнаго колчедана, который часто проникаетъ его чрезвычайно тонкими слоями, вывѣтриваясь на воздухѣ, ведетъ къ распаденію угля на мелкіе кусочки, часто препятствуетъ употребленію угля для выплавки металловъ и производитъ иногда самовозгораніе большихъ скученныхъ массъ угля такъ скоро и вѣрно, что употребленіе такихъ опасныхъ сортовъ угля на судахъ дѣлается совершенно невозможнымъ» [2].

Въ такомъ же смыслѣ говорится о способности каменнаго угля къ самовозгоранію почти во всѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ описываются подробно его свойства. Изъ книхъ, имѣющихся у меня подъ рукой, Бруно Керль въ своей «Металлургіи» [3] и Р. Вагнеръ въ «Химической технологіи» [4] говорятъ, что вывѣтриваніе сѣрнаго колчедана производитъ распаденіе угля на мелкіе куски и самовозгораніе, какъ въ складахъ, такъ и въ каменноугольныхъ копяхъ.

Приведу для примѣра описаніе случая самовозгоранія каменнаго угля, взятое мною изъ «Пожарной Книги» [5], а послѣднею почерпнутое изъ свѣдѣній петербургской полиціи:

[1] Ausf. Lehrb. der anorg. Chemie, т. II, стр. 739.
[2] Ausf. Lehrb. der anorg. Chemie, von Graham Otto, т. I, стр. 716.
[3] Grundriss der allgem. Hüttenkunde, von Bruno Kerl, 1872, стр. 67.
[4] Handb. der chem. Technologie von R. Wagner. 1871, стр. 782.
[5] Пожарная книга, составилъ А. Н—въ. Петербургъ, 1875, стр. 260. Я не кожу, чтобы книга эта была составлена вполнѣ научно.

[illegible]

... несмотря на тщательную вентиляцію и возможную предосторожность, очень опасна для рабочихъ. [illegible] самовозгоранія угля, они производятся и другими причинами.

Причины самовозгоранія каменнаго угля изслѣдованы весьма подробно Фишеромъ[1]. Въ своемъ сообщеніи онъ говоритъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующее.

---

[1] Jahresbericht über die Fortschritte der chem. Technologie von R. Wagner [illegible] стр. 755.

Окисленіе сѣрнаго колчедана не можетъ быть достаточной причиной для воспламененія угля. Развивающаяся при этомъ теплота способна повысить температуру угля только до 70—80° Ц., между тѣмъ какъ каменный уголь, по опредѣленіямъ Віолетта, загорается при 400—600° Ц.

Главнѣйшія причины, развивающія теплоту и производящія самовозгораніе угля—поглощеніе и сгущеніе кислорода воздуха въ пористой массѣ угля и медленное горѣніе угля на воздухѣ.

Рихтерсъ нашелъ, что 1 объемъ каменнаго угля различныхъ сортовъ поглощаетъ $1^1/_4$, $2^1/_2$, 3 объема кислорода, а, по вѣсу, 20 граммъ угля поглощаютъ 18, 39, 46, 50 кубическихъ сантиметровъ кислорода. По Соссюру, 20 граммъ древеснаго угля поглощаютъ 308 куб. сант., или 9,25 объема кислорода. При этомъ поглощеніи и пропорціонально ему, уголь нагрѣвается. Послѣднее будетъ понятно, если напомнить, что, по общему физическому закону, уменьшеніе объема постоянныхъ газовъ сопровождается отдѣленіемъ теплоты, а увеличеніе объема или расширеніе газовъ—ея поглощеніемъ. Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, сила, сгущающая въ углѣ кислородъ, весьма значительна: для каменнаго угля она доходитъ до 3 атмосферъ, а для древеснаго превышаетъ 9 атмосферъ.

Далѣе, Рихтерсъ нашелъ, что, нагрѣвшись вслѣдствіе поглощенія кислорода и окисленія сѣрнаго колчедана, уголь начинаетъ медленно горѣть или окисляться въ углекислоту и въ воду. Послѣ нагрѣванія угля на 70—80° Ц. въ теченіи 14 дней, онъ потерялъ, такимъ образомъ, 3,6% горючаго матеріала, и развивающаяся при этомъ горѣніи теплота и производитъ, наконецъ, самовозгораніе угля.

Основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ, Рихтерсъ вычисляетъ, что фунтъ каменнаго угля, лежащаго въ кучѣ, вслѣдствіе указанныхъ процессовъ, развиваетъ слѣдующія количества теплоты:

отъ окисленія въ углекислоту 1, 76% углерода	140 ед. тепл.
отъ окисленія 0,16% водорода въ воду. . . .	55 » »
отъ поглощенія кислорода.	91 » »
Итого .	286 ед. тепл.

Еслибы эта теплота шла только на нагрѣваніе угля, то температура послѣдняго возвысилась-бы до 1100° Ц., между тѣмъ какъ уголь загорается ужъ при 400—600°.

Понятно, что результатъ будетъ тотъ-же, если на дѣлѣ уголь, вслѣдствіе поглощенія кислорода и окисленія сѣрнаго колчедана, будетъ нагрѣтъ не 14 дней до 70—80° Ц., а болѣе короткое время на болѣе высокую температуру. Въ такомъ случаѣ, самопроизвольное горѣніе угля пойдетъ быстрѣе и самовозгораніе произойдетъ въ болѣе короткое время.

Теперь будетъ понятна необходимость того условія для возможности самовозгоранія каменнаго угля, чтобы онъ лежалъ въ кучѣ. Только при такомъ условіи, теплота, отдѣляющаяся при указанныхъ процессахъ, можетъ концентрироваться на мѣ-

стѣ и дойти до воспламененія угля; это возможно всего легче внутри кучи, гдѣ теплота удерживается отъ потери верхнимъ слоемъ угля. Кромѣ того, самовозгораніе каменнаго угля должно происходить тѣмъ легче, чѣмъ пористѣе уголь, т. е. чѣмъ больше способенъ онъ поглощать кислородъ и чѣмъ больше заключаетъ онъ сѣрнаго колчедана. Понятно также, что уголь свѣжій, т. е. недавно добытый изъ копи, болѣе предрасположенъ самовозгораться, чѣмъ уголь старой добычи.

Къ изслѣдованіямъ Рихтерса слѣдуетъ присоединить еще одно обстоятельство, также объясняющее способность каменнаго угля къ самовозгоранію. Всякій каменный уголь содержитъ горючіе газы, именно болотный и маслородный газъ, и окись углерода иногда въ весьма значительномъ количествѣ. По изслѣдованіямъ Э. Мейера [1] нѣкоторые сорты угля изъ округа Дёргэмъ содержатъ тройной объемъ такихъ газовъ. Найдено, что составъ послѣднихъ сходенъ съ составомъ горючей газовой смѣси, наполняющей атмосферу каменноугольныхъ копей; по количеству, смѣсь эта заключаетъ больше всего болотнаго газа. Парри [2] нашелъ, что даже коксъ, несмотря на высокую температуру при его приготовленіи, всегда заключаетъ горючіе газы. Къ тому-же, углеводороды, заключающіеся въ каменномъ углѣ, смѣшаны съ кислородомъ, сгущеннымъ въ порахъ угля; ясно, что, вслѣдствіе этого, ихъ предрасположеніе къ возгоранію дѣлается еще значительнѣе. Эта газовая смѣсь, вѣроятно, подвергается въ углѣ прежде всего окисленію или горѣнію, и зажигаетъ уголь подобно тому, какъ легкогорючая растопка зажигаетъ въ печи загорающіяся труднѣе дрова. Можно также думать, что вслѣдствіе содержанія большого количества такой горючей смѣси, каменный уголь способенъ загораться при болѣе низкой температурѣ, чѣмъ та, которую опредѣлилъ для него Віолеттъ. Наконецъ, содержаніе этой смѣси въ каменномъ углѣ объясняетъ, почему онъ не поглощаетъ кислородъ уже въ копи, а начинаетъ быстро сгущать его на открытомъ воздухѣ.

Отъ каменнаго угля перейдемъ къ древесному и къ сажѣ, способность которыхъ къ самовозгоранію имѣетъ для Россіи болѣе важное значеніе, чѣмъ каменнаго угля, употребленіе котораго еще не распространено у насъ повсюду.

Способность древеснаго угля поглощать различные газы, какъ извѣстно, огромна. Такъ, 1 объемъ буковаго угля можетъ поглотить 90 объемовъ амміака, 55 сѣроводорода, 35 углекислоты, 9 кислорода. «Поглощеніе газовъ и паровъ углемъ, говоритъ Отто:—сопровождается значительнымъ повышеніемъ температуры, которая можетъ возвыситься даже до того, что уголь загорится, какъ это замѣчалось на углѣ, который для фабрикаціи пороха

---

[1] Jahresbericht über die Forts. der chem. Techn. von R. Wagner. 1872, стр. 890.

[2] Тамъ-же, стр. 896.

немедленно по приготовленіи измельчался въ тонкій порошокъ» [1].

Тоже самое говоритъ и Мульдеръ [2], который еще въ 1854 г., въ сообществѣ съ двумя другими учеными, изслѣдовалъ причины самовоспламененій въ корабельныхъ грузахъ [3].

Hargreaves [4] сдѣлалъ любопытное наблюденіе надъ самовозгораніемъ древеснаго угля, заключающееся въ слѣдующемъ:

«Если уголь, полученный обугливаніемъ въ закрытыхъ цилиндрахъ (т. е. безъ доступа воздуха), будетъ измельченъ 24 часа спустя послѣ этой операціи и оставленъ въ открытомъ сосудѣ для охлажденія, то въ немъ происходитъ постепенное возвышеніе температуры, которое можетъ дойти, приблизительно въ теченіи 36 часовъ, до самовозгоранія. Если измельченіе угля произвести позднѣе, напримѣръ, 3 дня спустя послѣ обугливанія, то такого явленія не бываетъ. Только въ теченіи 36 часовъ послѣ того, какъ уголь вынутъ изъ реторты, онъ способенъ поглощать кислородъ».

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что къ самовозгоранію способенъ только уголь прокаленный или даже только охлажденный безъ доступа воздуха; въ данномъ случаѣ уголь былъ прокаленъ и охлажденъ въ закрытой ретортѣ. Обстоятельство это очень важно, и его можно обобщить такимъ образомъ, что свѣжепрокаленный древесный уголь способенъ загораться самъ собой и что, чѣмъ меньше соприкасался уголь съ воздухомъ во время и послѣ гашенія, тѣмъ болѣе предрасположенъ онъ къ самовозгоранію, когда его коснется воздухъ.

Уголь въ печахъ, и особенно въ крестьянскихъ, прежде чѣмъ онъ погаснетъ, зарываютъ обыкновенно въ золу, гдѣ онъ и гаснетъ, оставаясь болѣе или менѣе изолированнымъ отъ доступа воздуха; когда его разроютъ или выбросятъ изъ печи, онъ легко способенъ самовозгораться, вслѣдствіе внезапнаго поглощенія кислорода воздуха. Нужно замѣтить, что уголь умышленно зарываютъ въ золу: въ комнатныхъ печахъ для того, чтобы сдѣлать печь горячей на болѣе долгое время; а въ крестьянскихъ печахъ и для того, чтобы имѣть всегда огонь и жаръ подъ рукой или чтобы сохранить огонь до слѣдующей топки.

Печная зола, кромѣ прегражденія доступа воздуху при охлажденіи угля, играетъ весьма важную роль при самомъ самовозгораніи; благодаря ей, древесный уголь можетъ уже загорѣться самъ собой въ небольшомъ количествѣ, между тѣмъ какъ для каменнаго угля это возможно лишь въ большихъ кучахъ. Будучи худымъ проводникомъ теплоты, зола позволяетъ концентри-

---

[1] Lehrb. der anorg. Chemie, т. I, стр. 653.

[2] Die Chemie der Ackerkrume, von G. Mulder. 1862., т. II, стр. 11.

[3] Boon Mesch, Rijke и Mulder. Труды копенгагенской академіи наукъ за 1854 г. Я не читалъ этого изслѣдованія.

[4] Dingl. Polit. Journal. 1874. CCXII, стр. 159.

роваться въ углѣ теплотѣ, происходящей отъ поглощенія кислорода въ томъ случаѣ, когда уголь выгребенъ изъ печи и выброшенъ вмѣстѣ съ ней. Насколько важно это обстоятельство, видно изъ опытовъ проф. Мейдингера, который нашелъ, что даже самый трудногорючій и трудназажигающійся матерьялъ, каковы коксъ и антрацитъ, зажигается легко и горитъ безъ перерыва, если нѣкоторое его количество заключено въ узкомъ пространствѣ, ограниченномъ худыми проводниками теплоты. Чугунныя цилиндрическія комнатныя печи, наполняемыя коксомъ или каменнымъ углемъ, устроены на этомъ принципѣ. Само собой разумѣется, что, если угля въ золѣ много, то самовозгараніе его легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда отдѣльные куски его заключены въ золѣ въ небольшомъ количествѣ.

Подтвержденіемъ для всего сказаннаго могутъ служить многіе факты, часто замѣчаемые и въ общежитіи. Только вслѣдствіе способности угля къ самовозгоранію, а золы—къ сохраненію въ немъ этого свойства на долгое время, возможно то, что огонь сберегается въ нашихъ деревенскихъ печахъ сутки и болѣе, такъ что зажиганіе топлива крестьянками производится иногда углемъ отъ предъидущей топки. Объяснять подобное сохраненіе огня въ печи тѣмъ, что угли и не потухали, а горѣли все время, нельзя потому, во-первыхъ, что угля не хватило-бы для горѣнія въ теченіи сутокъ и болѣе; во-вторыхъ, потому, что доступъ воздуха къ углю прегражденъ золой и тѣмъ, что печь закрыта вьюшками, дверцами и заслонками, и, наконецъ, потому, что горѣніе угля въ такомъ случаѣ должно быть неполнымъ, т. е. отдѣлять изъ печи въ жильё окись углерода, ядовитый газъ, производящій угаръ уже въ ничтожныхъ количествахъ [1].

При тушеніи раскаленнаго угля въ чугунныхъ котлахъ, какъ это часто дѣлается въ кухняхъ, можно замѣтить подобное-же явленіе. Снимая съ котла крышку черезъ разные промежутки времени, можно замѣтить, что уголь разгорается каждый разъ вновь. Если крышка прилегала къ котлу совершенно плотно и если уголь былъ сверху засыпанъ золой, то онъ способенъ загорѣться самъ собой ужь послѣ охлажденія, если его предоставить вдругъ дѣйствію воздуха.

Уголь отличается, такимъ образомъ, замѣчательной и нѣсколько парадоксальной способностью гаснуть скорѣе въ томъ случаѣ, если онъ не вполнѣ изолированъ отъ воздуха (напримѣръ, въ трубѣ самовара или въ печи сверхъ золы), чѣмъ въ случаѣ заключенія его въ раскаленномъ состояніи въ пространство, изолирующее его отъ воздуха.

Изъ всего этого видно, что выгребаніе золы и угля изъ печей и выбрасываніе ихъ на дворъ, по сосѣдству съ разными

[1] Угаръ, бывающій послѣ закрыванія печей, происходитъ не отъ горѣнія угля, а оттого, что послѣдній не прокаленъ достаточно для отдѣленія продуктовъ перегонки.

горючими матеріалами, какъ это дѣлается у насъ въ деревняхъ— манипуляція весьма опасная, въ особенности, если золы и угля выбрасываютъ вдругъ много и недолго спустя по окончаніи топки. Не зная объясненной выше способности угля къ самовозгоранію, естественно предполагать, что, если зола уже остыла, то опасности отъ новаго возгоранія угля нѣтъ; но оказывается, что здѣсь нестолько важно охлажденіе, сколько то, много ли оставалось въ печи золы и угля, и какъ былъ покрытъ послѣдній золой.

Не невѣроятно, поэтому, что въ числѣ «неизвѣстныхъ причинъ», отъ которыхъ погораютъ наши крестьяне, заключается и неосторожное выгребаніе изъ печей и выбрасываніе на дворъ золы и угля или собираніе золы въ деревянную посуду.

Нужно замѣтить, что и заливаніе золы и угля водой не всегда можетъ вести къ полному уничтоженію въ углѣ способности къ самовозгоранію. Если уголь былъ еще очень горячій и если воды налито на него немного, то, испаряясь подъ вліяніемъ теплоты его и золы, вода оставляетъ его въ точно такомъ же свѣжемъ состояніи, какъ и прежде, т. е. точно также способнымъ быстро поглощать кислородъ и, нагрѣваясь при этомъ, загораться. Эту способность можно вполнѣ отнять у угля, обливая его бо̀льшимъ количествомъ воды или разгребая его и золу нѣсколько разъ въ печи, когда они уже остынутъ.

Въ концѣ статьи я сообщаю нѣсколько случаевъ пожаровъ вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ углемъ. Здѣсь же приведу появившееся недавно предостереженіе, обращенное исправляющимъ должность градоначальника въ Петербургѣ къ жителямъ столицы и заключающееся въ слѣдующемъ:

«Въ послѣднее время, было нѣсколько случаевъ пожаровъ, возникшихъ отъ неосторожнаго обращенія съ выгребаемыми изъ печей угольями и горячей золой, въ которой заключались мелкія части горящихъ углей. Такіе угли и золу всыпали въ разные, иногда даже деревянные сосуды и оставляли ихъ безъ всякаго вниманія. Какъ видно изъ послѣдняго случая, пожаръ произошелъ единственно оттого, что зола находилась въ коридорѣ и, вслѣдствіе притока свѣжаго воздуха, угли разгорѣлись. И. д. с.-петербургскаго градоначальника, въ виду изложеннаго, считаетъ необходимымъ обратить вниманіе жителей столицы на необходимость особенной осторожности въ обращеніи съ названными предметами» [1].

Если уже въ столицѣ пожары происходятъ иногда отъ неосторожнаго обращенія съ углями и золой, выгребаемыми изъ печей, то еще чаще можно ихъ ожидать въ крестьянскихъ селеніяхъ, гдѣ лежащіе повсюду легкогорючіе матеріалы (солома, сѣно, истлѣвшій навозъ, щепки, остатки льна и конопли и т. п.) какъ нельзя болѣе облегчаютъ возгораніе и распространеніе

[1] «Новое Время», 1876 г., № 81.

огня и гдѣ вошло въ повсемѣстный обычай выгребать изъ печей золу и уголь каждый день, чего не дѣлаютъ въ комнатныхъ печахъ. Напомню, что, по изслѣдованію Hargreaves'a, уголь способенъ самовозгораться въ теченіи 36-ти часовъ послѣ его тушенія; въ деревняхъ же его выгребаютъ каждые 24 часа. Но зола способна сохранять эту способность и долѣе.

Вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ, я упомянулъ о сажѣ. Дѣйствительно, тѣ же самыя условія, которыя производятъ самовозгораніе угля, должны вызывать его и въ сажѣ. Послѣдняя представляетъ ту разницу отъ компактнаго угля, что, будучи веществомъ мелкораздѣленнымъ и пористымъ, способна поглощать кислородъ и нагрѣваться быстрѣе угля. Часто случающееся горѣніе сажи въ трубахъ и выкидываніе огня изъ трубъ, слѣдуетъ, можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ приписать способности угля поглощать кислородъ и нагрѣваться при этомъ до самовозгаранія.

Что это не невѣроятно, видно изъ слѣдующаго объясненія. Когда печь топится, то горячіе дымъ и газы, проходящіе черезъ трубу, вытѣсняютъ, по крайней мѣрѣ, отчасти кислородъ, поглощенный сажей раньше этого. Вытѣсненіе это совершается подъ вліяніемъ трехъ причинъ: во первыхъ, высокой температуры дыма или печныхъ газовъ; во-вторыхъ, состава ихъ, въ которомъ свободнаго кислорода относительно очень мало, и, наконецъ, мелкаго раздѣленія сажи, которое должно облегчать вытѣсненіе поглощенныхъ ею газовъ. Когда печь истопится и заслонка или вьюшки будутъ закрыты, то труба должна заключать сажу съ возобновленной способностью поглощать кислородъ воздуха и при этомъ нагрѣваться. По истеченіи нѣкотораго времени, наружный воздухъ начнетъ понемногу входить въ трубу и насыщать сажу. Самовозгараніе при этомъ тѣмъ возможнѣе, что печная труба еще очень горяча, т. е. что для появленія огня не нужно значительнаго отдѣленія теплоты при поглощеніи кислорода.

Изслѣдованія Віолетта [2] показываютъ, что уголь загорается тѣмъ легче, чѣмъ ниже была температура при обугливаніи, чѣмъ онъ пористѣе и мельче раздѣленъ. Онъ замѣтилъ, кромѣ того, что поглощеніе углемъ кислорода воздуха и происходящее при этомъ возвышеніе температуры находятся также въ прямой зависимости отъ этихъ условій. Въ сажѣ мы видимъ уголь пористый, тонкораздѣленный и полученный при низкой температурѣ. Послѣднее необходимо слѣдуетъ изъ того, что, сажа представляетъ продуктъ неполнаго горѣнія и что при высокой температурѣ, она должна бы была сгорѣть, а не отложиться легкогорючимъ слоемъ.

Изъ этого видно, что изъ всѣхъ сортовъ древеснаго угля, сажа наиболѣе предрасположена къ самовозгаранію, но и лишать-

[2] «Dingl. Polit. Journal», т. 129, стр. 49.

ся этой способности она можетъ скорѣе компактнаго угля; она способна легче отдавать поглощенные газы и быстрѣе поглощать ихъ вновь, чѣмъ уголь въ кускахъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что, какъ и вообще древесный уголь, сажа можетъ самовозгараться только въ свѣжемъ состояніи, т. е. если она была освобождена предварительно отъ кислорода.

Очень можетъ быть, что описанная способность сажи служитъ иногда причиной пожаровъ въ Россіи. Это покажется еще вѣроятнѣе, если мы вспомнимъ, какъ устроены трубы у крестьянскихъ печей [1]. Верхняя часть трубъ обыкновенно очень незначительно возвышается надъ соломенной крышей и нерѣдко дѣлается деревянная, т. е. легко растрескивающаяся, не говоря уже объ ея горючести. Возвышеніе трубъ надъ крышами до того незначительно, что если вѣтеръ и не можетъ иногда гнать дымъ и печные газы прямо въ крышу, то онъ легко можетъ переносить дымъ, если не искры, изъ трубы низкой избы на соломенную крышу близь стоящей высокой избы или сосѣднихъ построекъ. Очищеніе трубъ отъ сажи почти никогда не производится. Верхней заслонки у печей не бываетъ. Трубы складываются на глинѣ, легко размываемой дождемъ, причемъ черезъ образующіяся трещины соломенная крыша и внутренность трубы могутъ придти въ самое нѣжное соприкосновеніе. Нужно также вспомнить, что трубы у крестьянскихъ печей обыкновенно не длиннѣе 1—1½ саженъ, что печи имѣютъ прямой ходъ въ трубу и что стѣнки послѣдней дѣлаются довольно тонкими. Ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, сажа въ трубахъ должна прогрѣваться сильно и что газы и дымъ, выходящіе изъ трубъ, должны быть еще очень горячими. Кромѣ того, и та часть трубы, къ которой прилегаетъ соломенная крыша, должна сильно нагрѣваться.

Понятно, что всѣ эти обстоятельства могутъ способствовать перенесенію огня изъ трубы на соломенную крышу, все равно, возникъ ли этотъ огонь отъ самовозгоранія сажи, или просто вынесенъ изъ печи вмѣстѣ съ дымомъ и горячими газами во время отопленія.

Согласно со всѣмъ сказаннымъ, самовозгораніе древеснаго угля можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Свѣжепрокаленный уголь поглощаетъ кислородъ воздуха съ большой силой, равной, приблизителено, 9-ти атмосферамъ. Если уголь гаснетъ, не будучи изолированнымъ отъ воздуха, то онъ поглощаетъ кислородъ медленно и постепенно, и теплота, отдѣляющаяся при этомъ, не можетъ возвысить значительно его температуру. Если же уголь потухъ безъ доступа воздуха и вдругъ подвернется дѣйствію послѣдняго, то, сгущая кислородъ съ силою 9-ти атмосферъ, онъ нагрѣвается въ короткое вроемя до того сильно,

---

[1] Я описываю то, что видѣлъ въ Казанской и смежныхъ съ нею губерніяхъ.

что начинается медленное горѣніе или окисленіе углерода и водорода; [1] теплота, отдѣляющаяся при послѣднихъ процессахъ, постепенно доводитъ уголь до полнаго возгоранія.

Для объясненія отдѣленія теплоты при сгущеніи кислорода въ порахъ угля, можно напомнить извѣстный физическій опытъ, въ которомъ ударъ по поршню, сгущающій вдругъ воздухъ въ цилиндрѣ, зажигаетъ трутъ, лежащій на днѣ цилиндра. Поры угля представляютъ подобный цилиндръ, въ которомъ, вслѣдствіе неразъясненнаго еще частичнаго притяженія, кислородъ сгущается въ короткое время съ силою 9-ти атмосферъ. Что̀ касается до окисленія углерода и водорода при низкой сравнительно температурѣ, то послѣ того, что̀ мы знаемъ объ окисленіи каменнаго угля, оно не должно казаться удивительнымъ. Будучи болѣе пористъ и легкогорючъ, сгущая болѣе кислородъ и отдѣляя при этомъ болѣе теплоты, древесный уголь предрасположенъ болѣе къ медленному горѣнію при низкой температурѣ, чѣмъ каменный.

Нужно замѣтить, что всякій древесный уголь содержитъ водородъ въ довольно значительномъ количествѣ (до 5% по вѣсу); чѣмъ ниже была температура обугливанія, тѣмъ больше водорода заключаетъ уголь [2]. При сгущеніи кислорода въ порахъ угля и развивающейся при этомъ теплотѣ, водородъ медленно окисляется; вслѣдствіе этого, должно происходить значительное повышеніе температуры, такъ какъ окисленіе водорода, быстрое (горѣніе) или медленное, отдѣляетъ почти въ пять разъ болѣе теплоты, чѣмъ углерода, и такъ какъ уголь—плохой проводникъ теплоты.

Перейдемъ теперь къ такимъ веществамъ, способность къ самовозгоранію которыхъ зависитъ отъ сложныхъ и несовсѣмъ еще выясненныхъ процессовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ гніенія или гумифицированія. Такимъ процессамъ подвержена древесина въ мелко-раздѣленномъ видѣ, каковы древесныя опилки, сѣно, мочало, пакля, тряпки, навозъ, вообще сильно пористыя растительныя вещества; примѣсь къ нимъ животныхъ веществъ, какъ мы увидимъ, значительно ускоряетъ разложеніе, оканчивающееся иногда самовозгораніемъ.

Типами этихъ веществъ я возьму древесныя опилки и сѣно и, начиная съ первыхъ, приведу простое и ясное объясненіе ихъ способности къ самовозгоранію, взятое мною изъ спеціальнаго изданія, посвященнаго мельничному и лѣсопильному искусству [3].

«Самовозгораніе древесныхъ опилокъ можетъ произойти или

---

[1] По опредѣленіямъ Віолетта, древесный уголь, даже прокаленный, при температурѣ плавленія платины, всегда заключаетъ водородъ. «Journ. für pract. Chemie», т. 54, стр. 313 и слѣд.

[2] Тамъ же.

[3] Illustr. Encyclopoedie für Müller, von C. W. Anton. 1872, стр. 490. А также: Mühle, 1869, № 20.

вслѣдствіе гніенія ихъ, или вслѣдствіе смачиванія ихъ жирными веществами, отъ окисленія послѣднихъ.

«Для возможности гніенія опилокъ или вообще дерева, необходимо, чтобы древесина подвергалась свободному дѣйствію воздуха, чтобы она была влажной и чтобы температура воздуха и древесины была не ниже 0°.

«При такихъ условіяхъ, кислородъ воздуха соединяется съ углеродомъ и водородомъ древесины, образуя углекислоту и воду. Но эти же продукты образуются и при горѣніи дерева, изъ чего уже можно заключить, что гніеніе и горѣніе—явленія сходныя; и дѣйствительно, сходство это до того велико, что химики называютъ гніеніе также горѣніемъ, считая лишь гніеніе медленнымъ горѣніемъ безъ отдѣленія свѣта, въ противоположность къ горѣнію быстрому и яркому, сопровождаемому *огнемъ*.

«Какъ при горѣніи дерева образуется теплота или, вѣрнѣе, дѣлается свободной, такъ и при гніеніи; и даже одно и то же количество древесины даетъ одинаковыя количества теплоты какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ; въ этомъ отношеніи процессы эти также вполнѣ сходствуютъ. Теплота, отдѣляющаяся при гніеніи, обыкновенно не бываетъ замѣтна, и это происходитъ оттого, что кусокъ дерева, сгарающій въ нѣсколько минутъ, требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ для того, чтобы сгнить вполнѣ. Поэтому, между тѣмъ какъ дерева сгораетъ въ одно мгновеніе относительно большое количество, его можетъ сгнить въ одно мгновеніе лишь очень мало, причемъ и отдѣленіе теплоты должно быть самымъ ничтожнымъ, такъ какъ послѣднее обусловливается первымъ. Это ничтожное количество теплоты передается немедленно воздуху, удаляется имъ и ускользаетъ отъ наблюденія. Напротивъ, если большое количество древесины гніетъ вдругъ въ возможно ограниченномъ пространствѣ, то теплоты отдѣляется относительно больше и она дѣлается не только замѣтной, но и можетъ даже произвести самовозгораніе. Подобный случай мы имѣемъ при гніеніи опилокъ.

«Кусокъ дерева не гніетъ вдругъ во всей своей массѣ—напротивъ: гніеніе начинается съ поверхности и только мало по малу проникаетъ во внутрь куска. Поверхностный слой дерева преграждаетъ доступъ воздуху къ лежащему подъ нимъ слою, и, только когда внѣшній слой сгніетъ, т. е. сдѣлается рыхлымъ и пористымъ, воздухъ получитъ возможность проходить черезъ него и дѣйствовать на слѣдующій слой древесины. Въ опилкахъ мы видимъ совершенно другое. Здѣсь каждая крупинка не только представляетъ дѣйствію воздуха огромную поверхность, сравнительно съ количествомъ древесины, но и, кромѣ того, она такъ разорвана и измята пилой, что, подобно губкѣ, вся проникнута каналами и трещинами, въ которые также входитъ воздухъ.

«Отсюда слѣдуетъ, что извѣстное количество древесныхъ опилокъ, напримѣръ, кубическій футъ, представляетъ для дѣйствія воздуха и, стало быть, для гніенія, поверхность во много тысячъ

или даже, можетъ быть, милліоновъ разъ бо̀льшую, чѣмъ кубическій футъ плотнаго дерева, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первомъ случаѣ въ каждую единицу времени должно отдѣляться во много тысячъ или милліоновъ разъ больше теплоты, чѣмъ въ послѣднемъ. Къ тому же, изъ промежутковъ въ опилкахъ воздухъ не можетъ такъ скоро уносить теплоту, какъ съ поверхности гніющаго твердаго куска дерева; вслѣдствіе этого, теплота накопляется въ опилкахъ и въ промежуткахъ между ними, и, такъ какъ нагрѣваніе ускоряетъ гніеніе, то послѣднее постепенно усиливается; вмѣстѣ съ чѣмъ увеличивается и количество теплоты, развивающейся единовременно; наконецъ, нагрѣваніе дѣлается достаточнымъ для обугливанія древесины. Если въ это время достаточное количество воздуха получитъ доступъ къ обугленнымъ опилкамъ, то сначала загорятся отдѣляющіеся изъ послѣднихъ газы, состоящіе изъ болотнаго газа и эфильнаго водорода, а затѣмъ, газы эти перенесутъ горѣніе и на самыя опилки.

«Уже часто замѣчали, въ особенности въ лѣсопильняхъ, что опилки способны иногда нагрѣваться сами собой до того сильно, что ихъ нельзя взять въ руку. Это возвышеніе температуры представляется обыкновенно слѣдствіемъ гніенія и вело бы въ бо̀льшей части случаевъ къ самовозгоранію, еслибы опилочныя ямы въ лѣсопильняхъ не очищались часто отъ опилокъ.

«Три обстоятельства могутъ способствовать гніенію опилокъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самовозгоранію ихъ.

«Во-первыхъ, опилки сыраго дерева, т. е. срубленнаго въ соку или сплавленнаго по водѣ и не достаточно высушеннаго, могутъ загнить немедленно, такъ какъ онѣ уже заключаютъ нужную для этого воду, между тѣмъ какъ опилки сухаго дерева, для того чтобы загнить, должны предварительно поглотить влажность.

«Во-вторыхъ, какъ извѣстно, гніющія вещества переносятъ легко гніеніе на здоровыя, если придутъ въ соприкосновеніе съ ними. Опилочныя же ямы въ лѣсопильняхъ никогда хорошо не вычищаются; въ нихъ всегда остается нѣкоторое количество гнилыхъ опилокъ, которыя заставляютъ немедленно загнивать и свѣжія опилки, падающія на нихъ.

«Въ-третьихъ, азотистыя вещества быстро переходятъ въ гніеніе. Опилки, смоченныя мочей людей или животныхъ, безъ чего не обходится ни въ одной лѣсопильнѣ, загниваютъ весьма быстро, подъ вліяніемъ разложенія азотистыхъ веществъ, передающагося и древесинѣ.

«Жиры и масла разлагаются воздухомъ подобнымъ же образомъ, какъ и древесина. Нѣкоторыя масла превращаются при этомъ въ твердое смолоподобное вещество и называются поэтому «высыхающими»; къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, льняное масло. Другія же масла, подъ дѣйствіемъ воздуха, становятся слизистыми, пріобрѣтаютъ непріятный вкусъ и запахъ, дѣ-

лаются прогорклыми; къ подобнымъ принадлежатъ освѣтительныя и смазочныя масла, сурепное масло, оливковое и т. д.

«При разложеніи жировъ и маслъ воздухомъ также отдѣляется теплота, которая, если масло заключается въ посудѣ, также незамѣтна, какъ и при гніеніи куска дерева, будучи постоянно удаляема воздухомъ. Если же, по какому-либо случаю, освѣтительное или смазочное масло пропитаетъ опилки, то оно распространяется въ послѣднихъ, покрывая ихъ огромною поверхностью. Въ такомъ состояніи оно представляетъ дѣйствію воздуха очень большую поверхность, его разложеніе и отдѣленіе при этомъ теплоты идутъ энергично, и послѣднее можетъ дойти до самовозгоранія. Здѣсь загораются, прежде всего, газы, которые даетъ масло, и уже они зажигаютъ опилки. Такимъ образомъ, опилки производятъ, въ этомъ случаѣ, самовозгораніе лишь косвенно, такъ какъ онѣ представляютъ только средство для раздѣленія масла на бо̀льшую поверхность, и могли бы съ такимъ же результатомъ быть замѣнены другими веществами, напримѣръ шерстью, хлопкомъ, льномъ, пенькой, тряпками и т. п.

«Опасность отъ самовозгоранія жирныхъ или маслянистыхъ веществъ гораздо значительнѣе, чѣмъ отъ гніющихъ, потому что первыхъ для самовозгоранія бываетъ иногда достаточно уже въ небольшомъ количествѣ, между тѣмъ какъ гніющаго вещества необходимо для этого значительное скопленіе; далѣе, самовозгораніе жирныхъ веществъ, какъ показали произведенные опыты, можетъ произойти въ теченіи немногихъ часовъ, между тѣмъ какъ, при гніеніи, самовозгораніе можетъ, вѣроятно, случиться только черезъ нѣсколько дней; впрочемъ, случаи доказаннаго самовозгоранія вслѣдствіе гніенія не достаточно изслѣдованы для того, чтобы можно было опредѣлить время, въ теченіи котораго случается воспламененіе. Ка̀къ опасны въ пожарномъ отношеніи пропитанныя масломъ или жиромъ вещества, видно изъ одного изслѣдованнаго случая, въ которомъ горсть тряпокъ, служившихъ для вытиранія паровой машины и унесенныхъ крысами къ себѣ въ гнѣздо, загорѣлась сама собой.

«Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что опилки въ лѣсопильняхъ въ отношеніи пожаровъ представляютъ весьма опасный предметъ, и значительное число пожаровъ лѣсопиленъ, причины которыхъ не могли быть открыты, нужно, кажется, почти исключительно приписать способности къ самовозгоранію опилокъ, и это тѣмъ болѣе, что дымъ или пригорѣлый запахъ можно въ такихъ случаяхъ замѣтить лишь тогда, когда самовозгораніе уже произошло или предстоитъ въ самомъ непродолжительномъ времени».

Можно предполагать, что къ самовозгоранію способны всѣ растительныя сильно пористыя вещества, если они будутъ находиться въ тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ способны загораться сами собой древесныя опилки. Вещества эти въ общежитіи и въ природѣ весьма многочисленны. Здѣсь можно назвать: сѣ-

но, солому, навозъ, древесную листву, стружки, торфъ; ленъ, хлопокъ и пеньку въ разныхъ видахъ, напримѣръ, въ видѣ тряпокъ, пакли, бумаги, нитокъ, веревокъ, матерій, оческовъ и т. п.; рогожи, мочало, корье кожевенныхъ заводовъ, отруби, мохъ, служащій для конопатки, табакъ, льняныя и конопляныя выжимки и т. п. Какъ часто случается самовозгораніе этихъ веществъ въ дѣйствительности, за неимѣніемъ данныхъ—сказать невозможно; въ спеціальныхъ сочиненіяхъ я встрѣчалъ указанія на самовозгораніе сѣна, тряпокъ гніющихъ или облитыхъ масломъ, пакли и нѣкоторыхъ другихъ веществъ. Нужно замѣтить, что всѣ перечисленныя мною вещества такъ сходны между собой въ химическихъ и физическихъ свойствахъ, что, допустивъ возможность самовозгоранія для одного, нужно допустить ее для всѣхъ, предполагая, конечно, одинаковыя условія.

Приведу описаніе одного случая самовозгоранія сѣна, сдѣланное довольно обстоятельно [1].

«Уже давно было извѣстно, что сѣно, сложенное въ кучу сырымъ, способно сильно нагрѣваться, но что повышеніе температуры можетъ дойти до воспламененія, не было еще точно доказано. Недавно Ранке (Annalen der Chemie und Pharmacie) удалось наблюдать случай самовозгоранія сѣна въ своемъ имѣніи Лауфцорнъ, на 4 почтовыхъ часа южнѣе Мюнхена. 19-го октября 1872 года, утромъ, въ западномъ углу большаго массивно выстроеннаго сѣновала былъ замѣченъ пригорѣлый запахъ. Здѣсь лежало сѣно въ двухъ большихъ кучахъ, изъ которыхъ одна заключала его около 450, другая около 300 центнеровъ. Сѣно было сгребено съ 5 по 10 августа при прекрасной погодѣ, повидимому хорошо высохшимъ. Пригорѣлый запахъ распространялся только изъ большой кучи, которая была 23 футовъ вышиной, столько же длиной и 16 шириной, съ запада и юга примыкала къ капитальнымъ стѣнамъ, съ сѣвера — къ малой кучѣ, а съ востока свободно прилегала къ рѣшеткѣ сѣновала. Въ верхнемъ слоѣ сѣно оказалось покрытымъ обильной испариной, но было еще зелено и не нагрѣто. Когда верхній слой, приблизительно въ 3 фута толщиной, былъ снятъ, подъ нимъ оказалось сухое и очень горячее сѣно. При разрываніи же съ боку, со стороны рѣшетки сѣновала, оказалось замѣтное повышеніе температуры на $1^1/_2$ фута внутрь отъ поверхности. Когда сверху сняли сѣно на 5 футовъ, стали появляться отдѣльныя искорки. Послѣ этого, куча была облита водой; выброшенное же наружу сѣно вдругъ во многихъ мѣстахъ стало отдѣлять дымъ и искры, и вскорѣ загорѣлось яркимъ пламенемъ. Оно было темнобураго цвѣта.

«Чтобы защитить меньшую кучу отъ огня, между обѣими кучами было вырыто углубленіе въ $3^1/_2$ фута шириной. При этомъ замѣчалось такое сильное выдѣленіе газа, вреднаго для дыханія

[1] Dingl. Polyt. Journal, CCIX, 1873, стр. 318.

(вѣроятно, вслѣдствіе примѣси окиси углерода), что ни одинъ рабочій не могъ выдержать около сѣна больше 1—2 минутъ. Всѣ они ворочались блѣдными, шатающимися, съ чувствомъ удушья и жадно втягивая воздухъ.

«Загорѣвшаяся масса сѣна занимала въ кучѣ середину послѣдней; вверху она была около 11 футовъ въ діаметрѣ, не доходила до полу, приблизительно, на $1^1/_2$ фута и была внизу только около 5 футовъ въ поперечникѣ. Сзади же, близь каменной стѣны, горѣніе не доходило до послѣдней тоже фута на $1^1/_2$.

«Тлѣвшееся сѣно было совершенно обугленнымъ, но съ полнымъ сохраненіемъ строенія травы. Впрочемъ, будучи нагрѣто въ стеклянной трубкѣ, оно дало еще много продуктовъ перегонки. Охладившись вполнѣ, оно не имѣло пирофорныхъ свойствъ; если же его нагрѣвали въ колбѣ въ масляной банкѣ до 250 — 300° Ц., не допуская непосредственнаго соприкосновенія съ колбой огня, и затѣмъ высыпали въ кучку, то, хотя оно сначала и охлаждалось быстро до того, что его можно было держать пальцами, однако, черезъ нѣсколько минутъ въ немъ замѣчалось вновь повышеніе температуры и вскорѣ въ обугленной кучкѣ появлялись огненныя мѣста; затѣмъ, горѣніе угля продолжалось безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не оставалась одна зола.

«Если-же обугленное сѣно нагрѣвалось до полнаго выдѣленія продуктовъ перегонки, то остававшійся уголь уже не загорался самъ собой на воздухѣ; кажется, поэтому, что пригорѣлыя вещества играютъ важную роль при самовозгораніи, и при этомъ вспоминаются уже много разъ сообщавшіеся случаи самовозгоранія скученныхъ жирныхъ тряпокъ.

«Зеленое сѣно, будучи нагрѣто въ колбѣ до 300° Ц., точно такъ же загорается само собой спустя нѣсколько минутъ послѣ высыпанія его изъ колбы (Hannoversches Wochenblatt für Handel und Gewerbe, 1873, стр. 213)».

Можно думать, что сѣно способно самовозгораться нетолько будучи сложено сырымъ, но и вообще подмоченное какимъ бы то ни было образомъ; напримѣръ, если сѣно на сѣновалѣ разрыхлено и если крыша послѣдняго даетъ течь, то дождевая вода можетъ напитать сѣно и произвести его загниваніе; тоже самое можетъ произойти и въ стогѣ, если послѣдній разрыхлёнъ сверху и вода можетъ проникнуть внутрь его, или если стогъ поставленъ въ мокромъ мѣстѣ.

Всѣмъ извѣстно, что, подобно сѣну, навозъ имѣетъ способность нагрѣваться, вслѣдствіе происходящихъ въ немъ процессовъ разложенія и окисленія. Развивающейся при этомъ теплотой издавна пользуются для согрѣванія парниковъ. При гніеніи, какъ и сѣно, навозъ превращается постепенно въ пористое, болѣе или менѣе обугленное вещество, способное самовозгораться и горѣть или тлѣть, если разложеніе растительныхъ и животныхъ веществъ произведетъ достаточное повышеніе температуры.

По бо́льшей части навозъ можетъ только «тлѣть», но, если условія сгруппируются благопріятно, то для него, какъ и для сѣна, возможно и горѣніе въ общепринятомъ смыслѣ слова. Мнѣ приходилось слышать отъ очевидцевъ, что навозныя кучи близь деревень загорались иногда сами собой и горѣли довольно упорно.

Самовозгораніе всѣхъ пористыхъ растительныхъ веществъ происходитъ вслѣдствіе процессовъ, называющихся «бурымъ» гніеніемъ или гумифицированіемъ. Если мертвая древесина подвергается дѣйствію воздуха въ почти сухомъ мѣстѣ, то она «тлѣетъ» или подвергается медленному «сухому» или «бѣлому» гніенію; при этомъ она дѣлается легче, пористѣе, свѣтлѣе цвѣтомъ, мягче и постепенно окисляется въ углекислоту и воду, не оставляя почти никакого остатка. Такому процессу подвергаются, напримѣръ, сухія вѣтви на деревьяхъ.

Если же древесина подвергается одновременному дѣйствію воздуха и влажности, то она гумифицируется, т. е. превращается въ бурый или черный перегной, причемъ отдѣляются углекислота, вода и углеводороды; въ результатѣ получается болѣе или менѣе обугленное вещество, содержащее углеродъ, водородъ и кислородъ въ различной пропорціи, но всегда заключающее углерода больше, чѣмъ свѣжая древесина. Примѣрами такихъ продуктовъ могутъ служить: перегной въ черноземѣ (humus), торфъ, бурый и каменный уголь.

Гумифицированіе совершается у насъ на глазахъ, его можно замѣтить повсюду. Подмоченное сѣно быстро загниваетъ, чернѣетъ и обугливается; навозъ чернѣетъ и обугливается такъ же; соломенныя крыши крестьянскихъ домовъ, съ теченіемъ времени, также гумифицируются, становясь темнѣе цвѣтомъ; очень быстро чернѣютъ ленъ, пакля и холстъ, если ихъ оставляютъ долго въ сыромъ мѣстѣ.

Отъ этихъ примѣровъ не трудно перейти къ торфу и бурому углю и, наконецъ, къ каменному углю и антрациту. Антрацитъ, крайній предѣлъ гумифицированія, представляющій почти чистый углеродъ, связанъ съ другимъ предѣломъ, со свѣжей древесиной, безпрерывнымъ рядомъ переходныхъ веществъ, такъ что для объясненія происхожденія его и каменнаго угля не представляется надобности прибѣгать къ дѣйствію «сухой перегонки подъ вліяніемъ земной теплоты», какъ это можно найти во многихъ сочиненіяхъ.

Гумифицированіе древесины въ торфъ, бурый и каменный уголь требовало, конечно, продолжительнаго времени; сѣно же и другія вещества, способныя самовозгораться, перегниваютъ быстро и энергично. Это происходитъ оттого, что вещества эти чрезвычайно пористы и заключаютъ древесину въ очень рыхломъ состояніи. Вслѣдствіе этого, возможно одновременное разложеніе значительнаго количества пористой древесины, заключенной въ небольшомъ пространствѣ и защищенной отъ охлаж-

согласно съ тѣмъ, что мы говорили о самовозгораніи сѣна, опилокъ и т. д. Только тамъ обугливаніе происходитъ отъ естественныхъ причинъ, медленно и постепенно; здѣсь же оно производится въ короткое время искуственно. Въ результатѣ одинаково должно получаться обугленное вещество, способное нагрѣваться при поглощеніи кислорода воздуха.

Мука, спиртъ и порохъ представляютъ хорошіе примѣры того, почему многія вещества *неспособны* самовозгораться, будучи легкогорючими. Для возможности самовозгоранія мука слишкомъ компактна, и притомъ, при гніеніи, она образуетъ клейстеръ или слизистую массу, въ видѣ которыхъ она еще менѣе пориста. Спиртъ, хотя и способенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, окисляться на воздухѣ и отдѣлять при этомъ теплоту, поглощаетъ послѣднюю при испареніи. Наконецъ порохъ, несмотря на всю свою горючесть, не обладаетъ ни однимъ изъ свойствъ, вызывающихъ самовозгораніе.

Перейдемъ теперь къ третьему классу самовозгорающихся веществъ: къ жирамъ и масламъ животнаго или растительнаго происхожденія, которыя загораются сами собой преимущественно вслѣдствіе окисленія и въ томъ случаѣ, если пропитываютъ пористые предметы (паклю, тряпки, шерсть, опилки и т. п.) Эти вещества состоятъ преимущественно изъ углерода и водорода, съ небольшимъ содержаніемъ кислорода, и способны легко окисляться, даже при обыкновенной температурѣ; многія изъ нихъ употребляются для освѣщенія. О самовозгоранію этихъ веществъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены уже выше.

Т. Шато въ своемъ сочиненіи о жирахъ [1] говоритъ:

«Поглощеніе кислорода жирными маслами происходитъ сначала медленно, но потомъ оно вдругъ усиливается и, притомъ, въ большихъ количествахъ масла или жира бываетъ до того значительно, что, вслѣдствіе отдѣленія при этомъ теплоты, масло можетъ загорѣться, чѣмъ объясняются внезапные пожары, нерѣдко случающіеся въ магазинахъ и складахъ маслъ, въ ткацкихъ фабрикахъ, и т. п.»

Другой спеціалистъ по части жировъ и маслъ, Г. Перутцъ, говоритъ о томъ-же предметѣ слѣдующее [2]:

«Если шерсть или хлопокъ напитаны масломъ, вслѣдствіе чего послѣднее сообщается съ воздухомъ въ тонкомъ раздѣленіи, то часто происходитъ такое быстрое поглощеніе кислорода и возвышеніе температуры, что масло воспламеняется. Оттого, что на это свойство маслъ не обращали вниманія, случались большіе пожары».

Интересно, что жиры и масла разлагаются на воздухѣ тѣмъ скорѣе и энергичнѣе, чѣмъ больше заключаютъ азотистыхъ (слизистыхъ) веществъ. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и при са-

---

[1] Die Fette, nach Theod. Chateau, von Hartmann. 1864. стр. 9.

[2] Die Industrie der Fette und Oele, von H. Perutz. 1866, стр. 24.

мовозгораніи растительныхъ веществъ, повышеніе температуры до воспламененія нельзя приписывать простому окисленію. Азотистыя вещества составляютъ и здѣсь ферменты, подъ вліяніемъ которыхъ начинается и происходитъ разложеніе маслъ и жировъ; окисленіе-же представляетъ окончательный процессъ, которому подвергаются уже не жиры и масла, а продукты ихъ гнилостнаго разложенія.

При самовозгораніи маслъ и жировъ, какъ и всѣхъ другихъ веществъ, существенную роль играетъ способность пористыхъ тѣлъ сгущать газы, и въ особенности кислородъ. Относительно этого, Мульдеръ говоритъ слѣдующее [1]:

«Доказано, что поверхность твердыхъ тѣлъ сгущаетъ газы и что сгущеніе увеличивается, если тѣло пористое (платиновая губка, древесный и животный уголь). Magnus доказалъ сгущеніе газовъ на поверхности стекла; Jamin и Bertrand опредѣлили его въ пескѣ, порошкѣ стекла, мелко раздѣленныхъ металлахъ; Соссюръ—въ морской пѣнкѣ, азбестѣ, деревѣ, шелковыхъ и шерстяныхъ матеріяхъ.

«Если пористое вещество, напримѣръ пемза, проникнутое органическимъ веществомъ, напримѣръ оливковымъ масломъ, сгущаетъ кислородъ на своей поверхности, то оно сгущаетъ его на органическомъ веществѣ, и, если послѣднее способно окисляться, то окисленіе сгущеннымъ кислородомъ, въ одно и то же время, должно быть гораздо сильнѣе, чѣмъ при обыкновенномъ состояніи органическаго вещества, когда не происходитъ такого сгущенія».

«Къ этому присоединяется увеличеніе поверхности, если жидкое органическое вещество проникаетъ пористое тѣло, отчего увеличивается число точекъ его соприкосновенія съ воздухомъ; слѣдовательно, кромѣ того, что на органическое вещество дѣйствуетъ сгущенный кислородъ, послѣдній дѣйствуетъ одновременно на огромную поверхность окисляемаго вещества.

«Изслѣдованія Reiset и Millon'а показали, что органическія вещества, которыя сами по себѣ разлагаются на воздухѣ при высокой температурѣ, въ соприкосновеніи съ пористыми веществами разлагаются при значительно болѣе низкой температурѣ. Напримѣръ, лимонная кислота, заключенная въ платиновой губкѣ, разлагается на воздухѣ въ углекислоту и воду уже при 165° Ц., и въ доказательство того, что здѣсь не необходима именно платиновая губка, можно привести, что пемза производитъ тоже разложеніе уже при 155°. Въ прикосновеніи съ воздухомъ и платиновой губкой, винокаменная кислота разлагается уже при 160°, сахаръ при 140°, коровье масло при 90°, оливковое при 80°; во всѣхъ этихъ случаяхъ отдѣляются углекислота и вода.

«Явленіе это наблюдается въ особенно сильной степени, если

---

[1] Die Chemie der Ackerkrume, т. II. стр. 9 и слѣд.

согласно съ тѣмъ, что мы говорили о самовозгораніи сѣна, опилокъ и т. д. Только тамъ обугливаніе происходитъ отъ естественныхъ причинъ, медленно и постепенно; здѣсь же оно производится въ короткое время искуственно. Въ результатѣ одинаково должно получаться обугленное вещество, способное нагрѣваться при поглощеніи кислорода воздуха.

Мука, спиртъ и порохъ представляютъ хорошіе примѣры того, почему многія вещества *неспособны* самовозгораться, будучи легкогорючими. Для возможности самовозгоранія мука слишкомъ компактна, и притомъ, при гніеніи, она образуетъ клейстеръ или слизистую массу, въ видѣ которыхъ она еще менѣе пориста. Спиртъ, хотя и способенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, окисляться на воздухѣ и отдѣлять при этомъ теплоту, поглощаетъ послѣднюю при испареніи. Наконецъ порохъ, несмотря на всю свою горючесть, не обладаетъ ни однимъ изъ свойствъ, вызывающихъ самовозгораніе.

Перейдемъ теперь къ третьему классу самовозгорающихся веществъ: къ жирамъ и масламъ животнаго или растительнаго происхожденія, которыя загораются сами собой преимущественно вслѣдствіе окисленія и въ томъ случаѣ, если пропитываютъ пористые предметы (паклю, тряпки, шерсть, опилки и т. п.) Эти вещества состоятъ преимущественно изъ углерода и водорода, съ небольшимъ содержаніемъ кислорода, и способны легко окисляться, даже при обыкновенной температурѣ; многія изъ нихъ употребляются для освѣщенія. О самовозгоранію этихъ веществъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены уже выше.

Т. Шато въ своемъ сочиненіи о жирахъ [1] говоритъ:

«Поглощеніе кислорода жирными маслами происходитъ сначала медленно, но потомъ оно вдругъ усиливается и, притомъ, въ большихъ количествахъ масла или жира бываетъ до того значительно, что, вслѣдствіе отдѣленія при этомъ теплоты, масло можетъ загорѣться, чѣмъ объясняются внезапные пожары, нерѣдко случающіеся въ магазинахъ и складахъ маслъ, въ ткацкихъ фабрикахъ, и т. п.»

Другой спеціалистъ по части жировъ и маслъ, Г. Перутцъ, говоритъ о томъ-же предметѣ слѣдующее [2]:

«Если шерсть или хлопокъ напитаны масломъ, вслѣдствіе чего послѣднее сообщается съ воздухомъ въ тонкомъ раздѣленіи, то часто происходитъ такое быстрое поглощеніе кислорода и возвышеніе температуры, что масло воспламеняется. Оттого, что на это свойство маслъ не обращали вниманія, случались большіе пожары».

Интересно, что жиры и масла разлагаются на воздухѣ тѣмъ скорѣе и энергичнѣе, чѣмъ больше заключаютъ азотистыхъ (слизистыхъ) веществъ. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и при са-

[1] Die Fette, nach Theod. Chateau. von Hartmann. 1864. стр. 9.

[2] Die Industrie der Fette und Oele, von H. Perutz. 1866, стр. 24.

согласно съ тѣмъ, что мы говорили о самовозгораніи сѣна, опилокъ и т. д. Только тамъ обугливаніе происходитъ отъ естественныхъ причинъ, медленно и постепенно; здѣсь же оно производится въ короткое время искуственно. Въ результатѣ одинаково должно получаться обугленное вещество, способное нагрѣваться при поглощеніи кислорода воздуха.

Мука, спиртъ и порохъ представляютъ хорошіе примѣры того, почему многія вещества *неспособны* самовозгораться, будучи легкогорючими. Для возможности самовозгоранія мука слишкомъ компактна, и притомъ, при гніеніи, она образуетъ клейстеръ или слизистую массу, въ видѣ которыхъ она еще менѣе пориста. Спиртъ, хотя и способенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, окисляться на воздухѣ и отдѣлять при этомъ теплоту, поглощаетъ послѣднюю при испареніи. Наконецъ порохъ, несмотря на всю свою горючесть, не обладаетъ ни однимъ изъ свойствъ, вызывающихъ самовозгораніе.

Перейдемъ теперь къ третьему классу самовозгорающихся веществъ: къ жирамъ и масламъ животнаго или растительнаго происхожденія, которыя загораются сами собой преимущественно вслѣдствіе окисленія и въ томъ случаѣ, если пропитываютъ пористые предметы (паклю, тряпки, шерсть, опилки и т. п.) Эти вещества состоятъ преимущественно изъ углерода и водорода, съ небольшимъ содержаніемъ кислорода, и способны легко окисляться, даже при обыкновенной температурѣ; многія изъ нихъ употребляются для освѣщенія. О самовозгоранію этихъ веществъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены уже выше.

Т. Шато въ своемъ сочиненіи о жирахъ [1] говоритъ:

«Поглощеніе кислорода жирными маслами происходитъ сначала медленно, но потомъ оно вдругъ усиливается и, притомъ, въ большихъ количествахъ масла или жира бываетъ до того значительно, что, вслѣдствіе отдѣленія при этомъ теплоты, масло можетъ загорѣться, чѣмъ объясняются внезапные пожары, нерѣдко случающіеся въ магазинахъ и складахъ маслъ, въ ткацкихъ фабрикахъ, и т. п.»

Другой спеціалистъ по части жировъ и маслъ, Г. Перутцъ, говоритъ о томъ-же предметѣ слѣдующее [2]:

«Если шерсть или хлопокъ напитаны масломъ, вслѣдствіе чего послѣднее сообщается съ воздухомъ въ тонкомъ раздѣленіи, то часто происходитъ такое быстрое поглощеніе кислорода и возвышеніе температуры, что масло воспламеняется. Оттого, что на это свойство маслъ не обращали вниманія, случались большіе пожары».

Интересно, что жиры и масла разлагаются на воздухѣ тѣмъ скорѣе и энергичнѣе, чѣмъ больше заключаютъ азотистыхъ (слизистыхъ) веществъ. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и при са-

---

[1] Die Fette, nach Theod. Chateau. von Hartmann. 1864. стр. 9.

[2] Die Industrie der Fette und Oele, von H. Perutz. 1866, стр. 24.

мовозгораніи растительныхъ веществъ, повышеніе температуры до воспламененія нельзя приписывать простому окисленію. Азотистыя вещества составляютъ и здѣсь ферменты, подъ вліяніемъ которыхъ начинается и происходитъ разложеніе маслъ и жировъ; окисленіе-же представляетъ окончательный процессъ, которому подвергаются уже не жиры и масла, а продукты ихъ гнилостнаго разложенія.

При самовозгораніи маслъ и жировъ, какъ и всѣхъ другихъ веществъ, существенную роль играетъ способность пористыхъ тѣлъ сгущать газы, и въ особенности кислородъ. Относительно этого, Мульдеръ говоритъ слѣдующее [1]:

«Доказано, что поверхность твердыхъ тѣлъ сгущаетъ газы и что сгущеніе увеличивается, если тѣло пористое (платиновая губка, древесный и животный уголь). Magnus доказалъ сгущеніе газовъ на поверхности стекла; Jamin и Bertrand опредѣлили его въ пескѣ, порошкѣ стекла, мелко раздѣленныхъ металлахъ; Соссюръ—въ морской пѣнкѣ, азбестѣ, деревѣ, шелковыхъ и шерстяныхъ матеріяхъ.

«Если пористое вещество, напримѣръ пемза, проникнутое органическимъ веществомъ, напримѣръ оливковымъ масломъ, сгущаетъ кислородъ на своей поверхности, то оно сгущаетъ его на органическомъ веществѣ, и, если послѣднее способно окисляться, то окисленіе сгущеннымъ кислородомъ, въ одно и то же время, должно быть гораздо сильнѣе, чѣмъ при обыкновенномъ состояніи органическаго вещества, когда не происходитъ такого сгущенія».

«Къ этому присоединяется увеличеніе поверхности, если жидкое органическое вещество проникаетъ пористое тѣло, отчего увеличивается число точекъ его соприкосновенія съ воздухомъ; слѣдовательно, кромѣ того, что на органическое вещество дѣйствуетъ сгущенный кислородъ, послѣдній дѣйствуетъ одновременно на огромную поверхность окисляемаго вещества.

«Изслѣдованія Reiset и Millon'а показали, что органическія вещества, которыя сами по себѣ разлагаются на воздухѣ при высокой температурѣ, въ соприкосновеніи съ пористыми веществами разлагаются при значительно болѣе низкой температурѣ. Напримѣръ, лимонная кислота, заключенная въ платиновой губкѣ, разлагается на воздухѣ въ углекислоту и воду уже при 165° Ц., и въ доказательство того, что здѣсь не необходима именно платиновая губка, можно привести, что пемза производитъ тоже разложеніе уже при 155°. Въ прикосновеніи съ воздухомъ и платиновой губкой, винокаменная кислота разлагается уже при 160°, сахаръ при 140°, коровье масло при 90°, оливковое при 80°; во всѣхъ этихъ случаяхъ отдѣляются углекислота и вода.

«Явленіе это наблюдается въ особенно сильной степени, если

[1] Die Chemie der Ackerkrume, т. II. стр. 9 и слѣд.

пористое тѣло проникнуто легкоокисляемымъ органическимъ веществомъ; въ подобномъ случаѣ происходитъ самовозгоранiе, и именно по указаннымъ тремъ причинамъ: легкой окисляемости, увеличенiю поверхности для дѣйствiя воздуха и сгущенiю кислорода этой поверхностью.

«Если масло или краска, приготовленная на высыхающемъ маслѣ, пропитаютъ пористое тѣло, въ родѣ древеснаго угля, полотна и сотни другихъ предметовъ, то иногда черезъ короткое время можно замѣтить самовозгоранiе вслѣдствiе сильнаго окисленiя. Aubert, Glavimaus, Hadfield доказали, что сгущенiе кислорода древеснымъ углемъ и масляной краской доходитъ до самовозгаранiя. Тою-же способностью отличаются различныя подожженыя органическiя вещества: мука, рисъ, кофе, опилки и т. п. (Georgi, Rude).

«Общiй выводъ изъ многочисленныхъ изслѣдованiй тотъ, что легкоокисляемыя органическiя вещества, проникая вещества пористыя или будучи сами пористы, вслѣдствiе усиленнаго сгущенiя кислорода, могутъ загораться сами собой».

Спецiальныхъ указанiй на способность къ самовозгоранiю нефти, керосину, скипидару, дегтю и другихъ жидкихъ смолъ я не встрѣчалъ нигдѣ, хотя, по легкой окисляемости этихъ веществъ, весьма вѣроятно, что, проникая пористыя тѣла, они способны загораться сами собой. Мнѣ разсказывали лѣтъ 8 тому назадъ, что на Волгѣ, близь Богородска (у устья Камы), нѣсколько деревень сгорѣло вслѣдствiе того, что крестьяне собирали и увозили домой хлопокъ, пропитанный керосиномъ и плававшiй по Волгѣ послѣ крушенiя одной барки. Изслѣдовать, имѣетъ-ли деготь и другiя жидкiя малоокисленныя смолы способность къ самовозгоранiю, было-бы очень важно, такъ какъ вещества эти весьма распространены въ нашемъ крестьянскомъ быту.

Негашеная известь при соединенiи съ водой, какъ извѣстно, нагрѣвается, и это обстоятельство можетъ повести къ воспламененiю горючихъ предметовъ, соприкасающихся съ нею. Это возможно въ томъ случаѣ, если известь сохраняется въ кучахъ или въ незакрытыхъ бочкахъ въ сыромъ мѣстѣ, или если воздухъ очень влаженъ и известь достаточно пориста для поглощенiя этой влажности большою поверхностью. Если свѣжепрокаленную известь облить водой въ избыткѣ, то развивающаяся теплота расходуется на испаренiе и нагрѣванiе излишней воды; если же съ известью соприкасается мало воды, то теплота концентрируется въ массѣ и можетъ воспламенить лежащiй по сосѣдству горючiй матерьялъ. Таковъ именно случай, когда свѣжепрокаленная пористая известь лежитъ въ сыромъ мѣстѣ или подвергается дѣйствiю сильно влажнаго воздуха. По словамъ Отто [1] теплота, развивающаяся при гашенiи извести, достаточна для воспламененiя пороха и обугливанiя дерева [2].

[1] Lehrb. der anorg. Chemie, т. II, стр. 393.

[2] Въ «Пожарной книгѣ» (стр. 259) говорится, что, при гашенiи извести, вода

Упомяну еще о самовозгораніи шелка, окрашеннаго пикриновокислымъ свинцомъ, которое иногда замѣчалось на желѣзныхъ дорогахъ и происходило отъ тренія [2]. Впрочемъ, случай окрашиванія шелка пикриновокислымъ свинцомъ совершенно исключительный.

Я перечислилъ всѣ вещества, способность которыхъ къ самовозгоранію болѣе или менѣе доказана. Раньше я уже замѣтилъ, что крестьянскія селенія въ Россіи изобилуютъ подобными веществами. Безъ преувеличенія, деревни и села земледѣльческой Россіи могутъ быть названы сплошнымъ нагроможденіемъ легкогорючихъ и способныхъ самовозгораться матеріаловъ: соломы, дерева, сѣна, навоза, древесныхъ опилокъ, щепокъ и стружекъ, лубковъ, пакли, льна и конопли, отбросовъ послѣднихъ, мочала и т. п. Подъ вліяніемъ дождей, изверженій животныхъ и лѣтнихъ жаровъ, всѣ эти предметы энергично гніютъ, отдѣляютъ теплоту и дѣлаются въ высшей степени легкогорючими. При такихъ условіяхъ, незначительнаго возвышенія температуры гдѣ нибудь въ одномъ углу достаточно для того, чтобы сгорѣло все селеніе. Какая-бы ни была причина воспламененія — естественные ли процессы, неосторожное-ли обращеніе съ огнемъ или поджогъ — огонь всегда находитъ ужасающее изобиліе сплошного легкогорючаго матеріала.

Всѣ согласны въ томъ, что нужно преимущественно стараться о предупрежденіи болѣзней, а не объ ихъ леченіи; тоже самое должно сказать и о пожарахъ: ихъ слѣдуетъ предупреждать, а не ограничиватся только заботами о тушеніи ихъ и о вознагражденіи за убытки. Эту цѣль имѣлъ я въ виду, обращая вниманіе на самовозгораніе.

Въ виду всего изложеннаго и сообщаемыхъ дальше случаевъ пожаровъ, кажется очень вѣроятнымъ, что въ числѣ «неизвѣстныхъ причинъ» пожаровъ у насъ важную роль играютъ и естественные процессы, вызывающіе самовозгораніе. Утверждать это положительно нельзя, но съ полнымъ правомъ можно желать точнаго изслѣдованія этого вопроса.

Но еслибы даже было найдено, что самовозгораніе въ Россіи никогда не происходитъ, то для уменьшенія числа и силы пожаровъ, все-таки, необходимо позаботиться объ устраненіи тѣхъ условій, весьма обильныхъ въ русскихъ селеніяхъ, которыя способствуютъ самовозгоранію. Это необходимо потому, что условія эти въ такой-же мѣрѣ способствуютъ и пожарамъ отъ другихъ причинъ. Напримѣръ, обиліе въ деревняхъ гумифицированной соломы опасно столько же въ отношеніи возможности самовозго-

---

разлагается на водородъ и кислородъ и что водородъ загорается. Этого никогда не бываетъ и быть не можетъ.

[2] Dingl. Polyt. Journal, CCIII, стр. 245.

ранія, сколько и по легкости, съ которой малѣйшая искра изъ трубы или отъ другой причины, можетъ сжечь цѣлое селеніе [1].

Не слѣдуетъ, поэтому, думать, чтобы мѣры для предотвращенія самовозгораній въ деревняхъ были излишни по недоказанной у насъ возможности этого явленія. Эти мѣры не какія-либо особенныя, а тѣ же самыя, которыя необходимы для уменьшенія числа и силы пожаровъ отъ всевозможныхъ причинъ.

Здѣсь нелишнее замѣтить, что Россія занимаетъ исключительное положеніе между другими странами по огромному числу бывающихъ въ ней пожаровъ, по обильному скопленію въ селеніяхъ веществъ съ доказанной способностью къ самовозгоранію и по числу пожаровъ отъ неизвѣстныхъ причинъ. Совпаденіе это мнѣ кажется знаменательнымъ. Любопытно также, что число пожаровъ отъ неизвѣстныхъ причинъ не уменьшается, несмотря на увеличивающееся съ каждымъ годомъ рвеніе полиціи, судебныхъ слѣдователей и самого общества къ выясненію причинъ пожаровъ. Прежде удовлетворялись «неизвѣстными причинами» безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій; нынче ищутъ причинъ пожаровъ болѣе старательно и точно такъ же не находятъ ихъ.

Перечислю теперь тѣ обстоятельства, которыя въ русскихъ селеніяхъ должны способствовать самовозгоранію и вообще увеличивать число и силу пожаровъ отъ разныхъ причинъ.

Устройство трубъ въ крестьянскихъ домахъ, какъ я уже говорилъ, самое нераціональное и въ пожарномъ отношеніи весьма опасное. Близь такихъ трубъ гумифицированная солома можетъ самовоспламеняться очень легко.

Трубы почти никогда не очищаются отъ сажи, а слѣдовательно, и не осматриваются.

Въ курныхъ избахъ сажа садится на соломенную крышу, что̀, вмѣстѣ съ нагрѣваніемъ послѣдней отъ дыма и осажденіемъ въ ней влажности, должно еще болѣе увеличивать возможность самовозгоранія.

Зола и уголь изъ печей выгребаются и выбрасываются самымъ неосторожнымъ образомъ. Уголь сначала умышленно зарывается въ золу, а затѣмъ выбрасывается каждые 24 часа, когда онъ еще обладаетъ значительной способностью сгущать кислородъ и самовозгораться.

---

[1] Впрочемъ, самовозгораніе уже признано у насъ оффиціально. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ мѣстъ двухъ циркуляровъ относительно предупрежденія пожаровъ на желѣзныхъ дорогахъ.

«Отводить на станціяхъ для склада керосина, сала, негашеной извести и другихъ самовоспламеняющихся предметовъ особыя отдаленныя мѣста...» (цирк. техн. инспект. комитета желѣзныхъ дорогъ, № 517, 29-го января 1873, ст. 3).

«Вагоны, нагруженные легковоспламеняющимися, самовозгорающимися и способными къ взрыву веществами, могутъ быть включены въ поѣздъ не иначе и т. д.» (постанов. г. мин. путей сообщ., 30-го мая 1874 г.)

Всѣ постройки покрыты соломой, какъ бы нарочно расположенной для усиленнаго гумифицированія. Ее поливаютъ дожди, воздухъ обхватываетъ ее сверху и снизу, она согрѣвается съ одной стороны солнцемъ, съ другой—внутренней теплотой дома и проходящей черезъ нее трубы, и, наконецъ, птицы снабжаютъ ее въ своихъ изверженіяхъ азотистыми веществами.

Домà проконопачены мохомъ или паклей, незащищенными отъ дѣйствія воздуха и влажности и отъ случайнаго пропитыванія мочей, жиромъ, дегтемъ и т. п.

На дворахъ и на улицахъ повсюду лежатъ: солома, навозъ, сѣно, щепки, опилки и стружки, мочало, остатки отъ обработки льна и конопли и т. п. Все это обильно поливается изверженіями людей и животныхъ или смѣшивается съ ними и находится въ безпрерывномъ процессѣ разложенія, отдѣляющемъ теплоту.

Въ дождливое время сѣно привозится домой сырымъ. Крыши сѣноваловъ не всегда защищаютъ его отъ дождя.

Навозъ сваливается кучами близь деревень, и, кромѣ того, онъ лежитъ повсюду: на мостахъ, по берегамъ овраговъ и ручьевъ въ селеніяхъ, близь конюшенъ и на скотныхъ дворахъ, въ завалинахъ и т. п.

На печахъ нерѣдко просушиваются предметы, легко загорающіеся сами собой, напримѣръ, отсырѣвшій ленъ, льняное сѣмя, солодъ и т. п. Лѣтомъ эти предметы сохнутъ безъ всякаго надзора.

Въ кладовыхъ безъ всякой осторожности сберегаютъ жирную овечью шерсть, жирную красную бумагу и разную рухлядь.

Скопленія разныхъ самовозгорающихся предметовъ никогда не осматриваются. Кромѣ названныхъ выше, здѣсь слѣдуетъ назвать тряпки, старое засаленное платье, масло и жиръ всякаго рода, солодъ, известь и т, д.

Соотвѣтственно этимъ обстоятельствамъ, для уменьшенія числа и силы пожаровъ въ Россіи можно указать, между прочимъ, на слѣдующія мѣры:

Устройство высокихъ каменныхъ трубъ у печей.

Регулярную чистку трубъ и осмотръ ихъ.

Осторожное выгребаніе изъ печей и выбрасываніе золы и угля.

Тщательное удаленіе со дворовъ и улицъ всевозможныхъ остатковъ: сѣна, соломы, навоза, опилокъ, изверженій животныхъ и т. д.

Замѣну соломенныхъ крышъ тесовыми или какими-либо другими нетолько на жилыхъ домахъ, но и на всѣхъ постройкахъ вообще.

Устройство въ удаленіи отъ деревень навозниковъ для вывоза туда всякихъ остатковъ и сора.

Частые осмотры скопленій разныхъ самовоспламеняющихся предметовъ: сѣна, навоза, хлѣба въ снопахъ, льна и конопли

въ зернѣ, въ снопахъ и въ обработанномъ видѣ, мочалъ, кулей и рогожъ, веревокъ, нитокъ, пряжи, въ особенности просаленной, овечьей шерсти, тряпокъ, угля каменнаго и древеснаго, опилокъ, стружекъ и щепокъ, масла, сала и т. п.

Обшивку домовъ тесомъ.

Запрещеніе устраивать завалины изъ навоза и валить послѣдній около стѣнъ.

Само собой разумѣется, что только распространеніе свѣдѣній о томъ, чѣмъ вызываются и облегчаются пожары, можетъ предупредить послѣдніе во множествѣ разныхъ случаевъ, которые трудно опредѣлить заранѣе. Только техническое изслѣдованіе можетъ указать на всѣ тѣ обстоятельства, которыя слѣдуетъ устранить для предупрежденія пожаровъ.

Я не упоминаю объ оставленіи между домами пустыхъ промежутковъ, о насажденіи въ послѣднихъ деревьевъ и о другихъ подобныхъ мѣрахъ потому, что цѣлью этихъ мѣръ является исключительно—затрудненіе распространенія пожаровъ, а не уменьшеніе ихъ возможности.

Слѣдующіе случаи пожаровъ взяты изъ газеты «Голосъ» за послѣдніе 10—12 мѣсяцевъ. Просматривая другія газеты, можно убѣдиться, что подобные подозрительные случаи довольно часты.

«Сегодня, 26-го апрѣля, въ первомъ часу пополуночи, произошелъ большой пожаръ, жертвою котораго сдѣлался маслобойный заводъ товарищества паровыхъ маслобоень, помѣщающійся въ 3 уч. нарвской части, по Курляндской Улицѣ. Огонь первоначально показался въ амбарѣ, въ которомъ лежали *кули съ прессованнымъ льнянымъ сѣменемъ* [1], и, быстро распространяясь, перешелъ на зданіе завода. Не смотря на всѣ усилія командъ, деревянные амбары сгорѣли до тла. Причина пожара неизвѣстна». 1875, № 115.

«По словамъ «Современныхъ Извѣстій», въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» опубликована замѣчательная причина недавно бывшаго пожара. Солдатъ изъ казармъ продалъ мелочному торговцу куль углей. Какъ само собой разумѣется, угли были уворованы и потому принесены вечеромъ; торговецъ ссыпалъ ихъ торопясь, заперъ и ушолъ домой. Возлѣ угольнаго ларя стоялъ керосинъ; угли, какъ должно навѣрно полагать, не были хорошо затушены, почему и разгорѣлись; керосинъ вспыхнулъ (!)—и сгорѣли лавка и два дома». 1875, № 130.

«28-го мая, въ первомъ часу ночи, въ казачьихъ казармахъ, въ помѣщеніи 1-го эскадрона лейб-гвардіи атаманскаго его императорскаго высочества Наслѣдника Цесаревича полка, произо-

[1] Обозначаю курсивомъ мѣста, заслуживающія вниманія.

шелъ пожаръ. Пламя показалось первоначально *изъ запертой комнаты*, въ которой хранились сундуки съ имуществомъ казаковъ. *Впродолженіи одного часа, все бывшее въ этой комнатѣ сгорѣло до тла.* Назначено строжайшее разслѣдованіе». 1875, № 147.

«Въ ночь на 28 мая, загорѣлось *сѣно* на сѣновалѣ, устроенномъ надъ сараями во дворѣ № 25, по Колокольной Улицѣ, гдѣ помѣщались экипажи и лошади содержательницы извоза Кузьминой». 1875, № 147.

«Въ ночь на 1 іюня, по Невскому Проспекту, во дворѣ дома № 61, въ двухэтажномъ флигелѣ, гдѣ помѣщается *столярная мастерская* Карлсона, произошелъ пожаръ. *Огонь быстро охватилъ запасы лѣса*, хранившіеся въ мастерской и затѣмъ, быстро распространяясь, перешелъ на сосѣднія мастерскія. Причина пожара неизвѣстна». 1875, № 152.

«Въ исходѣ 8-го часа вечера, 1-го іюня, въ домѣ Будкина, по Средней Мѣщанской Улицѣ, № 6, показался огонь во второмъ этажѣ надворнаго каменнаго флигеля, въ помѣщеніи *столярной мастерской* Лазарева. *Въ это время въ мастерской никого не было*, вслѣдствіе чего еще до сихъ поръ не выяснена причина пожара». 1875, № 152.

«21-го іюня, въ исходѣ 7-го часа утра, въ домѣ купчихи Емельяновой, на углу Конногвардейской и Слоновой Улицъ, произошелъ большой пожаръ. Огонь первоначально показался *въ столярной мастерской* Яковлева и быстро охватилъ весь двухэтажный флигель, затѣмъ пробрался и т. д. Причина пожара неизвѣстна». 1875, № 171.

«Въ ночь на 8 іюня, на 105 верстѣ московско-рязанской желѣзной дороги, въ поѣздѣ № 47, въ Брестѣ, загорѣлся вагонъ *съ хлопкомъ*; грузъ весь сгорѣлъ». 1875, № 160.

«Изъ Твери. Въ то время, какъ я пишу вамъ, горятъ нѣсколько домовъ на набережной Волги. Пожаръ еще не окончился.— Причина пожара неизвѣстна. Какъ очевидецъ, я могу сказать, что *пламя показалось изъ амбара, биткомъ набитаго тряпьемъ*, приготовленнымъ для писчебумажныхъ фабрикъ». 1875, № 197.

«На Малой Охтѣ, за полежаевскими хлѣбными магазинами, въ полѣ, 18-го іюля, утромъ, загорѣлся *торфъ* и кустарники. Огонь прекращенъ въ самомъ началѣ». 1875, № 199.

«Въ 9 часовъ вечера 20-го іюля, въ лавкѣ купца Холодова, торгующаго *перинами и подушками* въ маріинскомъ рынкѣ, вскорѣ *послѣ того, какъ лавка была заперта*, загорѣлся товаръ; огонь къ 10 ч. вечера былъ потушенъ, при чемъ обгорѣла вся внутренность лавки и сгорѣлъ весь товаръ; послѣдній былъ застрахованъ». 1875, № 201.

«Того же числа, въ домѣ Яковлева, на Невскомъ Проспектѣ, загорѣлось сложенное на сѣновалѣ *сѣно* въ каменномъ зданіи; огонь вскорѣ прекращенъ; причину пожара *объясняютъ* неосто-

рожнымъ обращеніемъ съ огнемъ конюховъ, ходившихъ за сѣномъ съ огнемъ». 1875, № 201 [1].

«Изъ Новомосковска, Екатеринославской Губерніи. Съ весны начали вспыхивать въ разныхъ деревняхъ и селахъ пожары, *повидимому, «безъ всякой причины». Одно только бросается въ глаза: горятъ все хлѣбныя гумна и, притомъ, загораются днемъ»*. 1875, № 205.

«Изъ Витебска. Вчера и сегодня были два пожара... Кругомъ Плоцка *горятъ лѣса* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *торфъ*... Жара нестерпимая, страшная засуха... [2] Въ Невельскомъ Уѣздѣ пожары... Всеобщая паника». 1875, № 205.

«Терскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія подробности о пожарѣ, бывшемъ въ Кизлярѣ 15-го іюня. Пожаръ начался въ $2^1/_2$ часа пополудни съ деревянной лавки купца Агафонова, *наполненной мочалами, рогожами и другою рухлядью*. Этотъ пожаръ истребилъ всѣ деревянныя лавки по близости. Въ поджогѣ никто не подозрѣвается», 1875, № 222.

«*Въ 3 часа ночи* на 5 сентября, *въ кочегарнѣ* новосимеоніевской бумагопрядильной мануфактуры произошелъ *отъ неизвѣстной причины* пожаръ, но вскорѣ былъ прекращенъ». 1875, № 246.

«Въ исходѣ 5-го часа пополудни 18 го ноября, вспыхнулъ въ домѣ Макаровой, въ Гавани, по Симанской Улицѣ, пожаръ. Огонь показался *въ запертой квартирѣ* 2-го этажа и быстро охватилъ весь домъ, такъ что даже сами хозяева не успѣли ничего спасти. Причина пожара неизвѣстна; сгорѣвшій домъ не застрахованъ». 1875, № 321.

«Въ 8 часу утра, 3-го декабря, въ домѣ № 61, по набережной Фонтанки, въ мучномъ лабазѣ купца Ѳедотова произошелъ пожаръ. Огонь первоначально показался въ кладовой, близь лавки, *гдѣ хранился керосинъ, разныя масла и овесъ*. Причина пожара еще неизвѣстна, но *подозрѣвается* неосторожное обращеніе прикащиковъ съ огнемъ. Сгорѣвшій товаръ оцѣнивается въ 5,000 рублей; онъ не былъ застрахованъ». 1875, № 335.

«25-го декабря, истопникъ туляковскихъ бань, что̀ въ 1-й улицѣ Песковъ, выгребъ изъ печей золу̀, ссыпалъ ее въ корзину и поставилъ въ водогрѣльномъ зданіи; *а такъ какъ въ золѣ были горячіе* (!) *угли*, то корзина загорѣлась, зажгла деревянную обшивку зданія и огонь пробрался на стропила и крышу, но вскорѣ былъ прекращенъ», 1875, № 357.

«Во второмъ часу дня, 4-го января, въ Галерной Гавани, по Кожевенной Линіи, въ огородномъ мѣстѣ штаб-ротмистра

[1] Нельзя не замѣтить, что пожары, начинающіеся съ сѣноваловъ, чрезвычайно часты. Я привелъ лишь немного случаевъ этого рода.

[2] Самовозгораніе, конечно, значительно возможнѣе во время сильныхъ жаровъ, чѣмъ въ холодное время. Кромѣ того, есть основаніе думать, что оно должно происходить чаще во время жаровъ, наступающихъ послѣ дождей или послѣ сыраго времени, напримѣръ, весной.

Гандсдорфа, въ огородничномъ домѣ, произошелъ пожаръ. Первоначально огонь показался *на сѣновалѣ* и быстро охватилъ сарай и огородничью избу, которые и сгорѣли до основанiя». 1876, 6-го янв.

«Сегодня, 8-го января, въ 8 часовъ утра, въ домѣ № 14 по Бассейной Улицѣ, въ квартирѣ г. Потапова, *отъ неизвѣстной причины загорѣлось платье*, висѣвшее въ платяномъ шкапу. Пожаръ ограничился лишь одной квартирой». 1876, 9-го янв.

«Въ 4 часа ночи, на 19-е января, въ домѣ № 9, по Столярному Переулку, въ квартирѣ г-жи Шевченко, произошелъ отъ *неизвѣстной причины* внутреннiй пожаръ, причемъ въ гостиной обгорѣла *мягкая мебель и портьеры*». 1876, 20-го янв.

«Въ 7-мъ часу утра, 27 апрѣля, на Петербургской Сторонѣ, въ домѣ Пискунова, у сытнаго рынка, въ деревянномъ надворномъ сараѣ, гдѣ находился *складъ сѣна, дровъ и посуды* арендатора сѣнныхъ вѣсовъ Варыпаева, огонь быстро охватилъ весь сарай и пробрался и т. д. Причину пожара объясняютъ неосторожнымъ обращенiемъ съ огнемъ». 1876, 28-го апр. «Вѣдомости С.-Петерб. Градоначальства», 1876, № 94.

Въ «Казанск. Губерн. Вѣдомостяхъ» напечатано: «6-го мая, близь Козьмодемьянска, стала на мель баржа съ табакомъ; послѣ перегрузки части табаку изъ баржи, послѣдняя ночью загорѣлась и, несмотря на всѣ мѣры, сгорѣла вся и двое рабочихъ, спавшихъ въ ней. Дознанiемъ неосторожнаго обращенiя съ огнемъ на баржѣ не обнаружено, *а предполагается, что табакъ въ куляхъ воспламенился самъ*, основываясь на томъ, что *кули съ табакомъ*, перегруженные изъ баржи, *были горячiе*». 1876, 28-го мая.

«Сегодня, 12-го мая, въ 3 часа утра, во дворѣ пивовареннаго завода Яфимовича, произошолъ пожаръ: сгорѣлъ деревянный сарай, въ которомъ *жарили кофе* для подкраски пива. Причину пожара объясняютъ неосторожнымъ обращенiемъ рабочихъ съ огнемъ». 1876, 13-го мая.

«Намъ пишутъ изъ Москвы, что послѣ необычайныхъ холодовъ, съ наступленiемъ теплой погоды, начались въ Москвѣ, какъ и всегда, сильные пожары... Того же числа, произошелъ сильный пожаръ въ Мѣщанской части, на Коптѣловской Улицѣ, близь балканскаго пруда, причемъ сгорѣли дома Синцовой, Дубровскихъ и т. д.... и много надворныхъ строенiй... *огонь, какъ говорятъ, показался въ сараѣ тряпичника*». 1876, 26-го мая.

«Въ 9-мъ часу вечера, 24-го мая, по набережной Невы, на калашниковской пристани, *въ кладовой* купца Панкова, *гдѣ хранились тряпки*, во дворѣ пивовареннаго калашниковскаго завода, произошелъ пожаръ; сгорѣли 3 сарая Панкова и обгорѣли сараи съ товарами гг. Томазони, Визери и Комп.» 1876, 26-го мая.

«На Большой Охтѣ, въ ночь на 26-е мая, *загорѣлся заборъ* по Горушечной Улицѣ, *у огорода* мѣщанина Ѳедорова; по забору

огонь пробрался на жилое строеніе, которое и сгорѣло до тла. Причина этого пожара неизвѣстна; предполагаютъ, что тутъ былъ поджогъ (это забора то!)» 1876, 27-го мая.

«Сегодня, 3-го іюня, въ 12 ч. дня, когда рабочіе въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги собирались идти обѣдать, былъ замѣченъ огонь въ сарайчикѣ, устроенномъ у лѣсопильнаго отдѣленія, *гдѣ лежали разные горючіе матерьялы: керосинъ, свѣчи, масло, пакля и пр.* Огонь быстро охватилъ и т. д. Убытокъ, причиненный огнемъ, простирается до милліона рублей». 1876, 4-го іюня.

«Сегодня, 4-го іюня, въ половинѣ 4-го часа дня, во 2-й улицѣ Песковъ, вспыхнулъ пожаръ... Первымъ загорѣлся въ домѣ Тулякова, каменный трехэтажный флигель, въ которомъ помѣщались *паркетная фабрика* Романова, *столярная мастерская* Семенова и *каретный мастеръ* Родіоновъ. Убытокъ, причиненный огнемъ, очень значителенъ. Причина пожара еще неизвѣстна». 1876, 5-го іюня.

«Вчера, 8-го іюня, около 4 час. пополудни, по набережной Фонтанки, противъ Усачева Переулка, толпа любопытныхъ смотрѣла на горѣвшій возъ съ мебелью. Извозчики скоро разобрали возъ, причемъ обнаружилось, что *причиной пожара былъ котелокъ съ древесными углями*, заготовленными запасливой, но неосторожною прислугой для самоваровъ». 1876, 10-го іюня.

«Изъ Плёса, Костромской Губерніи, «Сыну Отечества» пишутъ, что, 5-го іюня, въ Костромскомъ Уѣздѣ сгорѣла Серковая Слобода, пожаръ истребилъ 28 крестьянскихъ домовъ, хозяйственныхъ построекъ и до 85 гуменныхъ стай. Пожаръ начался въ часъ пополудни и продолжался до трехъ часовъ; *въ два часа времени пожаръ истребилъ все до основанія... На дворѣ одного дома загорѣлся отъ неизвѣстной причины сухой навозъ и соломенная крыша дома, откуда и начался пожаръ.* Убытковъ понесено и т. д.» 1876, 22-го іюня.

«Сегодня, 17-го іюня, въ 12 ч. дня, въ городѣ Павловскѣ, произошелъ довольно сильный пожаръ. Загорѣлась дача Шпигеля, по Садовой Улицѣ, и почти въ полчаса огонь охватилъ цѣлое зданіе... Пожаръ, какъ полагаютъ, произошелъ оттого, что бывшіе на чердакѣ угли загорѣлись; по крайней мѣрѣ, пожаръ начался сверху и съ той стороны дома, гдѣ лежали уголья». 1876, 18-го іюня.

Слѣдующіе 2 случая взяты изъ «Вѣдомостей С.-Петерб. Градоначальства».

«23-го января, въ $7^1/_2$ час. пополудни, въ чуланѣ, прилегающемъ къ жилому помѣщенію двух-этажнаго дома, № 5, по Симеоновскому Переулку произошелъ пожаръ отъ затлѣвшихся *обрѣзковъ бумаги*, принадлежащихъ переплетному мастеру Николи; пожаръ прекращенъ въ $9^1/_4$ часовъ. Причина пожара, какъ нужно предполагать, неосторожное обращеніе съ огнемъ». 1876, № 20.

«4-го марта, въ $4^{1}/_{2}$ часа пополудни, по Обводному Каналу, близь станціи балтійской желѣзной дороги, во дворѣ дома купца Клейберга, загорѣлся деревянный одноэтажный сарай, но вскорѣ былъ потушенъ... Причиной пожара была *подмокшая известь*, хранившаяся въ сараѣ вмѣстѣ съ другими строительными матерьялами». 1876, № 53.

Слѣдующія два описанія даютъ понятіе о силѣ, съ которой происходятъ у насъ пожары.

«По словамъ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», 6-го мая, часовъ около 10 утра, вспыхнулъ пожаръ въ деревнѣ Городкѣ, *отстоящей отъ Пензы верстахъ въ трехъ*. Набатный колоколъ тотчасъ вызвалъ пожарный обозъ, который поскакалъ по направленію, гдѣ виденъ былъ пожаръ, и хотя, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту происшествія, полиція и убѣдилась, что пожаръ внѣ города, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтила, что *головни и цѣлые пуки горящей соломы доносились до городскихъ построекъ и падали на городскихъ улицахъ*, и потому, отдѣливши часть пожарнаго обоза, явилась на помощь жителямъ Городка. Большое уже пространство охвачено было огнемъ, когда пожарные инструменты начали дѣйствовать; *вѣтеръ вырывалъ и несъ цѣлыми охапками горящую солому; подвѣтренныя зданія моментально загорались, какъ порохъ*, и, при всѣхъ усиліяхъ, пожарной командѣ удалось остановить пожаръ уже на 16-й избѣ». «Голосъ», 1876, 17-го мая.

«Саратовскому Справочному Листку» пишутъ: 14-го мая, около церковной площади села Колояра, Вольскаго Уѣзда, *почти мгновенно*, отъ неизвѣстной причины, *вспыхнулъ цѣлый кварталъ. Соломенные сараи горѣли какъ порохъ*. Отъ соединенія сильнѣйшаго вѣтра съ пламенемъ *образовалась пламенная буря. Соломенныя огненныя галки полетѣли по направленію вѣтра въ разныя стороны*. Пламенная буря устремилась на церковь — *и менѣе, чѣмъ черезъ полчаса послѣ начала пожара, горѣли и церковь, и село въ разныхъ мѣстахъ;* потомъ пламя соединилось и образовало собою большую пламенную скобу. Спасеніе бѣгствомъ было возможно въ одну западную сторону. *Черезъ часъ, весь Колояръ*, за исключеніемъ очень немногихъ дворовъ, *горѣлъ съ ужасающей силой, представляя весьма широкую, около версты длиной, пламенную рѣку*. Явленіе было ужасное. Церковные колокола расплавились совершенно, и до сихъ поръ не найдено слитковъ мѣди... Послѣ пожара, вмѣсто большаго торговаго села, виднѣются груды камней, изъ которыхъ были сдѣланы печи для домовъ, и плачущія надъ пепелищемъ женщины. Слышно, что во время пожара сгорѣло два человѣка». «Голосъ», 1876, 30-го мая.

При такой силѣ пожаровъ, промежутки между домами, назначаемые земствомъ, именно—только «лучше, чѣмъ ничего», но не больше.

П. М. Лохтинъ.

РЕАЛЬНЫЙ РОМАНЪ ВО ФРАНЦІИ.

(Три публичныхъ чтенія П. Д. Боборыкина).

Чтеніе второе.

Братья Гонкуръ. — Характеръ ихъ сотрудничества. — Особенности манеры и языка.—Взглядъ на общее содержаніе ихъ реалистическихъ произведеній.—Анализъ романовъ «Сестра Филомена» «Жермини Ласертё» и «Госпожа Жервезэ».—Судьба французской женщины изъ народа.—*Дрозъ* и его «Баболенъ».—*Альфонсъ Додэ.*—Его литературные дебюты.—Своеобразный реализмъ Додэ въ романѣ: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій».

Мм. гг.

Изъ продолжателей Флобера, по реальному роману во Франціи, мы должны будемъ остановиться сперва на двухъ писателяхъ, долго не получавшихъ на родинѣ настоящей популярности. Это—братья Гонкуръ, которые и у насъ, несмотря на то, что французскіе романы читаются всѣми, только съ прошлаго года стали болѣе извѣстны публикѣ, слѣдящей за ежемѣсячными журналами. Братья Гонкуръ представляютъ собою, кромѣ того, особый видъ литературнаго труда, довольно распространеннаго между французскими драматическими писателями. Они работали всегда *вмѣстѣ*, и, такъ какъ одинъ изъ нихъ, Жюль (моложе на 10 лѣтъ брата своего Эдмона), недавно умеръ, то карьера этого двойнаго авторскаго лица уже покончена. Быть можетъ, оставшійся въ живыхъ братъ и начнетъ новое поприще, но пока онъ еще молчитъ. Эмиль Зола, реальный романистъ, о которомъ я буду говорить въ послѣднюю мою бесѣду, весьма талантливо охарактеризовалъ въ небольшомъ этюдѣ, появившемся въ «Вѣстникѣ Европы», способъ, какимъ братья Гонкуръ писали свои романы. Изъ его характеристики выходитъ, что ихъ сотрудничество вовсе не похоже было на обыкновенную работу разныхъ составителей драмъ, комедій и водевилей. Они проникались оба однимъ сюжетомъ, обдумывали его вполнѣ, обсуждали вслухъ мельчайшія подробности, иногда снимали виды съ мѣстностей и затѣмъ садились писать вмѣстѣ, даже у одного стола, по общей программѣ, выработанной во всѣхъ частяхъ.

писали они каждый одно и то же, т. е. одну и ту же главу романа или сцену, потомъ перечитывали и сливали два текста въ одинъ, удерживая изъ работы каждаго все то, что̀ они находили лучшаго и удачнаго. Такимъ процессомъ дошли они до полнѣйшаго единства манеры, до гармоніи мыслительной и творческой работы. Они превратились какъ бы въ двѣ половины одного и того же умственнаго организма. Поэтому въ ихъ произведеніяхъ даже весьма тонкій критикъ не могъ бы распознать участіе двухъ отдѣльныхъ личностей. Поэтому-то про нихъ и говорили, да и теперь говорятъ, какъ про одного писателя.

Братья Гонкуръ вели жизнь похожую на ту, которую ведетъ Флоберъ, т. е. предавались почти исключительно своей авторской работѣ и не участвовали почти въ общественной жизни Франціи за весь періодъ второй имперіи. У нихъ сложились вкусы литературно-антикварные. Они любили собирать всевозможные матеріалы, относящіеся къ блестящему времени французской культуры, въ особенности къ XVIII-му столѣтію, и напечатали нѣсколько книгъ научно-литературнаго интереса, по этой эпохѣ. Пристрастились они, кромѣ того, къ художественнымъ произведеніямъ (одинъ изъ нихъ занимался даже живописью), обставляли картинами и рѣдкостями свое тихое писательское убѣжище, гдѣ работали старательно и неспѣшно. Эта наклонность къ разнаго рода вещамъ и подробностямъ, вмѣстѣ съ развитымъ вкусомъ и какой-то женственной тонкостью въ духѣ идей XVIII вѣка, опредѣлили характеръ ихъ творчества. Мы и видимъ въ цѣломъ рядѣ романовъ, написанныхъ ими, реализмъ, носящій на себѣ своеобычный складъ, вытекающій главнымъ образомъ изъ ихъ личныхъ писательскихъ свойствъ. Послѣ Флобера трудно было создать что̀-нибудь болѣе яркое и глубокое, держась почвы обыденной жизни. Душевный анализъ достигъ высокаго мастерства; сила, о̀бразность, безпощадная правда— все это доставлено было французской публикѣ авторомъ «Г-жи Бовари». Гонкуры привлечены были въ природѣ и въ человѣкѣ, въ особенности же въ природѣ, различными оттѣнками и впечатлѣніями, которые ни въ Бальзакѣ, ни въ Флоберѣ почти не входятъ въ объективный разсказъ. Гонкуры ввели въ свои литературные этюды гораздо болѣе тѣсную связь съ природой и съ впечатлѣніями, какія она навѣваетъ Это повело ихъ къ разнымъ подробностямъ и психическаго, и описательнаго языка, создало имъ оригинальную манеру, которая до сихъ поръ еще недостаточно оцѣнена. Они предавались, незамѣтно, все больше и больше, виртуозности изображенія, сдѣлавшейся въ послѣднихъ ихъ романахъ точно обязательной для нихъ. Видно, что главнѣйшею цѣлью ихъ въ литературномъ творчествѣ было: придавать всѣмъ предметамъ самую точную о̀бразность, наполненную разнообразіемъ ощущеній, какія душа человѣческая можетъ воспринять отъ этихъ предметовъ. Языкъ ихъ получилъ поэтому своеобразный по̀шибъ, который они выдерживали всюду

и всего сильнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они говорятъ отъ себя. Эта авторская виртуозность повела, однако, къ довольно существенному недостатку, именно: къ слишкомъ большому вторженію автора въ ходъ разсказа, въ объективное теченіе жизни. Гонкуры старались всегда нетолько строго держаться правды, но и расчленять всякій внѣшній или внутренній фактъ жизни на мельчайшія детали; эта-то старательность и заставила ихъ вдаваться въ авторскія отступленія. У нихъ вовсе нѣтъ того, что мы видѣли у Флобера, т. е. жизнь не течетъ въ ихъ произведеніяхъ непрерывною волной безъ малѣйшаго вторженія намѣреній писателя, безъ произвольныхъ группировокъ, безъ нагроможденія подробностей, безъ намѣренной виртуозности. Быть можетъ, Гонкуры способны были бы, хотя и не съ такой глубиной и яркостью, на воспроизведеніе цѣлой жизненной картины въ духѣ флоберова творчества, еслибъ они такъ не занимались своей манерой, еслибъ эта манера не подталкивала ихъ безпрестанно въ сторону авторскаго дилетантства.

По содержанію ихъ произведеній, Гонкуры—несомнѣнные реалисты, но, опять-таки, безъ строго опредѣленнаго направленія. Они искали въ разныхъ сферахъ жизни: и сюжетовъ, и характеровъ, и подробностей, но сами не выработали себѣ настолько цѣльное міровоззрѣніе, чтобъ вставить свою писательскую работу въ болѣе опредѣленныя рамки. Въ нихъ тоже жилъ тотъ гражданскій скептицизмъ, который и такое могучее дарованіе, какимъ обладаетъ Флоберъ, привелъ ко многимъ отрицательнымъ результатамъ дѣятельности. Не выработавъ себѣ горячихъ вѣрованій и совершенно ясныхъ общественныхъ идеаловъ, они, подъ вліяніемъ своей наблюдательности и даровитости, брались то за психологическіе этюды, то за разнообразныя стороны французкой кружковой жизни для болѣе или менѣе удачныхъ внѣшнихъ характеристикъ. Въ этомъ смыслѣ они еще значительнѣе расширили область современнаго романа, но не успѣли создать чего либо общаго, обнимающаго собою цѣлый міръ, въ родѣ «Человѣческой комедіи» Бальзака. Ихъ заслуга заключается также и въ томъ, что они старательно избѣгали всякихъ *труизмовъ*, всего избитаго, всего банальнаго въ замыслахъ, и въ интригѣ. И каждый уголокъ Парижа, каждый мірокъ, изображаемый ими, они изучали съ аккуратностью собирателей рѣдкостей и съ пониманіемъ тонко развитыхъ людей. Наклонность къ этому изображенію подробностей сдѣлала даже то, что они, быть можетъ, сами не желая того, впадали беспрестанно въ фотографическую передачу дѣйствительности, особенно въ описательныхъ мѣстахъ. Ихъ романы принесли съ собой массу мелкихъ наблюденій и деталей, которыя до того считались въ разсказѣ лишними. И, въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Гонкуры не влагали во все это высшаго мастерства, то они бы тратили даромъ свой трудъ и время, а въ читателѣ не вызывали бы ничего кромѣ скуки. Вообще-же, въ нихъ не чувствуется могучей силы, приводящей къ полному

художественному синтезу. Они слишкомъ—въ подробностяхъ, хотя и достигающихъ часто истиннаго искусства, тонкаго анализа и поэтическаго изящества. Имъ нужны были всевозможныя, даже случайныя, подробности и впечатлѣнія; они за нихъ хватались и не пропускали ни малѣйшаго случая пустить въ ходъ мастерство своихъ изображеній. И картины природы, и бѣглые портреты разныхъ оригиналовъ, и обстановка домашней жизни—все это имѣетъ для нихъ одинаковую важность, все это обрабатывается гораздо тоньше, изящнѣе, логичнѣе, новѣе, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ романовъ Бальзака; но у Бальзака вы видите цѣль натуралиста и психолога, желающаго соединить душевную жизнь героя съ его обстановкой, между тѣмъ какъ у Гонкуровъ картинки выходятъ, иногда, немного сами по себѣ; а тамъ, гдѣ впечатлѣнія отъ природы, живыхъ людей, или условій ежедневной жизни сливаются съ душевнымъ строемъ дѣйствующихъ лицъ, авторы слишкомъ много говорятъ отъ себя, увлекаясь, опять-таки, и въ этомъ, своей виртуозностью.

Гонкуры обращались, какъ я уже сказалъ, къ разнымъ сферамъ французской жизни все съ тою же тонкою наблюдательностью, съ одинаковымъ желаніемъ обработать подробности и заставить читателя проходить черезъ разнообразнѣйшія ощущенія природы и жизни; но рядъ ихъ романовъ (о книгахъ по характеристикѣ французскаго общества XVIII вѣка я говорить не стану) представляетъ собой собраніе этюдовъ и портретовъ съ особаго рода выдѣленіемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ интимной жизни изъ общаго теченія дѣйствительности. Всего лучше выходили у нихъ женскія лица. Въ натурѣ ихъ писательства лежало нѣчто помогавшее имъ усвоить себѣ психологію женскихъ личностей съ гораздо бо̀льшей чуткостью, съ пониманіемъ самыхъ сокровенныхъ побужденій, инстинктовъ и стремленій. На протяженіи своего авторскаго сотрудничества, братья Гонкуръ создали нѣсколько женскихъ фигуръ, изъ которыхъ каждая взята изъ особаго міра. Я остановлюсь на трехъ женщинахъ изъ этой галлереи и поговорю объ нихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ были написаны романы. Двѣ женщины взяты изъ народа, не въ нашемъ крестьянскомъ, а въ западномъ смыслѣ, т. е. изъ міра городскихъ пролетаріевъ; третья же изъ образованной буржуазіи. Романъ, представляющій собой интимную исторію первой изъ этихъ женщинъ, принадлежитъ къ самымъ молодымъ произведеніямъ Гонкуровъ и появился въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Это—«Сестра Филомена». Въ постройкѣ романа замѣчается еще нѣкоторая двойственность реальнаго пріема. Интимная исторія молодой монахини вставлена въ рамку ежедневной жизни большаго парижскаго госпиталя. Видно, что авторы сами прошли черезъ впечатлѣнія больничнаго быта въ качествѣ студентовъ или intern'овъ, т. е., по нашему, клиническихъ ассистентовъ. Они, какъ художники, изучили этотъ міръ съ необычайной тонкостью и вводятъ его въ такихъ размѣрахъ

въ свой разсказъ, что онъ, еще плохо сливаясь съ душевнымъ анализомъ героини, мѣстами заслоняетъ собою ея фигуру. Въ этомъ романѣ Гонкуры впервые показали свое желаніе держаться новыхъ пріемовъ, не обращая вниманіе на условность постройки разсказа. Вы найдете тутъ, рядомъ съ главками, гдѣ подробно и мастерски описываются картины больничной жизни, крошечные эпизоды, состоящіе изъ нѣскольких фразъ, какими перекидываются между собою дѣйствующія лица; вслѣдъ за тѣмъ идутъ страницы психологическаго анализа и перемѣшиваются новыми бытовыми чертами, сценками, отступленіями. Мѣстами кажется даже, что это—какая-то записная книжка человѣка, жившаго въ госпиталѣ съ цѣлью отмѣчать и записывать все, что ему попадется на глаза и подъ руку.» Но главная женская фигура, молодая монахиня, сестра Филомена, все-таки, сохраняетъ свою индивидуальность и выдѣляется, по прочтеніи всего романа, на фонѣ госпитальной картины. Гонкуры отличаются тѣмъ, что къ каждой своей героинѣ относятся не только съ любопытствомъ, но и съ высшей любознательностью артистовъ, позволяющей имъ доводить свой интересъ до крайнихъ предѣловъ, вникать въ множество такихъ чертъ, которыя остались бы незамѣченными у автора, равнодушнѣе относящагося къ своимъ лицамъ. Сестра Филомена — парижская безродная дѣвочка, выросшая въ чужихъ людяхъ около господъ-буржуа. Очень рано попадаетъ она подъ вліяніе той мистической сентиментальности, которая дается во французскихъ школахъ при женскихъ монастыряхъ. Все, что въ ней жило свѣтлаго, прекраснаго, все, что просилось наружу, ища отзыва и дружеской поддержки, всѣ ея чисто женскія свойства, направленныя къ любви, къ жертвѣ, къ призванію супруги и матери—все это было сковано преждевременнымъ монашескимъ обѣтомъ, все это ушло въ формализмъ добродѣтели, въ сентиментально-мистическую мораль. Но душа сестры Филомены осталась все такой же нѣжной, и до той минуты, когда она сталкивается съ человѣкомъ, пробудившимъ въ ней страстное чувство, она живетъ въ воздухѣ особой ясности, невозмутимости, любовнаго исполненія своихъ самоотверженныхъ обязанностей. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ парижскихъ госпиталяхъ каждая зала имѣетъ особый штатъ сестеръ милосердія, наблюдающихъ надъ служителями и сидѣлками. Онѣ поочередно живутъ при самыхъ госпиталяхъ, исполняютъ свою службу безвозмездно и цѣлый день заботятся о всевозможныхъ нуждахъ больныхъ: сами производятъ перевязки, раздаютъ лекарства, утѣшаютъ, ободряютъ, служатъ посредниками между медицинскимъ начальствомъ и паціентами. Вотъ такую-то жизнь и ведетъ героиня, которую Гонкуры заставили пройти черезъ испытанія зародившейся страсти къ одному изъ молодыхъ медиковъ, живущихъ въ томъ же госпиталѣ въ званіи ассистента, по имени Барнье. Фигура этого молодого врача довольно характерна, но на ней авторы не остановились, какъ на главномъ

лицѣ; они только придали ей вполнѣ живыя краски, выхватили ее цѣликомъ изъ госпитальной жизни, изученной ими во всѣхъ подробностяхъ. Сестра Филомена начала съ добродушныхъ пріятельскихъ отношеній къ этому молодому человѣку и очень долго не могла понять настоящей природы своего чувства. Правда, однако, всплыла; чувственный порывъ ея пріятеля возмутилъ въ ней достоинство женщины и чистоту монахини, и она остается все тѣмъ же безплотнымъ существомъ, похоронивъ въ себѣ всякій болѣе живой порывъ, а любимый человѣкъ, послѣ тяжелаго нравственнаго кризиса, кончившагося почти запоемъ, умираетъ отъ неосторожнаго порѣза, совершенно такъ, какъ герой «Отцовъ и дѣтей» Тургенева.

Читатель и въ этомъ молодомъ произведеніи Гонкуровъ найдетъ уже, какъ бы въ сокращенномъ видѣ, всѣ ихъ достоинства, всѣ особенности ихъ манеры. Прочтя его, всякій невольно испытаетъ тяжелое чувство отъ сознанія, что живое женское существо принесено въ жертву односторонней идеѣ, сложившейся въ цѣлое учрежденіе. Монахиня убила въ сестрѣ Филоменѣ женщину; ея судьба говоритъ прямо, что большинство дѣвушекъ, налагающихъ на себя такой ранній обѣтъ, попадаютъ въ эти монастырскія школы отъ заброшенности, бѣдности и безпомощности пролетаріата. Авторы нигдѣ не разсуждаютъ особенно на эту тэму; но вы видите, что ими, хотя и безсознательно, руководила мысль, удачно выраженная художественнымъ пріемомъ. Они, быть можетъ, и не желая того, показываютъ какъ самыя лучшія, самыя здоровыя потребности женской натуры бьются въ цѣпяхъ мистическаго долга. Вы видите, какой прекрасной женщиной была бы эта сестра Филомена въ болѣе нормальныхъ условіяхъ жизни. Въ ней нашлось бы все: и горячая любовь первой юности, и самоотверженная любовь серьёзной подруги, и героическое чувство матери. И все это убито, и даже душевный миръ монахини можетъ легко перейти въ глухое ожесточеніе или въ сухость аскетическихъ упражненій, кажущихъ впереди себялюбивую цѣль формальной набожности.

Второй, по времени, романъ, съ героиней изъ народа, былъ задуманъ Гонкурами гораздо шире, построенъ гармоничнѣе, съ болѣе глубокимъ психическимъ анализомъ, со смѣлостью общаго колорита и деталей. Это — единственный романъ Гонкуровъ, переведенный, хотя и не цѣликомъ, по-русски, не дальше какъ въ прошломъ году. Конечно, многіе изъ васъ прочли этотъ замѣчательный этюдъ женской личности, и вы долго не забудете «Жермини Ласертё», первую героиню, званіемъ горничную, какую вамъ, по всей вѣроятности, привелось встрѣтить въ художественной беллетристикѣ. Если взять въ соображеніе то, что оба автора жили постоянно, какъ два тонко-развитыхъ джентльмена, съ барскими наклонностями, съ любовью ко всему изящному, тонкому, такъ сказать, привилегированному, то имъ надо, несомнѣнно поставить въ большую заслугу подобный выборъ. Они не огра

ничились однимъ замысломъ, они дѣйствительно вошли въ душу и ежедневный обиходъ жизни простой горничной, прослѣдили всю ея психологію до самаго конца, не останавливаясь ни передъ какой подробностью, какъ бы она ни могла показаться грязноватой, банальной, нероманической; они съумѣли приковать вниманіе и даже симпатію изящныхъ читательницъ къ судьбѣ несчастной женщины, рожденной съ неудержимой потребностью любовной привязанности; они до очевидности довели доказательство того, что нормальные, сами по себѣ, инстинкты въ ненормальныхъ условіяхъ общественной жизни ведутъ, по необходимости, къ глубокому, грязному паденію. Вамъ, вѣроятно, интересно будетъ знать, какъ сами авторы смотрѣли на свою задачу. Они высказываютъ это въ предисловіи къ «Жермини Ласертё», не попавшемъ въ русскій переводъ. Позвольте мнѣ привести изъ него слѣдующія строки:

«Живя въ XIX столѣтіи, говорятъ Гонкуры:—въ эпоху всеобщей подачи голосовъ, демократіи, либерализма, мы спросили себя: не имѣютъ ли такъ называемые «низшіе классы» право на романъ? долженъ ли подпольный міръ черни оставаться подъ литературнымъ запретомъ и подъ тяжестью пренебреженія со стороны авторовъ, которые до сихъ поръ молчали обо всемъ, что касается души и сердца простаго народа? Мы задали себѣ вопросъ: могутъ ли, въ настоящее время всеобщаго равенства, существовать для писателя и для читателя недостойные классы, слишкомъ низкія житейскія невзгоды, слишкомъ неопрятныя драмы, недостаточно благородныя трагическія катастрофы? Намъ захотѣлось узнать: дѣйствительно ли умерла трагедія, эта условная форма забытой литературы, исчезнувшаго общества? дѣйствительно ли въ странѣ безъ кастъ и безъ законной аристократіи горе меньшей братіи можетъ возбуждать сочувствіе, волновать, вызывать состраданіе такъ же сильно, какъ невзгоды великихъ и богатыхъ міра сего? Могутъ ли, однимъ словомъ, слезы, проливаемыя внизу, заставить плакать такъ же, какъ и тѣ, что льются на верху?»

Вы видите по тону этихъ строкъ, что авторы совсѣмъ не выдаютъ себя за настоящихъ демократовъ; они—любознательные и смѣлые художники, желающіе спуститься внизъ; стало быть, признающіе, что между ними и сферой народной лежитъ большая пропасть. И нашлись во французской критикѣ голоса, не только указавшіе на эту пропасть, но и бросившіе упрёкъ Гонкурамъ въ томъ, что они, хотя, быть можетъ, и безсознательно, слишкомъ *очернили* народъ. Самый энергическій протестъ въ этомъ родѣ заявленъ былъ весьма симпатичнымъ французскимъ писателемъ и журналистомъ, Жюлемъ Кларти. Онъ находитъ, что мастерство авторовъ въ изображеніи судьбы ихъ героини не выкупаетъ черезъ-чуръ тяжелыхъ выводовъ, какіе каждый можетъ сдѣлать изъ романа. Онъ указываетъ на всѣ безъ исключенія лица изъ народа, дѣйствующія въ этой исторіи, какъ на

образцы самой грязной, отвратительной испорченности. Онъ не согласенъ признать такіе экземпляры типичными для характеристики народныхъ нравовъ. «Въ народѣ есть кое-что и кромѣ пороковъ, говоритъ онъ:—и далеко не всѣ рабочіе наполняютъ парижскіе кабачки и дешевые балы; масса проявляетъ, напротивъ, огромную выдержку въ борьбѣ съ безъисходною нуждой, въ неустанномъ преслѣдованіи своей трудовой цѣли!» И такой протестъ вызванъ былъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что сами авторы пожелали написать «демократическое произведеніе». Защитники народа, въ родѣ Жюля Кларети, признаютъ, что высокое мастерство авторовъ, ихъ смѣлая иниціатива сводятся скорѣй къ любопытству людей, «изучающихъ нравы тѣхъ *иностранцевъ*, которыхъ называютъ разнощиками и лакеями, изучаютъ въ качествѣ артистовъ, а также и медиковъ». Упрёкъ справедливъ въ значительной степени; но если изображеніе вѣрно, хотя и односторонне, авторы сдѣлали половину своего дѣла; они проложили путь, по которому другіе писатели, болѣе искренніе друзья народа, приступятъ къ болѣе широкому воспроизведенію народной жизни, гдѣ въ глаза читателя не будутъ метаться однѣ картины грязнаго разврата, эксплуатаціи въ родѣ той, какую всѣ мужчины изъ народа производили надъ несчастной Жермини Ласертё. Но развѣ и въ этой трагедіи не встаетъ опять передъ нами та же реальная мысль: натура женщины, исковерканная вслѣдствіе уродливости общественнаго быта? Ей нельзя было нормальнымъ и законнымъ путемъ удовлетворить своемъ страстному стремленію къ любви; она не могла во-время сдѣлаться женой; никто не позаботился поставить ее въ лучшую житейскую обстановку; она должна была весь свой вѣкъ заработывать гроши, какъ истый пролетарій, и безпрестанно нести крестъ самыхъ убійственныхъ униженій изъ-за одной минуты самообольщенія. Словомъ, она—такой же продуктъ отрицательныхъ сторонъ цивилизаціи, какъ и сестра Филомена; только ее загубилъ новый пролетаріатъ, а сестру Филомену—средневѣковая мистическая отрѣшенность отъ живой жизни.

Точно также, и въ третьемъ женскомъ этюдѣ, въ романѣ «Г-жа Жервезэ», мы видимъ богатую женскую натуру, прошедшую черезъ всѣ вліянія воинствующаго католицизма, черезъ всѣ нервные экстазы, въ которые бросилась женщина, не нашедшая въ своей жизни должнаго равновѣсія. Это—уже не религіозность сестры Филомены, не подчиненіе безусловному долгу. не тихая и скромная благочестивая «практика» монахини, а бурная эпопея женской души, входящей все болѣе и болѣе въ мистическія галлюцинаціи. Авторы выбрали рамкой католическій Римъ со всѣми его красотами, со всѣмъ аппаратомъ плѣнительнаго мистицизма, какой тревожная женская душа можетъ найдти въ этой колыбели получувственной, полусентиментальной религіозности. И опять мы видимъ, какъ разбивается цѣлое существованіе, гибнутъ лучшія силы и женщина перестаетъ быть матерью, не

[illegible] Къ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ серьёзный типъ прикованъ почти къ одной отрасли дѣятельности: къ лавкѣ, къ конторѣ, къ дѣловому бюро, почему французскіе моралисты парадоксальнаго оттѣнка, въ родѣ Дюма-сына, и говорятъ, что женщина во Франціи способна быть или лавочницей, или куртизанкой, или монахиней. Гонкуры взяли не общій типъ, но возможную во французской дѣйствительности личность и заставляютъ насъ признать ея возможность. Итакъ, г-жа Жервезэ еще молоденькой, прошла серьёзную школу умственнаго развитія, получила научное и широкое литературное образованіе, начала сама искать различныхъ исходовъ для своего умственнаго интереса и остановилась на философскихъ занятіяхъ, перечитала крупнѣйшихъ мыслителей и выбрала изъ нихъ ту группу философовъ, которые, въ новѣйшую эпоху европейскаго мышленія, выступили впервые съ требованіями бòльшей провѣрки метафизическихъ идей. Любимой ея философіей стала такъ-называемая шотландская школа мыслителей, и она выработала себѣ весьма опредѣленное міровоззрѣніе. Она не была послѣдо-

вательницей французскихъ сенсуалистовъ XVIII вѣка, не сдѣлалась позитивисткой въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но остановилась на среднемъ терминѣ, освободивъ себя совершенно отъ всякихъ религіозныхъ традицій и всего того, что составляетъ краеугольный камень воспитанія француженки. При такой замѣчательной первой молодости, ей слѣдовало бы, конечно, связать свою судьбу съ человѣкомъ, способнымъ понять ее и повести дальше по пути душевнаго развитія. Но она попадаетъ замужъ за самаго банальнаго француза съ виднымъ служебнымъ положеніемъ. Выходитъ она за него безъ любви, по желанію отца, захотѣвшаго передъ смертью упрочить вполнѣ ея будущность. Такой бракъ—весьма обыкновенное дѣло во Франціи. Десять лѣтъ оставалась г-жа Жервезэ бездѣтной и весь этотъ періодъ не переставала нравственно страдать, найдя въ своемъ мужѣ полнѣйшее ничтожество, полнѣйшую неспособность къ какимъ-нибудь высшимъ интересамъ. Сначала мужъ ея терпѣлъ ея превосходство, а потомъ сталъ раздражаться этимъ самымъ превосходствомъ и мучить ее безпрестанными придирками, упреками, непониманіемъ, злорадствомъ, всей той тираніей, на какую, въ подобномъ случаѣ, способенъ мелкій и завистливый человѣкъ. Она отводила душу только въ перепискѣ со своимъ младшимъ братомъ, которому давно замѣнила мать, учила его и слѣдила потомъ за всѣми его успѣхами въ жизни. Послѣ десятилѣтняго супружества явился у нея ребенокъ; но роды были несчастные, и мальчикъ родился съ головой, пострадавшей отъ щипцовъ акушера. Его мозгъ такъ туго дѣйствовалъ, что ребенокъ этотъ и пяти лѣтъ не могъ еще говорить, пораженъ былъ особаго рода косноязычіемъ и отсутствіемъ памяти, вся его нравственная жизнь уходила въ мимику лица, въ игру его глазъ и въ его жесты; натура его преисполнена была любовью къ матери, нѣжностью и впечатлительностью ко всѣмъ нравственнымъ вліяніямъ. Здоровье г-жи Жервезэ такъ разстроилось, что, по предписанію врача, она уѣхала жить въ Римъ съ сыномъ и преданной ей служанкой. Въ Римѣ и происходитъ весь романъ, тамъ онъ и начинается. Подробности ея предъидущей жизни, разсказанныя мною, вводятся авторомъ уже заднимъ числомъ въ различныхъ мѣстахъ римской жизни г-жи Жервезэ. Она пріѣхала пожить на свободѣ, возстановить свое здоровье, продолжать любимыя свои чтенія, переписываться съ братомъ. Тотчасъ послѣ того, какъ она устроилась, пишетъ она брату о томъ впечатлѣніи, какое впервые произвела на нее одна изъ католическихъ процессій, видѣнныхъ ею на улицѣ. При всей ея философской терпимости, она возмущена грубой чувственной оболочкой, бросившейся ей въ глаза въ этой церемоніи, и высказывается брату въ духѣ своихъ симпатій, пишетъ ему тономъ, показывающимъ, что свое направленіе, свои взгляды и принципы она считаетъ руководящими на всю свою жизнь. Тутъ авторъ вводитъ эту женщину въ цѣлый новый міръ. Римъ, какъ вѣчный городъ, какъ

драгоцѣнное хранилище искусства и многовѣковой культуры, начинаетъ, мало-по-малу, привлекать ее къ себѣ, и она отдается цѣлому ряду впечатлѣній, проходитъ черезъ нѣсколько періодовъ знакомства съ Римомъ, черезъ нѣсколько фазъ умственнаго и художественнаго интереса. Сначала природа, потомъ общая панорама города, потомъ искусство въ его античныхъ памятникахъ, и въ особенности скульптурѣ, привлекаютъ г-жу Жервезэ. Какъ женщина, привыкшая къ серьёзной работѣ, она все продѣлываетъ не слегка, не какъ поверхностная туристка, а какъ мыслитель и даже эрудитъ. Хотя она сдѣлала нѣсколько знакомствъ во французскомъ и итальянскомъ обществѣ, но времени ей было очень довольно, чтобъ предаться этой своеобразной, завлекательной жизни мыслящаго туриста, а нѣжность свою, свое материнское чувство изливать на несчастнаго ребенка. Авторы вдаются въ подробнѣйшія описанія стараго и новаго Рима, пригоняя свои картины, свои экскурсіи къ движенію психической жизни героини. Есть страницы поразительнаго мастерства, но виртуозность вездѣ слишкомъ чувствуется. Она чувствуется и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторы анализируютъ, шагъ за шагомъ, психологію героини, но дѣлаютъ это съ необычайной проницательностью, съ тонкимъ искуствомъ и съ такой серьёзностью замысла, какая и въ философскомъ сочиненіи была бы умѣстна. Читая главку за главкой, вы сами невольно втягиваетесь въ душевную жизнь этой своеобразной женщины и переживаете всю ея римскую эпопею день за днемъ. Г-жа Жервезэ перепробовала, какъ развитая женщина съ философскимъ фондомъ, рѣшительно все, что можетъ дать Римъ. Но мы знаемъ, что она не имѣла католическихъ вѣрованій и на памятники религіознаго искуства, на всю совокупность римскаго христіанства смотрѣла только съ художественной точки зрѣнія. Этотъ художественный интересъ началъ, однако, понемногу привлекать ее къ памятникамъ католическаго искусства; она стала любить захаживать въ римскія церкви, изучать ихъ характеръ, любоваться на архитектурные эффекты, на весь строй созерцательной жизни, выразившійся въ высокихъ творческихъ произведеніяхъ, а тѣмъ временемъ древнее пластическое искуство, въ которое она было такъ страстно ушла, перестало наполнять ее. Она и головой, и сердцемъ пришла къ тому выводу, что этотъ античный міръ сухъ, холоденъ, бездушенъ, что онъ не говоритъ ничего лучшимъ побужденіямъ современнаго человѣка. Какъ только она дошла до этого вывода, ее сталъ глодать червякъ того идеализма, который во время ея первой юности, не нашелъ себѣ должнаго, своевременнаго развитія. Отсюда до перехода къ религіозному настроенію былъ уже одинъ шагъ. Но такая женщина, какъ г-жа Жервезэ, не могла удариться прямо въ римскій католицизмъ, не пройдя предварительно черезъ цѣлую борьбу со своей интеллигенціей, со всѣмъ своимъ философскимъ прошлымъ. Она и стала бороться; но идеализмъ взялъ верхъ. Сначала она вложила въ новое свое

чувство остатки прежняго міровоззрѣнія, стараясь многое сгладить; откидывала то, противъ чего ея умъ, ея научныя познанія черезчуръ возставали; потомъ она ударилась въ тексты, въ теологическія изслѣдованія, въ букву догматовъ, прошла всѣ ступени отъ раціонализма вплоть до полной ортодоксальности. Но и это ея не удовлетворило; она начала жаждать особой созерцательной страсти, мистической жизни. Передъ этимъ періодомъ, живя лѣтомъ въ окрестностяхъ Рима, она столкнулась съ другой женщиной, моложе ея лѣтами, съ русской туристкой, которой авторы придаютъ весьма курьёзную фамилію: она называется у нихъ графиней Ломоносовой. Эта графиня Ломоносова уже перешла отъ православія къ католичеству и собиралась, какъ только ей минетъ тридцать лѣтъ, поступить въ духовный орденъ, извѣстный во Франціи подъ именемъ Sacré-coeur. Эта женщина или, лучше сказать, дѣвушка является совершенно эпизодическимъ лицомъ; но она, видимо, нужна была авторамъ какъ искра, которая заставила вспыхнуть въ сердцѣ г-жи Жервезэ пламя мистицизма. Вернувшись въ Римъ, она уже отдалась вполнѣ новымъ своимъ потребностямъ и стала искать съ болѣзненной страстностью все сильнѣйшихъ и сильнѣйшихъ мистическихъ ощущеній. Тутъ опять авторы, день за днемъ, проводятъ передъ нами картины нравственнаго разложенія, въ какое вдается несчастная женщина. Она умираетъ рѣшительно для всего, бросаетъ всякое общество, дѣлается равнодушной даже къ сыну, вдается въ суровое нелюдимство, отказываетъ себѣ во всемъ, живетъ въ грязной обстановкѣ, подпадаетъ подъ тираническое иго іезуитскихъ исповѣдниковъ, ищетъ сама такого руководителя своей совѣсти, который бы превратилъ ее въ нравственный трупъ, отнялъ у нея волю, всякіе помыслы, всякія желанія, малѣйшіе проблески свободы мысли, здоровыхъ инстинктовъ. Она и находитъ такого монаха-изувѣра, въ рукахъ котораго она превращается въ вещь, и послѣдній періодъ жизни ея представляетъ собой ужасающую картину душевной агоніи, проникнутой полнѣйшимъ мистическимъ равнодушіемъ ко всему земному вмѣстѣ съ *потерей* той страстной вѣры, того постояннаго блаженнаго настроенія, въ какомъ она передъ тѣмъ находилась цѣлые мѣсяцы. Эта характеристика, при всей своей виртуозности, достигаетъ у Гонкуровъ высокаго совершенства, и врядъ ли въ какой-нибудь литературѣ существуетъ подобный тончайшій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, колоритный анализъ разложенія души въ воздухѣ мистицизма. Быть можетъ, долгіе года еще промаялась бы г-жа Жервезэ въ такой агоніи, еслибъ чахотка не перерѣзала жизненной нити и не унесла ея быстрѣе всѣхъ изможденій плоти. Передъ ея смертью явился къ ней братъ, но не могъ уже воскресить ее къ другой жизни, и она умираетъ на аудіенціи у папы въ тотъ самый моментъ, когда готовилась принять его благословеніе. Эта смерть нѣсколько театральна и противорѣчитъ реализму всей книги.

Вы меня спросите, быть можетъ: но гдѣ же романъ? Гдѣ любовь или что-нибудь похожее на нее? Какіе эпизоды обставляютъ хотя подобіемъ внѣшней занимательности интимную жизнь этой женщины? Ничего подобнаго нѣтъ; и въ этомъ-то, по моему мнѣнію, заключается одно изъ существенныхъ достоинствъ произведенія. Братья Гонкуры не даромъ имѣютъ теперь въ серьёзной французской публикѣ репутацію *новаторовъ*, отыскивателей новыхъ путей, враговъ всевозможныхъ романическихъ общихъ мѣстъ. Весь романъ г-жи Жервезэ заключается въ томъ, что̀ я разсказалъ; поэтому подобному произведенію и не слѣдовало бы давать кличку *романа* въ обыкновенномъ смыслѣ. Это—талантливый психическій этюдъ, указывающій на возможность въ будущемъ такихъ произведеній, гдѣ всякія старыя традиціи теперешнихъ романовъ будутъ устранены. Второе достоинство «Г-жи Жервезэ» заключается въ томъ, что авторы, несмотря на то, что они сами—свободные мыслители, съ необычайной объективностью изображаютъ намъ нетолько внѣшнюю часть католицизма, но и все внутреннее содержаніе католической религіозности. Дальше по этому пути трудно двигаться. Вы не найдете ни единаго слова, ни одного намека, штриха, показывающаго, что авторы хотятъ выгородить самихъ себя, отрекомендовать себя читателямъ, какъ людей, стоящихъ неизмѣримо выше того, что̀ они описываютъ и разсказываютъ; а между тѣмъ, конечное впечатлѣніе — тяжелое, мрачное, возмутительное, вооружающее противъ всякаго изувѣрства. Видимая, осязательная цѣль авторовъ: дать каждому читателю хотя вчужѣ почувствовать, ка̀къ сильно можетъ дѣйствовать этотъ католическій Римъ даже и на такія женскія личности, какъ г-жа Жервезэ; изъ какой совокупности природы, искуства, картинности, всяка́го рода созерцательныхъ и чувственныхъ мотивовъ состоитъ этотъ громадный міръ; въ чемъ его тайна и часто могущественное дѣйствіе на интимную жизнь людей, ищущихъ, какъ г-жа Жервезэ, чего-нибудь крупнаго, всепоглощающаго, абсолютнаго, такого, куда можно уйти безповоротно. И это имъ, въ значительной степени, удалось. Ихъ авторское поведеніе до такой степени безукоризненно, что иной читатель, кончивъ романъ, будетъ даже негодовать на нихъ за то, что они слишкомъ объективно изобразили весь міръ католическаго мистицизма. Такой читатель, быть можетъ, и не пойметъ внутренняго тайнаго протеста, заключающагося въ произведеніи. Для меня протестъ этотъ ясенъ, и я думаю, что вы согласитесь съ моимъ объясненіемъ.

Г-жа Жервезэ, хотя и не особенно рельефно выступаетъ въ романѣ, какъ физіономія, какъ бытовая фигура, все-таки, она — возможная во Франціи женщина. Воспитаніе ея и школа, черезъ которую она прошла, показываютъ намъ, что французская женщина способна, сама по себѣ, на совершенно такой же уровень развитія, какого достигаютъ и лучшіе фран-

цузы. Чего недоставало, однако, въ ея развитіи? Своевременнаго элемента теплой идеальности. Дѣвушкой она жила, какъ младшій товарищъ своего отца-республиканца и мыслителя. Матери у нея почти не было, она недостаточно дышала воздухомъ нѣжности, не отдала дани воображенію, не прошла черезъ потребности, сказывающіяся въ цѣломъ рядѣ идеалистическихъ порывовъ. Умъ развился широко и блестяще и держалъ ее подъ своимъ контролемъ вплоть до того момента, когда неудовлетворенная сторона души, попавъ въ благопріятную обстановку, произвела душевный переворотъ. Но односторонность развитія г-жи Жервезэ могла бы и не дать такого результата, даже и въ римской обстановкѣ, еслибы въ ея жизни не случилось главной бѣды, главнаго несчастія массы француженокъ—неравнаго брака, отсутствія нравственной супружеской жизни, отсутствія горячей любви между мужемъ и женой, отсутствія пониманія, общности интересовъ и стремленій. Вотъ что̀ авторы, безъ всякой преднамѣренности, показываютъ намъ на поразительномъ примѣрѣ г-жи Жервезэ. Представьте себѣ, что та же женщина прожила десять лѣтъ съ мужемъ, равнымъ ей по нравственнымъ качествамъ; развивая въ себѣ привязанность къ нему, проникалась общностью интересовъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Развѣ такая женщина, да еще съ материнской любовью и при солидномъ образованіи, имѣла бы возможность предаться мистицизму послѣ цѣлаго ряда порываній, такъ талантливо охарактеризованныхъ авторами, къ какому-нибудь умственному идеалу, не имѣющему прямой связи съ ея жизнью? Другими словами: г-жа Жервезэ совсѣмъ почти не жила въ нормальныхъ условіяхъ. Мозгъ пересилилъ у нея другія отправленія, онъ же загубилъ и ея сердце, не по собственной винѣ, а потому, что мозговая дѣятельность не сливалась постоянно съ жизненными интересами. И выходитъ, что судьба г-жи Жервезэ есть еще одно изъ безчисленныхъ доказательствъ печальнаго супружескаго строя во Франціи. Казалось бы, подобный этюдъ долженъ былъ во Франціи-то и заставить встрепенуться читающую публику, а между тѣмъ, послѣдній романъ Гонкуровъ, самое серьёзное ихъ произведеніе, успѣха не имѣлъ. Его нашли слишкомъ голымъ, сухимъ, одностороннимъ, написаннымъ съ претензіей. Близкіе пріятели авторовъ говорятъ даже, что старшій братъ, Жюль, былъ такъ пораженъ неуспѣхомъ «Г-жи Жервезэ», что преждевременно умеръ отъ душевнаго недовольства.

У Гонкуровъ, стало быть, мы находимъ художественные пріемы, по преимуществу: при всей виртуозности, они желаютъ быть правдивыми и артистичными въ своей работѣ, а жизнь не пугаетъ ихъ, и они вовсе не заботятся о томъ, чтобы, по извѣстнымъ рецептамъ, добродѣтель была награждена, а порокъ наказанъ. Эта смѣлость много вредила имъ и повредила въ особенности тогда, когда они поставили на «Французскомъ театрѣ»

*

комедію «Генріетта Марешаль», гдѣ сюжетъ заключалъ въ себѣ не мало реальныхъ смѣлостей. Комедія эта упала съ перваго же представленія. Молодежь Латинскаго Квартала въ особенности постаралась освистать ее. Въ этомъ протестѣ молодежи была и симпатичная сторона: Гонкуры слыли за посѣтителей салона двоюродной сестры императора и были заподозрѣны въ бонапартизмѣ. Пьеса такъ и не могла подняться, но она сдѣлала то, что имя Гонкуровъ, до тѣхъ поръ мало извѣстное, несмотря на то, что они написали уже нѣсколько замѣчательныхъ вещей, вдругъ разнеслось по всему Парижу, а слѣдовательно и по всей Франціи. Ими заинтересовались, начали ихъ читать зàново, и критика, въ лицѣ самыхъ видныхъ своихъ представителей, признала, что имѣетъ въ нихъ дѣло съ настоящими художниками-реалистами; а теперь, когда ожидаютъ новаго полнаго собранія ихъ сочиненій, когда кончина одного изъ нихъ привлекла еще бóльшую симпатію къ оставшемуся въ живыхъ брату, репутація Гонкуровъ такъ поднялась, что, послѣ Флобера, ихъ считаютъ крупнѣйшими романистами современной реальной школы.

Изъ трехъ женскихъ этюдовъ, указанныхъ мною, какой является самымъ реальнымъ, самымъ смѣлымъ по своему замыслу и выполненію? Конечно, «Жермини Ласертё». И французская критика останавливается на этой личности, занимается ею преимущественно даже и тогда, когда заподозрѣваетъ искренность демократическаго чувства, руководившаго авторомъ, какъ мы это видѣли въ рецензіи Жюля Кларти. Этотъ романъ и при появленіи его заинтересовалъ гораздо больше литературный міръ, чѣмъ остальные этюды братьевъ Гонкуръ. Его сейчасъ начали сравнивать съ «Г-жей Бовари», и нѣкоторая доля публики находила, что Гонкуры ушли дальше Флобера, что ихъ героиня — гораздо болѣе жертва, чѣмъ героиня Флобера; что она энергичнѣе борется; что она возбуждаетъ, вообще, несравненно сильнѣйшую жалость, а, стало быть, и впечатлѣніе, производимое романомъ, болѣе морализируетъ, чѣмъ «Г-жа Бовари». Но приведенный мною рецензентъ съ этимъ не согласенъ, и его замѣчанія я считаю вѣрными и думаю, что вы, припомнивъ оба романа, станете скорѣе на сторону Флобера. Въ «Жермини Ласертё» авторы, несомнѣнно, занимаются гораздо болѣе физіологіей, чѣмъ психологіей; ихъ реализмъ дѣйствуетъ всего сильнѣе въ области инстинктовъ и чувственныхъ побужденій, они не поднимаются до настоящей творческой сферы, присущей художественному роману, или дѣлаютъ это только стороной, отчасти, въ нѣкоторыхъ эпизодахъ. Жермини, конечно — жертва въ томъ смыслѣ, какъ я указалъ выше, но послѣдовательныя ступени ея паденія проявляютъ собою гораздо больше игру инстинктовъ, чѣмъ душевныхъ свойствъ. Гонкуры любятъ копаться во всемъ, что̀ составляетъ чисто матеріальную долю дѣйствительности; они ищутъ самыхъ характерныхъ чертъ паденія своей

героини и, съ особой точностью, доходящей почти до педантизма, описываютъ всевозможные виды страданія тѣла, его униженій, его агоніи, его трагической безпомощности. И не въ одной «Жермини Ласертё» находите вы этотъ видъ реализма, а, болѣе или менѣе, во всѣхъ романахъ Гонкуровъ. Въ «Сестрѣ Филоменѣ», какъ я уже отчасти замѣтилъ, госпиталь со всѣми своими тяжелыми подробностями изображенъ такъ, что заслоняетъ почти собой интересъ, возбуждаемый душевной жизнью героини. Такъ точно и въ другихъ романахъ, въ особенности въ «René Mauperin», они вдаются въ описаніе всего, что только отзывается болѣзнью тѣла, операціями, смертью, обстановкой клиники и сумасшедшаго дома. Въ этой спеціальности они не знаютъ себѣ равныхъ; но вникните вы въ сущность такого реализма и вы должны будете сознаться, что онъ держится почти исключительно чувственной стороны человѣческой жизни и, при одностороннемъ развитіи, могъ бы легко привести авторовъ къ потерѣ художественнаго равновѣсія, къ произведеніямъ, гдѣ физіологія и патологія царствовали бы безусловно. Поэтому-то и нельзя согласиться, возвращаясь опять къ «Жермини Ласертё», что она, какъ литературный типъ, какъ творческій образъ, стоитъ выше «Г-жи Бовари» съ точки зрѣнія психологическаго замысла и нравственнаго вывода. Не забудемъ, что г-жа Бовари, какова бы она ни была—нетолько безсознательный продуктъ своей натуры, воспитанія и среды, но она представляетъ собой и поиски идеала, между тѣмъ, какъ Жермини скорѣе—чувственный аппетитъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, что героиня Флобера, попади она въ руки человѣка, который въ состояніи былъ бы преобладать надъ нею, которымъ бы она справедливо гордилась, могла бы, и даже очень легко, остаться честной женщиной, между тѣмъ, какъ Жермини, въ силу своей нервной патологіи, идетъ прямо къ гибели даже и тогда, когда она стоитъ въ исповѣдальнѣ и обливается слезами. Самый конецъ «Г-жи Бовари» имѣетъ въ себѣ нѣчто дѣйствительно—трагическое, нѣчто связанное съ міромъ ея порываній къ идеалу: въ немъ сказывается стремленіе къ жизни высшаго порядка, хотя поводъ и былъ матеріальный, денежный; а Жермини, еслибы авторы еще продолжили ея исторію, должна была бы кончить грязной профессіей воровки, не имѣющей даже настолько характера или, лучше сказать, идеала, чтобы прервать нить своей презрѣнной жизни, чтобы вырваться изъ когтей унижающаго ее истерическаго инстинкта. Поэтому, и слѣдуетъ признать, что Гонкуры, пойдя очень далеко въ пріемахъ реалистической работы, все-таки, не поднялись, въ самой реальной изъ своихъ женскихъ фигуръ, до того высшаго творчества, образцомъ котораго можетъ служить произведеніе Флобера.

Братья Гонкуръ, какъ мы видѣли, пришли къ своеобразному реализму, предварительно изощривъ свой умъ на вещахъ тонкихъ, изящныхъ, развивъ въ себѣ артистическое чутье, сдѣлавъ

комедію «Генріетта Марешаль», гдѣ сюжетъ заключалъ въ себѣ не мало реальныхъ смѣлостей. Комедія эта упала съ перваго же представленія. Молодежь Латинскаго Квартала въ особенности постаралась освистать ее. Въ этомъ протестѣ молодежи была и симпатичная сторона: Гонкуры слыли за посѣтителей салона двоюродной сестры императора и были заподозрѣны въ бонапартизмѣ. Пьеса такъ и не могла подняться, но она сдѣлала то, что имя Гонкуровъ, до тѣхъ поръ мало извѣстное, несмотря на то, что они написали уже нѣсколько замѣчательныхъ вещей, вдругъ разнеслось по всему Парижу, а слѣдовательно и по всей Франціи. Ими заинтересовались, начали ихъ читать заново, и критика, въ лицѣ самыхъ видныхъ своихъ представителей, признала, что имѣетъ въ нихъ дѣло съ настоящими художниками-реалистами; а теперь, когда ожидаютъ новаго полнаго собранія ихъ сочиненій, когда кончина одного изъ нихъ привлекла еще бо̀льшую симпатію къ оставшемуся въ живыхъ брату, репутація Гонкуровъ такъ поднялась, что, послѣ Флобера, ихъ считаютъ крупнѣйшими романистами современной реальной школы.

Изъ трехъ женскихъ этюдовъ, указанныхъ мною, какой является самымъ реальнымъ, самымъ смѣлымъ по своему замыслу и выполненію? Конечно, «Жермини Ласертё». И французская критика останавливается на этой личности, занимается ею преимущественно даже и тогда, когда заподозрѣваетъ искренность демократическаго чувства, руководившаго авторомъ, какъ мы это видѣли въ рецензіи Жюля Кларти. Этотъ романъ и при появленіи его заинтересовалъ гораздо больше литературный міръ, чѣмъ остальные этюды братьевъ Гонкуръ. Его сейчасъ начали сравнивать съ «Г-жей Бовари», и нѣкоторая доля публики находила, что Гонкуры ушли дальше Флобера, что ихъ героиня — гораздо болѣе жертва, чѣмъ героиня Флобера; что она энергичнѣе борется; что она возбуждаетъ, вообще, несравненно сильнѣйшую жалость, а, стало быть, и впечатлѣніе, производимое романомъ, болѣе морализируетъ, чѣмъ «Г-жа Бовари». Но приведенный мною рецензентъ съ этимъ не согласенъ, и его замѣчанія я считаю вѣрными и думаю, что вы, припомнивъ оба романа, станете скорѣе на сторону Флобера. Въ «Жермини Ласертё» авторы, несомнѣнно, занимаются гораздо болѣе физіологіей, чѣмъ психологіей; ихъ реализмъ дѣйствуетъ всего сильнѣе въ области инстинктовъ и чувственныхъ побужденій, они не поднимаются до настоящей творческой сферы, присущей художественному роману, или дѣлаютъ это только стороной, отчасти, въ нѣкоторыхъ эпизодахъ. Жермини, конечно — жертва въ томъ смыслѣ, какъ я указалъ выше, но послѣдовательныя ступени ея паденія проявляютъ собою гораздо больше игру инстинктовъ, чѣмъ душевныхъ свойствъ. Гонкуры любятъ копаться во всемъ, что̀ составляетъ чисто матеріальную долю дѣйствительности; они ищутъ самыхъ характерныхъ чертъ паденія своей

изъ себя знатоковъ и любителей искуства вообще и даже спеціалистовъ по самому блистательному времени, какое элегантная Франція пережила въ исторіи, т. е. по XVIII-му вѣку. Поэтому, они принесли въ дань реальному роману свою утонченную интеллигенцію, свои художническіе вкусы и способности къ наблюденію всевозможныхъ деталей, къ артистическому воспроизведенію всякихъ оттѣнковъ и штриховъ. Въ нихъ — люди изящнаго ума и развитаго вкуса, съ теченіемъ времени, отдали себя совершенно въ услуженіе принципу почти научной точности, которая и въ произведеніяхъ Флобера, а еще дальше: у Бальзака и у Стендаля начала играть такую важную роль. Для этой точности и для полноты изображенія они жертвовали также и условными формами языка, они стали писать совершенно особенно, не заботясь нисколько о легкости, гладкости своего стиля, употребляя такія именно словà, какія имъ нужны и даже по нѣсколько разъ въ одномъ предложеніи. Они старались о томъ, чтобы мельчайшія подробности, самыя тонкія ощущенія были передаваемы соотвѣтственнымъ наборомъ словъ или однимъ выраженіемъ, въ которое они влагали, въ данномъ случаѣ, всю суть ощущеній, оттѣнковъ или штриховъ. И въ этомъ смыслѣ они сдѣлались настоящими виртуозами, выработали изъ себя мастеровъ языка, приспособленнаго, главнымъ образомъ, къ цѣлямъ реальнаго творчества.

Но мы знаемъ, что, кромѣ Гонкуровъ, и другіе молодые писатели, начинавшіе съ легкихъ очерковъ, съ наблюденій фривольныхъ сторонъ парижской жизни, или же съ опытовъ поэтической фантазіи, приходили, все-таки, къ весьма здоровому реализму, влагая въ него, каждый по своему, особенности своего дарованія.

Изъ такихъ новѣйшихъ реалистовъ, принадлежащихъ, по времени своего писательства, къ тому же періоду, какъ и братья Гонкуръ, мы должны отнести и Дроза. Имя его небезъизвѣстно русской публикѣ. Его лучшія вещи, вѣроятно, читались очень многими по-французски, существуютъ и въ русскомъ переводѣ. Дрозъ сначала ограничилъ свою наблюдательность легкими сферами свѣтской парижской жизни, выработалъ себѣ чрезвычайно милый языкъ съ пріятнымъ юморомъ, и проявилъ въ небольшихъ своихъ этюдахъ своеобразный умъ, отмѣчающій вездѣ всевозможные мотивцы современной суеты, безъ претензіи на глубокія мысли, но съ несомнѣннымъ чувствомъ правды и съ той долей сатиры, которая не мѣшаетъ объективному изображенію. Публика нашла всѣ эти свойства въ его извѣстной книжкѣ: «M-r, M-me et bébé» и въ другихъ вещахъ того же рода. Казалось бы, Дрозъ, разъ избравши себѣ эту спеціальность, рисковалъ остаться въ ней, какъ тѣ даровитые рисовальщики, которые весь свой вѣкъ будутъ доставлять рисунки для первой страницы изданій въ родѣ «Journal amusant». Въ другую эпоху, напримѣръ, лѣтъ сто тому назадъ, такой писатель, какъ Дрозъ,

по всей вѣроятности, ограничился бы легкими этюдами; но въ нашу эпоху, даже и въ такомъ центрѣ, какъ Парижъ, гдѣ множество соблазновъ со стороны легкости нравовъ, модной, дешевой популярности, человѣкъ съ задатками серьёзной работы непремѣнно придетъ къ чему-нибудь болѣе крупному. И Дрозъ, дѣйствительно, пришелъ къ нему, написавши романъ, гдѣ лучшія традиціи французскаго реализма сразу же сказались и дали автору почтенное мѣсто среди современныхъ французскихъ реалистовъ. Вы припомните, что романъ этотъ явился около пяти лѣтъ тому назадъ, какъ разъ въ то время, когда другой молодой реалистъ, о которомъ я буду говорить въ третью бесѣду, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ произведеній, представляющихъ собой эпопею нашей эпохи. Романъ Дроза «Баболенъ» былъ тотчасъ же переведенъ и по-русски, и мнѣ нѣтъ надобности вдаваться въ детальный анализъ его сюжета. Я ограничусь только тѣмъ, что укажу, къ какому роду реализма должно быть приписано это произведеніе, какой шагъ впередъ представляетъ оно собой въ общемъ движеніи, интересующемъ насъ. По писательской манерѣ, «Баболенъ» не обличаетъ никакой преднамѣренной виртуозности; онъ не показываетъ, что авторъ желалъ непремѣнно заявить себя оригинальнымъ стилистомъ, ловкимъ мастеромъ въ дѣлѣ рисовки характеровъ. Дрозъ нарочно выбралъ форму автобіографическую и, создавъ лицо главнаго героя, говоритъ его языкомъ, т. е. языкомъ человѣка, сложившагося въ эпоху французскаго идеализма, хотя онъ и занимался постоянно точною наукой. Наивность, доходящая почти до жалкой крайности, доброта, вѣра въ людей, вѣра въ свои идеалы, способность отрѣшаться совершенно отъ личныхъ интересовъ—вотъ что̀ сказывается въ каждомъ словѣ автобіографіи бѣднаго чудака, котораго судьба связала съ бездушной женщиной и довела до нищеты, до поруганія, до глубочайшей трагедіи, какая только можетъ происходить въ душѣ такой личности. Читая романъ, вы, конечно, испытывали минутами нѣкоторое утомленіе отъ его тускловатаго колорита и всѣхъ этихъ изліяній идеалиста, вдающагося все болѣе и болѣе въ печальный самообманъ; но въ этомъ-то и заключается, по моему, настоящее достоинство автора, какъ реальнаго писателя. Онъ желалъ, прежде всего, правды. Разъ задумавши своего «Баболена» со всей совокупностью его душевнаго склада, онъ могъ бы, обладая милымъ, блестящимъ умомъ, легкой, фельетонной манерой, гораздо больше забавлять читателя, разнообразить его внѣшнія впечатлѣнія, ввести въ разсказъ множество пикантныхъ эпизодовъ и т. д. Но ничего этого онъ не захотѣлъ сдѣлать и, шагъ за шагомъ, капля за каплей, доводитъ васъ къ концу романа до того, что вы сливаетесь съ личностью Баболена, вы страдаете вмѣстѣ съ нимъ, и его жалкая смерть вызываетъ въ васъ самые лучшіе порывы человѣческой симпатіи, самый великодушный протестъ, на какой только способенъ читатель во имя нравственной правды и спра-

ведливости. Тутъ ужь нельзя никому упрекнуть реализмъ въ томъ, что онъ занимается физіологіей, а не душевнымъ міромъ человѣка, что онъ копается въ болячкахъ тѣла, въ его инстинктахъ, въ его чувственной распущенности. Тутъ все — идея, чувство, принципъ вмѣстѣ съ дисгармоніей въ душевныхъ свойствахъ человѣка, т. е.—какъ мы имѣемъ это въ Баболенѣ: съ мягкостью характера, отсутствіемъ извѣстнаго развитія воли или неимѣніемъ въ умственномъ складѣ нѣкоторыхъ сторонъ, помогающихъ намъ находить желанное равновѣсіе и защищать себя въ жизни отъ разнаго рода опасностей. И замѣтьте это: при всей исключительности душевной жизни Баболена, несмотря на форму автобіографіи, несмотря на то, что онъ постоянно долженъ говорить о себѣ самомъ, все-таки жизнь героя переплетена съ окружающей его средой, она, по пріемамъ творчества, не противорѣчитъ требованіямъ хорошаго реализма, хотя, конечно, не представляетъ собой такого сочетанія душевнаго анализа съ картинами текущей жизни, какъ у Флобера. Баболенъ, нѣсколько исключительный характеръ, но вовсе не сочиненный; онъ не вырванъ изъ чужой дѣйствительности, и его трагическая судьба есть прямой результатъ того хищничества, той испорченности, какими переполнена свѣтская и буржуазная жизнь современной Франціи. Авторъ не можетъ выдумывать людей, представляющихъ собой большинство; а прикосновеніе къ такимъ людямъ должно, роковымъ образомъ, привести всякаго такого идеалиста, какъ Баболенъ, къ жалкому исходу, если онъ во-время не догадается съ какими хищными звѣрями имѣетъ онъ дѣло. Въ каждомъ хищническомъ обществѣ, человѣкъ, преданый идеѣ, не живущій своими себялюбивыми инстинктами, наклонный по натурѣ къ великодушію и самоотверженности, заранѣе обреченъ на закланіе. Но этого еще мало; авторъ, быть можетъ, не желая того, показалъ намъ: какъ отрѣшенность отъ жизни, книжность должны непремѣнно вести къ подобнымъ разультатамъ, даже въ людяхъ съ прекраснѣйшими задатками. Гармонія и тутъ нарушена. Мы не можемъ осуждать за это несчастнаго Баболена, но не въ состояніи и не признать факта этого отсутствія равновѣсія въ душевномъ развитіи такого хорошаго человѣка. Кто способенъ нѣсколько поглубже взглянуть на подобную автобіографію, тотъ увидитъ въ ней какъ бы символъ общаго культурнаго движенія французской націи: маленькая кучка идеалистовъ, воспитавшихся почти исключительно на извѣстныхъ принципахъ, формулахъ, идеалахъ, вѣрованіяхъ, и масса, живущая до сихъ поръ инстинктами, интересами и побужденіями, развившимися совершенно *внѣ міра идей.* Поэтому, каждый двадцатилѣтній періодъ приноситъ намъ картины неурядицы, гдѣ жертвами прежде всего падаютъ люди односторонніе, слишкомъ далеко зашедшіе въ область идеаловъ.

Другой талантъ, также молодой, свѣжій, но съ инымъ оттѣнкомъ, пришелъ къ реальному роману, начавши поэтическими

опытами. Имя Альфонса Додэ стало извѣстно въ самое послѣднее время. Какъ романистъ, онъ, можно сказать, существуетъ только два-три года. Съ русской публикой его познакомилъ тотъ же художникъ-критикъ, которому мы обязаны прекрасными характеристиками Флобера и братьевъ Гонкуръ. Сдѣлалось это почти на-дняхъ, такъ что физіономія Альфонса Додэ, какъ писателя, представляетъ для русской публики совершенную новость; а между тѣмъ, его репутація во Франціи стоитъ теперь выше извѣстности остальныхъ молодыхъ, начинающихъ писателей реальной школы. Онъ добился этого однимъ романомъ, который, несмотря на безпощадность своего реализма, былъ увѣнчанъ чопорной и классической «Французской Академіей», что̀ случается чрезвычайно рѣдко, и въ періодъ времени какихъ-нибудь двухъ лѣтъ пережилъ болѣе дюжины изданій. Теперь Альфонсъ Додэ, поощренный такимъ блистательнымъ успѣхомъ, пойдетъ, по всей вѣроятности, по дорогѣ романиста; но первый періодъ его писательства былъ посвященъ другимъ родамъ. Онъ уже довольно много ставилъ драматическихъ произведеній: и небольшихъ одноактныхъ пьесъ, и болѣе значительныхъ произведеній и на литературныхъ сценахъ Парижа: Одеонѣ, «Французской Комедіи», и на бульварныхъ. Его давно замѣтили, какъ сценическаго писателя съ талантомъ, съ поэтическимъ колоритомъ; но прочной репутаціи онъ себѣ не составилъ, какъ драматургъ, и піеса, куда онъ вложилъ всю свою оригинальность, потерпѣла даже совершенное крушеніе. Но не театръ привелъ его къ роману, а другіе его опыты, именно: маленькіе полуфантастическіе очерки въ сказочной формѣ, къ которымъ онъ перешелъ послѣ стихотворныхъ опытовъ. Стихотворцемъ по профессіи онъ не остался, но поэтичность свою сохранилъ и развилъ. Если въ Гонкурахъ и въ Дрозѣ мы имѣемъ парижанъ по преимуществу, людей анализа и умственной тонкости разсудочнаго характера, то Додэ—дитя юга, воспитанный подъ впечатлѣніемъ теплой, разнообразной, поэтической природы, съ веселымъ, игривымъ темпераментомъ, полнымъ того свойства, которое нѣмцы называютъ «жизнерадостность». Такимъ онъ явился въ Парижъ добиться удачи, не переставалъ жить жизнью артиста, богемы, прирожденнаго поэта, и сталъ заработывать себѣ насущный хлѣбъ, не утомляя себя, вкладывая свои замыслы въ форму стихотвореній, а впослѣдствіи—оригинальныхъ и милыхъ сказокъ, гдѣ фантазія переплетается съ искренностью чувства, часто съ юморомъ и всегда съ яснымъ пониманіемъ жизни. Рядъ мелкихъ произведеній въ прозѣ, проникнутыхъ удачной смѣсью воображенія и дѣйствительности, помогъ Додэ выработать свою писательскую манеру, и онъ въ состояніи былъ, перейдя къ рамкѣ настоящаго романа, явиться большимъ мастеромъ во всеоружіи своего свѣжаго и яркаго таланта. Жизнь въ Парижѣ развила его наблюдательность, но не заставила его утратить поэтическое чутье, и тотъ колоритъ, который онъ при-

даетъ всѣмъ своимъ мыслямъ, своей манерѣ обращаться съ людьми, съ событіями, положеніями. Всѣ эти особенности вылились какъ разъ въ томъ романѣ, который получилъ въ одинъ годъ огромную извѣстность и обезпечилъ автору дальнѣйшій успѣхъ. Его заглавіе уже прямо показываетъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ совершенно реальною почвой. Авторъ выбралъ простую промышленную фирму: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій». Это—два компаньона обойной фабрики. Черезъ нихъ мы вступаемъ въ міръ парижской буржуазіи, воскресшей опять подъ перомъ автора съ такимъ же богатствомъ подробностей, къ какому пріучилъ Бальзакъ во множествѣ романовъ изъ той же сферы, но не 60-хъ, а 30-хъ годовъ. Тутъ передъ нами течетъ дѣйствительность вчерашняго дня въ центрѣ торговаго и промышленнаго парижскаго квартала, въ такъ называемомъ Болотѣ (Marais). Интимная драма не избѣжала роковой необходимости вращаться около супружеской невѣрности. Этого мотива ни одинъ французскій реалистъ избѣгнуть не въ состояніи. Невѣрная жена—самый полный типъ во всемъ романѣ; она, съ головы до пятокъ, дитя парижской дѣйствительности: родившись въ мелкомъ буржуазномъ семействѣ отъ матери—доброй кумушки и отъ отца—тунеядца, весь свой вѣкъ игравшаго фальшивую роль человѣка бойкаго, способнаго составить себѣ большое состояніе, но не имѣвшаго ни въ чемъ удачи, она прошла черезъ модную мастерскую и развила въ себѣ тотъ видъ ѣдкаго, остраго хищничества, какой ведетъ каждую увріерку, каждую дочь обѣднѣвшихъ родителей къ изысканію лазейки, черезъ которую она могла бы попасть въ міръ матеріальнаго довольства и удовлетворить всѣмъ своимъ инстинктамъ. Сосѣдство богатыхъ буржуа, постоянная зависть высушиваютъ ее съ дѣтскихъ лѣтъ и превращаютъ въ образцовый порочный организмъ, въ которомъ легкомысліе гризетки перемѣшано съ бездушіемъ и сухостью дѣльца.

Такова самая значительная фигура романа, эта пикантная, шумная, плотоядная Сидонія, на которой добрякъ Рислеръ, одинъ изъ компаньоновъ фирмы, женится, зажмуривъ глаза на свое ближайшее будущее. Трудно сказать, къ какому виду паденія неспособна подобная женщина. Въ предѣлахъ небольшаго романа она продѣлала рѣшительно все, что только можно вообразить въ рамкахъ буржуазной дѣйствительности. Она влюбила въ себя брата своего будущаго мужа, потомъ его бросила, потомъ вышла замужъ за старшаго, чтобъ попасть въ тотъ самый домъ, который питалъ въ ней хищническую зависть, сдѣлалась возлюбленной мужа своей пріятельницы, осыпавшей ее постоянно всякаго рода вниманіемъ и дружескими услугами, раззорила и своего возлюбленнаго и, вмѣстѣ съ нимъ, мужа, довела солидный промышленный домъ до банкротстваа, несчастнаго Рислера—до самоубійства, уморивъ предварительно отъ тоски другую свою пріятельницу; у той она отняла сердце первой своей мужской

жертвы, брата своего мужа, котораго, во второй разъ, уже замужней женщиной, довела до связи съ собой, чтобъ имѣть противъ него оружіе, когда онъ вздумалъ раскрыть всѣ ея гадости. Какъ видите, программа ужасающая, и во всемъ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія. Вы читаете, и самая заурядная правда, самая обычная дѣйствительность мечутся вамъ въ глаза. Эта Сидонія, это привлекательное чудовище, въ концѣ концовъ, дѣйствуетъ безсознательно; она не можетъ иначе поступать по всему складу своей натуры, по всему своему прошедшему; она—болячка цѣлаго общественнаго строя, а ея успѣхъ, ея обаятельность, опять-таки, даны культурой того громаднаго города, гдѣ она родилась. Авторъ безъ малѣйшей натяжки показываетъ, въ лицѣ этой Сидоніи, ка̀къ типъ продажной женщины, типъ новѣйшей гетеры, овладѣлъ уже нетолько великосвѣтскою, но и буржуазною средой. Сидонія—одна изъ характерныхъ разновидностей общественнаго паразита, какой, по полумистической теоріи Дюма-сына, предназначается къ тому, чтобъ пожрать все недостойное существовать на землѣ. Но вы видите, что этотъ паразитъ пожираетъ въ томъ міркѣ, куда ввелъ насъ авторъ, нетолько недостойное существовать, но и все честное, самоотверженное, добродѣтельное. Такова главная сущность романа Додэ; но я не могу передать вамъ особаго обаянія, производимаго манерой автора. Оригинальность этой манеры заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что авторъ, не вторгаясь въ разсказъ въ формѣ разсужденій, комментаріевъ, возгласовъ, патетическихъ или сатирическихъ тирадъ, постоянно бесѣдуетъ съ дѣйствующими лицами въ какомъ-то полушутливомъ, полуфантастическомъ тонѣ, имѣющемъ несомнѣнную прелесть и очень мало нарушающемъ общій реальный колоритъ романа. Прежній сказочникъ остается вѣренъ своей натурѣ и привычкамъ, и способенъ бесѣдовать нетолько съ лицами, но и съ вещами и съ впечатлѣніями картинъ; онъ олицетворяетъ извѣстные факты обыденной жизни, связанные съ душевными волненіями людей. Чтобъ вамъ показать наглядно, что̀ это такое, я остановлюсь на одной главѣ романа, которая посвящена такъ называемой *échéance*, т. е. сроку по вексельнымъ платежамъ. Эту «échéance» Додэ превращаетъ въ маленькаго демона, въ какое-то фантастическое, зловѣщее существо, которое, по своему, мучаетъ людей въ различныхъ сферахъ, во всевозможныхъ житейскихъ обстановкахъ. Передъ всѣми оно встаетъ въ одинъ и тотъ же моментъ и нашептываетъ имъ въ ухо все, что̀ несчастные должны испытывать, чувствуя и въ себѣ, и вокругъ себя полную невозможность удовлетворить долговому обязательству. Согласитесь, что этотъ пріемъ чрезвычайно милый и поэтическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нетолько не оторванъ отъ дѣйствительности, а прикованъ къ ней тяжелыми цѣпями. Подобное вторженіе авторской фантазіи, юмора и грустнаго чувства разнообразитъ впечатлѣніе читателя, освѣжаетъ его, расчищаетъ воздухъ слишкомъ тяже-

лой и, подчасъ, слишкомъ банальной дѣйствительности. Можно прямо сказать, что безъ этого полуфантастическаго элемента реальной правды романъ совершенно измучилъ бы васъ своей безотрадностью. Но не подумайте, чтобъ Додэ злоупотреблялъ поэтическимъ даромъ сказочника; онъ показалъ въ этомъ необыкновенный тактъ, чутье, чувство мѣры. Общее теченіе разсказа, характеристика лицъ, положеній, подробностей—все это реально въ самомъ лучшемъ, художественномъ смыслѣ слова, притомъ не тяжело, не расплывчато, а бойко, весело, добродушно, а, когда нужно, съ оттѣнкомъ горькаго, но блестящаго юмора. Если про другихъ реалистовъ можно сказать, что они черезчуръ объективны, что они оставляютъ читателя слишкомъ съ глазу на глазъ съ дѣйствующими лицами; то Додэ успѣлъ соединить требованія реализма съ извѣстной долей личнаго отношенія къ своимъ героямъ. Онъ ихъ не казнитъ, не читаетъ имъ проповѣдей, онъ не произноситъ безповоротныхъ приговоровъ, но показываетъ намъ, въ разныхъ мѣстахъ романа, какое чувство они въ немъ самомъ возбуждаютъ. Какъ мыслитель—гуманистъ онъ разумѣется прощаетъ имъ почти всѣ ихъ прегрѣшенія, но вовсе неспособенъ закрывать глаза на различныя проявленія ихъ умственной пустоты, ихъ смѣшныхъ сторонъ, ихъ сердечнаго бездушія. Въ особенности комическія слабости и претензіи находятъ въ немъ яркое и смѣющееся зеркало. По своему, онъ безпощаденъ къ пошлымъ и смѣшнымъ личностямъ разсказа, но эта безпощадность, все-таки, остается теплой, человѣчной. Вы никогда не забудете фигуры провинціальнаго актёра, отца несчастной дѣвушки, загубленной Сидоніей—неизлечимаго тунеядца, фразёра, пустѣйшую личность, которая носится постоянно со своимъ сценическимъ призваніемъ и позволяетъ женѣ и дочери умирать надъ работой, чтобъ ему можно было проводить время въ болтовнѣ, въ шляньѣ по бульварамъ и въ отыскиваньи идеальнаго директора, а то такъ и собственнаго антрепренёрства. Этотъ Делобель останется одной изъ самыхъ удачныхъ фигуръ французскаго реальнаго романа, хотя онъ и проходитъ по разсказу скорѣе въ видѣ эпизодическаго лица. Точно также, и отецъ Сидоніи изображенъ авторомъ съ яркимъ мастерствомъ. Отношеніе его къ этой вздорной личности—одного сорта съ обработкой фигуры актёра: онъ не упускаетъ ни одной реальной черты и даетъ намъ полную возможность ознакомиться съ курьёзнымъ типомъ парижскаго буржуазнаго муравейника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка трунитъ надъ нимъ, надъ его жалкими претензіями, надъ его верченіемъ въ колесѣ тревожной безпорядочности. Свѣтлыя личности у него безцвѣтнѣе, потому что онѣ и въ жизни-то—по крайней-мѣрѣ въ жизни, имъ изображаемой—должны вставлять себя въ болѣе казенныя рамки; но изъ добрыхъ людей романа, главная фигура, Рислеръ-старшій, добрякъ, загубившій свою жизнь въ качествѣ мужа Сидоніи, доказываетъ, опять-таки, способность автора соединять реальные пріемы творчества съ человѣчнымъ отношеніемъ

къ созданнымъ имъ лицамъ. Этотъ альзасецъ простоватъ, ограниченъ, иногда даже просто смѣшонъ. Онъ ничего не видитъ дальше преуспѣянія фирмы и весь ушелъ въ изобрѣтеніе какой-то машины для печатанія обоевъ; но въ немъ живутъ неоцѣненныя качества рядомъ со всѣмъ этимъ: честность, благодарность къ тѣмъ людямъ, которые дали ему положеніе, преданность идеѣ, труду, широкая доброта, сознаніе своей грубоватости и ограниченности, выражающіяся въ преклоненіи передъ наружностью, бойкостью, ловкостью своей жены. Додэ ни мало его не идеализируетъ, не хвалитъ его отъ себя съ какимъ-нибудь подчеркиваньемъ, но возбуждаетъ къ нему несомнѣнную симпатію читателя, да и самъ относится къ нему постоянно съ теплотой и искренностью, не мѣшающими, однако, юмору изображенія.

Таково произведеніе молодаго реалиста, успѣвшаго добиться громкаго успѣха своей первою, вполнѣ серьёзною вещью. Этотъ фактъ чрезвычайно пріятенъ: онъ показываетъ, что, при удачномъ сочетаніи авторскихъ свойствъ, писатель-реалистъ можетъ идти по широкой дорогѣ смѣлаго воспроизведенія жизни. Додэ, какъ я уже замѣтилъ, посвятилъ себя теперь исключительно роману и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выпустилъ новое произведеніе съ очень широкой программой, но я не буду вдаваться въ его разборъ на томъ основаніи, что романъ этотъ, подъ заглавіемъ «Jack», представляетъ собой уже дальнѣйшее развитіе его авторской манеры, между тѣмъ какъ въ романѣ «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій» заканчивается первый періодъ его писательства. Забѣгать впередъ я не могу, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстоитъ еще третья бесѣда о другомъ крупномъ дарованіи, заинтересовавшемъ собой, въ послѣдніе два-три года, русскую публику даже болѣе, чѣмъ французскую. Пока— подведемъ нѣкоторые итоги.

Всѣ романисты, разсмотрѣнные мною въ настоящую бесѣду, принадлежатъ несомнѣнно реальному творчеству. Всѣ они выступили на литературное поприще въ одну и ту же эпоху, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ. Если вспомнить, что Флоберъ выпустилъ въ свѣтъ свою «Г-жу Бовари» во второй половинѣ предъидущаго десятилѣтія, то успѣхи реализма являются дѣйствительно замѣчательными. Такой кружокъ талантовъ, держащихся за одинаковые пріемы, за одинаковые принципы, составляетъ уже школу. И есть полная надежда на то, что лучшія литературныя силы Франціи будутъ примыкать именно къ этой группѣ, завоюютъ искуству его настоящее реальное царство. Вы видѣли: каждый изъ этихъ молодыхъ реалистовъ, оставаясь вѣрнымъ основной задачѣ своего творчества, ищетъ, однако же, всё новыхъ путей и въ замыслахъ романовъ, и въ содержаніи, и въ мастерствѣ исполненія, и въ колоритѣ.

Гонкуры въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, разобранныхъ мною, стараются слить внутреннюю жизнь своихъ героинь какъ можно сильнѣе съ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ впечатлѣній; предаются самой старательной, самой кропотливой работѣ, чтобъ опредѣ-

леннѣе, обстоятельнѣе, правдивѣе воспроизвести жизнь души, какъ мы это видимъ въ «Г-жѣ Жервезэ»; и, все-таки, они не могутъ достичь того слiянiя жизни героини съ ежедневной дѣйствительностью, какое мы видимъ у Флобера. Ихъ женскiя фигуры остаются, скорѣе, портретами, этюдами отдѣльныхъ личностей, вставленными въ блистательныя рамки реальнаго искусства, чѣмъ настоящими *типами*. Они не избѣгли и авторскаго произвола въ постройкѣ романа, желая какъ можно подробнѣе войти въ интимную жизнь своихъ героинь.

То же почти замѣчанiе можно сдѣлать и относительно Дроза, какъ автора романа «Баболенъ». И онъ выдѣляетъ главное лицо изъ общаго теченiя дѣйствительности настолько, что придаетъ всему произведенiю нѣсколько одностороннiй и исключительный характеръ. Интересъ чисто-психологическiй, анализъ ощущенiй поставлены до такой степени на первый планъ, что жизненныя подробности, при всей ихъ правдивости, являются блѣдноватыми, какъ бы въ сокращенномъ видѣ, даютъ читателю мало средствъ самому судить о томъ, въ какой степени испытанiя героя были реальны. Въ этомъ смыслѣ, Дрозъ и Гонкуры — двѣ противуположности: у Гонкуровъ мѣстами необыкновенное обилiе отдѣльныхъ фактовъ и фактиковъ, которые должны дѣйствовать на психологiю главнаго лица въ связи съ виртуозностью манеры, съ всевозможными прiемами мастерства; у Дроза, напротивъ, мѣстами изложенiе черезъ-чуръ идейно, если я могу такъ выразиться, слишкомъ сведено къ однимъ нравственнымъ и умственнымъ мотивамъ.

Наконецъ, у Альфонса Додэ находимъ мы болѣе удачное сочетанiе прiемовъ реализма, облеченное въ прiятную, легкую, но не легковѣсную форму; на первый разъ, съ нѣкоторыми особенностями его личнаго развитiя и южной натуры. Его ужь никакъ нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ выдѣляетъ главное лицо, что онъ съ авторскимъ произволомъ сосредоточиваетъ на немъ исключительный интересъ разсказа. Напротивъ, онъ держится въ романѣ, разобранномъ мною, самаго широкаго, реальнаго прiема: выхватывать изъ дѣйствительности цѣлый мiрокъ и заинтересовывать читателя всѣми отдѣльными элементами и фигурами этого мiрка, а, въ то же время, связывать весь этотъ мiрокъ съ жизнью цѣлаго общества; показывать на его типахъ: какъ житейская траги-комедiя держится за самые крупные мотивы въ развитiи страны и въ нацiональномъ характерѣ.

Что же мудренаго, скажу я въ заключенiе, что група даровитыхъ реалистовъ, искавшихъ и ищущихъ новаго содержанiя и все болѣе широкихъ рамокъ для современнаго романа, обогатилась, въ послѣднiе годы, тѣмъ своеобразнымъ и сильнымъ дарованiемъ, которому я посвящу цѣликомъ мою послѣднюю бесѣду — реалистомъ Эмилемъ Золà.

Чтеніе третье.

Эмиль Зола. — Личная его судьба, по авто-біографическому очерку. — Первая манера его реализма: «Тереза Ракенъ». — Вліяніе политическихъ событій на замыслы романиста. — Эпопея «Ругоны-Макаръ». — Характеристика выдающихся качествъ и слабыхъ сторонъ Зола. — Общій взглядъ на мотивы французскаго реальнаго романа. — Картина литературнаго труда въ школѣ французскихъ реалистовъ. — Плодотворность ихъ изученія въ связи съ движеніемъ нашей беллетристики.

Мм. Гг.

Мы подошли къ послѣдней фазѣ развитія реальнаго романа во Франціи. Талантъ, представляющій собой эту фазу, всего болѣе знакомъ русской публикѣ. Это — Эмиль Зола. Можно смѣло сказать, что онъ, особенно въ послѣдніе два, три года, пріобрѣлъ у насъ такую прочную репутацію, какой у себя на родинѣ еще не имѣетъ. До 1872 года имя его было совершенно неизвѣстно русской публикѣ. Въ этомъ году явился первый томъ цѣлой эпопеи, задуманной имъ, какъ мы увидимъ дальше, по весьма широкой программѣ и озаглавленной «Ругоны-Макаръ». Въ одномъ изъ періодическихъ изданій мнѣ привелось, тогда еще, представить читателю это молодое дарованіе и указать въ краткихъ чертахъ его связь съ предшествующимъ движеніемъ французскаго романа. Съ тѣхъ поръ, каждый годъ, Зола выпускалъ по цѣлому тому своей эпопеи. Одинъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ сдѣлалъ его своимъ постояннымъ сотрудникомъ и сталъ печатать вновь выходившіе томы нетолько одновременно, но даже раньше появленія ихъ на французскомъ языкѣ. Такая инціатива «Вѣстника Европы» расширила у насъ еще больше репутацію Зола и позволила намъ ознакомиться съ нимъ нетолько какъ съ романистомъ, но какъ съ критикомъ и публицистомъ. Вотъ ужь болѣе года, какъ онъ доставляетъ ежемѣсячныя статьи въ видѣ писемъ, гдѣ онъ успѣлъ задѣть очень многія характерныя стороны французской жизни и составить въ легкой, оригинальной, блестящей формѣ нѣсколько этюдовъ критическаго характера. Въ предъидущихъ двухъ бесѣдахъ я упоминалъ о немъ, какъ о критикѣ, или называя его по имени, или подразумѣвая, когда я говорилъ съ вами о Флоберѣ и о братьяхъ Гонкуръ. Въ этихъ двухъ критическихъ этюдахъ Зола всего ярче выразилъ свое литературное міровоззрѣніе и облегчилъ намъ задачу: привести его собственныя произведенія въ прямую связь съ его художественнымъ и умственнымъ развитіемъ. Если вы прочитывали его «Парижскія письма», то, вѣроятно, составили себѣ уже нѣкоторое понятіе о томъ, какъ этотъ человѣкъ смотритъ на значеніе современнаго романа, кто ему изъ писателей больше нравится, какихъ пріемовъ желалъ бы онъ самъ дер-

жаться въ творчествѣ и манерѣ. Но заинтересованные имъ, какъ романистомъ и критикомъ, вы вѣроятно желали бы также составить себѣ приблизительное понятіе и о человѣкѣ, объ его житейской карьерѣ, о томъ, гдѣ и какъ онъ учился, подъ какими вліяніями выросъ и развился, гдѣ и въ какихъ условіяхъ живетъ въ настоящее время?

Собираясь бесѣдовать съ вами, я задалъ себѣ тѣ же самые вопросы и хотѣлъ сначала ознакомиться съ тѣмъ, что было во французской журналистикѣ сказано существеннаго о талантѣ, произведеніяхъ и личности Эмиля Зола̀. Но поиски мои не привели меня ни къ какимъ цѣннымъ результатамъ. Зола̀ еще не заслужилъ въ Парижѣ обстоятельной оцѣнки со стороны авторитетныхъ критиковъ. Одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ письменно, что онъ затрудняется привести какую-нибудь особенно выдающуюся статью; а на самого Зола̀, какъ романиста, взглянулъ суховатымъ и равнодушнымъ взглядомъ, говоря, что если онъ не лишенъ таланта, то, во всякомъ случаѣ, его манера слишкомъ напряженна и угловата, чтобъ доставить ему репутацію первокласснаго художника. Мнѣ извѣстно было, что нашъ знаменитый соотечественникъ, живущій въ Парижѣ въ литературно-артистической средѣ, лично знакомъ съ Зола̀ и даже способствовалъ его тѣснѣйшимъ сношеніямъ съ Россіей. Въ письмѣ И. С. Тургенева я нашелъ нѣсколько чертъ, характеризующихъ писательскую личность Зола̀; но этимъ я не удовольствовался и обратился къ самому романисту, прося его сообщить мнѣ все, что появилось въ журналахъ или біографическихъ словаряхъ про его жизнь и дѣятельность. Онъ самъ удовлетворилъ меня вполнѣ.

Въ небольшомъ письмѣ съумѣлъ онъ сообщить такъ много существеннаго, что трудно найти больше содержанія и на десяткѣ страницъ любой біографіи. Вы мнѣ позволите привести всю біографическую часть письма въ подстрочномъ переводѣ. Она поможетъ намъ необычайно въ дѣлѣ критическаго пониманія произведеній Зола̀.

«Я родился, пишетъ онъ: — 2-го апрѣля 1840 года отъ отца, родомъ венеціанца, и отъ матери-француженки, изъ провинціи *Beauce*—родился въ Парижѣ, въ самомъ центрѣ одного изъ народныхъ кварталовъ. Отецъ мой былъ инженеръ и сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ работъ по канализаціи, живя въ городѣ Эксъ, около Марсели, гдѣ и умеръ въ 1847 году. Съ трехъ лѣтъ до осьмнадцати я росъ въ Провансѣ и началъ учиться въ коллежѣ города Эксъ. Вернувшись въ Парижъ въ 1858 году, прошелъ я черезъ большую нищету. Гимназическій курсъ кончилъ я въ лицеѣ Сен-Луи и нѣкоторое время билъ баклуши, съ безпечностью поэта. Въ 1862 году поступилъ приказчикомъ въ книжную торговлю Гашетъ и оставался тамъ вплоть до 1866 года, когда бросился въ журнализмъ».

«Вотъ ужь десять лѣтъ какъ я живу своимъ перомъ, *скорѣе*

дурно, чѣмъ хорошо; меня сильно оспариваютъ, часто совсѣмъ не признаютъ, и я заработываю, конечно, гораздо меньше нашихъ газетныхъ фёльетонистовъ. Только четыре года какъ я въ состояніи былъ совершенно оставить газетное сотрудничество, гдѣ мои замашки доставляли мнѣ непріятности, и окончательно заперся у себя дома, чтобъ писать мои романы».

«Живу я очень уединенно, въ глухомъ кварталѣ, въ самой глубинѣ Батиньолей. Я занимаю маленькій домикъ съ моей женой, матерью, двумя собаками и одной кошкой. Развѣ кто-нибудь изъ пріятелей завернетъ ко мнѣ въ четверкъ вечеромъ; все это—больше друзья дѣтства, почти всѣ—провансальцы. Выхожу я какъ можно меньше. Изъ современныхъ писателей бываю только у Флобера, Гонкура и Альфонса Додэ. Я нарочно такъ удалился отъ всего, чтобъ какъ можно спокойнѣе работать. Работаю я самымъ буржуазнымъ образомъ. У меня есть положенные часы: утромъ я сажусь къ столу, точно купецъ къ конторкѣ, пишу потихоньку, среднимъ числомъ страницы по три въ день, не переписывая: представьте себѣ женщину, вышивающую шерстями, стежокъ за стежкомъ; дѣлаю, конечно, ошибки; иногда вычеркиваю, но кладу на бумагу мою фразу тогда только, когда она совершенно сложится въ головѣ. Какъ вы видите, все это чрезвычайно ординарно. Боюсь, какъ бы такое разоблаченіе не повредило въ умѣ вашихъ слушателей той страшной фигурѣ, какую они могли создать изъ меня. Но дѣло-то въ томъ, что всѣ настоящіе работники, въ нашу эпоху, должны быть, по необходимости, людьми тихими, чуждыми всякой рисовки и жить семейно, какъ какой-нибудь нотаріусъ маленькаго городка».

«Что же вамъ еще сказать? Мои «Ругоны-Макаръ» должны имѣть двадцать частей, и я, въ настоящую минуту работаю надъ 7-й частью, романомъ, обнимающимъ собой міръ парижскихъ рабочихъ[1]. Я уже много работалъ, а передо мной еще больше работы. *Для меня вся жизнь заключается въ трудѣ.* Даже черезъ десять или пятнадцать лѣтъ я не разсчитываю на то, чтобъ меня поняли и признали во Франціи. На меня смотрятъ сквозь всякаго рода призраки и нелѣпости. Къ тому же, и вражда литературныхъ школъ слишкомъ сильна, чтобъ мнѣ воздали должную справедливость, а политика производитъ теперь у насъ такой шумъ, что книги проходятъ совершенно незамѣченными. Не бѣда! *Надо только производить.* Когда я доволенъ своимъ днемъ, вечеромъ я сажусь съ своей женой и матерью играть въ домино. Мнѣ такъ легче поджидать успѣха».

«Считаю почти лишнимъ прибавлять, что за мной значится всего одинъ порокъ: люблю сладко поѣсть. Но такое признаніе можетъ показаться тщеславнымъ. Разсудите сами, можете ли вы объяснить всѣмъ этимъ мои романы. Послѣдняя подробность: я

---

[1] Романъ этотъ уже появился теперь и по-французски, и по-русски.

Прим. автора.

очень нервенъ, продолжительная работа раздражаетъ и убиваетъ меня. Я принужденъ бываю останавливаться на нѣсколько недѣль, потому что сердце начинаетъ биться ужасно. Еслибъ я не писалъ моихъ книгъ, я желалъ бы быть мелкимъ собственникомъ гдѣ-нибудь въ деревенькѣ и дышать на свободѣ вольнымъ воздухомъ».

«Обработайте все это. Я хотѣлъ только дать вамъ факты и числа. Въ сущности же, у меня въ искусствѣ одна страсть: *жизнь*. Я любовно преданъ современной жизни, всей моей эпохѣ».

Вы сами видите, какъ это характерно и полно содержанія, несмотря на краткость и сжатость формы. Изъ письма же нашего знаменитаго соотечественника я позволю себѣ выписать объ личности Зола еще нѣсколько словъ: «Зола женатъ, пишетъ онъ:— такъ, какъ женятся уврiэ, живетъ уединенно, работаетъ, какъ волъ. Закала сильнаго, упорный и угловатый характеръ, притомъ добродушенъ, простъ и очень самолюбивъ».

Если вы сопоставите оба показанія, то они сольются въ одно цѣлое, дающее намъ довольно яркій образъ и натуры, и нравственнаго склада, и житейской обстановки. Наружность Зола, судя по портрету, видѣнному мною въ самое послѣднее время, какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ этой характеристикѣ: у него энергическая, чрезвычайно своеобразная голова, съ плотно-остриженными волосами, довольно широкимъ лицомъ, крупнымъ, прямымъ носомъ и взглядомъ нѣсколько изъ подлобья. Вы его никогда бы не признали по портрету за француза-парижанина; а скорѣй приняли бы за провинціала съ юга Франціи, за какого-нибудь машиниста, моряка или вообще рабочаго, одѣтаго только-что прилично. Въ его тѣлесномъ складѣ и посадкѣ видна, дѣйствительно, мощная натура, прошедшая черезъ нужду и усиленный трудъ.

Яркому и блестящему романисту только наша эпоха могла придать *такую* внѣшность. Между *его* обликомъ и наружностью какого-нибудь Сю, который былъ въ концѣ сороковыхъ годовъ *демократическимъ* романистомъ, лежитъ глубокая пропасть. Все легкое, дилетантское, избалованное, эксцентричное исчезло и замѣнилось типомъ работника, въ лучшемъ смыслѣ слова.

Подведемъ же нѣкоторые итоги матеріалу, находящемуся въ нашихъ рукахъ. Мы видимъ, стало быть, что Зола родился и воспитывался въ средѣ простаго и трудящагося люда, и первыя свои, самыя живыя, впечатлѣнія получилъ въ провинціи. Тамъ, вплоть до юношескихъ лѣтъ, въ немъ развивалось то могучее чувство жизни и природы, какое проявляется въ его романахъ. Онъ вобралъ въ себя южную сочность ощущеній и особенную, нервную энергію, которая встрѣчается, опять-таки, у людей южной расы. Впечатлѣнія дѣтства и отрочества должны были такъ сильно залечь въ него, что первыя его крупныя произведенія, роковымъ образомъ, сложились изъ этихъ жизненныхъ вкладовъ. Далѣе, мы видимъ, что онъ успѣлъ въ Парижѣ пріобрѣсть одно

гимназическое образованіе, и въ университетѣ не былъ. У насъ, въ Россіи, такой недочетъ въ умственной карьерѣ сказался бы гораздо рѣзче на произведеніяхъ и на всемъ развитіи человѣка. Переведите вы все на русскіе нравы и условія и посмотрите: чтò такое была бы житейская дорога Зола̀, хотя бы здѣсь, въ Петербургѣ. Мы имѣли бы въ немъ провинціальнаго гимназиста, который, докончивъ курсъ въ одной изъ здѣшнихъ гимназій, остался бы безъ дѣла въ теченіи четырехъ лѣтъ, а потомъ четыре года простоялъ бы за прилавкомъ въ книжномъ магазинѣ и прямо послѣ того пустился бы въ литературу. Даже при огромномъ природномъ дарованіи, такой молодой человѣкъ врядъ ли бы выбился на дорогу крупнаго художественнаго творчества и навѣрно остался бы съ неисправимой ограниченностью въ своихъ идеяхъ, вкусахъ, въ пониманіи всего строя окружающей его жизни. Онъ навѣрное бы не пошелъ дальше мелкаго сотрудничества, ничтожныхъ статеекъ, ходячаго либерализма, не пріобрѣлъ бы ни начитанности, ни опредѣленныхъ принциповъ, ни общей умственной выправки[1]. А тутъ мы видимъ, что мальчикъ-провинціалъ, пройдя школу нужды и даже бездѣлья, побывавши въ приказчикахъ и поработавъ потомъ, въ теченіи шести лѣтъ, гдѣ попало, является настоящимъ писателемъ, съ большимъ знаніемъ жизни, съ выработкой манеры, съ опредѣленнымъ нравственнымъ и даже философскимъ отношеніемъ къ своей эпохѣ. Словомъ, онъ—европеецъ отъ головы до пятокъ, онъ—умственная и художественная сила; онъ не менѣе развитъ, чѣмъ каждый изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей Франціи. Ка̀къ же могло это статься? Объясненія такому чуду надо искать не въ одннхъ личныхъ качествахъ человѣка, а во всей массѣ той культуры, которую каждый во Франціи можетъ вбирать въ себя, если не лишенъ способности къ развитію. Тамъ личность, дѣйствительно, наслѣдуетъ отъ общей культуры множество даровъ и благъ, а мы здѣсь должны пріобрѣтать все тяжелымъ искусомъ. Какая-нибудь дѣвочка изъ самой мелкой сферы, дочь привратника или уличной торговки, еле грамотная, почувствуетъ въ себѣ наклонность къ сценѣ, попадаетъ въ консерваторію, гдѣ все ученье заключается въ одной декламаціи, и, глядишь, черезъ два-три года она дѣлается неузнаваемой; въ ней: изящество, блескъ, благородство, даже величіе, тонкость — тысячи свойствъ, присущихъ только людямъ, прошедшимъ черезъ долгую выучку въ самыхъ изысканныхъ аристократическихъ салонахъ. Кто же выучилъ ее всему этому? Жизнь, общій воздухъ, накопленіе формъ и пріемовъ цивилизаціи. То же самое видимъ мы и въ Зола̀: нетолько въ Зола̀-романистѣ, но и въ хроникёрѣ, критикѣ, мыслящемъ человѣкѣ, обсуждающемъ въ сво-

---

[1] Исключенія составляютъ, *въ извѣстной только степени*, Помяловскій и Рѣшетниковъ; ихъ даровитость и умъ, все-таки, неизмѣримо ниже той *общей* развитости, какую мы видимъ въ Зола̀. *Прим. автора.*

рогъ; ея страсть къ любовнику—товарищу мужа по училищу и службѣ—нечто иное, какъ стремленіе чувственнаго темперамента, не знающаго въ удовлетвореніи своихъ страстей никакихъ нравственныхъ преградъ. Ея возлюбленный — такое же животное, только сангвиническое, а не нервное. При первомъ намёкѣ ея, что мужа надо устранить для безпрепятственнаго пользованія другъ другомъ, онъ, въ сообществѣ ея, дѣйствительно устраняетъ несчастную жертву, попавшую въ этотъ омутъ неудовлетворенныхъ животныхъ страстей. На прогулкѣ Лоранъ топитъ мужа Терезы и дѣлаетъ это такъ ловко, что подозрѣніе не падаетъ на него, и онъ остается обладателемъ Терезы. Но тутъ и происходитъ обратный ходъ страстей: и Тереза, и Лоранъ были убѣждены въ томъ, что, устранивши мужа, они забудутся въ наслажденіи своей страстью, а, вмѣсто того, страсть эта, подъ давленіемъ другихъ, чувственныхъ же волненій, совершенно исчезла и замѣнилась, когда они уже сдѣлались мужемъ и женой, безконечнымъ рядомъ убійственныхъ галлюцинацій, отнимавшихъ у нихъ сонъ и всякое подобіе хотя бы злодѣйскаго спокойствія. Эти новыя страданія возбудили въ нихъ непримиримую взаимную ненависть послѣ разныхъ попытокъ заглушить чѣмъ-нибудь нестерпимое нервное возбужденіе, которое Лоранъ какъ бы перенялъ отъ Терезы, вопреки своему сангвиническому темпераменту. Послѣ цѣлаго ряда такихъ ощущеній, они перешли къ страху смерти и къ взаимному шпіонству, опасаясь доноса и сваливая вину другъ на друга. Когда же такая жизнь сдѣлалась уже совершенно невыносимой, то они разомъ задумали, другъ противъ друга, убійство и отравленіе и, понявъ въ одну минуту свои замыслы, кончаютъ общимъ самоубійствомъ. Какъ вы видите, содержаніе романа представляетъ собой почти исключительный примѣръ литературнаго этюда, гдѣ авторъ ограничивается одной физіологіей органическихъ инстинктовъ. Но въ своемъ предисловіи онъ нетолько не считаетъ это односторонностью, а проситъ читателя вникнуть въ постановку всей своей работы, убѣдиться, что никакой другой цѣли въ романѣ нѣтъ, какъ распластать передъ нимъ два темперамента: одинъ нервный, другой сангвиническій, и показать, какія глубокія потрясенія могутъ произойти отъ столкновенія этихъ двухъ темпераментовъ. Онъ напираетъ на то, что каждая глава романа есть изслѣдованіе любопытнаго физіологическаго случая, и тутъ же прибавляетъ, что главнымъ его желаніемъ было: отыскать въ здоровомъ мужчинѣ и въ женщинѣ съ неудовлетворенными инстинктами ихъ животную сущность, бросить ихъ обоихъ въ водоворотъ порывистой драмы и тщательно записать всѣ ощущенія и всѣ поступки этихъ двухъ существъ. Въ такихъ авторскихъ намѣреніяхъ онъ нетолько не раскаивается, но приводитъ ихъ съ нѣкоторой гордостью. Онъ находился тогда въ томъ періодѣ развитія художниковъ, когда они смотрятъ на реальное творчество съ исключительной точки зрѣнія натуралиста, не

заботящагося ни о какомъ общемъ впечатлѣніи, ни о какомъ общемъ выводѣ. Несомнѣнно, что въ эту работу онъ влагалъ полнѣйшую искренность. Мы вѣримъ, что Зола̀, когда писалъ свою «Терезу Ракенъ», забывалъ весь міръ (какъ онъ самъ заявляетъ намъ) и погружался въ самое точное изображеніе жизни, избранной имъ своимъ объектомъ, входилъ въ анализъ человѣческаго механизма и въ любовной исторіи Терезы и Лорана не видѣлъ ничего безнравственнаго, ничего такого, что̀ можетъ возбудить дурныя страсти. Мы вполнѣ понимаемъ, что онъ, предавшись такой работѣ натуралиста, былъ огорченъ и обиженъ отзывами критиковъ, которые увидѣли въ «Терезѣ Ракенъ» одну голую грязь и желаніе автора эксплуатировать дурные инстинкты читателя. Упрекъ этотъ достается, болѣе или менѣе, на долю всѣхъ реалистовъ. Очень мало есть критиковъ, способныхъ стать тотчасъ же на авторскую точку зрѣнія, а не судить на основаніи своихъ вкусовъ, мнѣній и привычекъ, не накидываться на автора съ пріемами прокурорской обвинительной рѣчи. Но надобно замѣтить и то, что намѣренія и искренность автора не могутъ искупить произведенія, какъ совокупность творческой работы; намѣренія часто безгрѣшныя и въ высшей степени серьёзныя, а продуктъ является или угловатымъ, или одностороннимъ, или совершенно фальшивымъ, или даже грубымъ и отвратительнымъ. Главная ошибка такихъ романовъ, какъ «Тереза Ракенъ», заключается именно въ исключительно-физіологической цѣли автора. Будь тогда Зола̀ по-старше, поразвитѣе, онъ, конечно, понялъ бы, что настоящій предметъ литературнаго творчества есть человѣческая психологія, а не физіологія, что только, болѣе или менѣе, побѣдоносная борьба нравственной стороны человѣка съ его инстинктами, съ его темпераментомъ можетъ дать пищу художественному творчеству, въ состояніи привлечь читателя къ произведенію, получить какой нибудь широкій, общій интересъ и для частной, и для общественной жизни. Всѣ эти соображенія, вѣроятно, и представлялись романисту; но онъ находился еще въ періодѣ слишкомъ остраго реализма, онъ ставилъ себѣ въ заслугу и въ честь, отрѣшась отъ всякихъ, какъ ему тогда казалось, буржуазныхъ понятій въ искуствѣ, воспроизводить исключительно животную сторону человѣческой натуры, чего, какъ мы видѣли, онъ отнюдь и не скрывалъ. Но и въ самой своей односторонности онъ былъ пра̀въ, упрекая своихъ критиковъ въ томъ, что они не дѣлали ему серьёзныхъ замѣчаній, не показывали ему его ошибокъ и увлеченій по анализу страстей и темперамента, а только забрызгали его грязью во имя условной морали. Ка̀къ бы ни былъ онъ одностороненъ, онъ, все-таки, ни одной минуты не желалъ дѣйствовать на дурные инстинкты читателя, и во всемъ романѣ вы не найдете ни одной страницы, гдѣ бы чувствовались пріемы сколько нибудь соблазнительные и скабрёзные; напротивъ, чтеніе «Терезы Ракенъ» производитъ въ высшей степени тяже-

лое чувство, доходящее мѣстами до нестерпимой ѣдкости и безпощадности. Но если вы и пробѣжите этотъ романъ съ нѣкоторымъ интересомъ, то вовсе уже не затѣмъ, чтобъ искать чувственныхъ подробностей, а затѣмъ, чтобъ прослѣдить замыселъ автора, провѣрить его послѣдовательность и правду. А замыселъ, самъ по себѣ, очень новъ и обличаетъ уже крупный, энергическій талантъ, умъ, способный на сильную дедукцію. Оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, т. е. представляя намъ болѣе животныхъ, чѣмъ людей, Зола показываетъ цѣлымъ сцѣпленіемъ инстинктовъ, побужденій, нервныхъ и сангвиническихъ порывовъ и состояній мозга: *какъ* два полуживотныхъ должны были, роковымъ образомъ, пройти всю гамму борьбы и страданій и кончить самоуничтоженіемъ, не справившись съ тѣми пертурбаціями, какія вызвалъ въ нихъ фактъ совмѣстнаго злодѣйства, хотя эти пертурбаціи, опять-таки, были болѣе животныя, чѣмъ человѣчныя. Выводъ изъ романа нисколько не безнравственный, а, напротивъ, говорящій прямо о неминуемомъ торжествѣ извѣстныхъ законовъ человѣческой морали. И еслибъ реализмъ Зола попалъ въ данномъ случаѣ на настоящій, здоровый путь, еслибъ онъ взялъ два существа, въ которыхъ преобладаетъ настоящая человѣческая психологія, то онъ, безъ сомнѣнія, и тогда былъ бы способенъ написать нѣчто еще болѣе замѣчательное съ той же обстоятельностью анализа, съ той же правдой всевозможныхъ подробностей. Но даже и въ «Терезѣ Ракенъ» мы находимъ одинъ эпизодъ, указывающій на умѣстность нашего соображенія. Въ романѣ есть второстепенное лицо: свекровь Терезы, добродушная, болтливая старуха, очень любившая своего сына и невѣстку, которая ей приходилась племянницей. Она была вполнѣ убѣждена, что сынъ ея утонулъ и что возлюбленный Терезы жертвовалъ даже жизнью для его спасенья. Когда состоялось второе замужество Терезы, она перенесла свою любовь на Лорана и даже устроила эту свадьбу. Вскорѣ послѣ того, когда злодѣи-супруги начали уже проходить черезъ адскія муки своихъ галлюцинацій и терзать другъ друга упреками и ежедневными грязными сценами, старуха Ракенъ впала почти въ полное паралитическое состояніе, отнявшее у нея впослѣдствіи руки и ноги и даже языкъ, но сознаніе у нея еще осталось: она все слышала и видѣла, и вся ея жизнь перешла въ глаза, во взгляды, которыми она и сообщалась съ окружающими. Сначала Тереза и Лоранъ немного стѣснялись ея, а потомъ перестали церемониться и дѣлали эту несчастную старуху каждый день свидѣтельницей взаимныхъ обличеній, попрековъ, угрозъ и дракъ. Когда старая Ракенъ поняла въ чемъ дѣло, ея нѣжное чувство превратилось мгновенно въ ненависть, но въ ненависть безсильную, дававшую ей мучительныя нравственныя страданія. И въ такихъ-то страданіяхъ она должна была прозябать. Злодѣи потеряли уже всякій стыдъ, всякое чувство жалости и обращались съ ней какъ съ кускомъ человѣческаго мяса, которое они пере-

носили съ кресла на кровать. Всѣ эти подробности, конечно, чрезвычайно тяжелыя, болѣзненно томительны для читателя, тѣмъ не менѣе входятъ уже въ область психическаго, а не животно-физіологическаго анализа. Въ нихъ мы видимъ способность автора углубляться въ душевный организмъ человѣка, даже такого жалкаго существа, которое въ состояніи существовать однимъ полуживымъ мозгомъ и проявлять страданія однимъ органомъ зрѣнія. Замыселъ, если хотите, крайній, но, во всякомъ случаѣ, замѣчательный по оригинальности и смѣлости, показывающій еще разъ, что авторъ нисколько не желалъ смягчать грязную и преступную сущность своихъ героевъ. Но эта замѣчательная подробность не скрашиваетъ общаго впечатлѣнія романа, не даетъ ему должной гармоніи, не освобождаетъ его отъ строгаго приговора во имя болѣе широкаго реализма, на который такой талантъ, какъ Эмиль Зола̀, былъ несомнѣнно способенъ.

Ка̀къ бы ни оригинальна была натура писателя, во Франціи строй общественной жизни вліяетъ на его произведенія болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Зола̀, выступившій какъ романистъ въ послѣдніе годы второй имперіи, не могъ дать своему таланту настоящаго развитія до тѣхъ поръ, пока надъ политической и общественной жизнью тяготѣлъ *наполеоновскій порядокъ*. Въ Зола̀ рано залегли демократическія идеи и симпатіи. Попавши въ Парижъ юношей, пройдя черезъ большую бѣдность и погоню за заработкомъ, онъ сталъ приводить въ нѣкоторую систему свои жизненныя впечатлѣнія, идеи и идеалы, окруженный такою дѣйствительностью, которая не могла никакъ удовлетворять его. На первое время, какъ мы это видѣли въ «Терезѣ Ракенъ», онъ уходилъ весь въ самый объективный анализъ человѣческихъ темпераментовъ и даже животныхъ страстей; но общественно-нравственный идеалъ зрѣлъ въ немъ и долженъ былъ, когда наблюдательность дала ему достаточно матеріаловъ, проявиться въ цѣломъ рядѣ произведеній, задуманныхъ уже гораздо шире и глубже.

Катастрофа франко-прусской войны и паденіе второй имперіи сдѣлали бонапартовъ режимъ достояніемъ исторіи. Каждому мыслящему и даровитому человѣку можно было тогда, т. е. въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, оглянуться на весь періодъ, пройденный французскимъ обществомъ со второй республики до конца второй имперіи, осмыслить самому себѣ это движеніе и найти для него художественное выраженіе, сообразно своимъ творческимъ силамъ. По всей вѣроятности, такой точно процессъ и произошелъ въ Зола̀, какъ писателѣ-реалистѣ, воспитавшемъ въ себѣ извѣстные идеалы. Но мы знаемъ, что съ первыхъ своихъ шаговъ онъ поставилъ себѣ задачей: держаться пріемовъ естествоиспытателя въ анализѣ каждаго явленія жизни человѣческой, вплоть до самыхъ низменныхъ инстинктовъ и побужденій. Этотъ-то основной пріемъ и засѣлъ въ немъ глубоко и помогъ ему

составить самую широкую научно-художественную программу, какою когда либо, даже и во Франціи, задавался романистъ. Зола задумалъ взять первое попавшееся семейство—полубуржуазное, полупростонародное, сложившееся въ провинціи, и прослѣдить его физіологическое, общественное и нравственное развитіе за цѣлый періодъ новѣйшей французской исторіи, заканчивающейся нашими днями. Исторію этого семейства онъ самъ называетъ «естественной и соціальной», указывая этимъ на два своихъ объектива, которые должны переплетаться между собою, пояснять другъ друга въ теченіи всего повѣствованія. Какъ мы видѣли изъ его письма, онъ сразу задумалъ громаднѣйшую эпопею въ 20 отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ каждая представляетъ собой самостоятельный романъ, связанный только общностью происхожденія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Такой замыселъ долженъ былъ, неминуемо, повести къ разработкѣ вопроса наслѣдственности, къ изслѣдованію различныхъ переходовъ темперамента и душевныхъ свойствъ отъ одного поколѣнія къ другому. Эту задачу, опять-таки, авторъ заявляетъ въ программѣ своей эпопеи. До сихъ поръ ни одинъ романистъ ни во Франціи, ни въ другихъ западныхъ литературахъ, не задавался съ такой отчетливостью подобными научно-художественными пріемами, не бралъ на себя отвѣтственности передъ публикой въ трудѣ, требующемъ, кромѣ таланта, еще и огромнаго запаса знаній и огромной опытности въ научныхъ наблюденіяхъ.

Я сказалъ, что Зола беретъ первое попавшееся семейство, но, конечно, выборъ этотъ неслучайный: въ семействѣ «Ругоны-Макаръ», какъ показываетъ самое ихъ двойное прозвище, текутъ, такъ сказать, два потока крови, производящихъ въ отпрыскахъ этой фамиліи два разряда организмовъ: одинъ болѣе жизненный, сохранившій основу народнаго темперамента, другой уже заключающій въ себѣ тайное худосочіе, уже въ корнѣ подверженный порчѣ, которая сказывается въ различныхъ видахъ вырожденія. Вотъ это слово «вырожденіе» и составляетъ тайную мысль, тайную тэму автора. Зола, составивши программу своей эпопеи, былъ убѣжденъ въ томъ, что первое попавшееся семейство, какова бы ни была его естественная исторія, т. е. натура и темпераменты отдѣльныхъ личностей, непремѣнно должно, болѣе или менѣе, переродиться подъ вліяніемъ тѣхъ соціальныхъ условій, какія представилъ собой наполеоновскій режимъ второй имперіи. Въ такомъ основномъ воззрѣніи есть значительная доля преднамѣренности; но нельзя сказать, что авторъ позволилъ себѣ тутъ произвольное, апріорическое положеніе, что онъ предрѣшилъ вопросъ. Мы вправѣ будемъ сдѣлать такой выводъ тогда только, когда онъ скажетъ послѣднее слово своей 20-ти томной эпопеи, а до тѣхъ поръ мы должны ограничиваться разсмотрѣніемъ продуктовъ его творчества въ ихъ связи съ научно-художественной идеей произведенія, мы должны признать, или отвергнуть работу натуралиста и художника. Но еслибъ даже Зола во

всѣхъ остальныхъ томахъ своей эпопеи не пошелъ дальше того, что онъ проявилъ теперь, еслибъ мы нашли, что онъ слишкомъ подчеркиваетъ тенденцію, то и тогда мы не могли бы отнестись къ нему иначе, какъ съ симпатіей, видя въ немъ человѣка, выстрадавшаго время второй имперіи и страдающаго до сихъ поръ отъ сознанія, что цѣлое поколѣніе его соотечественниковъ принесено въ жертву печальному духу времени, развратившему и унизившему Францію.

Чтобъ приступить къ такой колоссальной работѣ романиста, Зола̀ долженъ былъ сколько-нибудь обезпечить себѣ ея выполненіе. Въ теченіи 6-ти лѣтъ послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ приказчиковъ книжнаго магазина, Зола̀ долженъ былъ, какъ мы видѣли, пробавляться мелкимъ литературнымъ заработкомъ въ различныхъ газетахъ и журнальцахъ и не могъ предаться вполнѣ призванію романиста. Только, какъ значится изъ его письма, къ—72 г., т. е. четыре года тому назадъ онъ нашелъ возможность покинуть мелкій журнализмъ и запереться у себя дома, чтобъ каждый годъ выпускать въ свѣтъ по одной части своихъ «Ругоновъ-Макаръ». Во Франціи большая репутація, разъ пріобрѣтенная писателемъ, даетъ ему гораздо болѣе блестящее положеніе, чѣмъ гдѣ либо; но первые шаги дѣлаются чрезвычайно тяжело, и не мало даровитыхъ людей десятки лѣтъ проводили въ неблагодарнѣйшемъ трудѣ прежде, нежели добились какой-нибудь извѣстности. Зола̀ и до сихъ поръ далеко не признаётся ни французской критикой, ни французской публикой первокласснымъ романистомъ. Къ началу 70-хъ годовъ онъ былъ замѣченъ въ мірѣ беллетристики и журнализма, но и только. Когда молодой писатель дойдетъ до этой первой ступени и желаетъ начать работу, требующую времени, свободы и уединенія, онъ рискуетъ остаться совсѣмъ безъ насущнаго заработка: до того незначительны могутъ оказаться его рессурсы. Эмиль Зола̀ разсказываетъ въ своемъ письмѣ, что онъ вотъ уже четыре года какъ получилъ возможность выполнять свою программу, не прибѣгая къ мелкой, журнальной работѣ явилась въ видѣ соглашенія съ однимъ изъ парижскихъ книгопродавцевъ, который обязался выплачивать Зола̀ каждый годъ по 6,000 франковъ, т. е. давать ему родъ жалованья по 500 франковъ въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобъ онъ каждогодно выпускалъ по отдѣльному роману. Какъ сами видите, условія эти далеко не блистательны. Каждый романъ, входящій въ эпопею «Ругоновъ-Макаръ», заключаетъ въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ нашего журнальнаго формата; а 6,000 франковъ немного болѣе 1,500 руб., стало быть: печатный листъ оплачивается гораздо ниже того, что̀ получаютъ у насъ беллетристы средняго таланта. И до тѣхъ поръ, пока репутація Зола̀ не поднимется во Франціи, пока онъ не сдѣлается тамъ популярнымъ романистомъ, врядъ ли онъ въ состояніи будетъ писать иначе, какъ въ этой, такъ сказать, литературной

кабалѣ. Я позволяю себѣ называть это *кабалой*, и врядъ ли можно выбрать другой терминъ для обозначенія той трудной зависимости, въ которую человѣкъ съ такимъ талантомъ попадаетъ на цѣлый 20-ти-лѣтній періодъ жизни. Но, ка̀къ бы тяжело ни было сознавать въ себѣ дарованіе такого размѣра и довольствоваться относительно скуднымъ заработкомъ, хорошо имѣть и подобное обезпеченіе, дающее возможность уйти совершенно въ свой трудъ, разумѣется, ограничивъ потребности до минимума. Повторяю, безъ такой комбинаціи, Зола̀ до сихъ поръ долженъ бы былъ кидаться на всякую мелкую работу, чтобъ прокормить себя, и только въ рѣдкія минуты отдыха могъ бы предаваться своему главному, первенствующему дѣлу.

Мнѣ нѣтъ надобности подробно разсказывать содержаніе первыхъ пяти частей «Ругоновъ-Макаръ», выпущенныхъ авторомъ. Всѣ эти романы были переведены по-русски, и нѣкоторые явились въ «Вѣстникѣ Европы» раньше, чѣмъ на французскомъ языкѣ. Все это было прочитано такъ недавно, что, по всей вѣроятности, сохранилось въ памяти моихъ слушателей. Здѣсь слѣдуетъ только намѣтить въ общихъ чертахъ: ка̀къ въ первыхъ пяти эпизодахъ эпопеи развивалась мысль автора и къ какимъ творческимъ пріемамъ онъ прибѣгалъ. Замыселъ въ его произведеніи достаточно выясненъ; онъ представляетъ собой несомнѣнный шагъ впередъ даже и послѣ произведеній Бальзака. Бальзакъ, хотя и обнималъ своимъ воображеніемъ, умомъ и знаніемъ почти все французское общество своей эпохи, но писалъ онъ, такъ сказать, въ разбивку и уже заднимъ числомъ придалъ разрозненнымъ романамъ совокупное заглавіе «Человѣческой комедіи». Онъ не могъ подняться на ту высоту общественно-нравственнаго пониманія, какую Зола̀ пріобрѣлъ вслѣдствіе движенія французской мысли и культуры. Даже Флоберъ, при всей громадности своего таланта, ни въ одномъ изъ реальныхъ романовъ своихъ не поднялся до такого именно взгляда. У Флобера на первомъ планѣ—психологія отдѣльныхъ лицъ въ ихъ связи съ общимъ теченіемъ ежедневной жизни; но онъ ни въ «Г-жѣ Бовари», ни въ «Сентиментальномъ Воспитаніи» не поставилъ своей задачи на такую научно-соціальную почву, обнимая своимъ разсказомъ не отдѣльныя только личности, а цѣлое семейство, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, на исторіи котораго должны отражаться и общественное перерожденіе людей, нравовъ, инстинктовъ и нравственныхъ силъ за цѣлый историческій періодъ.

Въ самомъ первомъ, по счету, романѣ «Карьера Ругоновъ» Зола̀ выступилъ сразу совершенно обновленнымъ романистомъ, если сравнить это произведеніе съ продуктомъ его первой манеры, разобранномъ нами, т. е. съ «Терезей Ракенъ». Онъ выбираетъ, какъ вамъ извѣстно, мѣстомъ дѣйствія небольшой городокъ на югѣ Франціи, среди южной же природы. Выборъ этотъ сдѣланъ чрезвычайно удачно не потому только, что онъ

далъ автору возможность ввести въ разсказъ и въ описанія свои множество мѣстныхъ подробностей, съ дѣтства изученныхъ имъ, а потому, что самое семейство, выбранное для продолжительныхъ изслѣдованій, представляло богатый матеріалъ въ нравственно-физіологическомъ смыслѣ. На югѣ темпераментъ развивается гораздо рѣзче, нервный организмъ получаетъ особую окраску, особую рѣзкость и стремительность, всѣ инстинкты и побужденія выражаются колоритнѣе и ярче, характеръ обособляется скорѣе и рѣшительнѣе. Въ этомъ двойномъ семействѣ «Ругоновъ-Макаръ» Зола̀ соединилъ все, что̀ ему было нужно, и сразу показалъ читателю: ка̀къ кровь и нервы въ своемъ сочетаніи намѣтили двѣ генераціи, каждая со своимъ основнымъ типомъ, подлежащимъ вырожденію. Маленькій городокъ, какъ театръ дѣйствія, выбранъ также весьма умѣстно, чтобъ показать, какъ во Франціи общественные пороки прососались всюду, и каждое мѣстечко заключаетъ въ себѣ почти одни и тѣ же элементы вреднаго централизма и пустаго броженія, которое вертится почти исключительно вокругъ тщеславныхъ инстинктовъ и себялюбивыхъ интригъ. Вы припомните, что моментомъ дѣйствія выбранъ государственный переворотъ 2-го декабря, когда все, что̀ было во Франціи порядочнаго, мыслящаго, преданнаго прогрессивнымъ идеямъ, или совсѣмъ было загублено, или же лишено возможности дышать подъ грубымъ натискомъ всѣхъ темныхъ силъ, поднявшихъ тогда голову. И въ *этомъ* смыслѣ Зола̀ болѣе, чѣмъ удачно, выбираетъ свою мѣстность, такъ какъ народное движеніе проявило себя въ ней гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ Франціи. И едва ли не впервые, послѣ паденія второй имперіи, явилось въ реальномъ романѣ такое яркое, горячее и поэтическое изображеніе гражданской войны въ южной обстановкѣ, которую авторъ съумѣлъ совершенно *перелить* въ наши ощущенія, если я могу такъ выразиться: до такой степени искренно, живо и блестяще обработалъ онъ описательныя части своего разсказа. Итакъ, въ «Карьерѣ Ругоновъ», Зола̀ явился преобразованнымъ романистомъ и можно смѣло сказать, что въ этомъ же романѣ вполнѣ выяснилась и обособилась вторая половина его творческаго дарованія: способность къ анализу мельчайшихъ побужденій испорченной, дрянной среды и такая же способность изображать обстановку дѣйствія, вводить природу и ея впечатлѣнія въ собирательную психологію дѣйствующихъ лицъ, достигать въ описаніяхъ и художественной образности, и могучей силы. Если вы припомните, въ «Карьерѣ Ругоновъ» находятся также описательныя мѣста, гдѣ отношеніе къ природѣ, къ землѣ, къ ея растительности, къ воздуху дѣлается какъ бы *пантеистическимъ*: все говоритъ, все дышетъ, все входитъ въ васъ и проникаетъ своимъ горячимъ дыханіемъ, своими неистощимыми жизненными соками. Впервые, быть можетъ, даже послѣ блистательныхъ описаній Флобера въ «Саламбо», явилось по-французски такое

художественно-физіологическое чувство міровой жизни, вплоть до самыхъ простыхъ ея процессовъ, чувство такой глубокой связи человѣка съ матерью-землей. Но въ томъ же первомъ романѣ авторъ показалъ и свою ахиллесову пяту; она заключается, по моему мнѣнію, въ отсутствіи должной *мѣры*, должной гармоніи всего произведенія. Южный темпераментъ Зола̀, какъ только онъ почувствовалъ себя дома, какъ только расширилъ рамки творчества, началъ терять то художественное мѣрило, которое заставляетъ писателя съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относиться къ своимъ инстинктивнымъ побужденіямъ. Насколько Зола̀ обдуманно составилъ общій планъ своей эпопеи, настолько же непосредственно сталъ онъ вести повѣствованіе, въ деталяхъ.

Современный романъ можетъ идти двумя путями: или же авторъ создаетъ такъ-называемую фабулу, т. е. обособляетъ жизнь своихъ главныхъ героевъ и придаетъ какому-нибудь яркому эпизоду закругленность, поднимающую интересъ разсказа; или же онъ поступаетъ, какъ наблюдатель общаго теченія жизни, въ которое вставляетъ онъ одно или нѣсколько лицъ, заслуживающихъ бо̀льшаго интереса. Зола̀ не пошелъ ни по тому, ни по другому пути или, лучше сказать, двинулся по обоимъ разомъ, не приведя ихъ къ чему-нибудь вполнѣ строгому и гармоническому. Изъ всѣхъ напечатанныхъ романовъ едва ли не въ «Карьерѣ Ругоновъ» находимъ мы самую разработанную фабулу. По крайней мѣрѣ, тутъ есть нѣсколько эпизодовъ, заключающихъ въ себѣ внѣшній интересъ, разростающійся вмѣстѣ съ натискомъ событій; но и въ «Карьерѣ Ругоновъ» не находимъ мы постепенно возрастающаго развитія интереса, не находимъ повѣствованія, которое бы держалось исключительно за главный ходъ дѣйствія. Описанія, картины природы, огромныя отступленія—все это врывается въ разсказъ, показываетъ, что авторъ не хочетъ или не можетъ сдержать своего чувства, настроенія, личныхъ ощущеній, словомъ сказать, что онъ значительно въ рукахъ темперамента. Такія авторскія вторженія естественно нарушаютъ чисто реальный пріемъ, какой мы видимъ въ романахъ Флобера. Передъ нами течетъ жизнь, но жизнь эта прошла черезъ крайности темперамента писателя. Онъ какъ бы разрываетъ её на куски и кидаетъ эти куски въ безпорядкѣ; онъ заставляетъ насъ перескакивать изъ одного мѣста въ другое не для того, чтобъ поддерживать внѣшній интересъ, а чтобъ заставить пройти черезъ извѣстнаго рода внутреннія ощущенія. Точно также распоряжается онъ и съ отдѣльными лицами, съ ихъ прошедшимъ, съ ихъ участіемъ въ текущихъ событіяхъ. Ему ничего не значитъ остановить дѣйствіе и забѣжать сильно назадъ, или же въ нѣсколькихъ строчкахъ разсказать то, что̀ у другаго заняло бы нѣсколько главъ, а затѣмъ пуститься въ анализъ и характеристику мельчайшихъ подробностей, даже тогда, когда стройность повѣствованія требовала бы пускать въ ходъ болѣе крупные штрихи.

Вѣроятно, многіе изъ моихъ слушателей, когда они читали любой романъ Зола̀, было ли это въ первый разъ, или нѣтъ, проходили черезъ такой художественный опытъ: сначала читателя охватываетъ необыкновенное чувство жизни, яркость красокъ, оригинальность положеній, смѣлость и правда въ изображеніи людей, ихъ пороковъ, ихъ физіологическихъ организмовъ, перекрестнаго огня всевозможныхъ инстинктовъ и побужденій; но, мало по малу, читателемъ овладѣваетъ особаго рода раздраженіе, которое къ концу доходитъ до недовольства и даже до чисто физическаго чувства тяжести; я не говорю скуки, но именно *тяжести*. Врядъ ли можно прочесть хотя одинъ изъ романовъ Зола̀ съ одинаковымъ интересомъ, съ художественнымъ наслажденіемъ, поддерживаемымъ, если не въ равной мѣрѣ, въ началѣ и въ концѣ романа, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени.

Между тѣмъ, творческая способность Зола̀ все крѣпла, вбирала въ себя новые элементы съ каждымъ новымъ эпизодомъ эпопеи «Ругоновъ». Во второмъ романѣ, гдѣ авторъ даетъ намъ картину полнаго разгула инстинктовъ въ Парижѣ второй имперіи, мы видимъ гораздо большее умѣнье сосредоточивать интересъ на нѣсколькихъ лицахъ и вести, если не интригу въ тѣсномъ смыслѣ, то разсказъ съ прогрессивной занимательностью, на этотъ разъ самаго смѣлаго реальнаго характера. Я не стану вдаваться въ подробный анализъ эпизода любви между мачихой и сыномъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло со смѣлостью нѣсколько эксцентричнаго рода, которая можетъ и не выдержать приговора моралистовъ; но несомнѣнно, что этотъ эпизодъ носитъ на себѣ отпечатокъ несомнѣнной правды и отличается необыкновеннымъ богатствомъ красокъ, говорящимъ о могучей творческой силѣ автора. И, все-таки, темпераментъ Зола̀ беретъ верхъ и заставляетъ его безъ всякой надобности вдаваться въ описательныя длинноты, обличающія непріятную преднамѣренность автора. Есть въ романѣ «La curée» цѣлыя главы, написанныя какъ бы по заказу съ черезчуръ явственнымъ желаніемъ если не виртуозности, то какой-то ненужной обстоятельности, которая нарушаетъ полную художественность исполненія. Припомните, напримѣръ, описаніе зимняго сада—театра, любовныхъ сценъ между мачихой и сыномъ. Такой художникъ, какъ Флоберъ, при всей своей любви къ точности, ограничился бы общимъ описаніемъ этого сада, далъ бы намъ почувствовать его живописность, ввелъ бы его въ дѣйствіе путемъ анализа ощущеній, красокъ, свѣтовыхъ и другихъ впечатлѣній. Зола̀ этого мало: онъ начинаетъ, уже совершенно нехудожественно, описывать въ подробности каждое тропическое растеніе, читаетъ чуть не цѣлый курсъ салонной ботаники и утомляетъ этимъ непрошеннымъ богатствомъ подробностей, постороннихъ ходу романа, непріятно выставляющихъ скорѣй претензію, чѣмъ истинно-художническій пріемъ.

Въ этомъ второмъ романѣ «Ругоновъ» чрезвычайно широко и характерно захвачена вся та погоня за наживой, въ которую ударился Парижъ второй имперіи. Тогда всѣмъ плотояднымъ инстинктамъ неразборчивыхъ пріобрѣтателей, дѣйствительно, была кинута та *подачка*, та прикормка, которая такъ ярко выражается непереводимымъ французскимъ словомъ «curée». Самый городъ Парижъ, его обстановка, его внѣшнее великолѣпіе сдѣлались объектомъ этого громаднаго эксплуатированья, тщеславія и жадности. Чтобъ показать совокупность этой эксплуатаціи, нужно было очень хорошо изучить и продумать всѣ подробности тогдашнихъ спекуляцій и привести ихъ въ связь съ общей физіономіей Парижа этой эпохи.

Удивительно, ка̀къ Зола̀, безвѣстный, начинающій писатель, просидѣвшій четыре года за конторкой книжнаго магазина, могъ освоиться со всѣмъ механизмомъ ажіотажа и спекуляціи, проникнуть въ самую глубь ихъ, изучить ту громадную мистификацію, которою глаза Франціи отводились отъ настоящихъ общественныхъ нуждъ, отъ всѣхъ высшихъ требованій культурной націи. Тутъ Зола̀ впервые показалъ житейское знаніе почти такого же размѣра, какое Бальзакъ вкладывалъ въ любой изъ своихъ романовъ. Такъ какъ замыселъ второй части «Ругоновъ» цѣльнѣе, мѣсто дѣйствія опредѣленнѣе, все сводится къ одному центру, къ одной идеѣ, то произведеніе это, несмотря на отрицательныя стороны, указанныя нами, произвело на читателя, по крайней-мѣрѣ, у насъ въ Россіи, гораздо сильнѣйшее дѣйствіе: представило бо̀льшій интересъ, подняло репутацію Зола̀, какъ художника. Физіологическая исторія семейства, выбраннаго имъ, развивается въ лицѣ одного изъ членовъ, въ которомъ особаго рода нервность вызывала необыкновенный нюхъ въ составленіи себѣ блестящей спекуляторской карьеры. Тѣ страницы романа, гдѣ авторъ показываетъ намъ, ка̀къ Аристидъ Ругонъ вдохновляется мыслью извлечь изъ г. Парижа цѣлое море золота и ка̀къ онъ пользуется первой удобной минутой—могутъ считаться образцомъ реальнаго изображенія душевныхъ мотивовъ хищническаго характера, съ оттѣнкомъ той южной рьяности и смѣлости, какая должна была жить въ подобной натурѣ. Не забудемъ и того, что 2-я часть «Ругоновъ»—первый по времени романъ, послѣ паденія второй имперіи, гдѣ картина бонапартова Парижа является съ такой смѣлостью и свободой красокъ, подробностей, изобличеній, гдѣ основная мысль такъ проникнута глубокимъ протестомъ противъ растлѣвающаго вліянія этого режима. *Ничего подобнаго Франція не читала ни до второй имперіи, ни во время ея.*

Оставаясь вѣрнымъ своей семейно-физіологической программѣ, Зола̀ не могъ исчерпать въ одной части богатую тэму, какую давалъ ему новѣйшій Парижъ, какъ самостоятельный *организмъ*, какъ огромное тѣло, живущее изо-дня въ день своими колоссальными отправленіями. Романистъ избралъ и фономъ, и рам-

кой 3-й части эпопеи «Чрево Парижа», колоссальное питаніе столицы во всѣхъ его общественныхъ и художественныхъ проявленіяхъ. Я сказалъ «художественныхъ», и, дѣйствительно, на живопись пластическихъ сторонъ парижскаго рыночнаго міра Золà обратилъ особенное вниманіе. Опять таки, *ему первому* принадлежитъ иниціатива такого отношенія къ совершенно будничному, заурядному предмету. Центръ его 3 го романа — большой парижскій рынокъ, извѣстный подъ именемъ «Halles centrales», единственный, быть можетъ, цѣнный монументъ, какой вторая имперія воздвигла городу Парижу. И прежде Золà, въ отдѣльныхъ очеркахъ и фельетонныхъ картинкахъ, парижскій центральный рынокъ описывалъ и въ общемъ, и въ подробностяхъ; но нигдѣ вы не нашли бы такого отношенія къ этому прозаическому предмету. Золà заставляетъ парижскій центральный рынокъ жить на вашихъ глазахъ, онъ его одухотворяетъ, онъ воспроизводитъ его передъ вами совершенно какъ живой, самостоятельный организмъ и разбрасываетъ, съ чрезвычайной щедростью, художественные пріемы изображенія. Передъ вами мечутся цѣлые ряды картинъ, не уступающихъ въ мастерствѣ живописнымъ изображеніямъ фламандскихъ мастеровъ, рисующихъ вамъ груды овощей, плодовъ, рыбъ, дичи. Тутъ я долженъ, опять-таки, замѣтить, что Золà, увлекаясь своимъ темпераментомъ, впадаетъ, то и дѣло, въ длинноты и даже повторенія. Чувство мѣры часто покидаетъ его. Онъ слишкомъ страстно, слишкомъ любовно возвращается къ описательнымъ подробностямъ, придавая каждому неодушевленному предмету, каждому персику, каждому куску сыра своеобразную жизнь, заставляя ихъ входить нетолько въ описательный ensemble, но выдѣляться изъ него яркими, подчасъ крикливыми нотами. А въ противорѣчіе съ этой «утробой Парижа», ненасытной и не знающей ничего, кромѣ матеріальныхъ потребностей, ставитъ онъ фигуру идеалиста — республиканца, вернувшагося тайкомъ въ Парижъ изъ ссылки и кончившаго, опять-таки, новой бѣдой. Припомните эту личность и согласитесь, что она гораздо блѣднѣе даже второстепенныхъ лицъ, введенныхъ авторомъ въ разсказъ. Симпатіи читателя покоятся на немъ, но его видишь и чувствуешь гораздо менѣе, чѣмъ его родственника, представляющаго собой мягко-животную натуру, пустившую корни на жирной почвѣ парижскаго рынка, чѣмъ жену этого толстяка, чѣмъ разныхъ торговокъ, изъ которыхъ двѣ являются чрезвычайно типичными и по внѣшности, и по бытовому складу.

Скажемъ, однако, что въ романѣ «Чрево Парижа» Золà не только поднялся до оригинальнѣйшаго замысла, но и ушелъ отъ упрека въ неразборчивости средствъ, въ вольности своего реализма. Все здѣсь проникнуто идеей труда, хотя этотъ трудъ идетъ на удовлетвореніе однѣхъ матеріальныхъ потребностей. Центральный рынокъ, быть можетъ — единственное мѣсто, гдѣ въ эпоху второй имперіи не происходило въ Парижѣ той возмути-

тельной эксплуатаціи, какую авторъ представилъ во 2-й части «Ругоновъ». Тутъ все добывается или тяжелой работой, или умѣньемъ воспользоваться дарами природы. Населеніе въ два милліона обезпечено въ своемъ существованіи этимъ центральнымъ складомъ жизненныхъ средствъ; поэтому и люди, выросшіе въ воздухѣ рынка, превращаются, въ самыхъ типичныхъ своихъ экземплярахъ, въ родѣ родственницы героя, въ какіе-то растительные продукты. Имъ не знакомы ни политическія страсти, ни философскія идеи; ихъ ничто не волнуетъ, не выводитъ изъ заколдованнаго круга матеріальнаго довольства, въ который они замуровали себя. Впечатлѣніе отъ жизни такихъ субъектовъ, въ одно и то же время, и печально, и совершенно жизненно. Это—жизнь животно-растеній, если вы мнѣ позволите такъ выразиться; но она дышетъ здоровьемъ, силой, своего рода гармоніей; она состоятельнѣе того нервнаго, неустойчиваго, полудѣтскаго идеализма, какой мы видимъ въ героѣ романа. Онъ—прекрасный человѣкъ, но совершенно безполезный. Онъ ничего не добьется для торжества своихъ идей и будетъ постоянно игрушкой перваго попавшагося фразёра или просто сыщика, надѣвшаго на себя личину его единомышленника. Въ лицѣ своего героя Зола̀ хотѣлъ какъ бы показать, что надо бороться во всемъ и вездѣ съ равнымъ оружіемъ въ рукахъ, что животно-растительные инстинкты и потребности слишкомъ еще велики, слишкомъ преобладаютъ надъ мозгомъ, даже въ такомъ центрѣ, какъ Парижъ, чтобы двигательныя идеи могли взять верхъ путемъ отдѣльныхъ вспышекъ, путемъ мелкихъ заговоровъ въ кружкахъ мечтателей: безъ вліянія, безъ настоящей энергіи, безъ поддержки различныхъ слоевъ общества, организованной съ давнихъ поръ. Этотъ смѣлый взглядъ, опять-таки, показалъ, что Зола̀, несмотря на свои явныя демократическія симпатіи, не останавливается передъ правдой, не боится высказать ее въ яркихъ, художественныхъ образахъ, обставляетъ ее всевозможными житейскими деталями, показывающими, что онъ знаетъ свою эпоху, знаетъ Парижъ и Францію и не позволяетъ себѣ ни въ чемъ фальшивой идеализаціи.

Въ первыхъ трехъ частяхъ эпопеи «Ругоновъ», какъ вы видѣли, главными дѣйствующими лицами являются отпрыски этой фамиліи и дѣйствуютъ преимущественно Ругоны; въ 4-й части, озаглавленной «Завоеваніе Плассанса», выступаютъ на сцену лица втораго семейнаго отдѣла, Макары, а преобладающею личностью, центромъ интереса дѣлается уже постороннее лицо, абатъ Фожасъ. Предполагая, что содержаніе романа вамъ извѣстно, также какъ и сюжеты первыхъ трехъ, я не стану вдаваться въ разборъ перипетій этой новой, уже провинціальной исторіи, задуманной съ гораздо бо̀льшимъ искусствомъ, чѣмъ все предъидущее. До сихъ поръ Зола̀, очевидно, не могъ справиться со своимъ матеріаломъ такъ, чтобъ сдѣлать изъ него гармоническое цѣлое. Подробности безпрестанно заливали общій за-

мыселъ или же самъ замыселъ, въ видѣ описательныхъ и пластическихъ картинъ, какъ напр. въ 3-й части, развивался въ ущербъ характеру героя. Въ «Завоеваніи Плассанса» этого нѣтъ. Слишкомъ эстетическій критикъ скажетъ, конечно, что въ этомъ произведеніи есть *тэма* или, какъ французы выражаются, тезисъ (une thèse). Тэма заключается въ томъ, чтобъ показать: *какъ* бонапартизмъ пользовался услугами пронырливаго духовенства, чтобъ прибирать къ рукамъ все, что есть въ провинціи способнаго производить какое-нибудь вліяніе и добиться выборовъ въ исключительно правительственномъ духѣ. Такой преднамѣренности отрицать нельзя; но если она и замѣтна, если авторъ и погрѣшилъ тѣмъ, что слишкомъ хорошо зналъ, чего онъ добивается, то *выполненіе* этого конкретнаго плана—блистательно во всѣхъ отношеніяхъ. При этомъ, я попросилъ бы васъ припомнить, какая перемѣна произошла въ пріемахъ романиста, перемѣна въ высшей степени плодотворная, увеличивающая сразу художественное достоинство его творчества. Въ «Завоеваніи Плассанса» мы уже не находимъ того Зола̀, какого мы имѣли въ трехъ первыхъ частяхъ эпопеи, т. е. даровитаго романиста, еще не умѣющаго справиться съ такой формой разсказа, какую Флоберъ ввелъ въ «Г-жу Бовари». Въ «Завоеваніи Пласанса» насъ прямо вводятъ въ жизнь провинціальнаго города, и черезъ нѣсколько страницъ мы уже совершенно вошли въ нее и не въ состояніи оторваться ни отъ общаго ея теченія, ни отъ тѣхъ эпизодовъ, гдѣ являются болѣе выдающіяся фигуры повѣствованія. По пріемамъ этого романа, Зола̀—прямой и блистательный продолжатель Флобера и, даже можно сказать, не желая вовсе накидывать на автора подозрѣніе въ подражаніи, что весь складъ «Г-жи Бовари», весь воздухъ реализма, какимъ проникнутъ романъ Флобера, все отношеніе къ жизненной правдѣ какъ бы цѣликомъ перенесены въ 4-ю часть Ругоновъ; но, разумѣется, все это въ своеобразныхъ краскахъ, съ совершенно новымъ содержаніемъ, съ оригинальнымъ отношеніемъ къ особенностямъ общественной жизни, сложившейся во Франціи за эпоху второй имперіи. Въ этомъ романѣ начинается уже процессъ вырожденія семейнаго типа въ лицѣ отпрысковъ младшей линіи.

Аббатъ Фожасъ, явившійся въ городъ съ цѣлью завоевать его, попадаетъ, какъ вы припомните, къ одному изъ Ругоновъ-Макаръ, дѣлается въ его домѣ властителемъ, отнимаетъ у него жену и доводитъ до сумасшедшаго дома. Главный психологическій интересъ сосредоточивается не на мужѣ, а на женѣ, и въ ней, опять-таки, мы находимъ какъ бы разновидность «Г-жи Бовари». Въ одной жила неугомонная, сентиментальная нѣжность, въ другой, т. е. въ героинѣ романа Зола̀, нервность мистическая, которая до извѣстнаго момента жизни дремала въ ней, болѣе того, совершенно спала, какъ бы дожидаясь толчка извнѣ. Когда ею овладѣваетъ ненасытная тревога, безпредѣльное стремленіе къ мистическому блаженству, она дѣлается совершеннѣйшей ра-

бой, вещью въ рукахъ сухаго, честолюбиваго аббата, который, по личнымъ своимъ свойствамъ, ненавидитъ женщинъ вообще, какъ нѣчто грязное, въ корнѣ преступное, мѣшающее высшимъ цѣлямъ человѣка, какъ онъ ихъ разумѣетъ. Двѣ эти женщины, т. е. г-жа Бовари и жертва аббата Фожасъ, дополняютъ одна другую нетолько въ психологическомъ, но и въ общественномъ смыслѣ. Судьба ихъ вела къ трагическому концу, и, когда вы вдумаетесь въ условія воспитанія и развитія французской женщины—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей натяжки. Правда, Зола задался мыслью показать на своей героинѣ процессъ вырожденія, ведущій ко всякаго рода душевнымъ болѣзнямъ и нравственнымъ уродливостямъ; но стòитъ намъ отрѣшиться немного отъ задачи самого автора, и мы придемъ къ тому выводу, что въ обѣихъ женщинахъ дѣйствуютъ одни и тѣ же бытовые и психологическіе мотивы. Натура даетъ имъ огромную воспріимчивость, разнообразную и пылкую нервность; воспитаніе-же или оставляетъ все это безъ всякаго отвѣта, или ведетъ къ искуственному напряженію, или же развиваетъ въ нихъ вкусы и наклонности, несоотвѣтствующіе той средѣ, гдѣ имъ суждено жить. Одна будетъ стремиться къ чему-нибудь, что̀ охватило бы все существо сознательно, другая проживетъ свою жизнь безсознательно, зато тѣмъ страстнѣе, тѣмъ неудержимѣе, тѣмъ трагичнѣе бросится на приманку, которая будетъ манить ее въ сторону неизвѣданныхъ наслажденій. Въ самомъ же изображеніи мистицизма Зола̀ имѣетъ блистательныхъ предшественниковъ въ Гонкурахъ, авторахъ «Г-жи Жервезэ»,

Психологическій анализъ веденъ въ этомъ романѣ Зола̀ не менѣе даровито, чѣмъ у Флобера, съ обиліемъ красокъ, съ большой колоритностью языка, можно сказать, съ роскошью наблюденій; но общность творчества не достигаетъ, все-таки, того уровня, на какомъ она находится у Флобера: меньше спокойствія, меньше гармоніи съ общимъ теченіемъ разсказа, меньше ясности, простоты, а, стало быть, и силы. Зато весь городъ, всѣ мелкія интриги, вся та цѣпь происшествій, разговоровъ, сценокъ, которая служитъ для аббата Фожасъ матеріаломъ для выполненія честолюбивыхъ плановъ, мало въ чемъ уступаетъ творчеству Флобера, развертывающаго передъ нами провинціальную жизнь на другомъ концѣ Франціи. И въ веденіи разсказа можно было бы увидать большую аналогію съ «Г-жей Бовари». Зола̀ не держится нисколько обыкновенныхъ пріемовъ французскихъ повѣствователей: не распредѣляетъ романъ на правильные отдѣлы, не выдѣляетъ болѣе крупныхъ эпизодовъ въ ущербъ другимъ, не заботится, словомъ сказать, объ архитектурѣ и расположеніи частей. Въ этомъ онъ, опять-таки—прямой послѣдователь Флобера, желающій идти за жизнью безъ всякихъ проявленій авторскаго произвола. Но ему недостаетъ еще высочайшаго искуства, какое есть у Флобера: оставаясь вѣрнымъ будничной дѣйствительности, каждый эпизодъ,

каждую подробность описывать и разсказывать гармонически, съ чувствомъ мѣры, съ соотвѣтствіемъ между содержаніемъ той или иной главы. Золà все еще увлекается: или онъ васъ почти подавляетъ подробностями одной какой-нибудь сцены, или же начинаетъ перескакивать отъ лица къ лицу, отъ одного мѣста дѣйствія къ другому, и къ концу романа вы начинаете чувствовать то томленіе, о которомъ я уже упоминалъ. Языкъ въ «Завоеваніи Плассанса» остался тотъ же, что̀ и въ первыхъ частяхъ эпопеи. Авторъ недостаточно очистилъ его отъ обилія своихъ словъ, не сдѣлалъ его трезвымъ, умѣреннымъ, объективнымъ. Онъ не замѣчаетъ, ка̀къ иныя фразы, обороты рѣчи и даже отдѣльныя существительныя и прилагательныя пестрятъ страницы его романовъ; не замѣчаетъ онъ и того, ка̀къ рьяность его писательскаго темперамента продолжаетъ мѣшать ему въ достиженіи высшей объективности. И что̀ еще невыгоднѣе для этой лучшей изъ доселѣ вышедшихъ частей эпопеи: главная фигура романа, аббатъ Фожасъ, какъ бы уходитъ весь въ ту сѣть интригъ, какую онъ накинулъ на̀ городокъ Плассансъ, и его обличье, языкъ, манера вести себя, словомъ сказать, вся его индивидульность не оставляютъ, по прочтеніи романа, достаточно яркаго отпечатка. Я не находилъ ни въ нашей, ни въ иностранной критикѣ обстоятельнаго сужденія о томъ, въ какой степени удался романисту аббатъ Фожасъ; но большинство читателей, съ какими мнѣ приводилось бесѣдовать, сознавались мнѣ какъ разъ въ такомъ впечатлѣніи. А если оно такъ, то это доказываетъ, что слишкомъ сильная разсудочность въ замыслѣ главнаго лица непремѣнно должна повести, даже и при огромномъ талантѣ, къ мѐньшей художественности о̀бразовъ. Выберите вы изъ романовъ тѣ мѣста, гдѣ непосредственно дѣйствуетъ аббатъ Фожасъ, прочитайте ихъ одно за другимъ, и врядъ ли вы скажете, что онъ стоитъ передъ вами какъ живой, между тѣмъ какъ множество второстепенныхъ и даже случайныхъ фигуръ того же романа мечутся вамъ въ глаза своею характерностью. Каждый изъ нихъ гораздо болѣе индивидуализированъ, чѣмъ тотъ человѣкъ, который долженъ стоять поверхъ всего этого муравейника. Теоретически, въ замыслѣ, по программѣ романа, онъ, дѣйствительно, стоитъ выше и ведетъ свое дѣло съ необычайной ловкостью, выдержкой и умомъ; но мы въ этомъ должны вѣрить наполовину самому автору; да иначе и не могло быть въ романѣ ограниченнаго размѣра: тогда бы пришлось превратить все повѣствованіе въ рядъ сценъ, разговоровъ и описаній, гдѣ дѣйствуетъ исключительно аббатъ Фожасъ. Въ этомъ смыслѣ Золà не перепустилъ мѣры; онъ вводитъ главное лицо, насколько это нужно; только, вводя его, остается, какъ художникъ, ниже своей задачи. Произошло это оттого, что онъ создалъ въ своемъ воображеніи слишкомъ синтетическій характеръ, не сдѣлалъ своего аббата болѣе человѣкомъ, не надѣлилъ его извѣстными противорѣчіями,

не заставилъ его гораздо больше подчиняться случайностямъ жизни, накладывающимъ на каждый характеръ и на каждую волю свой отпечатокъ. И вышло, что идея наполовину убила живую правду, сгладила ея внѣшнія особенности, сдѣлала бѣдной и односторонней ея внутреннюю душевную жизнь.

Въ послѣдней 5-й части «Ругоновъ», извѣстной намъ вполнѣ (6-й романъ только теперь печатается въ русскомъ переводѣ, а по-французски еще не появился)[1], Зола развиваетъ свою нервно-психологическую тэму, показываетъ, какъ отъ матери, прошедшей черезъ всѣ крайности мистической гистеріи, сынъ унаслѣдовалъ особенности вырождающагося нервнаго типа. Онъ дѣлаетъ его духовнымъ нетолько по призванію, но и по страстной потребности въ постоянномъ нравственномъ возбужденіи, переходящемъ безпрестанно въ экстазы и даже галлюцинаціи. Такую молодую натуру, ушедшую вполнѣ въ религіозную восторженность, авторъ заставляетъ бороться съ другими, болѣе естественными побужденіями, съ потребностью земной любви, собственной молодостью и поэзіей. Борьбы этой она не выдержала, почему весь романъ и называется «Проступкомъ аббата Мурэ». Изъ всѣхъ пяти частей эпопеи, охарактеризованныхъ мной, эта 5-я часть едва ли не самая недостаточная. Нельзя сказать, чтобъ романъ былъ слабъ, чтобъ онъ обличалъ утомленіе въ авторѣ, чтобъ онъ не заключалъ въ себѣ ничего новаго; но въ немъ всего рѣзче выставляется то отсутствіе равновѣсія, о которомъ я уже упоминалъ, доходящее до весьма рѣзкой дисгармоніи въ элементахъ романа. На этотъ разъ Зола болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ рукахъ своего писательскаго темперамента: ему страстно захотѣлось создать нѣчто, окрашенное въ колоритъ реалистической фантазіи. И разъ задавшись такимъ замысломъ, онъ вполнѣ отдался своимъ собственнымъ порывамъ, забывая о читателѣ, слушаясь только своего собственнаго воображенія. Вначалѣ, когда авторъ сводитъ аббата Мурэ съ полудикой дѣвушкой, воспитанной эксцентрическимъ старикомъ, всякій читатель чувствуетъ, дѣйствительно, наплывъ поэтическаго чувства; но въ дальнѣйшемъ развитіи этой восторженной идилліи онъ съ трудомъ слѣдитъ за авторомъ и кончаетъ рѣшительно протестомъ и противъ правды, и противъ мѣры такого творчества. Та доля поэзіи, какую вначалѣ Зола съумѣлъ вложить въ разсказъ, уступаетъ мѣсто безпорядочному нагроможденію красокъ, образовъ, ощущеній и всевозможныхъ странностей душевной жизни, доведенной до истерическаго состоянія. При этомъ чувствуется постоянно *усиліе писателя*, его желаніе во что бы то ни стало подняться до небывалыхъ еще во французской беллетристикѣ высотъ поэтической *прозы*. Еслибъ я желалъ прибѣгать къ фигурамъ и сравненіямъ, я сказазалъ бы, что эта доля романа представляетъ собою болѣзнь, извѣстную

[1] Читано въ *мартѣ* текущаго года. *Прим. автора.*

подъ именемъ *плэторы*, то-есть какое-то авторское полнокровіе, достигающее почти уродливыхъ размѣровъ, какую-то «гипертрофію», какъ выражаются также медики. Понятно, что, при подобномъ одностореннемъ и умышленномъ развитіи одного элемента въ романѣ, весь онъ явился испорченнымъ въ своей постройкѣ. Ограничься Зола̀ реальнымъ изображеніемъ жизни чувственнаго, полуязыческаго населенія и его южной природы и поставь посреди этого міра грубыхъ, полуживотныхъ инстинктовъ такую фигуру, какъ аббатъ Мурэ, въ ея ежедневныхъ столкновеніяхъ съ окружающей дѣйствительностью, онъ написалъ бы нѣчто, неуступающее по достоинствамъ предъидущимъ романамъ. Но онъ показалъ намъ только одинъ уголокъ такой именно реальной картины, а остальные пожертвовалъ своему авторскому капризу. Уголокъ этотъ обличаетъ настоящаго мастера. Всѣ подробности, въ которыхъ живописуется будничная жизнь: деревня, церковь, прислуга аббата, вся его до нельзя бѣдная обстановка—все это въ высшей степени рельефно, живо, ново, написано кистью крупнаго мастера. А въ общемъ не достигнуты: ни цѣль натуралиста, ни цѣль соціальнаго бытописателя. Но было бы односторонне дѣлать общій выводъ на основаніи впечатлѣній, доставляемыхъ послѣднимъ, по времени, романомъ. Слѣдуетъ взять всю совокупность первой четверти всего труда, задуманнаго романистомъ. Совокупность эта достаточно объясняетъ всѣ его особенности, яркія качества и недостатки, которые, при такой любви къ труду и при искренности отношенія къ дѣлу, могутъ значительно сгладиться: мы уже видимъ это, сравнивая эпопею «Ругоновъ» съ романомъ первой манеры «Тереза Ракенъ». Разница выходитъ громадная, несмотря на то, что между двумя эпохами творчества лежатъ какихъ-нибудь три-четыре года. Съ лѣтами рьяность писательской натуры непремѣнно сгладится, *умъ* вступитъ окончательно въ свои права̀ и подчинитъ себѣ художественныя средства, ведя ихъ въ каждомъ произведеніи къ полной гармоніи, къ полному соотвѣтствію съ замысломъ. Относительно Зола̀ такая надежда вполнѣ умѣстна, и нѣтъ сомнѣнія, что каждый его читатель присоединится къ желанію видѣть поскорѣе: полное и гармоническое развитіе этого своеобразнаго таланта, какъ нельзя болѣе проявляющаго духъ нашей эпохи, которую онъ, по собственному сознанію, такъ горячо и беззавѣтно любитъ.

Я долженъ кончить свой обзоръ движенія реальнаго романа во Франціи. Предѣлы трехъ бесѣдъ не позволили мнѣ вдаваться въ болѣе подробный анализъ отдѣльныхъ произведеній; но я старался намѣтить главныя черты въ этомъ развитіи творческихъ идей и пріемовъ народа, обладающаго такими блестящими способностями ко всякаго рода умственной дѣятельности.

Вы, конечно, замѣтили, что множество именъ *и* самыхъ крупныхъ, *и* средней величины, принадлежащихъ къ области французскаго романа, были мною какъ бы умышленно пропущены. Я ни однимъ словомъ не упомянулъ ни о Викторѣ Гюго, ни о Жоржъ Зандъ, ни о другихъ повѣствователяхъ, прошедшихъ далеко не безслѣдно и теперь еще дѣйствующихъ во французской литературѣ. Сдѣлалъ я это потому, что мнѣ хотѣлось выдѣлить ту группу романистовъ, въ которой реализмъ нашелъ своихъ самыхъ прямыхъ представителей, какъ по замысламъ, такъ, главнымъ образомъ, по пріемамъ творческой работы. Вліяніе такихъ двухъ талантовъ, какъ Гюго и Жоржъ-Зандъ, было очень большое. Они сами представляютъ собою половину всей современной беллетристики; ихъ романы волновали нѣсколько генерацій и выражали собой несомнѣнно многія лучшія идеи, стремленія, упованія культурной Европы за цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Но ни тотъ, ни другая—не реалисты въ настоящемъ смыслѣ слова. Это—даровитѣйшіе тенденціозные писатели поэты. Въ ихъ романахъ, особенно у Жоржъ-Зандъ, вы, конечно, найдете множество изображеній дѣйствительности, показывающихъ знаніе жизни, изученіе типовъ и соціальныхъ отношеній; но и тотъ, и другая пользуются всѣмъ этимъ, какъ средствомъ, а не какъ первенствующей цѣлью. Они *доказываютъ, а не констатируютъ*; у нихъ пріемы поэтовъ-моралистовъ, а не художниковъ-естествоиспытателей; въ нихъ, наконецъ, воображеніе всегда преобладаетъ надъ чувствомъ безусловной правды; имъ нельзя обойтись безъ сочиненія сюжетовъ, безъ обдуманныхъ контрастовъ, эффектовъ или же, какъ у Жоржъ-Занда, безъ разсужденій, доводовъ, изобличеній, направленныхъ въ ту или другую сторону [1]. Ни одинъ молодой талантъ, если онъ желаетъ остаться вѣрнымъ *настоящему реальному творчеству,* не можетъ взять ни Гюго, ни Жоржъ-Зандъ своимъ образцомъ, не долженъ слѣдовать за ними даже тогда, когда они являются какъ-бы съ пріемами реалистовъ.

Точно также не упомянулъ я и о многихъ писателяхъ, хотя не первой величины, но съ несомнѣннымъ талантомъ, у которыхъ замѣчается или смѣсь реальныхъ пріемовъ съ резонерствомъ, или слишкомъ большая разсудочность и преднамѣренность замысла, или же недостаточность глубины, правды, серьёзности. Почти одновременно съ Флоберомъ получилъ большую извѣстность и Фэдо, котораго, быть можетъ, иной и причислитъ къ романистамъ реальной школы. Онъ, дѣйствительно, выказалъ весьма недюжинную способность въ анализѣ душевныхъ волненій; но, возбудивъ большія надежды даже въ такомъ проницательномъ критикѣ, какимъ былъ Сент-Бёвъ, Фэдо вдался въ одностороннюю виртуозность, началъ писать на пикантныя темы,

[1] Даже въ своихъ самыхъ реальныхъ романахъ изъ *сельской жизни*, Жоржъ-Зандъ не свободна отъ идеализаціи. *Прим. автора.*

выдѣляя каждый разъ болѣзненную психологію своихъ героевъ и героинь изъ общаго теченія жизни, что̀ и составляетъ, какъ я старался показать вамъ, главный недостатокъ каждаго романиста, желающаго идти по дорогѣ истиннаго реализма. И въ нѣскольких другихъ писателяхъ новѣйшей эпохи: въ Дюма-сынѣ, какъ романистѣ, въ Полѣ-Февалѣ, въ Альфонсѣ Каррѣ, въ Эдмонѣ Абу вы найдете несомнѣнные признаки реальнаго направленія. Каждый изъ нихъ способенъ къ наблюдательности, къ изученію подробностей, къ изображенію лицъ и характеровъ; но въ ихъ романахъ *сочинительство*, все-таки, беретъ верхъ и беретъ оно верхъ не въ видѣ преувеличеній, эксцентричностей, нелѣпостей или слишкомъ яркихъ противорѣчій, а въ видѣ резонёрства, по просту выражаясь, *умничанья*, желанія все провести черезъ свою писательскую манеру, подъискать нарочно самыя пикантныя положенія, выбрать самые тонкіе разговоры, придать дѣйствующимъ лицамъ особаго рода лоскъ, слишкомъ ловко поставить ихъ въ извѣстное положеніе. Этимъ грѣшатъ всѣ названные мною романисты, этимъ объясняются ихъ успѣхи въ свѣтской публикѣ, этимъ же объясняется и малое ихъ значеніе въ развитіи настоящаго художественнаго реализма въ области романа.

Но вернемся еще на минуту къ тѣмъ крупнымъ творцамъ художественной правды, которые сказали уже свое слово или еще продолжаютъ его говорить и въ настоящую минуту. Ка̀къ ни разнообразны оттѣнки ихъ дарованій, ка̀къ ни изобрѣтательны всѣ они въ дѣлѣ замысла, фабулы, характеровъ, положеній, общаго колорита—къ чему сводятся по преимуществу внутреннее содержаніе интимныхъ драмъ, какія новѣйшіе романисты реальной школы вкладываютъ въ рамки своихъ произведеній? Къ двумъ главнымъ моментамъ: къ *супружеской невѣрности* и къ *противорѣчію между душевными потребностями французской женщины и ея положеніемъ*. Говоря объ отдѣльныхъ романахъ Флобера, Гонкуровъ, Додэ, Дроза, Зола̀, мы видѣли эти мотивы. Что это доказываетъ? 1) То, что жизнь неизмѣримо сильнѣе индивидуальной воли писателя и заставляетъ его, такъ или иначе, подчиняться своему голосу, и 2) то, что самыя крупныя противорѣчія, самыя больныя мѣста извѣстнаго общественнаго строя, роковымъ образомъ, скажутся въ произведеніяхъ реальнаго искусства. Никто не станетъ утверждать, что мы, русскіе, обладаемъ гораздо бо̀льшимъ воображеніемъ, изворотливостью, находчивостью въ литературномъ дѣлѣ, чѣмъ французы. Это было бы неумѣстное самохвальство; а между тѣмъ, какова бы ни была наша беллетристика, мы находимъ въ ней относительно бо̀льшее разнообразіе главныхъ мотивовъ. Каждый русскій читатель вправѣ, говоря о французскихъ романахъ, драмахъ, комедіяхъ, воскликнуть: «все это—одно и то же: супружеская невѣрность подъ разными приправами!» И оно, дѣйствительно, такъ. Нетолько въ романѣ, но и на сценѣ, мотивъ этотъ безпрестанно повторяется.

Онъ и во Франціи надоѣлъ всѣмъ, на сценѣ болѣе чѣмъ даже въ романѣ; каждый драматическій писатель желалъ бы обойти его и никакъ не можетъ, не можетъ потому, что жизнь не передѣлаешь по произволу. Кàкъ только вы введете женщину въ свой романъ или драму и захотите возбудить къ ней интересъ, вы должны будете непремѣнно, оставаясь вѣрнымъ французской жизни, поставить ее въ какое-нибудь рѣзкое противорѣчіе съ существующими обычаями, законами, привычками, понятіями. Если она любитъ, почти всегда это будетъ не мужа, а чужаго; если въ душѣ ея живутъ какія-нибудь высшія порыванія, она, въ девяти случаяхъ на десять, найдетъ имъ отголосокъ или въ незаконной любви, или, подчинившись вліянію особаго существа мужскаго рода, которое называется во Франціи «руководитель совѣсти» (directeur de conscience). Припомните, сколько романовъ вошло въ мою характеристику. Болѣе дюжины. И въ нихъ супружеская невѣрность повторяется фатально въ той или иной формѣ; а если нѣтъ супружеской невѣрности, то есть женская жизнь, исковерканная общественнымъ строемъ: или суровыми условіями пролетаріата, или систематическимъ извращеніемъ клерикализма. Повторяю: иначе не могло быть, потому что реальное творчество не можетъ сочинять жизнь по своему произволу. Но рядомъ съ этими, какъ бы роковыми мотивами интимной психологіи, французскіе реалисты вставили въ свои произведенія все, что̀ только ихъ наблюдательность находила вокругъ себя. Однообразіе романическихъ сюжетовъ не мѣшало постепенному расширенію предѣловъ творчества, и въ самое послѣднее время, въ лицѣ Зола̀, мы видимъ авторскую иниціативу, достигшую высшаго развитія. Въ такую эпопею, какую онъ задумалъ, должны войти, по всей вѣроятности, всѣ сферы общественной и семейной жизни современной Франціи. На этомъ пути расширенія рамокъ мы находимъ и у тенденціозныхъ романистовъ замыслы, поражающіе своими размѣрами. Возьмите романы Сю и Гюго, и вы, конечно, сознаѐтесь, что въ нихъ авторы хотѣли обнять цѣлую эпоху, не довольствуясь предѣлами семейной хроники. Но выполненіе, какъ я уже говорилъ, оставалось гораздо болѣе тенденціознымъ и сочиненнымъ, чѣмъ реалистическимъ. Между тѣмъ какъ настоящіе реалисты должны, расширяя рамки романа, оставаться въ предѣлахъ все той же безпощадной правды, какую они выставляли, занимаясь частной психологіей.

Надо, стало быть, сложить съ французскихъ художниковъ упрекъ въ томъ, что они умышленно эксплуатируютъ мотивы, въ которыхъ сказываются главныя болячки общественнаго тѣла. И, кàкъ только мы отнесемся къ нимъ объективно, мы должны будемъ признать, что передъ нами развертывается картина такого реальнаго творчества, какое врядъ-ли представляетъ намъ какая-либо другая новѣйшая литература. Романъ въ Англіи развился необычайно. Имена даровитыхъ англійскихъ романи-

стовъ извѣстны всѣмъ и каждому и оспаривать ихъ заслуги было бы нелѣпо. Но я прошу васъ сообразить: *какою рода реализмъ* занималъ насъ въ теченіи нашихъ бесѣдъ? Кого изъ французскихъ романистовъ нельзя было не поставить прототипомъ художественнаго исполненія? Этотъ образцовый художникъ — Флоберъ. Сравните вы его творчество съ пріемами двухъ гигантовъ англійскаго романа, Тэккерея и Диккенса, и вы должны будете согласиться, что въ немъ участіе авторскаго «я» не играетъ вовсе такой роли, какъ въ произведеніяхъ двухъ англійскихъ корифеевъ. Безъ своеобразной манеры, окрашивающей все въ извѣстный колоритъ юмора или поэтическаго настроенія, романы Тэккерея и Диккенса не имѣли бы и половины цѣны своей. Стало быть, творчество ихъ было наполовину *субъективное*. Изъ ихъ послѣдователей, только у Троллопа и Джорджа Эллiота находимъ мы такой реализмъ, какимъ преисполнены произведенія Флобера, но съ гораздо меньшей даровитостью, гораздо меньшимъ мастерствомъ объективнаго языка. О второстепенныхъ англійскихъ романахъ реальной школы я не говорю: талантомъ они ниже всѣхъ тѣхъ молодыхъ романистовъ, какіе явились послѣ Флобера, за исключеніемъ, быть можетъ, американскаго разсказчика Бретъ-Гарта, который, однако, занимается больше очерками отрывочнаго характера, гдѣ, опять-таки, его личный писательскій юморъ составляетъ главное привлекательное качество. И не одно это достойно интереса въ движеніи реальнаго французскаго романа. Обратите вниманіе на самихъ авторовъ, посмотрите, какъ они жили и живутъ, какъ всецѣло преданы своему призванію, какой искренностью и энергіей проникнуты они, несмотря на то, что многіе изъ нихъ должны были бороться и съ равнодушіемъ публики, и съ разными другими житейскими невзгодами.

Признаюсь, зрѣлище такого высшаго человѣческаго труда поднимаетъ въ каждомъ душевныя силы, вчужѣ поддерживаетъ на томъ же скользкомъ пути, гдѣ гораздо больше шиповъ, чѣмъ розъ, наполняетъ глубокимъ уваженіемъ нетолько къ личностямъ, но и къ высокой идеѣ ихъ совокупной дѣятельности. Мы, русскіе, можемъ-ли выставить соотвѣтственный рядъ людей, которые бы оставались такъ вѣрны призванію писателя, такъ неуклонно добивались бы высшаго развитія творческихъ способностей? Талантами и наша беллетристика не бѣдна; но характеры стоятъ у насъ, увы! ниже ума и дарованія; жизнь несравненно скорѣе затираетъ у насъ людей или дѣлаетъ ихъ преждевременно усталыми, заставляетъ ихъ вдаваться въ какой-то литературный абсентеизмъ, покидать на долгіе годы родное общество, или уединяться не для плодотворной дѣятельности, а для относительнаго бездѣйствія.

И не странно-ли, что въ нашей журнальной критикѣ до сихъ поръ не выработалось правильнаго, правдиваго, разносторонняго взгляда на движеніе французской беллетристики? Предполагается,

что всѣ ее знаютъ, что она такъ же популярна у насъ, какъ и своя собственная, а между тѣмъ, вы, то и дѣло, наталкиваетесь на отзывы, на возгласы, показывающіе, что всю французскую беллетристику сваливаютъ часто въ одну кучу, не желаютъ рѣзко выдѣлить изъ нея то направленіе, какое я старался характеризовать вамъ въ общихъ чертахъ, не хотятъ констатировать существованія цѣлаго ряда крупнѣйшихъ талантовъ, цѣлаго ряда произведеній, гдѣ жизнь изображается съ такимъ мастерствомъ, до котораго наша изящная литература достигла только въ небольшомъ количествѣ произведеній. Чтобъ быть послѣдовательными съ самими собою, чтобъ не пользоваться незаслуженной репутаціей знатоковъ французской литературы, намъ нужно начать сознаніемъ, что настала пора болѣе трезвой и серьёзной критики, обращенной на разныя области западной литературы. Критика безъ всякаго мелкаго національнаго задора поведетъ къ общенію между творческой областью западной литературы и нашимъ литературно-художественнымъ движеніемъ. Это нетолько не умалитъ значенія и достоинства отечественныхъ талантовъ, но, напротивъ, научитъ относиться къ нимъ съ еще большей симпатіей, съ болѣе искреннимъ желаніемъ: сначала вникнуть и понять, а потомъ уже произносить свои приговоры.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Законъ о высшемъ образованіи и его значеніе для клерикаловъ. — Непосредственная цѣль отнятія отъ такъ-называемыхъ «свободныхъ» университетовъ права выдачи степеней. — Пренія по поводу законопроекта Ваддингтона въ палатѣ депутатовъ, съ 1-го по 7-е іюня. — Скандалъ съ Кассаньякомъ. — Защитники католическихъ интересовъ: Кастеланъ, Келлеръ и де-Мёнъ. — Возраженія министра, докладчика и предсѣдателя комиссіи. — Вмѣшательство Ферри, Барни и Руэра. — Расколъ между бонапартистами. — Принятіе закона палатою до сенатскаго утвержденія.

Закономъ 12-го іюня 1875 года, получившимъ громкое названіе закона о высшемъ образованіи, національное собраніе созыва 1871 года, еще болѣе клерикальное, чѣмъ національное собраніе 1850 г., предавши первоначальное и среднее образованіе эксплуатаціи обскурантизма, обусловило въ значительной степени тріумфъ ультрамонтанской реакціи, котораго послѣдняя добивалась болѣе полувѣка. На основаніи принципа первой статьи этого закона, казалось бы, что имъ предоставляется учрежденіе свободныхъ факультетовъ и групировка ихъ въ университеты не только всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, признаннымъ правительствомъ, но и ученіямъ нерелигіознымъ, какъ наприм., позитивизму. Но на практикѣ такое дѣло было обставлено такими трудностями, что никакое учрежденіе этого рода, независимое отъ господствующей церкви и государства, не было возможно къ осуществленію. Частные курсы и публичныя чтенія оставались попрежнему подъ запретомъ, такъ какъ они не могли открываться безъ предварительнаго полицейскаго разрѣшенія; только одинъ католицизмъ получилъ возможность, тотчасъ же по обнародованіи закона, открыть въ Парижѣ университетъ и въ Лиллѣ и Анжерѣ отдѣльные факультеты и сдѣлать всевозможныя приготовленія для открытія множества другихъ, которые скоро покрыли бы *всю Францію несомнѣнно*, еслибы при общихъ выборахъ правительство нравственнаго порядка получило большинство. Государственный университетъ, управляемый высшимъ совѣтомъ, находящимся подъ вліяніемъ духовенства, навѣрно приведенъ былъ

бы къ неизбѣжному паденію, и монополія его и духовной власти іезуитовъ была бы вся исхищена въ руки послѣднихъ, такъ что, въ концѣ концовъ, римская церковь стала бы единою главою всего національнаго воспитанія съ верху до низу.

Народный инстинктъ, едва только онъ получилъ первую возможность высказаться голосованіемъ, отчасти интуитивно, отчасти благодаря хвастовству неосторожныхъ клерикаловъ, заявлявшихъ о своемъ стремленіи достигнуть въ скоромъ времени «гражданскихъ похоронъ принциповъ 1789 года», помѣшалъ такому исходу дѣла. Этотъ инстинктъ выразился прямымъ отрицаніемъ ультрамонтанства вообще и полученнаго имъ права высшаго образованія въ частности. Главною характерною чертою новаго большинства депутатовъ былъ анти-клерикализмъ. Эта черта была такъ ясна, что новое министерство должно было, въ своей программѣ 14-го марта, во главѣ своихъ обязательствъ передъ страною поставить возвращеніе государству права выдачи степеней. Конечно, простое уничтоженіе іюльскаго закона было бы сообразнѣе съ требованіями націи и ея прямыхъ представителей. Но это было неосуществимо при сенатѣ, клерикальный духъ котораго все еще силенъ, и при маршалѣ-президентѣ, всѣ окружающіе котораго и самая семья подчинены прямому вліянію духовенства. Никакая радикальная мѣра, ка̀къ бы она ни была логична, не была возможна безъ перемѣны легальнаго персонала или безъ измѣненій самой конституціи 25-го февраля въ демократическомъ смыслѣ, что̀ не можетъ быть ранѣе 1880 года, и поэтому достаточно было достигнуть хотя бы подчиненія католическихъ университетовъ государству, чтобы сдѣлать ихъ безсильными какъ пагубно повліять на народное развитіе, такъ и противодѣйствовать тому, чтобы свѣтскій университетъ могъ усовершенствоваться и стать въ уровень съ прогрессомъ наукъ и духа французской революціи.

Такъ думали безъ исключенія всѣ республиканскіе депутаты. Хотя радикалы логично (но несвоевременно) и отрицали въ печати всякое право и государства, и церкви на выдачу степеней, требовали отмѣны всякой монополіи и провозглашали абсолютную свободу преподаванія и профессій съ уничтоженіемъ всякихъ степеней и дипломовъ, но и ихъ непрактическія требованія, очевидно, не могли встрѣтить никакого отзыва въ палатѣ. Простое замѣчаніе министра Ваддингтона о невозможности добиться отъ сената чего-либо болѣе отмѣны смѣшанныхъ присяжныхъ побудило даже самаго предсѣдателя парламентской комиссіи Барни взять назадъ свою личную поправку о свободѣ публичныхъ курсовъ и чтеній. Въ своемъ докладѣ, одобряющемъ министерскій проектъ, докладчикъ Спюллеръ удовольствовался возвращеніемъ государству права выдачи степеней, тщательно отдѣливъ свободу преподаванія отъ болѣе или менѣе реальной общественной необходимости—провѣрки способностей; онъ даже не сталъ подробно опровергать мрачныхъ стремленій

ультрамонтанства, желающаго, по выраженію Э. Кинэ, «свободы для того, чтобы убить свободу»; онъ показалъ только слегка равнодушіе націи къ страданіямъ клерикаловъ, указавъ на жалкій итогъ подписей подъ петиціями, поданными противъ законопроекта Ваддингтона, и объяснилъ ничтожность значенія этихъ подписей тѣмъ, что всѣ онѣ принадлежатъ священникамъ, монахамъ, неграматнымъ крестьянамъ, женщинамъ и дѣтямъ, т. е. лицамъ, настолько же равнодушнымъ къ вопросамъ высшаго образованія, насколько и неспособнымъ ихъ понимать.

Публичныя пренія по этому закону начались перваго іюня, и первымъ ораторомъ явился Поль-де-Кассаньякъ, рѣшившійся связать имперіализмъ съ католичествомъ и конгрегатовъ Игнатія Лойолы съ шайкой 2-го декабря и для этой цѣли безцеремонно пожертвовавшаго и конкордатомъ, и университетомъ своего Наполеона I-го. Лишонный всякихъ способностей для того, чтобы поддержать съ нѣкоторой послѣдовательностію какую бы то ни было тэму, этотъ оруженосецъ Наполеона IV-го попытался выпутаться изъ своего положенія одною дерзостію и, когда не могъ ничего сказать по поводу выдачи степеней, то сталъ позорить великолѣпную демонстрацію свободной мысли на похоронахъ Мишле и требовать полицейскихъ строгостей противъ студентовъ, принимавшихъ въ ней участіе, а потомъ стремившихся упрочить организаціею это пробужденіе мысли французскаго юношества противъ ультрамонтанства. При этомъ, онъ не упустилъ случая указать на неловкую фразу одного изъ иниціаторовъ международнаго конгресса школъ: «протянемъ руку нашимъ германскимъ братьямъ надъ развалинами Страсбурга». Но, въ то же время, по неловкости, прочиталъ и манифестъ большинства парижскихъ студентовъ, которое, съ болѣе исключительнымъ патріотизмомъ и съ образцовою политическою умѣренностію, заявляетъ о своемъ желаніи имѣть демократическій клубъ, такъ какъ уже существуетъ таковой же католическій, и надѣется на возможность образовать свѣтскій союзъ школъ, такъ какъ подобные же католическіе союзы терпимы. Этимъ онъ вызываетъ только аплодисменты республиканцевъ, такъ же какъ и тогда, когда, перейдя отъ студентовъ 1876 г. къ студентамъ 1865 г., онъ напоминалъ ту декларацію, которую они высказали, на люттихскомъ конгрессѣ: «Мы явились заграницей для того, чтобы нанести первый ударъ имперіи, подать сигналъ пробужденія и заявить, что демократія, задавленная государственнымъ переворотомъ, еще жива». Но послѣ этой цитаты онъ старается показать, что революціонная молодежь времени имперіи, если бы не была остановлена силою, то объявила бы открытую войну буржуазіи и капиталу; при этомъ, онъ читаетъ отрывокъ изъ одной дѣйствительно рѣзкой рѣчи того времени, авторъ которой всѣмъ хорошо извѣстенъ, такъ какъ ее ужь давно приводятъ, какъ аргументъ противъ республиканцевъ, всѣ реакціонныя газеты, а «Univers» и «Pays» еще наканунѣ сочли

нужнымъ вновь приподнести ее публикѣ, и торжественно восклицаетъ: «Можетъ быть, авторъ этихъ словъ между нами?» Пусть же онъ въ такомъ случаѣ себя назоветъ». На его приглашеніе никто не отзывается, не желая нарушать парламентскую дисциплину; ораторъ же полагаетъ, что онъ своимъ пріемомъ совершенно разгромилъ противника, и пускается по этому поводу въ обвиненіе всѣхъ республиканскихъ депутатовъ, неосмѣливающихся принимать на себя отвѣтственности за слова̀, произнесенныя ими до своего выбора. Тогда Жермэнъ Кассъ, не выдерживая такой наглости, восклицаетъ: «Цитируемыя слова̀—мои, и я прошу слова». Кассаньякъ пытается еще, цѣлымъ рядомъ прозрачныхъ инсинуацій и разсчитанныхъ дерзостей, поднять парламентскій скандалъ и заслужить себѣ мученическій вѣнецъ подъ видомъ *«призыва къ порядку»;* но предсѣдатель Греви отказываетъ ему въ этой чести и уничтожаетъ его наставленіемъ чисто-педагогическимъ, высказаннымъ полупрезрительнымъ тономъ. Едва сходитъ съ трибуны Кассаньякъ, какъ его замѣняетъ Кассъ. Бывшій люттихскій ораторъ, а нынѣ депутатъ отъ города Парижа, прежде всего высказываетъ глубочайшее презрѣніе къ бонапартистской провокаціи, потомъ сознается, что въ молодости не однажды высказывалъ свои мысли съ излишнею горячностію. «Ошибка простительная, говоритъ онъ:—тогда приходилось жить подъ гнётомъ ненавистной имперіи, и, еслибы нашъ тогдашній вызовъ былъ принятъ, какъ нужно, то въ исторіи Франціи не было бы такихъ страницъ, какъ Седанъ, всѣ наши неслыханныя невзгоды, за нимъ послѣдовавшія, и пятимилліардная контрибуція». Эмиль Дюшанель, ученикъ нормальной школы и профессоръ государственнаго университета, отставленный и изгнанный во время имперіи, вошедшій на трибуну вслѣдъ за Кассомъ, отмщаетъ Кассаньяку въ своемъ отвѣтѣ за всѣхъ своихъ прежнихъ товарищей, которыхъ недостойный противникъ не останавливался даже обвинять въ томъ, что они, подъ предлогомъ продолженія своихъ занятій, отстранились отъ исполненія своихъ военныхъ обязанностей во время нашествія; для этого онъ приводитъ множество именъ, лицъ, изъ учениковъ университета, убитыхъ подъ знаменами. Послѣ этого, этотъ молодой и еще только дебютирующій парламентскій ораторъ показываетъ, что подъ знаменемъ клерикальнаго лицемѣрія собрался сбродъ радѣтелей на пользу всѣхъ сортовъ деспотизма; онъ показываетъ, что свобода, именемъ которой предательски злоупотребляетъ ультрамонтанизмъ, есть не что иное, какъ стремленіе подчинить себѣ въ рабство другихъ. Безъ всякаго раздраженія онъ указываетъ сторонникамъ Ватикана, что имъ не удастся обмануть Францію, отечество Вольтера и революціи. «Вы имѣете, оканчиваетъ онъ:—достаточно свободы. Этимъ и удовольствуйтесь. Владычества надъ Франціей вы не достигнете!»

Говоря о революціи 30-го года, происходившей при крикахъ:

«долой іезуитовъ!», Дюшанель, дойдя до Карла X, называетъ его королемъ «старымъ и глупымъ». Вслѣдъ за этими словами десятокъ легитимистовъ съ комическимъ негодованіемъ встаетъ съ своихъ мѣстъ и заявляетъ предсѣдателю требованіе, чтобы онъ запретилъ оратору... оскорблять французскаго короля. Разумѣется, имъ приходится сѣсть, ничего не достигнувъ.

Слѣдующій ораторъ, маркизъ де-Кастелланъ, начинаетъ свою рѣчь апологіей погибшихъ монархій; потомъ цѣлый часъ времени употребляетъ на то, чтобы доказать совершенство системы смѣшанныхъ жюри, практикующейся въ Бельгіи и вызвавшей, какъ извѣстно, совершенно наоборотъ, единодушное осужденіе и науки, и практики. Затѣмъ, молодой роялистъ пылко защищаетъ права церкви и общественную свободу противъ республиканскаго большинства, которое, по его мнѣнію—не что иное, какъ нечестіе и деспотизмъ. Выходка эта проходитъ ему, однако, даромъ по той простой причинѣ, что бо̀льшая часть республиканцевъ уже оставила зало собранія, предоставляя раздушонному представителю реакціи услаждать своимъ краснорѣчіемъ и пугать призракомъ анархіи прекрасныхъ зрительницъ, наполняющихъ галлереи.

На слѣдующемъ засѣданіи, Паскаль Дюпра̀ подвергаетъ безпощадному разбору бельгійскую систему смѣшанныхъ жюри и проводитъ блистательную паралель между римскою церковью, стремящеюся къ захватамъ, и свѣтскимъ обществомъ, вынужденнымъ къ самозащитѣ. Послѣ него приводитъ въ пользу клерикаловъ нѣсколько фантастическихъ аргументовъ вандеецъ де-ла-Бассетьеръ, но ихъ, безъ всякаго труда, хотя и безъ особеннаго блеска, опровергаетъ докладчикъ Спюллеръ, вынужденный, съ другой стороны, нѣсколько извиняться передъ болѣе передовыми демократами изъ своихъ друзей за недостаточность поправки закона 1875 г. «Эта маленькая реформа, заключаетъ онъ:—будетъ принята нами потому, что она проста, справедлива и вполнѣ сообразна съ политикой, которой мы хотимъ слѣдовать, такъ какъ путь, нами себѣ предначертанный, состоитъ въ томъ, чтобы идти впередъ хотя и медленно, но увѣренно».

До сихъ поръ, какъ видѣли читатели, дѣло католиковъ защищалось весьма плохими ораторами. Но вотъ за него начинаетъ говорить депутатъ Келлеръ. Это, уже безъ сомнѣнія—человѣкъ, заслуживающій уваженія, получившій громкую извѣстность за свой краснорѣчивый протестъ, въ февралѣ 1871 года, противъ отдачи Эльзас-Лотарингіи. Кромѣ того, онъ—настоящій парламентаристъ, готовый искренно признать конституцію, если только «республиканскій образъ правленія съумѣетъ предохранить Францію отъ анархическихъ и противо-религіозныхъ страстей». Онъ не позволяетъ себѣ порицать свѣтскій университетъ, которому самъ обязанъ своими знаніями, но отстаиваетъ право и университетовъ католическихъ производить испытанія и выдавать дипломы единственно, какъ говоритъ онъ, съ точки зрѣнія равенства

*

въ свободѣ. Такой взглядъ былъ бы совершенно справедливъ, если бы католицизмъ не былъ религіей католической и глава которой, живя за-границей, не претендовалъ управлять, главнѣйше при помощи общественнаго образованія, внутренними дѣлами Франціи, съ цѣлью всеобщей и международной реакціи и отупленія.

Окончивъ съ этой спеціальной стороной вопроса, бельфорскій депутатъ позволяетъ себѣ увлечься своимъ фанатизмомъ, и въ этомъ случаѣ талантъ его направляется противъ его цѣлей, т. е. помогаетъ ему такъ отчетливо поставить вопросъ, что его дѣло оказывается въ прямомъ антагонизмѣ съ общимъ движеніемъ цивилизаціи и опредѣленными стремленіями Франціи: «Тутъ дѣло, говоритъ онъ:—не въ простой выдачѣ степеней. Этимъ положеніемъ, министерство, заискивающее благорасположеніе меньшинства, подноситъ ему какъ бы свадебную корзину, какъ залогъ своего будущаго съ нимъ союза. Комиссія благодаритъ министерство за такое подношеніе и заявляетъ, что она смотритъ на него, какъ на первый шагъ къ совмѣстному шествію. Но куда-жь они собираются выступить? На дорогу свободной мысли».

«И вотъ, Аллэнъ Тарже уже заявляетъ о своемъ желаніи, чтобы право ассоціацій было прямо признано гражданскимъ и свѣтскимъ, Клемансо требуетъ обузданія іезуитовъ («изгнанія ихъ!» поправляетъ монтмартскій депутатъ), Бароде желаетъ ограниченія бюджета вѣроисповѣданій, Гамбетта въ своей рѣчи къ лильскимъ избирателямъ обѣщаетъ достигнуть полной отмѣны закона о высшемъ образованіи. Хотятъ, слѣдовательно, не отмѣны выдачи степеней, а систематическаго ограниченія правъ церкви и преслѣдованія клерикаловъ, т. е. это — все та же давно уже тянущаяся и никогда нескончаемая дуэль между церковью и революціей».

Либераловъ, мечтающихъ о полной независимости церкви отъ государства, ораторъ называетъ «наивными мыслителями». Галликанцевъ онъ отрицаетъ даже въ лицѣ самого Людовика XIV, который, по его словамъ, «въ минуту заблужденія» сдѣлалъ государственнымъ закономъ декларацію 1682 г., которая, несмотря на то, что была составлена Боссюэтомъ, должна была привести преемниковъ епископовъ, ее подписавшихъ, сначала къ обращенію ихъ въ свѣтскую организацію, а потомъ и къ гильотинѣ.

Передъ непогрѣшимымъ папой ораторъ падаетъ въ прахъ и отъ лица палаты и страны восклицаетъ: «да̀, всѣ мы, конечно— клерикалы! всѣ мы, безспорно—ультрамонтаны! но мы соединены, и никакая сила въ мірѣ не въ состояніи насъ разъединить!»

Изъ силлабуса онъ не отрицаетъ ни одного слова. Вся клерикальная организація, какою она проявилась со времени нашихъ невзгодъ, заслуживаетъ его полнѣйшаго сочувствія и одобренія. Принципы же 89 года, какъ они были опредѣлены въ Люттихѣ и другихъ мѣстностяхъ, онъ называетъ: «злыми шутками, жертвами которыхъ становятся народы». Онъ утвер-

ждаетъ, что «современное общество не можетъ быть иначе спасено, какъ присоединеніемъ къ религіи», разумѣется, католической, внѣ которой, какъ извѣстно, нѣтъ никому спасенія, и что «латинскія расы, которыхъ хотятъ освободить отъ христіанства, не возродятся иначе, какъ ставъ снова христіанами». Исходя изъ принципа, что все дѣлается благодаря религіи и что ничто помимо ея недостижимо, онъ утверждаетъ, что враги католицизма расшатываютъ самыя основы Франціи. «У васъ нѣтъ ничего, рѣшительно ничего», говоритъ онъ:—«чѣмъ бы вы могли замѣнить католицизмъ и что̀ могли бы вы поставить на мѣсто его».—А свобода-то? развѣ ея мало? возражаетъ депутатъ Лисбонъ.—«Свобода», отвѣчаетъ ораторъ:—«не доктрина; это—только подспорье, помогающее доктринамъ развиваться. Если же предоставить самимъ себѣ доктрины философскія, то къ чему онѣ приведутъ? Къ мистико-философскимъ фантазіямъ Жюля Симона и къ теоріямъ позитивистовъ, отрицающимъ самого Бога, душу и будущую жизнь. Чего, напримѣръ, достигаютъ такими отвѣтами, какой держалъ недавно Литтре на сонмищѣ фран-масоновъ относительно загробной наказуемости: «мы не можемъ ничего ни отрицать, ни утверждать, абсолютно не зная ни того, что̀ существуетъ за могилой, ни того, что̀ совершается до рожденія».—«Да, вѣдь, это же и правда; вѣдь, что̀ же противъ этого можно возразить, да и почему же лицо, произнесшее такія слова̀, не можетъ попасть въ среду присяжныхъ даже при системѣ смѣшаннаго ихъ состава?». Возражаютъ нѣсколько раціоналистовъ слѣва, и ораторъ, замѣчая, къ своему ужасу, что ему не удался громовой ударъ его аргументаціи, оставляетъ пути логики и обращается въ боговдохновеннаго пророка: «Ка̀къ бы то ни было», изрекаетъ онъ:—«говорю вамъ по истинѣ, вамъ не удастся низвергнуть католицизма и нѐчего вамъ на его мѣсто поставить!» «А вы хотите его сдѣлать государственной религіей?». Ораторъ притворяется, что не слышитъ, и обращается за сочувствіемъ къ скамьѣ министровъ, въ которыхъ онъ не можетъ не видѣть, на основаніи заявленной ими программы, естественныхъ защитниковъ святыхъ основъ религіи, семьи и собственности, и какъ бы умоляетъ ихъ, чтобы они высказались и не были одновременно сторонниками какъ консерваторовъ, такъ и радикаловъ. Для этого онъ проситъ министерство заявить себя открыто противникомъ демократіи и свободной мысли, вмѣсто того, чтобы продолжать идти по опасному пути, могущему привести Францію къ безднѣ, и, такимъ образомъ, «стать достойнымъ страны»—«которая называется... Римомъ», отвѣчаютъ ему лѣвые.

Положеніе Ваддингтона, который долженъ былъ отвѣчать на это, было весьма затруднительно, такъ какъ онъ—протестантъ, а долженъ былъ отвѣчать на вызовъ католика, да еще признающаго непогрѣшимость папы. Поэтому, ни отъ своего имени, ни отъ лица кабинета, онъ не могъ заявить, что право государства—

стоять выше религіозныхъ несогласій или, какъ это характерно выражали даже консерваторы, во время монархіи Луи Филиппа: въ политическомъ смыслѣ, государство должно быть атеистомъ. Онъ удовольствовался только заявленіемъ, что правительство республики должно быть безпристрастно по вопросу вѣроисповѣданій, покровительствовать правамъ большинства и меньшинства и рѣшительно защищать тѣ принципы, на какихъ основывается устройство современныхъ обществъ. Потомъ онъ очень добродушно сталъ изъяснять, что каждое христіанское сознаніе должно считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ такою свободой преподаванія, при которой отцы могутъ добровольно выбирать тѣхъ или другихъ руководителей для своихъ дѣтей, тотъ или другой методъ, и что такая свобода нисколько не нарушится тѣмъ, что за безпристрастными факультетами государственнаго университета закрѣпится право выдачи степеней. Онъ указалъ на тѣ несправедливости, къ какимъ должны будутъ прибѣгать духовные экзаменаторы, и на то общее пониженіе уровня знаній, какое произойдетъ при системѣ смѣшанныхъ жюри. Онъ перечислилъ всѣ гарантіи, какія представляютъ за себя профессора оффиціальныхъ факультетовъ, получающіе это званіе или по выбору, или на основаніи конкурса. Гарантіи, которыя, въ скоромъ времени, при значительномъ преобразованіи въ системѣ государственнаго воспитанія, должны еще усилиться, такъ какъ страна рѣшилась не останавливаться ни передъ какими жертвами какъ для увеличенія числа школъ всякаго рода, такъ и для укомплектованія ихъ такими преподавателями, которые стояли бы на уровнѣ съ требованіями современной педагогики и науки. Защиту университета и его представителей онъ произвелъ блистательно посреди безпрестанныхъ перерывовъ бонапартистовъ и клерикаловъ. Онъ показалъ, какъ профессора, отдающіе жизнь своей неблагодарной карьерѣ, съумѣли, когда было нужно, умирать за науку; показалъ, что и студенты, а особенно тѣ, которыхъ всего болѣе обвиняютъ въ матеріализмѣ, умѣли цѣлыми массами погибать на полѣ битвъ въ послѣднюю войну и во всякой эпидеміи выказывать несомнѣнный героизмъ и самоотверженіе. «Что же ставятъ, въ концѣ концовъ, въ вину университету? воскликнулъ онъ въ концѣ своей рѣчи, покрытой восклицаніями большинства республиканцевъ.—Въ сущности, только то, что онъ стоитъ въ уровень съ своимъ временемъ. Вотъ единственное обвиненіе. Онъ стоитъ внѣ всякихъ партій; не принадлежитъ ни къ какой сектѣ. Онъ любитъ и вѣритъ; вѣритъ въ то, что любитъ; вѣритъ во Францію и любитъ ее. Онъ вѣритъ въ будущность и возрожденіе своей родины. Подобно войску, это— одно изъ выраженій страны, одно изъ олицетвореній французскаго единства. Будемъ же всѣ мы съ страстною ревностію дорожить нашимъ славнымъ хранилищемъ чести и самоотреченія, законности и науки, какимъ оно досталось намъ отъ отцовъ на-

шихъ... Всякое покушеніе на уменьшеніе его значенія будетъ попущеніемъ на самое отечество наше!»

Графъ де-Мёнъ, слѣдствіе по выбору котораго еще не окончено, представляется, такъ сказать, депутатомъ неполнымъ, пока участь его избранія не рѣшится. Онъ не получаетъ жалованья и не имѣетъ права голосовать, но можетъ присутствовать на собраніяхъ и говорить рѣчи. Изобрѣтатель католическихъ рабочихъ клубовъ, въ то время, когда онъ состоялъ въ штабѣ генерала Ладмиро, парижскаго губернатора, онъ, за свое излишнее усердіе изгладить слѣды французской революціи, разрушить республику и истребить съ лица земли всѣхъ республиканцевъ и свободныхъ мыслителей, вынужденъ былъ сдѣлать выборъ между военною службой и апостольствомъ. Корону и эполеты онъ сбросилъ, но надѣть вериги и сутану—не отважился. Конгрегація озаботилась доставить ему молодую и красивую подругу жизни съ значительнымъ приданымъ, а церковныя власти пустили въ ходъ все свое вліяніе, чтобы доставить ему депутатское званіе. Представляетъ-ли онъ собою, однако, такое соединеніе ораторскихъ талантовъ, какое могло бы оправдать возлагаемыя на него надежды, и довольно ли онъ силенъ, чтобы жаромъ своего краснорѣчія убить на смерть и поразить въ самое сердце дьявольскую гидру демократіи. Увы! Онъ далекъ отъ этого призванія! Безспорно, у него всѣ данныя, чтобы изъ него могъ выйти хорошій адвокатъ, еслибы онъ предварительно изучилъ право. У него красивая внѣшность, хорошій голосъ, удовлетворительная манера, и искуство нанизывать фразу на фразу, для того чтобы не сказать ровно ничего, дано ему отъ природы въ изобиліи. Къ несчастію, у него нѣтъ никакого научнаго запаса, и недостаточность даже самаго поверхностнаго образованія и логики лучше всего выразилась въ жалкомъ отвѣтѣ, который онъ попытался импровизировать на рѣчь г. Ваддингтона. Ему пришлось повторять то, что̀ онъ слышалъ наканунѣ отъ Келлера и что̀ вычиталъ изъ прошлогодней рѣчи Шенелона, чтобы какъ нибудь связать свободу испытаній съ свободой преподаваній. Ни одного новаго аргумента онъ привести не съумѣлъ; вотъ, впрочемъ, конецъ его рѣчи. «Мы слышали уже много о правѣ государства, сказалъ этотъ неудачный Берье-Монталамберъ въ зародышѣ.—Нашъ долгъ теперь провозгласить здѣсь пра̀во Бога (Смѣхъ налѣво). Да̀, право Бога, Создателя и правителя внѣшняго міра, причину его существованія, источникъ всѣхъ другихъ причинъ, и въ особенности государственнаго права, о которомъ вы толкуете и котораго происхожденіе покоится на принципѣ авторитета, имѣющаго своимъ источникомъ самого Бога (Направо рукоплесканія, налѣво—шумъ). Область наиболѣе, очевидно, подчиненная этому божественному праву, есть область души... Цѣль преподаванія—развитіе способностей души и образованіе нравственнаго человѣка. Богъ, слѣдовательно, въ образованіи юношества имѣетъ

первѣйшее право, и изъ этого-то права проистекаетъ воспитательная миссія церкви, учрежденной самимъ Богомъ».

Этотъ теологическій мыльный пузырь, не имѣя еще времени вполнѣ раздуться, лопнулъ, проколотый, какъ булавкой, здравымъ замѣчаніемъ депутата отъ Крёзо, бывшаго каменьщика Надò, напомнившаго собранію, что церквей существуетъ нѣсколько и ни одна изъ нихъ, слѣдовательно, не можетъ смотрѣть на себя, какъ на исключительно учрежденную Богомъ. Вотъ эти слова: «Церковью? Которою же изъ существующихъ на землѣ церквей?»

Въ окончаніи своей рѣчи, де-Мёнъ сталъ угрожать правительству и республиканскому большинству, что сознаніе всѣхъ католиковъ возстанетъ противъ насилія, которое будетъ имъ сдѣлано палатою, и что, во всякомъ случаѣ, другое собраніе (сенатъ) остановитъ эту войну, которая объявляется палатою церкви.

«Войну? подхватываетъ Ж. Ферри:—но кто же объявилъ ее, нетолько принципамъ 1789 г., а всей традиціи отношеній церкви къ государству, во время монархическаго правленія Франціей, нетолько революціи, но всей общности свѣтскаго общественнаго устройства, какимъ обусловилъ его прогрессъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ? Кто ее объявилъ, если не эта клерикальная автократія и религіозный цезаризмъ, какимъ сталъ католицизмъ со времени признанія папской непогрѣшимости, и который, изъ-за одного мученика въ печальные дни недоразумѣній (намёкъ на казнь заложниковъ) сдѣлалъ себѣ ступень для скорѣйшаго достиженія господства надъ Франціей? Франція стала только защищаться, но на эту защиту она встала вся, основываясь на старыхъ и позабытыхъ законахъ, напоминая о своихъ новыхъ свободахъ и полагая, что ея побѣды въ 1789 году давали ей гарантію противъ новыхъ покушеній, такъ какъ главнымъ дѣломъ этой революціи было воспрепятствовать духовенству быть политическою властью и образовать свѣтское государство». Какъ жаль, что Ж. Ферри не былъ на высотѣ своей тэмы и самъ распустилъ въ излишнихъ подробностяхъ главную сущность своей рѣчи. Прежде, чѣмъ сойти съ трибуны, онъ, однакожь, не обошелся безъ того, чтобы не напомнить бонапартистамъ, кàкъ и для чего Наполеонъ I-й основалъ университетъ, на который они теперь нападаютъ, защищая свободу преподаванія наперекоръ намѣреніямъ и дѣйствіямъ самого главы ихъ династіи. Прочитавъ письмо императора къ де-Фонтану, ораторъ вызвалъ смущеніе въ средѣ имперіалистовъ и удовольствіе среди лѣвыхъ, такъ что Поль-де-Кассаньякъ вынужденъ былъ воскликнуть: «Я говорилъ не въ видахъ моей партіи, но во имя моего сознанія, лично отъ себя и какъ католикъ».

Наконецъ, общія пренія были заключены, и законопроектъ былъ принятъ 365-ю голосами противъ 133. Понадобилось, однако, еще два засѣданія, чтобы отвергнуть три поправки къ нему

Этими поправками я уже не буду утомлять вниманія читателя, и перейду прямо къ вотированію проекта Ваддингтона по статьямъ. Руэръ, при этомъ, задумалъ пустить въ дѣло, для того, чтобы его совершенно запутать, одну подробность университетской процедуры, которая, еслибы была принята въ соображеніе, обусловила бы собой возвращеніе законопроекта въ комиссію. Но предложилъ онъ что-то такое смутное и въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что никто ровно ничего не понялъ, кромѣ того, что экс-вице-императоръ совершенно утратилъ, отъ долгаго неупотребленія, свой ораторскій талантъ, но кромѣ того, и умственныя способности. Такимъ образомъ, совершилась отмѣна 13, 14 и 15 статей закона 13 іюня 1875 г., и возвращеніе государственнымъ факультетамъ права выдачи степеней принято 357 голосами противъ 123 (7 іюня).

Такимъ образомъ, избранники всеобщаго голосованія показали громаднымъ большинствомъ голосовъ ультрамонтанизму, что французское государство не потерпитъ своего подчиненія римской церкви. Незначительной, повидимому, поправкой въ законѣ о лже-свободѣ высшаго образованія они поставили непереходимую границу, предохраняющую юношество отъ всякихъ бѣдъ и эксплуатацій въ настоящемъ и будущемъ отъ іезуитскаго воспитанія и подчиненія судебъ будущей Франціи клерикальной организаціи.

Остается только знать, согласится-ли сенатъ одобрить то, что сдѣлала палата депутатовъ. Для того, чтобы достигнуть этого желанія, вопросъ о свѣтской и духовной власти и объ отношеніи церкви и государства былъ сжатъ въ скромную форму вопроса о выдачѣ степеней. Правительство, комиссія, республиканское большинство дѣлали всевозможное, чтобы пренія объ немъ имѣли какъ можно менѣе общій характеръ. Но Келлеры и де-Мёны расширили сферу вопроса и преувеличили его значеніе. Теперь сенатскимъ преніямъ объ немъ трудно придать такую форму, которая, какъ надѣялись на это оптимисты, могла бы привлечь на сторону законопроекта нерѣшительныхъ конституціоналистовъ, отъ присоединенія которыхъ зависитъ сенатское большинство.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ не безъ значительной борьбы, и сенатскія пренія представятъ собой интересъ побѣды или церкви надъ государствомъ, или Франціи надъ Ватиканомъ.

II.

Необходимость отсрочки реформъ для спасенія положенія. — Нападенія Накэ на поземельный кредитъ.—Неловкости Тиссандье иЛезана. — Два раздѣленія республиканскаго большинства. — Сенатская интрига: выборъ Бюффè въ пожизненные сенаторы (16 іюня). — Сторонники реакціи и отстраненіе отъ голосованія Сиссэ.—Отвѣтъ министерства на сенатскій вызовъ.—Противуклерикальное направленіе палаты, подтвержденное докладами Тюркэ и Гюшара.— Законопроектъ Ваддингтона въ сенатской комиссіи. — Кандалы и печать. — Празднованіе въ честь памяти Гоша.—Заявленіе Гамбетты 24 іюня.

Необходимость поддержанія единства республиканскаго большинства въ палатѣ сознана была весьма многими нашими политическими дѣятелями главнымъ средствомъ для борьбы съ реакціей. Этой необходимости пожертвовано было даже амнистіей, и, благодаря тому, что единство это поддерживается министерство могло имѣть довольно силы, чтобы восторжествовать надъ нерѣшительностію маршала и раздавить въ зародышѣ различныя реакціонныя попытки сената. Если такою тактикою «удобопримѣнимости» и нельзя было достигнуть слишкомъ значительныхъ измѣненій въ персоналѣ администраціи, то, благодаря ей, портфёль покойнаго министра Рикара, по крайней мѣрѣ, не попалъ въ реакціонныя руки. Благодаря ей, новый министръ де-Марсэръ могъ усугубить значеніе знаменитаго циркуляра своего предшественника, а Дюфоръ не могъ ослабить характеръ окончательности, признанной за республикой. Благодаря ей же, потерпѣли полное фіаско запросы Франльё и Париса — эта первая попытка къ воскрешенію коалиціи 24 мая, осужденной на смерть всеобщимъ голосованіемъ 20 февраля.

Когда появился на сцену законопроектъ о выдачѣ дипломовъ, отъ того или другаго разрѣшенія котораго зависитъ подчиненіе Франціи католицизму или полный разрывъ реакціи въ прошломъ съ прогрессомъ будущаго, не было ли вполнѣ логично ожидать принятія и обнародованія этого закона терпѣливо и безъ шума? Не слѣдовало ли тщательно отстранять до этого все, что̀ могло бы хотя сколько-нибудь ослабить нравственный авторитетъ министерства передъ сенатомъ или разрушить единство въ рядахъ республиканцевъ, чѣмъ воспользовались бы сторонники реакціи?

Такъ думалъ и Гамбетта, и поэтому-то, состоя предсѣдателемъ бюджетной комиссіи, значительно повліялъ на то, чтобы отъ бюджета на 1877 годъ отстранить все то, что̀ связано съ нимъ въ смыслѣ коренной финансовой и политической реформы. Прямой налогъ съ капитала или подоходный и уничтоженіе бюджета вѣроисповѣданій подверглись въ комиссіи отдѣльному отъ него обсужденію, съ тѣмъ чтобы законопроектъ, ко-

торый будетъ выработанъ изъ результатовъ, можно было представить въ сенатъ отдѣльно и только впослѣдствіи, когда въ немъ образуется такое республиканское большинство, на которое можно будетъ положиться.

Такъ думало и большинство различныхъ комиссій и комиссіи иниціативы, которыя, подъ совокупнымъ вліяніемъ Гамбетты и Тьера, рѣшились отложить на время внесеніе въ палату докладовъ о весьма важныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ измѣненіяхъ въ законахъ о печати или о назначеніи слѣдствія надъ живущими еще участниками государственнаго переворота 2-го декабря.

Но эти отсрочки всего, ради необходимости сохраненія парламентской дисциплины, имѣли за собою то неудобство, что возбуждали недовольство нетерпѣливыхъ демократовъ, полагавшихъ, что новыми депутатами оставлена всякая забота о необходимѣйшихъ прогрессивныхъ реформахъ. Нѣкоторые радикальные депутаты сочли такую осторожность чрезмѣрною и необходимость временно стушеваться передъ *умѣлыми* политиками несообразною съ своими убѣжденіями. Полемика, поднятая по этому поводу органами непримиримыхъ, еще болѣе заставляла страдать ихъ самолюбіе, и вотъ, нѣкоторые депутаты крайней лѣвой рѣшились начать дѣйствовать на свой страхъ, безъ согласія на то всѣхъ своихъ товарищей по большинству и прямо наперекоръ лозунгу, принятому партіей.

Такъ, Альфредъ Накэ, подъ вліяніемъ сторонниковъ Перейры, воюющаго за первенство на парижскомъ рынкѣ съ Субэйраномъ, поднялъ весьма важный вопросъ объ обществѣ поземельнаго кредита во Франціи, скомпрометированнаго своимъ добровольнымъ присоединеніемъ къ обществу залоговъ недвижимостей для вмѣшательства въ операцію египетскаго займа и нарушившаго этимъ прямо свой уставъ, утвержденный и гарантированный правительствомъ. Министръ финансовъ обѣщалъ произведеніе слѣдствія и даже назначилъ его, хотя веденіе этого слѣдствія поручено имъ лицамъ, которыя сами замѣшаны въ скандальную операцію, но зато и палата назначила парламентское разслѣдованіе дѣйствительнаго положенія общества поземельнаго кредита, что̀, конечно, помѣшаетъ этимъ лицамъ выйти изъ этой затѣи безнаказанно, къ ущербу и разоренію акціонеровъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ по этому поводу далъ объясненіе, что въ эту операцію не входило элементомъ никакое политическое вмѣшательство въ дѣла̀ хедива, причемъ и относительно восточнаго вопроса вообще выразилъ полную увѣренность, что единодушными мѣрами европейскихъ державъ, вѣроятно, будетъ достигнуто полное и повсюдное сохраненіе мира, какъ даетъ право заключать самое положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Такое заявленіе было сдѣлано какъ разъ въ тотъ день, когда въ Константинополѣ произошла дворцовая революція. Разумѣется, оно не доказывало особенной проницательно-

сти и дипломатическихъ способностей Деказа, и Паскаль Дюпра уже готовъ былъ внести запросъ—какимъ образомъ посланникъ ничего не зналъ о такомъ событіи, приготовленія къ которому не были тайной для дипломатовъ другихъ націй? еслибы не былъ остановленъ Тьеромъ и Гамбеттой, изъ которыхъ послѣдній ограничился приглашеніемъ Деказа въ бюджетную комиссію для сообщенія ей болѣе подробныхъ свѣдѣній по восточному вопросу, которыя, однакоже, оказались не особенно удовлетворительными. Тѣмъ не менѣе, Гамбетта счелъ не особенно удобнымъ, пока восточныя дѣла не получили еще первостепеннаго европейскаго значенія, требованіемъ отстраненія Деказа съ его поста наносить кабинету нравственный ущербъ, къ невыгодѣ республиканскаго большинства.

8-го іюня, Накэ снова сдѣлалъ нападеніе на президента совѣта министровъ, предлагая отмѣну закона Дюфора о присяжныхъ при судебныхъ разбирательствахъ и требуя возвращенія по этому поводу закона 1848 года, который, хотя и не безукоризненъ въ криминальномъ отношеніи, но, все-таки, лучше дюфоровскаго, произведшаго на практикѣ, въ политическомъ смыслѣ, то, что всѣ строгости ассизнаго суда обрушивались постоянно на республиканцевъ, а бонапартисты добивались всегда оправдательнаго вердикта. Взглядъ Накэ на законъ Дюфора совершенно правиленъ, но депутатъ Тиссандье, выступившій на защиту его предложенія, испортилъ все дѣло своимъ неумѣлымъ заступничествомъ за него. Въ нежеланіи большинства немедленно заняться этимъ предложеніемъ онъ усмотрѣлъ чуть ли не измѣну избранниковъ 20-го февраля и доказательство ихъ стремленія обойти тѣ обязательства ихъ передъ своими избирателями, благодаря которымъ они стали депутатами. «Что сдѣлали мы? воскликнулъ онъ:—съ тѣхъ поръ, какъ стали здѣсь собираться? Кромѣ непризнанія полномочій нѣкоторыхъ депутатовъ—ничего, ничего и рѣшительно ничего!» Слова его, очевидно, понравились бонапартистамъ, и, когда онъ сталъ говорить, что слышитъ гулъ общаго недовольства страны палатою, Кассаньяки своими рукоплесканіями подчеркиваютъ каждую его фразу. Напрасно съ лѣвой стороны стараются удержать потокъ краснорѣчія невоздержнаго оратора словами: «Такъ говорить можетъ только бонапартистъ!», Тиссандье ничего не слушаетъ и предсказываетъ, что «страна вынуждена будетъ обратиться за помощью къ какому-нибудь новому Цезарю, такъ какъ она устала ожидать напрасно исполненія обѣщаній, которыхъ ей съ такою щедростью надавали». Когда Тиссандье сходитъ съ трибуны, то имперіалисты иронически привѣтствуютъ его за его «превосходную рѣчь». Дюфоръ отвѣчаетъ ему, но такъ, что заслуживаетъ тоже одобреніе реакціонеровъ въ обратномъ смыслѣ, и, когда дѣло доходитъ до голосованія, то, въ первый еще разъ въ новой палатѣ, въ результатѣ его получается смѣшанное боль-

шинство 254-хъ голосовъ членовъ правой, лѣваго центра и умѣренной лѣвой противъ 132-хъ радикаловъ!

Черезъ четыре дня послѣ этого, 12-го іюня, молодой депутатъ Нижней Луары, отставной артиллерійскій капитанъ Лезанъ предлагаетъ отмѣну годичнаго волонторіата и общее сокращеніе обязательнаго срока военной службы съ пяти лѣтъ на три года. 130 человѣкъ лѣвой стороны заранѣе обязались поддерживать это предложеніе, такъ какъ оно совершенно соотвѣтствуетъ желанію населенія деревень и въ самой арміи администраторы сочувствуютъ справедливости этой мѣры. Но военный министръ Сиссэ заявляетъ, что такое предложеніе вполнѣ несвоевременно и неудобно къ осуществленію, такъ какъ оно не позволитъ довести до конца всю военную реформу, начатую на основаніи закона 1872 года. Когда же гг. Лезанъ и Фарси настаиваютъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, вопросъ этотъ немедленно былъ подвергнутъ обсужденію особой комиссіи, то Гамбетта, голосовавшій въ версальскомъ собраніи за сокращеніе военной службы на три года, предпочитаетъ лучше пожертвовать отчасти своею популярностью, чѣмъ осложнить положеніе новыми затрудненіями, и считаетъ необходимымъ стать на сторону министра. «Вопросъ этотъ, объясняетъ онъ:—вопросъ будущаго, въ самомъ интересѣ котораго его слѣдуетъ на нѣкоторое время отложить. Часъ его рѣшенія еще не насталъ, и относительно его слѣдуетъ пока только подготовлять матеріалы для его удовлетворительнаго рѣшенія. При настоящемъ же положеніи нашихъ дѣлъ, не слѣдуетъ ничѣмъ препятствовать полному осуществленію начатой уже общей военной реорганизаціи». Несмотря на это, при голосованіи, 195 республиканцевъ вотируютъ за принятіе къ соображенію вопроса Лезана, которое отвергнуто большинствомъ 230-ти голосовъ, состоящихъ на этотъ разъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ, орлеанистовъ, конституціоналистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ.

Эта повторная рознь въ республиканскомъ большинствѣ порождаетъ радость въ реакціонерныхъ лагеряхъ и даетъ всѣмъ врагамъ республики надежду на возможность воскресенія всѣхъ ихъ погибшихъ иллюзій. Имъ, при этомъ, не трудно, пользуясь обстоятельствами, раздуть журнальную полемику «непримиримыхъ» съ главою партіи политики «своевременности». Отличный предлогъ для этого даетъ небольшая замѣтка Тьера, что онъ счелъ бы своею обязанностью вмѣшаться въ пренія по вопросу о срокахъ военной службы и сдѣлалъ бы это, «еслибы Гамбетта, съ обычнымъ своимъ талантомъ и, какъ всегда, кстати, не устранилъ необходимости всякаго дальнѣйшаго разъясненія дѣла». Согласіе этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, обзывавшихъ нѣкогда другъ друга «очковою змѣею» и «бѣшенымъ безумцемъ», приводитъ въ ярость «Les Droits de l'homme» и «La Tribune», а между тѣмъ, подъ шумокъ препирательствъ журналистики, за спиною маршала, съ благословенія папы и при по-

мощи іезуитовъ, де-Брольи, Бюффè и личный секретарь маршала, виконтъ д'Аркуръ, затѣваютъ нѣкоторую интригу, осуществленіе которой должно значительно поднять шансы реакціи и которая, какъ мы увидимъ далѣе, имъ и удалась.

Для этого, во время обсужденія въ сенатѣ его регламента, искусники 24-го мая пробовали, при двухъ или трехъ голосованіяхъ, вѣроятность воскрешенія въ сенатѣ большинства *рѣшительно-реакціоннаго*. Оказалось, что возможность эта зависѣла отъ укрѣпленія за собой трехъ или четырехъ блуждающихъ голосовъ, что̀ показало какъ непринятіе личнаго предложенія де-Брольи, такъ и признаніе смѣшной мѣры Шантемерля, въ силу которой отъ сенатскихъ комиссій отнималось право собираться гдѣ бы то ни было, кромѣ Версаля, такъ какъ палатская, законодательно-бѣдненькая комиссія довела свою смѣлость до того, что открыла свои засѣданія въ бурбонскомъ дворцѣ, въ самомъ развѣнчанномъ Парижѣ!

Такое положеніе сената давало возможность произвести попытку завоеванія въ пользу реакціи злосчастнаго кресла пожизненнаго сенатора, два раза уже, за смертью де-Ла-Рокетта и Рикара, дѣлавшагося вакантнымъ. Посадить на него, разумѣется, требовалось никого иного, какъ самого Бюффè, этого отверженца всѣхъ системъ голосованія. Введеніе въ сенатъ, въ качествѣ пожизненнаго сенатора, того именно индивидуума, въ лицѣ котораго страна поразила весь «нравственный порядокъ» и повторными «невыборами» котораго показала всю свою ненависть къ правительству «борьбы»—было равнозначительно возстановленію, при новомъ порядкѣ вещей, силы «великой консервативной партіи» и предоставляло возможность какъ освободить маршала-президента отъ пагубныхъ воздѣйствій на него либераловъ и демократовъ, такъ и поколебать въ странѣ увѣренность въ наступленіи времени окончательнаго упроченія республики. Эта первая удача открывала впереди перспективу для всякихъ надеждъ извѣстнаго рода, какъ-то: паденія министерства, распущенія палаты, назначенія новыхъ общихъ выборовъ, которые можно бы было вести подъ руководствомъ солидно-безстрашнаго кабинета при союзѣ всѣхъ консерваторовъ, хотя бы даже въ хвостѣ бонапартистовъ. Въ настоящую минуту, удача эта давала вѣроятность неутвержденія сенатомъ закона о выдачѣ степеней и остановки всякаго движенія впередъ какъ разъ на первомъ его рѣшительномъ и опредѣляющемъ шагѣ.

Надобно сказать, что Бюффè самъ даже не надѣялся на успѣхъ этого замысла, и первая мысль объ его кандидатурѣ произвела въ сенаторахъ, дорожащихъ честью своего собранія, впечатлѣніе чего-то чудовищнаго и невозможнаго. Но такой явный вызовъ на бой общественнаго мнѣнія сталъ возможнымъ, очевидно, именно потому, что остановить всякое движеніе впередъ составляло внутреннее стремленіе весьма многихъ лицъ,

вошедшихъ тѣмъ или другимъ способомъ въ составъ настоящаго сената.

Громадная агитація, поднятая клерикалами противъ законопроекта Ваддингтона и выразившаяся въ назначеніяхъ публичныхъ богомоленій, въ петиціяхъ, поданныхъ въ сенатъ, въ протестахъ епископовъ, представила собою именно ту почву, благодаря которой могло быть предложено и принято вступленіе Бюффè въ пожизненные сенаторы. Она давала возможность вліять, такъ или иначе, на представителей различныхъ мнѣній въ сенатѣ. Извѣстно, что Бюффè не удалось попасть въ число первыхъ 75 сенаторовъ, благодаря оппозиціи чистыхъ легитимистовъ. Теперь голоса ихъ за него обезпечивались формальнымъ обѣщаніемъ, какъ это было печатно заявлено Франлье и его друзьями, поддержки сохраненія закона о высшемъ образованіи 1875 года во всей его неприкосновенности. Оставалась, при этомъ, только необходимость заручить въ его пользу голоса тѣхъ пяти-шести членовъ междуцентральной группы конституціоналистовъ, благодаря которой могъ пройти въ сенатъ Рикаръ послѣ заявленія маршала, что онъ счелъ бы за личную для себя услугу, еслибы они своимъ за него голосованіемъ предохранили страну отъ необходимости министерскаго кризиса. Конечно, маршала не трудно было убѣдить выразить кому слѣдовало, что выборъ Бюффè, которому онъ обязанъ личнымъ своимъ положеніемъ, а теперь не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться, для него пріятенъ; но явное заявленіе объ этомъ маршала было неудобнымъ, такъ какъ придавало бы кандидатурѣ Бюффè видъ оффиціальной кандидатуры, и, едва въ реакціонныхъ журналахъ упомянули имя маршала и то, что онъ предпочиталъ бы выборъ Бюффè выбору кандидата лѣвыхъ, генеральнаго прокурора кассаціоннаго суда Ренуара, какъ министерство, въ замѣткѣ «Journal des Débats», надѣлавшей много шума, заявило, что министры-сенаторы будутъ вотировать за Ренуара и не считаютъ даже возможнымъ вмѣшательство въ эту избирательную борьбу маршала, какъ президента республики *неотвѣтственнаго* и который не можетъ вступать въ противодѣйствіе съ правительствомъ, во главѣ котораго онъ стоитъ. Поэтому, пришлось дѣйствовать неоффиціально подъ рукою и, при посредствѣ личнаго секретаря маршала и бонапартистовъ Сенъ-Поля и Бегика, отдѣльно на каждаго изъ конституціоналистовъ, а для вида, даже создать еще новую посредствующую кандидатуру Шабо-Латура, конечно, провалившуюся безъ всякой откуда бы то ни было поддержки, хотя о ней и трубили близнецы-органы Виллемессана «Фигаро» и «Эстафета». Благодаря такой системѣ отдѣльнаго и келейнаго уловленія душъ на помогу своей интригѣ, коноводы ея достигли согласія нужныхъ имъ нерѣшительныхъ сенаторовъ и отстраненія отъ голосованія министра Сиссэ, который, присутствуя наканунѣ, 15-го іюня, на парадѣ въ Лоншанѣ, 16-го, въ день торжественнаго избранія Бюффе, прислалъ въ бюро сената

извѣщеніе, что болѣзнь мѣшаетъ его личному присутствію въ засѣданіи.

Чтеніе этого письма, за нѣсколько минутъ до начатія избирательнаго голосованія, послужило къ тому, что какъ бы указывало нѣкоторымъ нерѣшительнымъ, что маршалу, лишенному возможности открытаго заявленія своихъ симпатій, выборъ Бюффè, тѣмъ не менѣе, былъ бы пріятенъ. При этомъ еще, трое изъ республиканцевъ-сенаторовъ, дѣйствительно, захворали, и, благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ вмѣстѣ, Бюффè, наконецъ, удалось пролѣзть въ сенатъ въ качествѣ пожизненнаго сенатора, при трехъ голосахъ относительнаго большинства (144 противъ 141) и при одномъ, превосходившемъ абсолютное и необходимое для избранія (143).

Несмотря на всѣ возбужденія враговъ республики, министерство не согласилось взглянуть на это голосованіе, какъ на прямо противъ него направленное. Оно придало этому дѣлу такой характеръ, что вопросъ кабинета долженъ стоять независимо отъ тѣхъ или другихъ избраній сенатомъ своихъ пожизненныхъ членовъ. Но, въ виду того волненія, какое вызвало въ общественномъ мнѣніи все это дѣло, министерству настояла необходимость на вызовъ сената немедленно отвѣтить какимъ-нибудь дѣйствіемъ, стоящимъ прямо въ разрѣзъ съ реакціонными стремленіями сената. Поэтому-то, добавочныя измѣненія въ персоналѣ администраціи, предположенныя де-Марсэромъ, тотчасъ же были представлены министерствомъ для немедленнаго утвержденія ихъ подписью главы государства. Измѣненія эти, хотя и касаются только семи департаментовъ, но зато вполнѣ опредѣленны и характерны. Такъ, четыре префекта «правительства борьбы», остававшіеся до сихъ поръ на своихъ мѣстахъ, благодаря своимъ связямъ съ камарильей маршала, отставлены и замѣнены четырьмя весьма извѣстными республиканцами и, въ томъ числѣ, бывшимъ редакторомъ «Bien Public» Александромъ Реемъ, однимъ изъ ближайшихъ друзей Тьера. Маршалъ-президентъ подписалъ эти декреты безъ сопротивленія, и 18-го числа они могли уже появиться въ «Оффиціальномъ Журналѣ». Въ то же время, Ваддингтонъ потребовалъ отъ маршала утвержденія директора высшей нормальной школы Берсо, одного изъ ораторовъ, говорившихъ на гражданскихъ похоронахъ Мишле, и апологиста Вольтера и Дидеро—членомъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія на открывшуюся ваканцію, послѣ смерти одного клерикала, занимавшаго до того эту должность. Кромѣ того, городу Дижону одновременно было разрѣшено, наконецъ, поставить на пьедесталъ ту статую республики въ фригійскомъ колпакѣ, изъ-за которой, въ прошломъ году, реакціонеры произвели столько скандаловъ, сваливъ ее насильно при помощи войскъ.

Въ палатѣ депутатовъ, въ самый день избранія сенаторомъ Бюффè, образовалось снова громадное республиканское большинство по поводу утвержденія выбора единственнаго республикан-

ца, выбраннаго въ Корсикѣ, Бартоли, правильность выбора котораго была весьма сомнительна, такъ какъ онъ, для достиженія побѣды, прибѣгалъ совершенно къ тѣмъ же способамъ, какими дѣйствуютъ бонапартисты. 20-го числа, при чтеніи двухъ докладовъ комиссіи слѣдствія, по поводу выбора де-Мёна въ Понтиви, палата пользуется случаемъ, чтобы выразить свое противуклерикальное настроеніе. Въ первомъ изъ нихъ, энскій депутатъ Тюрке собралъ громадное количество фактовъ какъ относительно административнаго вмѣшательства въ эти выборы, начиная отъ министра и префектовъ до мэровъ, такъ и вмѣшательства духовенства, начиная отъ ваннскаго архіепископа до деревенскихъ священниковъ. Весьма интересна та глава его доклада, въ которой собраны политическія проповѣди низшаго духовенства, ихъ угрозы лишить причастія избирателей, которые не подадутъ голосовъ за де-Мёна, и лишеніе этого причастія женщинъ, заявившихъ при покаяніи, что мужья ихъ вотировали за «чернаго дьявола» (аббата Кадорэ), бонапартистскаго кандидата, или за «докторишку Ле-Магэ», кандидата республиканскаго противъ единственнаго кандидата, «Богомъ благословеннаго». Эти разоблаченія весьма не понравились нетолько депутатамъ-клерикаламъ, но и бонапартистамъ, которые безпрестанно прерывали докладчика замѣчаніями, что этотъ скандальный докладъ—чистая выдумка, обида духовенству и господствующему вѣроисповѣданію, клевета и т. д. Недовольство было таково, что, какъ замѣчаютъ клерикальные журналы, благочестивые депутаты едва могли воздержаться отъ того, чтобы не потребовать отдачи святотатственнаго докладчика суду сената.

Второй докладъ, напротивъ, былъ прослушанъ внимательно и при всеобщемъ молчаніи. Онъ представляетъ сводъ всѣхъ постановленій стараго и новаго времени, регулирующихъ взаимныя отношенія между церковью и государствомъ. Изъ него явствуетъ, что избирательное вмѣшательство духовенства преступно, съ точки зрѣнія законодательства со времени Людовика XIV, и осуждено самымъ конкордатомъ 1801 года, такъ что въ рукахъ Дюфора—всевозможныя средства для обузданія ультрамонтанизма. Явный антагонизмъ между революціей и церковью, между проклятіями силлабуса и основами, на какихъ существуетъ современное французское общество, ясно показанъ докладчикомъ многочисленными цитатами и, между прочимъ, ссылками на послѣдняго изъ галликанскихъ юрисконсультовъ, автора руководства къ французскому церковному праву, Дюпена. «Франція заключаетъ докладчикъ: — никогда не соглашалась подчиняться клерикальному игу; теперь она еще менѣе, чѣмъ когда-нибудь, захочетъ этого... Она не хочетъ господства духовенства!»

Казалось бы, что, послѣ чтенія этихъ докладовъ, заключающихъ къ непризнанію выбора, слѣдовало бы прямо инвалидировать де-Мёна; но, послѣ сенатской продѣлки съ Бюффе, поли-

тики лѣвой стороны поставили вопросъ: не будетъ ли лучше, послѣ обнаруженія продѣлокъ, при помощи которыхъ де-Мёнъ прокрался въ палату, оставить его въ ней засѣдать депутатомъ? При переизбраніи, де-Мёнъ былъ бы снова выбранъ, такъ какъ за него стали бы вотировать и бонапартисты, почему оставленіе де-Мёна въ палатѣ нисколько не измѣняло дѣла, а между тѣмъ, платоническое относительно него великодушіе могло привлечь въ сенатѣ нѣсколько голосовъ въ пользу окончательнаго признанія законопроекта Ваддингтона.

Таково было мнѣніе Гамбетты, и, въ то время, когда онъ его высказалъ, стало извѣстнымъ, что въ сенатскую комиссію для разсмотрѣнія этого закона попало только 3 члена за и 6 противъ. Сосчитавъ всѣ голоса, какими обусловились эти назначенія, республиканцы убѣдились, что, при публичныхъ преніяхъ объ этомъ законѣ, будетъ самое незначительное и сомнительное большинство нѣсколькихъ голосовъ въ ту или другую сторону. Сенатъ буквально раздѣленъ на два одинаковые, по численности, лагеря, какъ бывшее версальское собраніе за послѣднее время своего существованія. Участь законопроекта Ваддингтона зависитъ рѣшительно отъ трехъ или четырехъ сенаторовъ, которые подвержены случайностямъ болѣзни и смерти или могутъ почему-либо воздержаться отъ голосованія. Кромѣ того, комиссія можетъ оттянуть минуту голосованія до 15-го іюля, послѣ котораго числа, по закону 1875 года, должно войти въ дѣйствіе учрежденіе смѣшанныхъ жюри. Но этимъ самымъ предлогомъ можетъ воспользоваться и правительство, чтобы потребовать скорѣйшаго внесенія этихъ преній на очередной порядокъ. Только, еслибы ему это не удалось, то неизбѣжно долженъ воспослѣдовать министерскій кризисъ, и кабинетъ Дюфора долженъ пасть, подобно кабинету де-Брольи 16-го мая 1874 года, когда шло дѣло о постановкѣ на очередь конституціонныхъ законовъ. Отъ отсрочки преній клерикальная коалиція, конечно, выиграетъ очень много, такъ какъ за нее будетъ аргументъ совершившагося факта. Но министерство тоже не рѣшается ставить всего сразу на карту. Въ средѣ же умѣренной лѣвой появилась уже мысль о необходимости быстраго открытія парламентскихъ вакацій. Но во время этихъ вакацій, значеніе которыхъ равняется прямому заявленію безсилія найти какой-нибудь выходъ изъ затруднительнаго положенія, не произойдетъ ли весьма печальное броженіе общественнаго мнѣнія, и раздраженіе непримиримыхъ, встрѣтивъ сочувствіе и громадную поддержку въ интеллигенціи городовъ, не произведетъ ли недовольства и въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ возможности понимать сущности, обусловливающей положеніе—чѣмъ всѣмъ, конечно, не приминутъ воспользоваться іезуиты и бонапартисты для своихъ конспираторскихъ цѣлей?

Между тѣмъ, широкое президентское милосердіе, обѣщанное въ замѣну амнистіи, признанной невозможной послѣ мѣсячныхъ

работъ смѣшанной комиссіи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, проявилось въ видѣ фактическаго помилованія 87 коммунаровъ изъ числа наименѣе скомпрометированныхъ. Кромѣ того, обѣщано еще нѣсколько другихъ относительно тѣхъ изъ ссыльныхъ Новой Каледоніи, за раскаяніе и доброе поведеніе которыхъ поручится мѣстное начальство. Но, въ то же время, заявлено снова, что ничего не можетъ быть сдѣлано въ пользу осужденныхъ заглазно по неявкѣ (par contumace), число которыхъ болѣе трехъ тысячъ и которымъ предлагается явиться передъ лицо суда—военнаго или гражданскаго, объ этомъ въ декретѣ умолчено.

Читатели наши знаютъ, что на основаніи предложеній депутатовъ Гатино, Гюйо и т. д. при палатѣ была учреждена комиссія, обсуждавшая вопросъ о возможности совершеннаго закрытія военныхъ судовъ и всякаго прекращенія преслѣдованій коммунаровъ, за исключеніемъ случаевъ простого уголовнаго правонарушенія, точно опредѣленныхъ. Комиссіи этой для окончанія ея работъ оставалось только дожидаться правительственнаго законопроекта объ этомъ Дюфора. Вмѣсто этого законопроекта, 27-го іюня, въ оффиціальномъ журналѣ появилось письмо маршала Мак-Магона къ его «любезному военному министру». Въ этомъ письмѣ излагалось, что, въ 1875 году, подверглось новымъ преслѣдованіямъ 52 коммунара, а въ 1876 всего только 10-ть, и что, слѣдовательно, на дѣло репрессіи междуусобія 1871 г. можно смотрѣть, какъ на законченное. «Отнынѣ», приказываетъ глава государства:—«никакое новое преслѣдованіе не будетъ болѣе имѣть мѣста, если только оно не будетъ въ нѣкоторомъ родѣ (en quelque sorte) признано необходимымъ *единодушнымъ желаніемъ всѣхъ честныхъ людей*, къ какому бы мнѣнію они ни принадлежали. Кромѣ случаевъ, при которыхъ *возмутится общественное сознаніе* и которые закону трудно заранѣе опредѣлить, должно предать забвенію всѣ случаи, относящіеся къ коммунѣ». При этомъ, въ письмѣ говорится, что забвеніе это распространится на всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи *по увлеченію* и новыя преслѣдованія не будутъ начинаться безъ представленія о нихъ въ военное министерство, которое обязывается доводить объ этомъ до свѣдѣнія совѣта министровъ. Это президентское письмо, несмотря на его скромность, было очень дурно принято роялистами и бонапартистами. «Union» по его поводу воскликнула: «маршалъ упалъ, подобно Тьеру, въ бездну радикализма... Онъ открылъ двери своей республики сообщникамъ парижской инсуррекціи». «Pays» прошипѣлъ: «По приказанію лѣвыхъ, правительство затормозило дѣятельность юстиціи... Маршалъ прикрылъ своею шпагою негодяевъ, которымъ онъ доселѣ ею угрожалъ... Письмо его—болѣе, нежели отреченіе, болѣе, нежели дезертирство, это—позорное бѣгство подъ давленіемъ самихъ преступниковъ... Своихъ противниковъ не обезоруживаютъ тѣмъ,

что высказываютъ страхъ, ими внушаемый. А таковъ именно смыслъ настоящаго случая».

Съ другой стороны, радикальные органы возмутились отдачѣ участи многихъ тысячъ изгнанниковъ, ссыльныхъ и еще большаго числа лицъ подозрѣваемыхъ министерскому произволу въ такое время, когда всякую минуту можно опасаться воскрешенія министерства борьбы. Первые иниціаторы общей амнистіи рѣшились сдѣлать запросъ министерству. Бенжаменъ Распайль заявилъ ему объ этомъ желаніи, и министерство приняло вызовъ этотъ на объясненіе, срокъ котораго назначенъ на 3-е іюля. Въ комиссіи-Гатино чувствуютъ, въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ когда либо, необходимость закона, который сразу прекратилъ бы всякія дальнѣйшія преслѣдованія за коммуну и помѣшалъ бы военнымъ судамъ продолжать до безконечности ихъ дѣятельность, подъ предлогомъ необходимости существованія заочныхъ осужденій.

Дурное настроеніе духа предсѣдателя совѣта министровъ, возбуждаемое то интригами правыхъ, то трудно удовлетворимыми требованіями лѣвыхъ, продолжаетъ обрушиваться всею своею тяжестію на бѣдную печать или, лучше сказать, исключительно на ея республиканскіе органы. Систематическимъ преслѣдованіемъ «les Droits de l'homme» Дюфоръ оказываетъ очень дурную услугу Гамбеттѣ, котораго этотъ органъ весьма мало различаетъ отъ Дюфора, относясь и къ тому, и къ другому съ одинаковымъ презрѣніемъ. Это даже непрактично, потому что усиливаетъ популярность этого листка, который иначе не нашелъ бы себѣ читателей въ большемъ числѣ, чѣмъ «Corsaire», въ газетномъ смыслѣ составлявшійся даже лучше и который, подозрѣваемый въ плонплонизмѣ, вынужденъ былъ прекратиться по недостатку подписчиковъ. Теперь «les Droits de l'homme» окружены ореоломъ мученичества, такъ какъ съ издателей этой газеты берутся штрафы въ нѣсколько тысячъ франковъ за такія закононарушенія, за которыя съ другихъ газетъ бралось не болѣе 50 фр. Кромѣ того, другія тысячи взяты за то, что возбужденъ былъ другой процессъ по поводу того, что, три раза въ недѣлю, въ газетѣ этой появлялись статьи, подписанныя буквою X, авторомъ которыхъ министерство юстиціи предположило Рошфора. Процессъ этотъ поднятъ былъ подъ предлогомъ того, что законъ запрещаетъ осужденнымъ преступникамъ подписываться подъ газетными статьями *своимъ именемъ*. Кромѣ этого процесса, надѣлало очень много шума, такъ называемое *дѣло Болатра*, одного изъ редакторовъ «Droits de l'homme», съ которымъ, во время его задержанія въ тюрьмѣ С. Пелажи, было поступлено на основаніи регламента, относящагося только къ преступникамъ, осужденнымъ за преступленія, влекущія за собой потерю чести, т. е. на него были надѣты ручные кандалы и жандармъ велъ его въ судъ на веревкѣ. Случай этотъ вызвалъ единодушное негодованіе всѣхъ органовъ журналистики, за исключеніемъ толь-

ко четырехъ, «Figaro», «Pays,» «Français» и «l'Univers». Синдикатъ печати вынужденъ былъ вмѣшаться въ это дѣло для охраненія достоинства писателей, наказываемыхъ за высказываніе ихъ мнѣній, и, слѣдовательно, заслуживающихъ тѣмъ самымъ особеннаго уваженія. Синдикъ Жанико отклонился отъ защиты, подъ предлогомъ того, что Болатръ—не писатель и не журналистъ, а то что въ Россіи называютъ «отвѣтственнымъ редакторомъ», а во Франціи un gérant de paille (соломенная чучела); но другой синдикъ, бывшій главнымъ редакторомъ «La République Française», а нынѣ депутатъ, Спюллеръ посмотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ разсудилъ, что отвѣтственный редакторъ, при всей предосудительности подобнаго титула, есть, какъ бы то ни было, нѣсколько, отчасти, якобы, все-таки, ея, въ нѣкоторомъ родѣ, представитель, и потому въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ, но, все-таки, сдѣлалъ министру юстиціи запросъ. Дюфоръ приводилъ въ защиту полиціи, что она сама подвергается значительной отвѣтственности, если, по ея оплошности, кто либо изъ подсудимыхъ, если противъ возможности его бѣгства не будетъ принято какихъ либо предосторожностей, какъ нибудь ускользнетъ изъ ея рукъ, и что самъ Болатръ виноватъ въ томъ, что не потребовалъ, чтобы ему была нанята карета для отвезенія его въ судъ, на что имѣлъ право и что освобождало его отъ печальнаго шествія въ кандалахъ на веревкѣ. Но, какъ бы то ни было, правительство было поставлено въ необходимость заявить съ трибуны, что оно очень сокрушается объ этомъ прискорбномъ недоразумѣніи и обѣщаетъ, что ничего подобнаго впередъ не случится.

Версальскій республиканскій муниципалитетъ, 24-го и 25-го іюня, съ гораздо бо̀льшимъ блескомъ, чѣмъ во всѣ послѣдніе года, отпраздновалъ годовщину дня рожденія генерала Гоша, освободителя Эльзаса и умиротворителя Вандеи. На банкетѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ сенаторъ Ферэ и на которомъ присутствовало большинство мэровъ, муниципальныхъ и генеральныхъ совѣтниковъ департамента Сены-и-Уазы, по бо̀льшей части земледѣльцевъ, Гамбетта произнесъ новый манифестъ, весьма ловко направленный одновременно противъ «смѣшныхъ и притязательныхъ пигмеевъ», жалкая «политика мести» которыхъ безсильна преградить дорогу къ прогрессу Франціи, и противъ неосторожныхъ защитниковъ принциповъ quand même, прибѣгающихъ, при этой защитѣ, именно къ тому «единственному способу, которымъ этихъ принциповъ именно защитить и нельзя, т. е. къ насилію и декламаціи». При этомъ, ему удалось объяснить свою личную политику лучше, нежели это ему до сихъ поръ приходилось. «Мы должны, высказалъ онъ:—противодѣйствовать тѣмъ неудобствамъ, въ какія насъ могутъ поставить наша небрежность или невниманіе, какъ побѣдителей. Мы должны отнимать у нашихъ противниковъ шагъ за шагомъ ихъ выгоды... Предоставлять имъ первымъ возможность дѣлать всякія ошибки... А за собой удерживать законное право прямыхъ защитниковъ

всякихъ общественныхъ свободъ и республиканскаго порядка вещей». Продолжалъ онъ эту программу въ такихъ выраженіяхъ: «Знаете ли чего я всего болѣе опасаюсь? Такого большинства, у котораго былъ бы недостатокъ въ противникахъ... большинства настолько сильнаго, что его сила можетъ его заставить пренебречь предостереженіями разума. Я добиваюсь того, чтобы демократія достигла дѣйствительнаго самообладанія, чтобы она вполнѣ сознавала, къ чему стремится, и была способна осуществить на дѣлѣ и внести въ нравы свои стремленія; я хочу, чтобы нашей партіи предстояла трудная борьба, при которой ей необходимо было бы постоянно напрягать всѣ свои способности, силу и энергію; я хочу, чтобы она побѣждала сознательно и достигала опредѣленныхъ цѣлей такимъ образомъ, чтобы каждый разъ, когда демократіи удавалось бы водрузить свое знамя на пути впередъ, его бы нельзя было никакими силами сдвинуть съ завоеванной позиціи».

Это мѣсто его рѣчи возбудило неописуемый энтузіазмъ въ средѣ собранія, и, посреди криковъ всеобщаго одобренія, онъ сталъ совѣтовать республиканцамъ «не раздѣляться, не возбуждать въ своей средѣ несогласій, а оставатся въ союзѣ сильными, терпѣливыми, работящими, неутомимыми и довѣрчивыми», зная, что разумъ и численность на ихъ сторонѣ и этимъ путемъ приведутъ ихъ къ торжеству «мирнаго и свободнаго господства демократизма».

Понятно, какъ принята была эта рѣчь въ средѣ послѣдователей политики «своевременности» Гамбетты. Зато, съ другой стороны, она вызвала въ лагерѣ реакціи плачъ и скрежетъ зубовный, такъ что Вилльмессанъ счелъ необходимымъ выпустить на сцену немедленно своего Іеремію—Сен-Жене, этого «публициста по особенно важнымъ дѣламъ», который и началъ уже усиленное наускиваніе маршала къ походу, во главѣ разсѣянной арміи консерваторовъ, коноводы которой выбиты обстоятельствами почти изо всѣхъ своихъ позицій, для произведенія облавы Гамбетты, практическое благоразуміе и проницательность котораго начинаютъ становиться опасными.

III.

Принятіе въ академію Адольфа Дюма и Жюля Симона.—Смерть и погребеніе Жоржъ-Занда.—Лучшія произведенія художественной выставки 1876 г.—«Искательница раковинъ» Воллона, «Локуста», Сильвестра. — «Милосердіе», Поля Дюбуа.—Музыкальная хроника: открытіе Лирическаго Театра «Димитріемъ» де-Жонсьера; балетъ «Сильвія» въ Большой Оперѣ и т. д. — Драматическая хроника: «Королевскій шпіонъ», «Отель Годело», «Петля на шеѣ», «Стрекоза у муравья» и т. д.

Въ теченіи іюня, французская академія дважды открывала свои двери для торжественныхъ засѣданій по случаю принятія ею въ лоно «безсмертныхъ» двухъ новыхъ избранниковъ. Первымъ счастливцемъ былъ извѣстный химикъ Дюма, словесное помазаніе надъ которымъ совершалъ посредственный писатель Сен-Рене-Тальяндье, а обязательная похвала предшественнику новаго академика, Гизо, вся состояла изъ набора вычурныхъ, но неопредѣленныхъ фразъ. Жалко было смотрѣть на бѣднаго химика, которому приходилось проглатывать какое-то несоединимое соединеніе похвалъ Гизо за всѣ стороны его дѣятельности, плачевность которыхъ такъ хорошо извѣстна всѣмъ мыслящимъ людямъ; какую-то механическую смѣсь всякихъ куревъ государственному человѣку, историку и мыслителю весьма мелкаго пошиба, внесшему столько тумана въ общественное сознаніе своими смутными теоріями фатализма и необходимости прославленія всякаго совершившагося факта и столько неурядицъ и интригъ своею quasi-государственной дѣятельностью. Увы! главный смыслъ послѣдней, т. е. совращеніе французской буржуазіи съ прямаго пути ея назначенія — эманципаціи народа, развращеніе господствующихъ классовъ, приведеніе къ отчаянію пролетаріата и полный подрывъ всего конституціоннаго строя— также всѣмъ хорошо извѣстенъ. За все это и за многое другое оффиціальный риторъ осыпалъ Гизо похвалами и даже сравнилъ революцію 24-го февраля съ битвою при Пуатье, а самого Гизо—съ королемъ Іоанномъ!

Еще болѣе нелѣпой (если только это возможно) была рѣчь Вьель-Кастеля, который привѣтствовалъ вступленіе «въ лоно» Жюль Симона. Беззубый риторъ считалъ необходимымъ оговорить, что, если академія и допускаетъ въ свою среду «соціалиста», то только потому, что авторъ «Работницы» доказалъ этимъ своимъ сочиненіемъ рабочимъ, «что многіе изъ нихъ обязаны нищетою своей безпорядочности» и что «для окончательнаго уничтоженія нищеты существуютъ препятствія, которыхъ никто устранить не въ силахъ». Мало того, поздравляя «послѣдняго послѣдователя философіи Кузена» съ его искуствомъ понятнаго изложенія метафизическихъ отвлеченностей, онъ ска-

залъ, что «изложеніе это до того ясно, что становится понятнымъ для самыхъ ограниченныхъ умовъ, чтò онъ можетъ засвидѣтельствовать *по собственному опыту*». Между тѣмъ, рѣчь Жюля Симона въ похвалу его предшественника Ремюзà можетъ считаться одною изъ лучшихъ академическихъ рѣчей, когда-либо въ академіи произнесенныхъ. Политическая карьера Ремюзà, этого искренняго либерала и даровитаго скептика-мыслителя, дала поводъ Симону для весьма удачныхъ аллюзій. Честность Ремюзà, не желавшаго быть министромъ при принцѣ-президентѣ, помогавшаго «маленькому буржуа» въ дѣлѣ освобожденія территоріи съ 1871 по 1873 годъ и бывшаго однимъ изъ первыхъ конституціонныхъ монархистовъ, понявшихъ необходимость республики и искренно къ ней присоединившагося — дѣйствительно, безукоризненна. Поэтому, Бюффè, позволившій себѣ неосторожность явиться въ академію на это собраніе, не зналъ, куда спрятаться, когда ораторъ произнесъ, «что Ремюзà, разумѣется, никогда бы себѣ не позволилъ прокрасться въ какое бы то ни было правительство съ цѣлью его погубить», и глаза всѣхъ присутствовавшихъ инстинктивно обратились въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ. Похвалы Тьеру тоже пришлись многимъ, и въ томъ числѣ де-Брольи, не по вкусу; «ветхіе деньми» академики вообще были значительно скандализированы, когда публика дважды, при появленіи и уходѣ Тьера, привѣтствовала его необычнымъ въ стѣнахъ академіи восклицаніемъ: vivat!

Литература понесла громадную потерю въ лицѣ хорошо вамъ извѣстной Жоржъ-Зандъ, угасшей на 73-мъ году и съ 1833 года ежегодно обогащавшей ее нѣсколькими произведеніями. Она умерла, можно сказать, съ перомъ въ рукѣ, оставивъ неоконченными три или четыре романа и двѣ драмы. Конецъ ея литературной карьеры, когда школа реалистовъ нѣсколько ее оттѣснила на второй планъ, далеко не соотвѣтствовалъ блеску ея начала, и ея популярность осталась неприкосновенною только какъ драматической писательницы. Собственно какъ романистка, она, за послѣдніе годы, такъ сказать, слишкомъ обуржуазилась своимъ сотрудничествомъ въ «Revue des deux Mondes». Стремленія и цѣли развитаго меньшинства далеко опередили тотъ безспорно высоко-художественный, но нѣсколько неопредѣленный идеализмъ, которымъ такъ ярко сіяли молодыя произведенія писательницы и слабымъ отблескомъ котораго согрѣвались и послѣдніе романы восхитительной, хотя и нѣсколько скучноватой литературной бабушки. Кто теперь помнитъ тѣ дни, когда первый и страстный крикъ автора «Леліи» и «Индіаны» за освобожденіе женщинъ и за человѣческое ихъ достоинство волновалъ всѣ честныя сердца во Франціи и далеко за ея предѣлами? И поэты, и художники времени Луи-Филиппа привѣтствовали дружной толпой восхожденіе новой и первостепенной литературной звѣзды. Сами дѣятели и соціалисты 1848 года, дожившіе до нашихъ дней, какъ бы стараются позабыть, какой

откликъ ихъ стремленіямъ того времени раздался со страницъ «Compagnon de Tour de France» Они помнятъ только тѣ чисто-политическія произведенія Жоржъ-Занда, которыя она писала въ кабинетѣ Ледрю-Роллена, передъ введеніемъ въ практику всеобщаго голосованія (l'Introduction aux Bulletins de la République) или въ сотрудничествѣ съ Ламеннэ въ «Peuple constituant». Въ пассивъ ея занесены ими тѣ отступленія ея отъ республиканскихъ убѣжденій, какія она высказала со 2-го декабря и во все продолженіе имперіи, и та ея сомнительная дружба съ принцемъ Жеромомъ-Наполеономъ, которая позволила ему появиться на ея погребеніи въ числѣ четырехъ ближайшихъ друзей, державшихъ шнуры съ кистями балдахина надъ ея гробомъ. Какъ свободный мыслитель, Жоржъ-Зандъ до самой смерти была вѣрна своимъ взглядамъ, высказаннымъ ею такъ рельефно въ «Mademoiselle de Quintinie» и въ ея воспитаніи дѣтей ея и внуковъ. Отъ собесѣдованія со священникомъ передъ смертью она отказалась. Несмотря на то, родные ея не рѣшились на гражданскія похороны, подъ предлогомъ того, что въ деревнѣ это произвело бы непріятное впечатлѣніе. На ея погребеніи Поль Мёрисъ, близкій пріятель Гюго, за его отсутствіемъ, читалъ его прощальную рѣчь этой «великой женщинѣ». Гюго назвалъ ее въ ней «безсмертной» писательницей, равной съ Кине и Мишле, Бальзакомъ и Ламартиномъ, а, по энергіи, достойной стоять рядомъ съ Барбесомъ и Гарибальди, какъ «открывшей женщинамъ достойную ихъ будущность».

Надо писать десятки страницъ, чтобы опредѣлить значеніе Жоржъ-Зандъ, какъ писательницы, и отвести надлежащее мѣсто каждому изъ ея многочисленныхъ произведеній. Къ несчастію, лучшія изъ нихъ уже отжили свое время; позднѣйшія же едва ли были достойны ея значительнаго таланта. Можно предсказать почти безошибочно, что наиболѣе долговѣчнымъ будетъ тотъ циклъ ея романовъ и статей, въ которыхъ, какъ въ «François le Champi», «La petite Fadette», «La Mare au Diable», или «Claudie», она первая во Франціи стала изображать крестьянскій бытъ. По той роли, какую, послѣ введенія въ жизненную практику всеобщаго голосованія, сталъ играть во Франціи народъ, по той будущности, которая его ожидаетъ—романы эти составляютъ громадную заслугу Жоржъ-Зандъ. Безспорно, они нѣсколько сантиментальны и страдаютъ отсутствіемъ реальности, и въ этомъ смыслѣ у насъ уже есть произведенія, несравненно болѣе истинныя, а имѣетъ явиться ихъ, конечно, еще и очень много; но, не говоря уже о томъ, что Жоржъ-Зандъ была родоначальницей этого плодотворнаго направленія, романы эти написаны съ такимъ тонкимъ изяществомъ и проникнуты такимъ пониманіемъ природы, что еще долго будутъ доставлять наслажденіе при ихъ чтеніи. Въ послѣднемъ смыслѣ, Жоржъ-Зандъ—прямая наслѣдница Жанъ-Жака Руссо, и чутье

природы въ ней выразилось съ возможною полнотою—то чутье, которое пробуждается повсюду въ современной Франціи, благодаря распространенію естественно-научныхъ знаній, и особенно въ распространеніи въ живописи предрасположенія къ пейзажамъ.

На художественной выставкѣ, однакоже, открывшейся 1-го мая и закрывшейся 20-го іюня, въ нынѣшнемъ году, тріумфаторами не были, какъ во всѣ послѣдніе годы, пейзажисты. Достигнувъ всяческихъ совершенствъ въ техникѣ искуства, побѣдивъ всякія трудности свѣта и тѣней, изображая съ одинаковою правдою небо и воду, воздухъ и растительность, художники, хотя все еще не дошли до разрѣшенія великой задачи, что̀ именно должно составлять въ наши дни главнѣйшій предметъ, достойный изображенія, но, все-таки, сдѣлали въ этомъ смыслѣ нѣкоторый шагъ впередъ. Такъ, лучшей картиной выставки нынѣшняго года признана публикою единодушно: «Искательница раковинъ на прибрежьѣ Поміе (Діепскаго предмѣстья)» Антуана Воллона, уже получившаго извѣстность за свои превосходные пейзажи. Фигура этой труженицы съ ивовой корзиною за плечами, которую она наполняетъ раковинами и креветками, вполнѣ характерна и типична, какъ герои романа Виктора Гюго «Труженики Моря». Безспорно, эта тетушка, въ дырявой рубашкѣ, тяжолой, истоптанной обуви и юбкѣ изъ грубой ткани — не представляетъ собою идеала неземной красоты. Но зато какою силою и вмѣстѣ добротой дышатъ черты ея загорѣлаго лица, съ какою мощью ступаетъ она на своихъ сильныхъ ногахъ, какъ много говоритъ зрителю ея широко развитая грудь, на которой, какъ будто видишь еще слѣды немалаго числа ручекъ дѣтей, вспоенныхъ здоровымъ молокомъ этой работницы, незнающей устали, строгой къ себѣ, доброй и снисходительной къ другимъ! Какихъ настоящихъ людей воспитаетъ и уже воспитала такая тетушка, сколько героизма, энергіи и труда уже понесла она и понесетъ еще для поддержки маленькихъ существъ, еще не могущихъ заработывать себѣ хлѣбъ! Можно сказать положительно, что, послѣ картинъ Курбэ, Франція еще не видала ничего, что̀ бы могло сравниться, по силѣ жизненной правды изображенія, съ этою «Искательницею». Жюри̂ ее однако не удостоили первой преміи, какъ она этого вполнѣ заслуживала. Предметъ изображенія, изволите видѣть, слишкомъ уже низменный и обыденный!..

Впрочемъ, на этотъ разъ жюри̂, при выдачѣ наградъ, за исключеніемъ этого случая, не встали особенно въ разрѣзъ съ оцѣнкою публики, хотя, при раздачѣ медалей, и не обошлось безъ нѣкоторыхъ пристрастій и рутинныхъ предразсудковъ; зато первая премія, дающая право молодому художнику, еще не оставившему школу изящныхъ искуствъ, на трехгодичное путешествіе для усовершенствованія въ искуствѣ, въ качествѣ стипендіата—выдана дѣйствительно за хорошую картину художнику Сильвестру, изобразившему Локусту, пробующую, въ присут-

ствіи Нерона, надъ рабомъ дѣйствіе яда, приготовленнаго для Британника. Тэма, какъ видите, рутинно-академическая, но исполненіе превосходно и вполнѣ реально. Локуста—совершенное олицетвореніе шекспировской вѣдьмы изъ «Макбета»; Неронъ, безпощадный и апатичный, какъ-будто, вылитъ изъ мѣди, а умирающій рабъ—сама дѣйствительность. Картина, при этомъ, отлично освѣщена и колоритна.

Первая почетная медаль присуждена скульптору Полю Дюбуа, которому, какъ гласитъ каталогъ, поручено украшеніе могилы генерала Ламорисьера въ нантскомъ соборѣ, выставившему двѣ групы: «Военная Храбрость» и «Милосердіе». Ему же, къ сожалѣнію, присуждена медаль и по живописи, хотя выставленные имъ портреты женщины и двоихъ дѣтей только весьма недурны. Живописецъ онъ такой, какихъ не мало, скульпторомъ же можетъ быть замѣчательнымъ, что̀ и слѣдовало бы жюрй оттѣнить; теперь же предстоитъ опасность, что живопись можетъ отвлечь его отъ скульптуры. «Храбрость» его—група, замѣчательная по своему изяществу, напоминающему ваятелей флорентинской школы, но «Милосердіе»—произведеніе несравненно высшаго порядка. Въ групѣ этой съ мощною реальностью выражена глубокая мысль. Чтобы олицетворить милосердіе, скульпторъ не изобразилъ достатка, дѣлящагося съ нуждающимися, но представилъ его въ видѣ женщины, открывающей съ стыдливымъ цѣломудріемъ грудь, чтобы у этого источника почерпнула силу жизни безпомощное младенчество. Група состоитъ изъ женщины и двоихъ дѣтей. Одинъ жадно сосетъ ея грудь, другой безпечно спитъ на ея колѣняхъ. Женщина эта—не мать этимъ дѣтямъ: мать глядѣла бы на нихъ съ радостью и сосредоточивала бы только на нихъ всю свою заботливость; милосердіе же смотритъ на нихъ съ глубокою грустью и глазами, увлаженными слезами. Женщина эта, кормя одного, ребенка думаетъ о печальной судьбѣ другихъ, всѣхъ, имъ подобныхъ, не съ чувствомъ эгоизма матери, а съ безконечно болѣе глубокимъ, такъ сказать, съ обобщеннымъ материнскимъ отношеніемъ... Таково это превосходное произведеніе, глубокое и превосходно исполненное. Чѣмъ болѣе на него вы смотрите, тѣмъ ярче выступаютъ всѣ его достоинства, тѣмъ болѣе оно вамъ нравится и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе проникаетесь вы вложенною скульпторомъ въ него мыслью...

Тропическія жары, наступившія въ половинѣ іюня, тотчасъ же вслѣдъ за зимними холодами (весны у насъ положительно не было въ настоящемъ году), обусловили необходимость закрытія всѣхъ нашихъ оперныхъ театровъ, за исключеніемъ Большой Оперы. Только въ итальянской оперѣ шли еще нѣсколько дней представленія «Аиды» Верди, имѣвшей значительный успѣхъ, который помѣшалъ маэстро исполнить на сценѣ этого театра, какъ онъ этого хотѣлъ, еще разъ его знаменитую мессу Requiem. Комическая Опера, денежныя затрудненія которой не позволили ей сообразоваться съ обязательнымъ для нея условіемъ не за-

крываться во все лѣто, передъ закрытіемъ своимъ, поставила возобновленныхъ «Филемона и Бавкиду» Гуно и «Поклонниковъ Катерины»—очень хорошенькій актъ молодого композитора Марешаля, получившаго первую или такъ называемую римскую премію. Эта недурная вещица очень понравилась публикѣ и, конечно, останется надолго въ репертуарѣ, подобно «Свадьбѣ Жанетты» Виктора Массе, котораго Марешаль—безспорно талантливѣйшій ученикъ и послѣдователь. Новый національно-лирическій театръ, водворившійся въ зданіи театра «Gaîté», употребилъ всѣ усилія, чтобы вполнѣ заслужить полагающуюся ему субсидію и даже ея увеличеніе. Открывшись съ начала мая, онъ успѣлъ возобновить «Глухого» Адама и «Оберона» Вебера и поставить нѣсколько новостей. Такъ, на немъ были исполнены «Эрриніи» Леконта де-Лиля, съ хорами и музыкой Массенэ, и одно изъ произведеній, увѣнчаныхъ на конкурсѣ 1869 года—«Le Magnifique» Филиппа, которое, впрочемъ, окончательно не имѣла успѣха. Главная опера, которою открылись представленія этого театра, была большая опера, съ сюжетомъ изъ русской исторіи «Дмитрій (Самозванецъ)»—слова̀ Армана Сильвестра и Анри Борнье, счастливаго автора «Дочери Роланда», музыка де-Жонсьера, извѣстнаго музыкальнаго критика и композитора двухъ другихъ оперъ, имѣвшихъ успѣхъ: «Сарданапала» и «Послѣдняго дня Помпеи». Въ содержаніи этой оперы ваши соотечественники отказываются признавать окончательно что̀-либо русское, великомало-старо или бѣлорусское, а находятъ только, что костюмы и декораціи нѣсколько что̀-то какъ будто и напоминаютъ. Музыкальная часть недурна, хотя и лишена всякой самостоятельности, а состоитъ, по бо̀льшей части, изъ итальянскихъ мотивовъ, аранжированныхъ согласно требованіямъ германской школы, перемѣшанныхъ съ мотивами изъ русскихъ пѣсень и даже цыганскихъ *романсовъ*. Де-Жонсьеръ нарочно ѣздилъ въ Петербургъ и Москву за послѣдней провизіей и, опять-таки, говоря словами вашихъ соотечественниковъ, состряпалъ весьма недурное блюдо, приготовленное, очевидно, опытнымъ поваромъ, но которое напоминаетъ то, что̀ у васъ носитъ неблагозвучное названіе окрошки (accrochkà). Ка̀къ бы то ни было, у насъ эта опера имѣла успѣхъ весьма значительный, что̀ объясняется какъ тѣмъ, что мы, не зная Россіи, не можемъ и судить о томъ, дѣйствительно ли въ ней есть что-либо русское, такъ и тѣмъ, что де-Жонсьеръ, все-таки—композиторъ весьма талантливый и произведеніе его скомпановано вообще недурно, да еще, сверхъ того, тѣмъ, что публика «Gaîté» не отличается особенно строгою требовательностью, и «Дмитрій», конечно, весь будущій сезонъ останется на сценѣ.

Большая Опера, послѣ паденія «Іоанны д'Аркъ», ничѣмъ еще не искупила передъ публикой своей вины, кромѣ постановки длиннаго и скучнаго миѳологическаго балета «Сильвія», гдѣ отличается танцовщица Сан-Галли, физическія средства которой

своею солидностью напоминають гораздо болѣе о землѣ, чѣмъ о небѣ, даже миѳологическомъ. Музыка балета, принадлежащая Лео-Делибу, недурна, но, такъ сказать, совершенно не балетная и окончательно не плясовая. Изъ театровъ драматическихъ, за два послѣдніе мѣсяца, только на театрѣ Сен-Мартенскихъ Воротъ появилась сносная мелодрама, изъ такъ называемыхъ у насъ народныхъ: «Королевскій Шпіонъ», исполненная всякихъ патріотическихъ возбужденій, хотя дѣйствіе ея и происходитъ, къ сожалѣнію, въ Швеціи. На этой же сценѣ приготовляются возобновить «Людовика XI» Казиміра Делавиня.

На сценѣ театра Гимназіи шла большая пьеса Кризафулли: «Отель Годело», все дѣло которой основано на qui pro quo, и именно на томъ, что провинціалы принимаютъ домъ богатаго собственника (отель) за меблированную гостинницу для пріѣзжихъ (hôtel meublé); написана она довольно живо и остроумно, но особеннаго успѣха не имѣла. Въ «Одеонѣ», чтобы дать отдыхъ исполнителямъ «Данишевыхъ», былъ поставленъ недурной фарсъ въ стихахъ, въ итальянскомъ родѣ, написанный извѣстнымъ каррикатуристомъ Жиллемъ «Петля на шеѣ». На театрѣ Французской Комедіи шли двѣ небольшія новинки: «Стрекоза у Муравья»—комедійка, написанная академикомъ Легуве вмѣстѣ съ водевилистомъ Лабишемъ, съ похвальною, но трудно достижимою цѣлью—пробудить въ разсчетливыхъ буржуа состраданіе къ нуждающимся артистамъ, и слезливая пьеска въ стихахъ Франсуа Коппе: «Инструментальный мастеръ» (Le Luthier de Crèmone), которая могла бы, пожалуй, называться также: «Самоотверженіе влюбленнаго горбуна». Пьеска эта, очень моральная и назидательная, написана какъ будто для дѣтей и наивныхъ пансіонерокъ, но, очевидно, что поэтическій авторъ имѣлъ при постановкѣ ея на первую французскую сцену прозаическую цѣль — произвести благопріятное для себя впечатлѣніе въ ихъ благочестивыхъ родителяхъ, чтобы, заручившись этимъ, получить доступъ сначала въ великосвѣтскіе дома, а тамъ, съ божіей помощью, и въ академію. Желая, разумѣется, г. Коппе успѣха во всѣхъ его личныхъ маленькихъ дѣлахъ, не могу не замѣтить, что, несмотря на отмѣну военнаго положенія, а слѣдовательно, одновременно и нѣкоторыхъ цензурныхъ стѣсненій, ни одинъ изъ парижскихъ театровъ ничѣмъ не заявилъ себя сколько-нибудь достойно... Ни одна изъ старыхъ пьесъ Виктора Гюго, запрещенныхъ прежнимъ порядкомъ, не возобновлена, ничего новаго, въ этомъ родѣ не поставлено. Это и обидно, и грустно, и даже нѣсколько смѣшно, да чуть-ли и не позорно.

Людовикъ.

Парижъ, 1-го іюля 1876 г.

«НА ВСЕМІРНУЮ СВѢЧУ».

Около пятисотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ битвѣ при Коссовѣ южные славяне потеряли свою политическую независимость: въ этой битвѣ пало великое сербское царство, царство царя Душана и его преемниковъ, подъ скипетромъ которыхъ соединены были почти всѣ югославянскія племена, разодранныя нынѣ по частямъ, словно нетлѣнный хитонъ Спасителя. Этотъ роковой моментъ глубоко запалъ въ памяти южныхъ славянъ, такъ что никакія политическія превратности не могли заставить ихъ забыть ни коссовской битвы, ни царя Лазаря съ царицею Милицею, ни «коссовки девојки», ни другихъ лицъ, сражавшихся съ турками и мученически пострадавшихъ за славянское дѣло. До сихъ поръ, слѣпые гусляры поютъ, ка̀къ погибъ царь Лазарь, какъ геройски бились съ турками старый Югъ-Богданъ и его девять сыновей-молодцовъ, ка̀къ измѣнилъ славянскому дѣлу вѣроломный предатель Вукъ Бранковичъ и т. д. Глубокимъ народномъ чувствомъ проникнуты эти пѣсни—такое чувство доступно лишь тому народу, который помнитъ свое политическое прошлое, который самъ носитъ въ себѣ историческое безсмертіе и, рано-ли, поздно-ли, ожидаетъ политическаго воскресенія. Въ народномъ сознаніи южныхъ славянъ живетъ убѣжденіе, что сербы не были бы побѣждены турками, еслибъ царь Лазарь самъ не желалъ этого: отъ Бога ему предложено было на выборъ, что̀ желаетъ онъ: получить царство земное, или небесное—и онъ избралъ послѣднее, потому что «замальско іе замалено царство» (земное царство—ничтожно), а «небеско—од вјекъ и до вјека». Вотъ почему, несмотря на то, что

У Лазе іе силни србаль био
Седамдесетъ и седамъ пљјада,
Па разгоне по Коссову турке [1],

турки, все-таки, побѣдили, благодаря измѣнѣ Вука Бранковича.

Въ настоящій моментъ, когда вновь рѣшается судьба многострадальнаго югославянскаго народа, невольно припоминается прекрасная пѣсня «Коссовка девојка», пѣсня, при чтеніи которой такъ и кажется, что тѣ же картины, какія рисуетъ она, повторяются и теперь на поляхъ, гдѣ теперь, какъ и тогда, снова

---

[1] «У Лазаря сильныхъ сербовъ было семдесятъ и семъ тысячъ».

льется славянская кровь. Пѣсня говоритъ о дѣвушкѣ, которая на другой день послѣ битвы вышла на Коссово Поле, чтобы на самомъ мѣстѣ сраженія подать помощь раненымъ:

Уранила коссовка девојка,
Уранила рано у недељу,
У недељу прије јарка сунца,
Засукала бијеле рукаве,
Засукала до бели лаката,
На плечима носи леба бела,
У рукама два кондира златне,
У једноме ладьјане водице,
У другоме руменога вина;
Она иде на коссово равно,
Па се мече по разбоју млада,
По разбоју честитога кнеза,
Те преврче по крви јунаке:
Ког јунака у животу науде,
Умива ча ладојаном водицом
Причешчује вином црвенијем
И залаже лебом бијелијем [1] и т. д.

Помнить такъ свое прошлое за пять сотъ лѣтъ назадъ можетъ только тотъ народъ, которому суждено историческое безсмертіе.

Послѣ коссовской битвы, такъ поэтически-оплакиваемой сербами, южные славяне, какъ самостоятельное политическое тѣло, кончили свое существованіе; часть ихъ осталась подъ турецкимъ владычествомъ, другою частью завладѣли нѣмцы. Живое политическое тѣло стало трупомъ. Но турки, послѣ Коссова, не пошли дальше въ Европу: они не въ силахъ были перешегнуть черезъ великій трупъ славянскій, лежавшій на рубежѣ европейской цивилизаціи и восточнаго варварства—трупъ, въ которомъ таилась великая мощь. Это были, дѣйствительно, святыя мощи, хотя и попираемыя турецкими и нѣмецкими ногами. Эти священныя реликвіи славянства, не допустившіе Азію владычествовать надъ Европой, продолжали свою спасительную для европейской цивилизаціи и свободы миссію до настоящаго времени.— И чѣмъ же Европа отплатила своимъ спасителямъ? Она заплатила имъ или презрѣніемъ, или еще болѣе чорною неблагодарностью—систематическимъ давленіемъ ихъ жалкой свободы, всего ихъ горькаго существованія. Заѣданье славянъ стало историческимъ и культурнымъ девизомъ европейскихъ цивилизованныхъ

[1] «Встала рано дѣвушка-косовка, рано встала въ воскресенье, въ воскресенье раньше яркаго солнца, засучила бѣлые рукава, засучила рукава до бѣлыхъ локтей, на плечахъ несетъ хлѣбъ бѣлый, въ рукахъ два сосуда золотыхъ, въ одномъ—холодная водица, въ другомъ—румяное вино; идетъ она на коссово ровное, ходитъ молодая по побоищу, по побоищу честнаго князя, и переворачиваетъ лежащихъ въ крови юнаковъ: котораго юнака въ живыхъ найдетъ—умываетъ того холодной водицей, причащаетъ виномъ румянымъ и кормитъ хлѣбомъ бѣлымъ...»

народовъ. Въ теченіи пятисотъ лѣтъ, Европа училась, развивалась, богатѣла, а славяне, какъ несмѣнный часовой, стояли на стражѣ европейской цивилизаціи—имъ было не до ученья, не до развитія, не до обогащенія. Съ одной стороны, они отбивались отъ Азіи, отъ турокъ, съ другой—отъ Европы, отъ нѣмцевъ. Райи, это—наши рабы, батраки, данники, которые должны нести послѣдній грошъ въ турецкій карманъ, говорили турки. Славяне, это—служебный матеріалъ для цивилизованныхъ народовъ, это—мясо, которымъ долженъ питаться нѣмецкій духъ, говорили нѣмцы. Но это были не одни только слова: слова приводились въ дѣло. Пятьсотъ лѣтъ турки жили на счетъ славянъ, надругаясь надъ священными реликвіями великаго славянскаго племени; пятьсотъ лѣтъ и ненасытный нѣмецкій духъ питался великимъ славянскимъ тѣломъ. Пятьсотъ лѣтъ все это терпѣли славяне; всю жизнь и силу высосали изъ нихъ турки и нѣмцы—остались однѣ только кости славянскія. Такъ и кажется, что это о славянскихъ костяхъ говоритъ пророкъ Іезекіиль въ 37 главѣ своихъ пророчествъ: «И бысть на мнѣ рука Господня, и изведе мя въ Дуси Господни, и постави мя средѣ поля, се же бяше полно костей человѣческихъ. И обведе мя окрестъ ихъ около, и се многи зѣло на лицы поля, и се сухи зѣло. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія? И рекохъ: Господи Боже, ты вѣси сія. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, прорцы на кости сія, и речеши имъ: кости сухія, слышите слово господне: се глагола Адонаи Господь костемъ симъ: се азъ введу въ васъ духъ животенъ и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживетѐ и увѣсте, яко азъ есмь Господь. И прорекохъ, яко же заповѣда ми Господь. И бысть гласъ внегда ми пророчествовати, и се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы, и плоть растяше, и протяжеся имъ кожа вверху—духа же не бяше въ нихъ. И рече ко мнѣ: прорцы о Дусѣ, прорцы, сыне человѣчь, и рцы духови: сія глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди, дȣше, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ. И пророкохъ, яко же повелѣ ми, и вниде въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ соборъ многъ зѣло».

Встали и славянскія кости послѣ пятисотлѣтняго терпѣнія. Вѣдь, есть же всему мѣра на землѣ, есть мѣра и славянскому терпѣнію. Годъ назадъ небольшая горсть герцеговинцевъ ушла въ горы, чтобы тамъ отстаивать свою жизнь и свободу. Всему міру извѣстно теперь, что̀ сдѣлала эта горсть героевъ. Исторія написала на своихъ страницахъ имя грека Леонида, который въ ѳермопильскомъ ущельи, съ горстью храбрыхъ товарищей, отражалъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, напоръ персидскаго войска, стремившагося въ Аттику. Но это было геройское усиліе только нѣсколькихъ часовъ; у Леонида и его товарищей не было за

плечами ни жонъ, ни матерей, ни дѣтей, которыхъ жизнь висѣла бы на волоскѣ, до нихъ не дошло еще войско варваровъ. Что же должна сказать исторія объ этихъ великихъ Леонидахъ славянства, о герцеговинскихъ вождяхъ и ихъ сподвижникахъ, которые другой годъ отражаютъ напоръ турецкихъ силъ и не падаютъ духомъ, несмотря на голодъ, смерть и позоръ въ турецкой неволѣ своихъ жонъ, матерей, дѣтей и несмотря на свой собственный голодъ? Исторія, безспорно, не обойдетъ ихъ. Но дѣло не въ исторіи; дѣло въ томъ, какъ спасти славянскій міръ, которому *теперь* грозитъ несравненно бо̀льшая опасность, чѣмъ когда-либо? Ка̀къ спасти нѣсколько десятковъ милліоновъ народа, которому не отъ кого ждать помощи и всего менѣе отъ просвѣщенной Европы.

Въ себѣ самихъ народы должны искать спасенья—вотъ отвѣтъ на предыдущій вопросъ всѣхъ, чье сердце болитъ за славянскій народъ. Славяне должны понять это, и, кажется, они поняли, наконецъ! Въ то время, когда западная европейская дипломатія эгоистически и далеко неискренно затягивала рѣшеніе участи несчастнаго народа, народъ, не въ силахъ будучи ждать, пока кончатся дипломатическія горѣлки, въ которыхъ европейскіе кабинеты силятся «обойти» больного, «горящаго» человѣка съ завязанными глазами, этотъ покинутый всѣми народъ самъ всталъ для рѣшенія своей участи. Это—едва ли не первый примѣръ въ исторіи всѣхъ націй, когда народныя рѣшенія опережаютъ рѣшенія государственныхъ конференцій и заставляютъ государства постоянно опаздывать съ своими ультиматумами. Пока берлинскіе переговоры успѣли привести къ какимъ-либо соглашеніямъ договаривающіяся великія державы, соглашенія эти оказались уже несвоевременными: народъ ушелъ дальше того, что̀ хотѣли ему предложить. Пока турецкое правительство, играя народнымъ терпѣніемъ, какъ куклою, собиралось съ своими мнимыми реформами и лживыми амнистіями, и реформы, и амнистіи оказались непригодными: турки и черкесы успѣли вырѣзать половину Болгаріи. Въ виду этихъ ужасовъ, сербское и черногорское правительства, повинуясь народной волѣ, объявили, что они не могутъ дольше терпѣть попранія всякихъ человѣческихъ правъ со стороны турокъ, и войска̀ обоихъ государствъ выступили противъ своихъ мучителей. Глубокой искренностью и теплотою народнаго чувства дышетъ воззваніе князя Милана къ сербскому народу, этимъ же самимъ народомъ ему продиктованное: «Къ моему возлюбленному народу! Скоро минетъ годъ, какъ *наши братья* въ Босніи и Герцеговинѣ взялись за оружіе, чтобъ защитить себя отъ тяготѣвшаго надъ ними необузданнаго произвола и безпримѣрнаго гнёта и насилія. Ихъ скорби и страданія постоянно находили въ нашихъ братскихъ сердцахъ самый сочувственный отголосокъ. Но когда ихъ страдальческій вопль снова раздался въ прошломъ году, то я тогда же заявилъ въ нашей національной скупщинѣ, что и съ моей стороны употре-

ку вдоль юговосточной границы. Занято нѣсколько важныхъ въ стратегическомъ отношеніи позицій на турецкой территоріи и происходили незначительныя стычки.

Тотчасъ по переходѣ границы, при Суповцѣ завязалась первая битва съ турками. Сербы, подъ начальствомъ Черняева, взяли три турецкіе верка, выдвинутые до сербской границы. Съ двухъ часовъ пополудни сербы уже обстрѣливаютъ Нишъ. Турецкіе понтоны черезъ Нишаву взяты.—Это—первый день. А вотъ второй:

Послѣ упорнаго трехчасового сраженія, Черняевъ беретъ турецкій лагерь при Бабиной Главѣ, близь Ниша. Турки все побросали, даже пушки, и обратились въ бѣгство. Черняевъ хвалитъ храбрость сербовъ. Ранко Алимпичъ бомбардируетъ Бѣлину.

Главная квартира черногорскаго князя прибыла въ Грахово. Племя кучей разбило турецкія войскà и заставило ихъ возвратиться въ Подгорицу.

А вотъ что̀ дали слѣдующіе дни:

Полковникъ Милутинъ взялъ мѣстечки Сѣченицу и Дудульицу на Болгарской Моравѣ. Капитанъ Джорджевичъ взялъ Топольницу.

Дунайская крѣпость Адакалехъ, построенная на островѣ близь Оршовы, бомбардируется съ сербской стороны.

Черняевъ, подвигаясь къ Пироту, взялъ Акъ-Паланку.

Турки напали на Зайчаръ, но были отбиты.

Ранко Алимпичъ взялъ внѣшнія укрѣпленія Бѣлины.

Князь черногорскій приказалъ обстрѣливать и штурмовать Медунъ—значительный укрѣпленный пунктъ на холмѣ близь Подгорицы.

Южная армія Черняева, подвигаясь впередъ, взяла Пиротъ. Дринская дивизія заняла сожженную артиллерійскимъ огнемъ Бѣлину. Взятъ турецкій бунчукъ, много лошадей, оружія и военныхъ запасовъ.

Сильный турецкій корпусъ перешелъ сербскую границу, съ тѣмъ чтобы, переправясь черезъ Тимокъ, дѣйствовать противъ Зайчара. Сербская дивизія Лѣшанина отбросила турокъ назадъ послѣ жаркаго боя, нанеся имъ значительный уронъ.

Великій Изворъ сожженъ.

Ранко Алимпичъ, пройдя Бѣлину, подвигается впередъ, не встрѣчая большого сопротивленія. Тысячи волонтеровъ присоединяются къ его корпусу.

Малый Зворникъ на Дринѣ взятъ.

24-го іюня, въ 10 часовъ утра, генералъ Захъ перешелъ границу при Яворѣ. Тотчасъ завязался бой съ турками, продолжавшійся пять часовъ. Результатъ битвы нерѣшительный.— обѣ стороны удержали позиціи.

Вся турецкая территорія отъ Рашки до Новаго Базара въ рукахъ сербовъ.

Вотъ первые успѣхи славянъ.

Какія же вѣсти приходятъ съ другой стороны?

Съ этой другой стороны приходятъ такія вѣсти, надъ которыми *намъ, русскимъ*, нельзя не задуматься. Мало того, что турецкіе изувѣры проповѣдуютъ поголовное истребленіе христіанъ въ предѣлахъ Турецкой Имперіи, они проносятъ свою фанатическую пропаганду, словно чумный ядъ, даже къ намъ, въ Россію, къ своимъ мусульманскимъ единовѣрцамъ на Кавказѣ и въ Крыму! Съ Кавказа уже доходятъ вѣсти о безпокойномъ броженіи среди тамошняго мусульманскаго населенія, о тайныхъ убійствахъ и самыхъ звѣрскихъ истязаніяхъ, какимъ подвергаются тамъ русскіе—и во всемъ этомъ замѣчается политическая закваска. Тамъ шныряютъ константинопольскіе агенты, муллы и электризуютъ своими проповѣдями черкесовъ, братья которыхъ, ушедшіе въ Турцію въ прежніе годы, какъ извѣстно, вырѣзали на-дняхъ половину Болгаріи. Въ то же время, турецкая газета, выходящая въ Константинополѣ, «Басиретъ», печатаетъ яко-бы «корреспонденцію изъ Козлова, что̀ въ Крыму», въ которой между прочимъ говорится: «Какое прекрасное впечатлѣніе произвело на здѣшнихъ мусульманъ великое событіе въ Стамбулѣ, случившееся во вторникъ седьмого джемазіу-ль-эвверя, не хватитъ умѣнья описать перомъ. Мы довольны вдвойнѣ: во-первыхъ, перемѣною правительства, вслѣдствіе низверженія прежняго султана, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что, къ полному прискорбію слышавшихъ здѣсь объ этомъ событіи русскихъ, въ Стамбулѣ мусульманскіе улемы, единодушно давъ фетву на низверженіе султана Абдуль-Азисъ-хана, достигли своихъ желаній безъ кровопролитія и безъ всякихъ огорченій. Для Россіи это—сердечная рана: «послѣ этого», говорятъ они, «для Россіи надо ожидать большихъ хлопотъ». До настоящаго письма мы искренно плакали отъ горести, слушая все то, что̀ говорилось относительно Высокой державы (т. е. Турціи)». Далѣе козловскій якобы корреспондентъ говоритъ: «Хотя мы и ничѣмъ не проявили, какъ бы слѣдовало, необыкновенной нашей радости по поводу такого достохвальнаго событія (т. е. воцареніе Мурада), но, увы! что̀ же дѣлать, когда для мусульманскихъ подданныхъ Россіи невозможно такое движеніе! Однако же *тайкомъ*, собираясь въ мечетяхъ, послѣ обычной молитвы, *мы занимаемся обязательною для нашего мусульманства молитвою о продленіи дней жизни, о счастіи и возвеличеніи могущества и славы высокаго калифа.* Если Богу угодно, то скоро и для насъ, подобно тому какъ для людей богоспасаемыхъ шахскихъ владѣній, наступитъ день, когда мы найдемъ своего *желаннаго* (значеніе имени Мурадъ) и тоже достигнемъ своихъ стремленій»... Вотъ куда хватили наши крымскіе татары, когда-то продававшіе въ Козловѣ (въ Кофѣ) русскихъ невольниковъ, а теперь въ Ялтѣ продающіе виноградъ русскимъ больнымъ, купающимся въ Чорномъ морѣ!.. Наконецъ крымская корреспонденція мечтаетъ о томъ, какъ «высокая держава хорошенько проучитъ Черногорію и Сербію и не будетъ внимать

раздающимся съ сѣвера грознымъ возгласамъ. Мы (т. е. крымскіе татары) видимъ: русскіе очень безпокоятся отъ безпрестанныхъ здѣсь разговоровъ насчетъ того, что Англія, въ союзѣ съ Франціей, опять сдѣлаетъ нападеніе на Россію, коли она будетъ вмѣшиваться въ дѣло. Наша радость возрастаетъ. Если Богу угодно, мы тогда тоже достигнемъ *желаемаго* нами»... и т. д. (Нов. Вр. № 115).

Хотя сомнительно, чтобы корреспонденція эта не была сочинена въ самомъ Константинополѣ и хотя мы убѣждены, что козловцы скорѣе «достигнутъ», можетъ быть, не «желаемаго» хорошаго русскаго исправника, чѣмъ «желаемаго» Мурада; однако, видно куда силится пробраться азіатская чума... Мало того: телеграмма отъ 26-го іюня, подписанная Черняевымъ, сообщила такую новость: «Генералъ Алимпичъ съ южной Дрины доноситъ: Австрія собираетъ войска у Рачи. Говорятъ, постановлено послать ихъ въ Боснію, гдѣ они должны *драться въ турецкихъ мундирахъ противъ сербовъ*. И въ дѣлѣ подъ Бѣлиной были слышны команды на нѣмецкомъ и мадьярскомъ языкахъ. Одинъ изъ плѣнныхъ сознался, что онъ—венгерецъ; говоритъ, что было послано изъ Австріи 700 человѣкъ, съ платою каждому по пяти червонцевъ».

Неужели же и послѣ этого мы будемъ сидѣть сложа руки? Тутъ уже надо дѣйствовать и дѣйствовать немедленно и единодушно, дѣйствовать открыто; намъ нѣчего таиться, подобно нѣмцамъ и мадьярамъ, потому что наше дѣло правое, святое дѣло—защита народа, который всегда былъ единокровнымъ братомъ нашего мужичка и никогда не забывалъ объ этомъ родствѣ, въ какое бы положеніе ни ставила его безжалостная исторія. Вспомнимъ, что болгары научили насъ письменности; первыя церковныя книги русскій народъ получалъ въ видѣ копій съ болгарскихъ изводовъ; сербы помогли намъ и пріобрѣсти Новороссійскій Край, и изъ турецко-татарской пустыни превратить въ цвѣтущую страну. Вспомнимъ, наконецъ, *нашего* австрійскаго мужичка—галичанина или буковинца: это—тотъ же украинецъ, хотя забытый нами, но не забывающій насъ. Его гонятъ мадьяры и нѣмцы въ Вѣну, какъ новобранца, посылаютъ до самой Италіи, до Тріеста и Вероны, какъ стараго австрійскаго солдата, а ему все кажется, что онъ—русскій, что родное солнце его—на сѣверѣ. Онъ, какъ только дѣлаютъ его австрійскимъ солдатомъ, иначе и не называетъ себя, какъ «москалемъ». Говоря о своихъ новобранцахъ, отправленныхъ въ Вѣну, онъ поясняетъ, что ихъ «побрали въ москали, до Вѣны, до цесаря». Въ пѣсняхъ своихъ, русскій народъ, находящійся подъ австрійскимъ владычествомъ, горько жалуется на свою мадьярско-нѣмецкую неволю:

Гей летіли кавуники
По-над Чорне море,
Тай не один жовнір плаче

Въ цісаря въ неволі,
Та не один жовнір плаче,
Тай не один туже,
Шо він бідний цісареві
Задарма так служе...
. . . .
Гей в цісаря тяжка служба,
А мала заплата:
Не одному жовнірові
Головочга стята.

Не вѣрится, что это—нашъ украинецъ, который стоитъ на часахъ въ Веронѣ, въ Италии и тоскуетъ, что онъ «у цесаря въ неволѣ», а не дома:

У Вероні тай на брамі каминніі,
Там стояли два жовняре молодіі.
Один сперсе на поручье, задумавсе,
Дрібненькими слезоньками заплакавсе,
Другий к нему й а стихонько промовяе.
«Ой, стій, милий брате, не журисе,
Красно, мило въ Италіі, подивисе».
— «Добре ж тобі, мій братчику, говорити,
Коли ж мені въ Италіі тяжко жити,
Бо тут люди не е люди, але звірі,
Ні в них Бога, ні в них царя, ні в них віри...»

Вотъ гдѣ очутился нашъ украинецъ! А вотъ какова его жизнь въ Цис-Транс-Лейтаніи:

Цісареві дай рекрути,
И податки річні збути,
Бо як не даси—не постают:
Вевці, воли забирают
И попи з нас шкіру дерут,
За похорон гроші берут;
Уродитсе—тра платити—
Уже нема відхи жити!
Пан нас каже: «вигоняти!»
А окоман каже:—«бати!»
А як вийдеш на панчину:
«Роби, роби, сикин сину!..»

Эта сладкая жизнь доводитъ мужика до того, что онъ восклицаетъ:

Ой ви, хлопці, любі, милі,
Хопайтесе до сокири!
Остріт коси, остріт вили,
Аж так пухне панскажила!.. [1]

И не одни буковинцы и галичане находятся въ такомъ положеніи подъ нѣмецкимъ владычествомъ: не лучше жить и чехамъ, и моравамъ, и словакамъ (которые у насъ на Сѣнной продаютъ мышеловки, чтобы не умереть съ голода), и хорва-

[1] Пѣсни буковинскаго народа, собр. Гр. И. Купчанко.

тамъ, и австрійскимъ сербамъ. Неудивительно, что теперь австрійскіе—нѣмецкіе и мадьярскіе—офицеры являются усердными слугами турокъ и помогаютъ имъ бороться съ славянами: вѣдь, если турецкіе славяне, а равно сербы княжества, черногорцы и герцеговинцы останутся побѣдителями и завоюютъ себѣ свободу, то... нѣмцы догадываются, что̀ будетъ дальше...

Въ предъидущей книгѣ «Отеч. Записокъ», въ статьѣ «Воевать, или не воевать?», объяснена уже отчасти программа, которой намъ слѣдуетъ держаться при настоящемъ положеніи дѣлъ на югѣ Европы. Въ статьѣ этой высказана мысль, что мы, русскіе, въ одномъ духовномъ союзѣ съ славянами, можемъ побѣдить всѣхъ враговъ славянства правотою нашего дѣла, тою правотою, за которую встали наши южные, подневольные братья. А если сила правды не поможетъ—тогда... «О, тогда, говоритъ статья:—думать нѐчего. Тогда зажжемъ пламя войны во всей Европѣ, сольемся со всѣмъ славянскимъ міромъ, будемъ драться по-герцеговински и, подобно Александру I-му, дадимъ обѣтъ не положить оружія, пока не добудемъ свободы для всего славянскаго міра, для славянъ нетолько турецкихъ, но и австрійскихъ»—для тѣхъ, которымъ тяжко у «цісаря въ неволі».

Но ка̀къ мы приведемъ въ исполненіе это рѣшеніе? Вѣдь, теперь уже похоже на то, что наша «правда», наше «святое дѣло» не имѣютъ никакой цѣны на биржѣ нѣмецкой, мадьярской и англійской общественной совѣсти. Совѣсть эта прикрылась турецкимъ мундиромъ и феской и командуетъ баши-бузуками. Ясно, что насъ хотятъ провести, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не считаютъ даже необходимымъ притворяться и церемониться съ нами. Ясно, что, въ то время, когда англичане ревниво слѣдятъ за каждымъ шагомъ Черняева и дѣлаютъ запросы своимъ министрамъ: не дѣйствуетъ ли онъ съ согласія русскаго правительства? что когда англійскія эскадры прикрываютъ своими пушками провіантъ и оружіе, доставляемые турецкимъ войскамъ—послѣ всего этого намъ было бы уже неумѣстно церемониться. Вѣдь, враги наши не церемонятся съ нашими учителями-болгарами, отъ которыхъ мы получили письменность. Вотъ какія возмутительныя подробности о рѣзнѣ въ Болгаріи сообщаетъ англійскій корреспондентъ «Times'а», «человѣкъ безпристрастный и даже преданный Оттоманской Имперіи», какъ говорятъ сами англичане. «Что̀ же надѣлали эти варвары? (т. е. черкесы и баши-бузуки, посланные въ Болгарію турецкимъ правительствомъ, спрашиваетъ онъ). 1) Они разрушили въ конецъ болѣе 100 болгарскихъ городовъ, хотя подозрѣніе въ революціонномъ движеніи могло относиться всего къ пяти-шести изъ нихъ. Такимъ образомъ, провинція, приносившая турецкой казнѣ до милліона фунтовъ дохода, совершенно опустошена. Имена этихъ городовъ и всѣ подробности опустошенія могутъ быть доставлены всякому, кто пожелаетъ видѣть ихъ. 2) По мѐньшей мѣрѣ, 25,000 безоружныхъ и безобидныхъ жителей хладнокровно пе-

рерѣзаны. Константинопольскія турецкія газеты поднимают даже эту цифру до 40,000. 3) Болѣе 1,000 болгарскихъ дѣтей проданы въ неволю. Они продавались публично на улицахъ Адріанополя и Филиппополя. 4) Тысячи несчастныхъ, не убитыхъ на мѣстѣ, были преданы такимъ страшнымъ мукамъ, которыхъ невозможно описать человѣческимъ языкомъ. 5) Насилія надъ женщинами ужаснѣе, чѣмъ когда-либо, и сопровождались тѣмъ бо̀льшими жестокостями, что болгарскія женщины болѣе дорожатъ своимъ цѣломудріемъ, чѣмъ женщины какого бы то ни было изъ восточныхъ племенъ. Еслибы англійскія женщины узнали подробности этихъ насилій, онѣ подняли бы такой крикъ негодованія, который поставилъ бы на ноги всю Европу. 6) По меньшей мѣрѣ, 10,000 болгаръ томятся въ настоящее время въ тюрьмахъ, подвергаясь такимъ пыткамъ, какихъ Европа не видывала со времени среднихъ вѣковъ и которыя были формально отмѣнены въ Турціи при Абдуль-Меджидѣ. 7) Бѣглецы тысячами стекаются въ большіе города, гдѣ они терпятъ отъ турокъ всевозможныя притѣсненія и мрутъ голодною смертью, потому что болгары не смѣютъ оказывать имъ помощь».

Что̀ же, наконецъ, мы должны дѣлать, въ виду всего этого? Вѣдь Европа возмутительно смѣется надъ нашей «правдой...» Намъ, оставлено одно право—кричать отъ боли и негодованія; но это право не отнимаютъ и у курицы, которую рѣжутъ. Но мы имѣемъ еще одно право, то право, которое не отнято у послѣдняго нищаго—отдавать свой кусокъ болѣе голодному собрату: этого права, даннаго намъ великимъ нравственнымъ законодателемъ христіанства—никто у насъ не отниметъ. «Голоднаго накорми, жаждущаго напой...» Воспользуемся же этимъ правомъ. Насъ, русскихъ и славянскихъ людей, презираемыхъ одичавшею въ своей quasi-цивилизованной гордости Европою, статистика насчитываетъ отъ 90 до 100 и болѣе милліоновъ. Такими громадными массами населенія великія дѣла̀ могутъ дѣлаться безъ всякихъ усилій. Мы наприм. знаемъ, что, когда евреи рѣшаются на какое-либо общественное дѣло, для исполненія котораго нужны значительныя суммы денегъ, то ихъ раввины запрещаютъ имъ на одинъ только день употребленіе въ пищу извѣстной обрядовой «щуки»—и сбереженныя такимъ образомъ на щукѣ деньги составляютъ солидныя суммы. Откажемся же и мы, всѣ 100.000,000 русскихъ и славянскихъ людей, откажемся только на одинъ день отъ какой-либо прихоти, безъ удовлетворенія которой мы могли бы удобно просуществовать этотъ день, но откажемся *всѣ*, *разомъ*: кто пьетъ пиво—тотъ отказывается отъ одной кружки пива, другой—отъ рюмки водки, третій—отъ дорогой сигары, четвертый—отъ бутылки дорогаго вина, пятый—отъ ложи въ буффѣ. И это—*только разъ*, *на одинъ день*, *на одинъ часъ*. Если всѣ сто милліоновъ русскихъ людей пожертвуютъ часомъ своихъ прихотей въ пользу святаго дѣла, если это пожертвованіе, превращаясь въ деньги, въ одномъ слу-

чаѣ выразится только копейкою, въ другомъ—гривенникомъ, въ третьемъ—рублемъ, а богачъ—пятью и десятью рублями *въ разъ*, *единовременно*, то, среднимъ числомъ, это пожертвованіе выразится можетъ полтиной, а, при повтореніи, и цѣлымъ рублемъ на всю стомилліонную, забитую и презираемую славянскую семью, у которой въ ея нищенской сумѣ разомъ очутится *сто милліоновъ* (100.000,000 руб.—это внушительный и не для нищаго кусокъ). Этой суммой мы спасемъ народъ—и какой достойный народъ! этой суммой мы остановимъ рѣки крови. Пожертвуемъ же эту сумму, русскіе люди! Но пожертвуемъ *всѣ*, *разомъ*. Пусть починомъ для насъ служитъ тотъ благородный жертвователь, И. С. В—довъ, который отдаетъ 10% съ получаемаго имъ содержанія съ обязательствомъ продолжать пожертвованіе *«до тѣхъ поръ, пока не кончится бѣдствіе войны и славяне не соберутъ новаго хлѣба съ своей свободной уже земли»* («Новое Вр.», № 124).

Какъ же мы приведемъ въ исполненіе наше рѣшеніе? Печать поможетъ намъ въ этомъ. Люди образованные и граматные прочтутъ нашъ призывъ и откликнутся на него дѣломъ. Простой, темный народъ пусть въ церквахъ услышитъ отъ своихъ священниковъ то воззваніе, на которое всегда охотно откликнется русскій народъ: «пожертвуйте, православные, на всемірную свѣчу Господу Богу!»

«Всемірная свѣча», которую хочетъ загасить Европа, это—славянская семья, добрая, угнетенная, мягкая, словно восковая свѣча, тающая отъ враждебнаго европейскаго дуновенія.

Пожертвуйте же, русскіе люди, на «всемірную свѣчу!»

ЧТО МНѢ ГЕКУБА, И ЧТО Я ГЕКУБѢ?

(По поводу «Замѣчаній на Слово о полку Игоревѣ», князя П. П. Вяземскаго. Спб., 1875).

> On pourrait dire, que chaque verset du poème d'Igor a servi de texte aux poètes, qui sont venus ensuite. Et cependant on ne connaissait pas cette composition. Des écrivains russes très distingués l'on peu lu, d'autres n'ont jamais voulu l'étudier; car on a été choqué de certaines difficultés de l'expression, et on n'a pas voulu examiner ce qu'il y avait de beau dans ce style ancien... Cette ressemblance continuelle entre les monumens les plus anciens de la poésie slave et tous les chefs-d'oeuvres de la poésie moderne, prouve l'éternelle beauté du poème.
>
> Мицкевичъ. («Cours de litter. slave». Paris. 1860).

Далекими, забытыми воспоминаніями дѣтства должны, безъ сомнѣнія, звучать для современнаго читателя нѣкоторые вопросы, когда-то волновавшіе русскую мысль, какъ волновали насъ когда-то въ школѣ и биномъ Ньютона, и торжество двухъ категовъ надъ гипотенузою—вопросы, встрѣча съ которыми на страницахъ современнаго журнала должна казаться для современнаго читателя чѣмъ-то въ родѣ неожиданной и, можетъ быть, нежеланной встрѣчи съ товарищами дѣтства, съ которыми всѣ связи и жизненные интересы давно порваны и которые дальше катетовъ съ гипотенузою не пошли въ своемъ развитіи. Такою неожиданною встрѣчею должна казаться для читателя, по заголовку, наша замѣтка по поводу «Слова о полку Игоревѣ»—замѣтка, попадающаяся читателю на глаза въ то время, когда всѣ связи его съ дѣтствомъ русской мысли и русской литературы давно, повидимому, порваны; когда, вмѣсто «Слова о полку Игоревѣ», явились на сцену другіе вопросы, вопросы дня, тѣ «проклятые вопросы», на которые такъ плакался когда-то Гейне, но отъ которыхъ самъ отмахаться не могъ; когда, наконецъ, надъ старыми вопросами, занимавшими нѣкогда юную русскую мысль и литературу, налегли цѣлые пласты новыхъ, рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ «проклятыхъ вопросовъ», и въ

этихъ напластываньяхъ попеременно попадаются уже и окаменелости, и органическіе остатки вопросовъ, находящихся въ періоде то перегноя, то метаморфизированія, начиная отъ вопросовъ о всесословной волости, о всеобщей воинской повинности, о суде присяжныхъ, о земскихъ учрежденіяхъ, объ экономическомъ заеданіи однехъ экономическихъ особей другими, объ экономическомъ рабстве господъ и экономическомъ господстве рабовъ, и кончая вопросами юбилейнымъ, овсянниковскимъ, вопросами о прелюбодеяхъ мысли, разбойникахъ пера, девственникахъ биржи и т. д., и т. д., и т. д.

«Что̀ намъ Гекуба, и что̀ мы Гекубе»? скажутъ, можетъ быть, современные читатели, увидавъ на оболочке «Отечественныхъ Записокъ», въ числе статей, затрогивающихъ самую современность, это всемъ давно знакомое и всеми давно забытое «Слово о полку Игореве». Что̀ намъ до этого «Слова» и до поэзіи полянъ съ дреговичами и радимичами, когда поляне съ дреговичами воюютъ изъ-за направленія ландварово-роменской железной дороги, а радимичи съ вятичами изъ-за южнаго направленія сибирской, и все вместе интересуются больше окладными листами, чемъ поэзіею древнихъ руссовъ? Что̀ намъ до поэзіи вообще, когда, съ одной стороны, разбивъ идеалы молодости, она сама стала къ намъ въ положеніе Гекубы, такъ что даже ни ядовитый стихъ старика Гюго не отравляетъ уже современной практической мысли ядомъ поэтическаго хашиша, ни «стонъ» радимичей и дреговичей, «который песнью зовется», не въ силахъ разбередить отупевшіе нервы, и когда, съ другой стороны, сама поэзія, очутившись въ положеніи Гекубы, добровольно укладываетъ себя въ гробъ и заколачиваетъ на этомъ гробе дубовую крышку, несмотря на то, что и подъ стукъ заколачивающаго ее молотка некоторымъ изъ насъ, воспитавшимся на «стоне» дреговичей и радимичей, еще по временамъ слышится изъ-подъ гробовой крышки некогда могучій и чарующій голосъ Гекубы, и намъ хотелось бы, чтобъ она не замолчала окончательно?

Но несмотря на все это, ка̀къ ни было всецело поглощено общественное мненіе окладными листами радимичей и поэзіею биржевой игры, «Слово о полку Игореве» не можетъ не иметь въ современной жизни некотораго практическаго значенія, помимо своей исторической важности, и курсъ этого значенія будетъ рости съ годами такъ же, какъ ростетъ курсъ пятипроцентныхъ съ выигрышами билетовъ. Прежде, въ періодъ детства нашей литературы, мы смотрели на этотъ памятникъ старины сообразно требованіямъ нашего возраста и сообразно нашему младенческому міровоззренію. Но то, что̀ интересовало насъ въ детстве, можетъ не интересовать въ зреломъ возрасте, и то, чего мы не замечали въ періоде юности, можетъ быть замечено и оценено только въ періодъ возмужалости. «Слово о полку Игореве» это—первое литературное произведеніе русскаго народа,

нѣкогда не умѣвшаго справляться даже съ жалкими половцами и печенѣгами, а въ настоящее время ставшаго великимъ историческимъ народомъ, который нетолько справился съ половцами и печенѣгами, но кое-какъ справился и съ своимъ тысячелѣтнимъ историческимъ существованіемъ, а нынѣ, по возможности, справляется и съ окладными листами, и съ выигрышными билетами, и съ классическимъ образованіемъ, и съ новыми судами, и съ земскими учрежденіями, и съ общею воинскою повинностью, и съ желѣзными дорогами, и съ матушкою Митрофаніею, и только не можетъ пока справиться съ прелюбодѣями мысли и разбойниками пера. «Слово о полку Игоревѣ»—первая самобытная поэма русскаго народа, у котораго было потомъ немало поэтовъ, и крупныхъ, и мелкихъ, изъ которыхъ каждый чутьемъ угадывалъ, что въ прародительницѣ всѣхъ нашихъ поэмъ, въ поэмѣ, о которой идетъ рѣчь, кроются несомнѣнно великія достоинства, и каждый, по возможности, черпалъ изъ нея то, что было для него пригодно. И, къ стыду нашему, этого перваго литературнаго произведенія русскаго народа мы до сихъ поръ хорошенько не знаемъ или, по малой мѣрѣ, не вполнѣ понимаемъ его. До сихъ поръ многія мѣста его остаются темными, толкованія ихъ сомнительными, текстъ поэмы невозстановленъ, не установлена даже возможно правильная точка зрѣнія на подлинность этого памятника, въ которомъ почти каждое слово по настоящее время можетъ возбуждать филологическія пререканія между тѣми и другими комментаторами и интерпретаторами текста, лексикальныхъ идіомовъ и флексій языка этого произведенія, между сторонниками «мысли» и «мыси» (бѣлки), въ видѣ которой, по толкованію однихъ комментаторовъ, славный поэтъ древности «растекался по дереву», какъ онъ же рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и парилъ сизымъ орломъ подъ облаками, когда находился подъ наитіемъ своего поэтическаго творчества, и т. д., и т. д. А между тѣмъ, «Слово о полку Игоревѣ» дѣйствительно составляетъ знаменательное явленіе въ исторіи развитія русской мысли, и только теперь, при достаточной зрѣлости этой мысли, возможна болѣе или менѣе полная оцѣнка этого въ высшей степени замѣчательнаго произведенія. Оно съ поразительной ясностью обнаруживаетъ, до какого глубокаго паденія и убожества доведена была русская мысль, русское творчество и русское образованіе впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, слѣдовавшихъ за 12-мъ вѣкомъ, когда развитіе южныхъ областей русской земли, и преимущественно кіевской, шло въ уровень съ развитіемъ европейской мысли на Западѣ—въ Италіи, Германіи, Франціи и Византіи. Сочинитель «Слова», какъ весьма доказательно объясняетъ князь Вяземскій, зналъ уже литературнымъ образомъ, помимо произведеній собственно византійской письменности, лучшіе образцы поэтическаго творчества классической Греціи, и для него не казалась чуждою, ни по содержанію, ни по своему міровоззрѣнію, поэзія

Гомера и Эврипида, какъ чужды стали они для всѣхъ русскихъ людей, окунувшихся въ цѣлый океанъ обскурантизма послѣ монгольскаго погрома и не выходившихъ изъ омута невѣжества почти до конца XVII вѣка, когда южная Русь, давшая русскому народу одного изъ даровитѣйшихъ пѣвцовъ всѣхъ вѣковъ существованія русской земли—пѣвца «Слова о полку Игоревѣ», снова брызнула, такъ сказать, и на московскую Русь живою водою своего развитія. Уже Буслаевъ замѣтилъ, что, въ то время, когда во всей остальной русской землѣ царила непроглядная темь, когда и народъ, и бояре, и князья вѣрили бреднямъ волхвовъ и кудесниковъ, кланялись Перуну и Ярилѣ, а если не кланялись, то тайно вѣровали имъ, когда о граматности и помину не было, а поэзія заключалась въ примитивной обрядности, выражавшейся пѣніемъ колядокъ да разныхъ обрядовыхъ причитаній дикой старины, и когда, наконецъ, въ захолустьяхъ русской земли народъ жилъ буквально «звѣринскимъ образомъ»—въ это время въ южной, кіевской Руси, уже послѣ Владиміра-красна солнышка, жизнь кипѣла ключомъ, и это была жизнь не примитивная, не жизнь дикаря дреговича и радимича, а жизнь болѣе или менѣе культурная, гдѣ греческая и европейская культурная полировка вытѣсняла шероховатую, дикую старину, лежавшую толстыми пластами на всей жизни князей и лучшихъ «житьихъ людей» и дружинниковъ, заводились школы, являлись литераторы нетолько въ видѣ лѣтописцевъ и «описателей» церковныхъ книгъ болгарскаго, греческаго и иныхъ «изводовъ», но и въ видѣ выразителей самобытнаго творчества. Въ то время, когда на сѣверѣ, въ Новгородѣ, Остроміръ только знакомился съ евангеліемъ, въ южной Руси уже слагались и декламировались оригинальныя поэмы, изъ которымъ одну пощадило всепожирающее время какъ бы для того, чтобы она стала безсмертнымъ образцомъ для поэтовъ всей остальной русской земли по прошествіи многихъ столѣтій. Когда на сѣверѣ господствовала тьма, «Боянъ—говоритъ Буслаевъ — съ своими историческими пѣснями выдвинулся изъ этой темной массы языческаго чествованія волхвовъ. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію пѣвцовъ; онъ былъ житель лучшей, образованнѣйшей страны, именно южной Руси. Вмѣстѣ съ особенностями южной рѣчи и поэзіи на немъ отразилась и ранняя образованность той страны; и, въ то время какъ по Волгѣ, по Шекснѣ и на Бѣлоозерѣ кудесники творили разныя чудеса, а въ Новгородѣ волхвъ собиралъ около себя народъ противъ князя и епископа (и когда, прибавимъ мы, Москвы еще вовсе и не существовало)—нашъ югорусскій пѣвецъ былъ уже другомъ князей и нетолько прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усобицы». (Лѣт. рус. и древ. I. 29—31).

Вотъ гдѣ великое историческое значеніе «Слова о полку Игоревѣ». Русская земля, въ началѣ своего историческаго существованія, какъ оказывается, шла рука объ руку съ тогдаш-

нею болѣе или менѣе образованною, болѣе или менѣе варварскою Европою, не уступая ей ни шагу, потому что ближе стояла къ единственному источнику умственнаго возрожденія Европы, послѣ великаго переселенія народовъ и послѣ разгрома нѣмцами-варварами римской цивилизаціи—къ классической Греціи и ея безсмертнымъ обломкамъ: галицкая или «червонная» Русь стояла на одномъ культурномъ уровнѣ съ Венгріею, Чехіею, Польшею и тогдашнею Австріею, а кіевская земля также не отставала отъ этихъ странъ. Такъ шли дѣла до XIII вѣка. Русская земля составляла органическую часть Европы и, безъ сомнѣнія не явилась бы чѣмъ-то въ родѣ выкидыша въ семьѣ европейскихъ народовъ и въ XIV—XVII столѣтіяхъ, еслибъ на нее не упало татарское ярмо, которымъ русская земля, какъ покорный волъ, была перевернута задомъ къ Европѣ и отгорожена отъ всего остального міра. Отрѣзана была отъ Европы и раззорена, вмѣстѣ съ остальною Русью, и кіевская Русь: богатства ея изсякли скоро; города обезлюдѣли и обнищали; Кіевъ лежалъ нѣсколько вѣковъ въ развалинахъ; граматность извелась: извелись и пѣвцы кіевскіе. И вотъ, когда въ XVI—XVII вѣкахъ стала вновь закипать тамъ жизнь—надо было начинать все съизнова: кіевская земля, какъ и вся остальная русская земля, стала страною темною, полуварварскою, какою она была, можетъ быть, пять столѣтій назадъ, когда ее тѣснили косоги и половцы, мѣшая даже пахать бѣднымъ полянамъ. И когда вновь стала тамъ закипать жизнь, то, вмѣстѣ съ казачествомъ, стали возрождаться и «баяны», пѣвцы—такая ужь пѣвучая это сторонка; но пѣвцы эти являлись уже въ первобытномъ, полудикомъ состояніи — это были не образованные пѣвцы временъ Игоря, знавшіе, хотя-бы даже по наслышкѣ, Гомера и знакомые, по разнымъ болгарскимъ и другимъ «изводамъ», съ образцами греческаго творчества, а слѣпые нищіе, кобзари, Остапы Вересай, прославлявшіе подвиги такихъ же, какъ и они сами, неразвитыхъ казаковъ, боровшихся съ татарами и турками. «Слово о полку Игоревѣ» доказываетъ, что сближеніе съ Европою и съ ея образованностью могло и не понадобиться Россіи въ XVIII вѣкѣ, и историческая миссія Петра I, какъ преобразователя Россіи, могла бы въ такомъ случаѣ обратиться на что-либо другое, если бы русская земля, шла тѣмъ же путемъ развитія, какимъ она шла до XIII вѣка: она не нуждалась бы въ *большемъ* сближеніи съ Европою и ея образованностью, потому что и русская южная земля, и Европа до XIII вѣка черпали свое развитіе изъ одного и того же источника — изъ того глубокаго классическаго колодезя, который, хотя и засоренъ былъ византійскою бездарностью и схоластикою, но въ которомъ и изъ-за византійскаго мусора билъ ключъ живой воды—это безсмертные образцы свободнаго творчества отжившаго греческаго міра, питавшіе и римскихъ Овидіевъ, и кіевскихъ Баяновъ, и британскихъ Байроновъ.

Вотъ почему мы сказали, что «Слово о полку Игоревѣ» до настоящаго времени должно имѣть въ глазахъ современнаго читателя практическое значеніе.

Заслуга князя Вяземскаго, имѣвшаго мужество выступить въ свѣтъ съ ученымъ трактатомъ о такомъ предметѣ, о которомъ, въ теченіи послѣдней четверти столѣтія, Россія хранила глубочайшее молчаніе, какъ о дѣлѣ, давно сданномъ въ архивъ и преданномъ вѣчному забвенію, заключается именно въ томъ, что онъ проводитъ первое литературное произведеніе русскаго народа чрезъ область сравнительнаго сопоставленія его съ положеніемъ литературнаго дѣла въ остальной образованной Европѣ въ эпоху, къ которой принадлежитъ «Слово о полку Игоревѣ», и отводитъ этому памятнику подобающее ему мѣсто, такъ сказать, на историческомъ кладбищѣ человѣческаго творчества. Это — тотъ самый сравнительно аналитическій методъ, при помощи котораго мы только и можемъ сравнительнымъ путемъ отмежевать себѣ принадлежащее намъ по праву мѣсто, если только заслужили его, въ коллективномъ творчествѣ всѣхъ образованныхъ народовъ современнаго міра — это и будетъ нашъ душевой надѣлъ. Князь Вяземскій, говоря о томъ, что, благодаря робости или равнодушію русскихъ лингвистовъ, до сихъ поръ не вынесшихъ никакого вердикта относительно многихъ темныхъ мѣстъ «Слова о полку Игоревѣ», или же, благодаря недостатку въ нашихъ филологахъ ученаго и поэтическаго чутья, этотъ знаменитый литературный памятникъ все еще продолжаетъ оставаться какою-то энигмою, князь Вяземскій замѣчаетъ, что «простыя, ясныя и разумныя объясненія и меткія догадки геніальнаго польскаго поэта (Мицкевича), брошенныя съ каѳедры въ началѣ 1841 года», иногда болѣе уясняютъ темныя мѣста поэмы, чѣмъ всѣ діалектическія тонкости ученыхъ, и, между прочимъ, прибавляетъ, что «это объясняется рабскимъ подчиненіемъ основному правилу, положенному въ началѣ нашего столѣтія—ограничиваться при изслѣдованіи нашихъ древностей исключительно произведеніями родной почвы»; что отъ этого правила, предохранительнаго при начинаніи, пора бы отказаться»; что «боязнь совершать промахи не должна останавливать, ибо одинъ лишь тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ»; что «иноземцы уже опережаютъ насъ въ изученіи нашего языка и народныхъ памятниковъ нашей словесности»; что «матеріалы собирали мы усердно и добросовѣстно—пора приняться и за разработку ихъ и дать имъ то значеніе въ наукѣ, которое они дѣйствительно имѣютъ»; что это можетъ быть достигнуто только «методомъ сравнительнымъ»; что, наконецъ, «при отсутствіи этого метода, при всей любви нашей къ нашимъ древнимъ памятникамъ, они остаются переполненными описками и многими считаются за безсмысленные обломки». (Замѣч. на «Сл. о п. Иг.», 83).

Съ этой точки зрѣнія, трудъ князя Вяземскаго, составляя без-

спорно цѣнный вкладъ въ скудномъ запасѣ сравнительнаго изученія творчества русской мысли, обнаруживаетъ въ авторѣ солидную эрудицію по избранному имъ предмету, и хотя трудолюбиваго комментатора и прежде упрекали, какъ онъ самъ сознается, «за доведеніе гипотезъ до слишкомъ крайнихъ предѣловъ», однако, масса собраннаго имъ матеріала для разъясненія занимающихъ его вопросовъ если и не рѣшаетъ окончательно этихъ вопросовъ, то все-же составляетъ пріобрѣтеніе для науки уже и въ томъ смыслѣ, что даетъ ученымъ, обладающимъ болѣе строгимъ научнымъ, преимущественно филологическимъ аппаратомъ, самыя сподручныя и богатыя средства для подтвержденія или опроверженія его гипотезъ какъ путемъ историческимъ, литературно-сравнительнымъ, такъ и чисто-филологическимъ, путемъ комбинаціи различныхъ флексій, суффиксовъ, фонетическихъ и лексикальныхъ отклоненій и идіомовъ, играющихъ столь важную роль въ сферѣ чисто-лингвистической. Князь Вяземскій, повидимому—не лингвистъ, а скорѣе историкъ и комментаторъ, скорѣе Чечесъ, чѣмъ Гриммъ, и потому тамъ, гдѣ для подтвержденія его гипотезъ нужна исключительная помощь филологіи, его гипотезы могутъ вызвать сильныя возраженія со стороны записныхъ лингвистовъ. Иногда самыя остроумныя гипотезы разбиваются въ прахъ отъ одного прикосновенія къ нимъ лингвистическаго анализа. Примѣровъ этого русская исторія представляетъ не мало. Такъ, сколько всѣмъ извѣстно, незнакомство Карамзина съ сравнительнымъ языкознаніемъ было причиною того, что одно изъ лучшихъ мѣстъ «Слова о полку Игоревѣ», именно то привѣтствіе, съ которымъ «Буй-Туръ Всеволодъ» обращается къ Игорю: «а мои ти куряни *свѣдоми къмети*, подъ трубами повити» и т. д., не понято нашимъ исторіографомъ и переведено такъ, какъ будто бы куряне были хорошіе стрѣлки. Карамзинъ не досмотрѣлъ, что слово *къ мети*, *кмети*, попадается даже въ лаврентьевской лѣтописи и въ духовномъ завѣщаніи Владиміра Мономаха, и означаетъ «слуги», «сподвижники», пожалуй—«ратники»; что слово это до сихъ поръ живетъ въ польскомъ языкѣ; что употребляется оно и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; что, наконецъ, сохранилось оно и въ «Судѣ Любуши»; Карамзинъ не зналъ, что слово *къмети* не слѣдовало разбивать на предлогъ *къ* и *мети*, *мѣта*, потому что въ церковно-славянскомъ языкѣ это слово писалось непремѣнно съ гласною ъ въ серединѣ—*къметь*, какъ *князь* писалось *кънязь*, *полкъ—пълкъ* и т. п. Такъ, недостатокъ филологическихъ знаній въ нашихъ прежнихъ историкахъ былъ причиною того, что всѣ мы, учившіеся русской исторіи по старымъ руководствамъ, и не только мы, но и всѣ, слѣдовавшія послѣ Шлёцера генераціи русскихъ образованныхъ людей, были увѣрены, что существовалъ какой-то *слѣпой Якунъ*, предводитель варяжской дружины, который, въ союзѣ съ Ярославомъ, воевалъ противъ Мстислава, и что была у этого *слѣпого Якуна* какая-то златотканая «луда»,

будто бы покрывавшая его слѣпые глаза; и вся эта увѣренность многихъ поколѣній въ несуществовавшихъ, какъ послѣ оказалось, фактахъ происходила отъ неумѣнья историковъ-нефилологовъ читать текстъ лѣтописи, гдѣ, какъ имъ казалось, было написано: «*и бѣ Якунъ сълѣпъ и луда бѣ у него золотомъ истькана*». Историки, будучи плохими филологами, переводили это мѣсто такъ, что будто бы былъ *Якунъ слѣпъ* и т. д. И вотъ, уже только въ недавнее, сравнительно, время, Ламбинъ своимъ филологическимъ чутьемъ догадался, что не было никакого «слѣпого» Якуна, что слѣпецъ Якунъ не могъ бы быть предводителемъ варяжской дружины; а что, напротивъ, въ лѣтописи стояло такъ: «*и бѣ Якунъ сь лѣпъ*», т. е. «и былъ Якунъ сей[1] лѣпъ»—красивъ собою и т. д. Вмѣсто слѣпого Якуна явился, такимъ образомъ, красавецъ Якунъ и, притомъ, щеголь, потому что «луда» вовсе не означаетъ повязку на глазахъ («полуда», «лудить»—самоваръ и т. д.), а одѣяніе, да еще шитое золотомъ. И вотъ—цѣлая система историческихъ представленій о «слѣпомъ» Якунѣ, сравнивавшемся съ слѣпымъ вождемъ таборитовъ, Жижкою, разрушается до основанія, и все это, благодаря удачной догадливости лингвиста, а, можетъ быть, и благодаря ученому буквоѣдству, которое, хотя и порицается иногда, но едва ли справедливо, потому что буквоѣдство это въ массѣ коллективнаго человѣческаго труда такъ же имѣетъ свои неотъемлемыя заслуги, какъ и изученіе жизни какой-либо инфузоріи или сахаристой пыли на черносливѣ: все ведетъ за собою рядъ открытій, болѣе или менѣе удачныхъ, и нерѣдко вноситъ поразительные перевороты въ область человѣческихъ знаній.

Этотъ ученый микроскопъ, хотя и не всегда съ достаточной филологической эрудиціей, прилагаетъ и князь Вяземскій къ изученію «Слова о полку Игоревѣ». Такъ у него осталось необъясненнымъ одно очень сомнительное мѣсто въ «Словѣ»—мѣсто, которое до сихъ поръ лежитъ тяжкимъ крестомъ на совѣсти лингвистовъ, *crux interpretationum* для всѣхъ комментаторовъ драгоцѣннаго памятника старины. Мѣсто это слѣдующее: «Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ, подъ чрълеными щиты, на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. *И исхоти ю на кровать* и рекъ: дружину твою, княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша...» и т. д. Что̀ означаетъ это—«и схоти ю на кровать»? — Дубенскій объясняетъ это такъ, что Изяславъ, павъ со славою, легъ съ нею, со славою то есть, на смертную кровать, и сказалъ и т. д. Князь Вяземскій, повидимому, соглашается съ этимъ толкованіемъ, потому что распространяется о словѣ *кровать*: «кровать,

---

[1] Въ церковно-славянскомъ языкѣ *сь—сей*, *тъ—той*, *тотъ* и т. д. Это знаетъ всякій филологъ на первомъ курсѣ, если только онъ разъ прослушаетъ лекцію Срезневскаго, Григоровича, Ламанскаго и т. д.

ложе, постель, одеръ, grabatus, κράββατος, das meist ärmliche Ruhebett, Lager-Feldbett; по-французски—grabat». Между тѣмъ, сколько намъ извѣстно, на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, однимъ молодымъ, совершенно неизвѣстнымъ въ ученой литературѣ лингвистомъ (помнится, Водянюкъ), была предложена слѣдующая конъектура этого загадочнаго мѣста: *и се хоти юна*... т. е., вмѣсто *схоти*, въ подлинникѣ могло быть написано *съхоти*, тоже, что *слѣпъ* Якунъ, или *се хоти*; слово *хоти* не одинъ разъ попадается въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и значитъ: подруга, жена, невѣста; слово же *кровать* въ перепискѣ искажено вмѣсто другого слова, которое означаетъ «плакаться», «жаловаться» и т. д. И вотъ, вмѣсто лежанья на кровати со славою, является толкованіе въ родѣ того, что—«и вотъ молодая подруга князя, оплакивая его смерть, говоритъ» и т. д. Намъ кажется, что это толкованіе опирается на филологическую почву и едва ли не равносильно пораженію Ламбинымъ «слѣпого» Якуна. Вѣроятно, князю Вяземскому неизвѣстно это толкованіе.

Хотя, впрочемъ, во всемъ почтенномъ трудѣ князя Вяземскаго проблематическія построенія выводовъ и самыя эластическія гипотезы, какъ въ области исторіи, такъ и въ сферахъ чисто-филологическихъ, играютъ очень замѣтную роль; однако, онѣ не могутъ навлечь на автора упреки въ слишкомъ произвольныхъ догадкахъ и натяжкахъ, потому что и тѣ, и другія онъ предлагаетъ, какъ рабочій матеріалъ для будущихъ изслѣдователей—матеріалъ, который можетъ быть признанъ годнымъ или негоднымъ, смотря по его относительнымъ достоинствамъ, но не навязываетъ этихъ догадокъ наукѣ, въ видѣ ея послѣдняго слова. «Питая предубѣжденіе противъ вывода общихъ началъ (говоритъ онъ), а равно и противъ предвзятыхъ идей, я всемѣрно старался отъ нихъ отрѣшиться. Стремленіе къ выводу общихъ началъ, столь соблазнительное для изслѣдователя, и предвзятыя идеи необходимо влекутъ за собою устраненіе многихъ фактовъ, не подходящихъ подъ уровень придуманной системы». Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ сознаетъ проблематичность многаго, что внесено имъ въ изслѣдованіе, какъ сырой матеріалъ для болѣе стройныхъ построеній новыхъ гипотезъ и для оглашенія въ будущемъ послѣдняго слова науки относительно избраннаго имъ предмета. «Меня упрекали за то, говоритъ онъ:—что я не подчиняюсь общепринятымъ мнѣніямъ, что гипотезы мои доведены до крайности, что я опираюсь иногда на источники, не пользующіеся авторитетомъ. Подчинять изслѣдованія въ области словесныхъ наукъ какой-либо регламентаціи—едва ли правильно. Едва ли правильно также называть гипотезой троянство троянъ, признаніе въ Баянѣ—знаменитѣйшаго изъ прототиповъ всемірнаго эпическаго пѣвца и въ черноморской дѣвѣ-обидѣ — прекрасной Елены, губительницы рода человѣческаго. Если я себѣ позволялъ относиться полемически къ нѣкоторымъ изъ представителей русской современной науки, то это единственно

только въ такихъ случаяхъ, когда я считалъ необходимымъ снять запрещеніе, налагаемое совершенно произвольно на свободу изслѣдованій. Враждуя противъ искуственности и систематизаціи въ наукѣ, невольно увлекаешься въ противоположную крайность, и я извиняюсь передъ читателемъ за отсутствіе въ моемъ трудѣ системы и за небрежность въ изложеніи. Вся моя задача состояла въ собраніи фактовъ, хотя и не всегда прямо относящихся къ изслѣдываемому предмету, но необходимыхъ для воспроизведенія той духовной обстановки, въ коей вращался пѣвецъ XII столѣтія. Прогрессивное движеніе науки, вслѣдствіе новыхъ, постоянно обнародываемыхъ во всѣхъ концахъ земли свѣдѣній, безпрерывно преобразовываетъ искусно придуманныя сооруженія, а потому я предпочелъ ограничиться ролью собирателя» (Замѣч. XII—XIV).

Такъ какъ современною филологіею «Слово о полку Игоревѣ» оставлено въ тѣни, какъ такой предметъ, о которомъ все сказано и говорить уже больше нѣчего, то кн. Вяземскому приходится бо̀льшею частью имѣть дѣло съ старыми мнѣніями по этому вопросу, а если и случается столкнуться, такъ сказать, съ послѣднимъ свовомъ науки (если только *послѣднимъ* словомъ ея можно назвать мнѣнія, высказанныя лѣтъ 15 — 20-тому назадъ), то это почти исключительно на почвѣ оспариванія мнѣній Срезневскаго, Пыпина и Буслаева. Лѣтъ около 20 назадъ, Пыпинъ доказывалъ, что русская ученость и литература XII вѣка менѣе знакома была съ подлинниками греческаго творчества, съ Гомеромъ, напримѣръ, и другими, чѣмъ съ псевдо-Гомерами, ходившими по западной Европѣ въ видѣ апокрифовъ Дареса и Диктиса, этихъ Манухиныхъ и Леухиныхъ древняго классическаго міра. Князь Вяземскій оспариваетъ это мнѣніе не однимъ дѣльнымъ замѣчаніемъ, доказывая, что греческій текстъ Гомера, хотя и былъ мало извѣстенъ на Западѣ, но что въ греко-славянскомъ мірѣ онъ могъ быть доступнѣе латинскихъ текстовъ Дареса и Диктиса, особенно при посредствѣ греческихъ монаховъ, этихъ коробейниковъ древняго міра. Что̀ возразилъ бы *теперь* на это Пыпинъ—мы не знаемъ; но что и та, и другая сторона должны по преимуществу ограничиваться гипотезами, болѣе или менѣе остроумными—это несомнѣнно. Точно также и Пыпинъ, и Срезневскій оспоривали основательность мнѣнія князя Вяземскаго о томъ, будто бы пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» зналъ исторію Трои и намекаетъ на это въ выраженіи «рища въ тропу трояню», и говорятъ, что въ поэмѣ всего скорѣе можно видѣть намеки не на троянскую исторію, но на какія-нибудь другія народныя преданія, и изъ нихъ Пыпинъ, какъ филологъ, приводитъ весьма вѣское замѣчаніе, что слово «Троя» дало древне-славянскому языку только два прилагательныхъ — «тройскый» и «троянскый», а не «троянь» съ мягкимъ окончаніемъ, что̀ указываетъ на существованіе слова «Троянъ», но уже никакъ не «Троя»; но на этомъ кн. Вяземскій поби-

ваетъ Пыпина еще болѣе вѣскимъ замѣчаніемъ—именно тѣмъ, которое онъ находитъ у Миклошича, въ его словарѣ, гдѣ самыя древнія формы прилагательнаго притяжательнаго отъ «Троя» показаны: «Трояневъ градъ» и «царство трояне». При всемъ томъ, и это важное мѣсто въ поэмѣ остается предметомъ дальнѣйшихъ ученыхъ гипотезъ: много доказательствъ приводитъ князь Вяземскій въ пользу того, что пѣвецъ «Слова» разумѣлъ нѣчто, относящееся къ Троѣ и къ міру греко-классическому; за всѣмъ тѣмъ много остается шансовъ и для колебанія читателя въ пользу мнѣнія Пыпина и Срезневскаго. Вѣрнѣе всего, что и у самого пѣвца было слишкомъ смутное представленіе о чемъ-то не то греческомъ, не то римскомъ, когда онъ говорилъ о «тропѣ троянѣ», и онъ самъ едва ли былъ бы въ состояніи рѣшить ученый споръ между Пыпинымъ и кн. Вяземскимъ.

Равнымъ образомъ остается мѣсто для догадокъ и въ толкованіи кн. Вяземскаго, относительно того, что пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» разумѣлъ какого-то Бояна старыхъ временъ, Бояна-Гомера, вѣщаго пѣвца-бандуриста. По толкованію Срезневскаго, онъ могъ разумѣть кого либо изъ пѣвцовъ XII вѣка, какъ разумѣлъ это и авторъ «Задонщины», поэмы конца XIV вѣка, написанной въ честь побѣды Димитрія Донского надъ Мамаемъ—поэмы, въ которой сочинитель положительно говоритъ словами пѣвца Игоревыхъ походовъ, но только какъ бы пародируя его стиль «буйныя словеса»: «Не проразимся мыслію по землямъ (восклицаетъ авторъ «Задонщины»); помянемъ первыхъ лѣтъ времена, восхвалимъ вѣщаго Бояна, въ городѣ Кіевѣ горозда гудца. Той бо вѣщій Бойнъ, воскладая свои златыя перстѣ на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу, Ярополку, Владиміру Святославичу, Ярославу Володимеровичу, восхваляя ихъ пѣсньми и гуслеными буйными словесы. Азъ же восхвалю пѣснеми и гуслеными словесы господина русскаго, господина князя Димитрія Ивановича и брата его Князя Володимера Ондреевича, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю русскую и за вѣру христіянскую. Се бо князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его князь Володимеръ Ондреевичъ поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда, князя Володимера кіевскаго, царя-русскаго. Оле жаворонокъ птица, въ красные дни утѣха, взыди подъ синіе облаки, посмотри къ сильному граду Москвѣ, пой славу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу» и т. д. Князь Вяземскій положительно и справедливо негодуетъ на автора «Задонщины» за его бездарность, хотя сознаетъ, что «эта жалкая парафраза, какъ онъ называетъ «Задонщину», драгоцѣнна въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ извѣстность пѣсни Игоревой въ Москвѣ, въ періодъ освобожденія отъ татарскаго ига»; что «составитель «Задонщины» прошелъ курсъ исторіи и онъ далеко—не безграмотный человѣкъ относительно своего времени» и т. д.

«Но, съ другой стороны, прибавляетъ князь Вяземскій:—сочинитель «Задонщины» заявляетъ такое отсутствіе умственныхъ способностей въ своемъ подражаніи, что его критическій взглядъ на Бояна, упоминаемаго въ пѣснѣ XII столѣтія, не можетъ заслуживать довѣрія» (Зам. 142).

Дà, князь Вяземскій правъ. Пѣвецъ Игоря—это Гоголь-украинецъ; пѣвецъ «Задонщины»—это Евстигнѣевъ-москвичъ: у Гоголя есть юмористическій разсказъ «Носъ»; у Евстигнѣева тоже есть юмористическій разсказъ «Не пò носу табакъ». Но развѣ же ихъ можно сравнивать?

«Слово о полку Игоревѣ» это—жолудь въ исторіи развитія творчества русской мысли. Кіевскіе поляне бросили этотъ жолудь въ землю, чтобы онъ далъ ростки на потребу всѣмъ племенамъ русской земли — дреговичамъ, родимичамъ, вятичамъ, древлянамъ, сѣверянамъ, тиверцамъ. Явились татары и, вытоптавъ молодыя поросли русскаго творчества, едва не сожрали самый жолудь. Москва, выгнавъ татаръ, не могла выгнать оставленнаго ими духа и сама не вѣдала до XVII вѣка, что топчетъ молодыя поросли. Въ XVII вѣкѣ, кіевскіе поляне переносятъ плодотворный жолудь, въ видѣ типографскаго станка, въ Москву—и изъ жолудя выросъ дубъ, мало-по-малу покрывающій теперь своими тѣнистыми вѣтвями и дреговичей, и радимичей, и вятичей, древлянъ и сѣверянъ съ ихъ окладными листами, душевыми надѣлами, недоимками, желѣзными дорогами, земскими учрежденіями и т. д., и т. д.

Вотъ въ чемъ современное практическое значеніе «Слова о полку Игоревѣ», и князю Вяземскому принадлежитъ заслуга постановки вопроса о «Словѣ» такъ, что мы не вправѣ теперь сказать: «Чтò намъ Гекуба, и чтò мы Гекубѣ?»

Д. Мордовцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Походъ «Судебнаго Вѣстника» на защиту адвокатовъ.—Г. Утинъ—новый типъ въ нашей адвакатурѣ.—Рѣчь его за Каирову.—Предвосхищенный мною образчикъ будущей его рѣчи по дѣлу московскаго ссуднаго коммерческаго банка.—Кто были члены совѣта и правленія этого банка и кàкъ выбирались?—Необходимость возможно лучшаго разчлененія дѣла провалившагося московскаго банка, въ виду плохаго состоянія вообще нашего банковаго дѣла.—Г. Спасовичъ—историческій человѣкъ; необходимость дословнаго стенографированія его рѣчей.—Кой-что о нашемъ обществѣ и литературѣ.—Отвѣтъ комитету литературнаго фонда.

Еще неизвѣстно, когда снова начнется такъ неожиданно для всѣхъ прерванный процессъ знаменитаго иностраннаго доктора Беттеля-Генри-Струсберга и его многочисленныхъ союзниковъ, все почти именитыхъ гражданъ города Москвы, съ такою ловкостью, общими съ нимъ силами опустошившихъ кассу московскаго коммерческаго ссуднаго банка—а уже волненіе въ прессѣ по поводу этого процесса начинается. Сколько помнится, въ тотъ же самый день, въ который генералъ Черняевъ выступилъ въ походъ противъ турокъ на защиту славянства и христіанства, «Судебный Вѣстникъ» открылъ свой походъ противъ суда и здраваго смысла, на защиту милой ему адвокатуры.

Извѣстно, что, въ засѣданіи московскаго окружнаго суда 29-го мая, по дѣлу Струсберга и его союзниковъ, вышла маленькая исторійка. Исторійка эта возникла изъ-за того, что защитники подсудимыхъ, всѣ вообще, хотѣли во что бы то ни стало настоять, чтобы судъ не состоялся, чтобы процессъ Струсберга былъ отложенъ на неопредѣленное время. По словамъ корреспондента «Новаго Времени», «тотчасъ по открытіи засѣданія, защитники подсудимыхъ принялись одинъ за другимъ выставлять различныя причины для отсрочки засѣданія». Судъ не уважилъ этихъ представленій и приступилъ къ повѣркѣ свидѣтелей. Но когда, при повѣркѣ свидѣтелей, обнаружилась неявка многихъ изъ нихъ, то защитники снова принялись, одинъ за другимъ, доказывать необходимость отложить засѣданіе. Изъ ряда другихъ защитниковъ, въ этомъ случаѣ, характерностью своихъ доводовъ, выдѣлились двое: присяжный повѣренный *Утинъ*, защитникъ Бостанджогло и Сорокоумовскаго; онъ, по словамъ

корреспондента, «*дрожащимъ голосомъ* доказывалъ, что защитники не успѣли еще надлежащимъ образомъ приготовиться въ столь короткій промежутокъ времени, какой прошелъ между преданіемъ подсудимыхъ суду и самымъ засѣданіемъ», и другой—защитникъ Борисовскаго, Плевако: этотъ указывалъ суду, что, будто бы, «списокъ присяжныхъ неправиленъ, незаконенъ, и произволенъ». Судъ не обратилъ никакого вниманія на наивное заявленіе Утина, но заявленіе Плевако относительно состава присяжныхъ «призналъ несвоевременнымъ, неумѣстнымъ и неприличнымъ».

Само собою разумѣется, что пресса не могла оставить этой исторійки безъ вниманія и не оцѣнить ея по достоинству. Всякому понятно, что, если *всѣ* защитники подсудимыхъ настаиваютъ на томъ, чтобы процессъ былъ отложенъ, то должна быть какая-нибудь общая причина, по которой они этого желаютъ. Но они этой общей дѣйствительной причины, ради которой они настаиваютъ на отсрочкѣ процесса на неопредѣленное время, никому не сказываютъ. Такимъ образомъ, они сами прямо начинаютъ играть и съ публикой, и съ прессой въ темную. Само собою разумѣется, что ни публика, ни пресса никогда не повѣрятъ, чтобы адвокаты дѣйствовали въ интересахъ справедливости, а не интересахъ своихъ кліентовъ. Потому, если защитники подсудимыхъ требуютъ отложить процессъ, то всякій въ правѣ думать, что они находятъ данное, назначенное судомъ время неблагопріятнымъ для защиты интересовъ своихъ кліентовъ и надѣятся, что въ будущемъ шансы для этой защиты могутъ сложиться гораздо благопріятнѣе; далѣе, что причины, въ силу которыхъ можетъ настать въ будущемъ время, болѣе благопріятное для защиты—такого рода, что ихъ нельзя объявить публично, предъ судомъ; слѣдовательно, онѣ не особенно благовидны. Здѣсь открывается просторъ безчисленнымъ, самымъ разнообразнымъ предположеніямъ, которыя могутъ быть очень обидны для защитниковъ, но на которыя претендовать они не имѣютъ никакого права, потому что они сами даютъ къ нимъ поводъ своею скрытностью.

Какія могутъ быть эти предположенія?

Читатель, надѣюсь, извинитъ меня, что я, какъ человѣкъ, не занимавшійся судебною практикою и какъ полный профанъ въ юридической казуистикѣ, не въ состояніи представить разнообразныхъ подобныхъ предположеній и ограничусь только однимъ — и то такимъ, которое, можетъ быть, ему уже извѣстно, если онъ любопытствуетъ заглядывать во всѣ отдѣлы нашего журнала и читалъ «Тѣсную рамку». Но, во всякомъ случаѣ, считаю нужнымъ здѣсь его напомнить, такъ какъ оно можетъ служить лучшею иллюстраціей для высказанной мною мысли.

Къ адвокату Попрыгунчикову приходитъ проворовавшійся предсѣдатель земской управы Кологривовъ и проситъ Попрыгун-

чикова принять на себя его защиту. Попрыгунчиковъ—адвокатъ не ахти-какой насчетъ краснорѣчія, и онъ самъ понимаетъ это очень хорошо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень хорошо понимаетъ и то, что суть адвокатства состоитъ вовсе не въ краснорѣчіи, а въ умѣньи обставить дѣло такъ, чтобы оно не могло быть невыиграно. «Глупъ тотъ адвокатъ, говоритъ онъ откровенно Кологривову:—который надѣется на свое краснорѣчіе. Адвокатура требуетъ умѣнья подтасовывать обстановку процесса: въ вашемъ дѣлѣ, напримѣръ, нужна подтасовка присяжныхъ засѣдателей... Понимаете?» — «Не совсѣмъ», отвѣчалъ Кологривовъ.—«Ну, вы вообразите, началъ толковать Попрыгунчиковъ:—что составъ присяжныхъ образованъ изъ мужиковъ, какого-нибудь учителя съ неподкупнымъ старшиною во главѣ. Самъ богъ краснорѣчія не съумѣлъ бы васъ оправдать передъ такими присяжными. Теперь вообразите другой случай, что стараніями вашего покорнѣйшаго слуги (Попрыгунчиковъ поклонился при этомъ)—въ числѣ присяжныхъ преобладаютъ чиновники, а старшину ихъ изображаетъ кто нибудь изъ вашихъ благопріятелей... Каждый изъ нихъ—человѣкъ, понимающій суть дѣла; знающій, что украсть у частнаго человѣка подло, а взять на сохраненіе казенныя деньги или земскія (это для нихъ все равно) есть поступокъ неизбѣжный, требуемый незначительностію вашего содержанія, невозможностію придать вамъ ту представительность, которой требуетъ ваше положеніе, и проч. и проч. Тутъ самый косноязычный адвокатъ выиграетъ дѣло. Такъ, вѣдь?» Когда Кологривовъ, соглашаясь съ сутью рѣчи, недоумѣваетъ: какимъ образомъ Попрыгунчиковъ можетъ подобрать такихъ присяжныхъ? и заискивающимъ тономъ спрашиваетъ его объ этомъ, то Попрыгунчиковъ съ торжествомъ отвѣчаетъ кратко и многозначительно: «На то я—защитникъ, а не какой-нибудь фантазёръ. Будьте покойны».

Мы, конечно, менѣе всего склонны думать, чтобы защитники доктора Струсберга и его союзниковъ были похожи на Попрыгунчикова и думали дѣйствовать, какъ онъ, но не можемъ не сказать, что ихъ скрытность въ глазахъ людей подозрительныхъ можетъ давать мѣсто и подобнымъ предположеніямъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ корреспондента, составъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Струсберга и К°. образовался именно такой, передъ которымъ, по словамъ Попрыгунчикова, самъ богъ краснорѣчія не съумѣлъ бы оправдать проворовавшагося Кологривова, а именно: «большинство присяжныхъ составляли мѣщане и крестьяне, два или три чиновника и одинъ дворянинъ».

Но, оставляя въ сторонѣ подобныя неблаговидныя предположенія, признавая ихъ вполнѣ невозможными въ виду безукоризненной честности защитниковъ доктора Струсберга и его союзниковъ, все-таки остается не подлежащимъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что, если всѣ защитники упорно настаивали, чтобы процессъ

былъ отложенъ, то была общая причина, по которой они этого желали, и что, поэтому, тѣ частныя причины, которыя каждый изъ нихъ представлялъ для отсрочки, были не истинныя причины, а мнимыя, служили только прикрытіемъ для той общей причины, можетъ быть, и прекраснѣйшей, но которой они объявить не хотѣли. Нельзя же, вѣдь, представить, чтобы у 20 слишкомъ подсудимыхъ, у каждаго, въ одно и то же время, случалась особенная серьёзная причина для отсрочки процесса. Это было бы въ своёмъ родѣ чудомъ! Поэтому, странно давать какое бы ни было значеніе тѣмъ частнымъ причинамъ, какія высказывалъ каждый защитникъ для отсрочки дѣла, и тѣмъ болѣе серьёзно доказывать, что, напримѣръ, та дѣтская причина, которую, *дрожащимъ* голосомъ—вѣроятно, нечаянно, для самого себя—выпалилъ растерявшійся Утинъ, была единственной дѣйствительной причиной, по которой онъ просилъ отложить дѣло, или что Плевако въ томъ крючкотворномъ сплетеніи, которое онъ измыслилъ, видѣлъ дѣйствительное нарушеніе законныхъ формъ судопроизводства.

А «Судебный Вѣстникъ» впадаетъ именно въ такую погрѣшность. Относительно заявленія Плевако онъ, нисколько не думая шутить, ставитъ слѣдующіе вопросы: правильно ли было это заявленіе? умѣстно ли? своевременно ли? прилично ли? и въ длинной статьѣ, какъ и ожидать надлежало, доказываетъ, что оно было и правильно, и умѣстно, и своевременно, и прилично. Къ концу этой же статьи пристегиваетъ и Утина и, высчитывая, что этому юношѣ на знакомство съ дѣломъ дано было всего 17 дней, также серьёзно находитъ, что такого срока ему крайне было недостаточно. Всѣ эти разсужденія «Судебнаго Вѣстника», въ виду того неподлежащаго сомнѣнію факта, что частныя причины, какія представляли защитники для отсрочки дѣла, служили только прикрытіемъ одной общей причины, которой они сказать не хотѣли, нельзя назвать иначе, какъ пустымъ словоизверженіемъ, въ основаніи котораго лежитъ или простое недомысліе, или—гораздо хуже того—неблаговидное желаніе затемнить истинный смыслъ дѣла.

Ка̀къ бы то ни было, но мнѣ жаль Утина: жаль, во-первыхъ, потому, что онъ попалъ подъ защиту «Судебнаго Вѣстника» и фигурируетъ здѣсь подъ ручку съ Плевако. Ему еще далеко до Плевако, и я полагаю, что онъ еще не пріобрѣлъ правъ на то, чтобы быть въ особенномъ благоволеніи у «Судебнаго Вѣстника» и удостоиваться отъ него фундаментальной защиты. Затѣмъ, мнѣ жаль, что Утинъ попалъ защитникомъ въ такое запутанное и скользкое для защиты дѣло, какъ дѣло доктора Струсберга съ компаніей. Это дѣло совсѣмъ не по его характеру и не по его средствамъ.

Утинъ, въ средѣ нашихъ адвокатовъ—явленіе новое, только нарождающійся, но окончательно далеко еще не сложившійся типъ новой породы адвокатовъ. До сихъ поръ, мы при-

выкли представлять себѣ истаго адвоката не иначе, какъ въ формѣ опытнаго прелюбодѣя мысли, человѣка, который прошелъ, что̀ называется, сквозь огнь и воду и мѣдныя трубы, который не привязанъ и не вѣритъ никакимъ идеямъ, никакимъ чувствамъ, никакимъ отношеніямъ, который является глубоко вѣрующимъ и искренно увлеченнымъ только когда это нужно и ровно настолько, насколько это нужно для его цѣли, который этой цѣли преданъ всецѣло, нераздѣльно, подчиняетъ ей не только всю свою душу, но даже и о̀рганы своего тѣла, насколько послѣдніе могутъ служить ей. Г. Утинъ—адвокатъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка нетолько наивнаго, но и совершенно невиннаго, не вкусившаго еще отъ древа познанія добра и зла и, пожалуй, не совсѣмъ ясно понимающаго различіе мужскаго пола отъ женскаго, потому склоннаго ко всякимъ обожаніямъ, постоянно сантиментально настроеннаго и готоваго по каждому пустому поводу придти въ волненіе и излиться въ трескотнѣ всевозможныхъ жалкихъ словъ. Мнѣ кажется, что въ эффектныхъ мѣстахъ своей рѣчи, когда мысль его, разрѣшившись, насколько возможно, отъ логическихъ узъ, превращается въ бурный потокъ жалкихъ словъ, г. Утинъ заслушивается самого себя и любуется собою и что, вообще, г. Утинъ, когда онъ говоритъ, онъ—не какъ другіе адвокаты—занятъ нестолько интересами своего кліента, нестолько тѣмъ и другимъ исходомъ процесса, сколько тѣмъ: удивляются ли его краснорѣчію, удивляются ли тѣмъ прекраснымъ чувствамъ, которыми онъ блистаетъ? Всѣ эти недостатки можно бы было отнести насчетъ молодости. Всякій молодой новопроизведенный прапорщикъ любуется и своимъ мундиромъ, и эполетами, и самимъ собою. Но г. Утинъ — юноша не первой молодости и на адвокатскомъ поприщѣ вращается не со вчерашняго дня. А между тѣмъ, его воззрѣнія, его чувства, самые пріемы его краснорѣчія такъ юны, можно сказать, женственно юны, что ка̀къ-то даже не вѣрится, чтобы онъ обучался въ мужскомъ учебномъ заведеніи, а не попалъ случайно въ одинъ изъ блестящихъ женскихъ пансіоновъ или институтовъ, гдѣ, усвоивъ себѣ воззрѣнія обожаемой maman на жизнь и людскія отношенія и наполненный ея галантными мыслями и отборными чувствами, потомъ прямо съ институтской скамьи вступилъ на адвокатское поприще. По крайней мѣрѣ, такое именно впечатлѣніе произвела на меня рѣчь его за Каирову. На эту рѣчь нѣкоторые нападали въ поруганіе ею разныхъ святынь, но она вовсе этого не заслуживаетъ; въ ней нѣтъ ничего злостнаго: она просто забавна, какъ дѣтская рѣчь. Пусть судитъ самъ читатель по нижеслѣдующимъ выдержкамъ, которыя мы представимъ здѣсь изъ нея для подтвержденія сдѣланной нами характеристики адвокатскаго таланта Утина.

Г. Утинъ начинаетъ свою рѣчь изображеніемъ тѣхъ трудностей, которыя представляетъ защищаемое имъ дѣло (Каировой).

«Оно, говоритъ онъ:—заключаетъ въ себѣ массу вопросовъ, идущихъ въ самую глубину, въ самый центръ человѣческой натуры! (*Вонъ оно какъ!*) Нужно истратить немало знанія, усилій ума, чтобъ рѣшить это дѣло согласно справедливости. Трудность разрѣшенія его заключается въ самомъ его свойствѣ и тѣхъ особенностяхъ, которыми оно обусловливается. Бо̀льшая часть дѣйствій человѣка имѣетъ своимъ двигателемъ матеріальный интересъ; когда въ основѣ убійства, грабежа, мошенничества лежитъ матеріальный интересъ, тогда разрѣшеніе дѣла просто: цѣль понятна, средства опредѣляются обстоятельствами дѣла. Но когда такого интереса нѣтъ, когда двигатели нужно искать въ самыхъ сокровенныхъ путяхъ человѣческаго духа, тогда, чтобы опредѣлить мотивы дѣйствій человѣка, нужно прямо войти въ его душу, разсмотрѣть его внутренній міръ».

Когда г. Утинъ писалъ это вступленіе, то онъ, очевидно, держался того воззрѣнія на любовь, которое получилъ отъ обожаемой maman. Но всякому нетолько прелюбодѣю мысли, а даже и простому смертному, вращающемуся въ жизни, извѣстно, что половое влеченіе слагается изъ двухъ элементовъ: духовнаго и матеріальнаго; и притомъ такъ, что матеріальный элементъ всегда почти превалируетъ надъ духовнымъ, а иногда, и даже бо̀льшею частію,вытѣсняетъ послѣдній почти до полнаго уничтоженія.Такимъ образомъ, во всякомъ половомъ влеченіи, начиная съ той ступени, гдѣ оно достойно наименованія чистѣйшей любви и до послѣдней ступени, гдѣ оно превращается въ чисто животное плотское удовлетвореніе, всегда есть матеріальный интересъ. И вотъ что̀ замѣчательно: что на всѣхъ ступеняхъ половаго влеченія, и самыхъ высшихъ, и самыхъ низшихъ, этотъ интересъ такъ силенъ, что съ нимъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе интересы стяжанія, служащіе стимулами убійства, грабежа и т. п. Ради удовлетворенія такихъ чисто-матеріальныхъ интересовъ половаго влеченія, иногда безъ всякой почти духовной подкладки, люди проживаютъ мильйонныя состоянія, расточаютъ цѣлыя страны, ведутъ ожесточенныя войны, дѣлаютъ всевозможныя гадости. А г. Утинъ въ своей наивности увѣряетъ, что въ любви никакихъ матеріальныхъ интересовъ нѣтъ, и нагоняетъ кучу разныхъ жалкихъ словъ «о центрахъ человѣческой натуры», «о сокровенныхъ путяхъ человѣческаго духа», «о великихъ знаніяхъ и великихъ усиліяхъ ума», которыя, будто бы, потребовались отъ него, чтобы проникнуть сюда!

При такомъ взглядѣ на дѣло, г. Утинъ, само собою разумѣется, не могъ понять его сути и, по необходимости, долженъ былъ наполнять свою рѣчь хламомъ въ родѣ слѣдующаго: у Великанова съ женой, когда они жили еще въ Оренбургѣ, произошла слѣдующая, по словамъ Утина, «ужасная, дикая сцена», при которой присутствовала и г-жа Каирова. Г-жа Великанова, въ сердцахъ на мужа, сказала, что она разцѣлуетъ ручки и ножки у того, кто бы избавилъ ее отъ мужа. Каирова

слышала это и говоритъ: «Я возьму его». — «Возьмите», отвѣчаетъ Великанова.

Изъ этихъ ничего незначущихъ словъ Великановой г. Утинъ, проникая въ «центръ человѣческой натуры» и въ «сокровенные пути человѣческаго духа», нисколько не шутя, а весьма серьёзно дѣлаетъ выводъ, что Великанова сама отдала мужа Каировой!!

Я васъ спрашиваю: можете ли вы указать, не говорю адвоката, а вообще человѣка, который былъ бы настолько наивенъ, чтобы дойти до подобнаго вывода?

Можно смѣло сказать, что нетолько ни одинъ опытный прелюбодѣй мысли, но даже ни одинъ просто русскій человѣкъ не обратилъ бы никакого вниманія на приведенную сцену. Жизнь русская вообще, и супружеская русская жизнь въ особенности, стоитъ такъ невысоко, что такіе ли въ ней бываютъ виды между супругами. И однакожь, самыя ожесточенныя перебранки, когда супруги находятся въ высшей степени раздраженія, посылаютъ другъ друга ко всѣмъ чертямъ, желаютъ другъ другу провалиться сквозь землю и т. п., нетолько оканчиваются обыкновенно ничѣмъ, но даже, еслибы кто изъ стороннихъ позволилъ себѣ вмѣшаться въ супружескую распрю и предложилъ серьёзно, а не въ шутку, взять одного изъ супруговъ, то, навѣрное, обѣ враждующія стороны немедленно, соединенными силами, напали бы на такого изверга и обратили бы его въ бѣгство.

И еслибы г. Утинъ, употребивъ «великія знанія» и «великія усилія ума», могъ не то что проникнуть въ «центры человѣческой натуры» и въ «сокровенные пути человѣческаго духа», а составитъ себѣ хоть кой-какое представленіе объ этой, совершенно темной для него области, то онъ понялъ бы, что такое, повидимому, глупое поведеніе супруговъ весьма естественно. Супруги могутъ ссориться между собою, могутъ сдѣлаться настолько невыносимы другъ для друга, что и разойдутся; но чтобы супруги могли передавать другъ друга третьему лицу — для этого требуется много самообладанія и, слѣдовательно, очень значительная степень развитія, чего самъ же г. Утинъ въ Великановой не предполагаетъ, да дѣйствительно и предполагать нельзя, судя по всему ходу каировской исторіи. Потому, только наивностію г. Утина и можно объяснить, что онъ въ самой легкой, съ русской точки зрѣнія, супружеской размолвкѣ увидѣлъ «дикую и ужасную сцену» и въ ничего незначущихъ словахъ г-жи Великановой усмотрѣлъ формальную передачу ею Каировой своего мужа въ вѣчное владѣніе. «Съ этой минуты (т. е. когда Великанова сказала: «возьмите его»), Каирова считала его своимъ, она видѣла въ немъ свое созданіе, «свое милое дитя».

«Милое дитя» это — по описанію стенографиста, мужчина высокаго роста, плечистый, крѣпкаго сложенія, 33 лѣтъ — оказалось, однакожь, не совсѣмъ милымъ. На судѣ оно прямо объявило, что никогда не переставало любить своей супруги, а

только по несклонности послѣдней къ супружескимъ отношеніямъ сошлось съ Каировой, такъ какъ «ему было необходимо искать физическаго удовлетворенія» помимо жены. Такимъ образомъ, для Великанова въ связи съ Каировой не существовало никакого другаго интереса, кромѣ чисто-матеріальнаго. Если Каирова въ началѣ своей связи съ нимъ и могла еще ошибаться насчетъ возвышенныхъ чувствъ Великанова, то потомъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, живя съ нимъ вмѣстѣ, она не могла не видѣть, чтò за птица Великановъ и чего онъ въ ней ищетъ. Слѣдовательно, надобно предположить, что Каирова или вполнѣ сходилась въ своихъ стремленіяхъ съ Великановымъ, или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе духовнаго элемента въ половыхъ отношеніяхъ считала не настолько важнымъ, чтобы могла возмущаться этимъ. А если такъ, то любовь Каировой къ Великанову была вовсе не такъ идеальна, какъ ее изображаетъ г. Утинъ.

Еслибы г. Утинъ былъ въ состояніи освѣтить для себя эту сторону дѣла, то онъ построилъ бы свою рѣчь совершенно иначе—и полезнѣе для Каировой, и приличнѣе для себя. Правда, Каирова и теперь оправдана, но, я полагаю, она оправдана никакъ не вслѣдствіе рѣчи г. Утина, а несмотря на эту рѣчь—оправдана по существу и обстоятельствамъ дѣла. Поступокъ Каировой не имѣлъ никакихъ послѣдствій для Великановой. Каирова высидѣла за него въ тюрьмѣ цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ. Изъ показаній матери, экспертовъ и докторовъ, наблюдавшихъ надъ нею, вполнѣ выяснилось, что она—женщина болѣзненная, женщина не въ порядкѣ. Всѣ эти обстоятельства были такъ благопріятны для Каировой, что присяжные не могли ея не оправдать. Само собою разумѣется, что г. Утинъ никогда этому не повѣритъ. Онъ, навѣрное, убѣжденъ, что г-жа Каирова спасена единственно его неотразимымъ краснорѣчіемъ и тѣми возвышенными чувствами, которыми онъ на ея счетъ блисталъ.

По крайней мѣрѣ, г. Утинъ согласится со мною, что, еслибы онъ сталъ на реальную точку зрѣнія, то онъ не унизился бы до того, чтобы, ни съ того, ни съ сего, бросать грязью въ женщину, которая въ исторіи каировской любви разыграла роль если не жертвы, то, во всякомъ случаѣ, бѣднаго Макара, на котораго шишки валятся. Я говорю о Великановой. Какова бы ни была эта женщина, но она несомнѣнно приличнѣе держала себя и героини г. Утина, и тѣмъ болѣе Великанова, какъ это очевидно и изъ ея крайне сдержаннаго показанія, и даже изъ того, что она уклонилась явиться на судъ въ качествѣ свидѣтельницы противъ Каировой, а она вѣдь, вѣроятно, могла бы сказать многое.

Но г. Утину нужно было мазнуть эту личность, чтобы дать приличное освѣщеніе своей героинѣ — пріемъ очень гнусный, хотя очень нерѣдко практикуемый нашими адвокатами — и г. Утинъ совершаетъ это, нетолько не измѣняя своимъ возвышен-

нымъ чувствамъ, а, напротивъ, благодаря этому случаю, образуя изъ нихъ бурный потокъ краснорѣчія самаго возвышеннаго.

Видите ли, въ чемъ дѣло! Когда выписанная изъ Оренбурга мужемъ Великанова пріѣхала въ Петербургъ, въ это время Великановъ жилъ еще вмѣстѣ съ Каировой на дачѣ, въ Ораніенбаумѣ. Узнавъ о пріѣздѣ жены, Каирова поспѣшила, однакожь, убраться оттуда, взявъ съ собою болѣе нужныя и негромоздкія вещи; остальныя же, въ томъ числѣ и постель свою, оставивъ на дачѣ. Пріѣхавъ ночевать къ мужу, Великанова расположилась на постели Каировой. По поводу этого г. Утинъ извергаетъ слѣдующій комъ грязи:

«Гг. присяжные! Что̀ это за женщина, которая пріѣзжаетъ къ мужу, который живетъ съ другой; приходитъ въ домъ любовницы своего мужа, зная, что Каирова тамъ живетъ; рѣшается остаться ночевать и ложится въ ея спальнѣ, на ея постелѣ... Это превышаетъ мое понятіе».

Если бы г-нъ Утинъ съ этимъ обвиненіемъ обратился прямо къ г-жѣ Великановой, то она, навѣрное, отвѣтила бы ему слѣдующее: «Г-нъ Утинъ! вы говорите неправду, что я пріѣхала къ мужу, который живетъ съ другой женщиной, что я пришла въ домъ любовницы. Вы знаете, что мужъ самъ призвалъ меня, сказавъ, что оставляетъ эту женщину; онъ и на судѣ объяснилъ, что любилъ всегда меня, и если и оставилъ меня для Каировой, то только ради физическаго удовлетворенія. Онъ же и относительно дачи сказалъ и на судѣ, и мнѣ, что дача нанята имъ, а мнѣ, сверхъ того, сказалъ, что Каирова уже выѣхала оттуда. Тоже самое на судѣ показала и сама Каирова. Слѣдовательно, я шла не къ любовницѣ въ домъ. Если же я позволила себѣ лечь на постель Каировой, то вы забываете, что сначала Каирова позволила себѣ лечь на мою постель. Да и что̀ вы — иностранецъ какой, что̀-ли, или вчера только кончившая курсъ институтка, что не знаете, что у насъ въ Россіи насчетъ постелей пока совершенно свободно? То и дѣло во всѣхъ слояхъ общества, какъ съ мужской стороны, такъ и съ женской, супружескими постелями пользуются и временные любители и любительницы или постоянные преемники и преемницы безъ всякой гадливости. Согласна съ вами, что это очень и очень невозвышенно. Но что̀жъ дѣлать, когда почти все общество до лучшаго пока еще не доросло. Какое же вы имѣете право смотрѣть на меня, какъ на какое-то ужасное чудовище, будто бы рѣзко выдающееся изъ всего русскаго общества? Чудакъ вы! Если бы вы хотя нѣсколько думали о томъ, что̀ вы говорите, то вы поняли бы, что для защиты Каировой вамъ вовсе не было нужды бросать въ меня грязью. Очень возможно, что на мѣстѣ Каировой и я, и другая, и третья, и вообще всякая женщина сдѣлала бы то же самое, что̀ и Каирова. Какъ скоро какой-нибудь сильный аффектъ, въ силу упорной страсти, овладѣваетъ всецѣло человѣкомъ, то какое бы начало, духовное или матеріальное, ни лежало въ основаніи этой стра-

сти, онъ все равно отуманиваетъ разумъ человѣка и превращаетъ его въ животное, способное на всякое звѣрство. Подъ вліяніемъ сильной страсти, имѣя въ рукахъ заготовленную впередъ бритву, Каирова могла бы несовладать съ собою всюду, гдѣ бы ни встрѣтила меня: на улицѣ, въ церкви, въ домѣ—изъ судебнаго слѣдствія вамъ извѣстно, что она даже искала меня, требовала, чтобы ей дали мой адресъ. При чемъ же, спрашивается, тутъ постель?»

Но такое объясненіе, черезъ-чуръ уже простое и обыденное, безъ всякой примѣси романтизма, конечно, неудовлетворило бы г. Утина. Все простое, обыкновенное, всѣмъ понятное «превышаетъ (по собственному выраженію г. Утина) его понятіе» вѣроятно, потому, что лишаетъ его возможности пускаться въ изліянія, иногда парящія высоко подъ границами человѣческаго смысла. Къ числу такихъ изліяній несомнѣнно должно быть причислено и изліяніе его по поводу постели—слѣдующее:

«Развѣ, гг. присяжные засѣдатели, возможно, чтобы женщина осталась спокойною? Для этого нужно быть камнемъ, нужно, чтобы у нея не было сердца. Любимый страстно ею человѣкъ въ спальнѣ, на ея постелѣ, съ другою женщиною! Это было выше ея силъ. Ея чувства били бурнымъ потокомъ, который истребляетъ все, чтò ему попадается на пути; она рвала и метала, она могла истребить все окружающее. Если мы спросимъ этотъ потокъ, чтò онъ дѣлаетъ, зачѣмъ причинетъ зло, то развѣ онъ можетъ намъ отвѣтить? Нѣтъ, онъ безмолвствуетъ!»

Не правда ли, что и забористо, и забавно!

Но вотъ чтò для меня интересно знать: хватило ли бы у г. Утина духу проговорить всѣ эти бурныя бушеванія и о бурномъ потокѣ, который можетъ все истреблять, и о томъ, что онъ не можетъ знать, чтò онъ сдѣлаетъ, и что онъ безмолвствуетъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы Каирова уходила Великанову? А впрочемъ, чтò я спрашиваю! Навѣрное—хватило бы.

Нетолько въ моментъ возвышеннаго паренія, когда г. Утинъ заслушивается самого себя и забываетъ все земное, но иногда и въ спокойномъ, повидимому, состояніи, онъ высказываетъ все, чтò у него есть за душой. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, непосредственномъ состояніи мы встрѣчаемъ его 29-го мая, въ московскомъ окружномъ судѣ, по дѣлу Струсберга и Комп. Я васъ прошу: укажите мнѣ какого угодно изъ прелюбодѣевъ мысли, даже изъ самыхъ неважныхъ, который бы торжественно передъ судомъ заявилъ, что онъ не успѣлъ приготовиться къ дѣлу! Дà, это — немыслимо. Пригласите кого угодно изъ нихъ днемъ, разбудите даже ночью за пять, за шесть часовъ до начала засѣданія суда, ни одинъ вамъ никогда не скажетъ, что не успѣлъ приготовиться, а спроситъ только: кàкъ великъ гонораръ и удовлетворитенъ ли задатокъ? Если же представится надобность заставить судъ отложить дѣло, то онъ придумаетъ какую-нибудь кляузу, въ родѣ Плевако, чтобы суду въ носъ бросилась, а не

скажетъ, что неготовъ. Г. Утинъ, напротивъ, весь передъ судомъ, какъ есть. «Не успѣлъ, говоритъ онъ *дрожащимъ* голосомъ суду:—достаточно познакомиться съ дѣломъ; времени было дано очень мало». Я думаю, что изъ числа защитниковъ по дѣлу Струсберга и Комп., которые всѣ требовали отсрочки дѣла, при чемъ каждый приводилъ свои причины для отсрочки, одинъ только г. Утинъ сказалъ истинную, а не вымышленную причину, по которой онъ *лично* желаетъ отсрочки дѣла. Я говорю: *лично*, потому что онъ зналъ, конечно, и общую причину, по которой желается всѣми адвокатами отсрочка, но та причина была ему чужая, и, еслибы онъ даже могъ сказать ее, то у него, я увѣренъ, съ языка сорвалось бы именно то, что̀ онъ сказалъ теперь, а не что̀-нибудь другое. За такую искренность, конечно, нельзя его не похвалить. А все-таки, какъ хотите, его объясненіе передъ судомъ невольно напоминаетъ школу. Такъ и оживаетъ передъ тобою и добрякъ учитель Иванъ Иванычъ, приглашающій добронравнаго Мишу Вертушкина отвѣчать урокъ, и Миша Вертушкинъ, смущенный, растерянный, который стоитъ, не знаетъ урока и не ожидалъ, что его спросятъ, и который, руки по швамъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчаетъ учителю: «Иванъ Иванычъ! я не успѣлъ; времени было мало».

Надѣюсь, что изъ всего того, что̀ я до сихъ поръ сказалъ о г. Утинѣ, читатель нѣсколько понялъ, почему я жалѣю, что г. Утинъ попалъ въ число защитниковъ по дѣлу Струсберга и комп. Не того я боюсь, что кліенты г. Утина подвергнутся менѣе тяжкой карѣ, чѣмъ какую бы они заслужили. Эта бѣда была бы еще не особенно велика. Я боюсь, что, благодаря его краснорѣчію, цѣлый процессъ приметъ фальшивую окраску, героями выйдутъ бывшіе члены правленія и совѣта, а виновниками окажутся акціонеры и вкладчики. А это, при склонности г. Утина къ обожанію и при его романическомъ настроеніи—дѣло очень возможное. Я даже теперь отчасти предвижу тотъ полетъ и характеръ, который можетъ принять краснорѣчіе г. Утина на процессѣ Струсберга, и могу дать читателю маленькій образчикъ его будущей рѣчи. «Гг. присяжные засѣдатели! Взгляните на скамью подсудимыхъ и скажите: видано ли было когда-нибудь въ стѣнахъ суда такое зрѣлище, какое мы видимъ здѣсь теперь? Оскорбляли ли когда-нибудь святыню правосудія болѣе глубоко и болѣе чувствительно, чѣмъ теперь? На скамьѣ подсудимыхъ сидятъ честнѣйшіе люди, первѣйшіе граждане Москвы, могу сказать, перлы гражданства, которые могли бы быть украшеніемъ какой угодно столицы, люди, извѣстные своею безукоризненною честностью не въ Москвѣ только, а въ цѣлой Россіи. Какимъ чудомъ могли попасть эти люди на скамью подсудимыхъ? За что̀ ихъ обвиняютъ? За что̀ ихъ могутъ обвинять? Не удивитесь, гг. присяжные засѣдатели, если я вамъ скажу, что ихъ обвиняютъ за честность. Вы скажете, что это превышаетъ ваше понятіе. Да̀, это превышаетъ и мое понятіе, и,

однакожь, это—фактъ: я повторяю снова, что ихъ обвиняютъ за честность. Въ обыкновенной рѣчи честнымъ, въ имущественномъ отношеніи, принято называть того, кто не желаетъ и не беретъ ничего чужого, кто ввѣренное ему на храненіе чужое хранитъ, какъ свое, употребляя при этомъ наблюденіе и подсматривая за другими, чтобы и они не расхитили этого ввѣреннаго чужаго. Вы видите, гг. присяжные засѣдатели, какой пошлый, могу сказать, подлый элементъ внесенъ уличною моралью въ понятіе честности. Но если мы, употребивъ «наши великія знанія и усилія ума», проникнемъ «въ самую глубину, въ самый центръ человѣческой натуры» и пороемся «въ самыхъ сокровенныхъ путяхъ человѣческаго духа», то мы поймемъ, что такое понятіе о честности разрушаетъ въ корнѣ самую идею нравственности. Тамъ мы увидимъ, что истинная честность неразлучна съ вѣрою въ честность другихъ. Кто самъ честенъ, тотъ не можетъ не вѣрить въ честность другихъ и, слѣдовательно, неизбѣжно долженъ быть довѣрчивымъ къ другимъ. Могли ли честнѣйшіе граждане, которые сидятъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ, оставаясь честными, подозрѣвать въ нечестности другихъ? Могла ли къ ихъ чистой душѣ приразиться даже случайно мысль о возможности не говорю того наглаго обмана, жертвою котораго они сдѣлались, а даже какого-нибудь обмана со стороны ихъ окружающихъ? И не правъ ли я былъ, гг. присяжные, когда сказалъ, что они попали на скамью подсудимыхъ за ихъ высокую честность. Вы можете сказать: «да еслибы даже и такъ, то отъ этой высокой честности потерпѣли тысячи людей». Но, гг. присяжные засѣдатели, я обращусь къ вамъ съ однимъ вопросомъ, на который прошу васъ отвѣтить мнѣ по душѣ, искренно: что̀ вы считаете важнѣе и драгоцѣннѣе для человѣка—деньги или честь, доброе имя? Я не сомнѣваюсь въ вашемъ отвѣтѣ, а потому мнѣ нѣтъ нужды прибавлять: кого надобно считать потерпѣвшимъ въ настоящемъ дѣлѣ—тѣхъ ли, которые потеряли свои гроши, или тѣхъ, которые попали на скамью подсудимыхъ за свою высокую честность? (NB. Въ рѣчи за Каирову г. Утинъ доказывалъ, что потерпѣвшимъ лицомъ надобно здѣсь считать не Великанову, которую рѣзали, а Каирову). Пословица говоритъ «гроши — дѣло наживное»: у кого есть умъ и энергія къ труду, къ тому они воротятся. Но замаранной чести, запятнаннаго добраго имени ничѣмъ не отмоешь. Наконецъ, въ заключеніе, гг. присяжные засѣдатели, я вамъ долженъ сказать, что вопросъ о судьбѣ сидящихъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ не есть ихъ личный только вопросъ, а вопросъ вашъ собственный, вопросъ всего московскаго общества, вопросъ цѣлой Россіи. Вашъ приговоръ надъ ними будетъ приговоромъ надъ вашимъ собственнымъ нравственнымъ идеаломъ, надъ нравственными идеалами всего русскаго общества. Если вы честность полагаете въ подозрительности, въ подглядываніи, въ подсматриваніи за другими, если высшаго порядка честности для русскаго общества вы и не желаете — тогда осудите

этихъ людей. Да, они виноваты, они неумѣли ни подозрѣвать, ни подстерегать, ни подсматривать. Но я убѣжденъ, что вы не пожелаете нравственной смерти нашему обществу и потому не вынесете обвинительнаго вердикта противъ людей, которые виноваты только тѣмъ, что въ своихъ нравственныхъ идеалахъ ушли дальше современнаго общества и которые, слѣдовательно, служатъ ему свѣточами и руководителями на пути прогресса».

Читатель видитъ, что я начертилъ только голый остовъ рѣчи. У меня нѣтъ ни пареній, ни сантиментальныхъ воздыханій, ни бурныхъ потоковъ, все истребляющихъ — у г. Утина все это будетъ, и выйдетъ не рѣчь, а, одно слово, «громъ и молнія». Вы скажете, что это будетъ смѣшно. Ну, этого не скажите. Какъ для кого! — Во время рѣчи г. Утина за Каирову барыни, то и дѣло, подносили платки къ глазамъ, чтобы утирать слезы. Такъ онъ донималъ ихъ разными пикантными мыслями и отборными чувствами насчетъ постели и т. п. Къ тому же, неизвѣстно, будутъ ли въ процессѣ Струсберга и комп., потерпѣвшіе, т. е. акціонеры и вкладчики, имѣть адвокатовъ. А если нѣтъ, если будутъ адвокаты только со стороны подсудимыхъ, то рѣчи всѣхъ будутъ вертѣться около того же, около чего и рѣчь г. Утина. Слѣдовательно, правильнаго освѣщенія дѣлу не будетъ дано. А это будетъ великой потерей для нашего общества. Наши разныя учрежденія, общества, банки, управленія такъ поставлены, что мы нетолько не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, что и какъ дѣлается внутри ихъ, но не имѣемъ никакой возможности, если бы и употребили для этого всѣ усилія, и никакихъ путей проникнуть въ ихъ внутреннюю лабораторію. Такъ все здѣсь мудро обставлено — все шито и крыто. Только когда крупные дѣятели ихъ, по какимъ-нибудь вопіющимъ злоупотребленіямъ, попадаютъ на скамью подсудимыхъ, нѣсколько свѣтлыхъ лучей освѣщаютъ тотъ или другой уголъ этого темнаго царства. Казалось бы, надобно бы было дорожить этими случайными у насъ лучами свѣта и при ихъ освѣщеніи вычищать ту грязь, которая обнаружилась. Къ сожалѣнію, у насъ только временно подивятся тѣмъ безобразіямъ, которыя случайно обнаружены, поахаютъ; потомъ все остается какъ было въ прежнемъ видѣ. Такъ безслѣдно прошелъ процессъ игуменіи Митрофаніи, такъ безслѣдно прошелъ процессъ Овсяникова. А процессъ Овсяникова, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, прямо ставилъ вопросъ о пропитаніи арміи, о безчисленныхъ казенныхъ мильйонахъ, здѣсь безотчетно расхищаемыхъ. Неужели также безслѣдно пройдетъ и не будетъ даже достаточно освѣщенъ и разъясненъ для публики процессъ Струсберга и комп.?

А этотъ процессъ, пожалуй, если не поважнѣе овсянниковскаго, то къ интересамъ образованной публики стоитъ гораздо ближе, чѣмъ послѣдній. Всякій, вѣдь, изъ образованныхъ, вообще изъ имущихъ кой-какой запасъ людей несетъ свои деньги въ банки или превращаетъ ихъ въ разныя акціонерныя бумаги. Вся-

кому акціонеру и вкладчику интересно знать: насколько крѣпки эти банки и общества? Насколько благонадежно охраняются въ нихъ довѣренные имъ капиталы? Какъ въ нихъ ведутся дѣла?

Злоупотребленія, обнаруженныя въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, даютъ нѣкоторый просвѣтъ въ темную до сихъ поръ для публики внутреннюю лабораторію банковыхъ обществъ.

Достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на то, что сообщено газетами объ обвинительномъ актѣ по дѣлу коммерческаго ссуднаго банка, чтобы видѣть, подъ какимъ дамокловымъ мечемъ ежеминутно висятъ капиталы, вносимые россіянами въ банки, какой наглый обманъ, плутовство, мошенничество гнѣздятся въ тѣхъ хранилищахъ, въ благонадежность которыхъ русское добродушіе привыкло вѣрить болѣе, чѣмъ въ благонадежность своего собственнаго кармана.

Обвинительный актъ привлекаетъ къ отвѣтственности, кромѣ Струсберга, слѣдующихъ лицъ:

Директоровъ банка: 1) Ландау, 2) Полянскаго, 3) Милліоти.

Членовъ совѣта: 4) Борисовскаго (предсѣдатель совѣта), 5) Шумахера (товарищъ предсѣдателя), 6) Лѣнивова, 7) Вишнякова, 8) Гивартовскаго, 9) Редера, 10) Граббе, 11) Крестовникова, 12) Сорокоумовскаго, 13) Лямина, 14) Волкова, 15) Ильина, 16) Корзинкина, 17) Грачева, 18) Бостанджогло, 19) Прена (бывшаго члена совѣта).

Бухгалтера: 20) Ложечникова.

Изъ этихъ лицъ состоятъ: а) *въ родствѣ* между собою: 1) Милліоти, 2) Борисовскій, 3) Крестовниковъ и 4) Бостанджогло;

б) *учредителями-пайщиками трехгорнаго пивоваренного завода*: 5) Гивартовскій, 6) Редеръ, 7) Граббе, 8) Вишняковъ, и, кромѣ ихъ, *Крестовниковъ* и *Борисовскій*;

в) членами общества коммерческаго кредита: 9) Сорокоумовскій, 10) Волковъ, 11) Грачевъ и, кромѣ нихъ, *Крестовниковъ*, *Вишняковъ*, *Гивартовскій*.

Борисовскій, сверхъ того—директоръ въ товариществѣ табачной фабрики Бостанджогло.

Итакъ, вы видите, что все, что дѣйствовало въ коммерческомъ ссудномъ банкѣ, все, что допускалось сюда — переплетено тѣсно между собою узами родства и тѣснаго товарищества. Попадали сюда изъ стороннихъ и оставались здѣсь прочными только тѣ, кого хотѣли принять члены этого твердо-замкнутаго союза. Такъ, Шумахеръ, по иниціативѣ котораго основанъ коммерческій ссудный банкъ и который предназначался быть управляющимъ банка, не хотѣлъ иначе принять эту должность, какъ съ тѣмъ, чтобы Полянскій былъ сдѣланъ директоромъ-распорядителемъ. Затѣмъ, сложивъ съ себя званіе предсѣдателя банка, Шумахеръ предложилъ, вмѣсто себя, Полянскаго, и онъ дѣйствительно заступилъ его мѣсто. На мѣсто вышедшаго директора банка

Прена, Гивартовскій, еврей, предложилъ знакомаго ему еврея, бывшаго варшавскаго банкира, банкрота Ландау, котораго не зналъ ни одинъ человѣкъ нетолько въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, но и въ цѣлой Москвѣ, и онъ былъ принятъ въ директоры. Да еще ка́къ принятъ? Пренъ получалъ жалованья 5,000 руб., а Ландау пригласили съ жалованьемъ 12,000 руб., а вскорѣ, сверхъ этого, положили прибавить оклада 3,000 руб., когда дивидендъ превыситъ 10% складочнаго капитала.

Такимъ образомъ, управленіе ссуднаго коммерческаго банка представляло собой тѣсный комплотъ, въ который никто никогда не могъ проникнуть изъ непосвященныхъ, который допускалъ въ свою среду людей только одной съ нимъ масти, согласившихся мошенничать съ нимъ за одно, и который безотчетно распоряжался всѣмъ ка́къ хотѣлъ.

Какимъ образомъ могъ держаться подобный комплотъ? Очень просто—поддѣлками и подлогами.

Всѣ общія собранія, которымъ принадлежало право избирать членовъ совѣта и правленія, составлялись обыкновенно самими членами совѣта и правленія изъ подставныхъ, преданныхъ имъ лицъ: ихъ родственниковъ, иногда почти дѣтей (какъ увидитъ читатель ниже М. Борисовскаго, 12 лѣтъ, Е. Бостанджогло 13 лѣтъ!!!), ихъ друзей, близкихъ знакомыхъ и служащихъ у нихъ.

Вотъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ собраніяхъ:

«На общемъ собраніи 5-го апрѣля 1872 года, изъ 179-ти голосовъ 107 принадлежали служащимъ въ банкѣ, у членовъ совѣта, родственникамъ ихъ и знакомымъ; изъ лицъ, состоявшихъ во главѣ управленія банка, Шумахеръ, кромѣ своихъ 5-ти голосовъ, имѣлъ 17, принадлежащихъ лицамъ, указаннымъ имъ въ объявленіяхъ о переводѣ акцій, и ихъ родственникамъ; Полянскій, кромѣ своихъ 4-хъ, имѣлъ 17, пріобрѣтенныхъ такимъ же образомъ; Борисовскій, съ четырьмя своими, имѣлъ 23 голоса; на собраніи съ правомъ голоса участвовали (по довѣренностямъ) А. Борисовская, 13-ти лѣтъ, и М. Борисовскій, 12-ти лѣтъ.

На общемъ собраніи 30-го марта 1873 года, изъ 70-ти акціонеровъ, было: служащихъ въ банкѣ 49, у Борисовскаго 3, родственниковъ Полянскаго и Гивартовскаго 3; независимымъ акціонерамъ оставлено было 15 голосовъ. Собраніе это утвердило въ должностяхъ Шумахера, Вишнякова, Лѣнивова, Грачева, Прена и Ландау, провѣрило и окончательно утвердило годовой отчетъ за 1872 годъ.

Въ собраніи 14-го апрѣля 1874 года, изъ имѣвшихъ право голоса 86-ти лицъ, было: 45 служащихъ въ банкѣ, 6—у Борисовскаго и Бостанджогло и 6 родственниковъ и знакомыхъ; въ собраніи участвовали: А. Бостанджогло, 16-ти лѣтъ, и Е. Бостанджогло, 13-ти лѣтъ; изъ 86-ти лицъ явились 8 по акціямъ, заложеннымъ Граббе въ конторѣ Вавельберга и полученнымъ затѣмъ Ландау въ обмѣнъ на векселя Струсберга; эти 8 лицъ на листѣ акціонеровъ не росписались, но, тѣмъ не менѣе, на-

шлись квитанціи на ихъ имена для свободнаго входа въ собраніе. Этимъ собраніемъ утвержденъ отчетъ за 1873 годъ и избраны: Граббе, Бостанджогло, Ильинъ, Вишняковъ и Грачевъ; дѣйствительные акціонеры представлены были 21-мъ голосомъ.

Собраніе 30-го марта 1875 года состояло изъ 87-ми лицъ, имѣвшихъ право голоса; на это количество приходилось: 51 служащій въ банкѣ, 16 родственниковъ ихъ и 4 служащихъ у членовъ совѣта; независимыхъ голосовъ оставлено 16; на этомъ собраніи вновь избраны: Шумахеръ, Лѣнивовъ, Гивартовскій, Редеръ, Корзинкинъ, Полянскій и Веденисовъ, и утвержденъ отчетъ за 1874 годъ.

Въ 1873 и 1875 годахъ, вмѣсто наличныхъ акцій, какъ того требуетъ § 48-й устава, представлено и принято множество удостовѣреній о залогѣ ихъ въ разныхъ банкахъ и обществахъ».

Какимъ образомъ составлялись такія собранія, можно видѣть изъ слѣдующаго показанія занимавшагося этимъ дѣломъ банковаго чиновника Шиллера:

«Шиллеръ — въ 1873, 1874 и 1875 годахъ составлялъ списки акціонеровъ и принималъ акціи для предъявленія къ собранію; черновой списокъ по нѣскольку разъ просматривался директорами, преимущественно Милліоти, который высчитывалъ, сколько голосовъ за правленіе и сколько противъ. Переводъ акцій передъ собраніями на различныя имена дѣлался обыкновенно директорами правленія; случалось, что Полянскій и Милліоти приказывали взять у кассира столько-то акцій и перевести на такое-то имя. Когда акціи, такимъ образомъ, «были подготовлены», онѣ выдавались подъ росписку лица, означеннаго въ объявленіи; правленіе приказывало ему, свидѣтелю, принимать, вмѣсто наличныхъ акцій, и удостовѣренія о залогѣ ихъ. Акціи принимались и послѣ назначеннаго срока, по особому на каждый разъ приказу правленія, причемъ переводы и квитанціи писались заднимъ числомъ; Милліоти очень часто высказывалъ ему желаніе, чтобы акціонеры поменьше предъявляли акцій. Публикаціи о собраніяхъ производились рѣдко; когда онъ, свидѣтель, предлагалъ публиковать чаще, то Полянскій и Милліоти отвѣчали, что ненужно. Объявленія о пріемѣ акцій вывѣшивались въ мѣстѣ, совершенно отдаленномъ отъ публики. Разъ, когда онъ, свидѣтель, хотѣлъ прибить объявленіе внизу, на видномъ мѣстѣ, Милліоти прямо запретилъ ему это, говоря, что выгода правленія въ томъ и состоитъ, чтобы акцій предъявлялось поменьше».

Напрасно акціонеры, чтобы разбить образовавшійся во главѣ управленія комплотъ и уничтожить возможность образованія въ общихъ собраніяхъ фальшиваго большинства, на которомъ онъ держался, просили о расширеніи ихъ правъ дозволеніемъ предъявлять какъ именныя, такъ и безъименныя акціи за десять дней до собранія.

Совѣтъ отвергъ эту попытку акціонеровъ противодѣйствовать ему его же средствами, мотивируя отказъ свой такими соображеніями: «банки, существующіе исключительно довѣріемъ публики, для прочности своей нуждаются въ акціонерахъ *наиболѣе постоянныхъ, имена коихъ* могутъ служить ручательствомъ за солидность дѣла»; правила устава «не дозволяютъ вчерашнему пріобрѣтателю акцій участвовать въ обсужденіи дѣла, ему вовсе неизвѣстнаго; предлагаемое же измѣненіе устава дастъ возможность нетолько участвовать, *но и преобладать въ собраніяхъ такимъ лицамъ, которыя только наканунѣ* купили акціи» и т. д. Общее собраніе, большинствомъ 107-ми противъ 72-хъ, утвердило это заключеніе совѣта.

Эти 107 голосовъ какъ разъ принадлежали управленію банка, какъ это было изложено выше о составѣ собранія 5-го апрѣля 1872 года; на этомъ собраніи у независимыхъ акціонеровъ были 73 голоса, въ слѣдующихъ собраніяхъ 1873, 1874 и 1875 годовъ они располагали всего 15 – 21 голосомъ.

О процессѣ по злоупотребленіямъ коммерческаго ссуднаго банка давно уже идутъ разговоры въ обществѣ и, хотя никто не оправдываетъ членовъ совѣта банка, но нерѣдко случается слышать такія рѣчи, что нельзя ихъ смѣшивать съ Полянскимъ или Ландау, потому, дескать, что Полянскій и Ландау за взятку выдали Струсбергу 7 милліоновъ безъ всякаго обезпеченія. А я думаю, что виноваты нестолько Полянскій и Ландау, сколько именно члены совѣта. Существенное зло для русскаго общества, для Россіи состоитъ не въ томъ, что Ландау и Полянскій взяли взятку, что они выдали за эту взятку семь милліоновъ чужихъ денегъ, а въ томъ, что во главѣ управленія образовался комплотъ, рѣшившійся держать въ рукахъ своихъ власть подлогомъ и мошенничествомъ. Еслибы не было такого комплота, то Полянскій и Ландау никогда не могли бы, да и никогда не осмѣлились бы продѣлать тѣхъ гнусныхъ операцій, какія они продѣлали. Мало того, Ландау былъ бы даже немыслимъ на должности директора банка. Разъ образовался комплотъ, злоупотребленія были неизбѣжны, потому что онъ самъ былъ вопіющимъ злоупотребленіемъ и не могъ иначе держаться, какъ злоупотребленіями. Съ этой точки зрѣнія, какъ ни велики тѣ суммы, которыя растратили Полянскій и Ландау, но они оказали услугу русскому обществу, *во-первыхъ*, тѣмъ, что открыли мошенническое гнѣздо и, слѣдовательно, дали возможность уничтожить его, а, во-вторыхъ, дали возможность тѣмъ, кому то вѣдать надлежитъ, если только они захотятъ, вникнуть въ банковое дѣло въ Россіи и позаботиться о лучшемъ его устройствѣ. Конечно, со стороны Ландау и Полянскаго услуга эта невольная, которой они никакъ не желали и не могли желать, но я, вѣдь, не о томъ и хлопочу, чтобы поставили имъ памятникъ или чтобы ихъ не обвиняли по всей строгости, какая предписана закономъ, а говорю только, что они ничуть не болѣе, а, напротивъ, ме-

нѣе виноваты членовъ совѣта. Послѣдніе были истинные, настоящіе корни, какъ основы комплота, а они—только неизбѣжныя вѣтви. Что бы ни говорили члены совѣта, но они никакъ не могутъ доказать, что они не знали о тѣхъ подлогахъ и мошенничествахъ, которые дѣлались для составленія большинства общихъ собраній изъ подставныхъ лицъ. Не могутъ потому, *во-первыхъ*, что новые члены правленія и совѣта нетолько утверждались, но и избирались не правленіемъ и совѣтомъ, но общимъ собраніемъ случайныхъ акціонеровъ. А между тѣмъ, всегда выходило такъ, что случайные акціонеры выбирали въ члены совѣта и правленія непремѣнно все родственниковъ и близкихъ друзей и товарищей между собою, или даже такихъ лицъ, которыя не были ни кому извѣстны въ цѣломъ городѣ и не были даже акціонерами, какъ Ландау, бывшій, сверхъ того, еще и банкротомъ? Каждый членъ совѣта, предполагая, что онъ не принималъ никакого участія въ подтасовкѣ общихъ собраній и даже ничего не зналъ о такой подтасовкѣ, долженъ былъ бы задать себѣ вопросъ: отчего происходитъ такое чудо? Отчего въ число членовъ совѣта и правленія никто не попадаетъ, кромѣ или родственниковъ, или товарищей и друзей? И, задавшись такимъ вопросомъ, натурально, долженъ былъ сильно заинтересоваться этимъ и докопаться до причины такого явленія. Вѣдь, чудесъ нынѣ не бываетъ, и въ числѣ членовъ совѣта, надѣюсь, не было идіотовъ, т. е. людей, на которыхъ бы, будь они не причастны дѣлу, подобная странность выборовъ не произвела никакого впечатлѣнія. А если такъ, то очевидно, что, если нѣкоторые члены совѣта и не принимали сами непосредственнаго участія въ подтасовкѣ общихъ собраній, то хорошо знали, что эта подтасовка есть, слѣдовательно, знали, что составъ совѣта и правленія поддерживается и пополняется противузаконными средствами, подлогомъ и мошенничествомъ. Во-вторыхъ, было не мало такихъ членовъ совѣта, акціи которыхъ прямо переводились на имя ихъ родственниковъ, знакомыхъ, служащихъ у нихъ лицъ. Я думаю, что эти члены никакъ не могутъ отказаться даже отъ дѣятельнаго участія въ подтасовкѣ общихъ собраній. Участіе это было такъ обыкновенно въ ссудномъ комерческомъ банкѣ, такъ вошло въ нравы этого почтеннаго общества, что его невсегда считали нужнымъ прикрывать даже внѣшнею законностію формальности. У г. Бостанджогло даже два малолѣтка, изъ которыхъ одному всего 13 лѣтъ, фигурировали въ качествѣ акціонеровъ на общемъ собраніи!!! У г. Борисовскаго также.

Я не пускаюсь въ дальнѣйшее изложеніе злоупотребленій въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, раскрытыхъ слѣдствіемъ и прокуратурою. Они поистиннѣ ужасающи, какъ это читатель увидитъ самъ по отчетамъ объ этомъ процессѣ. Впрочемъ, собственно къ существу дѣла, подробности эти ничего не прибавляютъ. Гдѣ во главѣ управленія образовался комплотъ, тамъ

нельзя представить злоупотребленія невозможнаго и немыслимаго. Все возможно и мыслимо.

Моя мысль отъ ссуднаго коммерческаго банка невольно обращается къ безчисленному множеству другихъ разнаго рода существующихъ у насъ банковъ. Что, если въ числѣ ихъ есть только нѣсколько такихъ, въ которыхъ во главѣ управленія стоятъ такіе же комплоты, какъ и въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, составленные изъ родственниковъ, близкихъ товарищей и друзей?! Мы, вѣдь, не имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ управленіи банковъ; контроля надъ ними никакого нѣтъ. Я уже обращалъ на это вниманіе читающей публики по поводу катастрофы въ этомъ же самомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ. Тогда я говорилъ только о возможности злоупотребленій въ каждомъ банкѣ, какъ скоро нѣтъ контроля надъ его дѣйствіями. Теперь есть данныя, доказывающія, что нѣкоторые наши банки находятся въ критическомъ положеніи; данныя, собранныя, къ стыду нашему, не нами, а иностранцами. Въ 142-мъ № «Биржевыхъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая выдержка изъ англійской газеты «Economist» о русскихъ вообще и, въ частности, о южныхъ русскихъ банкахъ:

«Мы уже говорили въ прошломъ году, по поводу дѣла Струсберга, что внезапное появленіе множества банковъ въ Россіи заключаетъ въ себѣ большую опасность. Въ отчетѣ нашего вице-консула Уэбстера обстоятельно показано, къ чему привела легкость, съ которою возникали въ Россіи банки въ послѣдніе годы, и потому мы считаемъ небезъинтереснымъ привести нѣкоторыя данныя изъ этого отчета. До 1872 года, въ черноморскихъ портахъ и, вообще, въ городахъ южнѣе Харькова, кромѣ Одессы, коммерческіе банки были совершенно неизвѣстны, но около этого времени возникло множество акціонерныхъ банковъ. Для каждаго изъ нихъ было получено особое разрѣшеніе министра финансовъ, и всѣ они были подчинены множеству правилъ, очевидно придуманныхъ для обезпеченія ихъ солидности и надежности, но достигавшихъ прямо противоположной цѣли. Г. Уэбстеръ сообщаетъ: «Одновременно съ открытіемъ упомянутыхъ банковъ, возникло множество кредитныхъ обществъ и небольшихъ городскихъ банковъ, и нетолько всякій, у кого была земельная собственность, могъ получать подъ нее деньги почти на всю ея стоимость (иногда даже по высшей оцѣнкѣ), но и всякій, у кого былъ домъ или даже просто изба—имѣлъ ту же возможность. Подъ товары и земледѣльческіе продукты также дѣлались большія ссуды наличными деньгами, и для этого не требовалось даже, чтобы эти товары или продукты хранились въ складахъ банка. Такимъ образомъ, въ 1872 году, въ распоряженіе публики было разомъ предоставлено отъ 15,000,000 до 20,000,000 руб., и это—въ странѣ, гдѣ банковое дѣло было до той поры неизвѣстно. Значительная часть этой суммы пришлась на долю Николаева и Херсона, которые даже не имѣли привоз-

ной иностранной торговли. Толчекъ подѣйствовалъ электрически; деньги можно было получать за безцѣнокъ, такъ какъ что̀ же значило платить 10% въ годъ помѣщику, платившему прежде отъ $1\frac{1}{2}$ до 3% въ мѣсяцъ? Началась самая неистовая спекуляція; банки дисконтировали девятимѣсячные векселя, а чего же не могло случиться въ девять мѣсяцевъ? Помѣщики и арендаторы занимали деньги, положимъ, въ ноябрѣ, разсчитывая, что ко времени расплаты они соберутъ жатву и, такимъ образомъ, люди, засѣвавшіе 200 акровъ земли, начали засѣвать 1,000 акровъ. Былъ, напримѣръ, такой случай, что помѣщикъ, засѣвавшій обыкновенно 2,000 акровъ, арендовавъ землю въ придачу къ своей собственной, вспахалъ и засѣялъ 15,000 акровъ. Купцы расширяли свои обороты втрое. Дома̀ выростали, какъ грибы, и тотчасъ же закладывались въ земельные банки. Доходы удвоились, кредитъ сдѣлался неограниченнымъ, и казалось, что наступила эра всеобщаго благоденствія. Люди, пускавшіе въ оборотъ свой собственный капиталъ, не могли конкуррировать съ людьми, спекулировавшими на капиталы банковъ, рисковавшими всѣмъ и жившими съ небывалою роскошью. Но три неурожайные года положили конецъ самообольщенію. Банковый кризисъ произошелъ еще въ октябрѣ 1872 года, а 31-го декабря 1875 года акціи одесскаго, николаевскаго и кишиневскаго коммерческихъ банковъ, съ нарицательною цѣнностью по 250 руб., упали: первыя до 178-ми, вторыя — до 130-ти и третьи — до 128-ми руб. Еще одинъ неурожайный годъ—и въ Южной Россіи почти всѣ обанкротятся, потому что необходимый процентъ въ 2,000,000 фунт. стерл. нужно, во что̀ бы то ни стало, получить съ земли, за неимѣніемъ другихъ источниковъ дохода. Коммерческіе банки, главное занятіе которыхъ состоитъ теперь съ возобновленіи и отсрочиваніи старыхъ векселей, нашли себѣ поддержку въ государственномъ банкѣ и могутъ дотянуть свое существованіе до снятія жатвы 1876 года. Но, если и нынѣшній годъ будетъ неурожайнымъ, то финансовый кризисъ на югѣ Россіи неизбѣженъ».

По этой выдержкѣ читатель можетъ судить, въ какомъ положеніи находится наше банковое дѣло. Вотъ почему желательно, чтобы возможно ярче искусною рукою было изображено патологическое положеніе ссуднаго коммерческаго банка за все время его существованія, чтобы вѣрно были объяснены какъ тѣ первоначальныя причины, отъ которыхъ оно произошло, такъ и тѣ, послѣдующія, которыя усилили его, развили и привели банкъ къ кризису и крушенію. Такое разъясненіе дѣла ссуднаго коммерческаго банка было бы полезно какъ тѣмъ, что произвело бы сенсацію въ обществѣ и заставило бы его обратить вниманіе на ходъ дѣлъ въ банкахъ, такъ и тѣмъ, что указало бы, на какія именно стороны здѣсь нужно обратить вниманіе и какихъ искать или требовать улучшеній. Одно время говорили, что всѣ потерпѣвшіе хотѣли сложиться и пригласить адвоката

для веденія ихъ иска. И это, мнѣ кажется, необходимо для нихъ. Ихъ интересы поставлены въ неразрывной связи съ правильнымъ разъясненіемъ дѣла. А то, вѣдь, можетъ случиться такъ, что самые состоятельные изъ подсудимыхъ случайно будутъ оправданы, а случайно обвиненные не будутъ въ состояніи вознаградить тѣхъ растратъ, которыя сдѣланы бывшимъ управленіемъ. Что-жь тогда? Впрочемъ, время не ушло еще; изъ петербургскихъ адвокатовъ въ Москву взятъ пока одинъ Утинъ, и потерпѣвшіе могутъ пригласить себѣ въ защитники г. Спасовича, лучше котораго едва ли кто съумѣетъ освѣтить такое сложное и запутанное дѣло, какъ дѣло ссуднаго коммерческаго банка.

Впрочемъ, я желалъ бы видѣть г. Спасовича защитникомъ со стороны потерпѣвшихъ, а никакъ не со стороны подсудимыхъ — Боже сохрани! Г. Спасовичъ — такой человѣкъ, что объ немъ нельзя иначе говорить, какъ: «съ одной стороны, нельзя не признаться, а, съ другой стороны, нельзя не сознаться». Вотъ и теперь есть одно такое дѣло, что нельзя не сознаться... Но я помолчу о немъ до времени. Оно еще пойдетъ въ судебную палату. Объ одномъ прошу гг. стенографистовъ, чтобы они всѣ рѣчи г. Спасовича записывали дословно, а въ особенности тѣ рѣчи, посредствомъ которыхъ г. Спасовичъ засаживаетъ литераторовъ въ тюрьму. Г. Спасовичъ давно уже не обращаетъ никакого вниманія на то, что говоритъ о немъ современная пресса; въ самомъ дѣлѣ, эта пресса такъ безсильна по отсутствію всякой въ ней солидарности, что ея мнѣніе можно игнорировать совершенно безнаказанно. Пусть же помнитъ г. Спасовичъ, что онъ передъ потомствомъ выступитъ такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Можетъ быть, онъ постыдится потомства. А, впрочемъ, если г. Спасовича и мысль о потомствѣ не пройметъ, что весьма вѣроятно, то записываемыя дословно рѣчи г. Спасовича будутъ, все-таки, полезны для исторіи нашего времени.

Г. Спасовичъ — не кто-нибудь: онъ — историческій человѣкъ; онъ представляетъ собой самое характерное, самое типическое выраженіе нашего общества хаотическаго, распущеннаго, неимѣющаго никакого знамени. Прослѣдите г. Спасовича съ того времени, когда онъ былъ профессоромъ, когда издалъ свой учебникъ уголовнаго права, шагъ за шагомъ, до настоящаго времени, и вы ужаснетесь тѣмъ превращеніямъ, которыя можетъ производить русская жизнь.

Я уже заявлялъ, помнится, разъ, что я чувствую слабость къ г. Спасовичу. Я могу довольно спокойно и равнодушно смотрѣть на всѣ гадости, которыя дѣлаются кругомъ; я къ нимъ привыкъ; но потому ли, что я — современникъ лучшихъ дней г. Спасовича, потому ли, что мнѣ симпатиченъ его талантъ, потому ли наконецъ, что настоящее не представляетъ никакого просвѣта впередъ и приходится жить только старымъ, но во мнѣ болѣзненно отзывается каждый неправильный шагъ, сдѣланный г. Спасовичемъ, точно будто я самъ ступилъ въ какую-то грязь, точно я самъ сдѣлалъ какую-нибудь гадость.

Эхъ! если бы двадцать годковъ съ плечь долой, съ какимъ бы удовольствіемъ я вскинулъ ружье на плеча и ушелъ на борьбу за свободу славянства, на чистую святую борьбу

и отъ этихъ юныхъ либераловъ, которые на разныхъ поприщахъ общественной жизни заботятся только о томъ, какъ бы невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти,

и отъ этихъ бывшихъ либераловъ, которые сбросили съ себя всякій декорумъ и открыто играютъ роль іезекіилевской блудницы, которая *«при началѣ каждой дороги устроивает себѣ возвышенія, позоритъ красоту свою и раскидываетъ ноги свои для всякаго мимоходящаго»*,

и отъ этого ничтожнаго, безнравственнаго общества, которое уже болѣе ста лѣтъ болтаетъ о великихъ, возвышенныхъ идеяхъ и благородныхъ порывахъ и которое, въ дѣйствительности, никакихъ стремленій, кромѣ стремленій къ наживѣ, не проявляетъ, и въ которомъ не представляется пока никакого просвѣта въ будущемъ. Дà, именно никакого просвѣта. Г. Дмитріевъ-Мамоновъ весьма справедливо говоритъ, что самая высшая безнравственность общества состоитъ въ анатомистической его разъединенности. Въ такомъ именно состояніи находится русское общество по отношенію къ добру. Посмотрите, въ какіе крѣпкіе, плотно сплоченные, покрытые непроницаемою бронею, шайки или комплоты смыкаются всѣ искатели наживы, всѣ кавалеры индюстріи высшаго порядка. Возьмите хоть бывшій московскій ссудный коммерческій банкъ и разные другіе банки и общества акціонерныя разныхъ сортовъ и видовъ, само собою разумѣется, въ лицѣ персонала ими заправляющаго—и вы вездѣ найдете единъ духъ и едино сердце нетолько внутри ихъ самихъ, но и полную солидарность со всѣми другими обществами для общихъ цѣлей наживы. Оттого ихъ и сила. Взгляните теперь, въ какомъ разъединеніи, разобщеніи, разорванности находятся нравственные интересы. Представителями ихъ служатъ отдѣльныя личности, разсѣянныя въ цѣломъ обществѣ и находящіяся внѣ всякой связи между собою. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда люди, повидимому, солидарные между собою, условливаются дѣйствовать для какой-нибудь нравственной цѣли и соединяются въ общества, общества эти не пріобрѣтаютъ никогда и тѣни того единодушія, той связности, той крѣпости, которыми отличаются банковыя и другія подобныя общества, а влачатъ обыкновенно свое жалкое существованіе, удерживаясь только въ механической связи. Даже литература, когда-то лучшая представительница нравственныхъ интересовъ, день ото дня, все болѣе и болѣе теряетъ свой прежній характеръ. Съ одной стороны, во главѣ ея становятся люди, неимѣющіе никакого къ ней отношенія, которые смотрятъ на нее, какъ на выгодную спекуляцію, и эксплуатируютъ ее просто въ цѣляхъ наживы; съ другой, чтò остается въ ней, повидимому, и солидарнаго находится въ полномъ разъединеніи, разорванности:

это—войско въ разсѣяніи, дѣйствующее безъ вождей, безъ системы, безъ плана, въ разсыпную, потому нетолько вполнѣ безсильное въ своемъ дѣйствіи для какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей, но и неблагонадежное само въ себѣ, потому что каждый, дѣйствуя изолированно, по собственному усмотрѣнію, часто бьетъ не туда, куда слѣдуетъ, а, кромѣ того, легко подвергается всѣмъ искушеніямъ деморализаціи. Оттого нерѣдко и бываетъ, что человѣкъ, котораго вы считаете солидарнымъ съ собою, вдругъ начинаетъ говорить нѣчто такое несообразное, что̀ косвенно въ корнѣ разрушаетъ ваши собственныя и его принципы и воззрѣнія. А насчетъ искушеній деморализаціи бываетъ и того хуже: вотъ, вы смотрите на извѣстнаго, дѣйствующаго въ литературѣ человѣка, какъ на наиблагонадежнѣйшаго, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ «на столбъ и утвержденіе истины»; ну, да̀, думаете вы, тутъ несомнѣнно и крѣпость, и сила, и даже матеріальная обстановка такая, что какое-нибудь хамелеоновское превращеніе невозможно, и на другой же день открываете глаза и видите, что крѣпость и сила учинили пакость и учинили безъ всякой нужды. Еслибы въ наше время жилъ *«неистовый Виссаріонъ»*, то онъ, навѣрное, безъ всякой чахотки, отъ одного непрестаннаго раздраженія и злобствованія, задохся бы въ удушающей атмосферѣ современной литературы.

Но довольно о литературѣ. Перейдемъ къ ея благодѣтелю — литературному фонду. Въ майскомъ внутреннемъ обозрѣніи, говоря о Щаповѣ, я, между прочимъ, сказалъ, что литературный фондъ, во время бѣдствія Щапова за послѣдніе годы передъ его смертію, по извлеченію изъ одного письма Щапова, доставленному фонду, «разрѣшилъ отпускать Щапову ежегодно 300 р. въ годъ, *пока онъ оправится*, но что ревизіонная комиссія, обозрѣвавшая отчотность комитета, сдѣлала ему замѣчаніе за то, что онъ, не имѣя ничего въ виду, кромѣ какого-то неосновательнаго заявленія частнаго лица, не собравши надлежащихъ справокъ оффиціальнымъ путемъ, отпустилъ такую сумму 300 р. въ годъ». — Теперь комитетъ, для возстановленія, какъ онъ говоритъ, истины, сообщаетъ, что «до 1876 г. Щапову не было отпускаемо комитетомъ постояннаго, разъ навсегда опредѣленнаго пособія, а были выдаваемы, въ разное время, разныя суммы, по мѣрѣ того, какъ доходили до комитета свѣдѣнія о необходимости оказать Щапову матеріальную поддержку».—Конечно, съ комитетомъ, у котораго въ рукахъ книги, мнѣ трудно спорить о точности тѣхъ или другихъ фактовъ. Но, такъ какъ errare humanum est и ошибаются нерѣдко и тѣ лица, которыя держатъ въ рукахъ книги, потому что читаютъ въ нихъ не то, что̀ слѣдуетъ, то позволю себѣ и я заявить нѣкоторое сомнѣніе насчетъ основательности приводимой комитетомъ справки. Комитетъ, говоритъ, что до 1876 года Щапову не было назначаемо разъ навсегда опредѣленнаго пособія, но не говоритъ: не было ли назначаемо опредѣленнаго пособія, *«пока онъ оправится?»* — А

я. вѣдь, только объ опредѣленномъ пособіи въ 300 р., *пока Щаповъ оправится*, и говорю. И назначеніе такого пособія, повидимому, было сдѣлано Щапову въ 1873 году, какъ видно изъ слѣдующаго обозначеннаго комитетомъ перечня всѣхъ пособій, выданныхъ Щапову: въ 1863 г. 225 р., въ 1864 г. 150 р., въ 1867 г. 50 р., въ 1871 г. 183 р. 50 к.. въ 1872 г. 200 р., въ 1873 г. 300 въ 1874 г. 300 р.—Читатель видитъ, что въ послѣднихъ 1873 и 1874 годахъ было выдано пособіе одинакого размѣра. Почему? я думаю именно потому, что въ 1873 году сдѣлано постановленіе выдавать Щапову, каждогодно, пока онъ оправится, по 300 р. Комитетъ же увѣряетъ, что это не такъ, что каждый разъ назначеніе Щапову дѣлалось по мѣрѣ доходившихъ до комитета свѣдѣній о необходимости оказать Щапову матеріальную поддержку и что потому ревизіонная комиссія не могла дѣлать вовсе никакихъ замѣчаній по поводу назначенія пособія Щапову. Однако, въ отчетѣ за 1874 г., изданномъ самимъ комитетомъ (1875 г.), на страницѣ 30 мы читаемъ слѣдующее замѣчаніе ревизіонной комиссіи: «При разсмотрѣніи назначенія денежныхъ пособій, комиссія встрѣтила только *два*, на которые она позволяетъ себѣ указать общему собранію, именно: по назначенію въ отчетномъ году одной новой пенсіи въ 300 р. она не нашла ни въ документахъ, ни въ журналахъ комитета 6 января тѣхъ основаній, по которымъ послѣдовало назначеніе пенсіи, и, хотя изъ личныхъ объясненій секретаря и убѣдилась въ правильности такого назначенія, но, полагаетъ, что для исторіи дѣла и будущихъ дѣйствій комитета необходимо изложеніе мотивовъ въ постановленіяхъ комитета о назначеніи денежныхъ пособій, а тѣмъ болѣе въ назначеніи пенсій». Сколько мнѣ помнится, по времени, это замѣчаніе комиссіи должно относиться именно къ пособію, назначенному Щапову, пока онъ оправится. Впрочемъ, если комитетъ, справившись въ дѣлахъ, найдетъ, что это замѣчаніе ревизіонной комиссіи относилось не къ Щапову и сообщитъ объ этомъ, то я свидѣтельствомъ членовъ комитета, хлопотавшихъ о Щаповѣ и участвовавшихъ въ назначеніи ему пособія, докажу: что 1) Щапову назначено было въ 1873 году выдавать пособіе, въ 300 р. каждый годъ, пока *онъ оправится*, и что 2) ревизіонная комиссія дѣлала по поводу назначенія этого пособія свое замѣчаніе. Вошло ли это замѣчаніе въ ея журналъ или оно заявлено было только словесно—этого я, конечно, утверждать не могу. Во всякомъ случаѣ, пока комитетъ не сообщитъ, что 1) постановленіе о выдачѣ Щапову ежегоднаго пособія, пока *онъ оправится*, комитетомъ до 1876 г. никогда не было дѣлаемо и что 2) приведенное мною выше замѣчаніе ревизіонной комиссіи сдѣлано по поводу назначенія пенсіи другому лицу, а не Щапову, до тѣхъ поръ поправку, сдѣланную комитетомъ въ моемъ заявленіи о Щаповѣ, я буду считать неточною.

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

XXI.

(Продолженіе предъидущаго).

Въ своемъ коротенькомъ объясненіи (№ 16) «Недѣля» стоитъ на томъ, что ея воззрѣнія «не лишены нѣкоторой новизны или, по крайней мѣрѣ, самостоятельности». Но почтенная газета, повидимому, не признаётъ ихъ таковыми по существу, потому что ничего не говоритъ объ этомъ. Она гордится только *происхожденіемъ* своего мыльнаго пузыря, какъ я осмѣлился назвать совокупность разсужденій «Недѣли». «Будущій историкъ русскаго общества, говоритъ она:—замѣтитъ, что нашъ пузырь явился плодомъ не теоретическихъ построеній, а внимательнаго наблюденія надъ фактами жизни, и притомъ не жизни вообще, а именно жизни русской, текущей, современной — и въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, назоветъ его новымъ». Этому-то, опытно-наблюдательному происхожденію пузыря газета приписываетъ возбужденный имъ интересъ. Въ этой саморекомендаціи любопытно очень осторожно выраженное, но, тѣмъ не менѣе, сильное презрѣніе или, по крайней мѣрѣ, недовѣріе къ «теоретическимъ построеніямъ» и къ «внимательному наблюденію фактовъ жизни вообще». Мы—не какіе-нибудь теоретики, рекомендуется «Недѣля», мы—наблюдатели, и притомъ наблюдаемъ факты только текущей русской жизни. Еслибы эта саморекомендація была основательна, т. е. фактически вѣрна, такъ, конечно, оставалось бы только жалѣть читателей нашей газеты. Въ самомъ дѣлѣ, какая же ужъ это публицистика, которая запирается въ извѣстный кругъ фактовъ и только изъ него черпаетъ свои — не смѣю сказать теоріи, потому что это будутъ нелюбимыя «Недѣлею» «теоретическія построенія»—а свои, ну, хоть разсужденія, что ли. Система воззрѣній, какъ бы ее не называли: теоріей, теоретическимъ построеніемъ, мыльнымъ пузыремъ, основанная на наблюденіяхъ только текущей русской жизни, есть, навѣрняка, нѣчто очень мизерное и даже прямо теоретически ложное, а практически никуда не годное. Къ счастію для читателей «Недѣли», чортъ не всегда бываетъ такъ страшенъ, какъ его малюютъ, а газеты

невсегда такъ нелѣпы, какъ сами себя рекомендуютъ. Я уже упоминалъ о нѣкоторыхъ статьяхъ «Недѣли», въ которыхъ проводятся, напримѣръ, параллели между исторіей западной Европы и исторіей Россіи, а на основаніи ихъ дѣлаются извѣстные выводы. Помню статью, въ которой авторъ дѣлаетъ «внимательныя наблюденія» надъ историческою жизнью Испаніи. Помню другую, въ которой трактуется объ исторіи древняго Рима. И Испанія, и Римъ даютъ при этомъ автору матеріалъ для нѣкоторыхъ «теоретическихъ построеній», каковыя прикладываются и къ Россіи. Пріемъ, конечно, не новый, но очень хорошій, и отбрыкиваться отъ него, какъ отбрыкивается сама «Недѣля», рѣшительно нѣтъ резона. Что̀ же касается наблюденій собственно надъ русскою текущею жизнью, то каждая газета ихъ по необходимости дѣлаетъ, и слѣдовъ особенной, выдающейся наблюдательности въ этомъ отношеніи въ «Недѣлѣ» не замѣтно. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, тѣ наблюденія, о которыхъ говоритъ почтенная газета? Пусть она ихъ укажетъ. Это, вѣдь—не иголка, которую не съ разу отыщешь. «Недѣля» замѣтила въ обществѣ и литературѣ желаніе выбиться изъ «узкихъ рамокъ». Допуская справедливость этого мнѣнія, едва ли, однако, можно допустить для него громкій титулъ «плода внимательнаго наблюденія» и т. д., тѣмъ болѣе, что въ спеціальномъ отдѣлѣ наблюденій надъ фактами русской жизни, во «внутренней хроникѣ», почтенная газета не сообщаетъ ничего особенно отраднаго. «Недѣля» *наблюла* проэкты генерала Ѳадѣева и русскую музыкальную школу. Это, конечно—наблюденіе, но особеннаго вниманія для этого не требовалось. «Недѣля» замѣтила, что провинціальные о̀рганы относятся къ ней, «Недѣлѣ», не въ примѣръ правильнѣе, чѣмъ столичные. Допуская, опять-таки, справедливость этого мнѣнія, я готовъ признать за газетой большой критическій талантъ и проницательность, но наблюденіе тутъ, во всякомъ случаѣ, не причемъ. «Недѣля» утверждаетъ, что народъ считаетъ наказанныхъ преступниковъ «несчастными» и относится къ нимъ гуманно отнюдь не потому, что они наказаны не по крестьянскому суду. Хотя это высказывается весьма категорически и именно тономъ наблюдателя (самъ, говоритъ, видѣлъ), но это, конечно—не наблюденіе, а чисто апріорическій выводъ, подставленный вмѣсто наблюденія. Мотивы чьихъ-нибудь дѣйствій видѣть и вообще наблюдать непосредственно нельзя. До нихъ можно добраться только сложнымъ путемъ теоретическаго комбинированія различныхъ опытовъ и наблюденій. Въ настоящемъ случаѣ, авторъ нетолько не держится этого безусловно-необходимаго пути соединенія теоріи съ наблюденіемъ, но и просто не хочетъ видѣть фактовъ, именно фактовъ жестокости крестьянскаго суда. Словомъ, да проститъ мнѣ «Недѣля», но она говоритъ неправду, ошибается: опытно-наблюдательная подкладка ея мыльнаго пузыря слишкомъ слаба и ничтожна, чтобы газета имѣла право указывать на нее, какъ на свою особенную заслугу. Повторяю:

пусть «Недѣля» укажетъ свои наблюденія. Я буду очень радъ, если я ошибаюсь, если почтенная газета дѣйствительно обогатила литературу массой новыхъ наблюденій.

Пока это не доказано, я не могу, разумѣется, считать несуществующую опытно-наблюдательную подкладку причиною интереса, возбужденнаго «Недѣлею». Причину надо искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Прежде всего, надо, для ясности, замѣтить, что «интересъ» тутъ не означаетъ сочувствія. Если «Недѣля» получала и выраженія сочувствія, то дѣло, все-таки, не въ нихъ, а въ томъ, что о мнѣніяхъ этой газеты вообще внезапно заговорили въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ отъ одобрительнаго, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ восторженности, до совершенно ругательнаго. Теперь уже это прошло, до такой степени прошло, что мнѣ, признаюсь, невесело писать объ этомъ. Но дѣлать нечего: вино откупорено — надо его выпить. До какой степени эта внезапность интереса была странна, читатель знаетъ уже изъ прошлой главы, и теперь я приведу только одинъ, чрезвычайно мелкій, но, все-таки, очень любопытный примѣръ. «Недѣля» употребила какъ-то выраженіе «яснолобые либералы», которое очень понравилось знаменитому критику «Русскаго Вѣстника», г. А. Пещерный человѣкъ не замедлилъ поиграть на этомъ выраженіи въ томъ смыслѣ, что, дескать—ага! петербургская литература сама, наконецъ, начинаетъ сознавать свое горе. Никогда еще, писалъ г. А., петербургская литература не слышала изъ своей собственной среды такого ѣдкаго укора, какъ «яснолобые либералы». Между тѣмъ, не говоря объ общемъ смыслѣ замѣчаній «Недѣли», самое выраженіе, такъ обрадовавшее пещернаго человѣка, было много разъ употреблено раньше въ изданіи, несравненно болѣе распространенномъ, чѣмъ почтенная газета. Почему же г. А. не радовался прежде? Этотъ частный и, самъ по себѣ, ни мало не интересный вопросъ представляетъ только отраженіе болѣе общаго вопроса, который занимаетъ и самое «Недѣлю»: почему ей удалось возбудить столько говора. Сама она объясняетъ это обстоятельство опытно-наблюдательнымъ *происхожденіемъ* своихъ идей. Но, какъ мы видѣли, это—пустяки. Вообще говоря, въ исторіи науки и литературы неособенно рѣдко такое явленіе, что однѣ и тѣ же идеи сначала проходятъ безслѣдно, а потомъ, по прошествіи извѣстнаго времени, будучи высказаны другими людьми, сосредоточиваютъ на себѣ всеобщее вниманіе. Это отъ разныхъ причинъ можетъ зависѣть: отъ бо̀льшей подготовленности общества, отъ бо̀льшей талантливости послѣдующихъ пропагандистовъ и т. п. Можетъ быть, эти причины были на лицо и въ занимающемъ насъ случаѣ, но думаю, что главное дѣло не въ нихъ. Бываетъ и такъ, что первоначальная идея до такой степени осложняется новыми приставками, что перестаетъ быть сама собой и въ этомъ совершенно преобразованномъ видѣ становится или симпатичнѣе, или доступнѣе для пониманія большинства. Это, однако, отнюдь не не-

премѣнно совпадаетъ съ внутреннимъ прогрессомъ самой идеи. Весьма возможенъ такой случай, что въ своемъ преобразованномъ разными приставками видѣ идея льститъ грубымъ страстямъ или допускаетъ чрезвычайно различныя толкованія, вслѣдствіе своей неясности, или инымъ какимъ-нибудь, столь же нелестнымъ для нея способомъ заставляетъ о себѣ говорить.

Я думаю, что внезапный интересъ, возбужденный «Недѣлей», именно такого рода. Главнѣйшіе ея выводы и положенія отличаются крайнею невразумительностью, которая, съ одной стороны, является весьма легкою добычею для самой поверхностной критики, а съ другой—позволяетъ людямъ весьма различнаго образа мыслей толковать эти выводы и положенія по своему. Взять хоть бы, напримѣръ, вышеприведенную саморекомендацію почтенной газеты. Я коснулся ея только со стороны фактической невѣрности, но, еслибы игра стоила свѣчь, можно бы было написать немало веселыхъ страницъ насчетъ самой сути этой саморекомендаціи, насчетъ возможности обходиться въ публицистикѣ безъ «теоретическихъ построеній». Съ другой стороны, «Недѣля» до такой степени невразумительно противопоставляетъ теоретическія построенія наблюденію, что на ея словахъ могли бы не безъ успѣха поиграть и г. Полетика, и г. Баймаковъ, и г. Скальковскій, и г. А., и вообще всякій, имѣющій свои резоны не любить «теоретическихъ построеній». Конечно, эти господа принялись бы за эту игру только въ томъ случаѣ, еслибы это было имъ нужно, но вѣрно то, что они не такъ охотно заговорили бы о мнѣніяхъ «Недѣли», еслибы она не путалась.

Позвольте мнѣ на минуту оторваться отъ «Недѣли» къ явленіямъ болѣе крупнаго калибра. На Востокѣ—опять пожары, кровь и пушечные выстрѣлы Богъ знаетъ, въ который разъ поднимается измученное славянское населеніе Турціи и пробуетъ добиться элементарнѣйшихъ правъ человѣческаго существованія. Мы находимся или наканунѣ великаго историческаго событія, если славянамъ удастся протискаться на свободу сквозь сѣть дипломатическихъ тонкостей и гнилые путы турецкаго владычества, или же наканунѣ одной изъ позорнѣйшихъ страницъ исторіи человѣчества, если и теперь «больной человѣкъ» останется владыкой людей здоровыхъ. Зерно событій до послѣдней степени просто, такъ просто, что даже до рѣдкости. Большинство населенія Турціи представляетъ массу, почти совершенно однородную и въ политическомъ, и въ соціальномъ, и въ религіозномъ, и въ культурномъ отношеніи. Большинство — славяне по національности, христіане по религіи и почти паріи по общественному положенію: слово «райя» обращается на нашихъ глазахъ въ такое же нарицательное имя, какъ и «парія». По замѣчательной особенности юго-славянскихъ племенъ, все, что рѣзко поднималось надъ общимъ уровнемъ этой однородной массы, порывало съ ней всѣ связи заразъ: зародыши юго-славянской аристократіи почти поголовно потурчены и обращены въ мусуль-

манство. Въ Ирландіи, напримѣръ, въ одной изъ несчастнѣйшихъ странъ западной Европы, есть своя аристократія, свои коренные лэндлорды, которые, будучи такими же католиками и ирландцами, какъ и большинство кореннаго населенія, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ. Въ экономическомъ и до извѣстной степени въ политическомъ отношеніи они естественно тяготѣютъ къ англійской аристократіи, тогда какъ въ другихъ остаются тѣсно связаны съ своимъ народомъ. Южные славяне не знаютъ этой раздвоенности и запутанности, этихъ противорѣчій: національное и народное дѣло для нихъ совершенно совпадаетъ. Далѣе, европейцы могутъ смотрѣть на славянъ, какъ на варваровъ, дикарей, о судьбѣ которыхъ не стòитъ заботиться. Мы, конечно, такъ смотрѣть не можемъ, хотя бы уже потому, что сами мы въ глазахъ Европы—дикари. Мы можемъ видѣть въ славянахъ только людей, которые, по внѣшнимъ обстоятельствамъ, до сихъ поръ еще ничего не внесли въ сокровищницу общечеловѣческой цивилизаціи. Они только играли по отношенію къ ней роль щита, принимавшаго удары азіатскихъ ордъ. Но если они такъ поздно начнутъ свою культурную жизнь, то тѣмъ больше вѣроятности, что они избѣгнутъ ошибокъ, по-неволѣ сдѣланныхъ старой Европой въ историческомъ процессѣ ея развитія. Наконецъ, гнетущій славянъ турецкій общественный и государственный строй до такой степени противорѣчитъ самымъ скромнымъ требованіямъ, какія только могутъ быть предъявлены, что о несостоятельности его не можетъ быть споровъ. Такимъ образомъ, основныя данныя задачи ясны, какъ божій день, и, сами по себѣ, не могутъ вызвать ничего, кромѣ горячаго сочувствія славянамъ. Это—сама азбука, даже для людей, заинтересованныхъ въ дальнѣйшемъ существованіи Турціи въ ея теперешнемъ видѣ. Немудрено, поэтому, что газеты наши, хоть и не сразу, но, наконецъ, выровнялись въ этомъ отношеніи. Я не намѣренъ слѣдить за отношеніями русскихъ газетъ къ славянскому дѣлу (предметъ, впрочемъ, крайне любопытный) и склоненъ говорить болѣе отвлеченнымъ образомъ. Представимъ себѣ идеальную газету, которая, принявъ во вниманіе крайнюю простоту вопроса, съ начала герцеговинскаго возстанія неустанно твердила бы одно: «вотъ около семи милліоновъ полураздавленнаго безобразнымъ политическимъ строемъ люда; онъ поднимается, его терпѣніе перешло всѣ предѣлы, надо помочь ему, словомъ ли, вызвавъ сочувствіе, деньгами ли, дѣломъ ли, помочь во имя самыхъ чистыхъ побужденій сочувствія къ человѣку, неподкупленнаго ничѣмъ, кромѣ незаслуженныхъ страданій этого человѣка и возможности его великой будущности». Естественно, что такая газета постаралась бы опереться и на племенное родство наше со славянами, и на наше съ ними единовѣріе. Естественно также, что она обратила бы вниманіе на важность для русскаго народа образованія на мѣстѣ Турціи славянской федераціи. Такая газета, безъ сомнѣнія,

имѣла бы успѣхъ и, притомъ, успѣхъ ровный и серьёзный: ея мнѣніями никто не осмѣлился бы играть, толковать ихъ вкривь и вкось. Съ ними можно бы было только соглашаться или не соглашаться. Если хотите, гово̀ру объ этой газетѣ было бы сравнительно немного, но за то читалась бы она сильно и, слѣдовательно, имѣла бы прочное и серьёзное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, ясность подлежащей разрѣшенію политической задачи такова, что сто̀итъ только крѣпко держаться ея основныхъ данныхъ, чтобы избѣжать какихъ бы то ни было промаховъ: къ ней нѣтъ приступу ни со стороны пошленькихъ заигрываній съ задней мыслью, ни со стороны грубыхъ страстей. Но въ этой неприступной крѣпости немедленно откроются бреши, если газета (какъ это случилось съ русскими газетами) запутаетъ корень вопроса посторонними соображеніями и поставитъ выше этого корня какую-нибудь второстепенную черту. Напримѣръ, многіе придаютъ первенствующее значеніе нашему племенному родству со славянами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уличаютъ въ бездушіи, своекорыстіи и т. п. англійскихъ государственныхъ людей или австро-венгерскихъ писателей. Но, если мы сочувствуемъ славянамъ, главнымъ образомъ, потому, что они намъ — родня, такъ тѣмъ самымъ узаконяется бездушное и своекорыстное отношеніе къ нимъ англичанъ или венгровъ: они вѣдь имъ не родня. Желающій смѣло можетъ позабавиться на эту тэму, а желающіе всегда есть: кто — по природному зубоскальству, кто — потому, что надо же что̀-нибудь писать, а кое-кто и по искреннему стремленію, по возможности, уяснить дѣло. Или, напримѣръ, «Новое Время» (съ разу, впрочемъ, взявшее надлежащій тонъ горячаго сочувствія къ славянамъ) называетъ «Биржевыя Вѣдомости» (довольно основательно) торгашами, а само, нѣтъ-нѣтъ, да и поставитъ восточный вопросъ на почву дѣлежа турецкаго наслѣдства между англійскими и русскими купцами. Какъ будто это — не тоже торгашество, только пошире, и какъ будто, не то что славянамъ, а и русскому народу, есть надобность расчищать дорогу русскимъ купцамъ. Но, какъ уже сказано, «Новое Время» вполнѣ усвоило, по крайней мѣрѣ, общій тонъ сочувствія къ дѣлу славянъ, а въ другихъ мѣстахъ можно бы найти гораздо больше путаницы. А путаница эта даетъ пищу говору и, слѣдовательно, создаетъ своего рода успѣхъ. И все это происходитъ оттого, что на простую, ясную и великую идею навѣшиваются неподходящія побрякушки.

Я не говорю, что это — единственный путь успѣха и возбужденія интереса, вѣрнѣе, говора. Но это, несомнѣнно — одинъ изъ довольно обыкновенныхъ путей, и имъ-то шла «Недѣля» въ вопросѣ, отчасти соприкасающемся съ тѣмъ, который разрѣшается нынѣ на Востокѣ. Я разумѣю вопросъ о національности и народности. Прошлой главѣ записокъ профана «Недѣля» придала совершенно несоотвѣтственный оттѣнокъ, котораго я самымъ тщательнымъ образомъ избѣгалъ и, надѣюсь, избѣгнулъ. «Г.

Михайловскій говоритъ, что онъ давно проповѣдывалъ нѣкоторыя истины, выставляемыя «Недѣлей»; г. Скабичевскій въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» то же самое говоритъ о себѣ. И, однакоже, ни тому, ни другому не пришлось возбудить того интереса, который они возбудили теперь». Такъ торжествуетъ «Недѣля». Подождите торжествовать. Еще вопросъ: слѣдуетъ ли вамъ радоваться, или горевать, посыпавъ главу свою пепломъ. Я отвѣчаю, конечно, только за себя и напомню «Недѣлѣ», что тѣхъ рѣжущихъ ухо словъ, которыя она мнѣ приписываетъ, я *не говорилъ* [1]. Я, вообще, говорилъ не о себѣ, а о цѣломъ литературномъ направленіи. Но, такъ какъ рѣжущія ухо слова уже произнесены, то я, пожалуй, подниму перчатку, брошенную мнѣ «Недѣлей», и буду говорить о себѣ. Во многихъ отношеніяхъ, отчасти, вѣроятно, понятныхъ и «Недѣлѣ», и читателю, это даже удобнѣе, чѣмъ разсуждать о цѣломъ литературномъ направленіи. Остановлюсь на тѣхъ главахъ записокъ профана, въ которыхъ трактуется о гр. Л. Толстомъ. Тамъ представлена была оцѣнка дѣятельности гр. Л. Толстого съ такой точки зрѣнія, которой не прилагалъ къ этому писателю ни одинъ критикъ. Литературная дѣятельность его получала освѣщеніе, совершенно новое и во многомъ противорѣчившее установившимся объ ней понятіямъ, причемъ во главу угла всей оцѣнки была поставлена идея народа, тщательно отграниченная отъ идеи національности. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ при этомъ мыслей, пожалуй, близки къ тѣмъ, которыя обезпечили открытіе необитаемаго архипелага Недѣліи. Г. Толстой интересовалъ, въ то время читающую публику сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Однако, пространныхъ печатныхъ разговоровъ по поводу этихъ статей не было. Можетъ быть, знаменитый затрапезный ораторъ, г. Полетика выругался съ изяществомъ отставного бурбона и съострилъ съ граціей ломоваго извощика; можетъ быть, еще какіе-нибудь два-три литературные баши-бузука гикнули и затѣмъ спрятались въ кусты. Но вѣрно то, что ни г. А. (даже особенно въ этомъ случаѣ заинтересованный), ни межеумки, въ родѣ гг. В. М. или Фауста Щигровскаго Уѣзда, не размазывали выраженныхъ мною мыслей (я не говорю: исключительно мнѣ принадлежащихъ), не мяли ихъ вкривь и вкось своими неумѣлыми или грязными руками. И ужь, конечно, мнѣ не приходится по этому случаю печаловаться. Можетъ быть, это зависитъ оттого, что въ упомянутыя статьи вложено меньше таланта и наблюдатель-

[1] Это—не единственный случай излишней развязности полемики «Недѣли». Такъ, она утверждаетъ, будто, по моему мнѣнію, г. Кавелинъ *игнорируетъ* нашу литературную критику послѣ Бѣлинскаго, и затѣмъ побѣдоносно объявляетъ, что это фактически невѣрно. Но я этого и не говорилъ. Я говорилъ только, что, съ точки зрѣнія г. Кавелина, наша критика со временъ Бѣлинскаго «двигалась по направленію къ ничтожеству». Выраженіе это несовсѣмъ, можетъ быть, удачно, но оно, во всякомъ случаѣ, фактически вѣрно.

ности, чѣмъ какіе находятся въ распоряженіи публицистовъ «Недѣли». Я охотно готовъ это допустить и, во всякомъ случаѣ, не стану спорить. Но я склоненъ думать, что была и еще одна причина сравнительной молчаливости межеумковъ, и причина самая важная: ясность и простота, если можно такъ выразиться, строгость точки зрѣнія. Потому только я и рѣшаюсь поднять перчатку, брошенную «Недѣлей», что мои личные писательскіе достоинства и недостатки тутъ рѣшительно не при чемъ. Не они отняли у баши-бузуковъ и межеумковъ ихъ хлѣбъ насущный—возможность лишній разъ поболтать, а величіе идеи народа, по отношенію къ которой вся моя заслуга состоитъ въ стремленіи вышелушить ее, отдѣлить отъ всѣхъ постороннихъ примѣсей. Кормленіемъ баши-бузуковъ и межеумковъ занялась «Недѣля» и радуется, глядя на аппетитъ, съ которымъ они жуютъ подсунутую имъ пищу. Читатель помнитъ, ка̀къ перепутала «Недѣля» идеи національности и народности. Образовалась мутная вода, въ которую межеумки и баши-бузуки — одни съ комическою серьёзностью, другіе съ наглою усмѣшкой—смѣло закидывали свои удочки и выуживали, что̀ попадется. Далѣе всегда есть люди, которымъ сто̀итъ только показать палецъ и сказать, что это—коренной русскій, чисто національный палецъ, и они радостно захохочутъ громче мичмана Дырки, захохочутъ по той же неразгаданной психологіей причинѣ, по которой щедринскіе вояжёры млѣютъ, вспоминая о русскихъ кушаньяхъ (Есть, конечно, и такіе субъекты, для которыхъ «русское», что̀ бы то ни было, значитъ, приблизительно, «свинское»). Вотъ, главнѣйшій контингентъ людей, заговорившихъ о «Недѣлѣ». Вотъ передъ кѣмъ волочила она великую идею, изукрасивъ ее лоскутьями славянофильскаго костюма, но не имѣя смѣлости прямо пристать къ этому ученію, и вотъ къ чему сводится значительная доля возбужденнаго ею интереса. Конечно, ничего подобнаго не могло случиться въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. «Недѣля» утверждаетъ, что общество и литература стремятся выбиться изъ «узкихъ рамокъ». Что это справедливо относительно нѣкоторой, очень малой части общества и литературы—это я очень хорошо знаю, хотя и не знаю, одну ли и ту же часть мы съ «Недѣлей» разумѣемъ. Но что подавляющее большинство влачитъ свое нравственное существованіе изо дня въ день, безъ надеждъ и идеаловъ, вяло и апатично—это я тоже очень хорошо знаю. Только теперь, благодаря напряженному моменту турецко-славянской распри, замѣчается нѣкоторое, хотя далеко несоотвѣтствующее важности событій общее возбужденіе. Можетъ быть, дѣла̀ пойдутъ такъ, что черезъ нѣсколько времени мы будемъ съ ужасомъ оглядываться на переживаемое теперь пишущимъ и читающимъ людомъ время, какъ на періодъ скандала и цѣлковаго—этихъ двухъ краеугольныхъ камней нашихъ теперешнихъ духовныхъ интересовъ. Я не поздравляю «Недѣлю» съ возбужденнымъ ею интересомъ...

Межеумки, баши-бузуки и руссофилы quand même не интересны. Есть благонамѣренные, серьёзные и, вообще, хорошіе и неглупые люди, словомъ или письмомъ принявшіе участіе въ открытіи архипелага Недѣліи. (Я имѣю въ виду, конечно, только тѣхъ, которые принимали участіе болѣе или менѣе положительное, а не тѣхъ, которые относились къ архипелагу отрицательно). Это можно объяснить, опять-таки, только тою же невразумительностью «Недѣли», дозволяющею толковать ея положенія крайне разнообразно. Вотъ, напримѣръ, г-жа Ефименко — почтенный и умный человѣкъ, безъ сомнѣнія, знающій народную русскую жизнь не въ примѣръ основательнѣе гг. П. Ч., Кавелина и Гайдебурова. Но этого мало, что она знаетъ народную жизнь. Она имѣетъ очень правильную точку зрѣнія. Я помню, напримѣръ, ея прекрасную статью «Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ», напечатанную, должно быть, года три тому назадъ въ «Знаніи», гдѣ она не просто отстаивала необходимость изученія народной жизни, а весьма осязательно доказывала это, гдѣ она, слѣдя за обычнымъ брачнымъ правомъ съ рѣдкою тщательностью и знаніемъ дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, далека была отъ фальшивой идеализаціи «деревни». И вдругъ этотъ дѣйствительно дѣльный и серьёзный человѣкъ разражается тою странною тирадой, тѣмъ гимномъ въ честь «Недѣли», который я привелъ въ прошлый разъ. Она восторженно говоритъ, какъ о какомъ-то новомъ откровеніи, о такихъ воззрѣніяхъ, которыми въ несравненно болѣе чистомъ видѣ сама давно руководствовалась. Представьте себѣ, что человѣкъ всю жизнь занимался, напримѣръ, астрономіей и издалъ какія-нибудь самостоятельныя работы. Онъ читаетъ въ какомъ-нибудь популярно-научномъ изданіи похвалу астрономіи, какъ наукѣ полезной въ практическомъ отношеніи, возвышающей духъ и т. п.—и вдругъ начинаетъ пѣть восторженную хвалу издателямъ популярнаго листка: «о, господа, ка̀къ я вамъ благодаренъ! вы мнѣ открыли новыя перспективы, вы указали мнѣ новый путь» и т. д. Случай чрезвычайно странный, а отношенія г-жи Ефименко и «Недѣли», приблизительно, именно таковы. Г-жа Ефименко благодаритъ «Недѣлю» за то, что та наставила ее на путь, на которомъ сама г-жа Ефименко стояла раньше и тверже «Недѣли»! Этого мало. Г-жа Ефименко, отъ лица «мыслящихъ провинціаловъ», утверждаетъ, что «столичные писатели», именно потому, что они—столичные, не въ состояніи оцѣнить заслугъ столичныхъ писателей «Недѣли»! Ясно, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе, хотя, признаюсь, я не могу понять, въ чемъ именно оно состоитъ. Можетъ быть, г-жа Ефименко устала трезво мыслить (такая усталость вообще возможна) и ухватилась именно за тѣ лоскутья, которыми «Недѣля» изукрасила великую идею. Можетъ быть она поддалась на тѣ грубоватыя похвалы, которыя «Недѣля» давно уже расточаетъ провинціи и провинціальнымъ писателямъ. Можетъ, и другое что̀-нибудь тутъ замѣшалось, но,

во всякомъ случаѣ, будетъ чрезвычайно прискорбно, если г-жа Ефименко намѣрена выступить на какой-нибудь *новый* путь и, слѣдовательно, уклониться отъ своего стараго.

А можетъ быть и то, что г-жа Ефименко вкладываетъ въ слова «Недѣли» свой собственный смыслъ, какой и въ голову не приходилъ публицистамъ этой газеты. Это очень возможно. Чего, напримѣръ, нельзя вложить въ слѣдующій тезисъ г. П. Ч.: «если только намъ суждено скоро услышать «надлежащее слово», его скажутъ люди деревни, а не города и уже всего меньше Петербуга. Дà, скажетъ его деревня, кàкъ бы презрительно ни думали о ней книжники. Хотѣлось бы пояснить, что подъ деревней здѣсь подразумѣвается единица, олицетворяющая собою принципъ солидарности, нравственной связи, въ противуположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ котораго былъ и есть европейскій городъ». Въ этихъ словахъ *конкретному* Петербургу, т. е. такому, каковъ онъ теперь во всѣхъ подробностяхъ, съ Невскимъ Проспектомъ и уличнымъ ловеласничествомъ, съ «Недѣлей» и ея идеальными стремленіями, съ магазинами, фабриками, монументами, рысаками, ваньками, нищими и проч. и проч., противопоставляется *отвлеченная* деревня, т. е. не такая, какова она въ дѣйствительности, а какъ ее отвлеченнно разумѣетъ авторъ, т. е., отвлекая нѣкоторые ея признаки и признавая какъ бы несуществующими остальные. Говорю такъ пространно нестолько для читателей, сколько для «Недѣли». Она очень странно понимаетъ слово «конкретный». Такъ, въ передовой статьѣ № 11-го она говоритъ, что о фактахъ и явленіяхъ конкретныхъ разсуждать легко, а «явленія соціально-нравственнаго порядка» труднѣе поддаются оцѣнкѣ. Смѣю увѣрить редакцію, что явленія соціально-нравственнаго порядка столь же конкретны, какъ и всѣ другія, и что вообще *конкретное* можетъ быть правомѣрно противопоставлено только *отвлеченному*. Но противопоставлять *конкретный Петербургъ отвлеченной деревнѣ*, все-таки, воспрещается основными правилами логики, ибо ничего, кромѣ путаницы, изъ этого произойти не можетъ. Представимъ себѣ полкъ солдатъ, связанный чувствомъ солидарности и нравственной связи. Представить себѣ это вовсе не такъ трудно, и, вѣроятно, такіе полки существуютъ. Въ такомъ случаѣ, если подъ деревней «подразумѣвать единицу» и т. д., этотъ полкъ надо будетъ считать деревней и отъ него ждать «надлежащаго слова», хотя бы казармы его находились гдѣ-нибудь на Фонтанкѣ, т. е. въ конкретномъ Петербургѣ. Или вотъ болѣе подходящій примѣръ: литературная партія, существующая въ Петербургѣ, но члены которой связаны принципомъ солидарности. Это отчасти даже на дѣло похоже. «Недѣля», между прочимъ, потому не можетъ выжать изъ себя «надлежащаго слова», что изо всѣхъ силъ стремится нарушить принципъ солидарности и нравственной связи литературной партіи. Затѣмъ, слѣдуя примѣру г. П. Ч., можно, пожалуй, отвлечь

нѣкоторые признаки Петербурга, которые почище, и этотъ отвлеченный Петербургъ противопоставить конкретной деревнѣ. Въ такихъ пріемахъ хорошаго мало. Я знаю, что и господа «мыслящіе провинціалы», и госпожа «Недѣля» назовутъ все это бездушными придирками столичнаго писателя, руководствующагося только «объективно-литературнымъ интересомъ» и неспособнаго оцѣнить глубину чувствъ, волнующихъ гг. Кавелина, П. Ч., Гайдебурова и проч. Бросьте эти фразы, господа, потому что это—дѣйствительно фразы, или, по крайней мѣрѣ, перестаньте претендовать на титулъ мыслящихъ, вы, господа «мыслящіе провинціалы», и печатать философскія статьи о «нашемъ умственномъ строѣ», о «возможности метафизическаго знанія» и т. п., вы, г-жа «Недѣля». Выступайте во всеоружіи простаго непосредственнаго чувства, пойте торжественные гимны или меланхолическіе романсы, не пытаясь уже ничего оправдывать логическими соображеніями. Я понимаю законность и такой формы литературы, потому что понимаю законность чувства, хотя и то сказать: неужто мы, въ самомъ дѣлѣ, такъ много и напряженно «мыслили», чтобы понадобилась реакція? Я полагаю, господа, что логическая мысль не мѣшаетъ чувству, а напротивъ, помогаетъ ему. Не безукоризненность и законченность формы отъ васъ требуется. Пишите нескладно, дурно, если не можете писать хорошо, но пишите дѣло, не путайте и безъ того не прочно стоящихъ понятій. «Недѣля», впрочемъ, именно на эту удочку невразумительности поддѣла — не скажу интересъ, потому что это слишкомъ громко—а говоръ...

«Недѣля», бія себя въ грудь, говоритъ: чувствуйте! чувствуйте! И я скажу: чувствуйте, но не думайте, что чувство избавляетъ васъ отъ обязанности правильно мыслить, особенно, если вы хотите поучать другихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ путать понятія нетолько не умно, а пожалуй что и бездушно.

«Недѣля» говоритъ: наблюдайте, вотъ какъ я. И я скажу:—наблюдайте, но не такъ, какъ «Недѣля», и не думайте, что «теоретическія построенія» непремѣнно враждебны наблюденію, ибо наблюдать безъ какого-нибудь теоретическаго построенія просто невозможно, а оставлять наблюденія въ сыромъ видѣ—по малой мѣрѣ нерасчетливо.

«Недѣля» говоритъ: бросьте «иностранныя книжки», «европейскіе очки» и изучайте народную русскую жизнь—въ ней ваше спасеніе. Да̀, изучайте народную русскую жизнь, но иностранныхъ книжекъ не бросайте, а «европейскіе очки» просто разбейте, чтобы объ нихъ и помину не было. — Вы видите, что сама «Недѣля», толкуя о внимательныхъ наблюденіяхъ надъ текущею русскою жизнью, не прочь заглянуть и въ исторію Испаніи и Рима; что, распинаясь за «народную психологическую подкладку», сама она непрочь позаимствоваться иногда теоретическими построеніями нѣмецкаго еврея.

«Недѣля» говоритъ: пусть провинція развертываетъ свои силы

и въ частности пусть развивается провинціальная печать. Да, пусть, но...

Но этотъ пунктъ требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Подведемъ сначала итогъ, т. е. отвѣтимъ на вопросъ «Недѣли»: почему она возбудила такой «интересъ»? Вмѣсто отвѣта, впрочемъ, лучше просто разсказать, как̀ъ дѣло было.

Въ періодъ скандала и цѣлковаго, въ глухое время сплошнаго сѣренькаго либерализма и отсутствія всякихъ высшихъ интересовъ, существуетъ, между прочими, газета «Недѣля». Она держитъ себя скромно до безцвѣтности, степенно до скуки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ровно и добросовѣстно, до претерпѣванія разныхъ невзгодъ. Она—типичная «хранительница традиціи». Признавая порохъ выдуманнымъ, она добросовѣстно заряжаетъ имъ свой маленькій монте-кристо и еженедѣльно тихо стрѣляетъ въ цѣль, дозволяя себѣ только одну роскошь: надписывать надъ мишенью громкія заглавія въ родѣ: «Правомѣрное государство», «Непосредственная посредственность», «Непослѣдовательность прогрессивной партіи въ Никольскомъ Уѣздѣ» и т. п. Это порождаетъ странныя, двойственныя отношенія къ газетѣ въ обществѣ и литературѣ. Съ одной стороны, нельзя не уважать людей, добросовѣстно исполняющихъ свои обязанности, но съ другой — вялость и безцвѣтность не подлежатъ никакому сомнѣнію, ибо всякая, даже самая живая мысль, попадая на страницы почтенной газеты, немедленно какъ-то тускнетъ. Вдругъ въ этомъ скромномъ и акуратномъ гнѣздышкѣ поднимается какое-то необычное движеніе: «Недѣля» отказывается отъ роли хранительницы традиціи, она свой порохъ выдумала и отнынѣ намѣрена заряжать свой монте-кристо только этимъ, собственной фабрикаціи, порохомъ. Аллюры газеты становятся все рѣшительнѣе. Всеобщее недоумѣніе или «вопросительный знакъ», какъ выражается сама газета. Нѣкоторые говорятъ: «Емеля-то нашъ каковъ?! порохъ выдумалъ». (Я потому только выражаюсь такъ, что разсказываю, как̀ъ было дѣло; самъ же я никогда не рѣшусь назвать «Недѣлю» Емелей, даже для риѳмы). Другіе, болѣе глубокомысленные и не знающіе о чемъ писать, унимаютъ: «нѣтъ, позвольте, это дѣло надо разобрать—газета серьёзная!» Усматривая затѣмъ радикальную невразумительность разсужденій «Недѣли», гг. газетные рецензенты окончательно торжествуютъ. Г. А. радостно потираетъ руки: есть, молъ, и намъ чѣмъ поживиться. Г. Стасовъ и тому подобные начинаютъ ходить гоголемъ: русская школа живописи и музыки помянуты и вообще показанъ коренной русскій, національный палецъ, притомъ въ сообразномъ духу времени мутновато-либеральномъ освѣщеніи. Кто хвалитъ, кто бранитъ, кто такъ себѣ умствуетъ, и Недѣля» заноситъ въ свою памятную книжку: «сегодняшняго числа, возбудили интересъ въ Фаустѣ Щигровскаго Уѣзда»; «сегодня, г. В. М. поставилъ вопросительный знакъ»; «сегодня получено сочувственное письмо изъ провинціи». Между тѣмъ, и серьёзные люди привлекаются

къ этому клубку. Интересуясь дѣйствительно живыми вопросами, на которые налагаетъ руку «Недѣля», одни открываютъ въ поведеніи газеты нетолько путаницу, а и совсѣмъ ужь нехорошія вещи; другіе запутываются въ цѣлой цѣпи невразумительностей, толкуя ихъ каждый по своему.

Вотъ какъ было дѣло. Въ цѣломъ—интересъ, возбужденный «Недѣлей», если только совокупность подразумѣваемыхъ фактовъ заслуживаетъ этого громкаго титула, есть результатъ сцѣпленія мелочныхъ обстоятельствъ въ пустомъ и темномъ пространствѣ. Въ цѣломъ—онъ не имѣетъ ровно никакого общаго значенія. Я говорю *въ цѣломъ*, потому что есть одна подробность въ этой исторіи, которая заслуживаетъ быть выдѣленною. Когда исторія втискиваетъ общество въ такое пустое и темное пространство, въ какомъ мы обрѣтались вплоть до самаго новѣйшаго времени (то-есть до настоящей войны; что̀ будетъ дальше — неизвѣстно), тогда многіе, даже серьёзные и живые люди не могутъ удержаться на высотѣ строго-логической мысли. Является потребность примирять непримиримое, бросать якори заразъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Эклектизмъ или даже просто лоскутность получаютъ особенную цѣну. Пусть «Недѣля» вспомнитъ интересъ, возбужденный, въ свое время, лоскутною философіей Кузена съ братіей. Кругомъ темно, пусто, мрачно, скверно; въ душу закрадывается щемящій скептицизмъ; жизнь не даетъ нужнаго возбужденія, не подкладываетъ въ костеръ дровъ; костеръ гаснетъ, мысль устаетъ работать. Являются лоскутники, самоувѣренно предлагающіе свою опору. Они на живую нитку сшиваютъ обрывки разныхъ теорій и выдаютъ этотъ сшивокъ за нѣчто цѣльное, новое и самостоятельное. Усталая мысль за него хватается, потому что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто новъ и какъ будто понятнѣе логической теоріи, именно своею грубостью. Мысль, неподдерживаемая жизнью, не можетъ справиться съ теоретическимъ построеніемъ, а ей говорятъ: да ихъ и не надо—теорій-то; нужно наблюденіе и теплота чувствъ. Это, конечно, соблазнительно, и соблазненная мысль не замѣчаетъ, что самъ соблазнитель—чистѣйшій теоретикъ, очень слабый по части наблюденія. Мысль не знаетъ, ка̀къ приложить къ дѣлу «заграничныя формулы», а ей говорятъ, что она смѣло ихъ можетъ забросить и ухватиться за «начала народнаго русскаго быта». Опять та же исторія, и опять соблазненный не замѣчаетъ, что соблазнитель упитанъ заграничными формулами и, если отрицаетъ ихъ, то только по своей лоскутности: онъ не иначе, какъ эклектически, умѣетъ связать свои заграничныя формулы съ тѣмъ, что̀ ему кажется хорошимъ въ началахъ народнаго быта. Въ числѣ увлеченныхъ философіей Кузена были, безъ сомнѣнія, и серьёзные люди. Есть они и въ числѣ сочувствующихъ «Недѣлѣ», хотя ихъ, разумѣется, крайне мало. Ради этой-то, очень маленькой, но заслуживающей полнаго вниманія кучки людей, я прошу «Недѣлю» исполнить свое обѣщаніе и дать

мнѣ «возможно обстоятельный отвѣтъ». Чтобы не плодить препирательствъ по разнымъ побочнымъ вопросамъ, я попрошу «Недѣлю» сосредоточить свое вниманіе на слѣдующихъ пунктахъ: Во-первыхъ, я утверждаю, что понятія національности и народности сшиты «Недѣлею» лоскутнымъ манеромъ и логически сплошной ткани не представляютъ, хотя и могутъ совпадать эмпирически, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Во-вторыхъ, разрывать «теоретическія построенія» и наблюденіе — значитъ тоже лоскутничать, только въ другую сторону. Въ-третьихъ: въ какомъ отношеніи находится «народная русская психологическая подкладка» къ тѣмъ чисто-заграничнымъ, европейскимъ теоретическимъ построеніямъ, которыми освѣщаетъ исторію Россіи, напримѣръ, г. П. Ч.? Въ-четвертыхъ, я утверждаю, что брать умственный моментъ «отъ себя», а нравственный «отъ деревни»—значитъ, опять-таки, лоскутничить, ибо ни тотъ, ни другой не представляютъ чего-нибудь однороднаго. Если «Недѣля» будетъ говорить, что она «подразумѣваетъ» подъ деревней то-то и то-то, такъ я заранѣе говорю, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до ея подразумѣваній, тѣмъ болѣе, что вѣдь она—наблюдательница и теоретическимъ построеніямъ не довѣряетъ.

Особь статья—провинція. Провинціалы, дѣйствительно, должны быть благодрны «Недѣлѣ», и я охотно вѣрю почтенной редакціи, когда она говоритъ, что въ ея портфёлѣ хранится много сочувственныхъ писемъ изъ провинціи. Еще бы! «Недѣля» уже давно начала доказывать, что провинціальный писатель, именно потому, что онъ—провинціальный, можетъ понимать вещи не въ примѣръ лучше, чѣмъ столичный. Принимая въ соображеніе, что гг. Гайдебуровъ, Кавелинъ, Миллеръ, Бестужевъ-Рюминъ, г-жи Цебрикова, Конради и, вообще, большинство сотрудниковъ «Нѣдѣли»—суть стародавніе петербуржцы, она обнаружила въ этомъ случаѣ даже значительное самоотверженіе. Правда, несмотря на свою любезность, «Недѣля» встрѣтила кое-гдѣ въ провинціи (въ «Камско-Волжской Газетѣ», въ «Первомъ шагѣ») не совсѣмъ лестную оцѣнку, но, все-таки, провинціальное сердце—не камень. Но, и помимо любезности, «Недѣля» заслуживаетъ благодарности провинціи постояннымъ, иногда очень серьёзнымъ (а иногда и съ обычнымъ вывертомъ) напоминаніемъ объ ней. Я полагаю, что на этомъ пунктѣ почтенная газета откликается на дѣйствительную и настоятельную потребность. Провинція ростетъ, какъ и все, что̀ живетъ. Въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, центры, разумѣется, не могутъ услѣдить за всѣми мѣстными нуждами и интересами. Это еще не есть резонъ для возникновенія и процвѣтанія провинціальной литературы, потому что какія-нибудь необозримыя тундры могутъ имѣть совершенно своеобразную физіономію, весьма мало доступную центрамъ, но не имѣть того, что̀ называется «культурнымъ слоемъ», а слѣдовательно, и писателей, и читателей. Но дѣло въ томъ, что нынѣ въ провинціи культурный слой все ростетъ. Во-первыхъ,

ка̀къ ни косо смотрятъ «мыслящіе провинціалы» на петербургскую литературу, но она несомнѣнно создала въ провинціи читателей, возбуждая умственные интересы и, такъ или иначе, ихъ удовлетворяя. Рядомъ съ этимъ насажденіемъ читателя, онъ возникаетъ и самъ по себѣ, спонтанейно, какъ говорятъ философы. Далѣе, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и истребленіемъ выкупныхъ свидѣтельствъ, «культурные люди», по необходимости, отвыкаютъ отъ абсентеизма, забываютъ свои экскурсіи за-границу, въ Москву, въ Петербургъ и усаживаются на мѣстѣ. Земскія и судебныя учрежденія, въ свою очередь, увеличиваютъ контингентъ провинціальныхъ читателей. А гдѣ есть читатель, тамъ есть или скоро будетъ писатель. Въ какой мѣрѣ весь этотъ людъ заслуживаетъ названія мѣстной интеллигенціи, это— особый вопросъ. Но это, во всякомъ случаѣ—мѣстные читатели, и à la longue ихъ перестаетъ удовлетворять петербургская газета, одна половина которой посвящена иностраннымъ дѣламъ, а другая распредѣляется между Петербургомъ и всей остальной Россіей отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды. Это такъ просто, такъ естественно, что не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать значительное развитіе провинціальной печати въ самомъ непродолжительномъ времени, если, разумѣется, тому не помѣшаютъ внѣшнія обстоятельства. Вообще говоря, здравомыслящій человѣкъ можетъ, конечно, только радоваться этому, какъ одному изъ выраженій разлива знаній и просвѣщенія по лицу земли русской. Но представимъ себѣ, что будущая провинціальная журналистика будетъ окрашена въ цвѣтъ «Гражданина», «Русскаго Вѣстника» или будетъ имѣть характеръ верхнихъ этажей газеты знаменитаго плутософата г. Полетики. Многіе будутъ этому радоваться, но я, грѣшный человѣкъ, откровенно скажу, что лучше бы, въ такомъ случаѣ, провинціальной журналистики вовсе не было. Разногласіе это, ка̀къ бы кто ни посмотрѣлъ на мою нетерпимость, показываетъ, что вопросъ провинціальной журналистики сложнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Мѣстная литература не можетъ просто поставлять занимательное и поучительное чтеніе для мѣстныхъ читателей. Она будетъ, такъ или иначе, формировать взгляды читателей и вліять на мѣстныя житейскія дѣла. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а теперь я хочу только сказать, что, кромѣ возникновенія и развитія провинціальной литературы вообще, желательно развитіе благообразное. Мнѣ извѣстны попытки, въ этомъ отношеніи, заслуживающія полнѣйшаго сочувствія (конечно, такихъ немного: разъ, два, да и обчелся), но извѣстны также факты, въ высокой степени неблагообразные. Въ настоящую минуту передо мной лежитъ казанскій сборникъ «Первый шагъ» и брошюра г. Гацискаго «Смерть провинціи, или нѣтъ?» Если прибавить сюда пламенное изліяніе г-жи Ефименко, приведенное мною въ прошлый разъ, то мы будемъ имѣть группу горячихъ защитниковъ провинціальной печати, искрен-

нихъ и благонамѣренныхъ, съ которыми говорить можно. Воспользуемся этимъ случаемъ.

«Мы не «грызться» съ вами хотимъ, вовсе нѣтъ... Мы, напротивъ, ищемъ въ васъ союзниковъ». Такъ, между прочимъ, обращается къ столичнымъ писателямъ г. Литераторъ-обыватель, авторъ очень пространнаго литературнаго обозрѣнія въ «Первомъ шагѣ». Нѣтъ, господа, вы грызться хотите; вы даже прямо грызетесь, и въ этомъ ваша первая бѣда и ошибка. Развѣ не грызня—это заявленіе г. Литератора-обывателя, что на десять столичныхъ писателей въ провинціи найдутся сотни умовъ, которымъ столичные въ подмётки не годятся? Развѣ не грызня—эти длинныя, длинныя разсужденія о томъ, что казанскій первый шагъ будетъ петербургскими писателями встрѣченъ или презрительно, или покровительственно? Развѣ не грызня—увѣреніе г-жи Ефименко, что столичный писатель есть какая-то бездушная писательная машина, а провинціальный, напротивъ, исполненъ чрезвычайно высокихъ чувствъ? Г. Гацискій говоритъ въ упомянутой брошюрѣ: «Нѣкоторые изъ моихъ друзей настолько нервны, что готовы объявить нетолько вамъ (г. Мордовцеву), но и петербургской печати, войну на жизнь и смерть, сейчасъ, сегодня». «Я готовъ дать торжественное обѣщаніе, пишетъ мнѣ одинъ изъ моихъ друзей: — по принципу не писать ничего въ столичныхъ изданіяхъ, но стѣсняюсь это сдѣлать потому, что могутъ быть случаи, что то или другое нѣгдѣ печатать въ провинціи. Я готовъ встать въ театральную позу и продекламировать: клянусь въ вѣчной враждѣ къ монопольной столичной печати!» (15). Развѣ это—не грызня? Правда, г. Литераторъ-обыватель, въ письмѣ въ «Недѣлю», обращаетъ вниманіе на частный, непубличный характеръ этихъ клятвъ и обѣщаній. Но если такой солидный дѣятель провинціальной печати, какъ г. Гацискій, счелъ нужнымъ привести эту выписку изъ частнаго письма, такъ значитъ она характерна. Мнѣ показывали нумеръ «Тифлисскаго Вѣстника» (кажется), въ которомъ напечано «письмо изъ Петербурга». Какъ видно, такихъ писемъ кавказская газета напечатала уже цѣлый рядъ. Мнѣ они неизвѣстны, но, судя по тому, что̀ я видѣлъ, анонимный корреспондентъ есть отставной петербургскій литераторъ, занимающійся нынѣ на досугѣ сплетнями. Онъ въ восторгѣ отъ «Перваго шага». Г. Литератора-обывателя онъ признаётъ грозною силою, имѣющею сокрушить столичную печать. Онъ объясняетъ, что давно уже добровольно отрясъ столичный прахъ отъ ногъ своихъ и, по принципу, сдѣлался провинціальнымъ писателемъ (онъ думаетъ, что сообщать въ «Тифлисскій Вѣстникъ» петербургскія сплетни значитъ быть провинціальнымъ писателемъ). Въ заключеніе, поручая себя благосклонному вниманію г. Литератора-обывателя, корреспондентъ обѣщаетъ сообщить ему массу фактовъ, кажется, даже документовъ, свидѣтельствующихъ о нравственной дрянности столичныхъ писателей. Не думаю, чтобы редакція «Пер-

ваго шага» до того унизилась, чтобы дать у себя мѣсто этимъ фактамъ и документамъ, но не могу поручиться, что злобствующій экс-петербургскій писатель не встрѣтитъ нѣкотораго сочувственнаго отклика въ сердцѣ г. Литератора обывателя. Грызясь сами, провинціалы увѣрены, что и столичные писатели съ нами грызутся, хотятъ и будутъ грызться. Они даже подъискали причину. И г. Гацискій, и г. Литераторъ-обыватель полагаютъ, что для столичныхъ писателей невыгодно развитіе провинціальной печати, которая, дескать, отобьетъ у петербургскихъ и московскихъ изданій подписчиковъ. Это—дѣло издателей, и ка̀къ они на него смотрятъ—мнѣ неизвѣстно. Что̀ же касается нашего брата, работника, то, предполагая даже, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ выгоды, развитія провинціальной литературы намъ, все-таки, бояться нѐчего: чѣмъ больше мастерскихъ, тѣмъ лучше—есть изъ чего выбирать. Полагаю, что и издателямъ бояться нѐчего. Петербургскій или московскій конкурентъ для нихъ гораздо страшнѣе казанскаго или саратовскаго: послѣдній—даже не конкурентъ, по крайней мѣрѣ, нетолько конкурентъ, а отчасти и помощникъ, потому что онъ захватитъ и невспаханное поле, пріучитъ читать того, кто прежде ничего не читалъ, а это и столичнымъ издателямъ на руку. Нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ, развитіе провинціальной печати не сокращало числа подписчиковъ на столичныя изданія—это фактъ—и, можно даже думать, увеличивало его.

Если же провинціалы искренно и правду говорятъ, что не хотятъ грызться, такъ тѣмъ лучше. Да изъ-за чего намъ, въ самомъ дѣлѣ, грызться? Грызутся люди изъ-за куска хлѣба—объ этомъ сейчасъ говорено. Грызутся изъ-за личныхъ счетовъ — у насъ ихъ съ провинціалами пока нѣтъ. Грызутся, наконецъ, изъ-за принциповъ. Но какіе же такіе принципы могутъ послужить, въ настоящемъ случаѣ, яблокомъ раздора? Провинція и столица? Централизація и децентрализація? Да̀, отвѣчаютъ провинціалы и переносятъ, такимъ образомъ, споръ на принципіальную почву. Подумаешь, жирондисты съ якобинцами сражаются... Позволю себѣ просить господъ провинціаловъ смотрѣть на дѣло прямѣе и яснѣе. Провинціалы, вообще, склонны говорить, что, молъ, мы—по просту, по душѣ, а столичные норовятъ все «въ критику, да изъ-подъ политики», какъ говоритъ одна купчиха у Островскаго. Извѣстно, что за такія простацкія рѣчи любятъ прятаться смышленые кулаки, пройдохи, очень ловко обдѣлывающіе свои дѣла̀ «по-просту, по душѣ». Но и дѣйствительно простые и откровенные люди часто повторяютъ подобныя фразы. Вотъ и провинціальные писатели любятъ говорить: мы—волжскіе бурлаки, мы—по-просту, по душѣ. Помилуйте, господа, какіе же вы волжскіе бурлаки? Этакъ и мы скажемъ, что мы—петербургскіе крючники или ломовые. Не вѣрьте, пожалуйста г. П. Ч., что мы о провинціи понятія не имѣемъ. Большинство изъ насъ—не петербургскіе уроженцы, связи кое-какія съ

провинціей сохраняемъ, бывали (даже!) въ славномъ городѣ Казани, дѣлающемъ нынѣ свой литературный «первый шагъ», и очень хорошо знаемъ, что Казань совсѣмъ не сплошь населена бурлаками, что есть въ ней изящнѣйшіе джентльмены и леди, ученые профессора̀, хорошо откормленные купцы, фабриканты, практикующіе систему штрафовъ и прогуловъ, французскіе ресторагоры и парикмахеры, словомъ—все, чему въ большомъ городѣ быть надлежитъ. Но возведеніе въ принципъ провинціальной простоты и душевности нетолько ошибочно, а и вредно. Говорящій, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ простъ и душевенъ, но къ нему весьма легко можетъ пристроиться и пройдоха. Г. Литераторъ-обыватель увидѣлъ «политику» въ моихъ словахъ, что и остзейскіе бароны, и американскіе рабовладѣльцы и проч. стояли за принципъ децентрализаціи и что безусловные принципы централизаціи и децентрализаціи представляютъ собою яйцо, выѣденное исторіей. Зачѣмъ вы о *безусловныхъ* принципахъ заговорили, укоряетъ меня г. Литераторъ-обыватель:—это—«политика»; вы вѣдь знаете, что «Недѣля» не за остзейскихъ бароновъ стоитъ, знаете, ка̀къ разумѣетъ она принципъ децентрализаціи. Я очень хорошо знаю, что г. Гайдебуровъ не есть баронъ фон-дер-Гайдебуровъ. Мало ли что̀ я знаю, но я не смѣю говорить въ печати такъ «по просту и по душѣ», какъ бесѣдовалъ бы я съ г. Литераторомъ-обывателемъ за стаканомъ чаю, не смѣю потому, что требованія публичной бесѣды совсѣмъ иныя. Если человѣкъ публично ставитъ извѣстный принципъ, такъ я требую, чтобы онъ принялъ всѣ его логическія слѣдствія или же видоизмѣнилъ, или избралъ новый. Того требуютъ логика, уваженіе къ печатному слову и обязанность писателя не путать понятій читателя, не вводить его въ соблазнъ. Того требуетъ, если хотите, именно «душевное» отношеніе писателя къ своему дѣлу и къ своимъ читателямъ. Если американскіе южные штаты опять поднимутъ знамя федераціи на подкладкѣ рабовладѣнія, «Недѣля» должна будетъ или одобрить послѣднее, или измѣнить своему принципу децентрализаціи. Г. Литераторъ-обыватель и тутъ, можетъ быть, найдетъ «политику», потому что, дескать, не объ Америкѣ рѣчь идетъ, а о мѣстныхъ нуждахъ современной Россіи. Нѣтъ, рѣчь идетъ о принципѣ, который долженъ обнять всю групу извѣстныхъ явленій и дать руководящую нить среди стихійной запутанности конкретной жизни. Не имѣя такого общаго принципа, вы и въ мѣстныхъ нуждахъ не разберетесь какъ слѣдуетъ, т. е. безъ противорѣчій.

Возьму примѣръ, какихъ много, десятки, если не сотни. Вотъ два нумера «Оренбургскаго Листка» за нынѣшній годъ (№ 14 и 15). Газета эта, сколько мнѣ извѣстно, скорѣе хорошая, чѣмъ плохая въ сонмѣ провинціальной журналистики. Въ обоихъ упомянутыхъ нумерахъ ея идетъ рѣчь о проектѣ мыловареннаго и стеариноваго завода въ Оренбургѣ. Учредители, имѣя въ виду

особенности края и значительное развитіе въ немъ скотоводства, полагаютъ, что предпріятіе нетолько выгодно для пайщиковъ, для мѣстныхъ потребителей мяса, мыла, свѣчей, для скотоводовъ, но что оно, кромѣ того, «глубоко мѣстнаго типа». Что̀ это значитъ, я не совсѣмъ хорошо понимаю и отмѣчаю только игру словомъ «мѣстный». «Оренбургскій Листокъ», съ своей стороны, такъ привѣтствуетъ проектъ: «Итакъ, въ непродолжительномъ времени мы будемъ имѣть, дастъ Богъ, и свѣчи стеариновыя хорошія, которыя теперь мы покупаемъ не ниже 30 коп. за фунтъ, и мыло доброкачественное, во всякомъ случаѣ не такое гнилое и вонючее, какимъ угощаютъ насъ мѣстные доморощенные фабриканты въ настоящее время. Помимо того, предпріятіе носитъ на себѣ глубоко мѣстный характеръ; оно лежитъ въ основаніи мѣстныхъ потребностей и, по обилію и сподручности матеріаловъ производства, обѣщаетъ быть прибыльнымъ. Независимо отъ сего, задуманное предпріятіе есть явленіе отрадное съ точки зрѣнія общественной экономіи. Появленіе въ наше время подобнаго рода компаній и кооперацій показываетъ, что въ русскомъ обществѣ, мало по малу, устанавливается правильный взглядъ на жизнь и ея требованія. То, что̀ еще нетакъ давно составляло профессію иностранцевъ или исключительнаго класса въ обществѣ, теперь становится занятіемъ всякаго, кто желаетъ взяться за дѣло, за трудъ, сдѣлавшійся нынѣ знаменемъ всего дѣльнаго, всего лучшаго въ обществѣ» и т. д. Трудъ, кооперація, наше время, дешевыя свѣчи, благовонное мыло—все это прекрасно и даже чрезвычайно либерально. Но не слѣдуетъ забывать, что явленіе, вызвавшее эти фразы, крайне просто: акціонерная кампанія съ капиталомъ въ полтора милліона. *Мѣстное* значеніе ея дѣятельности выразится нетолько удешевленіемъ свѣчей и мыла (это еще на двое сказано), но прежде всего искорененіемъ *мѣстныхъ* же мелкихъ заведеній, занятыхъ тѣмъ-же дѣломъ, если, разумѣется, такія есть. А они есть. Въ запискѣ учредителей говорится: «Значительныхъ оборотовъ саломъ и крупныхъ фабричныхъ производствъ на мѣстѣ не имѣется; но почти во всякомъ селеніи существуютъ мелкія салотопни, и въ краѣ разбросано до 20 небольшихъ мыловаренныхъ заводовъ, выработывающихъ мыло низкаго достоинства». «Оренбургскій Листокъ», въ свою очередь, радуется, что мыло у оренбуржцевъ будетъ хорошее, а «не такое вонючее и гнилое, какимъ угощаютъ насъ *мѣстные доморощенные* фабриканты въ настоящее время». Значитъ, эти мѣстные доморощенные, несмотря на свою мѣстность, провалятся подъ давленіемъ колоссальнаго предпріятія «глубоко мѣстнаго типа». Мѣстная газета становится на сторону послѣдняго. Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ—я незнаю, потому что ни учредители, ни газета не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о «доморощенныхъ». Но очевидно, что человѣкъ, затвердившій: «мѣстныя нужды, мѣстные интересы, развитіе провинціи», не въ состояніи разсудитъ неизбѣжный споръ между

мѣстными доморощенными и «глубоко мѣстнымъ типомъ». Очевидно, что только лоскутникъ можетъ эти расползающіяся въ разныя стороны явленія суммировать въ понятіи «мѣстнаго».

— Все—бездушная логика, все—холодный анализъ! Гдѣ же чувство?! слышу я голоса «Недѣли» и мыслящихъ провинціаловъ. Есть здѣсь и чувства малость, милостивые государи. На первый разъ хоть бы чувства сожалѣнія къ тѣмъ, которые, участвуя въ изготовленіи мутной воды, сами въ ней тонутъ, и чувства ненависти къ тѣмъ, кто въ этой водѣ рыбу ловитъ и будетъ ловить. А коли подумаете (вѣдь, вы—мыслящіе), такъ отыщете, можетъ быть, и другія чувства.

Если, такимъ образомъ, мѣстные интересы могутъ заключать въ себѣ весьма рѣзкія противорѣчія, то и провинціальная литература должна будетъ распасться, въ самомъ простомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, на два лагеря. И я не вижу возможности сочувствовать имъ обоимъ заразъ, хотя оба они могутъ быть чисто мѣстными и отстаивать чисто мѣстные интересы. Слѣдовательно, желать возникновенія и развитія провинціальной печати я могу только подъ извѣстными условіями, которыя должны быть ясно оговорены, ибо во всякомъ данномъ случаѣ они могутъ быть и не быть на лицо. Г. Литераторъ-обыватель думаетъ иначе. Онъ полагаетъ, что провинція, какъ провинція, по самой сущности своей, носитъ въ себѣ хорошіе задатки. Довольно трудно говорить о литературномъ обозрѣніи г. Литератора-обывателя, потому что, занимая почти девять печатныхъ листовъ и чуть не четверть всего «Перваго шага», оно касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ, причемъ авторъ бросается изъ стороны въ сторону, вводитъ много совсѣмъ ненужныхъ разсужденій и проч. Значительная часть обозрѣнія занята опроверженіями статей гг. Мордовцева и Шашкова. О первой я упоминалъ, вторая мнѣ неизвѣстна, но, какова бы она ни была, г. Литераторъ-обыватель не имѣлъ никакого права привлекать заодно къ суду всѣхъ столичныхъ писателей, повинныхъ, будто бы, во враждебномъ (да еще по принципу) отношеніи къ своимъ провинціальнымъ собратамъ. Такъ что всю эту часть его обозрѣнія можно оставить безъ вниманія. Далѣе, г. Литераторъ-обыватель разсматриваетъ общіе признаки провинціальнаго писателя, каковой оказывается 96-й пробы. Затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на одну особенную, спеціальную выгоду провинціальной печати и, наконецъ, предлагаетъ планъ литературной реформы. Обо всемъ этомъ побесѣдовать можно.

«Какова роль провинціальнаго писателя? Столичная печать относится къ нему высокомѣрно или насмѣшливо, не знаетъ для него другого названія, какъ «безвѣстный труженикъ» или «литераторъ-обыватель»; мѣстное общество относится къ нему, какъ къ чудаку-юродивому, или непріязненно и враждебно, какъ къ «безпокойному человѣку». Каково матеріальное положеніе провинціальнаго дѣятеля печати?—Совершеннѣйшая нищета, если

постороннимъ заработкомъ онъ не обезпечитъ сколько-нибудь своего существованія. Для того, чтобы написать одинъ листъ литературнаго произведенія, дѣятель провинціальной печати долженъ иногда написать десять листовъ канцелярскихъ отношеній, докладовъ, журнальныхъ постановленій и т. д.; или—для того, чтобы два-три часа въ день посвятить работѣ литературной—онъ долженъ пять-шесть часовъ посвятить на бѣготню по урокамъ и т. п. Въ такихъ-то обстоятельствахъ, какую пищу для самолюбія или матеріальнаго разсчета представляетъ дѣятельность провинціальнаго писателя? Никакой; напротивъ, она требуетъ самоотреченія во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ главнаго: самостоятельности взглядовъ. Въ этомъ отношеніи, писатель-провинціалъ обладаетъ драгоцѣннѣйшей привилегіей—хранить независимость своего мнѣнія отъ вліянія литературныхъ кружко̀въ и лагерей, отъ разсчетовъ литературнаго кумовства, отъ поползновеній антрепренёра-издателя (такъ какъ или онъ самъ — издатель своихъ сочиненій, или издатель отъ него зависитъ, а не наоборотъ). Тѣ лишенія, труды, опасности и болѣзни, которыми онъ завоевываетъ себѣ право быть писателемъ—дѣлаютъ въ его глазахъ печатное слово предметомъ слишкомъ высокимъ, чтобы относиться къ нему безъ достаточнаго уваженія и обращаться съ нимъ за панибрата. Между тѣмъ какъ столичный писатель сплошь и рядомъ пишетъ для того, чтобы заработать себѣ средства къ жизни, провинціальный—наоборотъ: заработываетъ средства къ жизни для того, чтобы имѣть возможность писать; или короче: первый пишетъ, чтобы жить; второй живетъ, чтобы писать... Маленькая разница, которой объясняется очень многое...» «Качества, составляющія отличительную особенность писателя-провинціала, заключаются въ той внутренней психической связи, которая существуетъ между дѣятелемъ и той мѣстностью, областью, территоріей, которой онъ посвящаетъ свою дѣятельность. Безъ этой внутренней связи, которую, за неимѣніемъ болѣе подходящаго названія, можно назвать мѣстнымъ патріотизмомъ, немыслимо посвятить всю жизнь усердному труду на пользу какого-нибудь края, не имѣя въ виду ни матеріальныхъ выгодъ, ни даже той награды, которую даетъ человѣку почетная извѣстность; напротивъ, очень часто подвергаясь добровольнымъ лишеніямъ въ разныхъ отношеніяхъ, требующимъ иногда даже чрезвычайнаго самоотверженія».

«Кто станетъ отвергать, говоритъ далѣе авторъ:—что сочувствіе тѣмъ живѣе, чѣмъ ближе его объектъ къ сочувствующему субъекту и чѣмъ продолжительнѣе ихъ связь. Такимъ образомъ, мѣстный патріотизмъ есть естественное и неизбѣжное послѣдствіе осѣдлаго общежитія... Трудно не заподозрить въ резонёрствѣ того человѣка, который, говоря о своей любви къ человѣчеству, не проявлялъ бы, въ то же время, способности съ наибо̀льшею живостью сочувствовать интересамъ той части человѣчества, которая, въ силу предшествующихъ обстоятельствъ его

*

жизни, сдѣлалась для него наиболѣе близкой и родственной. Гарибальди, можетъ быть—величайшій космополитъ нашего времени, но онъ, въ то же время, и—величайшій патріотъ. Его космополитизмъ выросъ на почвѣ патріотизма; потому онъ и носитъ такой живой, практическій, дѣятельный характеръ» [1].

Комбинируя затѣмъ нѣсколько полемическихъ статей петербургскихъ изданій въ томъ направленіи, что столичный писатель безсодержателенъ, нравственно слабъ и проч., авторъ имѣетъ и еще разъ случай представить писателя провинціальнаго со стороны его независимости, свѣжести, самоотверженной честности. О «сотняхъ умовъ» умалчиваю.

Я знаю очень и очень немногихъ провинціальныхъ писателей лично, и они, дѣйствительно, подходятъ къ описанію г. Л. О. (г. Литераторъ-обыватель, такой длинный, что я позволю себѣ его сократить). Но, не говоря уже о томъ, что я знаю такихъ и въ столицѣ (столичную печать огуломъ защищать, конечно, не стану), *общей* характеристикѣ г. Л. О. я, признаюсь, не вѣрю. Не могу похвастаться короткимъ знакомствомъ съ провинціальной журналистикой, но, все-таки, понятіе имѣю и очень хорошо знаю, что въ ней сплошь и рядомъ находятъ себѣ пріютъ вещи, глубоко возмутительныя по своей пошлости, дрянности, глупости и грубости. Этого и мыслящіе провинціалы отрицать не станутъ. Я помню въ «Камско-Волжской Газетѣ» цѣлый рядъ статей, въ которыхъ огромное большинство провинціальныхъ газетъ подвергалось весьма строгому и весьма справедливому суду. Откуда же, спрашивается, берутся эти безобразія при тѣхъ условіяхъ, которыя г. Л. О. описалъ столь розовыми красками? Онъ не говоритъ, а я не знаю, но нетрудно видѣть, что именно эти якобы розовыя (я принимаю въ соображеніе и шипы, безъ которыхъ розы нѣтъ) условія могутъ сдѣлать изъ провинціальнаго писателя нѣчто весьма отличное отъ портрета, написаннаго г. Л. О. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли себѣ представить независимое провинціальное изданіе, если члены его редакціи вынуждены посвящать бо̀льшую часть своего времени на сидѣніе въ разныхъ канцеляріяхъ? Петербургскій писатель зависитъ отъ издателя — это правда и прискорбная правда, но это—еще небольшая бѣда сравнительно съ зависимостью писателей-канцеляристовъ отъ тѣхъ вѣдомствъ, въ коихъ они служатъ и не служить не могутъ. Полагаю, что въ сужденіяхъ о

---

[1] Любопытно сопоставить эти слова̀ г. Литератора-обывателя съ слѣдующей наивной выходкой г. Гацискаго: «Ка̀къ жаль, что И. С. Тургеневъ не займется изученіемъ провинціальной печати: онъ—ни петербургскій, ни провинціальный писатель, онъ даже, можетъ быть—не русскій писатель; онъ — человѣкъ, художникъ, и своимъ художественнымъ чутьемъ разгадалъ бы, можетъ быть, больше, чѣмъ мы понимаемъ, ломая наши головы!.. Недурно бы и конгрессъ литераторовъ устроить (конечно, не однихъ петербургскихъ). А все бы на И. С. Тургенева надежды больше было!» (l. c., 23).

мѣстныхъ дѣлахъ они должны частенько кривить душой, тѣмъ болѣе, если и *мѣстное* общество смотритъ на *мѣстнаго* писателя, какъ на «чудака юродиваго» или «безпокойнаго человѣка». Что касается «мѣстнаго патріотизма», то это — тоже оружіе обоюдоострое. Гарибальди, дѣйствительно—патріотъ-космополитъ. Но вѣдь и патріотизмъ, и космополитизмъ его заключены въ совершенно опредѣленныя принципіальныя рамки. Съ Кавуромъ, тоже патріотомъ, онъ не ладилъ, а въ войнѣ за «независимость» южныхъ штатовъ Америки участія не принималъ. Но, чѣмъ толковать о Гарибальди, возьмемъ лучше русскихъ патріотовъ-космополитовъ. Напримѣръ, въ силу предшествовавшихъ обстоятельствъ жизни, «для издателей покойной «Вѣсти» сдѣлалась наиболѣе близкой и родственной извѣстная часть человѣчества», русскаго человѣчества, разумѣется, потому что они никому не хотѣли уступить въ патріотизмѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они были космополиты, потому что распространяли свое сочувствіе и на польскихъ магнатовъ, и на англійскихъ лордовъ. Или вотъ, напримѣръ, г. Полетика. Патріотъ онъ несомнѣнный, но, такъ какъ предшествующія обстоятельства его жизни сдѣлали для него особенно дорогою и близкою ту часть человѣчества, которая называется русскими металлическими заводчиками, то онъ совершенно космополитически сочувствуетъ всѣмъ заводчикамъ всѣхъ странъ. Такъ, и провинціальный писатель дѣйствительно сочувствуетъ той части мѣстнаго человѣчества, которая, въ силу предшествующихъ обстоятельствъ его жизни и проч., но одного эти обстоятельства пришпилили сюда, другого туда (все въ той же мѣстности), одного къ казанскому бо-монду, а другого, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—къ волжскимъ бурлакамъ. Если вліяніе предшествующихъ обстоятельствъ жизни такъ могущественно и такъ плодотворно, какъ предполагаетъ г. Л. О., то, напримѣръ, «Оренбургскій Листокъ» необходимо и правомѣрно примыкаетъ къ тому изъ борящихся мѣстныхъ интересовъ, къ которому эти обстоятельства его влекутъ. А влекутъ они его къ «глубоко мѣстному типу». Но другую, мѣстную же газету другія обстоятельства столь же необходимо и правомѣрно могутъ повлечь къ «доморощеннымъ». А между тѣмъ, которая-нибудь сторона необходимо неправа и, слѣдовательно, которая-нибудь изъ газетъ оправдываетъ неправое дѣло. Надо еще замѣтить, что г. Л. О., очевидно, совершенно неправильно распространяетъ какой-то частный опытъ на всю область провинціальной журналистики. Всѣ тѣ выгоды, которыя, по его мнѣнію, проистекаютъ, напримѣръ, изъ неоплачиваемости литературнаго труда, можетъ быть, и существуютъ въ Казани. Но, напримѣръ, въ Одессѣ или въ Кіевѣ, имѣющихъ, сравнительно, очень значительную мѣстную литературу, положеніе дѣла очень близко къ столичному и качественно отъ него даже не отличается.

Такимъ образомъ, портретъ героическаго провинціальнаго пи-

сателя, работы Л. О., требуетъ значительныхъ поправокъ. Цвѣтъ лица его слишкомъ свѣжъ, глаза слишкомъ блещутъ огнемъ самоотверженія, чело слишкомъ высоко, вся фигура слишкомъ театральна. Если справедливы соображенія автора о вредѣ полученія писателями гонорара, то оно приноситъ тѣ же плоды и въ провинціи. Тамъ же, гдѣ писатель работаетъ въ прямомъ смыслѣ даромъ, суррогаты авторскаго гонорара могутъ имѣть несравненно болѣе пагубныя послѣдствія. Тамъ, гдѣ мѣстное общество презираетъ мѣстнаго писателя, онъ не можетъ имѣть никакого вліянія и практикуетъ искуство для искуства. Если же предшествующія обстоятельства жизни прочно связали его съ какою-нибудь частью мѣстнаго человѣчества, вопросъ сводится къ опредѣленію достоинствъ и интересовъ послѣдней. Очень, конечно, возможны провинціальные писатели, самоотверженные и преслѣдующіе высокія цѣли. Но сама провинція тутъ ничего не гарантируетъ. Въ программу жизни такихъ писателей надо еще ввести иногда, вѣроятно, очень сильную внутреннюю ломку, вслѣдствіе сознательнаго разрыва съ тою частью мѣстнаго человѣчества, съ которою ихъ связала предшествующая жизнь. Они не рождаются съ истиной въ головѣ и съ справедливостью въ сердцѣ. И то, и другое имъ, какъ и столичному писателю, надо брать съ бою, т. е. добывать на свой собственный страхъ, независимо отъ обстановки и часто наперекоръ ей.

Но въ томъ-то и дѣло, доказываетъ г. Л. О.:—что провинціальному писателю легче, удобнѣе, чѣмъ столичному, добыть истину и справедливость. Г. Л. О. готовъ, пожалуй, допустить, что спасительная формула «провинція» спасительна только по тому, болѣе опредѣленному содержанію, которое можетъ быть въ нее вложено. Онъ готовъ взять это содержаніе въ видѣ голоса «деревни» г. П. Ч. или въ видѣ принципа «интересовъ народа». Онъ, кажется, болѣе склоняется къ формулѣ г. П. Ч. И любопытно видѣть, какъ одна невразумительность фатально влечетъ за собою другія. Г. П. Ч. уже тѣмъ долженъ былъ снискать расположеніе провинціаловъ, что попрекнулъ столичныхъ писателей незнакомствомъ съ провинціей. Поэтому, они, *городскіе* жители, простили ему неуваженіе къ *городу* вообще и ухватились за недовѣріе къ одному городу Петербургу. Мы видѣли, что, по г. П. Ч., «надлежащее слово скажутъ люди деревни, а *не города*, и ужь всего меньше Петербурга». Горожане стали рукоплескать. Такова сила невразумительности. Далѣе, такъ какъ «деревня» г. П. Ч. есть нѣчто отвлеченное, а не то, чтобы настоящая, заправская деревня, поддающаяся наблюденію, то «подразумѣвать» подъ нею можно очень многое и очень различное. Г. Л. О. подразумѣваетъ гр. Толстого и г. Энгельгардта. «Только двѣ литературныя силы эмансипировались, говоритъ онъ:—отъ закваски столичной журналистики и оказались, какъ Антей, отъ прикосновенія къ землѣ, какими-то богатырями». Писатели, что и говорить, хорошіе. Но, вѣдь, у гр. Тол-

стого есть, кромѣ десницы, еще шуйца, и я жду только конца «Анны Карениной», чтобы показать, какую роль эта шуйца можетъ иногда играть. О г. Энгельгардтѣ тоже позволительно оставаться при особомъ мнѣніи, признавая всѣ его достоинства. Да и не двѣ только литературныя силы эмансипировались. Вотъ и г. Фетъ эмансипировался и живетъ, мнѣ говорили, совсѣмъ по сосѣдству съ гр. Толстымъ. Зачѣмъ же г. Л. О. его забываетъ? Правда, черезъ нѣсколько строкъ оказывается, что «эти два рѣзкіе примѣра не единственные въ своемъ родѣ», и перечисляется довольно длинный списокъ статей и авторовъ «Антеевъ», оканчивающійся многозначительнымъ «и т. д.» Но г. Фета я въ этомъ спискѣ не нашелъ. Неужели онъ—не Антей? а если не Антей—такъ почему?

Не стану слѣдить за дальнѣйшимъ сцѣпленіемъ невразумительностей. Петля за петлей, изъ нихъ можно бы было связать нѣчто очень длинное. Самоотверженно отказываюсь отъ гонорара, слѣдующаго за эту обширную работу, предполагаю, для краткости, голосъ деревни и интересы народа тождественными и ставлю вопросъ въ такой скромной и безобидной формѣ: доступнѣе ли для провинціальнаго писателя изученіе народа, чѣмъ для столичнаго? Съ перваго взгляда, кажется, что положительный отвѣтъ несомнѣненъ. Не даромъ же провинціалы говорятъ о себѣ: «мы—мужики, деревенщина, провинція». Но я уже замѣчалъ, что провинціалы говорятъ неправду, что провинціальный писатель—не мужикъ и не деревенщина, а прежде всего горожанинъ, и затѣмъ, въ частности, профессоръ, чиновникъ, мѣщанинъ, купецъ, помѣщикъ, губернскій аристократъ. «Не обманывайте себя, совѣтуетъ г. Л. О.:—ходя по Невскому Проспекту, интересовъ народа не узнаешь». Мы на этотъ счетъ себя ни малѣйше не обманываемъ, но знаемъ, что Проломная, Воскресенская—и какъ еще тамъ зовутъ казанскія улицы—никакой въ этомъ отношеніи привилегіи передъ Невскимъ Проспектомъ не имѣютъ; особенно, если жизнь проходитъ въ хожденіи изъ дому, что̀ на Поповой Горѣ или на Булакѣ, въ канцелярію, что̀ на Проломной, оттуда въ редакцію—что̀ на Воскресенской, и потомъ обратно на Попову Гору (прошу гг. казанцевъ извинить, если я перезабылъ ихъ улицы).

И г. Л. О., и г. Гацискій усиленно ратуютъ противъ мнѣнія, что провинціальнымъ писателямъ приличествуетъ собираніе матеріаловъ, а столичнымъ—ихъ обработка. Я думаю, что, чѣмъ опровергать подобныя мнѣнія при помощи восклицательныхъ знаковъ и благороднаго негодованія, гораздо было бы лучше отвѣчать дѣломъ, т. е. обработывать матеріалы. И никто тогда не пикнетъ. Вотъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ недавно появились два замѣчательныя сочиненія: «Общинное землевладѣніе» г. Посникова и «Обычное право» г. Якушкина. Развѣ посмѣлъ кто-нибудь сказать авторамъ, что они суются не въ свое дѣло? Напротивъ: столичная литература указала, что книга г. Якушки-

на, будучи, по виду, простымъ сборникомъ библіографическаго матеріала, представляетъ, въ сущности, нѣчто очень обработанное. Тѣмъ паче, волей неволей, приметъ столичная литература обработку мѣстныхъ матеріаловъ мѣстными писателями, если эта обработка будетъ обладать дѣйствительными достоинствами. Интересуясь, напримѣръ, въ настоящую минуту исторіей казачества, я рѣшительно не знаю за что больше благодарить мѣстныхъ писателей: за собираніе матеріаловъ или за ихъ группировку, обработку. Еслибы какой-нибудь баши-бузукъ что-нибудь и гикнулъ, такъ это, все таки—не резонъ, чтобы съ азартомъ твердить: нѣтъ, мы можемъ обработывать, нѣтъ, вы-то вотъ только чужими руками жаръ загребаете и т. п. Отчего не отмѣтить и поползновенія загребать жаръ чужими руками, но твердить: смѣемъ, можемъ и проч. значитъ ставить себя въ комическое положеніе. Никто не сомнѣвается, что въ провинціи есть умные, знающіе и благонамѣренные люди, а кто имѣетъ странность сомнѣваться, тому ротъ можно зажать только фактами. Не слѣдуетъ однако преувеличивать разницу между Проломной и Невскимъ. Вотъ что̀ говоритъ самъ г. Гацискій: «Въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», изданіи нижегородскаго статистическаго комитета, я печатаю доставляемые мнѣ матеріалы цѣликомъ (если дѣлаю поправки относительно языка, а иногда и болѣе существенныя, то лишь, такъ-сказать, редакціонныя), и *обработываю* только тѣ матеріалы, которые я самъ *собираю*. Другіе статистическіе комитеты руководствуются иными соображеніями: печатаютъ обработываемые ими самими матеріалы, собранные на мѣстахъ, по селамъ, деревнямъ другими лицами... Такая система, практикуемая, наприм., добросовѣстно моимъ сосѣдомъ, секретаремъ костромскаго статистическаго комитета В. Г. Пироговымъ въ его превосходныхъ трудахъ по отечествовѣдѣнію Костромской Губерніи (другія системы болѣе, чѣмъ предосудительны), имѣетъ за собой нѣкоторыя выгодныя стороны; но мнѣ, признаюсь, больше нравится моя, хотя бы потому, что «губернскій» обработыватель бо̀льшею частью пропуститъ мелкія уѣздныя, деревенскія особенности, а онѣ-то и цѣнны». Итакъ, нѣкоторые провинціальные писатели обработываютъ тѣ матеріалы, которые сами же и собираютъ, иные пользуются чужими матеріалами, одни добросовѣстно, другіе недобросовѣстно, и «бо̀льшею частью» губернскій обработыватель пропускаетъ самое «цѣнное»—деревенскія особенности. Оно и понятно: сидя на Поповой Горѣ и т. д. Но вотъ, напримѣръ, г. Пироговъ, гуляя по Муравьёвкѣ и Русиной Улицѣ, даетъ, по свидѣтельству г. Гацискаго, «превосходные труды по отечествовѣдѣнію Костромской Губерніи». Думаю поэтому, что можно гулять по Невскому и, тѣмъ не менѣе—ну, хоть не превосходные труды давать, но, все-таки, кое-что̀ знать, познакомившись съ превосходными трудами. Замѣтьте, что уже «губернскій обработыватель» бо̀льшею частью пропускаетъ сквозь пальцы самые драгоцѣнные

тизма у насъ нѣтъ и быть не можетъ, а потому г. Л. О. немедленно долженъ будетъ отпустить насъ во-свояси.

Несмотря, однако, на необходимость мѣстнаго патріотизма, насъ, я думаю, въ дѣйствительности-то возьмутъ. И вотъ почему. Когда, въ чаду невразумительности, выкидываются за бортъ теоретическія построенія и «иностранныя книжки», а *на мѣсто* ихъ водворяются «наблюденіе» и «коренныя основы русскаго быта», можно говорить что̀ угодно: и приглашать столичныхъ писателей къ себѣ, и гнать ихъ отъ себя. Иное дѣло—когда осуществится, напримѣръ, «Русскій Сѣверовостокъ». Г. Гацискій предполагаетъ отбить имъ подписчиковъ у столичныхъ ежемѣсячныхъ изданій. Значитъ, онъ долженъ будетъ давать своимъ читателямъ все, что̀ теперь даютъ журналы, только въ улучшенномъ видѣ и съ прибавкой мѣстныхъ интересовъ. Значитъ, ему понадобятся нетолько мѣстные патріоты, а и другіе мѣстные патріоты, и наблюдатели, и теоретики, и знакомые съ иностранными книжками и проч. Можетъ быть, и намъ тутъ мѣсто найдется, хотя бы въ качествѣ «трубъ, зовущихъ на бой»—роль довольно почетная, если вспомнить, что такъ называлъ себя Бэконъ. Конечно, могутъ найтись и мѣстныя трубы. Вотъ, напримѣръ, г. Л. О. Можетъ быть, онъ обладаетъ чрезвычайно обширными познаніями о мѣстныхъ, областныхъ интересахъ, но до сихъ поръ онъ ихъ не обнаружилъ. На всемъ огромномъ пространствѣ девяти печатныхъ листовъ онъ—только труба, зовущая на бой.

Начинайте же бой, господа, и мы увидимъ, враги мы съ вами или друзья.

Я не хотѣлъ бы кончить, не сказавъ, что многія замѣчанія г. Л. О. очень остроумны и дѣльны. Таковы, напримѣръ, замѣчанія о роли языка. Но этотъ вопросъ имѣетъ значеніе для нѣкоторыхъ только провинціальныхъ литературъ, о которыхъ я теперь говорить не могу. Такъ какъ рѣчь зашла о языкѣ, то я кончу слѣдующею параболой. Вы — христіанинъ и русскій, а потому желаете распространенія евангелія на русскомъ языкѣ. Сочувствовать распространенію въ русскомъ народѣ евангелія на французскомъ языкѣ вы не можете, потому что народъ этого языка не знаетъ. Распространять Ренана и Штрауса, вообще антихристіанскія сочиненія въ русскомъ переводѣ, вы тоже не станете. Вы твердо помните всѣ части предложенія и говорите: я желаю распространенія евангелія на русскомъ языкѣ.

XXII.

Нѣсколько не совсѣмъ личныхъ словъ.

Въ № 180 «Биржевыхъ Вѣдомостей» г. Заурядный Читатель сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о «Борьбѣ за индивидуальность». Въ принципѣ, я этому, разумѣется, очень радъ, потому что смотрю, въ этомъ случаѣ, на критику, какъ на сотрудничество, которое могло бы значительно облегчить мою работу. Самыя даже неосновательныя замѣчанія могутъ имѣть значительную цѣну. Мой читатель и есть «заурядный читатель». По крайней мѣрѣ, я хотѣлъ бы этого добиться. Слѣдовательно, даже ошибочное пониманіе г. Заурядныхъ Читателемъ какой-нибудь моей мысли, все-таки, для меня интересно, какъ указаніе неясности ея выраженія. Къ сожалѣнію, только такимъ отрицательнымъ урокомъ я и могу воспользоваться изъ замѣчаній г. Зауряднаго Читателя. Но принять ихъ просто къ свѣдѣнію — не считаю себя вправѣ, потому что они имѣютъ настолько благовидную наружность, что могутъ ввести и другихъ, не совсѣмъ внимательныхъ читателей, въ заблужденіе. Минуя логическіе промахи рецензента, остановлюсь только на чисто фактическихъ ошибкахъ.

Рецензентъ пишетъ: «Въ іюньской книжкѣ «Отеч. Зап.» заканчивается одинъ изъ существенныхъ отдѣловъ трактата «Борьба за индивидуальность», именно отдѣлъ, озаглавленный «Семья»... Завершеніе отдѣла допускаетъ возможность видѣть весь циклъ идей г. Михайловскаго относительно этого предмета во всемъ ихъ составѣ». Это—*неправда*: статья кончается прямымъ заявленіемъ, что авторъ, по разнымъ стороннимъ соображеніямъ, обрываетъ отдѣлъ, озаглавленный «Семья», и откладываетъ многое до одной изъ слѣдующихъ главъ. Слѣдовательно, видѣть «весь циклъ идей во всемъ ихъ составѣ» г. Заурядный Читатель отнюдь не могъ, равно какъ не могъ предъявлять «Семьѣ» требованія, какимъ должно удовлетворять законченное произведеніе.

Значительная часть рецензіи посвящена, какъ выражается авторъ, моей «теоріи дополнительныхъ дробей». Больше всего его поражаетъ то, что «г. Михайловскій хочетъ такую сложную и подвижную вещь, какъ человѣческая жизнь (собственно о человѣческой жизни вообще у меня и рѣчи не было), подвести подъ простѣйшій законъ дополнительныхъ дробей». Это—*неправда*. Въ статьѣ много разъ и ни мало недвусмысленно было оговорено, что дробями я пользуюсь только, какъ *грубымъ и неточнымъ* способомъ изложенія, наглядности ради. Я полагалъ, что сдѣлаю свою мысль болѣе понятною. Я разсчитывалъ, что конецъ

послѣдней главы (антагонизмъ индивидуальности и половой дѣятельности) въ связи съ тѣмъ, что̀ я прежде писалъ о борьбѣ за индивидуальность и о типахъ и степеняхъ развитія, уяснится при помощи условнаго языка дополнительныхъ дробей. Можетъ быть, погнавшись за ясностью и наглядностью, я, напротивъ, затемнилъ дѣло. Рецензентъ имѣлъ право указать на это, но не имѣлъ никакого права навязывать мнѣ намѣреніе подвести любовь (или даже человѣческую жизнь) «подъ простѣйшій законъ дополнительныхъ дробей» [1].

Рецензентъ допускаетъ, что «въ основѣ чувства любви можетъ быть и дѣйствительно лежитъ стремленіе односторонняго индивида пополнить свое существованіе недостающею дробью. Но, прибавляетъ онъ:—совсѣмъ другое дѣло—область соціологіи, гдѣ явленія зависятъ не отъ однихъ основныхъ біологическихъ законовъ, но, кромѣ того, отъ множества иныхъ, болѣе частныхъ условій, и требуютъ, поэтому, не дедуктивнаго объясненія съ высоты птичьяго полёта какого-либо біологическаго закона, а тщательнаго анализа этихъ частныхъ условій» и т. д. Не стану разбирать это наставленіе по существу; но оно, во всякомъ случаѣ—наставленіе и, слѣдовательно, предполагаетъ нарушеніе соотвѣтственнаго правила. Надо, поэтому, думать, что я, и въ самомъ дѣлѣ, ограничился біологическимъ закономъ въ области соціологическихъ явленій. Но это опять—*неправда*. Вся та глава, по поводу которой преимущественно, если не исключительно, пишетъ г. Заурядный Читатель, посвящена изображенію того, ка̀къ «частныя условія», подлежащія вѣдѣнію соціологіи, видоизмѣняютъ «основный біологическій законъ». Я имѣлъ именно въ виду вліяніе органическаго развитія общества на выборный характеръ и напряженность любви. Г. Заурядный Читатель имѣлъ полное право сказать, что мой анализъ этого вліянія неполонъ, неудовлетворителенъ, но наставленіе его, по малой мѣрѣ, излишне. Любопытно, что тотъ же г. Заурядный Читатель вмѣняетъ мнѣ въ вину упущеніе изъ виду вліянія различія темпераментовъ, дѣятеля чисто біологическаго, хотя и весьма важнаго, но вовсе не входившаго въ планъ критикуемой рецензентомъ главы.

Повторяю, я останавливаюсь только на чисто фактическихъ ошибкахъ г. Зауряднаго Читателя, на его несправедливыхъ показаніяхъ, и то не на всѣхъ. Но, кажется, и приведеннаго достаточно для совершеннаго упраздненія почти всѣхъ, если не всѣхъ его замѣчаній. Есть между ними, однако, одно, къ прискорбію моему, въ значительной степени вѣрное. Выразивъ свое сочувствіе основной мысли «Борьбы за индивидуальность», г. Заурядный Читатель продолжаетъ: «Развивая эту идею въ частно-

[1] Иное дѣло—дробь, какъ отношеніе количества удовлетворяемыхъ потребностей къ количеству всѣхъ потребностей вообще. Дѣлаю эту оговорку для г. П. В., приславшаго мнѣ свои замѣчанія, которыми я не премину воспользоваться.

стяхъ, примѣняя къ различнымъ явленіямъ исторической и современной жизни, г. Михайловскій не всегда удерживается на той, если можно такъ выразиться, высотѣ научной положительности, какой требуетъ эта идея; онъ часто увлекается, ища исключительнаго дѣйствія разсматриваемаго имъ закона въ такихъ явленіяхъ жизни, въ которыхъ, хотя и замѣтно вліяніе этого закона, но далеко не въ исключительномъ видѣ, причемъ онъ допускаетъ толкованія совершенно произвольныя и одностороннія». Въ «Борьбѣ за индивидуальность» я—такой же профанъ, какъ и въ этихъ запискахъ. Вполнѣ, однако, сознаю, что «Борьба за идивидуальность» далеко не соотвѣтствуетъ нетолько обширности и глубинѣ своей задачи, но и тому, что̀ я самъ, при иныхъ обстоятельствахъ, могъ бы изъ нея сдѣлать. Много есть тому причинъ и первѣе всего, конечно, спѣшность журнальной работы. Далѣе, прилагая постоянно, вотъ уже почти десять лѣтъ одну и ту же точку зрѣнія къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ, я естественно вынужденъ или повторяться, или предполагать извѣстнымъ читателю то, что̀ можетъ быть имъ совсѣмъ забыто и чего онъ, можетъ быть, даже не читалъ. Если бы я когда-нибудь имѣлъ счастіе найти достаточно досуга для пересмотра, дополненія и отдѣльнаго изданія всего, относящагося къ борьбѣ за индивидуальность, въ систематическомъ порядкѣ, г. Заурядный, какъ и всякій другой читатель, не нашелъ бы въ моихъ выводахъ ничего произвольнаго. Да простится автору эта вѣра, которой, можетъ быть, навсегда суждено оставаться на степени вѣры, т. е. увѣренности въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ...

Ошибки г. Зауряднаго Читателя суть только ошибки. Ошибка г. Провинціальнаго Философа—больше, чѣмъ ошибка. Въ № 9—10 «Недѣли», трактуя о женскомъ образованіи и о положеніи женщины вообще, этотъ писатель сослался, какъ бы въ подтвержденіе своимъ размышленіямъ, на единовременно появившіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ» извлеченія изъ книги Прудона и «Борьбу за индивидуальность». Къ счастію или къ несчастію—незнаю, ка̀къ ужь и думать—авторъ только упомянулъ мое имя, только совѣтуетъ кому-то прочитать мою статью. Я о томъ же очень прошу читателя; прошу его убѣдиться, что я ничѣмъ не заслужилъ быть привлеченнымъ хотя бы къ косвенной отвѣтственности за чувства, мысли и слова̀ г. Провинціальнаго Философа.

«Недѣлѣ» счастье на неразумительности. Ими переполнены и замѣтки г. Провинціальнаго Философа, но ихъ мимо. Есть нѣчто, болѣе заслуживающее вниманія. Авторъ такъ обращается къ «доброй, хорошей читательницѣ»: «Въ медицинскомъ ли курсѣ отвѣтъ на ваши человѣческія стремленія, въ немъ ли разрѣшеніе «женскаго вопроса», сдѣлаетъ ли медицина васъ счастливыми, или же вы ляжете костьми и выработаете только отрицательное рѣшеніе, которое можетъ быть не послужитъ урокомъ

и вашимъ внукамъ? Да, вы ляжете костьми, убьете свою молодость въ лишеніи и нуждѣ, въ напряженномъ трудѣ, засушите безъ полнаго удовлетворенія свое чувство въ попыткахъ любви, загрубѣете сердцемъ, устраните половину своей хорошей женской души и махнете, можетъ быть, на старости рукой на свою даромъ убитую молодость, даромъ потраченныя хорошія силы, которыя не вывели васъ на дорогу правильныхъ понятій и не дали вамъ руководящей ниточки въ жизни. Дай Богъ, чтобы вы въ старости оглянулись на свое прошлое; было бы еще хуже, если бы вы себя не оплакали... Вы недовольны тѣмъ, что я говорю; но я говорю не противъ васъ. Выслушайте фактъ, который сообщилъ мнѣ одинъ извѣстный профессоръ медицинской академіи. Приходитъ къ нему студентка медицинской академіи; вошла она какъ-то угловато, сѣла еще угловатѣе, а на вопросы профессора отвѣчала съ напускнымъ цинизмомъ. Профессора поразилъ истощенный, малокровный организмъ дѣвушки, и онъ спросилъ ее: «Чѣмъ вы питаетесь?»—«Жру конину», отвѣтила дѣвушка. Профессора этотъ отвѣтъ покоробилъ; но онъ отнесся къ изголодавшейся дѣвушкѣ настолько гуманно, что предложилъ ей даровой билетъ на благотворительную кухню.—«А что же будутъ ѣсть мои товарищи?» спросила студентка.—«Какіе товарищи?» Дѣвушка объяснила, и сказала, что она одна не станетъ ѣсть хорошо, если ея друзья будутъ ѣсть дурно. Такъ она и отказалась отъ дароваго билета и ушла въ свою конуру, можетъ быть для того, чтобы умереть голоднымъ тифомъ. Профессора поразилъ этотъ фактъ, хотя онъ и усиливался относиться къ нему объективно и оцѣнять его гуманно. Я спросилъ негодующаго ученаго: считаетъ ли онъ этихъ бѣдныхъ мучныхъ червей отвѣтственными? Гдѣ та каѳедра или наука, или чье-нибудь личное вліяніе, которое спасало бы мучныхъ червей отъ голоднаго тифа и малокровія и не дѣлало бы ихъ жертвой эксплуатаціи такихъ же мучныхъ червей, но другого пола? Я видѣлъ тутъ путаницу, мракъ въ мысляхъ, неопредѣленность въ чувствахъ. Случилось мнѣ слышать, въ то же время, но не отъ медицинскихъ профессоровъ, о фактахъ, болѣе печальныхъ, которыхъ повторять я не стану послѣ разсказовъ «Русскаго Вѣстника» изъ цюрихской жизни. Замѣчу только, что въ этихъ фактахъ много общаго, и во всѣхъ ихъ русская молодая дѣвушка является страдалицей эксплуатирующаго ее мужчины. Не знаю какъ назвать этотъ вопросъ, мужскимъ или женскимъ, знаю только, что киданіемъ грязи его не разрѣшишь, а разрѣшить его нужно и для гибнущихъ мучныхъ червей, и для ихъ дѣтей, не встрѣчающихъ юридическаго покровительства, и для всего общества, въ которомъ они являются растущимъ поколѣніемъ... Идеальная любовь отступила на второй планъ, и новая, неустановившаяся женщина вступила въ періодъ гетеризма. Можетъ быть, теперешній гетеризмъ и не представляетъ такого смѣшенія мужчинъ и женщинъ, какъ бывало въ историческую старину, но

періодъ этотъ мы переживаемъ, и свободно рыскающій мужчина пользуется всѣми его выгодами, сваливая тягости на слабую, безсильную и глубоко привязчивую женщину».

Здѣсь каждое слово дорого, каждое слово блеститъ, какъ слеза, ибо Провинціальный Философъ, конечно, плакалъ, когда писалъ эти строки, плакалъ отъ боли душевной и горечи сочувствія къ «хорошей читательницѣ» и бѣднымъ мучнымъ червямъ (?) «И были тѣ слезы крокодиловы», прибавилъ бы я, еслибы Провинціальный Философъ былъ похожъ на это большое, сильное и злое пресмыкающееся. Но онъ—добрый и маленькій. Я хотѣлъ было подчеркнуть нѣсколько пикантныхъ мѣстъ, чтобы обратить на нихъ особенное вниманіе читателя, но этакъ пришлось бы всю тираду печатать сплошь курсивомъ. О вступленіи новой женщины въ періодъ гетеризма, о предшествовавшемъ періодѣ «идеальной любви» говорить не стану—противно. Достаточно, я думаю, вывести эти слова изъ мрака «Недѣли» на божій свѣтъ, чтобы они были оцѣнены по достоинству. Провинціальный Философъ, очевидно, соблазнился «порнократіей» Прудона и захотѣлъ прибавить къ ней и свое вѣское слово. Но quod licet Jovi, non licet bovi. Прудонъ имѣлъ бы по крайней мѣрѣ тактъ не приводить или иначе оттѣнить анекдотъ, приводимый Провинціальнымъ Философомъ для вящшаго посрамленія мучныхъ червей. Вслушайтесь, въ самомъ дѣлѣ въ этотъ разсказъ. Голодный, «изголодавшійся» человѣкъ отказывается отъ предлагаемаго ему обѣда, потому что не можетъ раздѣлить его съ товарищами. Дѣвушка «одна не станетъ ѣсть хорошо» и уходитъ въ свою конуру умирать... И г. профессоръ не находитъ въ душѣ своей ничего, кромѣ негодованія, а г. философъ ничего, кромѣ клички мучного червя, не имѣющаго «руководящей ниточки въ жизни». Я убавилъ, вѣдь, только одну черту: «угловатость» манеръ и «напускной цинизмъ» рѣчи. Кàкъ ни велики эти грѣхи, но не замѣтить изъ-за нихъ великодушнѣйшаго поступка, наилучшей и наиполнѣйшей программы жизни, какая только доступна человѣку—учиться, трудиться и умирать «за други своя»—для этого надо имѣть ужь слишкомъ утонченный вкусъ. Какой еще «руководящей ниточки въ жизни» вамъ нужно, г. Провинціальный Философъ? Она есть у этой дѣвушки. Это такъ же вѣрно, какъ то, что у васъ ея нѣтъ, хотя она «жретъ», а мы съ вами кушаемъ. Я вамъ вотъ чтò скажу. Мучные черви, какъ слышно, рвутся теперь въ Сербію. Это такъ естественно въ людяхъ, умѣющихъ умирать за други своя. Но, если тотъ мучной червь, который возбудилъ негодованіе въ профессорѣ и философѣ, не рвется, не ѣдетъ, такъ значитъ такъ и нужно, значитъ, онъ нужнѣе здѣсь: его руководящая ниточка безошибочна, и не намъ съ Провинціальнымъ Философомъ давать ему совѣты.

Иди, дѣвушка, своей дорогой и имѣй великодушіе не поминать насъ лихомъ...

Но маленькій и добрый крокодилъ знаетъ и выходъ. Этотъ выходъ есть... женскій университетъ! Честное слово: все это напечатано. Я нѣсколько разъ перечиталъ замѣтки г. Провинціальнаго Философа, старался добиться смысла, пробовалъ пускать въ ходъ разныя толкованія, предположенія, подразумѣванія—и не нашелъ ничего, кромѣ невѣроятно густого «мрака мыслей» философа и слёзъ маленькаго, добраго крокодила. А, можетъ быть, это, по несравненному выраженію г. Фета,

Плачетъ старый камень,
Въ прудъ роняя слезы.

Это даже всего вѣроятнѣе. А «Недѣля?» Она порадуется, конечно, тому «интересу», который можетъ возбудить гетеризмъ и все прочее. Да падетъ же позоръ этого интереса на многоумную голову Емели—рѣшаюсь, наконецъ, и я такъ назвать «Недѣлю».

Н. М.

ПЕТЕРБУРГЪ КАКЪ ЦЕНТРЪ РАБОЧАГО ТЯГОТѢНІЯ.

Въ прошедшемъ году, центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ издана, подъ редакціею Л. Н. Майкова, чрезвычайно любопытная книга «*Санктпетербургъ по переписи 10-го декабря 1869 года*»—книга, вносящая въ область человѣческихъ знаній тысячи новыхъ, замѣчательныхъ фактовъ изъ явленій общественной и экономической жизни Россіи, дающая богатый матеріалъ для такихъ же тысячъ и сотенъ тысячъ экономическихъ и статистическихъ комбинацій относительно тѣхъ или другихъ явленій жизни и управляющихъ ими законовъ, книга, разоблачающая значительную часть нашей общественной, самой современной подноготины и, въ то же время, изобличающая полнѣйшее безсиліе науки въ нѣкоторыхъ вопросахъ жизни, полнѣйшее нищенство научнаго арсенала, изъ котораго она, наука, на всякій фактическій выстрѣлъ жизни, требующій отвѣта, могла бы отвѣчать если не залпомъ научной картечи, то хотя бы холостымъ зарядомъ провѣренныхъ наукою фактовъ и болѣе или менѣе увѣренныхъ и успокоительныхъ выводовъ изъ нихъ. А эти выстрѣлы, въ видѣ вопросовъ жизни, пускаетъ въ науку каждая изъ сотенъ тысячъ цифръ, которыми испещрены страницы прекраснаго изданія центральнаго статистическаго комитета: отчего ярославцы тянутся въ Петербургъ больше, чѣмъ тверичи, новгородцы и псковичи, ближайшіе сосѣди Петербурга, и отчего ярославцы—почти непремѣнно трактирщики и лавочники, а костромичи—плотники, столяры, маляры и мёбельщики, почему витеблянинъ и псковичъ—химики, тверичъ—сапожникъ, тверитянка—башмачница, а архангелецъ—кровельщикъ? почему гробовщиковъ и банкировъ почти одинаковое число, и почему литераторы живутъ преимущественно въ спасской части? отчего изъ всѣхъ русскихъ въ Петербургѣ живетъ только сто четвертый, а въ Лондонѣ живетъ каждый десятый и даже девятый изъ всѣхъ англичанъ? отчего, почему, зачѣмъ, какъ—да всѣхъ вопросовъ и не перечислить, какъ не сосчитать песку морского, и всѣ они стоятъ до сихъ поръ не отвѣченными, словно часовые, которые на неотвѣченный вопросъ «кто идетъ» готовы послать въ догонку пулю, хотя человѣчество и должно бы, обязано отвѣчать всѣмъ этимъ грознымъ часовымъ, которые знать не хотятъ человѣческой глухоты, слѣпоты и невѣжества.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше живетъ человѣчество и чѣмъ больше копитъ оно въ пакгаузѣ своей коллективной памяти данныхъ историческаго и научнаго опыта, чѣмъ больше набирается житейской мудрости, чѣмъ бо̀льшіе вороха простой газетной и веленевой бумаги покрываетъ оно самыми изящными петитами и цицерами, прикрѣпляющими къ хвосту фиктивнаго существа, называемаго историческимъ безсмертіемъ, самыя богатыя пріобрѣтенія человѣческаго ума, знаній, открытій, усовершенствованій, однимъ словомъ, чѣмъ больше несчастное человѣчество развивается и выростаетъ изъ пеленокъ—тѣмъ въ бо̀льшее отчаяніе должно приходить оно отъ сознанія своего невѣжества, которое, со всякимъ новымъ открытіемъ въ наукѣ, въ области мысли, со всякимъ новымъ усовершенствованіемъ въ жизни, постоянно озирается кругомъ и, видя на каждомъ шагу явленія непонятныя, не объясненныя ни наукою, ни жизненною, практическою мудростью, все шире раскрываетъ свою чудовищную пасть и все громче на окликъ часового заявляетъ о своемъ позорѣ: «не знаю кто идетъ, не знаю, не знаю!»

Въ такомъ досадливомъ возбужденіи духа, вызванномъ во мнѣ изданіемъ центральнаго статистическаго комитета, цифры котораго то волновали меня своимъ нѣмымъ краснорѣчіемъ, то дразнили своею загадочностью, возбуждая вопросъ за вопросомъ, я отправился къ своему старому пріятелю, мистеру Плюмпуддингу, чтобъ потолковать объ этой книгѣ.

Мистеръ Плюмпуддингъ недавно воротился изъ Лондона, куда ѣздилъ на лѣто, и теперь былъ сильно занятъ, какъ выражался по своей британской эксцентричности—«экономическою теоріею лаптя-цивилизатора или культурлаптя и приготовленіемъ статистическаго повстанья противъ фальстафіады мистера Вамбери о Средней Азіи».

— Извините, мистеръ Д. С...о-М...ъ, сказалъ онъ, здороваясь со мной:—я буду невѣжливъ съ вами не болѣе пяти минутъ: позвольте мнѣ только при васъ размѣстить мои боевые патроны.

И онъ началъ прикалывать булавками къ стѣнамъ своего кабинета разные бумажные билетики, на которыхъ было что-то написано, и при этомъ бормоталъ про себя: «Сюда я помѣщу нижегородскаго губернатора, сэра Одинцова: это—очень умный джентльменъ. А здѣсь у меня будетъ мистеръ Ермоловъ, предсѣдатель нижегородской губернской земской управы—прекрасный человѣкъ!.. А! прелестнѣйшая миссъ Бравина!—это рѣдкая женщина... только въ Россіи могутъ быть такія умныя и дѣловыя женщины и, притомъ, занимающіяся статистикой... А тутъ я позволю себѣ повѣсить его сіятельство, графа В. П. Орлова-Давыдова, здѣсь мистера Тургенева, здѣсь мистера Аксакова...»

Я подошелъ къ первой приколотой къ стѣнѣ карточкѣ. На ней было написано: *Среднее Поволжье. Густая тѣнь.* «Пониженіе уровня народнаго благосостоянія оказывается въ дѣйстви-

тельности. Недоимки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей губерніи, особенно въ трехъ уѣздахъ—Сергачскомъ, Ардатовскомъ и Лукояновскомъ—дошли до громадныхъ размѣровъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи земля, по своей недоброкачественности, не обезпечиваетъ населенія; здѣсь надѣлъ, данный крестьянамъ, не стòитъ и половины того, чтò они за него платятъ: такъ, напримѣръ, за сыпучій песокъ въ Лукояновскомъ Уѣздѣ платится крестьянами 9 рублей... Законъ о продажѣ скота за недоимки, въ особенности въ чисто-земледѣльческихъ мѣстностяхъ, положительно слѣдовало бы отмѣнить». (Рѣчь бывшаго нижегородскаго губернатора А. А. Одинцова).

— Это—чтò такое, мистеръ Плюмпуддингъ? спросилъ я.

— Это—словà нижегородскаго губернатора, отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ вы ихъ выписали?

— Это—мои военныя приготовленія противъ мистера Вамбери. Это—матеріалы къ теоріи цивилизаторской роли лаптя на Востокѣ, къ теоріи культурлаптя.

Мистеръ Плюмпуддингъ сталъ прикалывать къ стѣнамъ другія бумажки. Я подошелъ еще къ одной. На ней было написано: *Бѣдность лаптя при черноземномъ надѣлѣ. Тѣнь дважды густая.* «Земля въ нижегородскомъ Поволжьѣ не вознаграждаетъ труда человѣка, къ ней прилагаемаго; собственнаго хлѣба ему недостаетъ на годовое продовольствіе; къ промысламъ онъ обратился здѣсь по тяжкой неволѣ—бѣжитъ онъ на сторону, чтобы дома окончательно не умереть съ голода. Кустарные промыслы тоже не надежны: заведите машинную гвоздильню въ Красной Рамени, и не пройдетъ года, какъ всѣ краснораменскіе гвозденники пойдутъ пò-міру... Рѣдко народъ живетъ такъ черно, какъ у насъ, особенно въ южныхъ окраинахъ губерніи. Крестьяне наши живутъ при такой обстановкѣ, которая противна всякой гигіенѣ: не рѣдкость, что 20—25 душъ дышатъ одной атмосферой, сгущенной въ самомъ небольшомъ пространствѣ, вмѣстѣ съ ягнятами, телятами, курами и другими животными и птицами. Выходъ изъ этого помѣщенія одинъ—на улицу, на открытый воздухъ; только здѣсь и совершаются всѣ отправленія. Крестьянскія дѣти поэтому умираютъ въ ужасающей пропорціи. Пріютомъ больного крестьянина служатъ лишь печь и коникъ; если больному дѣлается хуже, его заживо обмываютъ и кладутъ прямо въ передній уголъ... По моимъ личнымъ наблюденіямъ, бытъ крестьянъ Нижегородской Губерніи, и въ особенности южныхъ ея уѣздовъ, положительно ухудшается. Изъ послѣдней моей поѣздки въ имѣніе мое, въ Сергачскій Уѣздъ, я вывезъ самое тягостное впечатлѣніе. Бывшіе мои крестьяне получили дарственный надѣлъ, и, притомъ, не $^1/_4$, а $^1/_3$ часть; они нанимаютъ у меня почти всю отошедшую мнѣ землю; никогда ни у одного изъ нихъ не было ничего продаваемо—слѣдовательно, они находятся въ болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ сосѣди ихъ; казалось бы, они должны бы были жить хорошо. Нѣтъ. Не было

между ними прежде примѣра семейства безлошаднаго—теперь есть. Въ нашей земледѣльческой мѣстности есть деревни, въ которыхъ на третью часть населенія нѣтъ лошади...» (А. М. Ермоловъ).

На третьемъ листочкѣ я прочиталъ: *Начало пролетаріата въ крестьянахъ. Тѣнь трижды густая.* «По словамъ крестьянъ, до 19-го февраля, количество коровъ, лошадей и мелкаго скота было больше; въ каждомъ домѣ имѣлось по двѣ и по три коровы, по десяти и болѣе овецъ. Теперь въ рѣдкихъ семьяхъ имѣется подобное количество скота. Во многихъ семьяхъ, какъ говорятъ крестьяне, водились прежде запасныя деньги на черный день, рублей 30—40; теперь имѣются деньги только у тѣхъ крестьянъ, которые промышляютъ мелочной торговлей... Вообще, хозяйство крестьянъ приходитъ въ упадокъ... Многіе изъ крестьянъ ушли на заработки въ городъ, сдавъ землю въ міръ или на аренду, и, проживая въ городѣ, многіе изъ нихъ попали въ число нашихъ сельскихъ пролетаріевъ; хозяйство ихъ въ деревнѣ разрушено и семья голодаетъ безъ земли, или—еще того хуже—скитается за хозяиномъ семьи въ Нижнемъ или въ Астрахани...» (М. В. Бравина. «Село Оленино»).

На четвертомъ листочкѣ было написано: *Житница Россіи. Воскресеніе исторической кабалы.* «Въ доказательство того, что крестьянину дѣйствительно очень тяжело, а платежи дѣйствительно сильны, я сдѣлаю одно практическое замѣчаніе прежде у насъ кабалы не было; она представляла историческое преданіе; теперь же является кабала, и кабалятся года на 2, на 3 впередъ. Это—ужаснѣйшее явленіе. Далѣе: я живу въ Ставропольскомъ Уѣздѣ лѣтъ 20; прежде крестьяне квасили капусту съ солью, а теперь нѣтъ». (Л. Б. Тургеневъ. Высочайше учрежд. комм. для изслѣд. нынѣшн. полож. сельск. хоз. VI прилож., I, стр. 16—19). Тутъ же приписано было: *Еще изъ житницы Россіи. Тѣнь наигустѣйшая.* «Степи, даже при залежномъ хозяйствѣ, утрачиваютъ свое прежнее плодородіе. Земли, принадлежащія крестьянамъ и окружающія ихъ селенія, до того истощены, что жалко на нихъ смотрѣть. Съ трудомъ можно разобрать, гдѣ посѣяна пшеница: до того посѣвъ заростаетъ репейникомъ и другими сорными травами... Въ прежнее время, у многихъ крестьянъ бывали огромныя стада рогатаго скота и овецъ и большіе табуны лошадей; теперь это вывелось, и между крестьянами слышны жалобы на обѣднѣніе. Это видно по ихъ внѣшней обстановкѣ. Ихъ хаты плохи и похожи на навозныя кучи; крыши не исправляются; бываетъ, что стоятъ ворòта, а забора нѣтъ. Въ сундукахъ у крестьянъ тоже пусто стало». (Графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ. Тамъ же, II, 232. Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ. II, 76).

Подъ всѣми этими карточками пришпилена была страничка изъ какой-то книги съ надписью краснымъ карандашемъ: *Общая физіономія культурлаптя.* «Такъ-то живется краснорамен-

сному рабочему, который можетъ утѣшать себя развѣ только тѣмъ, что не лучше живется сосѣду его въ Безводномъ и многимъ тысячамъ, сотнямъ тысячъ и даже милліонамъ всевозможныхъ канкауровцевъ, павловцевъ, ветлужанъ, кочкуровцевъ, поморовъ на Мурманѣ, кимряковъ и т. д. и т. д. Положительный голодъ въ Россіи—явленіе исключительное, хотя далеко нерѣдкое; умираетъ отъ голоду русскій рабочій иногда; но голодаетъ онъ почти всегда. Къ голодухѣ и проголоди ему не привыкать стать...» А. С. Гацискій.

— Зачѣмъ у васъ всѣ эти странныя выписки, мистеръ Плюмпуддингъ? спросилъ я.

— Вотъ изволите видѣть, мой дорогой другъ: посредствомъ этихъ бумажекъ я иллюстрирую карту Россіи и пошлю на будущую географическую выставку для подтвержденія моей теоріи культурлаптя. По моей теоріи, русскій лапоть, въ качествѣ цивилизатора, долженъ наводнить всю Среднюю Азію до Гималаевъ; затѣмъ лапоть, въ силу своей живучести (что доказывается послѣднею выпискою изъ мистера Гацискаго, издавшаго недавно любопытный «Сборникъ»), перешагнетъ въ Индію. Но это будетъ очень нескоро. Своею теоріею культурлаптя и своею иллюстрованною картою я хочу успокоить общественное мнѣніе моей родины и всей Европы въ томъ смыслѣ, что, если лаптю и предстоитъ въ будущемъ великая историческая миссія, то, въ настоящее время, еще не выросла та липа, изъ коры которой могъ бы быть сплетенъ лапоть, имѣющій принести цивилизацію на Востокъ. Для успокоенія же мистера Вамбери, которому не даютъ спать лавры на головахъ вашихъ ташкентскихъ героевъ, я пошлю ему вотъ эту книгу—«Санктпетербургъ», изъ которой онъ убѣдится, что Англія можетъ еще спать спокойно.

— Что же вы находите въ этой книгѣ успокоительнаго для Англіи, мистеръ Плюмпуддингъ? спросилъ я.—Развѣ потому вы находите ее такою для Англіи, что она меня, какъ патріота, очень взволновала?

— А мистера Вамбери и британское общественное мнѣніе успокоитъ. Замѣтьте, дорогой мистеръ Д. С...о-М...ъ, что книга эта представляетъ намъ столицу неизмѣримаго русскаго царства подъ стеклянным колпакомъ. Почтенный и достоуважаемый статистикъ вашъ, П. П. Семеновъ, сговорившись съ своими друзьями по статистическому оружію, взялъ да въ одно прекрасное утро и накрылъ Петербургъ стекляннымъ колпакомъ. Это было 10-го декабря 1869 года. Накрывъ этотъ огромный муравейникъ стекляннымъ колпакомъ, чтобъ ни одинъ муравей не могъ ускользнуть изъ него, мистеръ Семеновъ и его друзья стали ходить по всѣмъ петербургскимъ домамъ и трущобамъ, опрашивая каждое живое существо: кто оно такое, откуда родомъ, сколько ему лѣтъ, чѣмъ живетъ, что дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ? Все это записывалось, отмѣчалось, сортировалось на сословія, возрасты, профессіи, хотя бы иные субъекты и опредѣляли свои профессіи

игриво: «небо копчу», «мухъ бью» и т. п. Теперь все это издано. Результаты вышли поразительные. Я разсматривалъ книгу не съ научно-статистической точки зрѣнія, а спеціально съ экономической, въ связи съ теоріею лаптя. Съ этой точки зрѣнія, настоящая книга въ первый разъ научно убѣждаетъ Европу, что Петербургъ — столица не цивилизованной страны, или — vice versa—не по Сенькѣ шапка.

— Изъ чего же вы это заключаете?

— А изъ того, мой уважаемый другъ, что въ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ экономическая жизнь уложилась уже въ извѣстныя рамки, рабочее тяготѣніе окраинъ къ центрамъ, къ столичнымъ и промышленнымъ пунктамъ таково, что пункты эти даютъ заработокъ—у насъ, напримѣръ, въ Англіи — изъ каждыхъ девяти человѣкъ десятому, т. е. *изъ каждаго милліона* населенія страны въ столицѣ питается *болѣе ста тысячъ* человѣкъ; у васъ же, Петербургъ изъ милліона населенія не въ состояніи прокормить и *десяти тысячъ* лаптей. Другіе города питаютъ еще мѐньшій процентъ. У васъ, однимъ словомъ, слишкомъ мало городское населеніе въ сравненіи съ сельскимъ: бизонъ еще не превратился въ рабочаго вола.

— Но это оттого, возразилъ я:—что у васъ поневолѣ сельское населеніе стремится въ столицы и въ промышленные пункты, ибо ему внѣ этихъ пунктовъ питаться нѣчѣмъ. И волки зимой ближе подходятъ къ деревнямъ, даже забираются въ овчарни; но это—только съ голоду, а не по культурнымъ побужденіямъ. А у насъ мужику еще есть чѣмъ кормиться и вдали отъ столицъ: у него есть кормилица-земля.

— Полно такъ ли, мой уважаемый другъ? отвѣчалъ на это мистеръ Плюмпуддингъ и указалъ рукою на приколотыя къ стѣнамъ кабинета карточки.—А это—чтò такое? Вы видите, кàкъ тамъ хорошо питаются. А въ столицахъ вашихъ, значитъ, еще худшее питанье, когда даже голодный краснораменецъ и кимрякъ не осмѣливается свою холодную и голодную землю промѣнять на столичную жизнь. Я могу начертать вамъ впередъ будущую исторію вашей цивилизаціи. Прежде всего, должно послѣдовать у васъ постепенное заселеніе городовъ, т. е. превращеніе лаптя въ сапогъ. Превращеніе лаптя въ сапогъ должно само собою вызвать развитіе промысловъ сапожнаго, чулочнаго—для замѣны онучъ чулками и т. д. Но это—только одинъ лапоть, лѣвый, долженъ превратится въ сапогъ. Другой, въ это время, будетъ искать себѣ новыхъ земель: миѳъ о сытовыхъ рѣкахъ съ кисельными берегами имѣетъ глубокую историческую и экономическую подкладку — и русскій народъ съ этимъ миѳомъ ляжетъ и въ могилу, если только русскій народъ ждетъ та же историческая могила, въ которую поочередно ложились всѣ народы земнаго шара. Русскій народъ еще не переживалъ того возраста, который можно назвать городскимъ люстромъ: развитіе городской жизни и пожираніе окраинъ центрами въ Россіи еще не начиналось.

— Напротивъ, возразилъ я:—Россія будетъ счастливѣе Европы тѣмъ, что она, можетъ быть, избѣжитъ ужаснаго зла, ужаснѣйшей язвы современной европейской цивилизаціи—городского пролетаріата. Для этого мы и желаемъ, чтобы крестьянинъ оставался въ селѣ, на пашнѣ, какъ подобаетъ земледѣльческому народу, а не стремился бы въ городскіе центры для увеличенія собою массы городского пролетаріата.

— Прекрасно, мой другъ. А какой пролетаріатъ лучше — городской или сельскій? У васъ, какъ вотъ свидѣтельствуютъ прекрасная миссъ или мистрисъ (я не имѣю чести ее знать) Бравина, развивается сельскій пролетаріатъ потому именно, что у крестьянъ или земли слишкомъ мало, или податей слишкомъ много. Бизонъ самъ приходитъ въ городъ и проситъ, чтобъ на него надѣли ярмо вола, но чтобъ дали ему и корму. Во всякомъ случаѣ, мы съ вами этого, мой уважаемый другъ, рѣшить не можемъ—рѣшитъ сама жизнь. А вотъ изволите видѣть: эта почтенная книга свидѣтельствуетъ, что, когда Петръ Петровичъ Семеновъ и его статистическіе друзья накрыли Петербургъ стекляннымъ колпакомъ и стали штудировать подъ этимъ колпакомъ состояніе столичнаго муравейника, то нашли, что въ числѣ 619,696 душъ обоего пола петербургскаго населенія оказалось 141,080 мужиковъ и 63,267 деревенскихъ бабъ, которые забрели въ Петербургъ кормиться. Это были бизоны въ ярмѣ, по вашей теоріи, мистеръ Д. С...о-М...ъ. Но двѣсти тысячъ бизоновъ на четыреста тысячъ домашнихъ воловъ—слишкомъ мало. Еслибы Петербургъ стоялъ въ Англіи, то подъ колпакомъ очутилось бы, по закону среднихъ статистическихъ цифръ, болѣе 2 милліоновъ русскихъ мужиковъ и бабъ, и всѣ они нашли бы себѣ кусокъ хлѣба. Требованія извѣстнымъ образомъ сложившейся жизни дали бы имъ работу. А вашъ Петербургъ не въ состояніи прокормить и своихъ подъяремныхъ воловъ, а не то, чтобы кормить пришлыхъ бизоновъ: онъ не прокармливаетъ и 200 тысячъ лаптей, потому что, хотя мистеръ Майковъ и показалъ только 2,345 лицъ, «живущихъ неопредѣленными средствами» (т. е. лицъ, которыя, вѣроятно, не могли сами сказать ему, что̀ они кушаютъ и кушаютъ ли всякій день), но эта цифра еще ничего не говоритъ; а есть цифры, которыя напрашиваются на анализъ; въ книгѣ, наконецъ, ничего не сказано о нищихъ, хотя и говорится о призрѣваемыхъ нищенскимъ комитетомъ, а вѣдь нищіе въ Петербургѣ попадаются-таки на улицахъ; а сколько такихъ, которые прячутся или отъ стыда, или отъ прозорливыхъ слугъ сэра Трепова. Кромѣ того, изволите видѣть: на стр. 5 сказано, что подъ стекляннымъ колпакомъ найдено 205,476 такихъ существъ, которыя названы «получающими средства существованія отъ главъ семействъ и родственниковъ, самостоятельно трудящихся». Лица эти, ясно, не имѣютъ собственныхъ средствъ для существованія. Но положимъ, что въ это число вошли дѣти и что все это — мальчишки и дѣвчонки, которые не могутъ быть на-

званы ни волами, ни бизонами; но, все-таки, остается цѣлая сотня тысячъ душъ, которыя напоминаютъ собою притчу о «кринахъ сельскихъ» или о «птицахъ небесныхъ». Самая бо́льшая часть Петербурга занимается «промышленностью обработывающею», подъ которою разумѣются: производства по продовольствію — хлѣбное, булочное, пекарное, саечное, пирожное, крендельное, кондитерское, сахароварное, колбасное, горчичное, кислощейное, пивоваренное, винокуренное, водочное, табачное; «содержаніе чистоты тѣла и одежды»—бани и купальни, прачечныя и т. д.— всѣ ремесла и всѣ издѣлія. Лицъ, кормящихся отъ этихъ промысловъ, считается 139,290 обоего пола. За ними слѣдуютъ, по численности, тѣ, которые кормятся «личнымъ прислуживаніемъ» (прислуга): этихъ подъ стекляннымъ колпакомъ найдено 100,245 душъ, т. е. одна шестая часть населенія прислуживаетъ остальнымъ пяти шестымъ частямъ—это слишкомъ много. Видно, что хлѣбъ у васъ добывается не легко, если на каждыя 5 существъ приходится одно существо служебное. Съ другой стороны, это значитъ, что инымъ существамъ хлѣбъ достается легко. Впрочемъ, это неудивительно въ странѣ, гдѣ еще недавно на одно существо, ничего недѣлающее, приходилось отъ 5 до 50,000 существъ служебныхъ. Но, все-таки, это не нормально: на пять существъ, носящихъ сапоги, приходится одно существо, которое тѣмъ только и кормится, что чиститъ сапоги этимъ пяти. А обратили вы, мистеръ Д. С...о-М...ъ, вниманіе на рубрику — «наука, литература и искуство?»

— Да̀, обратилъ, отвѣчалъ *я*:—эти занятія даютъ пищу 5,693 существамъ, и изъ нихъ 4,722 мужскаго пола и 971 женскаго.

— Исключая, конечно, тѣхъ, которые пользуются пособіями отъ литературнаго фонда, и тѣхъ, которые олицетворяютъ собою «криновъ сельскихъ».

— Ну, мистеръ Плюмпуддингъ, возразилъ я: — такихъ «криновъ» и у васъ въ Лондонѣ не мало.

— Не спорю, мой дорогой другъ. Меня вообще заинтересовала эта рубрика, потому что вѣдь я и самъ отчасти принадлежу къ тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ «служителями *слова*», которыхъ *слово* кормитъ, перо обуваетъ и одѣваетъ. Въ прошломъ году, путешествуя въ Поволжьѣ, я записалъ русскую народную фабулу о происхожденіи писателей, служителей *слова*. Прекрасная, глубоко-поэтическая фабула. Знаете вы ее, мистеръ Д. С...о-М...ъ?

— Не знаю, о какой фабулѣ говорите вы, отвѣчалъ я.

— А вотъ она. И мистеръ Плюмпуддингъ, подойдя къ стѣнѣ, началъ читать написанное на одномъ изъ листовъ бумаги, пришпиленныхъ къ стѣнѣ: фабула говоритъ, что на шестой недѣлѣ послѣ воскресенія Христа, наканунѣ вознесенія —

Расплачется меньшая братья,
Нищіе люди убоги:
«Ужъ ты гой еси, Владыка, Царь небесный!

Вознесешься Ты, Царь, на небесы —
А на кого-то Ты насъ оставляешь?
На кого-то Ты насъ покидаешь?
Ино кто насъ поить-кормить будетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти,
Да кто насъ буде тепломъ да согрѣвати.
За что намъ Мать Божію величати,
И тебя, Христа, прославляти?»
Какъ возговоритъ имъ Христосъ Царь небесный
«Не плачьте вы, меньшая братья,
Нищіе люди убоги!
Не тужите, маленьки, безродны!
Создамъ я вамъ гору золотую,
Пропущу я вамъ рѣку медвяную,
Оставлю я вамъ сады-винограды,
Оставлю вамъ яблони кудрявы,
Я даю вить вамъ манну небесну.
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти:
Будете вы сыты да и пьяны;
Будете обуты и одѣты,
Будете тепломъ да обогрѣны
И отъ темныя ночи пріукрыты».
Тутъ возговоритъ Иванъ да Предотеча:
«Охъ ты гой еси, Христосъ да Царь небесный!
Позволь со Христомъ да слово молвить,
Позволь мнѣ со Господомъ рѣць говорити —
Не возьми мое слово въ досаду.
Не давай Ты имъ горы золотыя,
Не давай Ты имъ рѣки медвяныя,
Не оставливай садовъ-виноградовъ,
Не оставливай яблонь кудрявыхъ,
Не давай имъ и манны небесной.
Горы-то имъ буде не раздѣлити,
Съ рѣкой-то имъ буде не совладати,
Винограду-то имъ буде не ошшипати,
Манны-то имъ буде не пожрати.
Зазнаютъ гору князи и бояра,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,
Зазнаютъ гору торговые гости,
Наѣдутъ къ нимъ сильные люди,
И найдутъ къ нимъ немилостивыя власти,
Не дадутъ имъ этой горой владѣти,
Отымутъ у нихъ купцы и бояра,
Вельможи, люди пребогатые,
Отоймутъ у ихъ гору золотую,
Отоймутъ у ихъ рѣку да медовую,
Отоймутъ у ихъ сады да съ виноградомъ,
Отоймутъ у ихъ манну небесну.
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братью не допустятъ:

Много будетъ надъ горою-ту убивства,
Тутъ много будетъ надъ рѣкою-ту кровопитства,
Промежду собой уголоствія.
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися
И отъ темныя ночи пріукрытися,
Помрутъ нищіи голодною смертью
И позябнутъ холодною зимою.
А ты дай имъ свое святое имя,
Дай-ко-се имъ *слово* да Христовое:
Будутъ нищіе по-міру ходити,
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати,
Твое имя святое возносити,
А православные станутъ милостыню подавати:
Ино кто есть вѣрный христіянинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ —
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Даруй тому райскую пишшу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто;
Кто имъ путь-дорогу указуетъ —
Не заперты въ рай тому двери.
Отъ того они *слова* будутъ сыты да и пьяны,
Будутъ и обуты, и одѣты,
Они будутъ тепломъ да обогрѣны
И отъ темныя ночи пріукрыты».
Тутъ возговоритъ Христосъ да Царь небесный:
«Ай же ты Иванъ да Предотеча!
Ты умѣлъ со Христомъ да слово молвить,
Ты умѣлъ вить съ Іисусомъ рѣчь говорити,
Ты умѣлъ слово сказати,
Умѣлъ слово разсудити,
Умѣлъ вить ты по нишшихъ потужити.
За твои умѣльныя за рѣчи,
За твои за рѣчи дорогія,
За твои за сладкія словèса —
Дарую уста тебѣ я золотыя...»

— Вотъ эта-то «нишшая братья»—мы, писатели, продолжалъ мистеръ Плюмпуддингъ:—намъ Христосъ далъ *слово* для питанія, потому что, еслибъ онъ далъ намъ «гору золотую», то все равно мы не умѣли бы владѣть ею—такой ужь народъ непрактичный. Геніальная фабула!

— Это, мистеръ Плюмпуддингъ — извѣстный духовный стихъ нашихъ калѣкъ перехожихъ:—у нихъ, вѣроятно, вы и записали его, сказалъ *я*. — Мнѣ этотъ стихъ извѣстенъ; онъ напечатанъ въ «Сборникѣ духовныхъ стиховъ» Варенцова. Но что̀ вы собственно хотѣли сказать по поводу этихъ стиховъ?

— Да̀, виноватъ—я немножко уклонился въ сторону, мой уважаемый другъ. Только русскій народъ могъ создать такое ге-

ніальное изображеніе «служителей слова»: еслибъ ничего не создалъ русскій народъ, кромѣ этого стиха, то онъ, все-таки, остался бы великимъ народомъ въ исторіи человѣчества. Виноватъ! виноватъ! Я заговорился, хотя имѣлъ право высказать все это по поводу рубрики «наука, литература и искуство». Въ эту рубрику, какъ вы видите, мой уважаемый другъ, внесены слѣдующія профессіи и ихъ представители: «академики императорской академіи наукъ, хранители музеевъ, библіотекари, лаборанты и частные ученые; *писатели, журналисты, переводчики и издатели,* равно *писательницы, переводчицы и издательницы;* живописцы-художники и скульпторы и женщины этихъ профессій; архитекторы, гравёры-художники и гравировальщицы; ученики академіи художествъ и ученики и ученицы рисовальной школы; фотографы; артисты и артистки театровъ; музыканты, воспитанники и воспитанницы консерваторіи и музыкальныхъ школъ; стенографы и стенографистки, чертежники и чертежницы; *читальщики и читальщицы по усопшимъ* (хотя противъ внесенія этихъ послѣднихъ въ рубрику «науки, литературы и искуства» многіе возстаютъ; но я нахожу, что, если мистеръ Горбуновъ, такъ художнически разсказывающій о томъ, «каковы куры и въ каково время», внесенъ въ эту рубрику по праву, то и читальщики по усопшимъ не могутъ быть лишены этого права: они—такіе же художники; я слышалъ ихъ чтеніе, и оно мнѣ всю душу перевернуло, доказавъ, что только русскіе *такъ* умѣютъ осмѣивать смѣшное, какъ осмѣиваетъ его мистеръ Горбуновъ, и *такъ* оплакивать своихъ умершихъ, какъ оплакиваются они подъ раздирающее душу чтеніе «читальщиковъ» и «читальщицъ»); акробаты и акробатки, наѣздники и наѣздницы цирковъ (ужь если у «читальщиковъ по усопшимъ» оспариваютъ права̀ стоять подъ рубрикою «наука, литература и искуство», то тѣмъ болѣе бы можно оспаривать эти права̀ у акробатовъ, потому что, въ противномъ случаѣ, куленосы, ловко вскидывающіе на спину громадные кули, могутъ считать себя обиженными тѣмъ, что перепись не поставила ихъ рядомъ съ акробатами); наконецъ, шарманщики, уличные пѣвцы, шарманщицы и пѣвицы. Всѣхъ этихъ попавшихъ въ одну рубрику съ «служителями слова» я, однако, касаться не буду, продолжалъ мистеръ Плюмпуддингъ. Собственно же «служителей слова», тѣхъ, которымъ Іоаннъ Предтеча просилъ не давать «золотой горы»—262 мужчины и только 40 женщинъ. Конечно, нѣкоторымъ изъ нихъ, весьма, впрочемъ, немногимъ, при дѣлежѣ вселенной досталось и по небольшому камушку отъ «горы золотыя», и по ведерцу влаги отъ «рѣки медвяныя», и по гроздію отъ «садовъ-виноградовъ», по яблочку отъ «яблонь кудрявыхъ» и даже по гарнцу отъ «манны небесной», но большинству ничего не досталось, кромѣ пера и слова. Намъ съ вами, дорогой мистеръ Д. С...о-М...ъ, именно эти два послѣнія сокровища достались. Такъ вотъ изволите видѣть, мой другъ по ремеслу слова Божія: на стр. 76 сказано, что изъ всей на-

шей братьи, «людей божіихъ», нашелся только одинъ такой, который съ 18—19 лѣтъ началъ кормиться словомъ, 85 такихъ, которые докормились уже этимъ словомъ отъ 20 до 30 лѣтъ, 89 такихъ, которыхъ слово прокормило отъ 30 до 40-лѣтняго возраста, а ужь съ этого возраста число питающихся словомъ умаляется: не даромъ въ сознаніи русскаго общества крѣпко сидитъ убѣжденіе, что служители слова не долго живутъ, не долго своимъ существованіемъ отнимаютъ хлѣбъ у другихъ, ищущихъ хлѣба: отъ 40 до 50-лѣтняго возраста докармливается словеснымъ хлѣбомъ только 45 человѣкъ; отъ 50 до 60-лѣтняго возраста—только 33, а болѣе 60 лѣтъ—всего только 9. Что̀ же касается служительницъ слова, то изъ всѣхъ таковыхъ прекрасныхъ существъ, тоже одно юное созданіе начало питаться словеснымъ хлѣбомъ съ 8 лѣтъ, отъ 20 до 30 лѣтъ — 18 прекрасныхъ существъ, отъ 30 до 40 лѣтъ — 12, отъ 40 до 50 всего уже 7, а отъ 50 до 70 лѣтъ — только двѣ добрыя старушки. Свыше шестидесяти лѣтъ петербургскія писательницы не живутъ: по крайней мѣрѣ, таковыхъ ни одной не нашли подъ стеклянным колпакомъ ни П. П. Семеновъ, ни статистическіе друзья его.

Мистеръ Плюмпуддингъ развернулъ книгу на 112—113 стр., заложенныхъ особою бумажкою, на которой виднѣлись два ряда цифръ.

— Вотъ, мой уважаемый собратъ по перу, что̀ я извлекъ изъ этой любопытной книги, сказалъ онъ. — Изъ этихъ цифровыхъ колоннокъ вы увидите, что служеніемъ слову не пренебрегаютъ и избранныя сословія ваши, и это дѣлаетъ имъ великую честь: есть, значитъ, между вами и «князи и бояра», «пастыри и власти» и даже «торговые гости», которые не полѣзли на «гору золотую», не набросились на «рѣку медвяную», не щиплютъ «садовъ-виноградовъ», не пробуютъ «яблонь кудрявыхъ» и не зарылись въ «маннѣ небесной», а остались при словѣ Божіемъ.

На закладномъ листкѣ я прочелъ:

	1) служителей слова:	2) служительницъ слова:	3) всего.
Изъ дворянства потомственнаго	121	32	153
Изъ дворянства личнаго . . .	45	3	48
Изъ мѣщанства и цеховыхъ .	30	3	33
Изъ почетнаго гражданства и купечества	21	1	22
Изъ духовенства	6	1	7
Изъ разночинцевъ	4	1	5
Изъ крестьянства	2	»	2
Изъ военныхъ	1	»	1

— Замѣтьте, однако, мистеръ Д. С...о-М...ь, сказалъ вдругъ англичанинъ:—ка̀къ мало вообще у васъ служительницъ слова, ка̀къ мало женщины принимаютъ участіе въ этомъ служеніи,

хотя оно должно быть, по всѣмъ правамъ, ихъ исключительною и неотъемлемую профессіею. Ихъ, по преимуществу, имѣетъ въ виду прекрасная фабула, которая влагаетъ въ уста Спасителя такія рѣчи.

Не плачьте вы, меньшая братья,
Нищіе люди убоги,
Не тужите, маленьки, безродны!

— Эти «маленьки, безродны»—женщины, которымъ до сихъ поръ нѣтъ мѣста въ общественной работѣ человѣчества. У насъ, въ Англіи, женщины больше служатъ перу, чѣмъ иглѣ. А когда женщина возьметъ перо въ руки, она пересоздастъ міръ. Я этому вѣрю: это — мое глубокое убѣжденіе. Я вполнѣ соглашаюсь съ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ итальянскихъ писателей нашего времени, который утверждаетъ, что итальянскія женщины выше мужчинъ. «Да, друзья мои (говоритъ этотъ даровитый итальянецъ), повѣрьте этому убѣжденію старика, богатаго жизненнымъ опытомъ. Женщины выше насъ по способности самопожертвованія, по преданности, по твердости въ перенесеніи несчастій; онѣ лучше нашего умѣютъ умирать; вообще, онѣ выше насъ въ важныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ Италіи онѣ выше еще потому, что наши мужчины ничего не дѣлаютъ иначе, какъ по вдохновенію женщинъ; возьмите нашу исторію, нашу литературу — и вы увидите, что я правъ. Это служитъ къ чести и похвалѣ женщинъ, но также и къ позору ихъ: въ тѣ вѣка, когда ничего путнаго не совершалось, онѣ предавались апатіи—и мужчины спали. Но какъ скоро онѣ воодушевлялись энергіей, на Аппенинскомъ Полуостровѣ являлись герои и жизнь кипѣла ключемъ». Да, старикъ правъ. Русская женщина начинаетъ шевелить энергію русскаго мужчины—но еще такъ мало: всего 41 перо! Но русская женщина еще учится... Ея время впереди. А когда женщина возьметъ гегемонію въ руки — это будетъ гегемонія не грубой силы, не гегемонія меча, крови и мускула, а гегемонія слова, правды, чистоты, гегемонія сердца, гегемонія нерва, гегемонія лучшихъ отправленій сердца и мозга...

Онъ остановился, замѣтивъ мою улыбку.

— О, не улыбайтесь, мой дорогой другъ! сказалъ онъ искренно: — допустите, по крайней мѣрѣ, гипотезу: если мужчины, до сихъ поръ правившіе міромъ, не умѣли дать этому міру счастья, то его дадутъ женщины, когда роли перемѣнятся, потому что— да потому, наконецъ, что міръ созданъ для счастья и не умѣетъ поймать этой золотой птички, потому что ловитъ ее капканомъ, какъ волка, а не приручаетъ лаской.

— И такъ, вы видите, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—что наибольшій процентъ служенія слову падаетъ на долю «князей и бояръ» — ихъ всѣхъ 153. Это — очень утѣшительное явленіе, какъ его ни объясняйте, мой дорогой другъ. Если приложить къ нимъ «личное дворянство» — «дѣтей боярскихъ», какъ я ихъ назвалъ по вашей древней сословной тер-

минологіи, то всѣхъ «князей и бояръ», отказавшихся отъ «горы золотой», будетъ болѣе 200 изъ 300 всѣхъ служителей слова. Затѣмъ, изъ «посадскихъ людишекъ» болѣе пошло въ служители слова, чѣмъ «изъ торговыхъ гостей», и несравненно болѣе, чѣмъ изъ духовенства. Но что особенно замѣчательно, такъ это — то, что *только одинъ* «воинскій человѣкъ» предпочелъ исключительное питаніе словомъ питанію отъ «горы золотой» и «манны небесной». Попали въ «служители слова» и два лаптя крестьянскихъ. Кто они, эти благородные лапти?

Тутъ я замѣтилъ мистеру Плюмпуддингу, что онъ ошибается, предполагая, будто у насъ въ Петербургѣ *только одинъ* литераторъ изъ военнаго званія. Я указалъ ему на генераловъ Черняева и Ростислава Фадѣева, на полковника—полагаю, что онъ уже полковникъ — Всеволода Крестовскаго и многихъ другихъ, которые также доблестно прилагаютъ къ дѣлу мечъ, какъ и перо.

— Такъ, такъ, дорогой мистеръ Д. С...о-М...ъ: вы хотите сказать объ этихъ благородныхъ воинахъ старымъ девизомъ нѣкоторыхъ рыцарей, тѣхъ собственно, которые были граматны — et ferro, et penna. Но упомянутые вами доблестные воины потому собственно и не попали въ списокъ служителей слова, что они питаются, вѣроятно, больше отъ меча, чѣмъ отъ пера. О лицахъ двойной и тройной профессіи, вообще о личностяхъ съ многостороннею дѣятельностью, въ предисловіи къ разсматриваемой нами книгѣ сказано: «при означеніи въ переписномъ листкѣ двухъ профессій у одного лица, это лицо было относимо въ рубрику главной своей профессіи: напримѣръ, священникъ-законоучитель былъ относимъ къ лицамъ, имѣющимъ профессію священнослуженія, а не къ преподавателямъ; врачъ, состоящій на государственной службѣ — къ медикамъ, а не къ чиновникамъ, и т. д.». Воинъ, слѣдовательно, прилагающій перо къ мечу, а не мечъ къ перу—оставлялся подъ рубрикою меча, а не пера. Вотъ почему въ настоящей книгѣ нашелся одинъ только воинъ, подчинившій мечъ перу... А два лаптя, записавшіеся въ храмъ Аполлона не въ качествѣ полотёровъ, а въ качествѣ жрецовъ— о, милые лапти!—по какому тернистому пути жизни пришлось, вѣроятно, пройти вамъ, чтобы пробраться въ этотъ храмъ слова, всѣ тропинки къ коему усѣяны терновыми колючками отъ смертнаго терноваго вѣнца Того, который былъ самъ «слово!» Еще людямъ въ сапогахъ на двойной подошвѣ эти шипы терновника вредить не могутъ; а вамъ-то, ходящимъ въ мочальномъ лаптѣ или просто босикомъ—вамъ-то чего стоитъ попасть въ храмъ слова!

— Кстати о лаптяхъ, сказалъ *я*, желая собственно обратить вниманіе своего собесѣдника на экономическія стороны, которыя книга невольно задѣвала. — Признаёте ли вы, на основаніи этого изданія, значеніе лаптя въ экономической жизни

Петербурга и значеніе Петербурга въ экономической жизни лаптя?

— Безспорно, признаю, но только не на основаніи этого изданія, отвѣчалъ мистеръ Плюмпуддингъ, перелистывая книгу.

— Почему же? Если васъ заинтересовали двѣ пары лаптей, затесавшихся, какъ вы изволите выражаться русскимъ арго̀, въ храмъ слова, то вы не могли не остановиться надъ фактомъ явленія болѣе 200 тысячъ лаптей въ столицѣ, построенной тамъ, куда русскому лаптю было бы вовсе не слѣдъ ходить...

— О! перебилъ меня мой собесѣдникъ, лукаво улыбаясь: — вы, какъ я вижу, согласны въ этомъ со мною. Мнѣ все почему-то кажется, что цивилизація дала нынѣ задній ходъ. Я имѣю смѣлость утверждать, что лапоть не особенно охотно пойдетъ ни на западъ, ни на сѣверъ, а скорѣе поползетъ на востокъ. Вы изволите помнить, мой дорогой другъ, что историческій путь, по которому до сихъ поръ шло человѣчество, путь, по которому оно несло свою культуру—былъ путь отъ востока къ западу. Ранѣе всего человѣчество помнитъ себя гдѣ-то далеко на востокѣ, тамъ, гдѣ Вильгельмъ Гумбольдъ своимъ чутьемъ филолога искалъ Kawi Sprache, праматерь языка человѣческаго, и гдѣ теперь вашъ даровитый санскритологъ, мистеръ Минаевъ, ищетъ слѣдовъ пра-человѣка. Оттуда утлая лодченка первобытной цивилизаціи поплыла къ западу: въ болѣе позднія времена мы видимъ ее въ Вавилонѣ. Оттуда она двинулась еще западнѣе и побывала почти одновременно въ Финикіи, въ Малой Азіи и въ Египтѣ. Совершивъ извѣстный циклъ развитія въ этихъ странахъ, лодченка цивилизаціи, превратившаяся уже въ корабль, двинулась еще западнѣе—переплыла море и пріютилась въ Аттикѣ. Здѣсь она долго простояла въ Пиреѣ, совершая свои экскурсіи преимущественно къ западу и развозя сѣмена цивилизаціи по островамъ, а потомъ довезла ихъ до Сициліи и Рима. Тутъ опять роздыхъ корабля былъ очень продолжителенъ. Но его все тянуло на западъ—въ Испанію, въ Галлію, а изъ Галліи его потянуло къ намъ, въ Британію, черезъ узкую ленту воды, отдѣляющей континентъ отъ нашего священнаго острова. Но и этого кораблю оказалось мало. Передъ нимъ открывался океанъ—весь водяной западъ—и кораблю захотѣлось посмотрѣть, что̀ тамъ, за этой безконечной водой. И вотъ, Колумбъ, взявъ въ свои умныя руки руль корабля цивилизаціи, привелъ его въ Новый Свѣтъ. Дальше цивилизаціи идти нѣкуда. Она дала уже университетъ Сандвичевымъ Островамъ. Шаръ земной обойденъ ею кругомъ. И вотъ, тутъ-то корабль цивилизаціи, превратившійся уже въ пароходъ и въ локомотивъ-тендеръ, даетъ задній ходъ. То, что̀ было на носу, очутилось на кормѣ: мы со всею Западною Европой и Новымъ Свѣтомъ очутились въ задней части корабля. Лапоть, бывшій сзади всего, очутился впереди—и вотъ вашъ лапоть понесетъ

свою мочальную цивилизацію на востокъ, туда, гдѣ В. Гумбольдъ искалъ праматерь цивилизаціи. Это—теорія закона тріады; это же—и теорія лаптя, теорія культурлапля.

— Дайте мнѣ опомниться, сказалъ я невольно.

Признаюсь, я былъ пораженъ этой парадоксальной неожиданностью, особенно въ устахъ англичанина.

— Но гдѣ же почва для вашей теоріи? спросилъ я:—дайте для нея историческія и экономическія основанія, а иначе я сочту это шуткой.

— Да̀, мой добрый другъ, и теорію Дарвина считали шуткой. И теорія Колумба считалась мономаніей. И ученое упрямство Галилея считалось безумнымъ кощунствомъ. Теорія лаптя—такая же шутка, такая же мономанія, такое же безумное кощунство надъ лаптемъ и надъ цивилизаціей. Но вотъ мои историческія и экономическія основанія. Вы видите, мой дорогой другъ, вотъ по этимъ карточкамъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ, ка̀къ хорошо живется лаптю даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ «богатое» Поволжье. Я не говорю о сѣверѣ и западѣ. Не лучше живется лаптю и въ той полосѣ вашего богатаго отечества, которую знаменитый баронъ Гакстгаузенъ называлъ «житницею всего міра»—я говорю о его «Pontische Landstriche». Но, все-таки, лапоть не лѣзетъ къ центрамъ: его мало и въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ: лапоть, подобно тѣлу газообразному, не повинуется законамъ земнаго или центральнаго тяготѣнія. Онъ дѣйствительно газообразенъ—его вѣчно распираетъ. Онъ уже уперся лбомъ въ Берингковъ Проливъ, въ китайскую стѣну, скоро стукнется лбомъ и объ Гималаи; но и Гималаи не остановятъ его, потому что онъ—*ищетъ корма*. А брюхо—такая пушка, до которой еще и Круппъ не додумался. Вотъ изъ этой почтеннной книги вы видите, что притягательная сила Петербурга едва-едва доходитъ до Нижняго, съ одной стороны, и до Смоленска и Витебска—съ другой; а дальше этихъ пунктовъ лапоть и его брюхо уже не чувствуютъ никакого рабочаго и желудочнаго тяготѣнія къ Петербургу. Да и то это тяготѣніе слишкомъ слабо.

— Изъ чего это вы заключаете, мистеръ Плюмпуддингъ? спросилъ я:—мнѣ кажется, 200 тысячъ крестьянъ въ Петербургѣ, 200 тысячъ лаптей—это большая масса.

— 200 тысячъ лаптей на 400 тысячъ сапоговъ, когда лапти живутъ такъ, ка̀къ о нихъ говорятъ сэръ Одинцовъ, мистеръ Ермоловъ, миссъ Бравина и т. д., и т. д.—воля ваша, а Петербургъ слишкомъ мало имѣетъ въ себѣ магнитныхъ свойствъ для лаптя. Вотъ я, на основаніи этой книги, составилъ себѣ двѣ лѣстницы рабочихъ тяготѣній къ Петербургу: одна лѣстница—*мужичьяго тяготѣнія*, другая—*бабьяго тяготѣнія*. Вглядитесь въ нихъ.

И англичанинъ подалъ мнѣ листъ бумаги, исписанный столбцами цифръ. Вотъ что̀ я прочелъ въ этихъ столбцахъ:

	Мужичье тяготѣніе къ Петербургу.	Бабье тяготѣніе.
Изъ Ярославской Губерніи	. 23,458 мужч.	2,699 бабъ.
» Тверской »	. 23,309 »	5,314 »
» Петербургской »	. 15,098 »	8,366 »
» Костромской »	. 9,501 »	757 »
» Новгородской »	. 5,863 »	1,733 »
» Рязанской »	. 5,139 »	525 »
» Псковской »	. 4,387 »	2,268 »
» Смоленской »	. 4,044 »	1,181 »
» Московской »	. 3,772 »	934 »
» Калужской »	. 3,518 »	610 »
» Архангельской »	. 3,014 »	1,038 »
» Олонецкой »	. 2,688 »	1,036 »
» Витебской »	. 2,509 »	1,453 »
» Вологодской »	. 2,479 »	788 »
» Тульской »	. 1,530 »	385 »
» Владимірской »	. 902 »	194 »
» Нижегородской »	. 566 »	62 »
» Тамбовской »	. 444 »	111 »
» Орловской »	. 135 »	101 »
» *всѣхъ остальныхъ*	. . 2,581 »	1,035 »

Дѣйствительно, цифры рабочаго тяготѣнія къ Петербургу, сравнительно съ массой нуждающихся въ заработкѣ, ничтожны.

— Изволите видѣть, продолжалъ англичанинъ: — что только ярославецъ и тверичъ довольно усердно, да и то оттого, что больше нѣкуда, идутъ въ Питеръ, чтобы кормиться насчетъ столичнаго сапога. Затѣмъ, нитка рабочаго тяготѣнія къ Петербургу все утончается и за Нижнимъ, Тамбовомъ и Орломъ обрывается совсѣмъ. Тамъ начинаются уже другія желудочныя тяготѣнія лаптя—къ Москвѣ, къ Саратову, къ Астрахани; западнѣе и южнѣе—южно-русскій чоботъ тяготѣетъ къ Кіеву, къ Одессѣ, къ южнымъ морямъ. Но точная сила этого тяготѣнія намъ неизвѣстна. Судя по Петербургу, она должна быть ничтожна. Ахъ, да! я вспомнилъ замѣчательный экономическій фактъ, которому вы не повѣрите.

— Какой это фактъ? спросилъ я.

— А вотъ въ чемъ дѣло. Въ нынѣшнюю мою поѣздку въ Лондонъ, я остановился на нѣсколько дней въ Берлинѣ. Проходя разъ мимо бангофа Ostbahn, я остолбенѣлъ отъ удивленія: по улицѣ Берлина шла толпа вашихъ русскихъ мужиковъ, человѣкъ болѣе ста. У каждаго за плечами котомка; у кого топоръ, у кого пила Эти типичныя русыя нечесаныя бороды, эти русыя кудри, которыя чешетъ только буйный вѣтеръ да чужадальня сторона, эти зеленаго цвѣта лица и этотъ лапоть, великій историческій лапоть, проложившій тропу до Берингова Пролива, кормившій Рюрика, Синеуса и Трувора и самъ доселѣ ищущій корма, этотъ священный лапоть, трущій мостовую Бер-

лина—все это охватило меня и перенесло на Волгу, гдѣ «стонъ пѣснью зовется». Я невольно остановился. «Откуда, братцы?» спрашиваю ихъ.—«Издалеча, ваше сіятельство».—«А куда Богъ несетъ?»—«Работы ищемъ». Лапоть работы ищетъ въ Германіи. Берлинская полиція всполошилась. Я уѣхалъ и не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло.

— Правда, сказалъ я:—мнѣ говорили объ этомъ фактѣ и другіе очевидцы. Но онъ ничего не доказываетъ.

— Кàкъ ничего не доказываетъ? Замѣтьте: эти 19 губерній, рабочее населеніе которыхъ своимъ брюхомъ тяготѣетъ къ Петербургу, имѣетъ болѣе 22-хъ милліоновъ душъ, и изъ этихъ 22-хъ милліоновъ менѣе 200 тысячъ мужичьихъ желудковъ идутъ за хлѣбомъ въ Петербургъ. Сколько же такихъ желудковъ въ остальной 83-хъ-милліонной массѣ населенія всей русской земли?

— Думаю, что не мало, отвѣчалъ я:—но эти желудки тяготѣютъ къ своей землѣ, къ своимъ душевымъ надѣламъ.

— Дà, правда, мой дорогой другъ, отвѣчалъ англичанинъ задумчиво.—Но оказывается, вотъ, хоть бы изъ этихъ картинокъ, развѣшанныхъ у меня по стѣнамъ, что душевой надѣлъ, за малыми исключеніями, можетъ кормить мужика только духовною пищею. А всмотрѣлись вы въ бабье тяготѣніе къ Петербургу? вдругъ спросилъ онъ меня.

— Дà, отвѣчалъ я:—я видѣлъ, что въ Петербургѣ первое мѣсто занимаютъ бабы изъ Петербургской Губерніи, а затѣмъ тверитянки, ярославки, псковички и новгородки.

— Совершенно вѣрно, мистеръ Д. С...о-М...ь: я вижу только, что бабы вообще боятся сунуть носъ куда-либо далеко отъ своего роднаго пепелища! Впрочемъ, что̀ я говорю! русская баба ничего не боится; но гдѣ же ей, вѣчно беременной русскимъ народомъ, съ эдакой-то махинищей во чревѣ, дѣлать большіе концы. Вѣдь выносить подъ сердцемъ русскій народъ не легко русской бабѣ, хоть онѣ и выносятъ Микуловъ Селяниновичей и Ильюшекъ-Муромцевъ. Изъ мужиковъ, какъ вы видите, ярославецъ—первый по своей прыткости: онъ уже давно распоряжается въ Питерѣ по трактирамъ и кабакамъ, какъ у себя дома. А изъ бабъ, самая шустрая на видъ — петербургская баба, а потомъ ужь тверитянка. Даже новгородки, праправнучки шустрой Мароы-Посадницы, оказываются довольно робкими бабами: ихъ всего доходитъ до Петербурга съ небольшимъ 1,700 бабъ. Впрочемъ, это—не робость, я думаю, а постоянная беременность русскимъ народомъ, который, кàкъ ни много мретъ въ младенчествѣ, сколько ни ѣдятъ его свиньи, за недостаткомъ ухода, однако, все болѣе и болѣе расползается. Но замѣтили вы, мистеръ Д. С...о-М...ь, еще одну особенность въ бабахъ?

— Какую? спросилъ я.

— А вотъ изволите видѣть: мнѣ кажется, что сѣверныя бабы много поворотливѣе южныхъ. Изъ составленной мною таблички

оказывается, что петербургскія бабы, тверскія, псковскія, архангельскія и олонецкія идутъ въ Петербургъ или въ *половинномъ числѣ* съ мужиками, или даже *больше половины*. Чухонокъ же живетъ въ Петербургѣ больше, чѣмъ чухонъ,—именно: 8,557 первыхъ и 8,233 послѣднихъ. Конечно, сѣвернымъ бабамъ ближе пробраться въ Петербургъ, чѣмъ южнымъ; но вѣдь архангельскія бабы дальше живутъ отъ Петербурга, чѣмъ многія южныя, а все-таки ихъ больше въ Петербургѣ чѣмъ южныхъ; ярославокъ и рязанокъ въ десять разъ меньше въ Петербургѣ, чѣмъ ярославцевъ и рязанцевъ.

— Но, я думаю, это оттого, замѣтилъ я:—что для крестьянокъ сѣверныхъ губерній Петербургъ является самымъ ближайшимъ и потому единственнымъ центромъ рабочаго тяготѣнія, тогда какъ для болѣе южныхъ бабъ есть ближайшіе узлы рабочей тяги, именно—свои губернскіе города и Москва.

— Конечно, это—можетъ быть и такъ, а можетъ быть и не такъ, возразилъ мистеръ Плюмпуддингъ:—все это—еще вопросы науки, и рано ли, поздно ли, а она на нихъ отвѣтитъ. Вопросъ о рабочихъ тяготѣніяхъ въ вашемъ отечествѣ представляетъ предметъ высочайшей важности. Почему, напр., разсматривая профессіи пришлаго въ Петербургъ крестьянскаго населенія, вы находите, что тверичи—почти исключительно сапожники, какъ и тверитянки—башмачницы, и почему они тяготѣютъ къ данному пункту извѣстною рабочею профессіею? Почему они заняты производствомъ издѣлій изъ кожи преимущественнѣе, чѣмъ изъ другого сыраго продукта? На это должна отвѣтить наука, но не гадательно, а собравши всѣ данныя, въ которыхъ выражались бы и прошедшая исторія тверскаго края, и его современныя географическія, климатическія, почвенныя, и вся сумма жизненныхъ экономическихъ условій. Почему костромичъ—не только плотникъ, но и маляръ, столяръ и мёбельщикъ, однимъ словомъ—домовый строитель по преимуществу, но не печникъ, не каменьщикъ?

— А потому, я думаю, что онъ—по преимуществу лѣсной житель. Природа дала ему кусокъ хлѣба въ лѣсѣ, отвѣчалъ я.

— Такъ. Но отчего олончанинъ—не строитель, вологжанинъ—не маляръ и не мёбельщикъ? А у нихъ тоже лѣсъ—главная стихія. Конечно, и я тутъ могу гадать такъ или иначе но наука должна санктировать мои гаданія хиротонисаніемъ ихъ посредствомъ цифръ. Цифра—вотъ знаменіе современнаго человѣчества, а среднія величины на этомъ знамени и будутъ тѣ слова, которыя когда-то на небѣ явились изъ звѣздъ: *hoc vince!* Я могу гадать о костромичѣ такъ, что вотъ-де на подошвѣ каждаго костромскаго лаптя осталась частица исторической пыли: костромичъ—старый, историческій лапоть. Въ костромскомъ краѣ жили когда-то и спасались русскіе цари, царицы и царевны: въ Угличѣ жилъ злополучный царевичъ Димитрій, въ Костромѣ—родоначальникъ дома Романовыхъ и т. д. А гдѣ цари—тамъ были и

*

хоромы царскія. Костромичи дѣлали эти хоромы. Костромичъ прилаживалъ въ царскихъ покояхъ и столы, и лавки, и всякія палатскія и теремныя хитрости. Костромича, слѣдовательно, и исторія могла сдѣлать отчасти плотникомъ, столяромъ, маляромъ. Зато море научило архангельца быть дрягилемъ и артельщикомъ при неизбѣжности торговыхъ сношеній съ иноземцами. Волга научила ярославца быть крючникомъ—и онъ съ крючкомъ является въ Петербургъ, чтобы крючкомъ кормить свое брюхо. Это—преимущественно рыбинецъ. Волга же выковывала великолѣпнѣйшій типъ бурлака-героя, котораго мускулы еще такъ недавно замѣняли и паръ, и стихійныя силы. Чистый ярославецъ—трактирщикъ и лавочникъ до мозга костей. Ярославецъ, въ то же время—лучшій огородникъ въ Петербургѣ. Мнѣ помнится даже, что тотъ «огородникъ», о которомъ вашъ любимый современный поэтъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ симпатичныхъ стихотвореній, тотъ огородникъ, котораго полюбила «боярская дочь»—былъ ярославецъ. Костромичъ—лучшій паркетщикъ; опять, при этомъ, мнѣ вспоминаются и костромскіе лѣса, и хоромы царевича Дмитрія, въ которыхъ костромичи дѣлали паркетные, «штучные» полы и «штучные» столы. За то полотёръ—петербуржецъ по преимуществу: какъ новый поселенецъ корельскихъ болотъ, петербуржецъ наученъ новою исторіею шаркать въ подлежащихъ случаяхъ—и вотъ онъ становится полотёромъ.

— Но замѣтили вы, мистеръ Плюмпуддингъ, сказалъ я, обращая вниманіе на рубрику «трубочисты»:—ни одинъ русскій лапоть не хочетъ, кажется, идти въ трубочисты? Такой промыселъ почему-то представляется ему предосудительнымъ.

— О, да̀, вы правы, мой уважаемый другъ, замѣтилъ въ свою очередь англичанинъ, поглядывая на меня съ улыбкой:—русскій человѣкъ болѣе всего боится быть похожимъ на Мефистофеля въ чорномъ тѣлѣ. Ему все кажется, что трубочистъ похожъ на чорта, который у него и рисуется всегда въ видѣ черномазаго эѳіопа. Въ трубочисты идетъ бѣлобрысый чухонецъ по преимуществу: онъ охотно идетъ, съ одной стороны, потому, что ему хочется хоть временно казаться брюнетомъ, съ другой—потому, что подъ слоемъ сажи, русскій человѣкъ, любящій поскалозубить надъ чухной, не всегда узнаетъ въ немъ потомка бѣлокураго Вейнемейена, героя «Калевалы» и чухонскаго героя вообще.

Перелистывая любопытную книгу, я между 98 и 99 страницами нашелъ особый листочекъ, исписанный рукою мистера Плюмпудинга. На листкѣ стояли два столбца цифръ съ заголовками на верху столбцовъ. Надъ однимъ столбцомъ стояло: *гробовщики*, надъ другимъ: *банкиры*.

Я засмѣялся.

— Надъ чѣмъ вы такъ смѣетесь, мистеръ Д. С...о-М...ъ? спросилъ меня чудакъ-англичанинъ.

— Да вотъ надъ вашимъ сопоставленіемъ банкировъ съ гробовщиками.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного, мой уважаемый другъ, и я не совѣтую вамъ смѣяться надъ этимъ: въ экономической жизни человѣческихъ обществъ эти двѣ профессіи играютъ одну и туже роль: онѣ—родныя сестры. Гробовщикъ даетъ помѣщеніе для такого матеріала, который, при жизни, составлялъ извѣстную цѣнность, какъ капиталъ производительный, приносившій извѣстный процентъ, какъ трудъ, какъ продуктивная сила. Одинъ въ общей экономіи жизни представляетъ собою производительный капиталъ въ видѣ мѣднаго гроша и даже меньше того, хотя самъ владѣетъ капиталами, домами, фабриками и т. п. Валюта такой личности не можетъ быть опредѣлена ни на одной биржѣ, потому что, какъ монета, эта личность «не ходитъ», а, какъ товаръ, она не имѣетъ спроса и только требуетъ расхода на сбереженіе—и сбереженіе отъ порчи и сырости. Другой же субъектъ въ общей экономіи жизни представляетъ собою дѣйствительно производительный капиталъ въ видѣ сотенъ милліоновъ и милліардовъ, хотя самъ за душой не имѣетъ мѣднаго гроша. Положимъ, это будетъ личность, давшая міру примѣненіе силы пара. И вотъ умираетъ и первый субъектъ, и послѣдній, и мѣдный грошъ, и мильярдъ — гробовщикъ обоимъ имъ даетъ такое помѣщеніе, гдѣ валюты того и другого сравниваются до нуля, потому что ни та, ни другая монета больше не ходятъ. Вспомните могильщика, который говорилъ съ Гамлетомъ и который рылъ могилу для Офеліи: онъ не былъ гробовщикомъ, но уже стоялъ близко къ этой профессіи. Однимъ словомъ, гробовщикъ изъемлетъ изъ обращенія такой капиталъ, какъ Офелія, и такой, какъ Фальстафъ, и такой, какъ леди Макбетъ; онъ одинаково изъемлетъ изъ обращенія Шекспира и Безпартошнаго-Волка, Цезаря и капитана Копейкина, Семирамиду и Коробочку. Банкиръ дѣлаетъ тоже, что̀ гробовщикъ: онъ изъемлетъ и мѣдный грошъ, и милліонъ изъ того обращенія, которое каждая величина могла дѣлать, еслибъ была обращена на путь производства, а не на путь биржевой игры, которая равносильна смерти, т. е. отрицанію мускульнаго и умственнаго производительнаго труда. Капиталъ въ рукахъ работника или производителя—это жизнь экономическая; капиталъ въ конторѣ банкира—экономическая смерть. Вотъ почему я приравниваю банкировъ и гробовщиковъ. Замѣчательна въ этомъ случаѣ разумная экономія природы: она равняетъ этихъ дѣятелей даже въ численности, хотя узурпація законами экономической жизни со стороны гробовщиковъ и банкировъ доходитъ до того, что банкировъ въ Петербургѣ оказывается нѣсколько болѣе, чѣмъ ихъ товарищей—гробовщиковъ. А вотъ сословныя отношенія этихъ дѣятелей. Читайте, мистеръ Д. С...о-М...ь, и соображайте.

	Гробовщики.	Банкиры.
Потомственные дворяне.........	—	7
Личные дворяне...............	2	5
Духовнаго званія..............	—	—
Почетные граждане и купцы....	5	91
Мѣщане и цеховые...........	24	15
Военные......................	9	1
Разночинцы....................	3	—
Крестьяне	90	15
Финляндскіе уроженцы.........	5	1
Иностранцы..................	—	19
Всего.....	138	154

Вы не смущайтесь, мистеръ Д. С...о-М...ъ, что и лапти попали въ банкиры: это—просто мѣняла, скопцы, которые справедливо себя оскопляютъ для того, чтобы окончательно доказать, что банкирскій промыселъ такъ же производителенъ въ человѣческой экономіи, какъ и скопчество въ размноженіи рода человѣческаго.

Перелистывая книгу далѣе, я наткнулся на одну закладку, не менѣе странную, какъ и предъидущая. Закладка также представляла два столбца цифръ, а надъ ними надписи: надъ первымъ— *домовладѣніе* (*женское*), надъ вторымъ — *проституція* (*женская же*).

— Это еще что у васъ за выходка, мистеръ Плюмпуддингъ? спросилъ я:—что можетъ быть общаго между «домовладѣніемъ» и «проституціею»?

— Ничего общаго, мой уважаемый другъ, отвѣчалъ англичанинъ серьёзно:—я и поставилъ ихъ, какъ контрасты въ экономической жизни общества, какъ свѣтъ и тѣнь, Астарту и Нирвану. На 2,062 домовладѣлицы, которыхъ выставила добрая Астарта, злая Нирвана выставляетъ 2,084 проститутки. Я радуюсь, я вижу торжество первой, доброй богини: при современномъ экономическомъ строѣ жизни, Нирвана, въ союзѣ съ самою злѣйшею изъ Паркъ—Ананке, могла выставить не 2 тысячи, а 200 тысячъ женщинъ, ищущихъ работы и не находящихъ ея, ищущихъ пріюта, своего собственнаго дома, домашняго очага—и находящихъ его въ домѣ терпимости. Дочери доброй Астарты живутъ въ своихъ собственныхъ домахъ—это ихъ капиталъ—и даютъ въ нихъ пріютъ всякому, кто заплатитъ за помѣщеніе. Бѣдныя дочери злой Нирваны на улицы выносятъ свой капиталъ, свое движимое имущество, пока оно имѣетъ какую-либо цѣну на биржѣ общественнаго темперамента, и также даютъ пріютъ всякому, кто имъ заплатилъ за пріютъ и за... стыдъ.

— Вы говорите—«*бѣдныя* дочери злой Нирваны», возразилъ я:—нѣкоторыя изъ нихъ, какъ вамъ, конечно, извѣстно, очень небѣдны.

— Да, но это доказываетъ только, что тѣ, для которыхъ онѣ служатъ дьячихами Фаллуса, слишкомъ богаты, чтобы этихъ

простыхъ фаллусовыхъ дьячихъ дѣлать богинями Олимпа терпимости. Вглядитесь въ эти столбцы цифръ.

Столбцы изображали слѣдующее:

	Домовладѣніе (женское):	Проституція.
Дворянки потомственныя	711	23
Дворянки личныя	273	33
Женщины духовнаго званія	11	7
Почетныя гражданки и купчихи.	397	25
Мѣщанки и цеховыя	432	761
Военныя женщины	43	461
Разночинки	115	30
Крестьянки	36	486
Финляндки	5	112
Иностранки	39	146
Всего...	2,062	2,084

— Изъ перваго столбца вы видите, почтеннѣйшій Д.С...о.М...ь, что добрая Астарта наиболѣе покровительствуетъ потомственнымъ дворянкамъ, затѣмъ мѣщанкамъ и цеховымъ, потомъ уже почетнымъ гражданамъ и купчихамъ и, наконецъ, личнымъ дворянкамъ. Изъ втораго же столбца вы изволите усмотрѣть, что злая Ананке преслѣдуетъ тѣхъ же мѣщанокъ, которымъ покровительствуетъ Астарта, затѣмъ крестьянокъ, военныхъ женщинъ и даже дворянокъ. Преслѣдуетъ ли она иностранокъ, или иностранки сами ее преслѣдуютъ въ качествѣ пономарихъ и дьячихъ Фаллуса—сказать трудно. Но, безъ сомнѣнія, многія изъ нихъ не по нуждѣ отдаютъ свой наслѣдственный отъ природы капиталецъ въ обращеніе, т. е. попросту покупаютъ на него хлѣбъ и пріютъ, а ведутъ съ помощью этой матери-природы огромную биржевую игру своимъ тѣломъ и, какъ биржевыя акулы, играютъ навѣрняка, не уступая въ кушахъ любому концессіонеру или банкиру. Въ числѣ бѣдныхъ дьячихъ Фаллуса вы видите до 500 крестьянокъ и замѣчаете, что болѣе всѣхъ ихъ даетъ Петербургская Губернія, по закону контрастовъ—гдѣ больше свѣта, тамъ больше и тѣни; какую мостовую въ Римѣ топтала чистая нога Лукреціи, туже мостовую грязнила и Мессалина. Однимъ словомъ, Петербургъ втягиваетъ въ свою пасть 180 крестьянокъ изъ одной Петербургской Губерніи, 94 изъ Новгородской, 50 изъ Тверской, 13 изъ Витебской, 32 изъ Псковской, 22 изъ Ярославской, 15 изъ Архангельской, 33 изъ Смоленской, 12 изъ Вологодской, 11 изъ Олонецкой, 7 изъ Калужской, по 4 изъ Московской, Тамбовской и Тульской, 3 изъ Рязанской и по 2 изъ Владимірской и Костромской. Только родина Козьмы Минина не даетъ пищи петербургскому чудовищу: районъ его рабочаго тяготѣнія въ этомъ случаѣ нѣсколько уже общаго рабочаго района тяготѣнія къ столицѣ. Замѣтьте, мистеръ Д. С...о-М...ь, въ книгѣ этой проститутки названы *рабочими* при хозяевахъ, въ томъ случаѣ, когда онѣ не *одиночки*. Таково рабочее тяготѣніе къ Петербургу...

— А посмотрите на возрасты этихъ *работницъ*, продолжалъ онъ.—Изъ 2,084 проститутокъ находились въ возрастѣ:

14—15 лѣтъ	....	4	ребенка.
16—17 »	....	147	несчастныхъ дѣвочекъ.
18—19 »	....	266	
20—30 »	....	1,106	
30—40 »	....	232	
40—50 »	....	52	
50—60 »	....	8	старухъ!
Болѣе 60 лѣтъ	....	1	дряхлая старуха—

(кто она, несчастная!)

Я сдѣлалъ невольное восклицаніе: «проститутка старѣе шестидесяти лѣтъ! Этого быть не можетъ. Это—не проститутка, а, вѣроятно, содержательница».

— Нѣтъ, мой дорогой другъ, это—не содержательница, не «maman», а сама проститутка. Въ этой книгѣ проституція имѣетъ опредѣленныя рубрики. Изволите видѣть: тутъ особая рубрика — «дома терпимости», и особая — «проститутки». Въ первой рубрикѣ значатся «хозяева» — это содержательницы или содержатели — больше, конечно, первыя; это — «mamans». Потомъ слѣдуютъ «рабочія» — это и есть самый товаръ, которымъ торгуютъ, который «работаетъ». Затѣмъ идетъ «прислуга». Подъ рубрикой же «проститутки» значатся только «одиночки», у которыхъ нѣтъ «maman»—это сиротки. Къ этимъ-то «одиночкамъ» принадлежитъ и та почтенная старушка свыше шестидесяти лѣтъ, которой имя обезсмертила статистика, въ то время, когда исторія имя это пропустила. Но пожалѣемъ старушку, какъ наше строгое британское мнѣніе пожалѣло и пощадило 83-хъ-лѣтняго лорда Пальмерстона, котораго одинъ мужъ обвинялъ въ томъ, что онъ соблазнилъ его молоденькую жену—и перестанемъ говорить объ этомъ предметѣ. Онъ всегда производитъ на меня тяжелое впечатлѣніе, и я готовъ тутъ винить даже то, что̀ не виновато въ современномъ строѣ человѣческаго общества. О, Прудонъ, Прудонъ!

— Что̀ вы такъ трагически восклицаете словно Крезъ на кострѣ: «О, Солонъ, Солонъ!» сказалъ я шутя.

Англичанинъ расхохотался. «Да̀, это правда, сказалъ онъ.— Но только я еще не на кострѣ и вспоминаю Прудона не въ томъ смыслѣ, какъ вспоминалъ Солона Крезъ. Я не могу простить Прудону его бушменскихъ отношеній къ женскому вопросу. Ему слѣдовало бы хорошенько разсмотрѣть цифры однодневной, поименной переписи Парижа, чтобы понять, въ чемъ заключается болѣзнь современнаго французскаго общества, безспорно лучшаго въ мірѣ по нѣкоторымъ симпатичнымъ сторонамъ проявленія французскаго духа, но имѣющаго и болѣе крупныя слабости, чѣмъ слѣдовало бы ожидать отъ французовъ—болѣе даже крупныя, чѣмъ слабости нашего англійскаго общества. Вотъ извольте взглянуть на этотъ листокъ, мой уважаемый другъ.

И мистеръ Плюмпуддингъ подалъ мнѣ листокъ бумаги, на которомъ значилось: *женскій трудъ въ Петербургѣ.*

— Что же это такое? спросилъ я.

— Это я сдѣлалъ выборку изъ той же почтенной книги, чтобы видѣть, въ чемъ заключается *женскій трудъ* петербургскаго населенія и какая доля женскаго населенія этого города приноситъ свою лепту въ общую экономію труда человѣческаго. Вотъ сколько вы находите трудящихся женщинъ:

Личная прислуга	55,203	женщины
Прачки	11,484	»
Портнихи женскаго платья	2,586	»
Занимающіяся бумагопряденіемъ	3,072	»
Содержательницы квартиръ	2,871	»
Бѣлошвейки	2,542	»
Приготовляющія сигары и папиросы	2,091	»
Преподавательницы учебныхъ заведеній	1,780	»
Прислужницы въ казенныхъ и общественныхъ заведеніяхъ	1,087	»
Занимающіяся разносною торговлею	996	»
Башмачницы и сапожницы	963	»
Акушерки и повивальныя бабки	953	»
Поденьщицы	896	»
Рукодѣльницы	536	»
Сидѣлки	517	»
Коровницы и молочницы	435	»
Артистки театровъ	417	»
Директрисы начальныхъ училищъ и содержательницы пенсіоновъ	411	»
Модистки и ихъ швеи	402	»
Дѣлающія клеенку	350	»
Перчаточницы и рукавичницы	345	»
Учительницы музыки и пѣнія	341	»
Шляпницы и шапочницы	322	»
Сестры милосердія	313	»
Воспитательницы и классныя дамы	301	»
Трактирщицы и кофейницы	288	»
Переплетчицы и картонщицы	276	»
Послушницы	216	»
Басонщицы и позументщицы	210	»
Цвѣточницы (искуственныхъ цвѣтовъ)	209	»
Золотошвейки	195	»
Баньщицы	194	»
Компаньонки	185	»
Продавщицы табаку, сигаръ и папиросъ	179	»
Красильщицы	178	»
Рогожницы и мочальщицы	164	»
Кухмистерши	124	»

Содержательницы меблированныхъ комнатъ	119	женщины
Телеграфистки	110	»
Кабачницы	103	»

— Вотъ весь контингентъ работающихъ въ Петербургѣ женщинъ. Согласитесь, что немного на 281,000 наличныхъ женщинъ. Правда, есть еще много женскихъ промысловъ, показанныхъ въ книгѣ переписи, но ни по одной профессіи число работающихъ женщинъ не достигаетъ ста, а все—или нѣсколько десятковъ, или нѣсколько единицъ, какъ напримѣръ, женщины, работающія въ литературѣ. Самая ничтожная цифра работающихъ женщинъ—это въ отдѣлѣ труда самостоятельнаго и наиболѣе доходнаго, который весь захваченъ въ руки мужчинъ; самая же почтенная цифра работающихъ женщинъ—это, какъ вы видите, «личная прислуга», прачки и швеи—обидная историческая миссія женщины, миссія, о которой говорится еще въ «Судѣ Любушки»:

Muźy paszu
Żeny ruby stroju,

миссія, которую безъ ущерба для дѣла могли бы исполнять не женщины, а машины, особенно «рубы строить» (шить рубашки)... Но потому то, что историческою миссіею женщины до сихъ поръ является самый низкій и бездоходный, не обезпечивающій сортъ труда, и притомъ трудъ обидный — потому именно по переписи оказывается, что переписчики нашли 1,760 женщинъ изъ «личной прислуги» *безъ мѣстъ*. Это—уже яркое пятно пролетаріата на экономическомъ плащѣ Петербурга. За этимъ экономическимъ пятномъ слѣдуетъ *плюсъ*—другое пятно: 3,676 женщинъ, «живущихъ пособіемъ частныхъ лицъ», да *плюсъ* 1,557 женщинъ, «живущихъ неопредѣленными средствами», да *плюсъ* 1,495 женщинъ, «призрѣваемыхъ» внѣ богаделенъ, да еще *плюсъ* 4,859 «призрѣваемыхъ въ богадельняхъ», да *плюсъ* 642 кліентки «нищенскаго комитета»—и такихъ плюсовъ наберется не мало. Ясно, что Петербургъ не въ силахъ дать достаточно обезпечивающаго заработка даже для той ничтожной массы населенія, которая буквально тяготѣетъ къ нему желудкомъ и окладнымъ листомъ въ силу его экономическаго притяженія: центръ рабочаго тяготѣнія оказывается, слѣдовательно, безсильнымъ нетолько въ томъ, чтобы притянуть къ себѣ рабочія силы въ бо̀льшихъ, по возможности, размѣрахъ, но и прокормить тѣ, которыя имъ притягиваются. Мало притянуто, но еще меньше накормлено—это ужь изъ рукъ вонъ: это—и малъ золотникъ, и дешевъ, и не сердитъ, и не силенъ. Вотъ почему, я полагаю, что теорія лаптя имѣетъ основаніе. За нее—и историческіе, и экономическіе прецеденты. За нее—и вся сумма жизненныхъ условій вашего отечества, котораго будущее безспорно завиднѣе будущаго моей дорогой, но ослѣпленной историческими традиціями родины: отъ насъ, отъ Англіи, Индія рано или поздно отложится и отложится съ болѣе глубо-

кимъ униженіемъ Англіи, чѣмъ то униженіе, которое она проглотила въ отложеніи отъ нея ея сѣверо-американскихъ колоній; Индія отложится отъ насъ потому, что мы держимъ ее на желѣзномъ мундштукѣ, который въ кровь разрываетъ пасть этой прекрасной, богатѣйшей въ мірѣ страны; Индія отложится отъ насъ потому, что тамъ нѣтъ англійскаго народа, а есть только англійскій красный мундиръ, застегнутый у самаго горла прекрасной Индіи и удушающій ее; Индія отложится отъ Англіи потому, что тамъ нѣтъ лаптя, а есть только британскій жесткій сапогъ со шпорою, которая до крови вонзается въ бока прекрасной страны; Индія отложится отъ насъ потому, что британская піявка, сосущая ея кровь подъ видомъ британской индустріи, сама лопнетъ, напившись этой крови; Индія отложится отъ насъ, какъ отлагается молодое здоровое тѣло отъ струпа, покрывающаго это тѣло, когда соки тѣла оздоровѣли и очистились настолько, чтобы сбросить съ молодого тѣла застарѣлый, присохшій струпъ—англійскую администрацію, подпираемую штыками, численность которыхъ мы увеличиваемъ съ каждымъ бюджетомъ, вносимымъ въ парламентъ. Отложеніе Индіи уже предвидятъ болѣе чуткіе умы Англіи. Джорджъ Мередитъ устами доктора Шрэпнеля уже кричитъ на всю Британію: «Не нужно увеличенія арміи—нѣтъ! Пусть Индія пропадетъ для насъ! Для блага Индіи нужно, говорятъ наши патріоты, чтобы она осталась въ нашихъ рукахъ. Даже допустивъ, что это такъ, это благо не должно быть куплено цѣной лишнихъ налоговъ или обязательной военной службы нашихъ рабочихъ. Если мы владѣемъ Индіей для блага Индіи, то откройте двери ея всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, чтобы они помогли намъ совершить дѣло, которое намъ однимъ не подъ силу. Теперь Индія – причина чудовищнаго развращенія политики Англіи. Спустить Индію по теченію лучше, нежели видѣть всю Англію въ красныхъ мундирахъ... Придетъ время...» Дà, придетъ время, и вашъ русскій, многострадальный, но великій и въ страданіи лапоть наступитъ на Индію, какъ онъ постепенно, исторически наступалъ на южныя степи ваши, подвигаясь къ южнымъ морямъ, какъ онъ наступалъ на Поволожье, на Заволжье, на Зауралье, какъ онъ наступалъ шагъ за шагомъ, лапоть за лаптемъ, на Сибирь, на центральную Азію, на восточное океанійское поморье, все далѣе и далѣе къ востоку, и наступалъ не завоевателемъ, не подъ прикрытіемъ штыка и пушки, не въ мундирѣ, а въ видѣ «несчастненькаго», «преступничка», въ кандалахъ, или въ видѣ бродяги, бѣглаго, отказывающагося и отъ своей прежней родины, и отъ своего имени, даннаго при крещеніи; наступалъ тихонько, потайкомъ, потому что съ родины его не отпускали, а ему хотѣлось достать и «гору золотую», и «рѣку медвяную», съ кисельными берегами», будь это «Яикъ-рѣка», «Дарья-рѣка», «Кубань-рѣка», «Амуръ-рѣка». Вотъ кому достанется и Индія, и вся Азія, весь Востокъ—лаптю, этому генію терпѣнія...

— Позвольте, позвольте, мистеръ Плюмпуддингъ, вы слишкомъ увлеклись вашей теоріей культуры лаптя! возразилъ я. — Положимъ, лапоть и наступитъ впослѣдствіи на всю Азію; но кàкъ вы исходите къ этому заключенію изъ того, что въ Петербургѣ была перепись и...

Онъ не далъ мнѣ договорить. «Дà, дà! перепись Петербурга доказываетъ, что лапоть накроетъ Азію — именно перепись и вотъ эти развѣшанныя по стѣнамъ картинки, сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.—Вы видите: Петербургъ, поставленный подъ стекляннымъ колпакомъ, обнаружилъ, что онъ, какъ центръ рабочаго тяготѣнія, ничтоженъ, безсиленъ; экономическая импотенція его ясна изъ того, что онъ нетолько не въ состояніи дать заработокъ той долѣ госуда̀рственнаго населенія, которая имѣетъ экономическое право на этотъ заработокъ пропорціонально суммѣ народнаго добра, извлекаемой Петербургомъ изъ народной экономіи, какъ государственнымъ центромъ, и съѣдаемой имъ, какъ потребителемъ, но не въ силахъ удовлетворить потребительныя нужды даже той ничтожной части населенія государства, которое естественно тяготѣетъ къ нему, какъ къ своему экономическому центру. Вмѣсто того, чтобы возвращать лаптю хотя 10-й процентъ изъ того, что̀ лапоть даетъ Петербургу въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ приношеній, возвращать, конечно, предоставленіемъ ему заработка—Петербургъ не возвращаетъ ему и $^{1}/_{100}$ процента. Въ томъ же положеніи находится лапоть и по отношенію къ другимъ экономическимъ центрамъ страны. У себя дома, какъ вы видите изъ этихъ развѣшенныхъ по стѣнамъ картинокъ, лапоть въ большинствѣ случаевъ тоже замѣтно протирается. Что̀ же ему остается послѣ этого? Въ Петербургѣ, какъ доказала перепись, онъ не находитъ своего рабочаго, кормёжнаго центра; въ Москву ему тоже тянуться не особенно выгодно. Дома оставаться — это значитъ въ гробъ ложиться и окладнымъ листомъ прикрыться. Въ Европу его не пустятъ нѣмцы. Остается идти въ Азію, за «Дарью-рѣку», за Гималаи, къ намъ въ Индію: тамъ онъ найдетъ и «гору золотую», и «рѣку медовỳю», и «сады-винограды», «яблоки кудрявы» — найдетъ онъ и «манну небесну»...

И будутъ лапотки сыты да и пьяны,
Будутъ они обуты и одѣты,
Будутъ тепломъ да обогрѣты
И отъ темныя ночки пріукрыты...

— А какъ наѣдутъ туда, вслѣдъ за лаптями, «князи и бояра», «пастыри и власти», наѣдутъ «вельможи, люди пребогатые» да «торговые гости»? замѣтилъ я шутя.

Мистеръ Плюмпуддингъ только махнулъ рукой.

Д. С...о-М...ъ.

Weil. La campagne des Russes dans le Khanat de Kokhand. 1 vol. in-8°; prix 1 r.
Piron (Hippolyte). L'ile de Cuba. Santiago. Puerto-Principe-Matanzas. La Havane. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 60 cop.
Charles Rozan. A travers les mots. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Zeller. Histoire d'Allemagne. L'Empire germanique et l'église au moyen âge. 1 vol. in-8°, prix 3 r.
Fromentin. Les maitres d'autrefois. Belgique-Hollande. 1 vol. in-12°; Prix 3 r.
Dupanloup. Où allons-nous? brochure. Prix 50 cop.
Bontemps. Les systèmes télégraphiques, aériens, éléctriques, pneumatiques. 1 vol. in-8°; avec atlas, prix 3 r. 20 cop.
Vidal. Les instruments à archet. Tome premier. Un magnifique volume in-4° orné de planches gravées à l'eau-forte par Frédéric Hillemacher. Prix 20 cop.
Bouchut. Atlas d'ophtalmoscopie médicale. 1 vol in-4° avec 14 planches en chromolithographie. Relié. Prix 14 r.
Pierre Zaccone. Les nuits du boulevard. 2 vol. in-12°; prix 2 r. 40 cop.
Germeau (Georges). Les bonnes fortunes. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Saint-Maxent. Les pays inconnus. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Paul de Musset. Histoires des trois maniaques. 1 vol. in-12°; prix 1 r 40 cop.
Pierre Veron. Les coulisses artistiques. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Monckhoven. Traité pratique de photographie au charbon. 1 vol. in-12°; prix 2 r.
Dussieux. Lettres intimes de Henri IV. 1 vol. in-8°; prix 3 r. 20 cop.
Taphanel (Achille). Le thèâtre de Saint-Cyr. (1689 — 1792) d'après les documents inédits. 1 vol. in-8°; prix 3 r. 20 c.
Clément (Charles). Artistes anciens et modernes. 1 vol. in-12°; prix 1 r 40 cop.
De Saverny (M-me Marie). La femme chez elle et dans le monde. 1 vol. in-12°; prix 2 r.
Recolin. Sermons 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Bougeault. Histoire des littératures étrangères. **Tome troisième**: Littérature italienne, espagnole, portugaise et grecque moderne. 1 vol. in-8°; prix 2 r.
Morin (Frédéric). Politique et philosophie, avec une introduction par Jules Simon. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop
Verbrugge. Les deux singes. Variations philosophiques. 1 vol. in-12° sur papier teinté; prix 1 r. 40 cop.
Sarcey. Comédiens et comédiennes **1-re série**: La Comédie Française. 6-me livraison: Coquelin, avec un très joli portrait à l'eau forte; prix 1 r. (Les premières livraisons contiennent les biographies et portraits de Croizette, Got, Regnier, Sarah Bernhardt, etc).
Galerie contemporaine, littéraire, politique et artistique. Collection de très-beaux portraits photographiés avec biographie. Format in-8°. On paru: Alphonse Daudet, Victor Hugo, Michelet, Gounod, Thiers, Gambetta, Mac-Mahon, Ambroise Thomas, etc.; prix de chacun: 50 cop.

NB. Le port pour l'intérieur sera calculé en sus des prix indiqués selon le tarif de la poste.

нить вамъ по какой причинѣ вашъ пріѣздъ сюда останется безплоднымъ, и почему вы, великій адвокатъ, потеряли даромъ драгоцѣнное время въ бесѣдѣ съ моимъ бѣднымъ другомъ, донной Маріей.

Артуръ былъ слишкомъ занятъ своими мыслями, чтобъ обратить вниманіе на чисто-женскій смыслъ, который донна Долоресъ придала послѣднимъ своимъ словамъ. Въ другое время, онъ непремѣнно это замѣтилъ бы, но теперь молча смотрѣлъ въ окно и терпѣливо поглаживалъ усы.

— Меня руководитъ въ этомъ случаѣ, донъ Артуро, не пустой капризъ, продолжала его странная кліентка:—я—женщина и сирота. Вы знаете мою исторію. Единственный другъ, который у меня былъ на свѣтѣ, оставилъ меня полной владѣтельницей этихъ громадныхъ помѣстій. Выслушайте меня, донъ Артуро, и вы поймете или, по крайней мѣрѣ, извините мое глупое сочувствіе къ людямъ, оспоривающимъ мои правà въ этомъ дѣлѣ. То, чтò случилось съ ними, то-есть съ *ней*, могло случиться и со мною, еслибъ Пресвятая Дѣва не хранила меня.

— Кто это *она?* спросилъ спокойно Артуръ.

— Извините, я совершенно забыла, что вы еще ничего не знаете. Вамъ, конечно, извѣстно, что спорная земля занята человѣкомъ, по имени Гэбріель Конрой, и его женою. Вамъ также извѣстно, что они не имѣютъ никакихъ законныхъ правъ на эту землю, исключая права фактическаго владѣнія. Это послѣднее обстоятельство несправедливо, донъ Артуро.

Пойнсетъ обернулся и взлянулъ на нее съ неподдѣльнымъ удивленіемъ:

— Это — новое обстоятельство, и оно можетъ быть юридически очень важно.

— Можетъ быть, отвѣчала равнодушно донна Долоресъ: — но дѣло не въ этомъ. Докторъ Деваржъ, получившій также законный документъ на владѣніе этой землею, подарилъ его сестрѣ этого Гэбріеля Конроя. Вы понимате?

И донна Долоресъ пристально посмотрѣла на Артура.

— Совершенно, отвѣчалъ онъ, продолжая смотрѣть въ окно:— это обстоятельство объясняетъ занятіе земли Гэбріелемъ. Но жива ли она? А если нѣтъ, то онъ ли ея законный наслѣдникъ? Вотъ въ чемъ вопросъ, и, извините меня, вопросъ чисто-юридическій, а не сантиментальный. Исчезнувшая женщина... его сестра... единственная, законная владѣтельница земли, была ли замужемъ .. имѣла ли ребенка? Вотъ настоящій наслѣдникъ, если таковой былъ.

Молчаніе послѣ этихъ словъ продолжалось такъ долго, что

Артуръ взглянулъ на донну Долоресъ. Повидимому, она подозвала знакомъ старую служанку, которая стояла теперь между нею и Артуромъ. Но черезъ минуту, почтенная дуэнья вышла изъ комнаты и снова оставила ихъ глазъ на глазъ.

— Вы правы, донъ Артуро, сказала донна Долоресъ, закрываясь вѣеромъ:—я вижу, что вашъ совѣтъ мнѣ необходимъ, и то, что̀ я считала глупостью, можетъ быть, получитъ важность и въ дѣловомъ отношеніи. Вы хорошо сдѣлали, что напомнили мнѣ объ этомъ. Мы, женщины, глупы, а вы, мужчины, осторожны и прозорливы. Хорошо, что я за вами послала.

Артуръ молча поклонился и принялъ ту позу терпѣливаго слушателя, которая бѣситъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наполняетъ уваженіемъ всѣхъ кліентовъ, обращающихся къ адвокатамъ.

— Сестра, законная владѣтельница... исчезла. Никто не знаетъ, гдѣ она. Всѣ слѣды ея пропали. Но вотъ является на сцену самозванка, женщина, выдающая себя за сестру Гэбріеля Конроя, Грэсъ.

— Позвольте, сказалъ Артуръ спокойно: — почему вы знаете что она самозванка?

— Почему... я... знаю... что... она... самозванка?

— Да̀, какія у васъ есть на это доказательства?

— Такъ говорятъ.

— А! произнесъ Артуръ и снова принялъ прежнюю позу адвоката, терпѣливо слушающаго своего кліента.

— Вы требуете доказательствъ, продолжала поспѣшно донна Долоресъ:—а развѣ недостаточно факта, что она вышла замужъ за этого Гэбріеля, сестрой котораго она себя называетъ?

— Конечно, это—сильное, нравственное доказательство и можетъ служить юридической, косвенной уликой, отвѣчалъ хладнокровно Артуръ:—но это обстоятельство не можетъ помѣшать ей, съ точки зрѣнія закона, доказать, если это только возможно, что она—его сестра. Но извините, я васъ перебилъ, продолжайте.

— Это — все, что̀ я имѣла вамъ сказать, произнесла донна Долоресъ, приподнимаясь на кушеткѣ и нетерпѣливо махая рукою.

— Въ такомъ случаѣ, насколько я понимаю, дѣло заключается въ слѣдующемъ: вы имѣете законный актъ на владѣніе землею, которой фактически пользуется скватеръ, имѣющій право на эту землю чрезъ свою жену или сестру — юридически, это все равно—въ силу дара отъ доктора Деваржа, имѣвшаго такой же законный, какъ вы, актъ на владѣніе означенной землей.

— Да̀, произнесла донна Долоресъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Такимъ образомъ, все дѣло состоитъ въ спорѣ между ва-

ми и докторомъ Деваржемъ. Это—просто вопросъ о дѣйствительности и законности первоначальныхъ актовъ на владѣніе землей. Все, что̀ вы мнѣ только-что разсказали, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Но позвольте, откуда вы имѣете эти свѣдѣнія?

— Изъ письма.

— Отъ кого?

— Письмо безъ подписи, но анонимный авторъ обязывается доказать всѣ приводимые имъ факты.

— Позвольте мнѣ еще у васъ спросить, если это—не дерзость съ моей стороны, сказалъ Артуръ, вставая съ кресла и самодовольно улыбясь:—на основаніи этого именно письма вы хотите отказаться отъ своихъ правъ на богатое помѣстье?

— Я уже вамъ сказала, донъ Артуро, что это — вопросъ не юридическій, отвѣчала донна Долоресъ, быстрѣе прежняго махая вѣеромъ.

— Хорошо, взглянемъ на дѣло съ нравственной или сантиментальной точки зрѣнія, такъ какъ вы удостоили меня чести спросить моего совѣта. Прежде всего, вы питаете нѣжное сочувствіе къ сиротѣ, которая, повидимому, болѣе не въ живыхъ.

— А ея братъ?

— Онъ сошелся съ самозванкой и женился на ней, чтобъ закрѣпить за собою право на землю. Къ тому же, что̀ намъ доказываетъ тождественность этого брата? Онъ, можетъ быть—также самозванецъ.

— Правда, промолвила донна Долоресъ задумчиво.

— Конечно, ему придется вступить въ борьбу съ наслѣдниками доктора Деваржа, кто бы они ни были; но это до насъ не касается.

— Правда.

— Итакъ, я не вижу никакой причины, даже съ вашей точки зрѣнія, отказываться отъ вашихъ правъ. Сирота, возбудившая ваше сочувствіе, не играетъ въ дѣлѣ активной роли. Вашъ противникъ—только ея братъ, который, повидимому, продалъ изъ личныхъ интересовъ свою родную сестру. Къ тому же, ваше снисхожденіе къ нему, ка̀къ бы оно похвально ни было, не можетъ принести ему ни малѣйшей пользы безъ судебнаго рѣшенія противъ доктора Деваржа. Мой совѣтъ—начните процессъ, Если право не всегда одерживаетъ побѣду, то я по опыту знаю, что оно всегда обнаруживаетъ въ борьбѣ всѣ свои силы и ставитъ на карту все, что̀ можетъ убѣдить въ его справедливости. Иначе, вы согласитесь, нельзя и отличить право отъ безправія.

— Вы говорите очень разумно, донъ Артуро, но вы — законники, часто только адвокаты своихъ клiентовъ, и болѣе ничего. Извините, я нисколько не желаю васъ оскорбить. Но, еслибъ на моемъ мѣстѣ была Грэсъ... его сестра... то что̀ бы вы ей посовѣтовали?

— То же самое. Я сказалъ бы ей: боритесь и сдѣлалъ бы все, что̀ только возможно, для опроверженiя вашихъ правъ. Поймите меня: вся борьба заключается въ этомъ вопросѣ; а кто жена, кто сестра—совершенно побочное обстоятельство. Но почему до сихъ поръ Гэбрiель не выправилъ новаго патента на свою землю? Объясняетъ ли ваше анонимное письмо этотъ фактъ, говорящiй въ нашу пользу?

— Вы забываете, что *нашъ* документъ найденъ только недавно.

— Правда! Слѣдовательно, оба акта имѣли почти равную силу *ab initio*, и отсутствiе законнаго наслѣдника противной стороны дастъ намъ большое преимущество.

— Отчего?

— Оттого, что въ сердцахъ присяжныхъ всегда кроется тайное сочувствiе къ хорошенькой сиротѣ, особливо, если она бѣдная.

— А почему вы знаете, что она хорошенькая? спросила поспѣшно донна Долоресъ.

— Я предполагаю, это — неотъемлемое преимущество всякой сироты, отвѣчалъ онъ съ учтивымъ, но холоднымъ поклономъ.

— Вы—мудрецъ, донъ Артуро, дай Богъ, вамъ жить тысячу лѣтъ.

Теперь нельзя было не замѣтить иронiи въ словахъ и тонѣ донны Долоресъ. Всѣ инстинкты, побуждавшiе всегда Артура къ борьбѣ, проснулись въ немъ. Таинственная сила ея красоты, которой онъ не могъ не признать, ея гордый тонъ превосходства надъ нимъ—происходилъ ли онъ отъ сознанiя своей силы, или отъ знакомства съ его прежней исторiей — все затрогивало его самолюбiе. Онъ вспомнилъ, что донна Долоресъ пользовалась репутацiей набожной и строго нравственной женщины. Еслибъ его открыто упрекнули въ томъ, что онъ бросилъ Грэсъ и составилъ планъ, хотя еще очень смутный, о бракѣ съ мистрисъ Сепульвидой, то онъ холодно призналъ бы справедливость того и другого и не сталъ бы себя оправдывать никакими аргументами. Онъ зналъ, что этимъ путемъ потерялъ бы уваженiе донны Долоресъ, всѣ достоинства которой онъ вполнѣ оцѣнилъ въ послѣднiя минуты, но, по странной сложности своей натуры, онъ самъ

былъ бы въ глубинѣ своей совѣсти доволенъ этимъ поступкомъ и похвалилъ бы себя за «вѣрность своимъ принципамъ». Въ нѣкоторомъ отношеніи, онъ, дѣйствительно, былъ бы правъ.

— Какъ же вы рѣшаете? спросилъ онъ, почтительно вставая передъ своей прелестной кліенткой:—слѣдуетъ мнѣ начать дѣло противъ этихъ людей съ цѣлью лишить ихъ собственности, или вы оставите ихъ пока спокойно владѣть землею?

— А *вы* какъ полагаете? спросила донна Долоресъ, не спуская съ него глазъ.

— Я уже высказалъ свое мнѣніе, отвѣчалъ Артуръ съ терпѣливой улыбкой:—съ нравственной и юридической точекъ зрѣнія, я вамъ совѣтую начать процессъ.

Донна Долоресъ отвернулась съ явнымъ неудовольствіемъ.

— *Bueno*, сказала она послѣ минутнаго молчанія:—увидимъ, нѣчего торопиться. Сядьте, донъ Артуръ. Что это? Неужели вы откажетесь отъ нашего гостепріимства и не останетесь до завтра?

— Очень сожалѣю, но мнѣ необходимо возвратиться сегодня въ миссіонерную станцію, отвѣчалъ серьёзно Артуръ:—я уже и то промедлилъ слишкомъ долго; меня ждутъ завтра въ Сан-Франциско.

— Пусть ждутъ. Вы напишите, что васъ задержали здѣсь важныя дѣла, а Дьего тотчасъ поскачетъ на моей лошади на берегъ, такъ что застанетъ вечерній пароходъ и завтра будетъ въ Сан-Франциско.

Прежде, чѣмъ Артуръ успѣлъ ее остановить, она позвонила въ бронзовый колокольчикъ, стоявшій подлѣ нея на столѣ.

— Однако, донна Долоресъ, началъ было Артуръ, но она его перебила:

— Понимаю. Дьего, продолжала она, обращаясь къ вошедшему слугѣ:—осѣдлайте немедленно Джовиту, приготовьтесь въ дорогу и вернитесь сюда. Извините, прибавила она, смотря пристально на Артура:—вы хотѣли сказать, что время вамъ дорого, что, по милости вашего отсутствія, пропадетъ большая сумма. Хорошо. Напишите вашимъ компаньонамъ, что я заплачу за все, что никто на свѣтѣ не можетъ заплатить такихъ денегъ, какъ я, за ваши услуги. Напишите, однимъ словомъ, что вы должны здѣсь остаться.

Эти слова, конечно, разсердили и оскорбили Артура, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ взглянулъ на свою странную кліентку съ какимъ-то почтительнымъ восторгомъ. Повелительный тонъ, деспотическая власть надъ сотней слугъ и полуварварское презрѣніе къ богатству удивительно шли къ ея очаровательной фигурѣ.

Отъ нетерпѣливаго желанія поставить на своемъ она вся вспыхнула, кровь заиграла подъ ея темной кожей, ея маленькая ножка лихорадочно стучала объ полъ, а глаза пламенно горѣли въ полумракѣ. Вдругъ она перемѣнила тонъ и промолвила нерѣшительно:

— Извините, я сказала глупость. Простите меня, донъ Артуро. Я—избалованная женщина; впродолженіи пяти лѣтъ, мнѣ ни въ чемъ никто не перечилъ, и я легко забываю, что есть свѣтъ внѣ моего маленькаго царства. Уѣзжайте, если это необходимо, уѣзжайте сейчасъ.

Она откинулась на спинку кушетки, полузакрыла лицо вѣеромъ и томно опустила свои длинныя рѣсницы.

Артуръ съ минуту колебался, но только съ минуту.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, сказалъ онъ:—за возможность исполнить свой долгъ и не лишиться большаго удовольствія. Если вашъ слуга—человѣкъ надежный и быстро исполнитъ это порученіе, то я остаюсь.

Она взглянула ему прямо въ глаза и неожиданно улыбнулась. Эта улыбка была, очевидно, рѣдкостью для ея гордаго, маленькаго ротика и черныхъ задумчивыхъ глазъ; она обнаруживала удивительный рядъ бѣлыхъ блестящихъ зубковъ и даже послѣ ея исчезновенія оставляла радостный слѣдъ въ очаровательныхъ ямочкахъ на темныхъ щекахъ и въ влажной мглѣ, застилавшей ея глаза. При видѣ этой улыбки, Артуръ почувствовалъ, что вся кровь прилила къ его лицу.

— Въ сосѣдней комнатѣ вы найдете всѣ письменныя принадлежности, сказала донна Долоресъ:—Дьего придетъ къ вамъ туда за приказаніями. До свиданія; мы вскорѣ съ вами опять увидимся. Благодарю васъ.

И она протянула ему маленькую бронзоваго цвѣта ручку. Артуръ на секунду впился въ нее глазами, поклонился и вышелъ изъ комнаты въ сильномъ волненіи.

Не успѣла дверь затвориться за нимъ, какъ донна Долоресъ, откинувшись на спинку кушетки, промолвила въ полголоса:

— Мануела!

Старуха вбѣжала въ комнату и съ безпокойствомъ поспѣшила къ кушеткѣ. Но было уже поздно: ея госпожа лежала безъ чувствъ.

XXI.

Страница прошедшаго.

Въ письмѣ къ своимъ компаньонамъ Артуръ объяснилъ вкратцѣ причину, по которой онъ не могъ вернуться въ Сан-Франциско, и окончилъ его словами:

«Поищите въ архивахъ, нѣтъ ли какого-нибудь документа, по которому докторъ Деваржъ отчудилъ свои права на означенную землю».

Не успѣлъ онъ написать послѣдняго слова, какъ въ комнату вошелъ Дьего. Отправивъ его, Артуръ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія донны Долоресъ. Но къ величайшему его сожалѣнію, вмѣсто нея, въ дверяхъ показался торжественный майордомъ, очень живо напоминавшій командора въ Дон - Жуанѣ, и молча провелъ молодого человѣка въ приготовленную для него комнату. Согласно правиламъ испанско-калифорнской архитектуры, избѣгающей, главнымъ образомъ, солнечныхъ лучей, она была длинная, низенькая и полутемная; два окна съ рѣшетками по обѣ стороны двери выходили въ корридоръ и во внутренній дворъ; въ противоположной стѣнѣ было только маленькое овальное отверстіе съ глубокой амбразурой, чрезъ которое виднѣлась обширная солнцемъ залитая равнина. Жесткій, однообразный, палящій свѣтъ почти не проникалъ въ эту уединенную, мрачную, монашескую келью, гдѣ не слышно было даже завыванія вѣтра, постоянно гудѣвшаго извнѣ.

Но роскошное, испанское убранство этой комнаты представляло странный контрастъ съ ея аскетическимъ характеромъ. Въ нишѣ, украшенной занавѣсками, стояла громадная кровать краснаго дерева съ блестящимъ, желтымъ атласнымъ одѣяломъ, вышитымъ краснымъ шелкомъ. Простыни и прокрывала подушекъ были обшиты широкими, дорогими кружевами. Передъ кроватью и большимъ покойнымъ кресломъ лежали на темномъ, деревянномъ полу толстые, пестрые ковры, а передъ большой печью виднѣлась громадная медвѣжья шкура. На стѣнѣ висѣло распятіе изъ слоновой кости и золота, а подъ нимъ нѣсколько современныхъ картинъ и изображеній католическихъ святыхъ. Артуру показалось очень страннымъ, что всѣ современныя картины изображали зимніе снѣжные пейзажи: пріютъ св. Бернарда, горный проходъ въ австрійскомъ Тиролѣ, русскую степь, норвежскую равнину и т. д. Смотря на нихъ, Артуру сдѣлалось какъ бы холодно, а ма-

ленькая акварельная картинка, на которой представленъ былъ одинокій, альпійскій цвѣтокъ его сильно поразилъ, словно онъ его когда-то видѣлъ.

Передъ обѣдомъ, донна Долоресъ прислала сказать, что она, по болѣзни, не выйдетъ въ столовую, а ея представителемъ явился двоюродный братъ донъ Хозе Сальватьера. Обѣдъ прошелъ въ торжественномъ молчаніи, и Артуръ, разочаровавшись въ своемъ ожиданіи увидѣть снова донну Долоресъ, смотрѣлъ съ ожесточеніемъ на своего собутыльника, который только изрѣдка произносилъ нѣсколько словъ, критически относясь къ давно прошедшимъ событіямъ. Послѣ десерта, Артуръ выкурилъ сигару въ галлереѣ и, не слыша ничего о доннѣ Долоресъ, сталъ внутренно упрекать себя за принятіе ея приглашенія. Онъ уже обдумывалъ, какъ удалиться немедленно изъ дома и даже посѣтить мистрисъ Сепульвиду, какъ къ нему подошла Мануела и объявила, что ея госпожа проситъ дона Артура пожаловать къ ней.

Онъ почувствовалъ, что щеки его покрылись румянцемъ и что, въ настоящую минуту, его совѣтъ по юридическимъ вопросамъ не можетъ отличаться хладнокровіемъ и благоразуміемъ, но все же, молча кивнувъ головой, послѣдовалъ за старой индіанкой. Они вошли въ ту самую комнату, гдѣ онъ впервые увидалъ донну Долоресъ. Она лежала на той же кушеткѣ и въ той же позѣ, словно она цѣлый день не перемѣнила своего положенія. Почтительно подходя къ ней, онъ вполнѣ сознавалъ таинственную, чарующую силу ея черныхъ глазъ, которые какъ бы насильно приковывали его къ себѣ.

— Вы будете презирать меня донъ Артуро, сказала она: — за мою слабость и лѣнь. Ваши соотечественницы—такія сильныя, дѣятельныя женщины, но я была больна и еще не оправилась. Впрочемъ, я къ этому привыкла. Цѣлыми днями я лежала здѣсь, ничего не дѣлая, въ безполезномъ ожиданіи. Право, донъ Артуро, это скучно, томительно.

Ея голосъ былъ такъ нѣженъ, такъ жалостливъ, что Артуръ не осмѣлился поднять на нее глазъ, хотя былъ увѣренъ, что она не спускала съ него взгляда. Изъ чувства самосохраненія, онъ устремилъ свои взоры на ея вѣеръ.

— Такъ вы много болѣли, донна Долоресъ? спросилъ онъ.

— Я много страдала, донъ Артуро.

— Пробовали вы когда-нибудь развлечься перемѣной мѣстопребыванія и образа жизни? Ваше богатство и независимое положеніе даютъ вамъ къ этому всѣ средства.

Онъ обращалъ эти слова къ вѣеру, но этотъ вѣеръ, словно наэлектризованный его взорами, пришелъ въ движеніе, заколе-

бался и, наконецъ, совершенно сложилъ крылья. Артуръ очутился въ безпомощномъ положеніи.

— Быть можетъ, вы правы, промолвила донна Долоресъ: — кто знаетъ?

Послѣ этого она замолчала и знакомъ попросила старую индіанку выйдти изъ комнаты. Та немедленно повиновалась.

— Я должна вамъ кое-что сказать, донъ Артуро, продолжала она: — мнѣ слѣдовало это сдѣлать еще утромъ, но и теперь непоздно. Повѣрьте, что если я въ чемъ сомнѣвалась, то въ своемъ правѣ открыть эту тайну, а не въ вашемъ благородствѣ, донъ Артуро.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, но теперь она, въ свою очередь, избѣгала его взгляда и опустила свои длинныя рѣсницы.

— Пять лѣтъ тому назадъ, еще про жизни моего отца, упокой его Господи! къ намъ въ *presidio* Сан-Херонимо явилась молодая безпомощная дѣвушка, американка. Она разсказала моему отцу, что спаслась въ снѣжныхъ горахъ, гдѣ ея родственники и друзья умирали съ голода. Этотъ разсказъ былъ вѣроятный, не правда ли?

Артуръ молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Но, повидимому, она назвалась не своимъ настоящимъ именемъ. Мой отецъ послалъ ранѣе экспедицію для спасенія этихъ несчастныхъ, и изъ ея отчета оказалось, что молодая дѣвушка, подъ именемъ которой явилась къ намъ незнакомка, находилась въ числѣ мертвыхъ. Это имя было Грэсъ Конрой.

Ни одинъ мускулъ въ лицѣ Артура не дрогнулъ, и онъ продолжалъ пристально смотрѣть на опущенныя рѣсницы донны Долоресъ.

— Дѣло было очень серьёзное, тѣмъ болѣе, что молодая дѣвушка сначала назвала себя Грэсъ Ашлей, а потомъ объяснила, что приняла фамилію молодого человѣка, который помогъ ей спастись отъ голодной смерти и неправильно выдавала себя за его сестру. Мой отецъ былъ хорошій, добрый, святой человѣкъ; онъ не сталъ разбирать, кто она—Грэсъ Ашлей или Грэсъ Конрой; для него было достаточно, что она несчастна и безпомощна. Вопреки совѣту своихъ подчиненныхъ, онъ принялъ ее въ свой домъ, въ лоно своего семейства, отвелъ ей уголокъ въ своемъ сердцѣ. Полгода она ждала своего брата или Филиппа Ашлея, но ни тотъ, ни другой не явились. Наконецъ, она занемогла... у нея родился ребенокъ... но почти въ ту же минуту онъ умеръ, а вслѣдъ затѣмъ умерла и мать. Вы понимаете, донъ Артуро? они оба умерли на моихъ рукахъ!

— Какое несчастье! произнесъ поспѣшно Артуръ: — я убѣжденъ, что эта таинственная незнакомка была настоящая Грэсъ Конрой.

Донна Долоресъ взглянула съ изумленіемъ на Артура.

— Почему вы такъ думаете? спросила она.

— Потому что дознаніе о сомоличности труповъ было произведено экспедиціей очень поспѣшно и неправильно.

— Откуда вы это знаете?

Артуръ всталъ и приблизилъ свое кресло къ кушеткѣ.

— Вы удостоили меня чести довѣрить мнѣ важную тайну, произнесъ онъ:—позвольте и мнѣ, въ свою очередь, довѣрить вамъ другую тайну, не менѣе важную. Я знаю, что опредѣленіе самоличности труповъ было не вѣрное, потому что я самъ при этомъ присутствовалъ. Въ отчетѣ экспедиціи вы можете найти, если еще не нашли, имя поручика Артура Пойнсета. Это—я.

Донна Долоресъ присѣла на кушеткѣ.

— Отчего вы прежде мнѣ этого не сказали?

— Во-первыхъ, я думалъ, что вамъ это извѣстно, а во-вторыхъ, я не полагалъ, чтобы вы знали о тождественности Артура Пойнсета и Филиппа Ашлея.

— Я васъ не понимаю, сказала донна Долоресъ тихимъ, но металлическимъ голосомъ.

— Я—поручикъ Артуръ Пойнсетъ, нѣкогда служившій въ американской арміи и, подъ вымышленнымъ именемъ Филиппа Ашлея, я бѣжалъ съ Грэсъ Конрой изъ Голодающаго Стана. Я потомъ ее бросилъ, я—отецъ ея ребенка.

Входя въ эту комнату, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія открыть свою тайну, и его побудило къ тому странная особенность его натуры. Но теперь, обнаруживъ свое прошедшее, онъ не чувствовалъ стыда и не безпокоился о послѣдствіяхъ своей исповѣди, а гордо, самодовольно откинулся на спинку своего кресла. Еслибъ онъ сознался въ самомъ благородномъ поступкѣ, то не могъ бы быть спокойнѣе, самонадѣяннѣе. Болѣе того: во всей его фигурѣ виднѣлось какое-то оскорбленное достоинство, и прежде, чѣмъ, пораженная изумленіемъ донна Долоресъ, могла произнести одно слово, онъ всталъ и торжественно произнесъ:

— Вы теперь можете оцѣнить: достоинъ ли я вашего довѣрія и могу ли въ этомъ дѣлѣ оказать вамъ помощь? Что касается до меня, донна Долоресъ, то я готовъ быть свидѣтелемъ для признанія самоличности настоящей Грэсъ Конрой или вашимъ адвокатомъ, или тѣмъ и другимъ. Когда вы рѣшите, какъ

поступить, то передайте мнѣ ваши приказанія или отпустите меня. До тѣхъ поръ—*adios*.

Онъ поклонился и величественно вышелъ изъ комнаты. Когда донна Долоресъ подняла голову, то онъ уже исчезъ за дверью.

Возвратясь въ свою комнату, самонадѣянный молодой человѣкъ былъ въ нѣкоторой степени очень доволенъ своимъ поступкомъ, даже, если можно такъ выразиться, гордился имъ съ нравственной точки зрѣнія. Вообще, онъ находился въ лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ впродолженіи всего дня съ минуты своего пріѣзда. Изъ своей комнаты онъ вышелъ на галлерею, и, еслибъ лошадь его была осѣдлана, то онъ проѣхался бы верхомъ по равнинѣ для моціона, но теперь была послѣобѣденная *siesta*, и на дворѣ онъ никого не встрѣтилъ. Онъ направился къ воротамъ и съ завистью посмотрѣлъ на обширную равнину, въ которой на свободѣ гудѣлъ вѣтеръ. Онъ не могъ спокойно оставаться на мѣстѣ и потому рѣшилъ предпринять прогулку пѣшкомъ, но, обернувшись къ дому, остановился въ нерѣшительности, такъ какъ отворилась дверь въ отдаленномъ его концѣ, и онъ подумалъ, не требуетъ ли его снова донна Долоресъ; черезъ минуту, однако, онъ махнулъ рукой и поспѣшными шагами пошелъ за ограду.

XXII.

Быки св. Троицы.

Безпредѣльная свобода громадной пустыни, яркій блескъ знойныхъ, солнечныхъ лучей и возбуждающее дѣйствіе сильнаго вѣтра, заставлявшаго напрягать мускулы, такъ благодѣтельно подѣйствовали на Артура, что, черезъ нѣсколько минутъ, онъ сбросилъ съ себя бремя таинственныхъ чаръ, опутавшихъ его въ ранчѣ св. Троицы, и поставилъ между собою и мрачными ея башнями значительное, матеріальное пространство. Окружающая его мѣстность, дотолѣ казавшаяся унылой, однообразной и безсмысленной, теперь получила въ его глазахъ глубокое значеніе; въ отдаленныхъ, невысокихъ, съ круглыми вершинами горахъ, какъ бы выросшихъ изъ земли изъ пламеннаго дыханія давно умершаго вулкана, онъ видѣлъ первообразъ архитектуры миссіонерныхъ зданій. Въ безграничной, ровной пустыни онъ призналъ олицетвореніе спокойной, мирной жизни, наложившей свою печать на серьёзныхъ, терпѣливыхъ обитателей этой мѣстности. Въ сильномъ, безпокойномъ вѣтрѣ, такъ часто свирѣпствовавшемъ,

что вся растительность, за исключеніемъ нѣсколькихъ чахлыхъ ивъ на берегу высохшаго потока, скрывалась въ ущельяхъ и защищенныхъ горными скатами уголкахъ, онъ видѣлъ изображеніе своей безпокойной расы и не удивлялся, что пришельцамъ мѣстная жизнь представлялась только безплодной, мрачной, пустынной. «Вѣроятно, думалъ онъ:—гдѣ нибудь въ ущельяхъ нравственной натуры туземцевъ процвѣтаетъ роскошная флора, которую мы никогда не увидимъ. Можетъ быть, и донна»... Но тутъ онъ съ сердцемъ прервалъ нить своихъ мыслей, недовольный и, надо сознаться, немного испуганный упорствомъ, съ которымъ донна Долоресъ примѣшивалась ко всѣмъ его чувствамъ и мыслямъ.

Впрочемъ, и нѣчто другое заставило его на время забыть о ней. Идя быстрыми шагами по равнинѣ, онъ замѣтилъ, какъ случайную, но нисколько несущественную черту унылаго пейзажа, громадныя стада, медленно двигавшіяся безо всякой видимой цѣли. Но теперь онъ, мало по малу, началъ сознавать, что эти стада не двигались безцѣльно туда и сюда, но, повинуясь опредѣленному закону притяженія тѣлъ, стягивались отовсюду къ одной опредѣленной цѣли. И этой цѣлью былъ онъ!

Куда онъ ни смотрѣлъ, впередъ, назадъ, по сторонамъ, на сѣверъ, югъ, западъ или востокъ, на обнаженныя вершины горъ, на мрачные ихъ скаты, по сю и по ту сторону высохшаго потока, медленно сходившіеся ряды живыхъ существъ подвигались къ одному фокусу—къ нему. Хотя онъ шелъ быстро, но, казалось, представлялъ одну неизмѣнную, неподвижную точку въ безпредѣльной пустынѣ, которая какъ бы ожила, заколебалась и пришла въ движеніе. Все, что возвышалось надъ ея мертвой, обнаженной поверхностью, медленно, инстинктивно, неудержимо влеклось къ одному общему центру—къ нему. Одинъ, вдали отъ всякой человѣческой помощи, онъ былъ безсознательнымъ ядромъ отовсюду собиравшейся безпредѣльной, могучей силы.

Сначала это зрѣлище показалось ему забавнымъ, потомъ живописнымъ, далѣе серьёзнымъ, вызывающимъ на практическія соображенія, и, наконецъ... но, съ непреложнымъ инстинктомъ сильной воли онъ не далъ себѣ времени почувствовать страхъ, который могъ бы парализировать его физическія силы и, остановившись, обернулся назадъ. Ранча св. Троицы исчезла! Провалилась ли она сквозь землю, или онъ сбился съ пути? Ни то, ни другое: онъ просто перешелъ черезъ небольшое возвышеніе въ равнинѣ близь скотнаго двора и находился уже въ двухъ миляхъ разстоянія отъ ранчи.

Но не это одно обстоятельство изумило его: обернувшись,

чтобъ идти назадъ въ ранчу, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ сотней быковъ, отстоявшихъ отъ него не болѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ. Они также остановились и, какъ бы повинуясь его таинственной силѣ, повернули назадъ; за первымъ рядомъ послѣдовалъ второй, третій, и, наконецъ, вся живая масса повторила это движеніе какъ бы по военной командѣ. Успокоившись отъ минутнаго, не успѣвшаго принять опредѣленную форму страха, Артуръ прибавилъ шагу; ближайшій къ нему быкъ пошелъ тогда маленькой рысцой, и съ той же математическою вѣрностью послѣдовала его примѣру вся громада, начавшая извиваться по равнинѣ, какъ волны на океанѣ. Такимъ образомъ, онъ перешелъ черезъ русло засохшаго потока и оставилъ за собою скотный дворъ; наконецъ, облака пыли, поднимаемыя копытами двигавшихся впереди стадъ, заставили его остановиться. Позади раздавался глухой шумъ, какъ бы отъ землетрясенія; Артуръ невольно обернулся. Въ двадцати шагахъ за нимъ, виднѣлся первый валъ другого бушующаго моря роговъ и волнистыхъ спинъ. Онъ забылъ, что былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Ближайшіе отъ него быки находились такъ недалеко, что онъ могъ ихъ разсмотрѣть по одиночкѣ. Это не были большія, могучія, дикія, озлобленныя животныя; напротивъ, худыя, изнуренныя, привыкшія къ голоду и продолжительнымъ засухамъ, они выражали въ своихъ выпученныхъ глазахъ только удивленіе и любопытство. Когда же онъ съ громкимъ крикомъ побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу, то они, въ ту же минуту, повернули фронтъ и быстро ретировались. Но его побѣда была только минутная; обернувшись снова, чтобъ продолжать путь къ ранчѣ, онъ увидалъ передъ собою массу роговъ прежнихъ его противниковъ, которые, воспользовавшись диверсіей арьергарда, вновь произвели наступленіе.

Съ своей обычной быстротою и присутствіемъ духа, Артуръ сразу понялъ всю безвыходность своего положенія. Неминуемая смерть была только вопросомъ времени. Могъ ли онъ успѣть достигнуть ранчи? Нѣтъ. Могъ ли онъ добраться до скотнаго двора? Можетъ быть. Между нимъ и этой послѣдней цѣлью находилось болѣе тысячи головъ скота. Станутъ ли они отступать по мѣрѣ его наступленія? По всей вѣроятности. Но настигнетъ ли его живая масса, шедшая по пятамъ?

На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ фактически и, вынувъ изъ кармана единственное орудіе самосохраненія, бывшее при немъ, маленькій пистолетъ, онъ выстрѣлилъ въ ближайшаго быка. Пуля попала въ плечо животнаго, и оно грохнулось на колѣни. Какъ

ожидалъ Артуръ, другіе быки первой шеренги остановились и стали обнюхивать своего раненнаго товарища. Но Артуръ не предвидѣлъ, что масса, напиравшая сзади, опрокинетъ несчастное животное и растопчетъ его подъ ногами въ своемъ поспѣшномъ движеніи впередъ. Мгновенно сообразивъ, что такова будетъ и его участь, Артуръ обернулся къ скотному двору и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Онъ вполнѣ сознавалъ, что это дѣйствіе только ускоряло неизбѣжную катастрофу, но онъ не могъ придумать ничего лучшаго. Онъ чувствовалъ, по сотрясенію земли, что за нимъ слѣдовала вся масса его враговъ и видѣлъ, что передній ихъ отрядъ ретировался съ такою же быстротою. Въ эту критическую минуту, онъ думалъ только объ ожидавшей его страшной судьбѣ, и эта мысль удесятеряла его силы. Я уже старался дать понять читателю, что Артуръ не былъ подверженъ той физической слабости, которую называютъ трусостью. Для защиты того, что онъ считалъ истиной въ интересахъ своего самолюбія или въ минуту страсти, онъ встрѣтилъ бы смерть мужественно и спокойно. Но сдѣлаться жертвой случайности, безо всякой причины или цѣли, своей смертью ничего не доказать, ничего не достигнуть, умереть подъ ногами глупыхъ животныхъ, которыя дѣйствовали даже не въ пылу злобы или мести, было такъ нелѣпо такъ дико смѣшно, что этотъ гордый, самонадѣянный, умственно развитой человѣкъ поддался чувству всепожирающаго страха и бѣжалъ отъ опасности, какъ самый низкій трусъ. Къ тому же, въ головѣ его блеснула суевѣрная мысль: не была ли эта роковая смерть достойной карой за нѣчто, о чемъ онъ теперь и помыслить не смѣлъ?

При этой мысли, силы неожиданно стали ему измѣнять. Въ глазахъ у него помутилось, дыханіе сперлось, ноги задрожали. Ему казалось, что среди глухаго шума тысячи копытъ, несшихся за нимъ, слышался женскій голосъ. Онъ подумалъ, что сходитъ съ ума, громко вскрикнулъ и упалъ, потомъ вскочилъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и снова грохнулся на землю. Все было кончено! Онъ сознавалъ только, что ѣдкая пыль наполняла его ротъ и глаза, что какое-то странное благоуханіе примѣшалось къ этой пыли—и болѣе онъ уже ничего не сознавалъ. Для него наступило блаженное, безсознательное состояніе.

Когда онъ очнулся, въ ушахъ его звучало слово «Филипъ», виски его страшно стучали и изо всего, что произошло въ послѣднія минуты, онъ сохранилъ воспоминаніе только о странномъ благоуханіи. Онъ лежалъ въ руслѣ засохшаго потока; на берегу вид-

нѣлась лошадь, подлѣ него стояла донна Долоресъ, нагнувъ къ нему свое темное, смуглое лицо.

— Постарайтесь встать и сѣсть на лошадь, сказала она.

Передъ Артуромъ находилась женщина, и, съ инстинктивнымъ, присущимъ всѣмъ мужчинамъ страхомъ выказать физическую слабость передъ слабымъ поломъ, онъ хотѣлъ подняться безъ ея помощи, но, увидавъ ея протянутую ручку, схватилъ ее и даже крѣпко пожалъ, несмотря на свое смущеніе.

— Вы явились ко мнѣ на помощь однѣ? спросилъ онъ, поднявшись на ноги.

— Отчего же нѣтъ? Мы теперь равны, донъ Артуръ, сказала донна Долоресъ съ очаровательной улыбкой: — я увидала васъ изъ окна. Вы поступили слишкомъ смѣло, извините меня, просто глупо. Самый старый *vachero* никогда не пойдетъ пѣшкомъ по этой равнинѣ. Не было времени сѣдлать другую лошадь, и я думала, что вы не захотите разгласить ваше приключеніе. Права я?

Въ глазахъ и въ очертаніи ея рта виднѣлась легкая иронія, но Артуръ схватилъ ея руку и почтительно поднесъ къ губамъ.

— Вы также умны, какъ храбры, донна Долоресъ, произнесъ онъ.

— Мы это увидимъ, отвѣчала она:—а теперь вы должны меня слушаться. Сядьте на лошадь; если вы слишкомъ слабы, то я вамъ помогу... и оставьте мнѣ мѣсто за вами.

Артуръ поспѣшно вскочилъ на лошадь. Ему казалось, что еслибъ у него были даже сломаны кости, то онъ для этого нашелъ бы достаточно силы. Черезъ мгновеніе, донна Долоресъ очутилась на сѣдлѣ за нимъ.

— Ну, теперь домой и поскорѣй: мы вернемся прежде, чѣмъ кто-нибудь догадается о нашемъ отсутствіи, сказала она, охвативъ его одной рукой за талію съ гордой небрежностью.

Артуръ пришпорилъ лошадь, и черезъ пять минутъ, которыя показались ему самыми короткими въ жизни, они уже были въ ранчѣ св. Троицы.

XXIII.

Домашняя жизнь мистера и мистрисъ Конрой.

Принятіе обитателями Одноконнаго Стана извѣстія о бракѣ Гэбріеля Конроя вполнѣ характеризовало эту откровенную и чистосердечную общину. Не касаясь вопроса объ его предъидущемъ

безстыдномъ ухаживаніи за мистрисъ Маркль (до чего оно дошло, не было вообще извѣстно въ станѣ), они ограничили свои возраженія противъ этой женитьбы тѣмъ, что невѣста была чужестранка, слѣдовательно, подозрительная личность, и что полезная, филантропическая дѣятельность Гэбріеля отъ этого сильно пострадаетъ. Кратковременность его ухаживанія не удивила никого въ мѣстности, гдѣ, благодаря климату, жатва быстро слѣдуетъ за посѣвомъ, а узнанный всѣми фактъ спасенія имъ своей невѣсты въ Черномъ Ущельѣ былъ признанъ достаточной причиной для объясненія его успѣха. Быть можетъ, нѣкоторые завидывали Гэбріелю, его преимуществу не въ храбрости, ловкости и силѣ, но въ счастьѣ, которое навело его на такой удачный случай.

— Подумайте только, говорилъ Джо Бригсъ:—я долженъ былъ въ это самое время идти въ Черное Ущелье охотиться за дичью и не пошелъ по глупости или, право, не знаю почему, а Гэбъ, которому тамъ и дѣлать было нечего, подвернулся и поймалъ хорошенькую дѣвочку и славную жену.

— Все—случай, отвѣчалъ Баркеръ:—вотъ, напримѣръ, Дудлей, у него денегъ куча и онъ такъ хочетъ жениться, что завтра ѣдетъ въ Сакраменто для прінсканія жены; сколько разъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по этому ущелью и никогда плотина не лопалась. Да вотъ я также: на прошлой недѣлѣ, фидльтаунскій дилижансъ опрокинулся на дорогѣ, я первый подскочилъ и помогъ выдти пассажирамъ. Кто же они оказались? Шесть китайцевъ, чортъ возьми! и толстый мясникъ. Ужь такая удача!

Для свадьбы не требовалось почти никакихъ приготовленій. Согласіе Олли не трудно было получить. Она была очень рада, что мистрисъ Маркль можно было такъ скоро отомстить. Преимущество надъ нею приличной чужестранки и поспѣшность сватовства казались Олли достойной карой легкомыслію мистрисъ Маркль. Что же касается до нея самой, то она не могла дать себѣ точнаго отвѣта, нравится ли ей будущая невѣстка: конечно, это была добрая, тихая женщина и, повидимому, любила Гэбріеля, но Олли повременамъ смутно сознавала, что мистрисъ Маркль была бы лучшей женой для Гэбріеля, и съ чисто женской непослѣдовательностью она тѣмъ болѣе ее ненавидѣла. Можетъ быть, она еще болѣе безсознательно чувствовала разочарованіе отъ неудавшагося сватовства.

По всей вѣроятности, мистрисъ Деваржъ никому не открыла, кромѣ своего стряпчаго, тайны принятія ею имени Грэсъ Конрой.

Но насколько она ему въ этомъ отношеніи довѣрилась, зналъ

только онъ одинъ; сохраняя эту тайну, онъ выслушалъ извѣстіе объ ея предполагавшемся бракѣ съ Гэбріелемъ съ снисходительной улыбкой человѣка, который считаетъ прекрасный полъ способнымъ на все.

— Теперь, вступая въ фактическое пользованіе землею, сказалъ мистеръ Максвель: — я полагаю, вы болѣе не будете нуждаться въ моихъ услугахъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, отвѣчала мистрисъ Деваржъ, слегка покраснѣвъ и съ искренностью, удивившей даже адвоката.

Насколько ея нарѣченный мужъ раздѣлялъ это довѣріе къ будущему, я не могу сказать. Въ краткую эпоху его ухаживанія, онъ съ гордостью говорилъ, что его невѣста была вдова знаменитаго доктора Деваржа, и его знакомство съ первымъ ея мужемъ объясняло отчасти въ глазахъ общества поспѣшность его брака.

— Подумать только, какой это хитрый человѣкъ, говорила Салли конфиденціально мистрисъ Маркль: — онъ возбуждалъ во всѣхъ сочувствіе къ своимъ страданіямъ въ Голодномъ Станѣ, а въ то же время велъ интрижку со вдовой одного изъ несчастныхъ. Неудивительно, что онъ—такой странный. То, что̀ вы принимали въ невинности своей души за застѣнчивость, были укоры совѣсти. Я вамъ никогда не говорила, мистрисъ Маркль, но всегда замѣчала, что Гэбъ не могъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

Злые языки могли бы замѣтить, что, такъ какъ у миссъ Сары глаза всегда больны, то физически было трудно мѣняться съ нею взглядами, но злые языки никогда не пользовались довѣріемъ этой здоровенной молодой особы.

Однажды, мѣсяцъ послѣ свадьбы Гэбріеля, мистрисъ Маркль сидѣла одна въ своей гостиной послѣ ужина, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла Салли. Было воскресенье, и Салли пользовалась праздникомъ для болтовни съ сосѣдками или кокетничанья съ молодежью Одноконнаго Стана, какъ сказали бы злые языки.

— Ну, Салли, ка̀къ поживаетъ молодая чета?

Салли слишкомъ хорошо знала всю цѣну принесенныхъ ей извѣстій, чтобъ ихъ сразу повѣдать, и потому прикинулась, что не понимаетъ своей госпожи. Только, когда та повторила свой вопросъ, она отвѣтила съ саркастическимъ смѣхомъ:

— Я не знаю, о какой молодой четѣ вы говорите; вѣдь, *ей*-то лѣтъ за сорокъ.

— Нѣтъ, Салли, вы ошибаетесь, замѣтила мистрисъ Маркль съ упрекомъ, не лишеннымъ, однако, нѣкоторой доли самодовольствія.

— Ну, если бѣлила, чужіе волосы и другія хитрости, продолжала Салли: — могутъ обмануть людей, то я—не изъ ихъ числа. Я, слава Богу, давно живу у женщины, которая открыто говоритъ, что ей тридцать три года, несмотря на то, что ея плечи и руки не уступятъ шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, и мнѣ ли не узнать, когда сорокалѣтняя старуха выдаетъ себя за двадцатилѣтнюю красавицу.

Мистрисъ Маркль слегка покраснѣла отъ комплимента Салли и замѣтила:

— Она многимъ нравится.

— У всякаго свой вкусъ, отвѣчала Салли.

— Ка̀къ они живутъ? спросила мистрисъ Маркль послѣ минутнаго молчанія, принимаясь снова за вязанье.

— Ну, не лучше того, что̀ я ожидала. Большой любви въ нихъ незамѣтно. По моему мнѣнію, она ему уже надоѣла. Она управляетъ всѣмъ домомъ и, напримѣръ, заставила бѣднаго Гэба разрывать весь горный скатъ. Онъ, дуракъ, бросилъ свою работу и принялся за это нелѣпое дѣло изъ угожденія женѣ, которая все же недовольна. Повѣрьте мнѣ, Сюзанъ Маркль, у нихъ что̀-то не ладно. Вотъ и Олли...

Мистрисъ Маркль поспѣшно подняла глаза и оставила работу.

— Олли! повторила она съ одушевленіемъ:—бѣдная, маленькая Олли! Что̀ вы узнали о ней?

— Я, право, никогда не видѣла ничего хорошаго въ этой дерзкой дѣвчонкѣ, отвѣчала Салли, нетерпѣливо качая головой: — особенно для женщины, у которой есть собственный ребенокъ. Вы не повѣрите, что, за день до свадьбы, она подошла ко мнѣ и сказала: «Салли, скажите мистрисъ Маркль, что мой братъ Гэбъ женится на настоящей лэди; въ нашемъ домѣ нѣтъ мѣста для дряни». И этой дѣвчонкѣ только восемь лѣтъ!

Къ чести женскаго пола, надо сказать, что мистрисъ Маркль не разсердили эти слова̀ ребенка, и она спокойно спросила:

— Что̀ же вы узнали объ Олли?

— Ей нѣтъ мѣста въ домѣ, и Гэбъ, по своей глупой слабости, позволяетъ женѣ дѣлать, что̀ она хочетъ. Неудивительно, что дѣвочка плакала, когда я ее встрѣтила въ лѣсу.

Мистрисъ Маркль вспыхнула, и черные ея глаза засверкали.

— Я желала бы, начала она, но тотчасъ спохватилась и прибавила:—Салли, мнѣ надо видѣть этого ребенка.

— Гдѣ?

— Здѣсь, или гдѣ хотите. Приведите ее, если можно.

— Она не пойдетъ.

— Такъ я пойду къ ней, отвѣчала мистрисъ Маркль съ неожиданной рѣшимостью, и тѣмъ разговоръ ихъ кончился.

Справедливы или нѣтъ были свѣдѣнія, сообщенныя Солли, но они нисколько не подтверждались внѣшними фактами. Повидимому, молодая чета была совершенно счастлива и довольна, такъ что всѣ обитатели Одноконнаго Стана завидовали ей болѣе, чѣмъ какой бы то ни было парочкѣ, свившей гнѣздо въ ихъ средѣ. Если же бо̀льшая часть общества, бывшаго въ домѣ Гэбріеля, состояла изъ мужчинъ, то это легко объяснялось значительнымъ преимуществомъ мужского пола надъ женскимъ въ Одноконномъ Станѣ, и по той же причинѣ всѣ мужчины превозносили до небесъ мистрисъ Конрой. Что̀ же касается до необыкновеннаго старанія Гэбріеля, который бросилъ участокъ въ оврагѣ и началъ рыть ямы по различнымъ направленіямъ на горномъ скатѣ, то онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ самолюбивымъ стремленіямъ недавно женившагося человѣка.

Спустя нѣсколько дней, Гэбріель Конрой сидѣлъ вечеромъ одинъ, у очага, въ своемъ новомъ домѣ, который, по мнѣнію мистрисъ Конрой и всѣхъ сосѣдей, былъ необходимымъ условіемъ его новаго положенія. Это жилище было обширное, роскошное, но, быть можетъ, менѣе удобное, чѣмъ его прежняя хижинка. Оно было выстроено въ кредитъ, постоянно открытый въ Одноконномъ Станѣ для семейныхъ людей, и состояло, кромѣ внутреннихъ комнатъ, изъ гостиной, въ которой, въ настоящую минуту, мистрисъ Конрой принимала гостей, засиживавшихся благодаря ея очаровательнымъ прелестямъ. Когда замеръ веселый говоръ и смѣхъ, то мистрисъ Конрой затворила дверь за послѣднимъ гостемъ и возвратилась въ комнату, гдѣ Гэбріель сидѣлъ въ темнотѣ на своемъ любимомъ мѣстѣ передъ очагомъ.

— Ты здѣсь? спросила она весело.

Гэбріель поднялъ голову и своимъ обычнымъ, серьёзнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Да̀.

Мистрисъ Конрой подошла къ своему повелителю и съ супружеской смѣлостью взъерошила его волосы своими тонкими, длинными пальцами. Онъ схватилъ ея руку и съ минуту подержалъ ее, но въ этой ласкѣ проглядывало какое-то смущеніе, непонравившееся его женѣ. Она немедленно выхватила свою руку и, пытливо смотря на него, спросила:

— Отчего ты не пришелъ въ гостиную?

*

— Мнѣ не хотѣлось, отвѣчалъ Гэбріель просто: — и я былъ увѣренъ, что ты обойдешься безъ меня.

Въ этихъ словахъ не слышалось ни малѣйшей горечи, и, хотя мистрисъ Конрой зорко слѣдила за нимъ, но не могла замѣтить какого-либо признака ревности. Смутно сознавая, что жена имъ недовольна, Гэбріель протянулъ руку, обнялъ ее за талію и потянулъ къ себѣ. Но въ этомъ движеніи было столько снисходительнаго состраданія къ слабому, въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, существу, что мистрисъ Конрой нисколько не успокоилась, а только подумала: «онъ обходится со мною, какъ съ больнымъ». Она тотчасъ встала и пересѣла на другую сторону камина. Гэбріель не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія, чтобъ ее удержать.

Мистрисъ Конрой не надула губъ, какъ сдѣлала бы другая женщина, а только горько улыбнулась, причемъ ея тонкій, прямой носъ еще болѣе удлиннился.

— Ты нездоровъ? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія, не смотря на него.

— Да̀, несовсѣмъ здоровъ.

Снова наступило молчаніе; оба они не сводили глазъ съ огня.

— Ты ничего не нашелъ еще на горномъ скатѣ? спросила мистрисъ Конрой съ нетерпѣніемъ.

— Ничего.

— Ты изслѣдовалъ весь скатъ?

— Весь.

— И ничего не нашелъ?

— Ничего, то-есть ничего годнаго. Золото, если оно тамъ и находится, лежитъ гораздо ниже въ оврагѣ, гдѣ я прежде работалъ. Ты знаешь, что я только взялся за это дѣло ради твоего каприза, Джули.

Страшная мысль блеснула въ головѣ мистрисъ Конрой. Неужели докторъ Деваржъ ошибся? Не описывалъ ли онъ найденное имъ сокровище въ минуту болѣзненнаго бреда или безумія? А можетъ быть, секретарь обманулъ ее насчетъ мѣстности? Она съ ужасомъ начала сознавать, что единственный выигрышъ отъ всѣхъ ея усилій и хитрыхъ плановъ былъ бракъ съ человѣкомъ, который не любилъ ея такъ, какъ она привыкла, чтобъ ее любили. Но всего хуже было сознаніе, что она сама начинала любить этого человѣка.

— Да̀, это былъ мой капризъ и, какъ оказывается, глупый, сказала она, смотря на мужа съ необычайнымъ для нея смире-

ніемъ:—но теперь онъ прошелъ, и ты не обращай на него вниманія.

— Я и не обращаю.

— Мнѣ казалось, что ты недоволенъ, сказала мистрисъ Конрой, закусивъ губу.

— Я думалъ не объ этомъ, а объ Олли, отвѣчалъ Гэбріель.

— Конечно, рѣзко воскликнула мистрисъ Конрой: — Олли, Олли, всегда Олли. Пора мнѣ къ этому привыкнуть.

— Да̀, спокойно произнесъ Гэбріэль:—я только-что думалъ о положеніи Олли, и нахожу, что вамъ лучше разойтись. Вы никогда не поладите и никакого толку изъ этого не выходитъ, Джули, а, главное, Олли нѣтъ никакой пользы.

Мистрисъ Конрой ничего не отвѣчала, но очень поблѣднѣла, что̀ не предвѣщало добра.

— Я всегда хотѣлъ отдать ее въ школу, продолжалъ Гэбріель: — но Олли—такая глупая, что не хочетъ со мною разстаться, да и я, кажется, не умнѣе и боюсь разлуки. Единственный выходъ...

Мистрисъ Конрой повернула голову и впилась своими сѣрыми глазами въ лицо мужа.

— Тебѣ лучше бы уѣхать на время, прибавилъ Гэбріель прежнимъ спокойнымъ тономъ:—я слыхалъ, что молодая всегда уѣзжаетъ погостить къ своей матери. У тебя нѣтъ матери? Жаль. Но ты говорила на-дняхъ, что у тебя дѣло въ Фриско—ну, и поѣзжай мѣсяца на два или на три, пока наши дѣла̀ съ Олли здѣсь устроятся. Это будетъ просто и естественно.

По всей вѣроятности, Гэбріель былъ единственный на свѣтѣ человѣкъ, отъ котораго мистрисъ Конрой выслушала бы подобное унизительное предложеніе. Всякаго другого она гнѣвно прервала бы на первомъ словѣ, а теперь она только отвернулась и съ истерическимъ смѣхомъ произнесла:

— Отчего же ограничить мой отъѣздъ двумя или тремя мѣсяцами?

— Хорошо, уѣзжай на четыре, отвѣчалъ Гэбріель просто: — тѣмъ намъ съ Олли будетъ болѣе времени на приведеніе всего въ порядокъ.

Мистрисъ Конрой встала и, подойдя къ мужу, глухо промолвила:

— А если я несогласна уѣхать?

Гэбріель подумалъ, что такое предположеніе не противорѣчило отвлеченному понятію о странныхъ капризахъ женщинъ вообще, но ничего не отвѣчалъ.

— А если, продолжала мистрисъ Конрой поспѣшно:—я ска-

жу, чтобъ ты убирался отсюда съ своимъ поганымъ отродьемъ? Если, прибавила она неожиданно, возвышая голосъ: — если я выгоню васъ обоихъ изъ моего дома, съ моей земли—что̀ тогда! Что̀? Что̀?

И она опустила свою тонкую, худощавую руку на могучія плечи Гэбріеля, тщетно стараясь пошатнуть его.

— Конечно, конечно, спокойно произнесъ Гэбріель:—но кто-то стучится, Джули.

Онъ медленно пошелъ къ наружной двери и, отворивъ ее, увидалъ передъ собою Олли и Салли. Послѣдняя заговорила прежде всѣхъ.

— Мы уже цѣлый часъ стучимся, сказала она:—я было и говорила себѣ, не надо безпокоить молодой четы, но, вѣдь, я пришла по дѣлу, иначе не стала бы нарушать ночью супружескихъ тайнъ. Я привела домой ребенка, мистрисъ Конрой, прибавила она, вбѣгая въ гостиную:—и...

Она вдругъ остановилась, увидавъ, что въ комнатѣ никого не было. Мистрисъ Конрой уже исчезла.

— Мнѣ казалось, что я слышала... начала озадаченная Салли, но Олли, съ чисто женскимъ тактомъ, перебила ее.

— Я вамъ говорила, что это—голосъ Гэба. Онъ разговаривалъ самъ съ собою. Благодарствуйте, Салли, за то, что вы меня проводили; прощайте.

И съ смѣлой рѣшительностью, приведшей въ восторгъ Гэбріеля, она взяла за руку Салли, довела ее до двери и захлопнула ее подъ носъ изумленной женщины прежде, чѣмъ та успѣла опомниться.

Послѣ этого, она возвратилась въ комнату, сняла шляпку и шаль, усадила брата на его прежнее мѣсто у камина, а сама помѣстилась на скамейкѣ между его колѣнами.

— Милый, старый Гэбъ, произнесла она, смотря ему прямо въ глаза и лаская его руку.

Неожиданная улыбка, освѣтившая задумчивое лицо Гэбріеля, еще болѣе вывела бы изъ себя мистрисъ Конрой, чѣмъ его слова̀.

— Въ чемъ дѣло, Гэбъ? продолжала Олли:—это она тебѣ говорила, когда мы вошли.

Со времени появленія сестры, Гэбріель совершенно забылъ слова̀ и тонъ мистрисъ Конрой.

— Право не помню, отвѣчалъ онъ, отворачиваясь отъ проницательнаго взгляда Олли: — она что̀-то говорила очень громко, вотъ и все.

— Но что̀ она хотѣла сказать, говоря, что домъ и земля принадлежатъ ей? спросила Олли.

— Женатые люди, Олли, имѣютъ свои привычки и шутки, отвѣчалъ Гэбріель важнымъ тономъ человѣка, опытнаго въ супружеской жизни:—ты не замужемъ и этого не понимаешь. Она только хотѣла сказать, что все ея—мое, а мое — ея, болѣе ничего. Ты хорошо провела время?

— Да̀, отвѣчала Олли.

— Тебѣ и здѣсь вскорѣ будетъ хорошо.

Олли недовѣрчиво взглянула на дверь, которая вела въ комнату мистрисъ Конрой.

— Вотъ видишь, Олли, продолжалъ Гэбріель:—мистрисъ Конрой уѣзжаетъ въ Фриско повидаться съ своими друзьями. Она очень желаетъ этой поѣздки, и ничто ее не удержитъ. Ты не знаешь, Олли, многихъ порядковъ супружеской жизни, потому что ты не замужемъ; между прочимъ, принято въ свѣтѣ, что молодые разстаются на время и посѣщаютъ своихъ друзей. Мистрисъ Конрой—свѣтская дама и привыкла слѣдовать модѣ; поэтому, она и уѣзжаетъ на три или четыре мѣсяца. Я, право, не помню, какой срокъ модный.

Олли бросила пытливый взглядъ на брата.

— Не уѣзжаетъ ли она изъ-за меня? спросила смѣтливая дѣвочка.

— Что̀ съ тобой! Откуда ты это взяла? произнесъ Гэбріель веселымъ тономъ: — она въ послѣднее время чрезвычайно тебя полюбила и только-что спрашивала съ безпокойствомъ, куда ты пропала.

Какъ будто нарочно для подкрѣпленія его добродушной лжи, хотя къ его величайшему удивленію, дверь въ комнату мистрисъ Конрой отворилась, и она сама вышла въ прелестномъ déshabillé. Съ любезной улыбкой и весело сверкающими, хотя нѣсколько красными глазами, она подошла къ Олли и поцѣловала ее.

— Мнѣ казалось, что я слышу твой голосъ, сказала она добродушно:—и хотя я уже ложилась въ постель, но мнѣ захотѣлось на тебя посмотрѣть. Гдѣ ты это была такъ поздно, гадкая дѣвочка? Я скоро стану ревновать мистрисъ Маркль. Ну, пойдемъ и разскажи мнѣ все, что̀ ты дѣлала. Ночуй сегодня у меня въ комнатѣ, а брату Гэбу ты не дозволишь подслушать нашихъ секретовъ, не правда-ли? Ну, пойдемъ!

Прежде, чѣмъ Гэбріель успѣлъ опомниться отъ удивленія, мистрисъ Конрой увлекла въ свою комнату полуобрадованную, полуиспуганную дѣвочку. Но онъ еще болѣе изумился, и вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоился насчетъ ребенка, когда, черезъ нѣсколько

минутъ, Олли высунула въ дверь свою курчавую головку и шутливымъ, ироническимъ тономъ воскликнула:

— Доброй ночи, старый Гэбъ!

Гэбріель хотѣлъ подойти къ ней, но она заперла эту дверь ему подъ носъ. Онъ совершенно пришелъ втупикъ. Неужели онъ ошибся, и гнѣвъ мистрисъ Конрой былъ только шуткой? Дѣйствительно ли Олли не любила его жены? На эти тревожные вопросы можно было отвѣтить только, что женщины—непостижимыя созданія.

— Женщины непослѣдовательны, и я менѣе всѣхъ могу ихъ понять, думалъ Гэбріель, удаляясь въ маленькую одинокую комнату, назначенную для Олли.

Утѣшившись этимъ размышленіемъ, онъ спокойно, какъ всегда, легъ спать.

XXIV.

Сокровище найдено и потеряно.

Чтò говорили между собою въ эту ночь мистрисъ Конрой и Олли—никогда впослѣдствіи не было узнано, и я боюсь, что мои читатели взглянутъ на послѣдующее ихъ поведеніе съ отвлеченной точки зрѣнія Гэбріеля. Чтò же касается читательницъ, справедливой и снисходительной оцѣнкѣ которыхъ я преимущественно посвящаю эти страницы, то, конечно, онѣ не потребуютъ дальнѣйшаго объясненія и охотно повѣрятъ, что, на другое утро, Олли и мистрисъ Конрой, повидимому, были величайшими друзьями и что обѣ онѣ стали обращаться съ Гэбріелемъ очень рѣзко, какъ онъ вполнѣ этого заслуживалъ.

— Ты ведешь себя, не такъ, какъ слѣдуетъ съ Джули, сказала Олли Гэбріелю, черезъ нѣсколько дней улучивъ свободную минуту, такъ какъ она теперь почти не разставалась съ мистрисъ Конрой.

— Я въ послѣднее время часто не бывалъ дома, видя, что я тебѣ и Джули вовсе ненуженъ, отвѣчалъ Гэбріель, смотря на сестру съ удивленіемъ.—Къ тому же, я столько потерялъ времени на изслѣдованіе горнаго склона, что теперь надо хорошенько поработать. У насъ большой недостатокъ провизіи, Олли, но не бойся. Я вскорѣ все приведу въ порядокъ.

— Дѣло вовсе не въ провизіи, Гэбъ! воскликнула Олли:—ты не ведешь себя, какъ слѣдуетъ мужу.

— Я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Гэбріель безъ малѣйшаго неудовольствія и задумчиво смотря на сестру: — я

прежде никогда не былъ женатъ и не знаю всѣхъ порядковъ супружеской жизни, а потому неудивительно, что женщина, привыкшая къ этой жизни, недовольна моею неопытностью. Къ тому же, Олли, ея первый мужъ былъ ученый, знаменитый ученый.

— Ты нехуже его, поспѣшно воскликнула Олли:—и я думаю, что она любитъ тебя гораздо болѣе. Но ты недовольно нѣженъ, Гэбъ. Вотъ, на прошлой недѣлѣ, у мистрисъ Маркль останавливалась молодая парочка; такъ мужъ окружалъ жену самыми нѣжными ласками: онъ подавалъ ей шаль, отворялъ и затворялъ окно, чтобъ ей не было душно или чтобъ не подулъ на нея вѣтеръ; каждую минуту онъ спрашивалъ объ ея здоровьѣ и постоянно сидѣлъ съ нею вотъ такъ.

И Олли, насколько могла, обняла своими маленькими рученками могучую грудь Гэбріеля.

— Ка̀къ, при всѣхъ? спросилъ Гэбріель, покраснѣвъ.

— Конечно, при всѣхъ. Молодая всегда любитъ доказывать всѣмъ, что она замужемъ.

— Олли! воскликнулъ съ отчаяніемъ Гэбріель:—твоя невѣстка— не такая женщина. Она, конечно, сочтетъ низкимъ подобное обращеніе.

— Попробуй, отвѣчала Олли съ хитрой улыбкой и убѣжала въ комнату мистрисъ Конрой.

По счастью для Гэбріеля, Джули не доставляла ему случая выказать своихъ нѣжныхъ чувствъ. Хотя она не упоминала о прошедшемъ и какъ будто забыла о недавней ссорѣ, она обращалась съ нимъ сдержанно, что̀ сильно поколебало его вѣру въ непогрѣшимость мнѣнія сестры. Когда же онъ, изъ повиновенія къ Олли, рѣшился, однажды въ воскресенье, обнять свою жену при публикѣ на единственной улицѣ Одноконнаго Стана, то мистрисъ Конрой преспокойно вывернулась изъ его рукъ.

— Я сдѣлалъ, что̀ ты мнѣ совѣтовала, сказалъ онъ потомъ Олли:—но ей это не понравилось, и даже товарищи сочли мое поведеніе страннымъ. Джо Гобіонъ даже громко разсмѣялся.

— Когда это было? спросила Олли.

— Въ воскресенье.

— Гдѣ?

— На большой улицѣ,

— Охъ! Господи, воскликнула Олли, поднимая глаза къ небу:— былъ ли когда на свѣтѣ такой олухъ, какъ ты!

— Можетъ быть и не было, отвѣчалъ Гэбріель задумчиво.

Ка̀къ бы то ни было, между этими тремя воюющими сторонами заключено было перемиріе, и мистрисъ Конрой не поѣхала

въ Сан-Франциско по дѣламъ, для успѣшнаго веденія которыхъ было, повидимому, достаточно частой переписки. Впродолженіе слѣдующихъ двухъ недѣль, она съ большимъ безпокойствомъ ожидала каждой почты, а въ одно прекрасное утро дилижансъ ей привезъ нетолько письмо, но гостя, играющаго значительную роль въ нашемъ разсказѣ.

Его пріѣздъ возбудилъ энтузіазмъ въ жителяхъ Одноконнаго Стана. Всѣмъ было извѣстно, что онъ—богатый банкиръ изъ Сан-Франциско, а его энергія, грубая рѣзкость, невозмутимый скептицизмъ и презрѣніе ко всему, что̀ выходило изъ практической, матерьяльной области, а главное, его слава, какъ успѣшнаго коммерческаго дѣятеля, плѣнили всѣхъ пассажировъ, пріѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ въ дилижансѣ. Они прощали ему отрывистыя дидактическія рѣчи, похожія на изреченія оракула, потому что онъ произносилъ ихъ самымъ добродушнымъ голосомъ, любезно хлопая, отъ времени до времени, по плечу своего собесѣдника. Онъ легко убѣдилъ ихъ въ превосходствѣ своихъ матеріалистическихъ принциповъ нестолько логичностью своихъ доводовъ, сколько успѣшностью своей практической дѣятельности. Не трудно было помириться съ скептицизмомъ человѣка, который, очевидно, отъ него нисколько не пострадалъ. Радикализмъ и демократизмъ гороздо привлекательнѣе для насъ, когда ихъ проповѣдуетъ не бѣднякъ въ лохмотьяхъ, а состоятельный, богатый человѣкъ. Люди жаждутъ плодовъ отъ древа познанія добра и зла, но предпочитаютъ получить ихъ отъ счастливаго обладателя ключа отъ эдемскаго сада, чѣмъ отъ похитителя, только-что изгнаннаго изъ его предѣловъ.

Однако, по всей вѣроятности, незнакомецъ, обладавшій этими славными качествами, не презиралъ людей, выказывавшихъ подобную слабость, какъ презираетъ ихъ авторъ этихъ строкъ и, надо надѣяться, всѣ читатели. Въ противномъ случаѣ, онъ врядъ ли былъ бы такъ счастливъ въ дѣлахъ. Какъ истинный герой, онъ не сознавалъ свойства своего героизма и не умѣлъ его анализировать. Такимъ образомъ, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, онъ отдѣлался отъ своихъ поклонниковъ и, не обманывая жителей Одноконнаго Стана насчетъ своихъ намѣреній и, въ то же время, не обнаруживая ихъ, онъ принялся за дѣло, для котораго нарочно прибылъ изъ Сан-Франциско. Общее мнѣніе приписывало ему планъ открытія новой линіи дилижансовъ изъ Сакраменто или устройства новой гостинницы въ Одноконномъ Станѣ, который, очевидно, обратилъ на себя особое вниманіе могущественнаго капиталиста. Каждый изъ мѣстныхъ жителей предлагалъ ему даромъ всевозможныя свѣ-

дѣнія, и изъ собранныхъ, такимъ образомъ, фактовъ, онъ почерпнулъ то, что ему было нужно, не прибѣгая ни къ какимъ разспросамъ. Достаточно кому-нибудь пользоваться славой проницательнаго и прозорливаго человѣка, чтобъ весь свѣтъ поставилъ его въ положеніе, въ которомъ эти качества становятся излишними.

Познакомившись съ шириной, длиной и толщиной, съ настоящимъ и будущимъ Одноконнаго Стана, онъ сказалъ своимъ провожатымъ, показывавшимъ ему все селеніе, когда они дошли до крайняго предѣла Одноконнаго Стана.

— Я теперь наведу справки, которыя вы у меня спрашиваете.

— Ка̀къ?

— По телеграфу, если вы отправите депешу.

И оторвавъ листокъ изъ записной книжки, онъ написалъ ножемъ нѣсколько словъ.

— А вы?

— Я еще похожу, хотя кажется здѣсь болѣе нѣтъ ничего замѣчательнаго.

— Нѣтъ, ничего; слѣдующій участокъ—Гэбріеля Конроя.

— Вѣрно, не важный?

— Да̀; Конрой только кормится.

— Ну, до свиданія, обѣдайте со мною въ три часа, гдѣ и ка̀къ хотите—вы лучше это знаете. Пригласите кого угодно.

И свита великаго дѣльца удалилась въ восторгѣ отъ его непостижимой энергіи и щедрости. Оставшись одинъ, незнакомецъ направилъ шаги къ участку Гэбріеля Конроя. Еслибъ онъ любилъ природу или поддавался вліянію ея дикой красоты на слабый человѣческій умъ, то его поразилъ бы постепенный переходъ пастушескаго пейзажа въ величественный горный видъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ миновалъ рядъ тѣнистыхъ сосенъ и очутился на обнаженномъ, сгорѣвшемъ отъ солнца горномъ скатѣ, на которомъ, вмѣсто зелени, виднѣлся шлакъ и сухой мохъ, осыпавшійся подъ его ногами, отчего восхожденіе становилось затруднительнымъ. Еслибъ онъ былъ ученый, то замѣтилъ бы тамъ и сямъ въ неожиданныхъ углубленіяхъ или возвышеніяхъ слѣды волканическихъ переворотовъ. Но я полагаю, что онъ ощущалъ только нестерпимую духоту. Взобравшись до половины горы, онъ снялъ сюртукъ и обтеръ лобъ платкомъ. Однако, по нѣкоторымъ особенностямъ его походки, видно было, что онъ привыкъ къ горной мѣстности. Достигнувъ вершины, онъ остановился и бросилъ взглядъ вокругъ себя.

Прямо подъ нимъ простирался оврагъ, кормившій золотымъ пескомъ жителей Одноконнаго Стана и, мало-по-малу, расширяв-

шійся въ обширную лѣсную долину. Изъ ея глубины доносилось нѣжное благоуханіе душистыхъ смолъ. На западѣ, чрезъ случайное отверстіе въ ущельѣ виднѣлась едва замѣтная, туманная полоса береговаго кряжа. Къ сѣверу и югу тянулись еще болѣе высокія горы съ узкими террасами, покрытыми прямыми колонадами сосенъ, въ виду чего, вершина, на которой онъ стоялъ, казалась еще чернѣе и обнаженнѣе. На востокѣ, между двумя громадными пиками, было какое-то странное, пустое пространство, но привычный глазъ незнакомца тотчасъ призналъ въ немъ снѣгъ и нѣсколько минутъ онъ не могъ оторваться отъ этого какъ бы чарующаго его зрѣлища.

На самой вершинѣ находился рядъ многочисленныхъ углубленій, недавно выкопанныхъ. Въ одномъ изъ нихъ незнакомецъ поднялъ обломокъ скалы и довольно небрежно осмотрѣлъ его. Потомъ онъ медленно спустился по отлогому западному скату, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ работалъ какой-то человѣкъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ рядомъ съ нимъ. Работникъ поднялъ голову и, опершись на заступъ, взглянулъ на пришельца. Его атлетическая фигура, окладистая русая борода и серьёзные, задумчивые глаза не могли принадлежать никому другому, какъ Гэбріелю Конрою.

— Ка̀къ вы поживаете? спросилъ поспѣшно незнакомецъ, протягивая руку, которую Гэбріель машинально пожалъ:—вы, навзглядъ—молодецъ. Я васъ помню, а вы меня, кажется, не признаёте. Не такъ ли?

Сказавъ это отрывистымъ, дѣловымъ тономъ, онъ бросилъ нетерпѣливый взглядъ на̀ Гэбріеля, который безпомощно смотрѣлъ на него. Какія-то смутныя воспоминанія воскресали въ его головѣ, но онъ не могъ себѣ дать яснаго о нихъ понятія. Вокругъ него была прежняя обстановка и, солнце также свѣтило, но это лицо, этотъ голосъ...

— Я пріѣхалъ по дѣламъ, прибавилъ незнакомецъ, устраняя вопросъ объ его признаніи, какъ не имѣвшій значенія:—что̀ вы можете мнѣ предложить?

— Это—Питеръ Думфи, произнесъ Гэбріель со страхомъ и какъ бы про себя.

— Да̀, вы меня признали. Я такъ и думалъ. Вѣдь прошло не болѣе пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись. Было тяжелое время, не правда-ли? А вы теперь, на взглядъ, молодецъ, вѣрно благоденствуете, а? Ну, что̀ вы думаете дѣлать съ этимъ участкомъ? Вѣроятно, вы ни на что̀ еще не рѣшились. Но я вамъ сдѣлаю предложеніе. Конечно, ваше право собственности основано на безспорномъ документѣ?

По глазамъ Гэбріеля, широко раскрытымъ отъ удивленія, Думфи ясно видѣлъ, что онъ его не понимаетъ, и потому прибавилъ, пристально смотря на него:

— Я говорю по дѣлу объ образцахъ, которые вы мнѣ прислали.

— Какіе образцы? спросилъ Гэбріель, все еще погруженный въ воспоминанія о прошедшемъ.

— Ваша жена мнѣ ихъ прислала, но вѣдь это все равно.

— Нѣтъ, не все равно, отвѣчалъ Гэбріель съ своимъ обычнымъ прямодушіемъ:—вы лучше поговорите съ нею. Это—ея дѣло. Да, я припоминаю, она говорила что посылаетъ какіе-то камни въ Фрàско для изслѣдованія, но меня это нисколько не интересовало и я не спрашивалъ подробно. Это—все ея затѣи, обратитесь къ ней.

Теперь, въ свою очередь, Думфи былъ внѣ себя отъ изумленія. Совершенно заблуждаясь на счетъ характера Гэбріеля, онъ подумалъ, что хитрый рудокопъ подъ маской простоты увертывается отъ прямаго отвѣта. Онъ хорошо помнилъ, что, въ первое время процвѣтанія конторы Думфи и Дженкинсъ, онъ постоянно отсылалъ людей, съ которыми не хотѣлъ вступать въ рѣшительныя объясненія, къ Дженкинсу, и потому полагалъ, что Гэбріель, по той же причинѣ, отсылалъ его къ мистрисъ Конрой.

— Конечно, я могу переговорить съ нею, отвѣчалъ онъ поспѣшно:—но у меня мало сегодня времени, а потому прямо обратился къ вамъ. Можетъ быть ,я не успѣю повидаться съ нею, но, во всякомъ случаѣ, вы можете мнѣ написать.

— Дà, дà, это все-равно; если вы ея не увидите, то я ей передамъ, что вы невиноваты, . сказалъ Гэбріель и покончивъ съ этимъ, по его мнѣнію, маловажнымъ вопросомъ, прибавилъ:—вы не слыхали ли чего нибудь о Грэсъ? Вы помните, Думфи, мою хорошенькую сестру Грэсъ. Не слыхали ли вы чего о ней, или не видали ли ея?

Этотъ вопросъ, въ подобную минуту, показался Думфи новой хитростью Гэбріеля. Ясно было, что мистрисъ Конрой во всемъ созналась своему мужу, и онъ хотѣлъ сдѣлать Думфи соучастникомъ обмана для бòльшаго успѣха предпріятія. Онъ чувствовалъ, что имѣлъ дѣло съ двумя первоклассными актёрами, изъ которыхъ одинъ былъ природный лицемѣръ. Впервые въ своей жизни зло показалось ему отвратительнымъ; мы никогда такъ не цѣнимъ искренности и правды, какъ видя отсутствіе ихъ въ нашемъ противникѣ.

— Она кажется бѣжала съ кѣмъ-то? сказалъ онъ:—Дà, дà, я

помню. Вамъ ея болѣе никогда не видать, и потому она для васъ все равно, что умерла.

Хотя Думфи былъ убѣжденъ, что Гэбріель только прикидывался нѣжнымъ братомъ, онъ надѣялся, что это колкое замѣчаніе затронетъ его сердце. Но Гэбріель не понялъ ядовитаго намёка и, видя, что Думфи собирается уйти, сказалъ съ неожиданнымъ жаромъ:

— Не можете ли вы остаться немного и поговорить о старинѣ. Олли была бы очень рада васъ видѣть. Вы помните маленькую сестру Грэсъ; она стала теперь славной дѣвочкой. Пойдемте къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ поспѣшно Думфи:—мнѣ теперь не время. Заверну въ другой разъ. Прощайте.

Съ этими словами онъ повернулся и пошелъ назадъ, пока не скрылся за окружающею листвой. Тогда онъ остановился и, перейдя черезъ вершину горы, прямо направился къ жилищу Гэбріеля.

Мистрисъ Конрой ожидала его; она замѣтила его издали на опушкѣ лѣса, потому что отворила ему дверь и провела прямо въ гостиную съ такой любезностью и въ такомъ кокетливо-граціозномъ костюмѣ, что всякому человѣку на мѣстѣ Думфи грозила бы серьёзная опасность. Но онъ, подобно большинству людей, имѣющихъ дурную славу между женщинами, строго отдѣлялъ ухаживаніе за ними отъ своей комерческой дѣятельности.

— Я могу у васъ остаться только нѣсколько минутъ, сказалъ онъ:—очень жаль, но надо ѣхать. Вы, кажется, процвѣтаете?

Мистрисъ Конрой отвѣчала, что она не надѣялась на личное свиданіе съ мистеромъ Думфи, который всегда такъ занятъ.

— Да̀, произнесъ онъ:—но я люблю самъ передавать хорошія вѣсти. Присланные вами образцы изслѣдованы первоклассными, надёжными учеными. Дѣльце выходитъ славное. Золота нѣтъ, но 80% серебра. Что̀? Вы, можетъ быть, этого ожидали.

По лицу мистрисъ Конрой ясно было видно, что она никогда не питала подобныхъ надеждъ.

— Серебро, промолвила она, съ трудомъ переводя дыханіе:— 80% серебра!

Думфи былъ удивленъ, но успокоился. Очевидно, она не обращалась ни къ кому другому за совѣтомъ, и потому онъ могъ предлагать свои условія.

— Чего же вы желаете? Вашъ планъ? спросилъ онъ коротко.

— Не знаю, я еще не думала, начала мистрисъ Конрой, но Думфи ее перебилъ:

— Вы не имѣете никакого плана. Вы не имѣете мнѣ ниче-

го предложить. Время дорого. Выслушайте мой планъ. Руда въ 80%—дѣло богатое, но серебряную руду пустить въ ходъ гораздо дороже, чѣмъ золотую. Сначала будутъ однѣ издержки—20%. Вотъ мое предложеніе: составить акціонерную компанію, въ сто паевъ на 5.000,000 капитала; вы возьмете 50 паевъ, я 25, а остальные помѣщу, кàкъ удастся. Чтò вы на это скажете? Не можете сразу рѣшиться? Ну, подумайте.

Но мистрисъ Конрой могла думать только объ одномъ: о $2^1/_2$ милліонахъ. Эта чудовищная, соблазнительная цифра сверкала передъ ея глазами.

— Эти деньги... вѣдь, только въ будущемъ! сказала она блѣдная, взволнованная.

— Реализируйте свои паи черезъ десять минутъ послѣ ихъ выпуска. Это—коммерческое дѣло!

Въ виду этой возможности получить немедленно громадную сумму, мистрисъ Конрой успокоилась и медленно произнесла:

— Я... поговорю... съ мужемъ.

Думфи улыбнулся открыто, дерзко, и мистрисъ Конрой тотчасъ покраснѣла, но не потому что Думфи отгадалъ ея хитрость, а отъ боязни, что онъ зналъ равнодушіе къ ней мужа.

— Я уже видѣлся съ нимъ, отвѣчалъ спокойно Думфи.

— Онъ объ этомъ ничего не знаетъ, промолвила дрожащимъ голосомъ мистрисъ Конрой и страшно поблѣднѣла.

— Конечно, замѣтилъ презрительно Думфи:—онъ мнѣ такъ и сказалъ и послалъ къ вамъ. Хорошо, это—коммерческое дѣло.

— Вы ему не говорили, вы не смѣли...

Думфи посмотрѣлъ съ любопытствомъ на мистрисъ Конрой, потомъ всталъ, затворилъ дверь и произнесъ, не сводя съ нея глазъ:

— Вы хотите меня увѣрить, что вашъ мужъ сказалъ правду, что онъ ничего не знаетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вы явились сюда.

— Онъ ничего не знаетъ, клянусь небомъ! воскликнула мистрисъ Конрой.

Это было непонятно, но Думфи ей повѣрилъ.

— Кàкъ же вы теперь ему объясните? спросилъ онъ:—вѣдь, безъ него ничего нельзя сдѣлать.

— Зачѣмъ ему знать болѣе? Онъ нашелъ руду и она—его, безъ всякаго дара съ моей стороны. По закону, онъ—собственникъ руды, на чьей бы землѣ ее ни нашелъ. Взявъ на себя роль его сестры, я предъявляла свои правà на землю, но онъ открытіемъ руды придалъ ей цѣнность, которой она прежде не

имѣла. Даже его сестра, прибавила она, сверкая глазами:—если-бы была въ живыхъ, не можетъ у него отнять руды.

Она была права. Женщина, слабостью которой онъ хотѣлъ воспользоваться, перехитрила ихъ всѣхъ и выскользнула изъ его рукъ. И какъ она сдѣлала это просто. Онъ былъ ловко проведенъ, но не могъ скрыть своего восхищенія и откровенно произнесъ:

— Отлично! Вотъ такъ коммерческое дѣло!

Но въ эту минуту, умная женщина, ловкая искательница приключеній, торжествующая побѣдительница, заплакала и стала просить побѣжденнаго Думфи не говорить ничего ея мужу. При этомъ доказательствѣ всеобщей женской слабости, Думфи мгновенно оправился и сказалъ отрывисто, но не безъ нѣкотораго сочувствія:

— Чѣмъ вы можете доказать, что вашъ мужъ первый открылъ эту руду? Не будетъ ли бумага, данная докторомъ Деваржемъ сестрѣ вашего мужа, безспорнымъ доказательствомъ, что не ему, а доктору принадлежитъ право открытія руды?

— Да̀, но докторъ Деваржъ умеръ, а бумага, о которой вы говорите, у меня въ рукахъ.

— Хорошо, произнесъ Думфи и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ:—у меня остается только шесть минутъ; выслушайте меня. Я не буду отрицать, что вы поступили въ этомъ дѣлѣ дьявольски хитро и можете дѣйствовать теперь однѣ, безъ моей помощи; но, вѣдь и я вмѣшался въ эту исторію не безъ разсчета на прибыль. Это—коммерческое дѣло. Подумайте, мы другъ друга знаемъ насквозь, и не выгоднѣе ли вамъ устроить это дѣльце вмѣстѣ со мной, а не искать чужой помощи. Вы понимаете? Вамъ не трудно найти въ Сан-Франциско десятокъ людей, которые предложатъ вамъ болѣе выгодныя, чѣмъ я, условія. Но ни одинъ изъ нихъ не будетъ имѣть такого побужденія скрыть ваше прошедшее, какъ я. Вы понимаете?

— Вы сохраните мою тайну отъ всѣхъ и отъ *него*? отвѣчала мистрисъ Конрой, протягивая руку.

— Конечно, это—коммерческое дѣло.

Съ этими словами оба хитреца пожали другъ другу руку съ чувствомъ искренняго уваженія, и мистеръ Думфи отправился обѣдать.

Не успѣла мистрисъ Конрой затворить за нимъ дверь, какъ Олли выбѣжала изъ внутреннихъ комнатъ; она схватила дѣвочку за плечи и, обнявъ, стала съ жаромъ цаловать. Но Олли вырвалась изъ ея рукъ и нетерпѣливо воскликнула:

— Пустите меня, мнѣ надо его видѣть.